Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2020 – № 2 (21)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2020

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski philological bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – № 2 (21) – 285 с. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21
2020, № 2 (21). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **С. А. Засорин,** кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова,** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай,** доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
10.01.01 – Русская литература (филологические науки) 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.05 – Романские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 24.00.01 – Теория и история культуры (искусствоведение, культурология, исторические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Регистрационный номер средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.
Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2020
© Авторы статей, 2020

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2020. – № 2 (21). – 285 pages. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21

2020, № 2 (21). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, professor of russian language, Middleberry college (USA); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **Jef Verschueren**, doctor of philology, professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **E. I. Goroshko**, doctor of philological sciences, doctor of socialogical sciences, professor, head of department of cross-cultural communication, Kharkov polytechnical institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova,** doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department,Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee**; G. E. Kreidlin**, doctor of philological sciences, professor, department of russian language, Institute of linguistics, Russian state university for humanities; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, doctor of philological sciences, professor, department of english language, Military university of Ministry of defence (Moscow); **Ivo Pospishyl**, doctor of philology, professor, head of Institute of slavic philology of philosophy faculty of Masayk university, Brno (Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of social communications, Mariupol state university (Ukraine); **Renate Rathmayr**, doctor of philology, professor, head of department of slavic languages, Vienna university of economics (Austria); **I. B. Rubert**, doctor of philological sciences, professor of department of language theory and theory of translation of humanitarian faculty of Saint-Petersburg state university of economics and finance; **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, doctor of philological sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, director of center of communicative researches, professor of department of general linguistics and stylistics of Voronezh state university; **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Evelyne Enderlein**, doctor of philology, professor Emeritus of Strasburg university, vice-president of russian philology association in France (France); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky ; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:
10.01.01 – Russian literature (philological sciences), 10.01.10 – Journalism (philological sciences), 10.02.01 – Russian language (philological sciences), 10.02.04 – German languages (philological sciences), 10.02.05 – Romance languages (philological sciences), 10.02.19 – Theory of language (philological sciences), 24.00.01 – Theory and history of culture (art criticism, culturalogical sciences, historical sciences)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Mass media registration:
The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media
PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal «Verhnevolzhski philological bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2020
© Authors of the articles, 2020

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 2 (21) – 2020

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

Ермолаева Н. Л. Многозначность образа камня в эпическом мире романной трилогии И. А. Гончарова ____ ***8***

Мельник В. И. Проблема романной трилогии И. А. Гончарова и его конфликт с И. С. Тургеневым ____ ***17***

Ильинская Т. Б. Роль фельетонной критики в формировании репутации писателя: Н. С. Лесков и Виктор Бибиков ____ ***29***

Коптелова Н. Г. «Юбилейная» чеховиана Д. В. Философова ____ ***35***

Иванов Н. Н., Зимина Л. И. Царство «небесно-земное, духовно-плотское»: рецепция мотивов Гёте в творческой эволюции М. Пришвина ____ ***43***

Макарова С. А. Творческие поиски и художественные стратегии М. Горького: между стихом и прозой ____ ***49***

Ковалев Б. В., Жуков А. П. Имена собственные в рассказе В. В. Набокова «Месть»: семантика и претексты ____ ***56***

Беляева Н. В. Актуализация интертекстуальных связей в современной поэзии ____ ***65***

Кучина Т. Г., Ахапкина Д. Н. Поэтика комического в parodia sacra (на материале «Богослужения игроков» и «Всепьянейшей литургии») ____ ***71***

Болдырева Е. М., Калинина Т. Ж. Мотивные переклички в романах Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Лизы Си «Снежный Цветок и заветный веер» ____ ***80***

Журналистика

Новичихина М. Е., Самойленко Н. С. Новые медиа и новые функции медиатекста: к вопросу о трансформации современной журналистики ____ ***92***

Кузьмин А. В., Хамарханова Е. В. Оценка эффективности пресс-службы промышленного предприятия: вопросы методологии ____ ***100***

Колышкина Т. Б., Шустина И. В. Реализация коммуникативных стратегий на примере передачи Н. Самойловой «Бизнес наизнанку» ____ ***109***

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

Беглова Е. И. Особенности колоративной лексики в романе А. Белого «Москва» ____ ***116***

Воронцова И. А. Прецедентность как маркер авторского стиля ____ ***123***

Громыко С. А. Русско-польский кросснационалистический дискурс в Государственной думе Российской империи: риторико-прагматический аспект ____ ***130***

Беренкова В. М. Антропонимичные авторские новообразования с семой «внешность» (на материале фэнтези-трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец») ____ ***140***

Баринова О. М. Зеркало чувства: эмотивная лексика как средство предикации в письмах И. С. Тургенева к Ю. П. Вревской (1873–1877 гг.) ____ ***147***

Лукин О. В. Русские грамматики Н. И. Греча и их немецкие источники ____ ***158***

Северская О. И. «Бог – Эдип – Отец»: лингвистическая «теософия» метареализма ____ ***164***

Германские языки

Лапковская Н. С. Репрезентация температурного признака погоды лексико-семантических вариантов прилагательных английского языка ____ ***173***

Сергеева Ю. М., Голубева С. А. Лингво-прагматические особенности формирования перцептуального пространства в эгоцентричном художественном тексте ____ ***179***

Плоцкая Ю. В. Полисемия в немецком стоматологическом дискурсе ____ ***187***

Романские языки

Бутько Ю. В. Взаимодействие вербальных и невербальных компонентов в креолизованных текстах Жана Эффеля ____ ***194***

Косогорова Х. Г., Наместникова А. В. Языковая реализация концепта «запах» (на материале французской версии романа П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы») ____ ***204***

Овчинникова А. С. Переводный текст как вид межкультурной интеракции (на примере романских переводов В. С. Высоцкого) ____ ***212***

Овчинникова Г. В. Словообразовательные и словопроизводственные процессы в формировании сан-антонионизмов Фредерика Дара ____ ***218***

Солнцева А. В. Разграничение полипредикативных конструкций с сочинительной связью во французском языке ____ ***223***

Скуратов И. В. Спорные вопросы русской и французской лексикографии XXI века ____ ***232***

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Хренов Н. А. От идеологии к цивилизации: трансформация коллективной идентичности современной России как следствие культурологического поворота ____ ***238***

Пермиловская А. Б. Символика мирового дерева и креста в традиционной культуре и христианстве ____ ***245***

Личак Н. А., Заседателев Ю. А., Тюкина Л. А. Сохранение памятников усадебной культуры Владимирской губернии в 1920-х гг. ____ ***251***

Добрецова С. А. Особенности презентации частного музея в городском пространстве: «Музыка и время» ____ ***255***

Новиков М. В., Морозов А. С. Культурная дипломатия СССР в странах Запада в годы холодной войны ____ ***264***

Тарумова Н. Т. Актуализация историко-культурного мира поэтов Московского университета в коммуникационном пространстве Internet ____ ***271***

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ____ **279**

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific Journal
Published since 2015
№ 2 (21) – 2020

«The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Russian literature

Ermolaeva N. L. Multiple meanings of the image of stone in the epic world of the novel trilogy by I. A. Goncharov ____ ***8***

Melnik V. I. The problem of novel trilogy of I. A. Goncharov and his conflict with I. S. Turgenev ____ ***17***

Ilinskaya T. B. N. S. Leskov and Victor Bibikov: the role of feuilleton criticism in the formation of a writer's reputation ____ ***29***

Koptelova N. G. «Jubilee» Chekhovian by D. V. Filosofov ____ ***35***

Ivanov N. N., Zimina L. I. Kingdom of «heaven and earth, spiritual and fleshy»: reception of Goethe's motifs in creative evolution of M. Prishvin ____ ***43***

Makarova S. A. Creative searchings and artistic strategies of M. Gorky: between verse and prose ____ ***49***

Kovalev B. V., Zhukov A. P. Proper names in the story of V.V. Nabokov «Revenge»: semantics and pretexts ____ ***56***

Belyaeva N. V. The actualization of intertextual connections as a means of understanding of modern poetry ____ ***65***

Kuchina T. G., Ahapkina D. N. Poetics of comic in parodia sacra (on the basis of «Officium Lusorum» and «Confitemini dolio») ____ ***71***

Boldireva E. M., Kalinina Z. S. Motivated roll calls in Guzel Yahina's novels «Zuleikha Opens Eyes» and Lisa See's «Snow Flower and the Secret Fan» ____ ***80***

Journalism

Novichihina M. E., Samoilenko N. S. New media and new media text functions: to the question of the transformation of modern journalism ____ ***92***

Kuzmin A. V., Hamarhanova E. V. Effectiveness assessment of industrial enterprise press-service: methodological problems ____ ***100***

Kolishkina T. B., Shustina I. V. The implementation of communication strategies on the example of N. Samoilova's «Business inside out» broadcast ____ ***109***

LINGUISTICS

Russian language

Beglova E. I. The peculiarities of colorative vocabulary in the novel «Moscow» by Andrei Bely ____ ***116***

Vorontsova I. A. Precedence as an author's individual style marker ____ ***123***

Gromiko S. A. Russian-Polish cross-nationalist discourse in Russian Empire State Duma:rhetorical and pragmatic aspects ***130***

Berenkova V. M. Antroponymic author's neologisms with the seme «appearance» (on thematerial of fantasy-trilogy of J. R. R.Tolkien) ***140***

Barinova O. M. The mirror of feelings: emotive lexis as a means of prediction in the letters of I. Turgenev to Yu. Vrevskaya (1873–1877) ***147***

Lukin O. V. N. I. Grech's russian grammar books and their german sources ***158***

Severskaya O. I. «God – Edip – Father»: linguistic «theosophy» of metarialism ***164***

Germanic languages

Lapkovskaya N. S. The representation of temperature attribute of weather of lexical semantic variation of english adjectives ***173***

Sergeeva Y. M., Golubeva S. A. Lingvo-pragmatic peculiarities of ego-centric fictional text of perceptual space formation ***179***

Plotskaya Y. V. Polysemy in german dental discourse ***187***

Romance languages

Butko Y. V. The interaction of verbal and non-verbal components in creolized texts of Jean Effel ***194***

Kosogorova H. G., Namestnikova A. V. Linguistic implementation of the concept of ‘smell’ (on the basis of the french version of ‘Perfume. The story of a murderer’ by Patrick Süskind) ***204***

Ovchinnikova A. S. Translated text as a kind of intercultural interaction(on the example of romance languages translations of V. S. Visotsky) ***212***

Ovchinnikova G. V. Word-formation and word-production processes in the formation of san-antonionisms of Frederick Dar ***218***

Solntseva A. V. Distinguishing of polypredicative constructions with a co-ordinating link in the french language ***223***

Skuratov I. V. Controversial questions of Russian and french lexicography in the XXI century ***232***

CULTURAL SCIENCE

Hrenov N. A. From ideology to civilization: modern Russia collective identity transformation as a consequence of culturological turn ***238***

Permilovskaya A. B. The symbolism of world tree and cross in a traditional culture and Christianity ***245***

Lichak N. A., Zasedatelev Y. A., Tukina L. A. The preservation of monuments of manor culture of Vladimir province in the 1920s: on the question of sources ***251***

Dobretsova S. A. Presentation peculiarities of a private museum in a city space: «Music and time» ***255***

Novikov M. B., Morozov A. S. Soviet cultural diplomacy in the Western countries during the Cold War ***264***

Tarumova N. T. The actualization of historical and cultural heritage of Moscow university poets in the Internet communication space ***271***

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS **283**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

УДК 821.161.09»19»

Н. Л. Ермолаева **https://orcid.org/0000–0001–6759–3590**

Многозначность образа камня в эпическом мире романной трилогии И. А. Гончарова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00102

Для цитирования: Ермолаева Н. Л. Многозначность образа камня в эпическом мире романной трилогии И. А. Гончарова // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 8-16. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-8-16

Автор статьи исходит из убеждения, что особенностью эпического мышления И. А. Гончарова является его обращение к архетипическим образам. В статье рассматривается специально не привлекавшая внимание исследователей художественная функция образа камня в романной трилогии Гончарова. Анализ произведений осуществлён в соответствии с задачей статьи: показать образ камня как одну из «нитей», скрепляющих три романа в эпическую трилогию, проследить развитие связанных с ним сюжетных линий, выявить многозначность этого образа в контексте каждого из произведений. В статье доказывается, что Гончаров использует множество значений образа камня, осмысленных в народной культуре («камень преткновения», «камень на душе», «бросить камень», «как камень на голову», «пробный камень», «каменная стена», «сердце не камень» и др.), и открывает новые. Все фразеологизмы писатель наполняет нравственно-психологическим и изобразительным смыслом. В «Обыкновенной истории» сюжет строится как рассказ о постепенном превращении в камень сердца главного героя, в «Обломове» и «Обрыве» появляется мотив оживления каменной статуи.

Ключевые слова: архетип, образ камня, сюжет, фразеологизм, психологизм, пластичность, Петербург, светское общество, мотив окаменения, оживление статуи, эпический мир.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

N. L. Ermolaeva

Multiple meanings of the image of stone in the epic world of the novel trilogy by I. A. Goncharov

The author of the article comes from the assumption that using archetypes is one of the features of the epic thinking of I. A. Goncharov. The article deals with one of such problems that has not attracted the attention of the researchers yet, namely the artistic function of image of stone in the novel trilogy by I. A. Goncharov. The analysis is done according to the aim of the article: to show the image of stone as one of the connectors unifying the three novels into one epic trilogy, to trace the development of the plot lines associated with it and to reveal the multiple meanings of this image in the context of each of the works of art. The article proves that I. A. Goncharov uses a variety of meanings of the image of stone interpreted in the folk culture («stumbling block», «a heavy weight on the heart», «to cast a stone», «to fall plumb at one's feet», «a touchstone», «a stonewall», «one's heart is not a stone» etc.) and invents his own ones. All these phraseological units are filled with a moral psychological and visual sense. The plot of the novel «A Common

© Ермолаева Н. Л., 2020

Story» is organized as the story about a gradual petrification of the heart of the main character, «Oblomov» and «The Cliff» contain the motive of revitalization of a stone statue.

Key words: archetype, the image of stone, plot, phraseological unit, psychological depiction, plasticity, Saint-Petersburg, secular society, petrification motif, revitalization of a statue, epic world.

Эпический характер дарования И. А. Гончарова предполагает ёмкие и глубокие обобщения, обращение к образам-архетипам, в которых отразилось общенародное сознание. Писатель не раз указывал на героев и мотивы, объединяющие три его романа «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв». Для современного гончарововедения очевидно, что связующими нитями в этой трилогии являются и архетипические образы, мифологические сюжеты. Ю. В. Доманский считает, что во многих научных областях, в том числе и в литературоведении, «архетип понимается как универсальный прасюжет или праобраз, зафиксированный мифом и перешедший из него в литературу» [Доманский, с. 19–20]. По выражению К. Г. Юнга, «говорящий праобразами говорит как бы тысячью голосов…» [Юнг, с. 230]. В мифологическом подтексте трилогии Гончарова в многочисленном ряду архетипических образов значительное место принадлежит образу камня. Камень в народной традиции всегда ассоциировался с устойчивостью, постоянством, опорой, считался центром мира, замком, скрепляющим небо и землю. В христианском понимании камень – это оплот веры. С этим образом связывается и магическое, тайное начало жизни, а также множество скрытых положительных и отрицательных смыслов [Славянская мифология, с. 219]. В наш язык давно вошли такие выражения, как «пробный камень», «камень преткновения», «камень на сердце», «сердце не камень», «философский камень» и др. Анализируя романы Гончарова, мы ставим для себя задачу показать образ камня как одну из «нитей», скрепляющих три романа в эпическою трилогию, проследить развитие связанных с ним сюжетных линий, выявить многозначность этого образа в каждом из романов, увидеть, как архетипы «подчиняются задачам и целям самовыражения автора» [Ходанен, с. 18].

Образ камня встречается в произведениях многих русских писателей XIX–XX вв. Гончаров, несомненно, учитывал богатую литературную традицию и осваивал находки предшественников. Более других близко ему творчество А. С. Пушкина, в произведениях которого не раз осмыслена антиномия «волна и камень» [Бочаров, с. 347–360]. В романе «Евгений Онегин» архетипическое значение образа камня использовано как средство психологической и нравственной характеристики героев, в нём появляются мотивы «города камня» Петербурга, «модного света», того, что «ненавидит» антипод Онегина, романтик Ленский, ставший одним из литературных прототипов героя-идеалиста (Александра Адуева, Обломова, Райского) у Гончарова. Каждому из этих героев писателя предстоит испытать на себе влияние города-камня, столкнуться с петербургским светом.

По характеристике В. Н. Топорова, Петербург – город «бездушный, казенный, казарменный, официальный, неестественно-регулярный, абстрактный, неуютный, выморочный, нерусский», но в то же время «цивилизованный, культурный, планомерно организованный, правильный, гармоничный» [Топоров, с. 206]. Таким разным и видел Петербург Гончаров. Однако в его романах город Петра показан с точки зрения не только автора, но и героев – Александра Адуева, Обломова, Райского, – а потому он близок образу Петербурга Достоевского, о «космосе» которого Г. Д. Гачев писал: «Камень – кесарево начало. Это прежде всего сам город Петербург, его дома, стены, заставы, дворы, его ритм и климат. Это служба, «должность»... Это порядок, социум. Запад, рассудок, логика» [Гачев, с. 231].

В «Обыкновенной истории» сюжетное действие литературоведы связывают с духовным взрослением главного героя Александра Адуева [Отрадин, с. 24–93]. Глубинные смыслы образа камня открываются читателю при понимании процесса постепенного охлаждения и превращения в камень его сердца. Вслед за Пушкиным Гончаров актуализирует нравственно-психологические значения образа, он подчеркивает типичность и неизбежность превращения в «великолепной гробнице» [Гончаров, Т. 1, с. 425] Петербурге сердца человека в камень. По мысли Гончарова, с его героем происходит вполне «обыкновенная история».

Покидая отеческий дом (уподобляющийся в романе райскому саду), Александр Адуев оказывается в столице и видит совершенно иной пейзаж: «Одни трубы да крыши, да чёрные, грязные, кирпичные бока домов; на него наводили

тоску эти однообразные каменные громады, которые, как колоссальные гробницы, сплошною массою тянутся одна за другою... дома и дома, камень и камень» [Гончаров, Т. 1, с. 204]. Мы считаем, что точка зрения героя в данной ситуации наиболее близка к авторской: он «походил на один из тех сказочных городов, где всё, по мановению волшебника, вдруг окаменело» [Гончаров, Т. 1, с. 251].

Интересна роль Медного всадника в романе, который выглядит как придорожный камень, встреча с которым должна решить судьбу героя согласно его выбору. Живя в каменном городе, Александр забывает наказ матери поститься и посещать церковь: в финале романа Евсей расскажет о том, что молодой барин в церковь «почти, можно сказать, что и не ходили... там господа, почесть, мало ходят в церковь...» [Гончаров, Т. 1, с. 437]. А Пётр, имя которого означает «камень» [Жития Святых, с. 683], давно проникся духом этого города. Дядя по-своему расправляется с дорогими для племянника «вещественными знакам невещественных отношений», привезёнными из деревни. Пётр выбрасывает в окно символы романтических увлечений Александра: комок бумаги с волосами и колечком Софьи, который «упал в канал, на край барки с кирпичами, отскочил и прыгнул в воду» [Гончаров, Т. 1, с. 213]. Холодная, мёртвая сила камня в этом эпизоде заодно с губительной силой воды. Мать Александра не случайно, провожая сына в Петербург, назвала этот город омутом, а когда она ждёт сына, ей снится сон, что он возвращается «из омута… от водяных» [Гончаров, Т. 1, с. 430]; у заскучавшего в деревне по Петербургу Александра «сердце просилось в омут, теперь уже знакомый ему» [Гончаров, Т. 1, с. 448].

Те препятствия, которые Александр Адуев встречает в Петербурге, могут быть осмыслены и как «камень преткновения», о который ему предстоит споткнуться, приобрести новый жизненный опыт. После разрыва отношений с Наденькой в романе появляется ситуация, когда герой, что называется, «тешится на камне». Гончаров предлагает как бы разные варианты этой истории. В комическом варианте герой после разрыва с Наденькой, по словам дворника, «ревёт, словно зверь» [Гончаров, Т. 1, с. 291], сидя на каменной лестнице, что даёт повод дворнику заподозрить его в потере денег. Другой, казалось бы более серьезный вариант: Александр плачет, жалуется Петру на свои душевные терзания, на изменщицу-возлюбленную. Но слезы племянника падают на «каменное сердце» дяди и не находят отклика, он не склонен всерьёз воспринимать их.

Здесь уместно провести параллель со сказочным героем, плачущим на камне и в результате обретающим волшебных помощников, которые дают необходимые знания и силу [Демиденко, с. 86]. Для Александра такими помощниками становятся Лизавета Александровна, но в известном смысле, и дядя, и старик Костяков, фамилия которого по значению близка слову «камень». При этом актуализируется ещё одно значение слова «камень»: драгоценным камням издавна приписывались целительные свойства. Однако душевному исцелению Александра не способствует помощь людей с окаменевшими сердцами – Петра и Костякова. Спасти героя сможет лишь тётка, к чему призывает героиню значение её имени: Лизавета – «почитающая Бога» [Жития Святых, с. 690]. И хотя она далека от веры (мать Александра назовёт её «мерзавкой» [Гончаров, Т. 1, с. 436], т. е., богопротивной), на слёзы Александра откликнется её сердце, она утешит героя и поможет ему осознать своё истинное место в этом мире, не потерять себя.

Разочаровавшись в своём писательском даре, в любви и дружбе, Александр тяжело страдает и ищет забвения. Уподобляясь героям романтиков и сентименталистов, в надежде залечить свои душевные раны он устремляется навстречу природе, вживается в образ «разочарованного» – ходит удить рыбу в компании Костякова. Но оказывается, автор готовит ему новое испытание: не рыбная ловля занимает героя, на реке Александр встречается с девушкой Лизой, завязывается любовная ситуация, в которой герой чувствует себя «ловцом человеческих душ».

В романе рождается новая ассоциация: ставший рыбаком Александр как бы уподобляется бывшему рыбаком апостолу Петру, который известен в народе «как покровитель рыбного промысла, а среди приречных и приозерных жителей» носящего «даже название «рыболова». Рыбаки ему молятся, служат молебны...» [Максимов, с. 345]. Конечно же, не апостольское значение имени Петра (камень – «церковь Христова», «ловец человеческих душ») важно для Александра: желание Александра уподобиться Петру – это желание «спрятаться в камне», на время погрузиться в сон [Славянская мифология, с. 221]. Такое значение есть у фольклорного образа камня: для сказочных героев камень

служит местом укрытия, «превращение в камень может спасти героя от смерти» [Демиденко, с. 93]. Именно такое укрытие находит Александр: «После разговора с дядей он ещё глубже утонул в апатическом сне: душа его погрузилась в совершенную дремоту. Он предался какому-то истуканному равнодушию...» [Гончаров, Т. 1, с. 302]. Об «окаменении» героя свидетельствует эпитет «истуканный». Истукан – это «статуя, изваянный образ», сделанный, как правило, из камня [Даль, с. 63]. Однако Александр думает не о смерти: «Как бы ни прожить, лишь бы прожить» [Гончаров, Т. 1, с. 392], – говорит он сам себе. Он просит тётку: «Дайте успокоиться этим волнениям; пусть мечты улягутся, пусть ум оцепенеет совсем, сердце окаменеет, глаза отвыкнут от слёз, губы от улыбки – и тогда, через год, через два, я приду к вам совсем готовый на всякое испытание…» [Гончаров, Т. 1, с. 414–415].

Александр как будто знает, что «камню приписывалось накапливать в себе силы *земли,* при прикосновении передавать её людям» [Бидерман, с. 111]. Ожить после временного «окаменения» герою предстоит в деревне: «...Здесь на каждом шагу, перед лицом природы, душа его отверзалась мирным, успокоительным впечатлениям. Говор струй, шёпот листьев, прохлада и подчас самое молчание природы – всё рождало думу, будило чувство. <…> Сердце обновляется, грудь дышит свободнее, а ум не терзается мучительными думами и нескончаемым разбором тяжебных дел с сердцем: то и другое в ладу» [Гончаров, Т. 1, с. 445–446].

Однако герою не суждено пережить душевное возрождение: Александр не в состоянии припасть челом к каменным плитам церкви, в Петербурге он стал другим человеком: «Ах, если б я мог ещё верить в это!» [Гончаров, Т. 1, с. 444], – сожалеет Александр. В нём по-прежнему живёт память о камне: «Здесь он всеобщий идол на несколько вёрст кругом» [Гончаров, Т. 1, с. 445], – говорит автор. Идол – тот же истукан, он тоже делается из камня. В. И. Даль пишет: «Идолы греков были изящные мраморные изваяния» [Даль, с. 8–9]. Внешне и внутренне Александр становится всё больше похож на камень: он растолстел, в нём дремлют сердце и ум.

В эпилоге романа всё больше заявляют о себе отрицательные значения образа камня. В облике Александра писатель показывает нарастающую тяжесть, грузность, отсутствие душевной жизни, герой даже внешне уподобляется камню с его сиянием, плешью, выпуклым брюшком. Интересно, что брюшко в народном сознании прямо связывается с камнем. В словаре Даля есть пословица: «Ешь, дружки, набивай брюшки, по самые ушки, точно камешки» [Даль, с. 80–81]. Отяжелевший Александр соглашается с дядей и уподобляется ему, ценность в его глазах теперь имеют только деньги. В романе представлено ещё одно значение слова камень: «В наш век об этот пробный камень споткнется не одно чувство...» [Гончаров, Т. 1, с. 329], – говорит Пётр. Доказательством дядиной победы является просьба племянника о деньгах.

«Окаменение» в Петербурге царит повсеместно: его переживают многие герои, лишенные спасительной для человека веры, преображающей все окружающее. Тётке героя Лизавете Александровне суждено погибнуть в холодной каменной столице. «До чего может окаменеть человек» [Гончаров, Т. 1, с. 318], – восклицает Александр после встречи с другом. Характерно и «мраморное, прекрасное лицо» его возлюбленной Наденьки [Гончаров, Т 1, с. 281].

В эпилоге «Обыкновенной истории» ставится под сомнение первостепенное качество камня – его несокрушимость. Камнем преткновения становится для Петра болезнь супруги. «Я была брошена как камень на твоём пути…» [Гончаров, Т. 1, с. 462], – говорит ему Лизавета Александровна. Герой оказывается перед лицом судьбы: «Судьба не велит идти дальше...» [Гончаров, Т. 1, с. 468], – признаёт он. Дядюшка не может противостоять загадке судьбы, он отступает перед её силой.

В «Обыкновенной истории», прослеживая эволюцию главного героя, Гончаров используют лишь фольклорно-мифологические значения образа камня. Его христианский смысл как «камня веры», оплота веры практически отсутствует. Это оправдано тем, что духовная эволюция Александра и его друга Поспелова, Петра Адуева происходит по нисходящей. В. И. Мельнику в фамилии «Адуевы» слышится даже слово «ад» [Мельник, с. 171]. Действительно, духовная нищета героя в конце романа озадачивает читателей. Не случайно, что со времён В. Г. Белинского закрепилось убеждение: образ Александра в финале неоправданно снижен.

Очевидно, что в «Обыкновенной истории» образ камня, кроме нравственно-психологической, приобретает и сюжетно-композиционную функцию, становится тем, что Пруцков назвал «опорными точками повествования», имея в виду «немногие, но особенно выразительные детали»,

обыгрывая которые автор «на протяжении всего романа… раскрывает историю характера, самые сложные и противоречивые чувства и отношения» [Пруцков, с. 42–43]. Сюжетно-композиционные, мифологические и фольклорные смыслы образа, актуализированные в первом романе, Гончаров использует и в двух последующих, они окажутся своеобразными нитями, которые помогут автору «сшить» свою трилогию в единое эпическое целое.

В романе «Обломов» Гончаров вновь активно использует нравственно-психологические возможности архетипа. Однако фактором, под влиянием которого Обломову предстоит окаменение, становится уже не город камня, а страшная сила обломовщины. В начале романа Обломов представляется окружающим как человек, который таит в себе нереализованные возможности: по словам Штольца, он «свернулся» и лежит, «точно ком теста» [Гончаров, Т. 4, с. 169]. Штольц видит друга в образе каменной Галатеи, и Ольге поручена роль Пигмалиона при ней. Любовь Ольги и Обломова на время поднимает героя с дивана, Обломов живёт и счастлив. Однако он не утратил родство с камнем, не освободился от «окаменяющего» давления обломовщины: как только появляются сомнения в чувствах Ольги, так Обломов засыпает «крепким, как камень, сном» [Гончаров, Т. 4, с. 334]. Роль Пигмалиона Ольге не удалась: «Камень ожил бы от того, что я сделала» [Гончаров, Т. 4, с. 368], – с глубокой горечью говорит она, расставаясь с любимым. После разрыва с Ольгой Обломов каменеет: «Сердце было убито: там на время затихла жизнь. <…> Он мог лежать, как камень, целые сутки…» [Гончаров, Т. 4, с. 372]. Обломов, как и Александр Адуев, как бы «прячется в камне», его неподвижное лежание – это способ уберечься от внешнего вмешательства, от пошлости окружающей жизни. Однако нежное, чистое, «золотое» сердце героя не умрёт, до конца жизни Обломова оно изливает свой свет на окружающих. В случае с Обломовым можно говорить об «окаменении» внешнем.

Автор предоставляет возможность Обломову выступить в роли Пигмалиона рядом с «каменной бабой» Пшеницыной, вдохнуть жизнь в эту Галатею. При первом появлении героини в романе автор подчёркивает её физическую привлекательность, статуарное начало в её облике: «...Даже и закрытый бюст её, когда она была без платка, мог бы послужить живописцу или скульптору моделью крепкой, здоровой груди, не нарушая её скромности» [Гончаров, Т. 4, с. 297]. Но у вдовы Пшеницыной сердце не камень, оно оживает под лучами солнца–сердца Обломова: в конце романа Гончаров скажет о её скрытой духовной жизни: «Она поняла, что проиграла и просияла её жизнь, что Бог вложил в её жизнь душу и вынул опять, что засветилось в ней солнце и померкло навсегда… Навсегда, правда; но зато навсегда осмыслилась и жизнь её: теперь уж она знала, зачем она жила и что жила не напрасно» [Гончаров, Т. 4, с. 488]. По душе героиня теперь равна Ольге и Штольцу, что и доказывает сцена встречи с ними в конце романа.

Мотив временного окаменения героя присутствует и в последнем романе трилогии. Как Александр и Обломов, Вера после своего падения стремится к окаменению, это для неё единственно возможное спасение от невыносимого чувства вины перед бабушкой, от мук раскаяния: «Она будто искала нового, небывалого состояния духа, немоты и дремоты ума, всех сил, чтобы окаменеть, стать растением, ничего не думать, не чувствовать, не сознавать» [Гончаров, Т. 7, с. 640]. Героиня обретает сходство с камнем: «Вера была бледна, лицо у ней, как камень; ничего не прочтёшь на нём. Жизнь точно замерла…» [Гончаров, Т. 7, с. 656]. Только прощение бабушки убедит Веру в необходимости «быть бабушкой в свою очередь, отдать всю жизнь другим, и путём долга, нескончаемых жертв и труда начать «новую» жизнь, непохожую на ту, которая стащила её на дно обрыва… любить людей, правду, добро…» [Гончаров, Т. 7, с. 688–689]. Каменеет и бабушка Бережкова, когда узнаёт о «грехе» Веры и понимает, что это её собственный нераскаянный грех: «Она смотрит куда-то вдаль немигающими глазами, из которых глядит один окаменелый, покорный ужас» [Гончаров, Т. 7,с. 667]. Но осознание необходимости спасти внучку, покаяться призывает её к жизни: «На лицо бабушки, вчера ещё мёртвое, каменное, вдруг хлынула жизнь, забота, страх» [Гончаров, Т. 7, с. 674].

«Окаменение» героя Гончаров использует как излюбленное средство психологической характеристики. Психологизм в эпосе Гончарова, как и психологизм в эпосе Н. А. Некрасова и Л. Н. Толстого, в эпосе М. А. Шолохова или А. Т. Твардовского, неотъемлем от «изобразительности», «пластичности». В статье «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»» писатель говорит о «прямой цели пластического искусства – изображать» [Гончаров, Т. 8, с. 131].

Он убеждён: «Верная сцена или удачный портрет действуют сильнее всякой морали, изложений в сентенции» [Гончаров, Т. 8, с. 126]. Следуя этим убеждениям, в своей портретной живописи писатель стремится к тому, чтобы запечатлеть героев в движении и в мгновенной неподвижности: тема «окаменения» человека в момент сильных, неожиданно захвативших его переживаний, связывает все три романа писателя. Надинька, её мать, граф Новинский «остановились как вкопанные, как будто окаменели, и смотрели в недоумении» на Александра, услышав его крик «каким-то диким голосом»: «Надинька!» [Гончаров, Т. 1, с. 276]. «Как окаменелый», после долгой разлуки «увидя Аграфену», останавливается и «с глупым восторгом» смотрит на неё Евсей [Гончаров, Т. 1, с. 432]. Ольга останавливается «как вкопанная, окаменелая, не дыша, в грозной позе, с грозным взглядом» [Гончаров, Т. 4, с. 263], когда понимает намёк Обломова на возможность сожительства до брака. «Штольц окаменел» [Гончаров, Т. 4, с. 483], узнав от Обломова, что Агафья Матвеевна его жена. «Окаменела на месте» [Гончаров, Т. 7, с. 476] Марфинька, слушая признание в любви Викентьева. Райский «окаменел и ждал, что будет» [Гончаров, Т. 7, с. 377], когда услышал обличительные слова бабушки в адрес Нила Андреича. Внезапно каменеет Вера, когда «перед ней, как из земли, вырос Райский и стал между ею и обрывом» [Гончаров, Т. 7, с. 600]. Вера же «вдруг выпрямилась и окаменела, почти не дыша», когда услышала слова Тушина: «Нет, Вера Васильевна, люблю ещё – как женщину...» [Гончаров, Т. 7, с. 648]. Каменеет и Марк, увидевший вдруг перед собой не Веру, а Тушина: «Марк точно выпрыгнул из засады на это самое место, где был Тушин, и, оглядываясь с изумлением вокруг, заметил его и окаменел» [Гончаров, Т. 7, с. 723].

Не однажды для характеристики героев Гончаров использует и психологическую наполненность таких фразеологизмов, как «камень на душе», «пробный камень» («то, что выявляет свойства, качества, сущность кого-либо или чего-либо» [Фразеологический словарь, с. 192]), «камень преткновения». Обломов говорит Ольге: «Ради Бога, не уходите так, а то у меня на душе останется такой камень» [Гончаров, Т. 4, с. 210]; «Вот здесь... дайте руку, что-то мешает, как будто лежит что-нибудь тяжёлое, точно камень, как бывает в глубоком горе…» [Гончаров, Т. 4, с. 242]. Воспоминания о Наташе – «тяжёлый камень» [Гончаров, Т. 7, с. 13] на душе Райского. Предчувствие радости победы над Верой, возможности раскрыть её тайну звучит в словах Райского: «А! вот и пробный камень. Это сама бабушкина «судьба» вмешалась в дело и требует жертвы, подвига – и я его совершу» [Гончаров, Т. 7, с. 551–552]. «Камень преткновения» встретится на пути не только Александра Адуева, но и героев других романов писателя. Обломова не покидает грустная мысль: «Ему… больно стало за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил, за тяжесть, мешающую всему; и зависть грызла его, что другие так полно и широко живут, а у него как будто тяжёлый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования» [Гончаров, Т. 4, с. 96]. Штольц найдёт определение этому «тяжёлому камню»: «Обломовщина!». По сути, та же обломовщина станет камнем преткновения на пути к овладению мастерством художника, писателя, скульптора и для Райского. Уже в самом начале работы над романом о Вере Райский ощущает свою неспособность изложить её историю: «Походив полчаса, он умерил шаг – будто боролся мысленно с трудностями. Шаг становился всё тише, медленнее. Наконец он остановился посреди комнаты как растерянный, точно наткнулся на какой-то камень и почувствовал толчок» [Гончаров, Т. 7, с. 763]. Духовная сила Веры, её верность нравственным постулатам православия – камень преткновения для Марка Волохова, который всё-таки уступит правде героини. В большом контексте романа «Обрыв» эта ситуация осмысливается автором как верность новой России заветам старины и бессилие перед ними нигилистов Волоховых.

Психологически объяснено в романах и обращение к фразеологизму «бросить камень», в значении «осуждать, обвинять, чернить, порочить кого-либо» [Фразеологический словарь, с. 48]. Мучаясь от поклонения Вере как идолу и идеалу, Райский «шептал проклятия, как живой красавице, кидая мысленно в неё каменья» [Гончаров, Т. 7, с. 572]. В свою очередь, он обращается с просьбой о пощаде, когда Вера упрекает его в безнравственности: «Говори мне, что я гадок, если я гадок, Вера, а не бросай камень в то, чего не понимаешь» [Гончаров, Т. 7, с. 502]. Испытывая желание осудить, укорить Ульяну Андреевну за её безнравственность, Райский думает про себя: «…Момент настал, брошу камень в эту холодную, бессердечную статую» [Гончаров, Т. 7, с. 442]. Александр же Адуев

убеждён: «Кто не плакал, сочувствуя высокому и прекрасному? Если найдётся такой человек, пусть он бросит камень в меня – я ему не завидую. Я краснею за свои юношеские мечты, но чту их» [Гончаров, Т. 1, с. 451].

В романах «Обломов» и «Обрыв» не однажды встречается фразеологизм «как камень на голову». Им автор пользуется, чтобы показать, как глубок в душе Обломова страх перед жизнью: «Ах, Боже мой, до чего дошло! Какой камень вдруг упал на меня! Что я теперь стану делать? Соничка! Захар! франты...» [Гончаров, Т. 4, с. 334]; «Но лишь только он затрепещет от любви, тотчас же, как камень, сваливается на него тяжёлая мысль: как быть, что делать, как приступить к вопросу о свадьбе, где взять денег, чем потом жить?..» [Гончаров, Т. 4, с. 341]. Объясняя Вере, что такое страсть, Райский говорит: «Перед тобой – идол, которому хочется молиться, умирать за него. Тебе на голову валятся каменья, а ты в страсти думаешь, что летят розы на тебя…» [Гончаров, Т. 7, с. 418]. Оправдываясь перед Верой за свою «науку страсти», Райский упрекает её: «Ты, Вера, сама бредила о свободе, ты таилась и от меня, и от бабушки, хотела независимости. Я только подтверждал твои мысли: они и мои. За что же обрушиваешь такой тяжёлый камень на мою голову?..» [Гончаров, Т. 7, с. 580].

Далёкие друг от друга, но знакомые народной культуре значения приобретает в романах выражение «каменная стена». О жизни Александра в Петербурге автор говорит: «Там, бежавши от мира идей, искусств, заключенный в каменных стенах, он хотел заснуть сном крота…» [Гончаров, Т. 1, с. 445]. Образ каменной стены здесь сближается с образом гробницы–Петербурга, характерным для романа. Иное значение тот же афоризм приобретет в романе «Обрыв». Поверившая в дружбу Тушина Вера чувствовала, «что подле неё воздвигается какая-то сила, встаёт, в лице этого человека, крепкая, твёрдая гора, которая способна укрыть её в своей тени и каменными своими боками оградить… от первых, горячих натисков отчаяния, от дымящейся ещё язвы страсти, от горького разочарования» [Гончаров, Т. 7, с. 655]. В данном фрагменте как бы сращиваются образы каменной горы и каменной стены как символы твёрдости и несокрушимости, надёжной защиты и обороны.

В романе «Обрыв» у образа камня появится особенно много новых, не известных народной культуре значений. Только намеченный в двух первых романах мотив окаменения человека под влиянием света здесь окажется на первом плане. Петербург и каменящее человеческое сердце светское общество теперь используются писателем как взаимозаменяемые средства характеристики персонажа. В «Обрыве» появляются представители света, в которых отражался, «как солнце в капле, весь петербургский мир» [Гончаров, Т. 7, с. 6], – Аянов и Пахотин. Они несут на себе явный отпечаток однообразия и скуки, петербургской «окаменелости», «сна жизни». Те же приметы автор и его герой-художник видят в Софье Беловодовой, её тётушках. В романе со светскими формами жизни связывается теперь тема смерти: о «мёртвой гордости» разного рода приличиями [Гончаров, Т. 7, с. 126] говорит Райский, дом Пахотиных сравнивается с кладбищем [Гончаров, Т. 7, с. 26], их карета – с саркофагом [Гончаров, Т. 7, с. 17], Софья уподобляется мёртвому драгоценному камню – «перл нашего общества» [Гончаров, Т. 7, с. 145]. Она видится Райскому в «блеске», «сиянии» [Гончаров, Т. 7, с. 28] мёртвой красоты. В этом романе очевидно актуализируются пушкинское представление о свете:

А ты, младое вдохновенье…
…….
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И наконец *окаменеть*
В мертвящем упоенье света… [Пушкин, с. 120].

В воображении художника Софья уподобляется холодной, сияющей статуе: «Женская фигура, с лицом Софьи, рисовалась ему белой, холодной статуей... Его поражала линия её затылка и шеи. Голова её казалась ему похожей на головы римских женщин на классических барельефах, на камеях: с строгим, чистым профилем, с такими же каменными волосами, немигающим взглядом и застывшим в чертах лица сдержанным смехом» [Гончаров, Т. 7, с. 199].

В «Обрыве» образ камня как бы уступает свою сюжетно-композиционную роль образу статуи, именно она становится здесь «опорной точкой повествования». В воображении Райского в образе статуи являются Софья, Ульяна, Марфинька, Вера, бабушка. «Обрыв» – это роман со значительно разветвлённой сюжетной схемой, миф об оживлении статуи, о Пигмалионе и Галатее обрастает в нём множеством смыслов, о чём не раз писали исследователи [См.: Багаутдинова; Строганова; Кафанова].

Главный герой романа Райский сумел преодолеть искушение Петербургом: жизнь в свете в его душе едва не погасила веру «в честь, честность, вообще в человека» [Гончаров, Т. 7, с. 88]. Он противопоставил Петербургу и свету своё желание видеть движение жизни, которое в его воображении связано с женщиной. Софья Беловодова является Райскому оживающей статуей: она «обратив каменное лицо к небу, положив руки на колени, полуоткрыв уста, кажется, жаждала пробуждения» [Гончаров, Т. 7, с. 149]. В ситуациях с Беловодовой, с Марфинькой, с Верой Райский чувствует себя «ловцом человеческих душ», но насмешник-автор каждый раз заставляет героя расплачиваться за его усилия разочарованием. В отношении к Вере в романе оказывается справедлива народная мудрость: «сердце не камень», однако заслуга в том, что статуя-Вера ожила, принадлежит скорее Марку Волохову, чем Райскому. Очевидно, что сюжетное движение в «Обрыве» (от камня, статуи – к ожившей мерцающей красоте) оказывается прямо противоположно истории окаменения человеческого сердца в романе «Обыкновенная история». Выстраивая таким образом развитие действия в последнем романе эпопеи, Гончаров как бы возвращается к началу, замыкает круг. Эпическое событие в его трилогии завершилось.

Заключая, хотелось бы отметить, что в романной трилогии Гончаров использует множество значений архетипического образа камня, закреплённых за ним в народном сознании, но и разрабатывает новые. Для писателя характерно обращение к нравственно-психологической «составляющей» архетипа, помогающей достичь пластичности портретной характеристики персонажа. В каждом из романов образ камня становится «опорной точкой повествования», помогает Гончарову выстроить сюжет, цель которого – показ духовной эволюции героя, и в то же время этот образ приобретает свой сюжет, объединяющий все романы в эпическую трилогию.

Библиографический список

1. Багаутдинова Г. Г. Миф о Пигмалионе в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История, язык, литература. 1998. Вып. 2. № 9. С. 81–85.

2. Бидерман Г. Энциклопедия символов. Москва : Республика, 1996. 334 с.

3. Гачев Г. Национальные образы мира: Космо – Психо – Логос. Москва : Прогресс, 1995. 479 с.

4. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Санкт-Петербург : Наука, 1997.

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Москва : Русский язык, 1989. Т. 2. 779 с.

6. Демиденко Е. Л. Значение и функция общефольклорного образа камня // Русский фольклор: Этнографические истоки фольклорных явлений. Т. 24. Ленинград : Наука, 1987. 225 с.

7. Доманский Ю. В. Архетипические мотивы в русской прозе XIX века: Опыт построения типологии // Литературный текст: проблемы и методы исследования. IV сборник научных трудов. Тверь : Тверской Государственный университет, 1998. С. 19–30.

8. Жития Святых / сост. священник и законоучитель Иоанн Бухарев. Москва : Отчий дом, 1999. С. 683.

9. Журавлёва А. И. Новое мифотворчество и литературоцентристская эпоха русской культуры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 35–43.

10. Кафанова О. Б. Миф и антимиф о Пигмалионе и Галатеев романе «Обрыв» // Гончаров после «Обломова». Сборник статей. Материалы III Международной гончаровской конференции в Санкт-Петербурге. Тверь : Издательство Марины Батасовой, 2015. С. 101–113.

11. Коптева О. А. Образ змеи в романах И. А. Гончарова // Филологические штудии: Сборник научных трудов. Вып. 9. Иваново : Изд. Ивановского ун-та, 2005. С. 200–206.

12. Максимов С. В. Литературные путешествия. Москва : Современник, 1986. 413 с.

13. Мельник В. И. О религиозности И. А. Гончарова // Русская литература. 1995. № 1. С. 203–212.

14. Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров – романист и художник. Москва : Изд. МГУ, 1992. 176 с.

15. Откровение (Апокалипсис) святого апостола Иоанна Богослова. URL: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/otkr.html#g17 (дата обращения 29.03.20.)

16. Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 168 с.

17. Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1962. 232 с.

18. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Ленинград : Наука, 1978. Т. 5. 576 с.

19. Славянская мифология : Энциклопедический словарь. Москва : Эллис Лак, 1995. 416 с.

20. Строганова Е. Н. Миф о Пигмалионе в романной трилогии И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 195-летию со дня рожд. И. А. Гончарова. Ульяновск : ООО НИКА-дизайн, 2008. С. 215–221.

21. Топоров В. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии

культуры. 1993. № 1. С. 205–225.

22. Фаустов А. А. Об одном неявном способе авторского подключения к традиции: «Русалочий» миф в «Обрыве» Гончарова // Проблема автора в художественной литературе. Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск : Изд. Удмуртского ун-та, 1993. С. 105–113.

23. Фразеологический словарь русского языка / под ред А. И. Молоткова. Москва : Советская энциклопедия, 1967. 544 с.

24. Ходанен Л. А. Миф в творчестве русских романтиков. Томск : Изд. Томского ун-та, 2000. 320 с.

25. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Москва ; Киев : Порт-Рояль-Совершенство, 1997. 383 с.

Reference List

1. Bagautdinova G. G. Mif o Pigmalione v romane I. A. Goncharova «Obryv» = Myth about Pygmalion in I. A. Goncharov's novel «The Cliff» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 2. Istorija, jazyk, literatura. 1998. Vyp. 2. № 9. S. 81–85.

2. Biderman G. Jenciklopedija simvolov = The encyclopedia of symbols. Moskva : Respublika, 1996. 334 s.

3. Gachev G. Nacional'nye obrazy mira: Kosmo – Psiho – Logos = National world images : Cosmo-Psyco-Logos. Moskva : Progress, 1995. 479 s.

4. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem v 20 t. = Full complete works and letters collection in 20 v. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997.

5. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka v 4 t. = Live great Russian language thesaurus in 4 v.Moskva : Russkij jazyk, 1989. T. 2. 779 s.

6. Demidenko E. L. Znachenie i funkcija obshhefol'klornogo obraza kamnja = Meaning and function of general folk stone image // Russkij fol'klor: Jetnograficheskie istoki fol'klornyh javlenij. T. 24. Leningrad : Nauka, 1987. 225 s.

7. Domanskij Ju. V. Arhetipicheskie motivy v russkoj proze XIX veka: Opyt postroenija tipologii = Archetypal motives in Russian prose of the XIX century: The experience of making a typology // Literaturnyj tekst: problemy i metody issledovanija. IV cbornik nauchnyh trudov. Tver' : Tverskoj Gosudarstvennyj universitet, 1998. S. 19–30.

8. Zhitija Svjatyh = Lives of saintssost / svjashhennik i zakonouchitel' Ioann Buharev. Moskva : Otchij dom, 1999. S. 683.

9. Zhuravljova A. I. Novoe mifotvorchestvo i literaturocentristskaja jepoha russkoj kul'tury = New myth making and center-literary epoch of Russian culture // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija. 2001. № 6. S. 35–43.

10. Kafanova O. B. Mif i antimif o Pigmalione i Galateev romane «Obryv» = Myth and anti-myth about Pygmalion and Galateev in the novel «The Cliff» // Goncharov posle «Oblomova». Sbornik statej. Materialy III Mezhdunarodnoj goncharovskoj konferencii v Sankt-Peterburge. Tver' : Izdatel'stvo Mariny Batasovoj, 2015. S. 101–113.

11. Kopteva O. A. Obraz zmei v romanah I. A. Goncharova = Snake image in N.I. Goncharov's novels // Filologicheskie shtudii: Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 9. Ivanovo : Izd. Ivanovskogo un-ta, 2005. C. 200–206.

12. Maksimov S. V. Literaturnye puteshestvija = Literary travellings. Moskva : Sovremennik, 1986. 413 s.

13. Mel'nik V. I. O religioznosti I. A. Goncharova = On I. A. Goncharov's religiosity // Russkaja literatura. 1995. № 1. S. 203–212.

14. Nedzveckij V. A. I. A. Goncharov – romanist i hudozhnik = I. A. Goncharov – a novelist and artist. Moskva : Izd. MGU, 1992. 176 s.

15. Otkrovenie (Apokalipsis) svjatogo apostola Ioanna Bogoslova = Revelation (Apocalypse) of saint apostle Ioann Bogoslov. URL: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/otkr.html#g17 (data obrashhenija 29.03.20.)

16. Otradin M. V. Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste = I. A. Goncharov's prose in the literature context. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1994. 168 s.

17. Pruckov N. I. Masterstvo Goncharova-romanista = Goncharov-novelist's mastery. Moskva ; Leningrad : Izd. AN SSSR, 1962. 232 s.

18. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. v 10 t. = Full collected works in 10 v. Leningrad : Nauka, 1978. T. 5. 576 s.

19. Slavjanskaja mifologija = Slavic mythology : jenciklopedicheskij slovar'. Moskva : Jellis Lak, 1995. 416 s.

20. Stroganova E. N. Mif o Pigmalione v romannoj trilogii I. A. Goncharova = Myth about Pygmalion in I. A. Goncharov's novel trilogy // I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posv. 195-letiju so dnja rozhd. I. A. Goncharova. Ul'janovsk : OOO NIKA-dizajn, 2008. S. 215–221.

21. Toporov V. Peterburg i peterburgskij tekst russkoj literatury = Petersburg and Petersburg text of Russian literature // Metafizika Peterburga. Peterburgskie chtenija po teorii, istorii i filosofii kul'tury. 1993. № 1. S. 205–225.

22. Faustov A. A. Ob odnom nejavnom sposobe avtorskogo podkljuchenija k tradicii: «Rusalochij» mif v «Obryve» Goncharova = On one not evident way of turning to the tradition:»Mermaid»myth in N.I. Goncharov's «The Cliff» // Problema avtora v hudozhestvennoj literature. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Izhevsk : Izd. Udmurtskogo un-ta, 1993. S. 105–113.

23. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka = Phraseological dictionary of the Russian language / pod red. A. I. Molotkova. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1967. 544 s.

24. Hodanen L. A. Mif v tvorchestve russkih romantikov = Myth in the work of Russian romantics. Tomsk : Izd. Tomskogo un-ta, 2000. 320 s.

25. Jung K. G. Dusha i mif. Shest' arhetipov = Soul and myth. Six archetypes. Moskva ; Kiev : Port-Rojal'-Sovershenstvo, 1997. 383 s.

УДК 8Р1.3–8

В. И. Мельник **https://orcid.org/0000–0001–9684–8943**

Проблема романной трилогии И. А. Гончарова и его конфликт с И. С. Тургеневым

Статья выполнена по гранту РФФИ № 20–012–00221

Для цитирования: Мельник В. И. Проблема романной трилогии И. А. Гончарова и его конфликт с И. С. Тургеневым // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 17-28. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-17-28

В статье рассматривается конфликт И. С. Тургенева и И. А. Гончарова, нашедший выражение в их переписке и «Необыкновенной истории» Гончарова. Давний вопрос о «плагиате» до некоторых пор имел лишь один главный смысл: действительно ли Тургенев заимствовал в «Дворянском гнезде» и других романах те частности и подробности, которые передал ему в разговоре о будущем романе «Обрыв» Гончаров. В статье ставится вопрос о необходимости изменить парадигму спора и методологический подход к самому предмету исследования. Пора признать, что – с точки зрения законов литературной жизни – в самом факте заимствования у Гончарова нет ничего унизительного для Тургенева. Заимствование – в различных и многочисленных его изводах – есть составная часть творчества, фактор, побуждающий истинного художника к самовыражению, творческому спору и, в конечном итоге, созданию оригинального произведения в своем собственном стиле. Ставится вопрос о творческих обстоятельствах разговора двух писателей для того, чтобы уяснить не сам факт заимствования, а творческую логику Гончарова и то, какие именно «романные импульсы» с таким жаром передавал автор «Обрыва» другому тонкому художнику и проницательному критику. Психологическая атмосфера разговора и его творческий контекст открывает много нового и интересного. Прежде всего, речь идет о том, что «Обрыв» венчает собою громадный замысел всей гончаровской романной трилогии, построенной на конструктивно-композиционных принципах «Божественной комедии» Данте. Высота и масштаб творческого замысла, с одной стороны, заставляли Гончарова «открываться», а с другой – после обнаружения заимствований, переживать настоящую психологическую драму. В статье подробно рассматривается вопрос о единстве романной трилогии Гончарова и месте «Обрыва» в ней.

Ключевые слова: Гончаров, Тургенев, заимствования, конфликт, жанр, роман, единство замысла, романная трилогия, Данте, «Божественная комедия», Гоголь, Анненков.

V. I. Melnik

The problem of novel trilogy of I. A. Goncharov and his conflict with I. S. Turgenev

The article deals with the conflict between I. S. Turgenev and I. A. Goncharov, which is seen in their correspondence and Goncharov's «Extraordinary history». The long-standing question of» plagiarism «has for some time had only one main meaning: whether Turgenev really borrowed in the «Noble nest» and other novels the details that were passed on to him in the conversation about the future novel «the Cliff» by Goncharov. The article raises the question of the need to change the paradigm of the dispute and the methodological approach to the subject itself. It is time to admit that – from the point of view of the laws of literary life-there is nothing humiliating for Turgenev in the fact of borrowing from Goncharov. Borrowing – in various and numerous ways-is an integral part of creativity, a factor that encourages the true artist to self-expression, to creative argument, and, ultimately, to create an original work in his own style. The question is raised about the creative circumstances of the conversation between the two writers in order to understand not the fact of borrowing, but the creative logics of Goncharov and what «novel impulses» the author of «The Cliff» so fervently transmitted to another subtle artist and insightful critic. The psychological atmosphere of the conversation and its creative context opens up a lot of new and interesting things. First of all, we are talking about the fact that «The Cliff «crowns the huge idea of the entire Goncharov's novel trilogy, built on the constructive and compositional principles of Dante's «Divine Comedy». The height and scale of the creative idea, on the one hand, forced Goncharov to «open up», and on the other – after finding borrowings-to experience a real psychological drama. The article deals in detail with the question of the unity of the novel trilogy of Goncharov and the place of the «Cliff» in it.

Key words: Goncharov, Turgenev, borrowings, conflict, genre, novel, unity of purpose, novel trilogy, Dante, «Divine Comedy», Gogol, Annenkov.

© Мельник В. И., 2020

В «Необыкновенной истории» И. А. Гончаров излагает историю своих сложных отношений с И. С. Тургеневым. Фактическая сторона событий отражена также в дневнике А. В. Никитенко (запись от 29 марта 1860 г.), в воспоминаниях П. В. Анненкова [Анненков, 1960, с. 441–443] и Л. Н. Майкова [Майков, 1900], а также в уцелевшей переписке Гончарова и Тургенева. Об этих отношениях сложилась со временем целая литература, хорошо представленная во вступительной статье Н. Ф. Будановой к публикации «Необыкновенной истории» [Буданова, 2000].

Вопрос о «плагиате» до некоторых пор имел лишь один главный смысл: действительно ли И. С. Тургенев заимствовал в «Дворянском гнезде» и других романах те частности и подробности, которые передал ему в разговоре о будущем «Обрыве» И. А. Гончаров. Опираясь на психологическую мотивацию, Б. М. Энгельгардт в 1923 г. сразу отмел возможность всякого заимствования: «Само собой понятно, что ни о каком плагиате или даже заимствовании здесь не могло быть и речи» [И. А. Гончаров и И. С. Тургенев ... , 1923, с. 20]. Позднее, несмотря на вполне объяснимый субъективизм и разительно противоположные, порою явно недостаточно [Никитина, 2005] аргументированные оценки тургеневедов и гончарововедов, ситуация начала приобретать очертания более уравновешенной тенденции. Уже сам Энгельгардт вынужден был отметить: «Несомненно, что в связи с толками Гончарова о Райском Тургенев заинтересовался психологией художника и ввел Шубина в «Накануне»…» [И. А. Гончаров и И. С. Тургенев ... , 1923, с. 16]. Точно так же, вдумчивый тургеневовед А. И. Батюто признал то, что как начинающий романист Тургенев учился, в том числе и у Гончарова, «приемам сюжетостроения и композиции» при конструировании «сравнительно второстепенных компонентов повествования в своих романах» [Батюто, 1972, с. 347]. Польский литературовед Л. Суханек приходит к выводу о подсознательных заимствованиях: «Мы не в состоянии сказать сегодня, сознательно ли использовал Тургенев некоторые мотивы, образы, сцены, детали и даже отдельные формулировки, взятые из произведения, планируемого Гончаровым, или же перенес их подсознательно в свой роман» [Суханек, 1986, с. 311]. Наконец, В. А. Недзвецкий пришел к однозначным выводам, во-первых, о том, что Тургенев, несомненно, прошел «школу Гончарова», а во-вторых, что как романист Гончаров имеет явное превосходство над Тургеневым: «Если «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», повесть «Вешние воды» и не произошли, как полагал Гончаров, из первоначального плана «Обрыва», то и этот план и гончаровский роман в целом, вне сомнения, облегчили становление и быстрый рост Тургенева-романиста. А это позволяет с полным основанием говорить о гончаровской школе Тургенева… Значительно упрежденный в публикации своего «Обрыва» романами Тургенева, Гончаров неколебимо убежден, что первенство здесь (первенство в создании «социально-универсального романа». – В. М.) принадлежит ему, и мы в данном случае с ним совершенно согласны» [Недзвецкий, 1996, с. 95].

В настоящей статье мы оставляем за скобками собственно вопрос о заимствовании, хотя вовсе отойти от него, пожалуй, невозможно. Отметим, во всяком случае, что давно назрела необходимость изменить парадигму спора и методологический подход к самому предмету исследования. Пора признать, что – с точки зрения законов литературной жизни – в самом факте заимствования у Гончарова нет ничего унизительного для Тургенева. Заимствование – в различных и многочисленных его изводах – есть составная часть творчества, фактор, побуждающий истинного художника к самовыражению, творческому спору и, в конечном итоге, к созданию оригинального произведения в своем собственном стиле. Таким образом, пора от эмоциональных пугающих оценок перейти к спокойному и объективному предметному рассмотрению вопроса о том, что именно, в какой степени заимствовал Тургенев, какова была та собственно творческая задача, которую он выполнял. Идеи, сюжеты, образы, ситуации свободно переходят из произведения в произведение, если только не являются голой копией, а прирастают смыслами на иной оригинальной почве. Сам Гончаров еще в 1830-е гг. прошел школу западноевропейской романистики – и именно опираясь на этот опыт, создал основу оригинального русского социально-психологического романа, не повторяя тех еще не вполне законченных романных форм, которые были найдены в творчестве Пушкина, Лермонтова и Гоголя. «В нашем веке, – писал он, – нам дал образец художественного романа общий учитель

романистов – … Диккенс». Его самого, в таком случае, можно было бы упрекнуть в заимствованиях у О. Бальзака, Ж. Санд, Ч. Диккенса и др. «Все это *чтение и писание* выработало мне, однако, перо и сообщило, бессознательно, писательские приемы и практику» [И. А. Гончаров и К. К. Романов … , 1993, с. 34]. Правда, в отличие от Тургенева, Гончарову было органично присуще романное, эпическое и полифоническое мышление. Многосложные сюжетные конструкции, множество лиц и ситуаций – все это разворачивались в его воображении одновременно. В статье «Лучше поздно, чем никогда» он писал: «Всего более затрудняла меня архитектоника, сведение всей массы лиц и сцен в стройное целое, и вот, между прочим, причины медленности!» Несмотря на то, что Гончаров был прирожденным романистом, на освоение современной романной формы у него ушли многие и многие годы. Обращаясь к опыту Гончарова, Тургенев прошел свой путь к роману несравненно быстрее и легче. При этом он проявил сильные стороны своего художественного таланта: лаконизм, лиричность, философское мышление и пр.

Следует вернуться к обстоятельствам и содержанию разговора двух писателей для того, чтобы уяснить не сам факт заимствования, а творческую логику Гончарова и то, какие именно «романные импульсы» с таким жаром передавал автор «Обрыва» другому тонкому художнику и проницательному критику. Анализ самой психологической атмосферы разговора и его конкретного содержания, отраженного в «Необыкновенной истории», но не затронутого исследователями, на наш взгляд, открывает много нового и интересного. Весь интерес здесь состоит не в определении, заимствовал ли Тургенев, а в том, чтобы выявить – какие «сгустки художественной энергии» излучал Гончаров в разговоре с Тургеневым – и как последний их воспринял.

Во-первых, необходимо уяснить, что Тургенев и Гончаров нуждались друг в друге и были в русской литературе, как никто другой, близки в своем эстетическом поиске и глубоком понимании искусства, оба были «эстетиками» в литературе (выражение Л. Толстого), оба шли от тонко чувствуемых ими традиций Пушкина, оба тяготели к изображению человеческой души через любовное чувство, оба были склонны к поэтизации характеров, психологических состояний, природы и пр. Они чувствовали друг в друге тонких ценителей литературы и больших художников. Обмен мнениями обоим был необходим для писательского роста. Гончаров, замечает Е. Ляцкий, «и боится Тургенева, и тянется к нему, зная, что никто, как Тургенев, своей тонкой и впечатлительной на все художественное душой, так не сумеет оценить во всех мельчайших подробностях его творческий труд» [Ляцкий, 1912, с. 130]. Не удивительно, что столь явная эстетическая близость должна была породить и огромные художнические претензии друг к другу, поскольку все это близкое и сходное зиждилось, однако, не только на сходных, но и на различных, в чем-то противоположных, творческих платформах, наиболее ясно проявляющихся в склонности Тургенева к лирическому началу, миниатюрному жанру, к трагическому, почти фатальному изображению человеческой судьбы (прежде всего в любви), к эклектичному размышлению о присутствии в судьбе человека Божьего Промысла – и, напротив, в стремлении Гончарова к построению завершенной эпической картины мира, зиждущегося на разумных и благодатных основаниях Божьего Промысла о судьбе человека и человечества, к созданию не просто широких полотен, а как бы к единому (хотя и разбитому на отдельные романы) произведению, в котором укладывается его обобщенное («дантовское» по творческому целеполаганию) представление о судьбе современного человека и человечества.

В центре спора оказался спор о романе. Когда Гончаров в очередном письме от 28 марта 1859 г. продолжил свои обвинения, Тургенев отмахнулся: «Кому нужен роман в эпическом значении этого слова, тому я не нужен; но я столько же думаю о создании романа, как о хождении на голове: что бы я ни писал, у меня выйдет ряд эскизов» [Тургенев, 1978–2014, т. 4, с. 36]. К этой автохарактеристике следует прислушаться. В «Необыкновенной истории» Гончаров пишет: «Однажды он сам грустно сознался… мне и Писемскому. «*У меня нет того, что у вас есть обоих: типов, характеров, то есть плоти и крови!*»» [Литературное наследство, 2000, с. 202]. В ряде других мест Гончаров отмечает в Тургеневе недостаток художественной фантазии: «… он хотел занять то место, которое занимали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, так сказать преемственно, не имея их гения, производительного глубокого ума и силы фантазии», «у него есть много наблюдательности,

тонкого чутья, но мало фантазии, оттого нет и кисти или, если есть, то только в несложных картинах, миниатюрных пейзажах, в силуэтах простых, неразвитых людей. Оттого он и берет рамки и программы у другого – и идет по его следам» [Литературное наследство, 2000, с. 213].

В таланте Тургенева блестяще проявлялся миниатюрист, о чем говорят его «Записки охотника», «Стихотворения в прозе» и др. Он, если можно так сказать, в 1850-е гг. «дорастал» до романа. Гончаров, напротив, по свойствам своего таланта был не просто романистом, но романистом-эпиком, ибо еще в 1840-е гг. задумал эпос, генетически восходящий к «Божественной комедии» Данте и представляющий собою романную трилогию, части которой представляли собою «Ад» («Обыкновенная история»), «Чистилище» («Обломов») и «Рай» («Обрыв»). Все это имеет прямое отношение к атмосфере и смыслу того памятного разговора между двумя писателями, который так подробно описан в «Необыкновенной истории».

Остановимся подробнее на определяющем моменте: на ожиданиях Гончарова, что кто-то из современников увидит его «надроманный» замысел. Разумеется, каждый роман представлял собою (и так воспринимала публика) отдельное произведение, но Гончаров всегда глубоко ощущал целое, назвав героя первого романа в 1846 г. Ад-уевым и имея в виду, что завершать романную трилогию будет Рай-ский. В статье «Лучше поздно, чем никогда» он писал: «Только когда я закончил свои работы, отошёл от них на некоторое расстояние и время,– тогда стал понятен мне вполне и скрытый в них смысл, их значение – идея. Напрасно я ждал, что кто-нибудь и кроме меня прочтет между строками и, полюбив образы, свяжет их в одно целое и увидит, что именно говорит это целое» [Гончаров, 1955, с. 67]. Исследователи в последнее время часто приводят это место, однако если и задаются вопросом, о каком единстве говорит Гончаров, говорят не более чем об устойчивых мотивах и характерологии героев в трилогии Гончарова [Богомолова, 2006; Воробьева, 2004; Доманский, 2010; Кочетова, 2006]. Между тем, Гончаров потому и назвал свою статью «Лучше поздно, чем никогда», что очень хотел открыть более глубокое единство трех романов, восходящее к мировому шедевру, понимание величия которого росло в России день ото дня на протяжении всего XIX в. [Асоян, 2015; Голенищев-Кутузов, 1971, с. 456–457].

Писатель нигде не признался в том, что имел дерзость посягнуть на всеобъемлющий «дантовский» замысел «Божественной комедии» своего времени. Он хочет создать впечатление, что всего лишь повторяет О. Бальзака, который после тридцатилетнего романного творчества постфактум объединил их названием «Человеческая комедия». Однако, в отличие от Бальзака, он сразу, еще в конце 1830-х – начале 1840-х гг., задумал параллель с Данте в виде романной трилогии, что, при внимательном ее прочтении, обнаруживается с несомненной достоверностью. С какими чувствами Гончаров ждал, что «кто-нибудь и кроме него прочтет между строками» его «дантовский» замысел и объединит романы в одно целое («Комедия»), можно только догадываться. Но чувства эти кипели в его своеобразной и чрезвычайно впечатлительной натуре.

Самому Гончарову было слишком все ясно еще в тот период, который можно назвать феноменальным, ибо его романы задуманы на протяжении всего нескольких лет (с 1845 по 1849 гг.). Л. С. Гейро в свое время задала вопрос: «Какова природа этого явления, давшего русской культуре три замечательных романа, задуманных в течение каких-то пяти-шести лет и читаемых во всем мире уже более чем столетие? Ответ на этот кардинальный для понимания творчества Гончарова вопрос еще не найден» [Гейро, 2000]. Не вдаваясь в подробности ответа на этот вопрос, скажем главное для исследования темы «Гончаров и Тургенев»: «надроманный» общий замысел трилогии, его «дантовская» основа («художественное богословствование» в духе дидактической аллегории Данте) в целом сложился еще во второй половине 1840-х гг., а начал складываться в конце 1830-х гг. Этот «надроманный замысел» Гончаров не мог не ощущать как главное дело своей жизни. В нем он мог реализовать ту современную проекцию «Божественной комедии», которая не удалась Гоголю, который, по мнению отдельных критиков и исследователей, возможно, тоже задумывал трехчастную поэму в духе Данте (об этом впервые заговорил в 1847 г. князь П. А. Вяземский, мнение которого могло быть известно Гончарову [Виноградов, 2018]). Гончаров ясно сознавал, что ему удалось сделать то, перед чем отступил Гоголь. Об этом говорит письмо к С. А. Никитенко от 14 июня 1860 г.: «…Иногда я верю ему, а иногда думаю, что он не умел смириться в своих замыслах, захотел, как Александр Македонский,

покорить луну, то есть не удовольствовался одною, выпавшею ему на долю ролью – разрушителя старого, гнилого здания, захотел быть творцом, создателем нового, но не сладил, не одолел, увидал, что создать не может, не знает, что надо создать, *что это дело других…* (курсив автора статьи)» [Гончаров, 1955, с. 337].

Проходили годы, а главный (религиозно-богословский, дантовский) смысл гончаровских романов, скрытый за бытовым фоном и открывающийся с очевидностью лишь в трилогии (а стало быть, лишь после опубликования последней части трилогии – «Обрыва») оставался для современников тайной за семью печатями («Напрасно я ждал…»). «Обрыв» в этом плане должен был стать «венцом творения», раскрывающим план целого. Вот почему Гончаров переживал за это произведение, как ни за какое другое. Завершая работу над романом в состоянии не только творческого подъема, но и в значительной степени с расшатанными нервами, он писал М. М. Стасюлевичу: «У меня мечты, желания и молитвы Райского кончаются, как торжественным аккордом в музыке, апофеозом женщин, потом родины России, наконец, божества и любви… Я… боюсь, что маленькое перо мое не выдержит, не поднимется на высоту моих идеалов и художественно-религиозных настроений…» [Гончаров, 1955, с. 338].

В этом смысле можно говорить о драматизме писательской судьбы Гончарова: роман, от которого он ожидал столь много, принес ему одни неприятности. В дополнение к истории с Тургеневым, «Обрыв» вызвал единодушную отрицательную реакцию критики. В 1860–1870-х гг. культурная ситуация в критике и журналистике сильно изменилась – и прочесть культурный контекст «Обрыва», а тем более трилогии в целом – было попросту некому. «Мог бы это сделать и сделал бы Белинский, но его не было. Потом, с наступлением реформ, на очередь стали другие вопросы, важнее вопросов искусства, и оттеснили последнее на второй план. Все молодое и свежее поколение жадно отозвалось на зов времени и приложило свои дарования и силы к злобе и работе дня. Было не до эстетических критик. А тут еще вторгнулось в общество новое явление, так называемый нигилизм, явление сложное – и заглушило, на время конечно, чистый вкус, здравые понятия в искусстве, примешав к нему Бог знает что. И критика, как и само искусство, от крупного, мыслящего и осмысливающего синтеза перешла к мелкому анализу».

Не найдя тех, кто мог бы «прочесть между строками» и увидеть «не три романа, а один», Гончаров вынужден был через десять лет после публикации «Обрыва» в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879) сам объяснять, что три романа являются одним произведением. Хотя он не раскрывает, что таков и был изначальный замысел, анализ романов подтверждает, что структурно трилогия строится по образцу «Божественной комедии» – с единым пронизывающим движением мысли.

Между тем, Гончаров, вкладывая в «Обрыв» завершающий смысл всей трилогии, смысл, с которым, по его собственному признанию, «маленькое перо» его могло не сладить, несомненно нуждался в тех, с кем он мог бы обсудить и общий план обширного романа, и всю роскошь поэтических находок, которыми переполнен его последний «полифонический» роман, стилистически и структурно организованный совсем иначе, чем «Обыкновенная история» и «Обломов». Этот переход на новую стилистическую и структурную платформу Гончаров делал ощупью – и опять-таки весьма нуждался в умном слушателе, за реакцией которого он сам следил с большим интересом. Таким человеком из окружения Гончарова 1850-х гг. мог быть в первую очередь Тургенев. В «Необыкновенной истории» Гончаров акцентирует тот момент, что Тургенев проявлял особый интерес к чтению гончаровских произведений, но затушевано не менее важное: желание Гончарова посвятить Тургенева – как тонкого и умного, родственного по духу художника – к прослушиванию новаторского, в рамках гончаровского творчества, романа – с высокой концентрацией идеалов и поэзии.

Гончаров пишет: «И вот однажды, именно в 1855 году, он пришел ко мне на квартиру… Я взял – да ни с того, ни с сего вдруг и открыл ему не только весь план будущего своего романа («Обрыв»), но и пересказал все подробности, все готовые у меня на клочках программы сцены, детали, решительно все, все. «Вот что еще есть у меня в виду!» – сказал я …. Все это я рассказывал, как рассказывают сны, с увлечением, едва поспевая говорить, то рисуя картины Волги, обрывов, свиданий Веры в лунные ночи на дне обрыва и в саду, сцены ее с Волоховым, с Райским и т. д., сам наслаждаясь и гордясь своим богатством и спеша отдать на поверку тонкого,

критического ума.

Тург<енев> слушал, будто замер, не шевелясь. Но я заметил громадное впечатление, сделанное на него рассказом.

… И окончив, я сказал следующее: «Вот, если бы я умер, Вы можете найти тут много для себя! Но пока жив, я сделаю сам!» Тург<енев> тщательно расспросил меня, не говорил ли я кому-нибудь об этом еще. Я сказал, что никому, но однако вскоре после того я, при Тургеневе же, рассказывал то же самое и Дудышкину, также Дружинину и возвращался к рассказу в несколько приемов» [Литературное наследство, 2000, с. 200–201]. До ознакомления с романом «Дворянское гнездо» Гончаров не вспоминал об этом вечере.

В. А. Недзвецкий отмечает, что в 1850-е гг. Тургенев усиленно решает для себя проблему создания романной формы. Он пишет, что, не сумев разрешить этой проблемы «в своих «Двух поколениях» (1852–1855)… отдав этой первой в его творчестве попытке романа много времени и сил, он в конечном счете был вынужден признать ее несостоявшейся. Тем больший интерес приобретают для писателя творческие решения Гончарова, объясняя живейшее внимание Тургенева к работе автора «Обломова» и «Обрыва»…» [Недзвецкий, 1996, с. 88]. Этот интерес был замечен Гончаровым, но не испугал его, поскольку он сам очень нуждался в период работы сразу над всеми основными произведениями своей жизни – в глубоком и понимающем критике.

Важно отметить, что Тургенев, как и сам создатель трилогии, Гончаров, гораздо выше оценил замысел «Обрыва», нежели «Обломова». В письме от 21 июня 1856 г. Тургенев пишет Гончарову: «...Впрочем, я, думаю про себя (и утешаюсь этим), что несмотря на пребывание в Петербурге и занятия по цензуре, Вы все-таки найдете время втихомолку продолжать Ваш роман, то есть кончить наконец «Обломова» и приступить к другому, от которого ожидаю золотые горы, то есть я не так выразился – эдак можно подумать, что я его купил у Вас – ну, словом, Вы меня понимаете. До сих пор мне памятен один обед в Петербурге. У меня на квартире, на котором Вы мне с Дудышкиным рассказывали разные подробности из Вашего романа. Грешно Вам будет зарыть все это!». 11 ноября 1856 г. он снова подвигает Гончарова к работе – и снова говорит не только об «Обломове», но и об «Обрыве», план которого произвел на него едва ли не большее впечатление: «Не хочу и думать, чтобы вы положили свое золотое перо на полку; я готов вам сказать, как Мирабо Сиэсу: «Le silence de Mr. Gotcharoff est une calanute publique!» (Молчание господина Гончарова – это общественное бедствие! (*фр.*)). Я убежден, что, несмотря на многочисленность цензорских занятий, вы найдете возможным заниматься вашим делом, и некоторые слова ваши, сказанные мне перед отъездом, дают мне повод думать, что не все надежды пропали. Я буду приставать к вам с восклицанием: «Обломова! И 2-й (художественный) роман!» пока Вы кончите их, хотя бы из желания отделаться от меня – право, Вы увидите. Шутки в сторону, прошу Вас убедительно сообщить мне, в каком положении находятся эти 2 романа: горячее участие, которое я в них принимаю, дает мне некоторое право предложить Вам этот нескромный вопрос!».

Надо учесть вдохновенное состояние Гончарова, который во время пересказа сам проводил немалую художественную работу, пытаясь «свести концы» рассказа, расставить для самого себя главные акценты и пр.

Что означает такой торопливый и сбивчивый, «прыгающий» рассказ из уст художника, которому на миг открылась перспектива романа до самого его финала и вдохновение которого поддержано нерядовым слушателем? Внимание Гончарова было, конечно, сосредоточено на сюжетных ходах, воздвигающих архитектуру романа, ибо он прежде всего «зодчий», а также на значимых деталях, находках художественной фантазии, дающих роману «плоть и кровь».

Тургенев, испытывавший как художник, затруднения как в организации сюжета, так и в подобных детализированных находках, слушал внимательно. Гончаров пишет: «Он слушал неподвижно, притаив дыхание, приложив почти ухо к моим губам, сидя близь меня на маленьком диване в углу кабинета. Когда дошло до взаимных признаний Веры и бабушки, он заметил, что «это хоть бы в романе Гете»… Тург<енев> слушал, будто замер, не шевелясь. Но я заметил громадное впечатление, сделанное на него рассказом». Дело в том, что в сюжетных ходах, густо написанных психологических характеристиках, значимых деталях и заключались «плоть и кровь» произведений Гончарова. Надо понять, что Тургенев не столько «заимствовал», сколько учился, проходил «мастер-класс» самого высокого уровня.

Следует при этом понимать и другое: «детали», сообщаемые Гончаровым, имели бесценное

значение, поскольку обязательно (в таком разговоре, обнаруживающем план всего романа) сопровождались комментарием, касающимся их расширительного или символико-аллегорического смыслового значения. В этих расширительно толкуемых и, как правило, исполненных тонкой поэзии деталях и заключалось то, что Гончаров столь неопределенно называл «соком романа», или «фантазией». В письме к С. А. Никитенко от 28 июня 1860 года Гончаров возмущался заимствованием именно неповторимых, то есть поэтических находок: «Нет, Софья Александровна, не зернышко взял он у меня, а взял лучшие места, перлы и сыграл на своей лире; если б он взял содержание, тогда бы ничего, а он взял подробности, искры поэзии, например, всходы новой жизни на развалинах старой, историю предков, местность сада, черты моей старушки – нельзя не кипеть» [Гончаров, 1955, с. 334].

Об одной из подобных, впрочем, не самых важных, находок Гончаров подробно говорит в «Необыкновенной истории»: «… я стал замечать, что кое-что из моих слов у него как будто мелькнет потом, в повести. Наконец однажды я прочел где-то у него, не помню в какой повести, маленькую картинку из «Обломова», и именно когда этот последний сидит в парке, в ожидании Ольги, и всматривается кругом, как все живет и дышит около него – на деревьях, в траве – как бабочки в вальсе мчатся попарно около друг друга, как жужжат пчелы, что ли, и т. д. – вся картинка, как есть! Но я мало обратил внимания на это и считал его наиболее всех к себе расположенным. Мне только странно казалось, что он нуждается в таких пустяках!»

Гораздо более значимыми были другие образы, мотивы и детали, использованные в «Дворянском гнезде» (вроде приезда мыслящего героя в провинцию, влюбленность в религиозную родственницу, карикатурность некоторых провинциальных типов, старуха-тетка как хранительница традиционной морали и архаичной прямоты, не слишком ярко выраженная параллель между Леммом и Кирилловым и пр.). Можно, вслед за Гончаровым, видеть использование Тургеневым и характерной параллели (Вера и Марфенька – Одинцова и Фенечка) в «Отцах и детях» [Литературное наследство, 2000, с. 211] и т. п.

Кстати сказать, почти все это, за исключением Лемма, столь бегло представлено в «Дворянском гнезде», которое сам Тургенев назвал «повестью», что претензии Гончарова, по сути, теряют особый смысл. Он сам отмечал, например, по поводу Бабушки: «Но повторивши два раза одну и ту же старуху – он все-таки, как ни старался, не одолел моей Бабушки – старухи. Он многими годами заскакал вперед, но когда вышел «Обрыв», Бабушка сделала общее и лестное для меня впечатление, а о его старухах и помина не было. Это понятно: он писал не то, что родилось и выросло в нем самом, а то, что отразилось от рассказа – и оттого вышло бледнее» [Литературное наследство, 2000, с. 211]. Ап. Григорьев в восторженной статье о «Дворянском гнезде», тем не менее, блестяще угадал разрыв между живо прописанным «центром» романа и пустой огромной рамой, отмеченной лишь пунктиром неоправданно присутствующих намеков: «… готовился огромный холст картины. Ибо иначе зачем бы 1) Тургенев окружил своего Лаврецкого новыми отпрысками старого гнезда, 2) зачем бы он стал толковать о его предках и 3) сопоставлять его в сравнении с ними посредством беседы с их портретами? Зачем бы он, с другой стороны, – если бы первоначально у него не было такого или подобного широкого зачинания, – зачем бы он стал обобщать частный характер отношений, придумывать, например, для душевной драмы своей Лизы выход общерусский, то есть один из общерусских выходов – монастырь (ср. слова Гончарова: «У меня верующая Вера, и у него – религиозная Лиза, с которой он не знал, как кончить, и заключил ее в монастырь»); зачем бы иначе и самая встреча Лаврецкого в монастыре с Лизою? – все то, одним словом, что в его создании набросано, намалевано и не оскорбляет как сочиненное, сделанное, только потому, что оно явным образом вырвано из живого органического единства, так что поневоле скажешь: все это безобразно, у всего этого висят оборванные члены, но все это рождалось, а не составлялось; это выкидыш, а не гомункулус Вагнера, недоношенное создание поэта, а не труд сочинителя. Зачем, спросили бы вы опять при том же условии, этюд в виде фигуры старика музыканта Лемма? Ведь он явно нужен только в одну минуту психологической драмы, минуту, когда необходимы душе человеческой бетховенские звуки, да и тут он явным образом стоит как тень Бетховена. Ну, для чего иначе он нужен, сами согласитесь?» [Григорьев, 1915, с. 52]. Создается впечатление, что Ап. Григорьев уже знает о претензиях Гончарова к Тургеневу – и прямо указывает как раз на то, о чем говорит и Гончаров. Но это не так – перед

нами блестящая догадка, лишь подтверждающая, что на замысел тургеневской «повести» накладывался замысел некоего эпоса.

Автору «Дворянского гнезда» не слишком удалось сохранить во всех упомянутых деталях именно «сок», «аромат», «запахи», которыми все это проникнуто в «Обрыве». Хотя проблема «плоти» и «крови» тургеневского «неэпического» романа была практически решена, конкретные «использования» не доведены у Тургенева до «перла создания», а прописаны скорее бегло, в рамках иной поэтической системы («сыграл на своей лире»). Факты заимствования отдельных поэтических находок, сюжетных ходов и пр. были налицо, но ущерба Гончаров как романист в целом не получил, если не считать, конечно, исключения из «Обрыва» тех замечательных мест (например, предки Райского), которые критика могла поставить ему в упрек – с указанием на уже опубликованный тургеневский роман. Гончаров наступил на горло собственной песне – и убрал из своего романа уже выношенные страницы.

С одной стороны, сжатость, соединенная с лиричностью тургеневского повествования, кажутся Гончарову, художественностью, не достигнутой им самим: «сок романа, дистиллирован и предложен в отделанном, обработанном, очищенном виде». Или: «Он великий мастер в этих подделках или параллелях. Он, как пенку с молока, снимет слегка общую идею…». Все это действительно удалось Тургеневу, и выдает в нем большого художника, строящего свою оригинальную разновидность русского социально-психологического романа. А с другой стороны, «Необыкновенная история» наполнена субъективными оценками, фразами, изобличающими Тургенева как якобы слабого писателя: «…он по временам писывал и свое: очень хорошенькие, хотя и жиденькие рассказы – вроде «Ася», «Первая любовь»», «скудость содержания и вымысла», «образы его не выражают ее (идею – В. М.) пластично» и пр. Нельзя всерьез воспринимать многие упреки Гончарова в адрес Тургенева, когда речь доходит до конкретики. Попытки изучать эти упреки всегда кончались лишь недоумением и общими примирительными фразами. И понятно – почему. Можно ли всерьез воспринять, например, такое замечание (из наиболее конкретных): «У меня бабушка достает старую книгу – и у него старая книга на сцене».

Лишь некоторые замечания могут стать отправной точкой для серьезного сопоставления. В основном же «обвинительные заключения» выглядят слишком расплывчато: «извлечен был весь сок романа, дистиллирован и предложен в отделанном, обработанном, очищенном виде» [Литературное наследство, 2000, с. 203]. Или: «Словом, он снял слепок со всего романа», хотя и «оборвал роман, не доведя его до конца» [Литературное наследство, 2000, с. 203]. Или: «По моей рукописи или по переданному ему моим слушателем тщательному описанию прочитанного мною Тургенев, как по узору, вышивает свой узор, с другими красками, и иногда цветами, меняя расположение самых цветов, иногда листьев, вставляя кое-какие свои – и потом осмысливая моею же идеею» [Литературное наследство, 2000, с. 218].

Но вернемся к вопросу об особом значении «Обрыва» в жизни и творчестве Гончарова. Очевидно, писатель справедливо не слишком боялся возможных мелких заимствований, считая, что его замысел столь громаден и многомерен, что подобные возможные заимствования мало ему могут навредить. Осознание особой важности последнего романа было присуще Гончарову и в 1849 г., когда был отложен на неопределенное время роман «Обломов», и в 1855 г., когда Гончаров, вернувшись из длительного путешествия, вдруг обозрел свое творческое «хозяйство» и сам оказался поражен новизной и глубиной художнических находок. В «Необыкновенной истории» Гончаров акцентировал особенное душевное расположение во время разговора с Тургеневым, происхождение которого – избыток щедрых художественных находок, желание проверить свои впечатления, «артистический угар» и т. п.: «Я взял – да ни с того, ни с сего вдруг…» [Литературное наследство, 2000, с. 218], «все это я рассказывал, как рассказывают сны, с увлечением, едва поспевая говорить… сам наслаждаясь и гордясь своим богатством и спеша отдать на поверку тонкого, критического ума» [Литературное наследство, 2000, с. 201] и т. д. «Увлечение», «скороговорка», несомненная пунктирность картин и описаний в желании успеть представить грандиозность целого здания, несомненно, привнесло много сумбура в разговор двух писателей. Гончаров сбивчиво передавал Тургеневу не только план «Обрыва», но, в сущности, патетическое, с гимном женщине и России, завершение всего общего замысла трилогии, который он не мог хранить в себе. Такова психологическая атмосфера и творческая

подоплека этого вечернего разговора Тургенева и Гончарова.

Что касается реакции Тургенева на обвинения Гончарова, ее можно понять. Иное дело, что и автор «Дворянского гнезда» проявил человеческую слабость. К сожалению, Тургенев публично не признал достоинства романа, от которого «ожидал золотые горы», «не заметил» его принципиального отличия от первых двух романов Гончарова и высочайший уровень авторского идеала, не говоря уж об общем замысле романной трилогии (чего так жаждалось Гончарову в памятном разговоре). Публичные высказывания Тургенева удивляют несправедливостью художественной оценки. Так, в доверительном письме к П. В. Анненкову от 9 февраля 1869 г. он заметил: «Читаю продолжение «Обрыва», и волосы у меня вылезают от скуки. Эдаких дьявольски-нестерпимых разговоров я что-то ни в одной литературе не запомню… Устарел, устарел Иван Александрович, и философия его затхлая» [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 144]. Анненков, начиная с 1840-х гг., поддерживал Тургенева в его негативном отношении к Гончарову. Понимающий критик, он мог в угоду Тургеневу дать несправедливый печатный отзыв о произведениях Гончарова, как это было в случае с его рецензией на очерк «Иван Савич Поджабрин» в 1849 г. [Анненков, 1849]. Невыгодно сравнивая очерк с вышедшей ранее «Обыкновенной историей», он как бы подтверждает уверенность Тургенева, сказавшего после выхода первого романа Гончарова о том, что «он со всех сторон «штудировал» Гончарова и пришел к заключению, что он в душе чиновник, что его кругозор ограничивается мелкими интересами, что в его натуре нет никаких порывов, что он совершенно доволен своим мизерным миром и его не интересуют никакие общественные вопросы, «он даже как-то боится разговаривать о них, чтоб не потерять благонамеренность чиновника. Такой человек далеко не пойдет!– посмотрите, что он застрянет на первом своем произведении»…» [И. А. Гончаров в воспоминаниях … , 1969, с. 48]. Получалось, что Тургенев прав: очерк был явно слабее романа, и Гончаров «дальше не пошел». Однако при этом Анненков предпочел не заметить дату написания очерка: он был написан не после, а до «Обыкновенной истории» – в 1842 г., так что эту ситуацию пришлось объяснять Н. А. Некрасову в отдельной рецензии: «Многие, полагая, что повесть г-на Гончарова «Иван Савич Поджабрин» писана после «Обыкновенной истории», выводят из этого включение об упадке таланта автора… Но дело в том, что «Поджабрин» писан гораздо прежде «Обыкновенной истории», о чем свидетельствует 1842 год, поставленный под этой повестью. Мы далеко не считаем эту повесть слабой: в ней есть много своего рода достоинств…» [Некрасов, 1849, с. 97–98]. Недосмотр Анненкова не был случайным. Гончаров неоднократно просил его написать рецензию на свой шедевр – роман «Обломов», однако Анненков не только отказался от этого предложения, но и «отчитался» об этом в письме к Тургеневу. Столь подробный экскурс в историю взаимоотношений Анненкова и Тургенева необходим именно потому, что выявляет истинную цену романа «Обрыв». Анненков понял его исключительное положение в современной литературе. Роман, видимо, потряс Анненкова настолько, что он не прислушался к вышеприведенной оценке Тургенева («волосы вылезают от скуки» и пр.) и, не оглядываясь на своего высокого покровителя, неожиданно написал восторженный отзыв об «Обрыве», в котором сравнивал его с «Войной и миром» Л. Н. Толстого. Рецензия, посланная в журнал «Заря», не была напечатана, но о высокой оценке Анненкова мы узнаем из письма к нему редактора от 21 октября 1869 г.: «Милостивый государь Павел Васильевич. Возвращая Вам рукопись Вашего разбора романа «Обрыв», прошу позволения выразить Вам крайнее сожаление, что разбор этот не может быть напечатан в «Заре». Мнение, составленное редакцией об романе г. Гончарова, совершенно не сходится с Вашим мнением; сравнение «Обрыва» с «Войною и миром» – сравнение, из которого выходит то, что роман г. Гончарова занимает в русской литературе одинаковое место с романом гр. Толстого, – невозможно печатать в том журнале, который, по своему крайнему убеждению, совершенно искренно поставил «Войну и мир» как одно из величайших созданий русского Гения, сравнивать которое можно только с созданиями Пушкина...» [Л. Н. Толстой … , 1948, с. 98]. Следует пояснить, что в январском номере «Зари» была опубликована первая часть большой статьи Н. Н. Страхова о «Войне и мире». Страхов, одним из первых утверждая в критике выдающееся значение романа Толстого, показал высочайшее художественное мастерство Толстого, его непередаваемую психологическую глубину в передаче перемен и состояний человеческой

души. Очевидно, похвалы «Обрыву» показались в этом контексте редактору «Зари» чрезмерными. Несомненно, в своей статье П. В. Анненков чрезвычайно высоко оценивал роман «Обрыв». Возникает вопрос: если высокое место «Обрыва» в русской литературе понимал член «третейского суда» Анненский, мог ли не понимать этого Тургенев?

Возвращаясь к психологической мотивировке «искренних излияний» Гончарова перед Тургеневым в 1855 г., скажем, что им (в той ситуации с «Обрывом», о которой мы подробно сказали выше) вероятно, руководила та правдивая сила художественного вдохновения, которая порой заставляет творца (художника или ученого) открывать свои секреты, несмотря на близко подставленное ухо столь же умного и понимающего другого творца – пусть и не вполне доброжелателя: в этот момент автор, повторим, не только делился замыслом, но и, напрягаясь в высокой беседе, «шлифовал» его. Хотя, конечно, же присутствовал и мотив авторского тщеславия. И еще: эта откровенность стала основой всей последующей жизненной драмы Гончарова, развила в нем мнительность, расшатала нервы и на тридцать лет загнала в одинокий угол, из которого художник почти не показывался. Но это не было единственной причиной драмы. Вторая была – то высочайшее «дантовское» содержание, которое Гончаров вложил в «Обрыв» как в заключительную часть трилогии и которое, по его мнению, должны были прочесть «между строками» его современники. Но никто, кроме разве Анненкова (трудно сказать точно, на чем основывалась его параллель с «Войной и миром», но ясно, что речь шла о широчайшем эпосе – и, возможно, о всей трилогии), не смог или не захотел этого сделать.

Библиографический список

1. Анненков П. В. Заметки о русской литературе прошлого года // Современник. 1849. № 1. С. 15–16.

2. Анненков П. В. Литературные воспоминания. Москва : Гос. из-во худ. лит., 1960. 688 с.

3. Асоян А. Данте в русской культуре. Москва – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2015. 288 с.

4. Батюто А. И. Тургенев-романист. Ленинград : Наука, 1972. 389 с.

5. Богомолова Н. В. Эволюция женского характера в трилогии И. А. Гончарова // Русское литературоведение на современном этапе: Материалы V Междунар. конф. / гл. ред. Ю. Г. Круглов. Москва : Моск. гос. открыт. пед. ун-т им. М. А. Шолохова, 2006. Т. 1. С. 90–94.

6. Буданова Н. Ф. [Вступит статья к «Необыкновенной истории»] // Литературное наследство. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Москва : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. С. 184–195.

7. Виноградов И. А. П. В. Анненков – биограф Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмые Гоголевские чтения: сб. докл. Междунар. конференции / департамент культуры г. Москвы; Центр. гор. б-ка – мемор. центр «Дом Гоголя» / под общ. ред. В. П. Викуловой. Москва : Фестпартнер, 2009. С. 145–155.

8. Виноградов И. А. Значение Рима в наследии Гоголя // Творчество Н. В. Гоголя в контексте европейских культур. Взгляд из Рима. Москва – Новосибирск : Новосиб. изд. дом, 2018. С. 41–51.

9. Воробьева М. С. «Карнавальные пары» в романах И. А. Гончарова // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филол. Нижний Новгород, 2004. Вып. 1(5). С. 28–32.

10. Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам…» (Творческая история романа «Обрыв») // Литературное наследство. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Москва : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. С. 88.

11. Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. Москва : Наука, 1971. 552 с.

12. Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 томах. Том 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. Москва : Гос. изд-во худ. лит., 1955. 576 с.

13. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Ленинград : Художественная литература, 1969. 342 с.

14. И. А. Гончаров и К. К. Романов. Неизданная переписка. Псков : Изд-во ПОИПК, 1993. 304 с.

15. И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского дома / с предисл. и прим. Б. М. Энгельгардта. Петербург : Academia, 1923. 106 с.

16. [Григорьев Ап.] Собр. соч. Ап. Григорьева. / под ред. В. Ф. Саводника. Вып. 10. И. С. Тургенев и его деятельность: (по поводу романа «Дворянское гнездо»). Москва : Тип. И. Н. Кушнерева и К°, 1915. 135 с.

17. Доманский В. А. Сады Гончарова // Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: Моногр. в 3 т. Санкт-Петербург : СПб. гос. ун-т технол. и дизайна, 2010. Т. 1. С. 187–223.

18. Кочетова В. Г. К вопросу о типологии характеров в произведениях И. А. Гончарова // Художественный текст: варианты интерпретации / отв. ред. В. А. Акимов. Бийск : БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. Ч. 1. С. 281–288.

19. Литературное наследство. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Москва : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. 736 с.

20. Ляцкий Е. А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки. Санкт-Петербург : Огни, 1912. Т. VI. 324 с.

21. Майков Л. Н. Ссора между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым в 1959–1860-х годах // Руссская старина. 1900. № 1. С. 5–23.

22. Мельник В. И. И. А. Гончаров и П. В. Анненков: история отношений писателя и критика // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2017. № 4. С. 32–35.

23. Мошонкина Е. Н. Переводческая рецепция «Божественной комедии» в XIX в. в России и во Франции: попытка сопоставительного анализа) // Вестник МГУ. 2013. № 2. С. 111–112.

24. Недзвецкий В. А. Романы И. А. Гончарова. Москва : МГУ, 1996. 100 с.

25. [Некрасов Н. А.] О приложении к «Современнику» 1849 года // Современник. 1849. № 4. Отд. III. С. 96–98.

26. Никитина Н. С. Тургенев и Гончаров («Обломов» и «Накануне»: «Необыкновенная история» или обыкновенная полемика?) // Спасский вестник. 2005. № 12. С. 145–151.

27. Суханек Л. И. Тургенев и И. Гончаров, или о плагиате // Slavica. № 23. Debrecen, 1986. С. 305–313.

28. Л. Н. Толстой. К 120-летию со дня рождения (1828–1948). Кн. II. Москва : Гос. лит. музей, 1948. 487 с.

29. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 томах. Москва : Наука, 1978–2014.

30. Mazon Andre. Un maitre du roman russe Ivan Gontcharov. Paris, 1914. P. 358–359.

Reference List

1. Annenkov P. V. Zametki o russkoj literature proshlogo goda = Notes on last year Russian litrature // Sovremennik. 1849. № 1. S. 15–16.

2. Annenkov P. V. Literaturnye vospominanija = Literary memories. Moskva : Gos. iz-vo hud. lit., 1960. 688 s.

3. Asojan A. Dante v russkoj kul'ture = Dante in Russian culture. Moskva – Sankt-Peterburg : Centr gumanitarnyh iniciativ, Universitetskaja kniga, 2015. 288 s.

4. Batjuto A. I. Turgenev-romanist = Turgenev-novelist. Leningrad : Nauka, 1972. 389 s.

5. Bogomolova N. V. Jevoljucija zhenskogo haraktera v trilogii I. A. Goncharova = The evolution of a female character in I.A. Goncharov's trilogy // Russkoe literaturovedenie na sovremennom jetape: Materialy V Mezhdunar. konf. / gl. red. Ju. G. Kruglov. Moskva : Mosk. gos. otkryt. ped. un-t im. M. A. Sholohova, 2006. T. 1. S. 90–94.

6. Budanova N. F. [Vstupit stat'ja k «Neobyknovennoj istorii»] = Introductory article to «Unusual stories» // Literaturnoe nasledstvo. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovanija. Moskva : IMLI RAN : Nasledie, 2000. S. 184–195.

7. Vinogradov I. A. P. V. Annenkov – biograf N. V. Gogolja = Annenkov – N.V. Gogol's biographer // N. V. Gogol' i ego literaturnoe okruzhenie: Vos'mye Gogolevskie chtenija: sb. dokl. Mezhdunar. konferencii / departament kul'tury g. Moskvy; Centr. gor. b-ka – memor. centr «Dom Gogolja» / pod obshh. red. V. P. Vikulovoj. Moskva : Festpartner, 2009. S. 145–155.

8. Vinogradov I. A. Znachenie Rima v nasledii Gogolja = The meaning of Rome on Gogol's heritage // Tvorchestvo N. V. Gogolja v kontekste evropejskih kul'tur. Vzgljad iz Rima. Moskva – Novosibirsk : Novosib. izd. dom, 2018. S. 41–51.

9. Vorob'eva M. S. «Karnaval'nye pary» v romanah I. A. Goncharova = «Carnival couples»in I.A. Goncharov's novels // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Filol. Nizhnij Novgorod, 2004. Vyp. 1(5). C. 28–32.

10. Gejro L. S. «Soobrazno vremeni i obstojatel'stvam…» (Tvorcheskaja istorija romana «Obryv») = «Due to time and circumstances...» (The story of creation of the novel «The Cliff») // Literaturnoe nasledstvo. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovanija. Moskva : IMLI RAN : Nasledie, 2000. S. 88.

11. Golenishhev-Kutuzov I. N. Tvorchestvo Dante i mirovaja kul'tura = Dante's creative work and world culture. Moskva : Nauka, 1971. 552 s.

12. Goncharov I. A. Sobr. soch. V 8 tomah. Tom 8. Stat'i, zametki, recenzii, avtobiografii, izbrannye pis'ma = Collection of works in 8 v. Volume 8. Articles, notes, reviews, autobiographies, chosen letters. Moskva : Gos. izd-vo hud. lit., 1955. 576 s.

13. I. A. Goncharov v vospominanijah sovremennikov. I.A. Goncharov in contemporaries' memories Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1969. 342 s.

14. I. A. Goncharov i K. K. Romanov. Neizdannaja perepiska = I. A. Goncharov and K. K. Romanov. Unpublished correspondence. Pskov : Izd-vo POIPK, 1993. 304 s.

15. I. A. Goncharov i I. S. Turgenev po neizdannym materialam Pushkinskogo doma = I. A. Goncharov and I. S. Turgenev about unpublished Pushkin house materials / s predisl. i prim. B. M. Jengel'gardta. Peterburg : Academia, 1923. 106 s.

16. [Grigor'ev Ap.] Sobr. soch. Ap. Grigor'eva = Ap. Grigorjev's collection of works / pod red. V. F. Savodnika. Vyp. 10. I. S. Turgenev i ego dejatel'nost': (po povodu romana «Dvorjanskoe gnezdo»). Moskva : Tip. I.N. Kushnereva i K°, 1915. 135 c.

17. Domanskij V. A. Sady Goncharova = Goncharov's gardens // Domanskij V. A., Kafanova O. B., Sharafadina K. I. Literatura v sinteze iskusstv: Monogr. v 3 t. Sankt-Peterburg : SPb. gos. un-t tehnol. i dizajna, 2010. T. 1. S. 187–223.

18. Kochetova V. G. K voprosu o tipologii harakterov v proizvedenijah I. A. Goncharova = On the question about characters' typology in I.A. Goncharov's works // Hudozhestvennyj tekst: varianty interpretacii / otv. red. V. A. Akimov. Bijsk : BPGU im. V. M. Shukshina, 2006. Ch. 1. S. 281–288.

19. Literaturnoe nasledstvo. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovanija = Literature inheritance. V. 102. I. A. Goncharov. New materials and researches. Moskva : IMLI RAN : Nasledie, 2000. 736 s.

20. Ljackij E. A. Goncharov. Zhizn', lichnost', tvor-

chestvo. Kritiko-biograficheskie ocherki = Goncharov. Life, personality, creative work. Critical and biographical essays. Sankt-Peterburg : Ogni, 1912. T. VI. 324 s.

21. Majkov L. N. Ssora mezhdu I. A. Goncharovym i I. S. Turgenevym v 1959–1860-h godah = A quarrel between I. A. Goncharov and I. S. Turgenev in 1959–1960-s. // Russskaja starina. 1900. № 1. S. 5–23.

22. Mel'nik V. I. I. A. Goncharov i P. V. Annenkov: istorija otnoshenij pisatelja i kritika = I. A. Goncharov and P. V. Annenkov: the story of relationships of the writer and the critic // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl', 2017. № 4. S. 32–35.

23. Moshonkina E. N. Perevodcheskaja recepcija «Bozhestvennoj komedii» v XIX v. v Rossii i vo Francii: popytka sopostavitel'nogo analiza) = Translation reception of «Divine comedy» in the XIX c. in Russia and France: an attempt of comparative analysis // Vestnik MGU. 2013. № 2. S. 111–112.

24. Nedzveckij V. A. Romany I. A. Goncharova = I. A. Goncharov's novels. Moskva : MGU, 1996. 100 s.

25. [Nekrasov N. A.] O prilozhenii k «Sovremenniku» 1849 goda = About the appendix to «Sovremennik» 1849 // Sovremennik. 1849. № 4. Otd. III. S. 96–98.

26. Nikitina N. S. Turgenev i Goncharov («Oblomov» i «Nakanune»: «Neobyknovennaja istorija» ili obyknovennaja polemika?) = Turgenev and Goncharov: («Oblomov» and «On the eve»:» An unusual story» or trivial controvesy // Spasskij vestnik. 2005. № 12. S. 145–151.

27. Suhanek L. I. Turgenev i I. Goncharov, ili o plagiate = I. Turgenev and I. Goncharov, or about plagiarism // Slavica. № 23. Debrecen, 1986. S. 305–313.

28. L. N. Tolstoj. K 120-letiju so dnja rozhdenija (1828–1948). Kn. II. = L. N. Tolstoy. To the 120th anniversary from birth (1828–1948) B. II. Moskva : Gos. lit. muzej, 1948. 487 s.

29. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem. V 30 tomah = Complete collection of works and letters. In 30 volumes. Moskva : Nauka, 1978–2014.

30. Mazon Andre. Un maitre du roman russe Ivan Gontcharov. Paris, 1914. P. 358–359.

УДК 821.161.1; 82.95

Т. Б. Ильинская **https://orcid.org/0000–0003–2690–7930**

Роль фельетонной критики в формировании репутации писателя: Н. С. Лесков и Виктор Бибиков

Для цитирования: Ильинская Т. Б. Роль фельетонной критики в формировании репутации писателя: Н. С. Лесков и Виктор Бибиков // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 29-34. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-29-34

В статье рассматриваются литературно-критические работы писателя В. И. Бибикова (1863–1892), посвященные творчеству Н. С.Лескова. Обнаруженные в петербургской газете «День», очерки и рецензии Бибикова восполняют существенный пробел лесковианы, поскольку считалось, что Бибиков, в ком Лесков видел потенциального критика, не исполнил своего обещания составить «исторически-литературный портрет» писателя. Помещенные в газете, рассчитанной на самого широкого читателя, литературно-критические статьи Бибикова являют собой типичный пример фельетонной критики, со всеми ее особенностями и содержания, и поэтики. Сам Бибиков формулировал задачи этой критики как искусство привлечь внимание к писателю и его произведению (в ущерб глубокому всестороннему анализу), что он с успехом демонстрирует в посвященных Лескову очерках. В них Бибиков стремится не только заинтересовать, но даже заинтриговать читателя, сообщая ему биографические сведения о Лескове, описывая его внешность и его кабинет-музей, выдвигая тезис о высокой квалификации читателя, которая нужна, чтобы понять рассказ «Час воли Божией». Эти фельетонные приемы соседствуют у Бибикова с аналитическими подходами, проявляющимися в попытке выстроить литературную биографию Лескова как историю незаслуженного остракизма, сменившегося запоздалым признанием. Эта часть очерка представляет особую ценность, поскольку в ней Бибиков использует лесковский образ «Сеничкин яд», что позволяет сделать вывод о причастности самого писателя к созданию этого очерка. Несмотря на то, что литературно-критические фельетоны Бибикова несут в себе черты поэтики этого «легкого» жанра (напр., эпитеты-экспрессивы «виртуозные произведения»; «бессмертная хроника „Соборяне”»; «рассказ потрясающей силы»), автору удалось наметить те кардинальные линии, по которым будет двигаться посвященная Лескову критика XX века. Это тезисы о своеобразии Лескова-писателя, в том числе и языковом; о его независимости от творческой манеры романистов-современников; о разрушительном влиянии демократической критики на репутацию писателя. Мотивное сходство автокритики Лескова и очерков Бибикова, который входил в ближайшее окружение писателя в конце 1880-х – начале 1890-х гг., позволяет сделать вывод о причастности автора «Соборян» к посвященным ему критическим фельетонам.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, В. И. Бибиков, литературная критика, фельетонная критика, жанры литературной критики.

T. B. Ilinskaya

N. S. Leskov and Victor Bibikov: the role of feuilleton criticism in the formation of a writer's reputation

The article deals with the literary-critical works of the writer V. I. Bibikov (1863–1892), devoted to the work of N. S. Leskov, Bibikov's essays and reviews, found in an unpopular newspaper «Den», fill a significant gap of leskoviana, since it was believed that Bibikov, in whom Leskov saw a potential critic, did not fulfil his promise to make a «historical and literary portrait» of the writer. Bibikov's literary and critical articles, placed in a newspaper and designed for the widest reader, are a typical example of feuilleton criticism, with all its features and content, and poetics. Bibikov himself formulated the tasks of this criticism as an art to draw attention to the writer and his work (to the detriment of deep comprehensive analysis), which he successfully demonstrates in the essays devoted to Leskov. In them Bibikov wants not only to interest, but even to intrigue the reader, telling him biographical information about Leskov, describing his appearance and his office-museum, putting forward the thesis of the high qualification of the reader, which is needed to understand the story «the Hour of God's will». These feuilleton techniques coexist with Bibikov's analytical approaches, manifested in an attempt to build Leskov's literary biography as a history of undeserved ostracism, replaced by belated recognition. This part of the essay is of particular value, because in it Bibikov uses Leskov's image of «Senichkin poison», which allows us to conclude that the writer himself was involved

© Ильинская Т. Б., 2020

in the creation of this essay. In spite of the fact that Bibikov's literary and critical feuilletons bear in themselves features of poetics of this «easy» genre (for example, epithets-expressives «virtuoso works»; «immortal chronicle „Soboryane”»; «story of tremendous power»), the author managed to outline the cardinal lines along which will move dedicated to Leskov criticism of the twentieth century. These are theses about the originality of Leskov-writer, including language; about his independence from the creative manner of novelists-contemporaries; about the destructive influence of democratic criticism on the reputation of the writer. The motif similarity of Leskov's auto-criticism and Bibikov's essays, which was part of the writer's inner circle in the late 1880s-early 1890s, allows us to conclude that the author of «Soboryan» was involved in the critical feuilletons dedicated to him.

Key words: N. S. Leskov, V. I. Bibikov, literary criticism, feuilleton criticism, genres of literary criticism.

Имя Виктора Бибикова в последние годы часто появляется в исследованиях, посвященных литературной жизни конца 1880-х гг. [Нымм, 2003; Шелаева, 2013]. Писатель и критик, В. И. Бибиков входил в ближайшее окружение Н. С. Лескова, а также послужил прототипом центрального героя романа И. И. Ясинского «Лицемеры» [Ясинский, 1894], в котором изображается широкая картина литературного Петербурга. Ясинский же дал уничижительную характеристику Бибикова: «Познакомил и свел меня с Лесковым Виктор Бибиков. Бибиков был молодой человек из тех писателей, которые не оставляют следа в литературе, но которые, однако, являются более или менее соединительной тканью в ней. Они играют роль посредников между ее главнейшими органами. Как без Бибикова можно было бы соединить не только Лескова и меня, но Лескова и Арсеньева, этого белоснежного чистоплюя либерализма, писавшего в „Вестнике Европы” и державшего в нем первую скрипку с необычайной моральной сухостью и строгостью?» [Ясинский, 2018, с. 432].

Такой резкий приговор не совпадает с другими оценками литературных способностей Бибикова. Так, С. А. Венгеров не отказывал Бибикову в художественном даровании, хотя и считал, что пагубное влияние И. И. Ясинского погубило «некрупный талант» Бибикова [Венгеров, 1892, с. 258].

В пользу определенного значения Бибикова в литературе свидетельствует и публикация его рассказов в двухтомнике «Писатели чеховской поры» [Писатели чеховской поры, 1982].

Однако, пожалуй, главным доводом против процитированного пренебрежительного отзыва является убеждение Лескова в небесталанности Бибикова, которому он неоднократно оказывал редакторскую помощь. Положительный отношение у Лескова вызвало намерение Бибикова написать критический очерк о нем, что также свидетельствует об определенном признании дарования молодого писателя. Мало того – Лесков был готов поместить труд Бибикова в таких авторитетных изданиях, как «Русская мысль» и «Исторический вестник». Так, издателю «Русской мысли» В. М. Лаврову Лесков писал: «Хотелось бы без лицемерия спросить: будет ли у Вас что-нибудь о Собрании моих сочинений. Это не для любопытства и не в виде тонкого намека, а некто Бибиков составил какой-то мой „литературный портрет”. Я его не читал или не видал, но говорят, будто это сделано очень хорошо. Не посоветуете ли Вы этому молодому человеку прислать Вам его работу на просмотр. Он вначале ветреничал и писал плохо, а теперь все вдумывается и пишет лучше» [Лесков, 1958, с. 431–432]. Последние слова в процитированном отрывке, в которых выражена идея профессионального возрастания, были близки самому Лескову: формулой «трудный рост» он очертил свой путь писательского становления [Лесков, 1958, с. 508]. Через полгода после вышеупомянутого письма В. М. Лаврову Лесков пишет издателю «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому о намерении Бибикова опубликовать этот очерк, акцентируя, что ориентиром будет популярный жанр («…с целью составить и предложить Вам мой „исторически-литературный портрет”, как это делают нынче французы» [Лесков, 1958, с. 454]). В этих лесковских словах явно проглядывает заинтересованность автора и в критике, и в издателе. Рассмотренные письма позволяют сделать вывод, что Лесков вполне серьезно рассматривает Бибикова как своего потенциального критика, не опасаясь, что тот дискредитирует свою тему.

В обстоятельных примечаниях к очеркам А. И. Фаресова в книге «Н. С. Лесков в воспоминаниях современников» (М., 2018) приведенное выше письмо С. Н. Шубинскому комментируется следующим образом: «Бибиков свое обещание не выполнил» [Соболев, 2018, с. 642]. Однако это утверждение требует существенной корректировки.

«Исторически-литературный портрет» Лескова, написанный Бибиковым, появился менее, чем через год после лесковского письма, 1 января 1891 года, правда не в тех широко известных изданиях, о которых шла речь выше, а в петербургской газете «День», где, кроме этого большого, в два «подвала», очерка, Бибиков поместил еще ряд материалов о Лескове.

Несомненно, было существенное различие между первоначальными намерениями Бибикова и их реализацией: поскольку газета «День» была массовым изданием, очерки о Лескове представляли собой яркий образчик фельетонной критики, задачи которой сам Бибиков сформулировал в одной из своих статей: «…цель статьи не всестороннее знакомство с разбираемыми книгами, а возбуждение в читателе желания <…> прочитать самые книги» [Бибиков, 1890а, с. 2].

То, что Бибиков выступал в фельетонном жанре, думается, было для него отнюдь не вынужденным шагом. Для его натуры легкий стиль был глубоко органичен. Он сам какое-то время был актером и превосходно имитировал интонацию и голос своих знакомых. Свой артистизм он обнаруживал и в обществе, о чем свидетельствуют современники: «Обладая прекрасною памятью и на стихи, и на прозу, он знал наизусть чуть ли не все, что есть выдающегося в русской литературе последнего столетия. Целыми страницами подряд он мог цитировать Тургенева, Толстого, Достоевского, а из поэтов во всякое время мог продекламировать на память целые поэмы не только первостепенного значения – Пушкина и Лермонтова, но и какого-нибудь «Чернеца» Козлова. Им овладевал при этом искренний восторг, он видимо проникался всеми красотами произведения» [Венгеров, 1892, с. 258]. Сильное впечатление декламационный дар Бибикова производил и на Ясинского, который в романе «Лицемеры» воссоздал момент чтения стихов Пушкина: «Теперь он стал прекрасен – словно душа гения на мгновение слилась с его душой и чудесно преобразила его черты. Голос был гибок и нежен» [Ясинский, 1894, с. 41].

Действительно, артистизм Бибикова помогал ему, когда он выступал в роли фельетонного критика. Бибиков обладал способностью писать живо и занимательно. Однако эта манера не всегда встречала одобрение. Так, в фельетонной рубрике «Профили современников» он поместил большой материал о Репине, на что Репин отозвался раздраженной репликой в одном из писем: «Да, Бибиков меня поддел!.. Прислал вырезку, свой «Профиль» с меня. Я, конечно, ему без всякой церемонии отпел все, что я думаю об этом ненавистном мне жанре и о всех его тут нелепостях. Он прислал оправдательное письмо...» [Репин, 1969, с. 59].

Нам неизвестны высказывания Лескова о фельетонной критике (в отличие, например, от оценок Д. Н. Мамина-Сибиряка, резко отзывавшегося о ней: «эта фельетонная критика жует и пережевывает старую жвачку, которую давно пора бросить к черту» [Мамин-Сибиряк, 2014, с. 51]). Однако известно, что Лесков не разделял высокомерного отношения некоторых коллег к газетам для самой широкой публики, в том числе и для необразованной. Так, Н. С. Лесков ценил «Петербургскую газету» как «серый» листок, который читает 300 тысяч лакеев, дворников, поваров, солдат и лавочников. Поэтому можно предполагать, что и фельетонная критика воспринималась им как важное средство в формировании массовых читательских вкусов и пристрастий.

Фельетонное творчество Бибикова в газете «День» в основном тематически связано с современной русской и французской словесностью. Большинство очерков Бибикова посвящены персоналиям мира литературы и искусства, но встречаются и обзорные статьи, в которых он часто находит повод обратиться и к творчеству Лескова. Так, в очерке-фельетоне «Цыгане» он писал:

«Я нарочно приберег к концу повесть Н. С. Лескова, в которой цыганка изображена с художественной глубиной и полнотой разительной, а также показана весьма интересная сторона отношений цыганки с человеком т.н. интеллигентного общества <…> „Очарованный странник”, признанный в последнее время одной из наиболее выдающихся работ почтенного беллетриста, не уступающий даже „Соборянам”, появился впервые в печати в фельетонах мало распространенной газеты „Русский мир” в 70-х годах. Тогда же повесть была отпечатана отдельной книгой, но журнальная критика, подвергнувшая Лескова своей опале, которая выразилась в ужасном для всякого писателя „заговоре молчания”, не обратила внимания на эту пьесу и, по своему обыкновению, промолчала о ней. Прошло около двадцати лет, и вот, в позапрошлом году, Суворин перепечатал „Очарованный странник” в одном из томиков

„Дешевой библиотеки”. Большинство литераторов прочитали в этом издании „Очарованного странника” в первый раз, поднялся шум, толки, разговоры, похвалы, проникшие и в печать в виде хвалебных отзывов и рецензий, и произведение, созданное столько лет назад, только в наши дни получило справедливую оценку, а вместе с ней и широкое распространение в кругу читателей» [Бибиков, 1889, с. 2].

Как можно заметить, фельетонная легкость здесь проявляется не только в свободе перехода к новой теме, но и в умело созданном образе несправедливо гонимого, но затем все же признанного писателя. Экспрессивы разговорного характера («шум, толки, разговоры, похвалы», «ужасный заговор <…> молчания» и т. п.) также способствуют легкости восприятия очерка не искушенным в литературе читателем.

В другом фельетоне имя Лескова служит отправной точкой для развертывания темы: «Н. С. Лесков в своей заметке в „Новом времени” о последней книжке Сытинского издания, а именно об Эпиктете <…> выразил сожаление, что такое хорошее дело, как издание народных книг, перешло от „Посредника” в руки купца, что, конечно, он сумеет „разбазарить” свои издания и внесет в это дело свои коммерческие приемы, что уже и видно по Эпиктету, так как книга эта издана небрежно и из нее при чтении выпадают листки» [Бибиков, 1890, с. 2]. Такая тактика частого «мелькания» имени Лескова, к которому фельетонист прибегает как к авторитету в литературных вопросах, способствует формированию определенных представлений о писателе среди широкой публики.

В фельетонах обзорного характера Бибиков целенаправленно выстраивает репутацию Лескова как признанного мэтра отечественной словесности.

Так, в статье о «Ниве», говоря о том, что в рецензиях и обозрениях несправедливо замалчиваются или даже третируются иллюстрированные журналы, он ссылается на авторитет Л. Толстого, Григоровича, Полонского, Лескова, которые публиковались в «Ниве»: «Из сочинений почтенного автора „Соборян” Н. С. Лескова была напечатана большая повесть „Павлин”» [Бибиков, 1890б, с. 2]. Как можно заметить, имя Лескова используется критиком как сильный аргумент в суждениях о литературном процессе.

В фельетонном обозрении «Последние книжки журналов» Бибиков прикладывает немалые усилия, чтобы адаптировать лесковскую повесть «Час воли Божией» для восприятия филологически неподготовленного читателя:

«„Русское обозрение” в ноябрьской книжке поместило сказку Н. С. Лескова „Час воли Божией”. Почтенный беллетрист написал эту нравоучительную сказку языком семнадцатого столетия, сохранив в своем произведении все особенности стиля того времени. Труд автора „Соборян” увенчался полным успехом, и читателю, любителю таких виртуозных произведений, „Час воли Божией” доставит большое удовольствие, но для большой публики сказка любимого писателя вряд ли представит значительный интерес, потому что для понимания этой пьесы необходимо знакомство с русской древней письменностью, а некоторые слова и выражения придется искать в словаре. Можно пожалеть, что нет примечаний с объяснениями и переводом этих слов и выражений, потому что по содержанию своему последнее произведение Н. С. Лескова по вложенной в него идее заслуживает самого широкого распространения» [Бибиков, 1890в, с. 2].

Более глубок, в меньшей степени фельетонен Бибиков в большом очерке, посвященном исключительно Лескову – очерке, в котором чувствуется и рука самого Лескова, хотя в нем имеются фрагменты, нацеленные на то, чтобы вызвать интерес у читателя, далекого от литературы. У Бибикова Лесков предстает «домашним образом»: описывается внешность писателя, его кабинет, напоминающий музей собранием разных редкостей. Однако Бибиков не ограничивается темами, призванными удовлетворить любопытство неискушенного читателя, и обращается к проблемам, которые, как свидетельствуют эпистолярий и мемуаристика, были всегда важны для Лескова.

Так, Бибиков подробно останавливается на драматическом контрасте современного успеха Лескова и того остракизма, которому он был подвергнут журналистами и критиками 60-х и 70-х годов. В этой части очерк становится аналитичен: Бибиков подвергает разбору причины перемены литературной участи Лескова. Но делает это не сухо и педантически, а по-фельетонному живо, прибегая к щедринско-лесковскому образу «Сеничкин яд» (в 1863 г. это выражение появляется у Салтыкова-Щедрина, через двадцать лет им воспользовался Лесков для обозначения нигилистического комплекса идей, пагубно влиявшего на общество). Ввиду

возможной причастности Лескова к этим аргументам Бибикова, приведем фрагмент:

«Не объясняется ли этот успех тем, что сошли со сцены Достоевский, Тургенев, Салтыков, Писемский, и Лесков, сменив великих писателей, невольно обращает на себя внимание читающей России? Но и это предположение не выдерживает критики, если вспомнить, что, слава Богу, жив <…> Лев Толстой, последние произведения которого пользуются гораздо большей популярностью, чем „Война и мир” и „Анна Каренина”.

Ларчик открывается проще. Изменилось положение дел, изменилось отношение к литературе как читателей, так равно и „услужающих” им критиков и рецензентов. Сеничкин яд выдохся, тенденциозность опротивела хуже горькой редьки» [Бибиков, 1891, с. 2].

Участие Лескова в труде Бибикова обнаруживают прежде всего биографические эпизоды очерка, однако и в вышеприведенном фрагменте Бибиков воспользовался, думается, «подсказкой» Лескова, поскольку маловероятна обширная библиографическая эрудиция Бибикова («Сеничкин яд» появился в «Новом времени», когда двадцатилетний Бибиков еще жил в Киеве; его двухлетнее пребывание в лечебнице для душевнобольных вряд ли способствовало спокойной литературной работе).

Таким образом, объясняя громкий современный успех Лескова, Бибиков пишет о развенчании нигилистических принципов, в свое время определивших диктат демократической критики, пытавшейся отлучить читателя от Лескова. Такая трактовка совпадает с воззрениями самого Лескова, много писавшего о пагубной роли «направленства» в своей жизни.

Еще одна глубокая, очень важная для Лескова тема, которую Бибиков затрагивает в этом очерке – это вопрос о своеобразии лесковского таланта. Очерчивая картину всеобщего подражания Тургеневу в 60-е гг., Бибиков замечает, что «Лесков счастливо избежал подражательности», «никому из корифеев романа не подражал» [Бибиков, 1891, с. 3].

Такое соответствие тезисов Бибикова и основных положений лесковской автокритики странным образом сочетается в рассматриваемом очерке с приметами фельетонной поэтики, характерными для массового издания. Бибиков активно использует эти художественные средства.

Среди них прежде всего это необходимо выделить экспрессивные, «ударные» эпитеты, задача которых – произвести впечатление на далекого от литературы читателя, дав ему представление о масштабе Лескова («виртуозные произведения»; «бессмертная хроника «Соборяне»»; роман, «рисующий целую эпоху»; «рассказ потрясающей силы»; «удивительный рассказ»; «любимый писатель»).

Той же цели служит и ориентированный на неискушенного читателя отбор примет лесковского успеха: «имя его не сходит с газетных и журнальных столбцов»; «сочинения выдерживают по пяти и по шести изданий»; «полное собрание сочинений, подписка на которое была объявлена всего лишь в прошлом году, уже почти все распродано».

Однако, как уже было отмечено выше, Лесков не разделял снобистского отношения к изданиям для самой широкой публики. Поэтому, видимо, он не пренебрегал газетой, где фельетонная критика занимала ту часть страницы, на которой накануне могли быть помещены материалы с красноречивыми названиями «Черная банда» или же «Варшавские разбойницы» (о притоносодержательницах).

Несмотря на отсутствие в очерках Бибикова глубокого художественного анализа, для Лескова, не избалованного вниманием критики, было значимо, что эти фельетоны выстраивают его литературную биографию в принципиально важном для него ключе. Главными моментами этой творческой биографии становились художественная оригинальность Лескова, его писательская и личностная самостоятельность среди разного рода литературных группировок, его независимость, даже в самые тяжелые бойкотные годы. Тем самым фельетонная критика создавала для широкого читателя впечатление масштабности Лескова-писателя.

Библиографический список

1. Бибиков В. И. Гоголь, Эпиктет и Марк Аврелий // День: санкт-петербургская газета. 1890а. № 783. 15 авг. С. 2.

2. Бибиков В. И. Иллюстрированные журналы. I. // День: санкт-петербургская газета. 1890б. № 845. 16 окт. С. 2.

3. Бибиков В. И. Н. С.Лесков // День: санкт-петербургская газета. 1891. № 920. 1 янв. С. 2–3.

4. Бибиков В. И. «Последние книжки журналов» («Русская мысль», «Русское обозрение», «Наблюдатель» за ноябрь) // День: санкт-петербургская газета. 1890в. 21 дек. № 911. С. 2.

5. Бибиков В. И. Цыгане // День: санкт-петербургская газета. 1889. № 436. 23 авг. С. 2.

6. Венгеров С. А. Бибиков Виктор Иванович // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Санкт-Петербург : Типолитография И. А.Ефрона, 1892. Т. 3. С. 248–259.

7. Лесков Н. С. Собр. Соч. В 11 тт. Т. 11 / Н. С. Лесков. Москва : Госиздат, 1958. 861 с.

8. Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранные письма. Москва : Директ-Медиа, 2014. 97 с.

9. Нымм Е. О прототипической структуре романа И.Ясинского «Лицемеры» // Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту, 2003. С. 52–86.

10. Писатели чеховской поры: В 2 томах / ред. С. В. Букчин. Москва : Художественная литература, 1982.

11. Репин И. Е. Избранные письма в двух томах. 1867–1930. Т. 1. Москва : Искусство, 1969. 455 с.

12. Соболев Л. И. Комментарии // Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 832 с.

13. Шелаева А. А. Полемика в периодической печати конца XIX в. как форма литературной борьбы: Н. С. Лесков против И. И. Ясинского, И. И. Ясинский против Н. С. Лескова // Медиаскон. 2013. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1402#18 (дата обращения: 20.07.2019).

14. Ясинский И. И. Лицемеры. Санкт-Петербург : тип. В. В. Комарова, 1894. 165 с.

15. Ясинский И. И. Н. С. Лесков // Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 832 с.

Reference List

1. Bibikov V. I. Gogol', Jepiktet i Mark Avrelij = Gogol, Epictet and Mark Avrely // Den': sankt-peterburgskaja gazeta. 1890a. № 783. 15 avg. S. 2.

2. Bibikov V. I. Illjustrirovannye zhurnaly = Illustrated journals // Den': sankt-peterburgskaja gazeta. 1890b. № 845. 16 okt. S. 2.

3. Bibikov V. I. N. S. Leskov = N. S. Leskov // Den': sankt-peterburgskaja gazeta. 1891. № 920. 1 janv. S. 2–3.

4. Bibikov V. I. «Poslednie knizhki zhurnalov» («Russkaja mysl'», «Russkoe obozrenie», «Nabljudatel'» za nojabr') = «The last books of journals» («Russkaya misl», «Russkoe obozrenie», «Nabludatel») // Den': sankt-peterburgskaja gazeta. 1890v. 21 dek. № 911. S. 2.

5. Bibikov V. I. Cygane = Gypsies // Den': sankt-peterburgskaja gazeta. 1889. № 436. 23 avg. S. 2.

6. Vengerov S. A. Bibikov Viktor Ivanovich = Bibikov Viktor Ivanovich // Kritiko-biograficheskij slovar' russkih pisatelej i uchenyh (ot nachala russkoj obrazovannosti do nashih dnej). Sankt-Peterburg : Tipolitografija I. A. Efrona, 1892. T. 3. S. 248–259.

7. Leskov N.S. Sobr. Soch. V 11 tt. T.11 = Collected works. In 11 v. / N .S. Leskov. Moskva : Gosizdat, 1958. 861 s.

8. Mamin-Sibirjak D. N. Izbrannye pis'ma = Chosen letters. Moskva : Direkt-Media, 2014. 97 s.

9. Nymm E. O prototipicheskoj strukture romana I.Jasinskogo «Licemery» = On a prototypical structure of I. Yasinsky's novel «Hypocrites» // Blokovskij sbornik XVI: Aleksandr Blok i russkaja literatura pervoj poloviny HH veka. Tartu, 2003. S. 52–86.

10. Pisateli chehovskoj pory: V 2 tomah = The writers of Chechov's epoch / red. S. V. Bukchin. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982.

11. Repin I. E. Izbrannye pis'ma v dvuh tomah. 1867–1930. T.1. = Chosen letters in two volumes. 1867–1930. V. 1. Moskva : Iskusstvo, 1969. 455 s.

12. Sobolev L. I. Kommentarii = Comments // N. S. Leskov v vospominanijah sovremennikov. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 832 s.

13. Shelaeva A. A. Polemika v periodicheskoj pechati konca XIX v. kak forma literaturnoj bor'by: N. S. Leskov protiv I. I. Jasinskogo, I. I. Jasinskij protiv N. S. Leskova = The controversy in periodicals of the end of the XIX c. as a form of literature struggle: N. S. Leskov versus I. I. Yasinsky, I. I. Yasinsky versus N.S. Leskov // Mediaskon. 2013. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1402#18 (data obrashhenija: 20.07.2019).

14. Jasinskij I. I. Licemery = Hypocrites. Sankt-Peterburg : tip. V. V. Komarova, 1894. 165 s.

15. Jasinskij I. I. N. S. Leskov = N.S. Leskov // N. S. Leskov v vospominanijah sovremennikov. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 832 s.

УДК 821.161.1.1.09»19…»

Н. Г. Коптелова **https://orcid.org/0000–0001–7145–223X**

«Юбилейная» чеховиана Д. В. Философова

Для цитирования: Коптелова Н. Г. «Юбилейная» чеховиана Д. В. Философова // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 35-42. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-35-42

В предложенном исследовании анализируются статьи Д. В. Философова «Быт, события и небытие» и «Липовый чай», приуроченные к пятидесятилетию А. П. Чехова, а также к пятой годовщине со дня его смерти и образующие определённое смысловое единство. Прослеживаются их диалогические связи с некоторыми литературно-критическими работами о Чехове, созданными Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и В. В. Розановым. Доказывается, что названные статьи знаменуют особый этап борьбы Философова за истинного Чехова против «чеховщины» и по-своему аргументируют идеи «нового христианства». Они составляют отдельную главу в критическом «чеховском» цикле, который Философов создаёт совместно со своими творческими соратниками: Мережковским и Гиппиус. Однако в полилоге с ними Философов сохраняет индивидуальную интонацию, его оценки чеховского творчества оказываются более гибкими и точными. Они воспринимаются не только как иллюстрации «религиознотворческой» концепции. По сравнению с Мережковским и Гиппиус, Философов более чутко улавливает смысловые нюансы образного мира Чехова, проявляет больше внимания к художественному своеобразию его произведений. Это сближает его «юбилейную» чеховиану со статьёй В. В. Розанова «А. П. Чехов». Но при этом система оценок чеховского творчества в работах Философова в большей степени, нежели розановские критические высказывания, ориентирована на антиномию «Чехов – чеховщина».

В статье делается вывод о том, что в критическом методе Философова органично соединяются философское, публицистическое и художественное начала. Философов парадоксально «дописывает» произведения Чехова, чтобы показать близость его героев современности. Чеховский образ «липового чая» из «Дяди Вани» критик превращает в концептуальную метафору, определяющую специфику воздействия писателя на сознание его читателей. Философов остроумно переосмысливает крылатые выражения и цитаты из произведений русских классиков для обоснования своей точки зрения.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Д. В. Философов, литературная критика, чеховиана, оценки, «чеховщина», Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанов.

N. G. Koptelova

«Jubilee» Chekhovian by D. V. Filosofov

A given study analyzes Dmitry Filosofov’s articles «Life, Events and Nothingness» and «Linden Tea», dedicated to the fiftieth anniversary of Anton Chekhov, as well as to the fifth anniversary of his death and forming a certain semantic unity. Their dialogical ties are traced with some literary and critical works about Chekhov created by Dmitry Merezhkovsky, Zinaida Gippius and Vasily Rozanov. It is proved that the mentioned articles mark a special stage in the struggle of Dmitry Filosofov for the true Chekhov against the «Chekhovism» and in their own way they argue the ideas of «new Christianity». They constitute a separate chapter in the critical Chekhov's cycle, which Dmitry Filosofov creates together with his creative associates: Merezhkovsky and Gippius. However, in the polylogue with them, Dmitry Filosofov retains individual intonation, his assessments of Chekhov's work are more flexible and accurate. They are perceived not only as illustrations of the «religious creation» concept. Compared to Merezhkovsky and Gippius, Dmitry Filosofov more sensitively captures the semantic nuances of Chekhov’s figurative world, shows more attention to the artistic originality of his works. This brings his «jubilee» Chekhovian closer to Rozanov’s article «A. P. Chekhov». But at the same time, the system of assessments of Chekhov’s creativity in the works of Filosofov is more oriented than Rozanov’s critical statements on the antinomy «Chekhov – Chekhovism».

The article concludes that the philosophical, journalistic and artistic principles are organically combined in the critical method of Dmitry Filosofov. Filosofov paradoxically «completes» the works of Chekhov to show the closeness of his modern heroes. The critic turns Chekhov’s image of «linden tea» from «Uncle Vanya» into a conceptual metaphor that defines the specific influence of the writer on the minds of his readers. Dmitry Filosofov wittily thinks over catch phrases and quotes from the works of Russian classics to substantiate his point of view.

© Коптелова Н. Г., 2020

Key words: A. P. Chekhov, D. V. Filosofov, literary criticism, Chekhovian, assessments, «Chekhovism», D. S. Merezhkovsky, Z. N. Gippius, V. V. Rozanov.

Несмотря на то, что упоминания о Д. В. Философове встречаются во многих исследованиях по культуре Серебряного века, его творческое наследие до сих пор недостаточно изучено [Коростелёв, 2016]. Это относится в полной мере и к его литературной критике, в данный момент находящейся на стадии самых предварительных размышлений [Коростелёв, 2010].

Несомненно, в чеховиану Серебряного века Философов внёс свой вклад, масштаб и значение которого ещё предстоит объективно оценить. Творчество А. П. Чехова было предметом его постоянной критической рефлексии. Примечательно, что в конце декабря 1902 года в письмах к С. П. Дягилеву и О. Л. Книппер-Чеховой [Чехов, 1982, с. 105–106] Чехов с присущим ему мягким юмором, но в то же время одобрительно отозвался о философовской рецензии на спектакль по пьесе «Чайка» в Александринском театре [Философов, 1902]. Он даже признался Дягилеву в том, что рецензия Философова оказала на него вдохновляющее воздействие: «Когда я кончил эту статью, то мне опять захотелось написать пьесу, что, вероятно, я и сделаю после января» [Чехов, 1982, с. 106]. В своих рецензиях и статьях 1900-х годов Философов одним из первых начал использовать антиномию «Чехов и чеховщина» [Коптелова, 2018], которая затем стала константой в критике Серебряного века в целом [Бушканец Л. Е., 2010, с. 166].

В предложенном исследовании мы проанализируем статьи Философова «Быт, события и небытие» (1910) и «Липовый чай» (1910), приуроченные к пятидесятилетию А. П. Чехова, а также к пятой годовщине со дня его смерти и образующие определённое смысловое единство. Проследим их диалогические связи с некоторыми литературно-критическими работами о Чехове, созданными Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и В. В. Розановым.

Можно сказать, что «юбилейная волна» сформировала целый пласт в чеховиане 1910 года. Она стала для многих критиков стимулом для пересмотра и уточнений их представлений о художественном наследии Чехова. Эта «волна» дала новый импульс и «чеховским» изысканиям Философова. В «Юбилейном Чеховском сборнике» (1910) он публикует свою статью «Быт, события и небытие». В ней Философов углубляет и развивает оценки чеховского творчества, высказанные в его собственных рецензиях и статьях 1900-х годов. При этом он опирается на статьи З. Н. Гиппиус «Быт и события» (1904) [Гиппиус, 1999, с. 300–312] и Д. С. Мережковского «Чехов и Горький» (1906) [Мережковский, 1914, с. 60–116], в которых Чехов характеризуется как «художник мелочей», создавший особую «эстетику быта» [Гиппиус, 1999, с. 300–312]. Апология «движения», «жизни», «событий», толкуемых как «религиозное действие», приводит Философова к отрицанию «чеховщины». Под «чеховщиной» он понимает не только бытописательство, утратившее эстетическую актуальность в современной литературе, но и духовную апатию, безверие, заразившие, по его мнению, поклонников таланта Чехова. Критик связывает с «чеховищиной» пессимизм и безволие своих современников, подчинившихся художественным «чарам» автора «Дяди Вани» и «Трёх сестёр» и в результате повторивших ошибки чеховских героев: «Гораздо страшнее безмолвные почитатели. Они поддались гипнозу чеховщины, слились с нею. Они крепко были убеждены, что ни к чему неспособны, что их удел – лишь ныть и мечтать о том, что через двести-триста лет всё будет иначе. <…> Оказалось, что дядям и сёстрам события не по зубам» [Философов, 1910, с. 145]. Трагедию русской жизни Философов видит в том, что в сознании читателей рубежа веков «чеховщина» оттеснила истинного Чехова: «Живой Чехов, умевший таинственной силой художественного творчества разрешать трагедии в созерцание, забыт. Восторжествовала чеховщина и заполонила Россию» [Философов, 1910, с. 145]. Чтобы доказать историческую неистребимость «чеховщины», Философов использует оригинальный и художественный по своей сути приём: он пытается парадоксально «дописать» известные пьесы Чехова, отождествив логику судеб их персонажей с жизнью реальных людей начала XX столетия, неподвижно застрявших в быте, не способных увидеть за обыденщиной – «событий». Критик предлагает такое «послесловие» к «Вишнёвому саду» и «Трём сёстрам»: «Фирс не то чтобы умер, но и не ожил. Спит летаргическим сном, но может завтра же

проснуться и опять приняться за сушку вишен. Даже Лопахин не сумел построить своих дач. А три сестры по-прежнему стучат на аппарате Морзе. Мечта о Москве исчезла, остался лишь страх жизни» [Философов, 1910, с. 146]. Одним из воплощений «чеховщины» Философов считает «страх жизни», характерный для многих чеховских героев, спрятавшихся в «футляры» от нелепой и абсурдной действительности. Причины этого явления критик видит в отсутствии у персонажей Чехова религиозной веры. Именно духовная беспочвенность, как подчёркивает автор статьи, и заставляет их двигаться от «быта» не к «событиям», а к «небытию». Вспоминая героя рассказа Чехова «Страх», Философов заключает: «Силин боялся жизни, потому что он не мог и не хотел верить, что за обыденщиной нет никакой реальности. Современный Силин уже верит в небытие» [Философов, 1910, с. 147].

Чеховщина, с его точки зрения, «прорастает» и в философско-художественных исканиях Л. Н. Андреева, создавшего драму «Анатэма». Этот вывод был сформулирован критиком ещё в статье «Повседневный героизм» (1909) [Философов, 2010в, с. 291]. В юбилейной статье «Быт, события и небытие» Философов вновь его подтверждает. Анатэма в андреевской пьесе не только художественно воплощает дьявольское начало, но и выступает как «инфернальный герой-провокатор», «проверяющий» на прочность христианское миропонимание [Икитян, 2017]. Согласно концепции Философова, он, подобно чеховскому Силину, также встаёт перед стеной «небытия» [Философов, 1910, с. 147].

Финальной точкой размышлений критика становится переосмысление концепции отечественной словесности, созданной Мережковским, разделяющим русских писателей на «вечных спутников» и художников, чьё творчество актуализируется на определённой исторической волне. Философов заключает: «Бедный Чехов! Мы не сумели справиться с ним. Вместо того, чтобы наряду с Гоголем и Тургеневым избрать его в „вечные спутники”, мы в такие спутники избрали чеховщину, сделали её нашей вечной современностью» [Философов, 1910, с. 147].

Таким образом, статья Философова «Быт, события и небытие» не просто перекликается с работами о Чехове, написанными Гиппиус и Мережковским, но концептуально их продолжает и развивает. Она явно ориентирована на проект построения «нового», «динамического христианства». При этом критические высказывания о Чехове Философова, Гиппиус и Мережковского складываются в творческий полилог. В итоге эти авторы подходят к созданию своеобразного критического цикла, собранного коллективными усилиями и отличающегося смысловым единством. Но при этом роль Философова в реализации этого совместного творческого замысла оказывается отчётливо индивидуализированной. Во-первых, он «достраивает» понятийный ряд, предложенный Гиппиус в статье «Быт и события». Философов вводит категорию «небытия», в итоге формируя следующую триаду: «быт, события и небытие». Во-вторых, в отличие от Мережковского и Гиппиус, он не позволяет себе жёстких, прямолинейных «религиознотворческих» деклараций. У Философова форма выражения авторской мысли, при всей страстной публицистичности, отличается большей опосредованностью, лирико-философской ассоциативностью, по сравнению с его соратниками по созданию «нового христианства».

А вот статья Философова «Липовый чай», опубликованная в том же, 1910-м, году, была написана, как отмечает сам автор, «к пятилетней годовщине со дня смерти А. П. Чехова» [Философов, 2010а, с. 329]. Показательно то, что параллельно в этом же номере газеты «Русское слово» вышла в свет и работа Мережковского под названием «Брат человеческий». Одновременность публикации статей Философова и Мережковского о Чехове в этом издании можно расценивать как факт эстетической солидарности критиков. Оба автора выступают под одним «идейным флагом» и создают своеобразный психологический портрет Чехова. Общность их критического метода определяется тем, что в своих статьях Философов и Мережковский особым образом используют знаменитый принцип «по поводу», реализующийся в деятельности В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, А. А. Григорьева и многих других авторов XIX века. Этот принцип, наследованный Философовым и Мережковским, по сути, выражает национальную специфику русской критики в целом. Для обоих критиков размышления о Чехове выливаются в манифесты жизнетворчества, имеющего религиозный смысл. Тем не менее, критические опыты Философова и Мережковского в определённой мере разнятся и содержанием, и жанровой формой, и стилем. В статье Мережковского весьма значимо мемуарное

начало. Автор «Брата человеческого» стремится воссоздать, прежде всего, облик Чехова-человека, припомнив все нюансы, возникавшие в его отношениях с писателем [Мережковский, 1991]. Философов же в данной статье предлагает своеобразный «силуэт» Чехова-художника, наиболее полно воплотившего в своей личности черты творца «чистого искусства». Он отмечает: «Чехов до самой смерти остался только художником. Он избегал высказываться по каким бы то ни было вопросам, занимавшим общество.

Конечно, ему приходилось сталкиваться с людьми, самыми разнообразными, высказывать свои мнения. <…> Непринуждённая беседа, меткие характеристики, крайне переменчивое настроение, тонкая, впечатлительная душа, разрешающая свою трагедию в юморе» [Философов, 2010а, с. 329]. Творческая индивидуальность Чехова видится Философову исключительно в проекции «эстетического созерцания»: «У него (Чехова. – *Н. К.*) была своя логика – художественное творчество» [Философов, 2010а, с. 329]. Категория «эстетического созерцания» в критическом мышлении Философова противостоит «религиозному действию». Эта оппозиция восходит к общим принципам литературной критики Мережковского, стремящегося осмыслить особенности художественного творчества писателя, его жизнь и мировоззрение как некое нерасторжимое единство [Коптелова, 2010, с. 135–138].

Симптоматично, что Философов и Мережковский почти буквально совпадают в определении творческой миссии Чехова, далёкого в литературе от «учительства». Оба они называют его художником, ставшим читателям «братом» [Философов, 2010а, с. 329], [Мережковский, 1991, с. 251]. В своём авторском мифе о Чехове Философов также отождествляет его писательскую деятельность с профессиональными занятиями медициной. В таком подходе к интерпретации творческой личности Чехова критик перекликается с В. В. Розановым. Последний в своей статье «А. П. Чехов», напечатанной в «Юбилейном Чеховском сборнике», тоже отмечал влияние врачебной практики на прозу писателя. Но он говорил о «медицинской» жёсткости и предельной объективности художественного повествования Чехова, лишённого пафоса сентиментальности. Розанов заявлял, что «Мужики» Чехова были написаны «рукою не беллетриста, а медика» [Розанов, 1910, с. 129]. В статье Философова Чехов, напротив, уподобляется «врачу, который помогает не столько своими знаниями, правильной постановкой диагноза, сколько совсем особенным, душевным отношением к пациенту» [Философов, 2010а, с. 329].

И Философов, и Розанов одним из главных художественных достижений Чехова считают развитие весьма характерного для русской литературы типа «маленьких» людей. Философов называет их также «незаметными», «серыми» [Философов, 2010а, с. 329], а Розанов – «средними» [Розанов, 1910, с. 130–131]. В галерею «маленьких» людей Философов вписывает и дядю Ваню, и Иванова, и Треплева, и Астрова, и Вершинина, и сестёр Прозоровых. Отношение Чехова к «незаметным» людям он характеризует через символический образ «липового чая», которым сердобольная нянька Марина потчует профессора Серебрякова. В контексте рассуждений критика «липовый чай» становится метафорой творчества Чехова, наполненного жалостью и состраданием писателя ко всем «маленьким людям» (не только к его героям, но и к читателям): «Но ведь и старая нянька Марина не вылечила капризничающего профессора, не создала ему успеха, не вернула на кафедру.

Однако она, несомненно, ему помогла. В атмосферу общего недомогания и раздражения она внесла нежную, человеческую ласку. Признала за профессором право быть таким, какой он есть, признала законность его капризов.

— Пойдём светик… Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею, Богу за тебя помолюсь» [Философов, 2010а, с. 330].

Философов стремится подчеркнуть, что мироощущение Чехова коренится в глубинах русского национального сознания, что оно впитало в себя простонародную мудрость (собственно, ведь и липовый чай издавна считается средством именно народной медицины).

Особенности творческого мышления автора «Дяди Вани» Философов раскрывает по-чеховски сжато и лаконично. В его критическом методе, как у Мережковского и Гиппиус, большую роль играет субъективно-художественное начало. Чтобы акцентировать образный минимализм, сдержанность Чехова-прозаика, Философов охотно прибегает к символическим ассоциациям, выраженным с помощью оригинальных авторских метафор. Например, он пишет: «У Чехова никаких глубин и высот, Пелионов и Осс» [Философов,

2010а, с. 331]. В этой фразе критик иронически пересоздаёт приведённое несколько ранее в тексте статьи крылатое выражение, восходящее к «Одиссее» Гомера (песнь 11) [Берков, Мокиено, Шулежкова, 2020] и характеризующее «космизм» и гиперболизм, присущие художественному видению Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: «Они воздвигали Пелион на Оссу» [Философов, 2010а, с. 331]. Особую «почвенность» чеховского творчества Философов передаёт через пейзажную зарисовку срединной России, сопровождая её цитатой из плача Ярославны (героини «Слова о полку Игореве»), в котором звучат потаённые струны русской души: «Серенький русский пейзаж, с ёлочками и берёзками, бесконечная, степь, где как бы слышится плач «зегзицы» Ярославны: «О, ветре, ветрило, чему, господине, насильно вееши?»» [Философов, 2010а, с. 331]. Показательно, что аналогичный мифотворческий приём использует в своей «юбилейной» статье «А. П. Чехов» и Розанов. Он также уподобляет художественный мир писателя-современника картине, запечатлевшей неброскую природу «равнинной» России: «…Небо без звёзд, без силы, ветер без негодования, непогодь, дождь, серо, сумрачно <…>» [Розанов, 1910, с. 111]. В сущности, Розанов объективно солидаризируется с Философовым в оценке «чеховщины»: «Он (Чехов. – *Н. К.*) стал любимым писателем нашего безволия, нашего безгероизма, нашей обыденщины, нашего «средненького»» [Розанов, 1910, с. 132]. Но как бы жёстко ни характеризовал Розанов «слабости» чеховского творчества, он остаётся верен убеждению, что автор «Вишнёвого сада» смог очень глубоко раскрыть специфику русского национального характера. А потому закономерен заключительный аккорд его «юбилейной» статьи: «В нём (Чехове. – *Н. К.*) есть бесконечность – бесконечность нашей России» [Розанов, 1910, с. 132]. По мнению же Философова, Чехов не исчерпал до конца жизнь России, поскольку смог художественно воплотить в своих произведениях только один полюс национального сознания. Отсюда желание критика – дополнить творчество Чехова исканиями Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, очертивших в своей прозе противоположный полюс русской ментальности. С точки зрения Философова, эти писатели компенсируют в художественном мире Чехова лакуны, вызванные отсутствием у него серьёзного и глубокого интереса к философско-религиозным вопросам. Духовному максимализму Толстого и Достоевского критик резко противопоставляет погружённость Чехова исключительно в трагедию земной, обыденной жизни: «Достоевский лелеял русских мальчиков, которые по трактирам «о Боге спорят». Толстой учит, как перехитрить зло, бороться с ним непротивлением. «Мальчики» Чехова никогда не говорят о Боге, да и вообще мало говорят. Им всё как-то некогда, жизнь заела» [Философов, 2010а, с. 331].

Образ «липового чая», заимствованный из чеховской пьесы «Дядя Ваня», превращается в статье Философова в метафорический перифраз «чеховщины», с которой критик ведёт постоянную неустанную борьбу. По его мнению, «липовый чай» оказывается средством, которым Чехов-писатель «лечил не болезнь» [Философов, 2010а, с. 330], а её симптомы. Философов восхищается глубочайшим психологизмом Чехова, его знанием человеческой души, но призывает читателей не поддаваться «соблазну чеховщины» [Философов, 2010а, с. 331], которая проявляется в расслабляющей жалости к себе и другим, в примирении с пошлостью жизни, в духовной инертности. В этой работе Философова явно выражено предпочтение «тенденциозного» словесного искусства, предъявляющего читателю высокие нравственные и гражданские требования. Самоценный эстетизм Чехова, питающийся его художественной «созерцательностью», как считает критик, уходит на периферию современного литературного процесса, так как не даёт читателям импульсов к духовному самосовершенствованию, не формирует действенного отношения к миру: «Он (Чехов. – *Н. К.*) оставляет всё, как есть, и тихо жалеет людей» [Философов, 2010а, с. 332]. В 1900 – 1910 гг. такая смена аксиологических принципов характерна и для Мережковского [Чудаков, 1996], который в своей дебютной статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» (1888) темпераментно защищал Чехова от нападок критиков-народников и в то же время провозглашал право на существование в литературе как «тенденциозных», так и «нетенденциозных» писателей [Коптелова, 2010, с. 17–49].

В статье «Липовый чай» Философов не отказывается от высочайшей оценки художественного дара Чехова, но не скрывает, что в гуманистической позиции писателя ему не хватает «беспощадной требовательности» к человеку, побуждающей его к активным действиям, духовно преображающим реальность [Философов, 2010а, с. 333]. Критик считает, что

«беспощадные требования» к личности должны предъявлять не только окружающие, но и она сама. Этот вывод Философов воспринимает как веление времени, как своеобразный нравственный императив. Он заявляет: «Мудрый художник пожалел, пощадил нас. Помянем его за это с благодарностью, но сами себя жалеть мы не имеем права.

О, если бы меньше себя жалели, были беспощаднее к себе и требовательнее к другим» [Философов, 2010а, с. 332–333]. Как видим, концепция Философова парадоксально приближается к философии «воинствующего» гуманизма А. М. Горького, художественно транслированной в известном монологе Сатина. И это происходит, несмотря на то, что Горький был постоянным объектом жёсткой критики Философова [Шишкина, 2008], а драма «На дне» однозначно оценивалась им как «бездарное» литературное произведение («О «лжи» Горького» (1903)) [Философов, 2010б].

Свою позицию Философов подкрепляет цитатой из «Былого и дум» А. И. Герцена: «Все мы беспощадны, и всего беспощаднее, когда мы правы <…>» [Герцен, 1956, с. 2], [Философов, 2010а, с. 332]. Но в контексте своих рассуждений эти герценовские слова автор статьи «Липовый чай» подвергает смысловой «перекодировке». Герцен сожалеет о том, что очень часто правота человека соединяется с жестокостью и беспощадностью, что обесценивает саму правоту. Философов же в своём критическом высказывании меняет вектор причинно-следственной связи: он подчёркивает, что правота обязательно сопровождается беспощадностью носителя истины. Категоричные заявления о необходимости выражения в современной литературе «беспощадных» требований к личности, активно стимулирующих её деятельность и стремление к духовному росту, мотивируются «идеей религиозной общественности», активно и совместно разрабатываемой Философовым, Мережковским и Гиппиус в 1910 годы [Коптелова, 2010, с. 199- 206, 235–271].

Таким образом, статьи Философова «Быт, события и небытие» (1910) и «Липовый чай» (1910), хронологически привязанные к «юбилейным датам», образуя смысловое единство, складываются в авторскую чеховиану. Они знаменуют особый этап борьбы Философова за истинного Чехова против «чеховщины». Кроме того, эти статьи по-своему аргументируют идеи «нового христианства». Они образуют отдельную главу в критическом «чеховском» цикле, который Философов создаёт совместно со своими творческими соратниками: Мережковским и Гиппиус. Однако в полилоге с ними автор статей «Быт, события и небытие» и «Липовый чай» сохраняет индивидуальную интонацию, его оценки чеховского творчества оказываются более гибкими и точными. Они воспринимаются не только как иллюстрации «религиознотворческой» концепции. Философов более чутко, по сравнению с Мережковским и Гиппиус, улавливает смысловые нюансы образного мира Чехова, проявляет больше внимания к художественному своеобразию его произведений. Это сближает его «юбилейную» чеховиану со статьёй В. В. Розанова «А. П. Чехов». Но при этом система оценок чеховского творчества в работах Философова в большей степени, нежели розановские критические высказывания, ориентирована на антиномию «Чехов – чеховщина».

Критический метод Философова так же, как и у его упомянутых современников, являющихся идеологами «нового религиозного сознания», отличается синтетичностью. В нём органично соединяются философское, публицистическое и художественное начала. В статьях «Быт, события и небытие» и «Липовый чай» Философов мастерски использует приёмы критической оценки, имеющие художественную природу. Например, он парадоксально «дописывает» произведения Чехова, чтобы показать близость его героев современности. Чеховский образ «липового чая» из «Дяди Вани» критик превращает в концептуальную метафору, определяющую специфику воздействия писателя на сознание его читателей. Наконец, Философов остроумно переосмысливает крылатые выражения и цитаты из произведений русских классиков для обоснования своей точки зрения.

Библиографический список

1. Берков В. П. и др. Большой словарь крылатых слов русского языка. URL: http://getword.ru/ru/slovari.php?word (дата обращения: 07.04.2020).

2. Бушканец Л. Е. Чехов – писатель русского Апокалипсиса? // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 162–172.

3. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т 9. Ч. 4. Былое и думы. Москва : Изд-во АН СССР, 1956. 362 с.

4. Гиппиус З. Литературный дневник // Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. / под общей ред. А. Н. Николюкина. Москва : НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 165–367.

5. Икитян Л. Н. Дьявольская провокация (статья первая). Христианская онтология и её проверка в драме Леонида Андреева «Анатэма» // Гуманитарная парадигма. 2017. № 2. С. 5–15.

6. Коптелова Н. Г. Антиномия «Чехов и чеховщина» в истолковании Д. В. Философова // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. 2018. № 1. С. 18–25.

7. Коптелова Н. Г. Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского (1880–1917 гг.). Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 343 с.

8. Коростелёв О. А. Возвращение Д. В. Философова: сделанное и необходимое, мечты и реальность // Философовские чтения: сб. материалов шестых Философовских чтений / сост. Н. В. Анисимова, Р. Н. Антипова, В. В. Булдакова; ред. Л. Я. Костючук, Р. Н. Антипова. Псков : ООО «Логос», 2016. С. 6–13.

9. Коростелёв О. А. Литературная критика Дмитрия Философова // Философов Д. В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелёва. Москва : ИМЛИ РАН, 2010. С. 3–21.

10. Мережковский Д. С. Брат человеческий // Мережковский Д. С. Акрополь: избранные литературно-критические статьи. Москва : Книжная палата, 1991. С. 247–252.

11. Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 14. Москва : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1914. 240 с.

12. Розанов В. В. А. П. Чехов // Юбилейный Чеховский сборник: статьи. Москва : Заря, 1910. С. 115–132.

13. Философов Д. В. Быт, события и небытие // Юбилейный Чеховский сборник: статьи. Москва : Заря, 1910. С. 133–147.

14. Философов Д. В. Липовый чай (К пятилетней годовщине со дня смерти А. П. Чехова) // Философов Д. В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелёва. Москва : ИМЛИ РАН, 2010а. С. 329–333.

15. Философов Д. В. О «лжи» Горького // Философов Д. В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелёва. Москва : ИМЛИ РАН, 2010б. С. 46–50.

16. Философов Д. В. Повседневный героизм // Философов Д. В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелёва. Москва : ИМЛИ РАН, 2010в. С. 289–293.

17. Философов Д. В. Театральные заметки. 2 Чайка // Мир искусства. 1902. № 11. С. 46–51.

18. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 11. Письма. Москва : Наука, 1982. 720 с.

19. Чудаков А. П. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана: Чехов и Серебряный век. Москва : Наука, 1996. С. 50–67.

20. Шишкина Л. И. О мещанах и «дачниках»: Д. Философов в полемике с М. Горьким // Философовские чтения: сборник материалов третьих Философовских чтений. Псков : Изд-во Областного центра народного творчества, 2008. С. 100–119.

Reference List

1. Berkov V. P. i dr. Bol'shoj slovar' krylatyh slov russkogo jazyka = A big dictionary of catch phrases of the Russian language URL: http://getword.ru/ru/slovari.php?word (data obrashhenija: 07.04.2020).

2. Bushkanec L. E. Chehov – pisatel' russkogo Apokalipsisa? = Chechov – the writer of the Russian Apocalypse // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 4. S. 162–172.

3. Gercen A. I. Sobranie sochinenij: v 30 t. T 9. Ch. 4. Byloe i dumy = Collection of works: in 30 v. V. 9. R. 4. Past and thoughts. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1956. 362 s.

4. Gippius Z. Literaturnyj dnevnik = Literature journal // Gippius Z. Dnevniki: v 2 kn. / pod obshhej red. A. N. Nikoljukina. Moskva : NPK «Intelvak», 1999. Kn. 1. S. 165–367.

5. Ikitjan L. N. D'javol'skaja provokacija (stat'ja pervaja). Hristianskaja ontologija i ejo proverka v drame Leonida Andreeva «Anatjema» = Devil provocation (article 1). Christian onthology and its checking in Leonid Andreev's drama «Anathema» // Gumanitarnaja paradigma. 2017. № 2. S. 5–15.

6. Koptelova N. G. Antinomija «Chehov i chehovshhina» v istolkovanii D. V. Filosofova = Antinomy «Chekhov and Chekhovism» in the interpretation of D.V. Filosofov // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal. 2018. № 1. S. 18–25.

7. Koptelova N. G. Problema recepcii russkoj literatury HIH veka v kritike D. S. Merezhkovskogo (1880–1917 gg.). = The problem of Russian literature of the XIX c. reception in D.S. Merezhkovsky's criticism. Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2010. 343 s.

8. Korosteljov O. A. Vozvrashhenie D. V. Filosofova: sdelannoe i neobhodimoe, mechty i real'nost' = The return of D. V. Filosofov: done and necessary, dreams and reality // Filosofovskie chtenija: sb. materialov shestyh Filosofovskih chtenij / sost. N. V. Anisimova, R. N. Antipova, V. V. Buldakova; red. L. Ja. Kostjuchuk, R. N. Antipova. Pskov : OOO «Logos», 2016. S. 6–13.

9. Korosteljov O. A. Literaturnaja kritika Dmitrija Filosofova = Literature criticism of Filosofov D. V. // Filosofov D. V. Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916 / sost., predisl., primech. O. A. Korosteljova. Moskva : IMLI RAN, 2010. S. 3–21.

10. Merezhkovskij D. S. Brat chelovecheskij = Human brother // Merezhkovskij D. S. Akropol': izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i. Moskva : Knizhnaja palata, 1991. S. 247–252.

11. Merezhkovskij D. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 24 t. T. 14 = Complete collection of works: in 24 v. V. 14. Moskva : Tipografija tovarishhestva I. D. Sytina, 1914. 240 c.

12. Rozanov V. V. A. P. Chehov = A. P. Chekhov // Jubilejnyj Chehovskij sbornik: stat'i. Moskva : Zarja, 1910. S. 115–132.

13. Filosofov D. V. Byt, sobytija i nebytie = Life, events and nothingness // Jubilejnyj Chehovskij sbornik: stat'i. Moskva : Zarja, 1910. S. 133–147.

14. Filosofov D. V. Lipovyj chaj (K pjatiletnej godovshhine so dnja smerti A. P. Chehova) = Lime tea (To the 5th anniversary from death of A. P. Chekhov) // Filosofov D. V. Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916 / sost., predisl., primech. O. A. Korosteljova. Moskva : IMLI RAN, 2010a. S. 329–333.

15. Filosofov D. V. O «lzhi» Gor'kogo = About Gorky's «Lie» // Filosofov D. V. Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916 / sost., predisl., primech. O. A. Korosteljova. Moskva : IMLI RAN, 2010b. S. 46–50.

16. Filosofov D. V. Povsednevnyj geroizm = Everyday heroism // Filosofov D. V. Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916 / sost., predisl., primech. O. A. Korosteljova. Moskva : IMLI RAN, 2010v. S. 289–293.

17. Filosofov D. V. Teatral'nye zametki. 2 Chajka = Theatrical notes . 2 Seagull // Mir iskusstva. 1902. № 11. S. 46–51.

18. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 11. Pis'ma = Complete collection of works and letters in 30 v. Letters: in 12 v. V. 11. Letters. Moskva : Nauka, 1982. 720 s.

19. Chudakov A. P. Chehov i Merezhkovskij: dva tipa hudozhestvenno-filosofskogo soznanija = Chekhov and Merezhkovsky: two types of artistic-philosophical consciousness // Chehoviana: Chehov i Serebrjanyj vek. Moskva : Nauka, 1996. S. 50–67.

20. Shishkina L. I. O meshhanah i «dachnikah»: D. Filosofov v polemike s M. Gor'kim = About tradesmen and «summer residents»: D. Filosofov in controversy with M. Gorky // Filosofovskie chtenija: sbornik materialov tret'ih Filosofovskih chtenij. Pskov : Izd-vo Oblastnogo centra narodnogo tvorchestva, 2008. S. 100–119.

УДК 821.161.1–81’42.

Н. Н. Иванов **https://orcid.org/0000–0002–6292–2903**

Л. И. Зимина **https://orcid.org/0000–0002–1137–3967**

Царство «небесно-земное, духовно-плотское»: рецепция мотивов Гёте в творческой эволюции М. Пришвина

Для цитирования: Иванов Н. Н., Зимина Л. И. Царство «небесно-земное, духовно-плотское»: рецепция мотивов Гёте в творческой эволюции М. Пришвина // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 43-48. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-43-48

Целью работы является рассмотрение актуальной научной историко-литературной проблематики: рецепция обработанных И. В. Гёте фольклорно-мифологических мотивов в творческом поиске М. Пришвина как ярчайшего представителя русского неореализма. Это литературное явление представлено в русле общей для прозы тенденции: расширение художественной выразительности, поиск новых повествовательных форм, обогащение содержания. В контексте современных исследований русской литературы первой половины XX века решались и поставленные в работе задачи: выявить функциональные аспекты, переклички немецких архетипов, мотивов и произведений Пришвина, проанализировать семантику его текстов с учётом возможных дискурсивных практик.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Установлена роль немецких мотивов и образов в системе мотивов прозы М. Пришвина; Лесной царь, Фауст, Мефистофель осмыслены в контексте его творческой эволюции. Показав функциональную сторону данных мотивов, авторы статьи сделали важные наблюдения в области изучения философии, эстетики и поэтики прозы, выразительности сочинений Пришвина. Прояснена потенциальная роль Гёте в творческой эволюции Пришвина-художника, представлено дискурсивное восприятие Пришвиным сочинений Гёте. Дневники учтены как полноценное звено в наследии писателя, преодолено отношение к ним как к второстепенному, вспомогательному материалу. Означенные подходы обусловили оригинальный взгляд на проблему писательского мастерства и позволили раздвинуть сложившиеся представления о типе художественного мышления Пришвина. В работе даны новые оценки содержанию и форме ряда известных произведений, конкретизирована их художественность, уточнена авторская позиция, показана её связь с мифологией и фольклором, функциями компонентов внешней и внутренней формы. Мастерство Пришвина осмыслено в контексте актуальных для русской прозы XX века неомифологизма и словотворчества; тем самым дополнены научные представления о сложных явлениях в русской литературе первой трети XX столетия.

Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы, культуры XX века.

Ключевые слова: М. Пришвин и И. В. Гёте, русский неореализм, мотив и архетип, поэтика прозы, художественная рецепция.

N. N. Ivanov, L. I. Zimina

Kingdom of «heaven and earth, spiritual and fleshy»: reception of Goethe's motifs in creative evolution of M. Prishvin

The purpose of this work is to examine the current scientific historical and literary issues: reception of folklore and mythological motifs processed by Goethe in the creative search for M. Prishvin as the brightest representative of Russian neorealism. This literary phenomenon is presented in line with the General trend for prose: the expansion of artistic expression, the search for new narrative forms, and the enrichment of content. In the context of modern research of Russian literature in the first half of the XX century, the tasks set in the work were also solved: to identify functional aspects, roll-calls of German archetypes, motives and works of Prishvin, to analyze the semantics of his texts taking into account possible discursive practices.

The most significant results of the work were the following. The role of German motifs and images in the system of motives of M. Prishvin's prose is established; the Forest king, Faust, and Mephistopheles are understood in the context of his creative evolution. Having shown the functional side of these motives, the authors of the article made important observations in the field of studying the philosophy, aesthetics and poetics of prose, and the expressiveness of Prishvin's

© Иванов Н. Н., Зимина Л. И., 2020

works. The potential role of Goethe in the creative evolution of Prishvin-artists is clarified, and Prishvin's discursive perception of Goethe's works is presented. Diaries are considered as a full-fledged link in the writer's legacy, and the attitude to them as secondary, auxiliary material has been overcome. These approaches led to an original view of the problem of writing skills and allowed us to expand the existing ideas about the type of artistic thinking of Prishvin. The paper gives new estimates of the content and form of a number of famous works, concretizes their artistry, clarifies the author's position, shows its relationship with mythology and folklore, the functions of components of external and internal forms. Prishvin's slill is meaningful in the context of contemporary Russian prose of the XX century neonatologists and word creation; thereby augmented scientific understanding of complex phenomena in the Russian literature of first third of XX century.

The work is addressed to philologists, literary critics, researchers of Russian literature and culture of the XX century.

Key words: M. Prishvin and I. V. Goethe, Russian neorealism, motif and archetype, prose poetics, artistic reception.

Отмечая плодотворность немецко-русских, русско-немецких литературных отношений в течение XIX–XX веков, акцентируем внимание на задаче в изучении первой тенденции: рецепция (восприятие) русскими писателями-неореалистами германской мифологии, немецких литературных архетипов и мотивов.

Экспрессивно оценил Н. Бердяев русский модернизм: «в ренессансе начала XX в. было слишком много языческого» [Бердяев, 1983, с. 164]. Справедлива эта оценка и в адрес неореализма, запечатлевшего мощный поток чувственных влечений, мечты о «царстве небесно-земном, духовно-плотском» [Мережковский, 1906, с. 52].

Творцы нового художественного мышления, синтетических форм искусства начала XX века – А. Ремизов, М. Горький, Ив. Бунин, А. Куприн, А. Толстой, Б. Зайцев, И. Шмелев, С. Сергеев-Ценский, М. Пришвин – предложили свои версии «царства небесно-земного, духовно-плотского».

Лесной царь и Генрих Птицелов, Фауст и Мефистофель вышли из фольклорной традиции Средневековья; русский неореализм открыл их благодаря Гёте, Гофману, Гейне, воспринял семантику данных типов, продуцированные ими мотивы [Иванов, 2010, с. 255–257].

Три года провёл в Германии Пришвин-студент: в 1902 г. он окончил философский факультет университета в Лейпциге, в котором с 1765 по 1768 г. учился Гёте. Признавая влияние немецкого классика, Пришвин демонстрировал полемический интерес к нему. В 1942 г. он привёл реплику Д. С. Мережковского из общего разговора 1912 г. с А. Блоком о романе К. Гамсуна «Пан»: «Я не знаю, – сказал М., какой интерес заниматься природой после Гете; о пантеизме все сказано, все пережито, все старо». Но «совершенная правда» слов Мережковского «тогда не могла меня тронуть, потому что я сам должен был пережить пантеизм по-своему» [Пришвин, 1985, с. 667]. Пришвинский пантеизм «по-своему», неопантеизм, формировался в значительной степени как отклик на пантеизм и другие идеи Гёте, как вхождение в проблематику интуитивизма, персонализма, биологизма. Означенные германские типы в дневниках и художественной прозе Пришвина имеют контекст нравственно-этический, философский, проецируются на мотивы испытаний, самопознания, духовного роста и творческой самореализации. Значительную роль в эволюции писателя сыграли навеянные сценами из «Фауста» ночные, в другой терминологии – юнгианские, образы. Это необходимые художнику интуиция, подсознание, озарения, сны. «Как мистический интуитивизм, так и рационализм должны быть преодолены чем-то третьим <…> интуиция и разум должны сойтись в одно. Но я всегда об этом думал и соединял в творчестве <…> истинный ученый, всё равно как и художник, в своем творчестве <…> непременно обладает интуицией. Просто говоря, интуиция значит почти то же самое, что талант» [Пришвин, Октябрь. 1990. № 1, с. 154].

Этимология Лесного царя Гёте построена на народных знаниях о лесах и болотах, стихиях земли и воды. В немецком фольклоре Лесной царь наделён смертоносной силой. Правильнее называть его королём, поскольку у Гёте – der Erlkönig: Ольховый король, король эльфов [Гёте, 1975. т. 1; Goethe, 1996. Band 1]. Этот персонаж олицетворяет ночное, лунное сознание [Wilhelm Kühlmann, 1993]; в юнгианской методологии он – проводник в область бессознательного, в мифологии, антропологии – тёмная сущность бытия, связываемая с таинственными женскими стихиями земли и воды, их персонификации – мать, дочери царя. Erlkönig близок Пришвину как воплощение природы и стихии, в которых он усматривал «совпадения с душой человека» [Пришвин, 1978, с. 289]. «Как вернуть свои переживания в природу. Как раскрыть их во всю стихийную ширь?» [Пришвин, 1978, с. 239].

Хорошо зная балладу Гёте, Пришвин королю эльфов нашёл функциональный аналог в

славянской устной традиции. Это сказочно-мифологический царь Берендей. Оба царя из волшебных стран, у обоих есть прекрасные дочери. Оба воплощают первозданное языческое мироощущение, страстно желаемое в начале XX века. Этими смыслами наполнены книги Пришвина «Кладовая солнца», «Родники Берендея», «Календарь природы», а во второй и третьей автобиографический герой Пришвина идентифицирует себя с Берендеем.

Erlkönig Гёте соблазняет ребёнка чудесными местами (странами), где можно узреть цветы на морском побережье, прикоснуться к золотым одеждам матери царя. Интересно, что и В. А. Жуковский, и А. Фет, переводившие эту балладу Гёте, пропустили морское побережье, берег (der Strand), не придали ему значения.

«Du liebes Kind, komm geh' mit mir!
Gar schöne Spiele spiel ich mit dir,
Manch bunte Blumen sind an dem Strand,
Meine Mutter hat manch gülden Gewand»
[Goethe, 1996. Band 1].
«Милое дитя, иди ко мне, иди со мной!
Я буду играть с тобой в чудные игры.
На побережье моём много пёстрых цветов,
У моей матери много золотых одежд!»

Но ещё желаннее, нежели прекрасные цветы на морском берегу или золотые одежды матери, ещё желаннее дочери Лесного царя, которыми он и заманивает, прельщает дитя.

«Willst, feiner Knabe, du mit mir gehn?
Meine Tochter sollen dich warten schön;
Meine Tochter führen den nächtlichen Reihn,
Und wiegen und tanzen und singen dich ein»
[Goethe, 1996. Band 1].
«Хочешь, нежный мальчик, идти со мной?
Мои дочери чудно тебя будут нянчить,
Мои дочери ведут ночной хоровод,
Убаюкают, утанцуют, упоют тебя».

В лесном царстве Пришвин поселил придуманную им волшебную царевну Марью Моревну; поиски её, «всегда своей недоступной невесты» [Пришвин, 2012, с. 23], – лейтмотив творчества, варьирующий детские подсознательные движения на этапе вхождения в Мир: радость и страх встречи с женщиной, женской великой тайной. Позднее в дневниках будет так: власть женщины – в её тайне [Пришвин, 1929]. Образ Марьи Моревны разрабатывался в романах «Кащеева цепь», «Осударева дорога», есть он и в дневниках. В первом романе её прототипом стала Марья Васильевна Игнатова. Она, «двоюродная сестра Маша, прельщает неземным» [Пришвин, 2012, с. 775]. В соответствии с оригинальной философией любви, Пришвин *поручал* персонажам-детям, носителям чистого взгляда, открывать в земных женщинах таинственную красоту волшебных героинь. Глаз ребёнка острее, чем отца; дети, не обременённые условностями воспитания, культуры, социальными предрассудками, обладают глубоко проникновенным и объективным зрением [Robert Stockhammer, 1998].

«Mein Vater, mein Vater, und siehst du nicht dort
Erlkoenigs Tochter am düstern Ort?!
«Mein Sohn, mein Sohn, ich seh` es genau,
Es scheinen die alten Weiden so grau»
[Goethe, 1996. Band 1].
– Отец, отец, неужели ты не видишь – там,
там, в этой сумрачной тьме,
Лесного Царя дочерей? – Мой сын, мой сын, я
в точности вижу:
то старые ивы так серо светятся».

В автобиографическом романе «Кащеева цепь» Алпатов, alter ego писателя, отождествил простую, но красивую женщину со сказочной Марьей Моревной и понял, «каких женщин и за что называют красивыми» [Пришвин, 1982–1986, т. 2, с. 335]. Он же привёл в замешательство собеседников случайной фразой о тайнах мира, которые когда-нибудь ему раскроет женщина. В этом романе мужское и женское предстали как вечные «биологические и культурные устои» жизни [Пришвин, 1990, № 1, с. 156]. «Марья Моревна существует на свете»; «Вечная невеста моя Марья Моревна. Если бы она стала моей женой, то у нас бы с нею были дети <…> хочется быть как все и жениться на Марье Моревне» [Пришвин, 1985, с. 774]. В романе «Осударева дорога» в сходной роли оказалась реальная Мария Уланова. Сестра Маша прельщала Пришвина неземным в детстве, о том же, но с трагической развязкой, повествуется и в балладе Гёте.

Накануне Дня рождения, в начале февраля 1941 г., Пришвин прочитал своей воплощённой Марье Моревне, В. Д. Пришвиной, сочинённое им на немецком стихотворение «Geburtstag», в его переводе – «Моё рождение» [Пришвин, 2012, с. 33] и записал в дневнике, что это «самое замечательное событие в <…> жизни, день огромной силы, поднимающей на своих могучих плечах все годы моей жизни с того детского дня, когда появилась Марья Моревна <…> Это будет исходным моментом для глубочайшего

проникновения в душу женщины» [Пришвин, 2012, с. 41].

В этом проблемном поле «личное счастье – любовь – служение – творчество» Пришвин и полемизировал с Гёте.

Гёте приблизился к тайне живого знания, повернув к античной культуре, мироощущению античности, античному идеалу человека [Rüdiger Safranski, 2013]. Пришвин обогатил столь бесценный опыт интуитивизмом, в котором разум дополнен интуицией, озарениями: «интуиция и разум должны сойтись в одно» [Пришвин, Октябрь. 1990, № 1, с. 154]. В сентябре 1930 г., цитируя в дневнике «Обоснование интуитивизма» Н. О. Лосского, он конкретизировал: «Мы прибегаем к истории (философии) не ради истории, а для того, чтобы найти с помощью анализа действительных и возможных миросозерцаний пути, возвращающие к утраченным идеалам живого знания (грекам)» [Пришвин, 2012, с. 170]. Идеал живого знания Гёте – античный. Живое знание «неопантеиста» Пришвина – вечные «биологические и культурные устои» жизни.

Пришвин глубоко чувствовал, насколько по сравнению с естественным существованием древних народов усложнилось понимание высших начал мира, самоопределение человека, отлученного от живого восприятия Творца. Мучительно расценил он душевную противоречивость современников, утрату некогда спасительного слияния с нетленной земной красотой. Гёте был для Пришвина одним из тех великих, как и Гоголь, и Л. Толстой, чья трагедия состояла, как ему казалось, в жертве личным в себе во имя мифического долга, надуманных социальных обязанностей [Иванов, 2013, с. 95]. В конце 1940-х г. появилась запись в дневнике: «Всё это происходило потому, что каждый не удовлетворён был развитием своей личности, и каждый хотел вырваться из себя и там, вне себя, погибал, превращаясь из художника в чурбан. Происходила подмена личности чем-то безликим <…> Личность может быть реализована только в Боге» [Пришвин, Наше наследие. 1990, № 2, с. 75]. Памятна сцена из трагедии Гёте, когда Фауст порывался забросать Мефистофеля камнями и уйти к Богу. Оттеняя, всемерно усиливая трагическое положение художника, Пришвин в начале 1940-х вновь обратился к немецкой культурной традиции, напомнил о не раз обыгранном им же вечно зеленеющем древе жизни, цитировал цикл Г. Гейне «Любовь поэта» (перевод А. Майкова) и «Фауста» Гёте [Пришвин, 2012, с. 95] на фоне раздумий о «новом великом свете».

Говоря о личном начале, вытесненном долгом, Пришвин солидарен с философией искусства Ф. Ницше: нереализованные личностные движения, глубинные импульсы могут перетекать в сочинительство, в энергии творчества. «Мне развиваться в счастье не надо: я достаточно счастлив <…> я движусь духовно в творчество <…> Я самый юный писатель, юноша, царь Берендей, рождается сказка вместо жизни, вместо личной жизни – сказка для всех. И вот тогда, при отказе от себя, возникает любовь ко всякой твари» [Пришвин, 2012, с. 102].

Фауст апеллировал к божественной и демонической стихиям, общался с духами и проник в тайную связь людей и природы, но более всего он желал любви женщины – земной, имеющей плоть; так появились Маргарита, затем – Елена Троянская [Karl Otto Conrady, 1994; Nicholas Boyle, 2004]. Пришвин, допуская возможную трансформацию телесно-физического в духовное, возвысил, наполнил влечение к женщине, в его терминологии – sexus, высшим светом, освободил Эрос от зверя. Пришвин открыл в трагедии Гёте неподвластный Фаусту идеал живого знания – женское начало – один из вечных «биологических и культурных устоев» жизни [Пришвин, 1990, № 1, с. 156]. Гёте, «чувствуя в себе нечто священное, не мог отдаться женщине» [Пришвин, 2012, с. 355]. Гёте «недалеко ушёл и не мог узнать Бога любви, которого я узнал через Лялю» [Пришвин, 2012, с. 355]. Ляля – это В. Д. Пришвина, Марья Моревна. Не называя имя Бога любви, в каком-то смысле он видел дальше Фауста и царство «духовно-плотское» нарисовал. Вопрос о царстве «небесно-земном» остался открыт.

Вызвав Духа Земли, Фауст оказался перед неразрешимым противоречием: человек преодолеет Духа, освободившись от плоти, но это – физическая смерть [Иванов, 2018]. Пришвин возможности человека направил не на преодоление власти Земли, а на совершенствование жизни в сотворчестве с нею усилиями многих поколений. Человек Пришвина, по мнению Горького, и Сын, и Муж Земли, Творец Чудес и радостей её. «В чувстве и слове Вашем слышу я подлинное человеческое, идущее от сердца Сына Земли – Великой матери, боготворимой Вами» [Горький, 1949–1955, т. 29, с. 477]. Пришвин не разделял, не противопоставлял женское начало и творчество жизни. Второе вырастает из первого. Таковы, в

частности, лейтмотивы повести «Жень-Шень», среди которых есть и первобытно-родовое, неудержимое желание охотника «схватить зверя и сделать своим» [Пришвин, 2006, т. 2, с. 602], и, в традиции Гёте, нереализованная, как у Фауста, попытка остановить прекрасное мгновение: «если приходит прекрасное мгновение, хочется мгновенье сохранить нетронутым и так закрепить в себе навсегда» [Пришвин, 2006, т. 2, с. 602]. «Фауст под конец задумал устроить земной рай, и в высший момент восторга – «прекрасное мгновение, остановись» – его мечта о канале превращается в факт могилы: творчество и действительность распадаются» [Пришвин, 1985, с. 371]. «Небесно-земное» царство осталось в плане, это был неосуществлённый проект. Фаустовская версия рая земного с помощью и на деньги Меистофеля – Тойфеля – чёрта обречена изначально. Была.

При распадении творчества и действительности художник оказывается в пограничном положении между созиданием и разрушением, между Фаустом и Мефистофелем, он «трепещет <…> у самой грани жизни и смерти» [Пришвин, 1990, Наше наследие, № 1, с. 78]. Широко варьируя архетипы Фауста и Мефистофеля, Пришвин помнил, что их близость предопределена на Небе, там, вероятно, и ключ к царству «небесно-земному». Мефистофель – всемогущ, но сила его разрушительная. «Нарастает творчество жизни <…> но и нарастают разрушительные силы <…> может быть, у них все душевные процессы протекают обратно, т. е. «осияние» для них является поводом эгоистических разрушительных действий <…> Каин, Мефистофель, Люцифер, демон, кулак <…> силы, работающие на смерть» [Письма М. М. Пришвина, 1964, с. 79].

В миниатюре «При чтении «Фауста» из книги «Глаза Земли» Пришвин говорит о мощи и безупречности логики Мефистофеля, не способного, однако, создать живое лишь методом комбинации элементов, зато производство жизни методом подобия, пусть даже в самых грубых формах, приближает человека к Всевышнему. «Формализм – это попытка рационализировать самые истоки творчества, это мефистофельская потеха» [Пришвин, 1985, с. 370]. Здесь уместно вспомнить «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина. Тем не менее, и Фауст, пытавшийся охватить, остановить действительность *идеей*, без живой жизни, вне её «биологических и культурных устоев», потерпел фиаско. Схематизация не даёт новой жизни, и творчество полнее, нежели идея-мысль, идея должна быть применена к плоти. Автор «Календаря природы» развёл «идею <…> фаустовское прекрасное мгновение» и «непрерывное самотворчество» материи. Оценив предложение «перестроить» одно из своих произведений «с помощью клея и ножниц», Пришвин «понял» сцены из «Фауста», осознавшего мощь божественной силы, когда тот смеялся над мнимым всесилием Мефистофеля. «И чувствовал я в себе сам, как Фауст, всемогущество божественной силы. Мало того, я понял даже, почему, наделав на земле столько гадостей, Фауст все-таки был прощён» [Пришвин, 1985, с. 370]. Мефистофель бессилен соединить человека и материю, одухотворить, оплодотворить природу.

В пришвинской интерпретации, Фауст, «делая гадости» на пути земном, не отпадает от Создателя. Художник продуктивен, если подражает Творцу, поднимается над «творчеством природы» – «размножением», к творчеству человека – «организации природы, материи в интересах человека» [Пришвин, 1985, с. 371]. Совершенствование жизни в сотворчестве с нею возможно как результат применения высшей идеи к плоти земной.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж : 1983.

2. Горький М. Собрание сочинений : в 30 томах. Москва : ГИХЛ, 1949–1955.

3. Иванов Н. Н. Мифопоэтика повести М. Пришвина «У стен Града Невидимого» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т.I. (Гуманитарные науки). С. 255–257.

4. Иванов Н. Н. М. Пришвин – читатель И. В. Гёте // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посв. 140-летию со дня рождения писателя. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. С. 93–97.

5. Иванов Н. Н. Фаустианские мотивы в русской литературе серебряного века // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1.С. 26–29.

6. Иоганн Вольфганг фон Гёте. Собрание сочинений : в 10 томах. Москва : Художественная литература, 1975.

7. Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К Юбилею Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург, 1906.

8. Письма М. М. Пришвина В. П. Полонскому (20-е, 30-е годы). Из литературных архивов // Новый мир. 1964. № 10.

9. Пришвин и современность. Москва : Современник, 1978. 354 с.

10. Пришвин Михаил. Дневник, 1929. URL: http://www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors/prishvin/pri-1929.htm.

11. Пришвин М. Дневник. 1931–1932 годы // Октябрь. 1990. № 1.

12. Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 880 с.

13. Пришвин М. М. Зеркало человека. Москва : Правда, 1985. 672 с.

14. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1909–1952 годов // Наше наследие. 1990. № 1, 2.

15. Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 томах. Москва : Художественная литература, 1982–1986.

16. Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 3 томах. Москва : Терра-Книжный клуб. 2006.

17. Brigitte Buberl: Erlkönig und Alpenbraut. Dichtung, Märchen und Sage in Bildern der Schack-Galerie. (Bayerische Staatsgemäldesammlungen. Studio-Ausstellung 12) Lipp, München, 1989.

18. Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C. H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.

19. Karl Otto Conrady. Goethe. Leben und Werk. – Neuausgabe in einem Band. München: Artemis & Winkler, 1994. 328 с.

20. Nicholas Boyle. Goethe. Der Dichter in seiner Zeit. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 2004. T. I. 1749–1790.

21. Robert Stockhammer: Dichter, Vater, Kind. In: Bernd Witte (Hrsg.): Interpretationen. Gedichte von Johann Wolfgang Goethe. Reclam, Stuttgart 1998. S. 97–108.

22. Wilhelm Kühlmann: Die Nachtseite der Aufklärung. Goethes «Erlkönig» im Lichte der zeitgenössischen Pädagogik (C. G. Salzmanns «Moralisches Elementarbuch»). In: Gesellige Vernunft (1993). S. 145–157.

23. Rüdiger Safranski. Goethe. Kunstwerk des Lebens. Biographie. Münche n: Hanser, 2013.

Reference List

1. Berdjaev N. A. Samopoznanie. Opyt filosofskoj avtobiografii = Self-cognition. The experience of philosophical autobiography. Parizh : 1983.

2. Gor'kij M. Sobranie sochinenij : v 30 tomah = Collection of works in 30 volumes. Moskva : GIHL, 1949–1955.

3. Ivanov N. N. Mifopojetika povesti M. Prishvina «U sten Grada Nevidimogo» = Mythopoetics of M.Prishvin's story «At the walls of an unseen city» // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. № 4. T. I. (Gumanitarnye nauki). S. 255–257.

4. Ivanov N. N. M. Prishvin – chitatel' I. V. Gjote = M. Prishvin – the reader of I. V. Goethe // Mihail Prishvin i XXI vek: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posv. 140-letiju so dnja rozhdenija pisatelja. Elec : EGU im. I. A. Bunina, 2013. S. 93–97.

5. Ivanov N. N. Faustianskie motivy v russkoj literature serebrjanogo veka = Faustia motives in the Russian literature of the Silver age // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 1.S. 26–29.

6. Iogann Vol'fgang fon Gjote. Sobranie sochinenij : v 10 tomah = Collection of works in 10 volumes Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975.

7. Merezhkovskij D. S. Prorok russkoj revoljucii. K Jubileju F. M. Dostoevskogo = The prophet of the Russian revolution. To the jubilee of F. M. Dostojevsky. Sankt-Peterburg, 1906.

8. Pis'ma M. M. Prishvina V. P. Polonskomu (20-e, 30-e gody). Iz literaturnyh arhivov = M. M. Prishvin's letters to V. P. Polonsky (20-s, 30-s). From literature archives // Novyj mir. 1964.

9. Prishvin i sovremennost' = Prishvin and modernity Moskva : Sovremennik, 1978. 354 s.

10. Prishvin Mihail. Dnevnik, 1929 = Prishvin Michail. Diary, 1929. URL: http://www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors/prishvin/pri-1929.htm.

11. Prishvin M. Dnevnik. 1931–1932 gody // Diary. 1931–1932 Oktjabr'. 1990. № 1.

12. Prishvin M. M. Dnevniki. 1940–1941 = Diaries. 1940–1941 / podgot. teksta Ja. Z. Grishinoj, A. V. Kiselevoj, L. A. Rjazanovoj; stat'ja, komment. Ja. Z. Grishinoj. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2012. 880 s.

13. Prishvin M. M. Zerkalo cheloveka = A man's mirror Moskva : Pravda, 1985. 672 s.

14. Prishvin M. Lesa k «Osudarevoj doroge». Iz dnevnikov 1909–1952 godov = «The woods to «Osudareva road» From diaries 1909–1952 // Nashe nasledie. 1990. № 1, 2.

15. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij: v 8 tomah = Collection of works : in 8 volumes. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982–1986.

16. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij: v 3 tomah = Collection of works : in 3 volumes. Moskva : Terra-Knizhnyj klub. 2006.

17. Brigitte Buberl: Erlkönig und Alpenbraut. Dichtung, Märchen und Sage in Bildern der Schack-Galerie. (Bayerische Staatsgemäldesammlungen. Studio-Ausstellung 12) Lipp, München, 1989.

18. Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C. H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.

19. Karl Otto Conrady. Goethe. Leben und Werk. – Neuausgabe in einem Band. München: Artemis & Winkler, 1994. 328 s.

20. Nicholas Boyle. Goethe. Der Dichter in seiner Zeit. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 2004. T. I. 1749–1790.

21. Robert Stockhammer: Dichter, Vater, Kind. In: Bernd Witte (Hrsg.): Interpretationen. Gedichte von Johann Wolfgang Goethe. Reclam, Stuttgart 1998. S. 97–108.

22. Wilhelm Kühlmann: Die Nachtseite der Aufklärung. Goethes «Erlkönig» im Lichte der zeitgenössischen Pädagogik (C. G. Salzmanns «Moralisches Elementarbuch»). In: Gesellige Vernunft (1993). S. 145–157.

23. Rüdiger Safranski. Goethe. Kunstwerk des Lebens. Biographie. Münche n: Hanser, 2013.

УДК 801.6

С. А. Макарова **https://orcid.org/0000–0003–0716–2101**

Творческие поиски и художественные стратегии М. Горького: между стихом и прозой

Для цитирования: Макарова С. А. Творческие поиски и художественные стратегии М. Горького: между стихом и прозой // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 49-55.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-49-55

В статье рассматриваются особенности художественного мышления М. Горького, на разных этапах творчества обращавшегося как к стихотворным, прозаическим жанрам, так и к синтетичным формам стихопрозы. Раннее творчество писателя, эстетическое самоопределение которого происходит в контексте небывалого расцвета поэзии и стремительного утверждения русского символизма, сопровождается необходимостью выбора между модернизмом и реализмом, стихом и прозой – настойчивые поиски оригинального метода, решительный отказ от высокой миссии поэта приводят к индивидуальным художественным стратегиям. В 1890–1910-е гг. Горький пишет поэтические произведения, в которых преобладают двусложные размеры и говорные интонации, связанные с лиро-эпическим характером жанров и способствующие «прозаизации» стиха. Во многих сочинениях разных лет метризация и ритмизация прозы сочетается с композиционно упорядоченным чередованием стихотворных и прозаических фрагментов. Более того, в эпических и драматургических произведениях Горький создает образы поэтов-декадентов, поэтов-самоучек из народа – в статье исследуются содержательные функции стихотворных текстов Горького, приписываемых литературным героям. Не только поэты, но и другие герои Горького склонны к размышлениям на тему версификации, стихотворным опытам – общее количество поэтических текстов в структуре прозаических произведений 1890–1930-х гг. настолько велико, что позволило осуществить статистический анализ их метро-ритмической организации, а также сопоставить полученные результаты с версификационным «почерком» в самостоятельных стихотворных сочинениях прозаика. В статье делаются выводы о самобытности литературного таланта, уникальности творческого процесса Горького, пришедшего к прозе через преодоление стиха и обогатившего русскую словесность новыми формами стихопрозы.

Ключевые слова: М. Горький, стихотворные эксперименты, поэтическая метро-ритмика, звукопись, разновидности рифмовки, метрическая проза, стихопроза, стих в прозе, тема версификации в прозаических произведениях, поэтические сочинения литературных персонажей, образы поэтов.

S. A. Makarova

Creative searchings and artistic strategies of M. Gorky: between verse and prose

The article analyses the specifics of creative thinking of M. Gorky who at different stages of his work resorted both to verse, prose and synthetic forms of versified prose. The early work of the writer, whose aesthetic self-determination takes place in the context of the poetry unprecedented flowering and the swift affirmation of Russian symbolism, is accompanied by the need to choose between modernism and realism, poetry and prose – persistent searches for the original method, a decisive rejection of the poet's high mission lead to individual artistic strategies. In the 1890–1910s Gorky writes poetry, which is dominated by two-syllable meters and colloquial intonations associated with the lyro-epic nature of genres and contributing to the «prose» of the verse. In many works of different years, the metrization and rhythmization of prose is combined with a compositionally ordered alternation of verse and prose fragments. Moreover, in his epic and dramaturgical works, Gorky creates the images of decadent poets and self-taught poets; and the article investigates the conceptual functions of Gorky's poetic texts attributed to fictitious characters. Not only poets, but other characters of Gorky are also prone to reflections on the topic of versification and versification experience, whereas the overall number of poetic texts in the structure of prose works in 1890–1930-s is so large that it allowed us to conduct statistical analysis of their metric and rhythmic organization and compare the findings with the versification pattern in poetic works of the prose writer. The article draws conclusions about the distinctive character of literary talent and unique nature of creative Gorky's process who arrived to prose via overcoming the verse and enriched Russian literature with new forms of the versified prose.

© Макарова С. А., 2020

Key words: M. Gorky, verse experiments, poetic metric rhythm, sound pattern, types of rhyme, metric prose, versified prose, verse in prose, theme of versification in prose works, poetic works of literary personages, images of poets.

В отечественной словесности XVIII–XIX вв. проза поэтов и поэзия прозаиков – явления столь же распространенные, сколь и противополагаемые. В творчестве Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева стих и проза еще не тяготеют к тому обширному взаимодействию, которое наблюдается на рубеже XIX–XX вв. в искусстве символистов, осуществивших обновление родо-видовых форм [Лотман, 1994]. В 1890-е гг., на фоне символистских инноваций, несостоявшийся поэтический дебют М. Горького, уничтожившего свою поэму «Песнь старого дуба» после критики В. Г. Короленко, перерастает в стремительный успех прозы писателя. Но, дистанцировавшись от эстетики и поэтики первых русских модернистов, Горький не утрачивает интерес ни к теме поэта и поэзии, ни к стихотворным опытам, что обусловливает появление неординарных художественных решений и индивидуальных приемов синтезирования стиха и прозы [Макарова, 2015б, с. 109–163; Pyman, 1996]. Т. Д. Белова справедливо отмечает: «<…> эстетика символистов явилась лишь одной из целого ряда составляющих горьковское эстетическое сознание, которое формировалось под влиянием системы факторов <…>» – историко-литературных, биографических [Белова, 2004, с. 43]. При этом детские и юношеские впечатления дают, пожалуй, самую глубокую «подсветку» самобытного таланта писателя.

В «Детстве» (1913) Горький раскрывает значимые детали, имеющие отношение к стихосложению: чтение «Псалтыри», восприятие сказок, песен, былей, легенд, исполняемых бабушкой, заучивание и «переделывание» литературных стихотворений, безусловно, развивают слуховую память, служат серьезной версификационной основой для будущего творчества. «В людях» (1915) Горький, повествующий о своем общении с товарищами, констатирует уже вполне свершившийся факт: «Они <…> пытались сочинять стихи; нередко в этом деле требовалась моя помощь, я охотно упражнялся в стихосложении, легко находил рифмы <…>» [Горький, 1968–1976, т. 15, с. 467]. Все это в совокупности объясняет особенности творческого процесса, которыми Горький делился в статье «О том, как я учился писать» (1928): «Стихи писал я легко, но видел, что они – отвратительны, и презирал себя за неуменье, за бездарность. <…> Писать прозу – не решался, она казалась мне труднее стихов, она требовала особенно изощренного зрения, прозорливой способности видеть и отмечать невидимое другими и какой-то необыкновенно плотной, крепкой кладки слов. Но все-таки стал пробовать себя и в прозе, избрав однако стиль прозы „ритмической», находя простую – непосильной мне. <…> Она долго преследовала меня, незаметно и неуместно просачиваясь в рассказы» [Горький, 1953, т. 24, с. 488–489].

Действительно, анализ 29 поэтических сочинений 1880–1910-х гг. – 5 опубликованных («Девушка и смерть», 1892; «Прощай!», 1895; «В Черноморье», 1895; «Баллада о графине Эллен де Курси», 1896; «Легенда о Марко», 1895, начало 1990-х) и не публиковавшихся Горьким (24 завершенных текста из 25-томного собрания художественных произведений) – приводит к выводу о том, что в раннем творчестве писателя формируется индивидуальный версификационный «почерк». Только 5 из 29 стихотворных текстов (17,2 %) написаны напевными трехсложниками (амфибрахиями и анапестами), в то время как 24 произведения (82,8 %) – двусложными размерами: 13 (44,9 %) – ямбами и 11 (37,9 %) – хореями. В поэтических произведениях Горький, обращаясь к аллитерациям и ассонансам, стремится к «звучности» стиха, который, благодаря активному использованию перекрестной рифмовки, к тому же отличается особой ритмической «упругостью». Между тем явное преобладание двусложников, тяготеющих к говорному интонационному стилю, во многом объясняется жанровой природой поэтических сочинений – писателя в большей степени привлекают лиро-эпические жанры сказки, баллады, легенды, в которых наблюдается «прозаизация» стиха [Калачева, 1986, с. 152–156].

В творчестве Горького поэзия пропитывается прозаическими элементами, а проза – стихотворными приемами, доказательством чего являются многие произведения. Так, во всей композиции «Песни о Соколе» (1895) сохраняется ямбический метр, а «Песня о Буревестнике» (1903) структурируется цепным хореем.

Метрической прозой написана также поэма «Человек» (1903), хотя она более свободна ритмически. Если в прозаическом тексте поэмы выделить соотносимые между собой интонационно-синтаксические единицы, то можно заметить, что некоторые фрагменты произведения метризованы ямбом, а ритмические перебои создаются варьированием междуударных интервалов, мужских и женских клаузул: «<…> Идет он, орошая кровью се́рдца / свой трудный, одинокий, гордый пу́ть, / и создает из этой жгучей кро́ви – / поэзии нетленные цветы́; / тоскливый крик души своей мяте́жной / он в музыку искусно претворя́ет, / из опыта – науки создае́т <…>» [Горький, 1968–1976, т. 6, с. 35].

В творчестве Горького метрическая и ритмическая проза сосуществует с другими разновидностями стихопрозы [Холшевников, 1991]. В рассказе «О Чиже, который лгал, и о Дятле – любителе истины», валашской сказке «О маленькой фее и молодом чабане» 1890-х гг., а также в сказках «Воробьишко», «Случай с Евсейкой», «Самовар» 1910-х гг. и др. Горький композиционно упорядочивает чередование стихотворных и прозаических фрагментов. Кроме того, «никто из русских писателей не использовал в таком обилии своих стихотворений для характеристики литературных героев, как М. Горький» [Касторский, 1951, с. 31], а это – яркое свидетельство оригинальности художественного стиля Горького.

Так, в рассказе «О Чиже, который лгал, и о Дятле – любителе истины» (1893) главными «героями» являются певчие птицы, поднимающие проблемы настоящего и будущего, пессимизма и оптимизма, неволи и свободы, сомнения и веры, лжи и правды, малодушия и смелости. При этом свои нравственно-философские декларации Воро́ны и Чиж озвучивают в пении – песни птиц имеют стихотворную форму. Песня Воро́н, насыщенная аллитерациями и звукоподражаниями, написана четырехстопным хореем: «Карр!.. В борьбе с суровым роком / Нам, ничтожным, нет спасенья <…>» [Горький, 1968–1976, т. 1, с. 46]. В первой песне Чижа, так же богатой звукописью, Горький обращается к четырехстопному ямбу: «<…> Друзья! Пусть падшие молчат. / Им очи съел сомнений дым; / В сердцах их честь и гордость спят <…>» [Горький, 1968–1976, т. 1, с. 47]. И только во второй песне Чижа используется трехсложный размер – трехстопный амфибрахий: «<…> О, если бы мрака оковы / С моей юной рощи упали <…>» [Горький, 1968–1976, т. 1, с. 49]. Во всех стихотворных текстах преобладает перекрестная рифмовка, а некоторые поэтические строки остаются холостыми.

Вместе с тем прозаические фрагменты рассказа Горького, значимые для понимания идейного смысла, тоже пронизаны ритмичностью [Гиршман, 1996]. В каком бы стиле ни высказывались Чиж и Дятел – публицистическом или официально-деловом, их речь нередко выстраивается на чередовании интонационно сопоставимых ритмических единиц, отчетливо ощутимых на слух. Вполне закономерно, что в рассказе Горького стихотворные и прозаические эпизоды, «орнаментированные» к тому же лексическими повторами и мелодическими фигурами, начинают вступать в сложные идейно-смысловые и интонационно-ритмические взаимодействия: «Мы не должны уставать, мы должны всегда бороться и все победить, чтоб оправдать самих себя в своих глазах, чтобы иметь право сказать: все прошедшее, настоящее и будущее – это мы, а не слепая сила стихий. Путь, по которому нам нужно идти, мне незнаком, но я уверен, что нужно идти вперед» [Горький, 1968–1976, т. 1, с. 50]; «Все эти песни и фразы, слышанные вами здесь, милостивые государи, не более как бесстыдная ложь, что я и буду иметь честь доказать вам с фактами в руках… С фактами в руках, милостивые государи!..» [Горький, 1968–1976, т. 1, с. 51].

Не менее поразителен и другой феномен. Во многих прозаических произведениях 1890–1930-х гг., как эпических, так и драматургических, встречаются стихотворения Горького, приписываемые различным героям. В художественном мире Горького-прозаика к стихосложению причастен бесконечно широкий круг «авторов»: птицы и рыбы («О Чиже, который лгал, и о Дятле – любителе истины», 1893; «Случай с Евсейкой», 1912), фея и чабан («О маленькой фее и молодом чабане», 1895), лавочник («О писателе, который зазнался», 1901), простой мужик, служащий у барина (шестая сказка из цикла «Русские сказки», 1911), работник на мельнице («На Чангуле», 1915), студенты и интеллигенты («Дачники», 1904; «Вечер у Шамова», 1916), школьник («Миша», 1917), самовар, чайник, сливочник, сахарница, чашки («Самовар», 1917), прокурор («Рассказ о безответной любви», 1923). Диапазон художественных пространств, где звучат стихотворные сочинения героев, удивляет не

меньше: от тюрьмы («Тюрьма», 1905) до старого барского дома («Дети солнца», 1905), морской отмели («Весельчак», 1916).

В прозаических произведениях Горького некоторые герои раскрывают знание версификационной техники. Так, в рассказе «Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты» (1895) несчастному журналисту, обезумевшему от бездарных стихов местных авторов, снится сон, детали которого изложены от первого лица, – редактору видится, «будто бы вокруг меня витает рой <…> девушек и юношей, и все сразу читают мне разнообразные стихи. Рифмы сыплются мне в уши, как горох, фальшивые цезуры пилят меня, как… тупой пилой…» [Горький, 1968–1976, т. 2, с. 272]. В фельетоне «Дядя Витя» (1907–1912) Горький иронизирует над вульгаризацией стихотворных аллитераций – поэт-юморист дядя Витя признается: «<…> я, кажется, напишу стихи со звуком ща в каждом слове, – понимаешь? – в каждом! <…> Тщетно тщится щука / Ущемить леща <…>» [Горький, 1968–1976, т. 11, с. 488]. В «Рассказе об одном романе» (1924) звучит не менее явная ирония над крайностями использования ассонансов, а также попытками создания семантического ореола звукописи, ассоциирующегося с синтезом искусств, – поднимая проблемы творческого процесса, Горький приписывает своему герою, писателю-прозаику, стихи, насыщенные гласным звуком «о», и комментарий к этим стихам: «<…> О, какой тоскою светят в небо / Синей ночью очи океанов…», «И – так далее, все – о – о – о! Очень синие стихи» [Горький, 1968–1976, т. 17, с. 361]. А в первой части романа «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936) Люба Сомова и Борис Варавка, играя словами, продолжают заданную рифмовку «шляпу» – «папу» и ищут наиболее удачные рифмы к слову «гриб»: Борис подсказывает несколько вариантов – «сшиб», «рыб», «погиб» [Горький, 1968–1976, т. 21, с. 35].

В данной связи представляются абсолютно предсказуемыми тексты стихотворений Горького, включенные в структуру прозаических произведений на тему поэта и поэзии. В 1890-е гг. Горького интересуют прежде всего образы поэтов-декадентов, будущий писатель-реалист акцентирует внимание на их свободном образе жизни, эмоционально расстроенном мировосприятии, индивидуалистичных мечтах о славе и поклонниках, пессимистичных настроениях, лишенных гражданских мотивов: Горький чаще всего иронизирует, изображая творческие порывы и художественные поиски псевдопоэтов в произведениях «Грустная история» (1895), «Неприятность» (1895), «Поэт» (1896), «Варенька Олесова» (1898). Благодаря стихотворным текстам, созданным для раскрытия характеров и содержательных нюансов прозаических сочинений, происходит снижение образов поэтов-декадентов – в стихотворных фрагментах Горький использует элементы стилизации, имитируя идейно-смысловые доминанты декадентской лирики: «<…> Ни капли я счастия не пил, / И ждать я его не могу! / Нет, сердце, сожженное в пепел, / Надеждой я вновь не зажгу!..» [Горький, 1968–1976, т. 1, с. 323].

Совершенно иной, чаще всего общественно актуальный, социально активный, пафос придается стихотворениям поэтов из народа: «<…> Мой несчастный народ! / Долго ль биться тебе / И себя изнурять / В неустанной борьбе?..» [Горький, 1968–1976, т. 5, с. 475]. Действительно, на смену поэтам-декадентам 1890-х гг. в прозе Горького 1900–1930-х гг. приходят образы поэтов-самоучек, увлеченных стихосложением, – это Павел Грачев, работавший в типографии («Трое», 1900), Платон Багров – выходец из крестьян («Рассказ Филиппа Васильевича», 1905), Сима Девушкин, делавший птичьи клетки и садки («Городок Окуров», 1909). Отражая характерную тенденцию эпохи, в очерках «Мужик» (1900) Горький даже создает образ благотворительницы Татьяны Николаевны, опекавшей «Кольцовых» – поэтических самородков из народа. С. В. Касторский справедливо отмечал: «Стихи Горького, приписанные им своим героям, поэтам-самоучкам, характеризуют не только ту или иную степень одаренности <…> они придают каждому из поэтов <…> индивидуальные черты» [Касторский, 1951, с. 47].

В других прозаических произведениях стихотворные тексты героев способствуют усилению сатирических мотивов, связанных с поэтическим творчеством: «О писателе, который зазнался» (1901), вторая и третья сказки из цикла «Русские сказки» (1911), «О тараканах» (1925). И в данном контексте невозможно не прокомментировать примечательный факт, на который указывает Ю. Б. Орлицкий: «М. Горький обращается к метрической прозе не только в своих знаменитых „Песне о Соколе” (1895) и „Песне о Буревестнике” (1901), но и в куда менее известной автопародии на них – стихотворении

1904 года „Эдельвейс”, вложенном в уста Калерии из „Дачников” <…>» [Орлицкий, 2002, с. 59].

Речь идет о «стихотворении в прозе», прочитанном Калерией для собеседников, которым она сообщает о том, что со временем к «Эдельвейсу» создадут музыку. Конечно, в содержании этого сочинения прослушиваются иронические мотивы, связанные с декадентской лирикой. Но примечательно другое. «Стихотворение в прозе» структурируется короткими абзацами, сопоставимыми с поэтическими строфами: в двух (повторяющихся) фрагментах метрическая организация отсутствует, а шесть «строф» написаны цепным анапестом и представляют собой метрическую прозу: «<…> В темных я́мах земли́ стон и сме́х, крики я́рости, ше́пот любви́… многозву́чна угрю́мая му́зыка жи́зни земно́й!.. Но безмо́лвия го́рных верши́н и бесстра́стия зве́зд – не смуща́ют тяже́лые вздо́хи люде́й <…>» [Горький, 1968–1976, т. 7, с. 208]. При этом прозаический текст оказался настолько поэтичным, что после выхода в свет пьесы «Дачники» (1904) «Эдельвейс» действительно «исполняли на концертах в музыкальном сопровождении П. Ренчицкого (1905 г.), Ф. Боброва (1905 г.), А. Спендиарова (1911)» [Горький, 1968–1976, т. 7, с. 644–645]. Музыкальность «стихотворения в прозе» опровергла ироничность Горького [Макарова, 2015б; Gross, 1964].

Аналогично самостоятельным поэтическим произведениям, тематика стихотворных текстов в эпических и драматургических сочинениях Горького весьма обширна: в стихотворной форме писатель пародирует творчество других авторов, размышляет на темы любви и природы, о философских и нравственно-дидактических проблемах. С точки зрения версификационной техники стихотворения Горького тоже достаточно разнообразны [Калачева, 1986; Unbegaun, 1956]. Результаты статистического анализа стихотворных фрагментов из прозаических произведений доказывают их художественную близость самостоятельным поэтическим сочинениям Горького, вновь убеждая в том, что прозаик не только обладал индивидуальным поэтическим стилем, но и следовал за инновационными тенденциями современного стихотворного процесса.

Итак, из 103 содержательно завершенных поэтических текстов в 32 прозаических произведениях Горького 1890–1930-х гг. бо́льшая часть (78 сочинений, 75,7 %) написана двусложными размерами: 24 стихотворения (23,3 %) – ямбами и 54 текста (52,4 %) – хореями. К трехсложным размерам Горький обращается не часто – в 14 случаях (13,6 %), но проявляет заметный интерес к новаторским разновидностям русского стиха: полиметрическим композициям, переходным формам, дольникам и верлибрам (10,7 %). Писателя практически не привлекают выразительные возможности кольцевой (0,9 %) и парной (10,7 %) рифмовки. Горький почти всецело увлечен звуковой экспрессией перекрестной рифмовки (76,7 %), в ритмичной пульсации которой наблюдаются холостые стихи. Хотя и безрифменные тексты встречаются не редко – в прозаических сочинениях белым стихом написаны 12 поэтических фрагментов (11,7 %). При этом подчеркнем чрезвычайно значимый момент: нет никаких оснований считать стихотворные тексты в прозе Горького технически не завершенными или художественно неубедительными. Учитывая тот факт, что некоторые сочинения принадлежат поэтам-самоучкам и комическим героям-декадентам, теоретически способным допускать версификационные ошибки, как и намеренное утрирование тех или иных стихотворных приемов, общая обоснованность и глубокая органичность содержательных и формальных решений, выбранных Горьким для раскрытия стихотворных опытов своих героев, представляются совершенно очевидными.

Стихотворения, доверенные героям прозаических произведений, свидетельствуют также о том, что на разных этапах творчества Горький обращается как к метро-ритмическим, так и к интонационно-синтаксическим экспериментам, характерным для русской поэзии рубежа XIX–XX вв. и версификации других национальных культур. Так, в рассказе «Макар Чудра» (1892) Горький имитирует художественные элементы цыганских вокальных жанров: в стихотворном тексте песни Лойко Зобара наблюдаются ритмическое обыгрывание междометия «гей», композиционно упорядоченное чередование разностопных строк, оригинальных в своем интонационном голосоведении: «Гей-гей! В груди горит огонь, / А степь так широка! / Как ветер, быстр мой борзый конь, / Тверда моя рука!..» [Горький, 1968–1976, т. 1, с. 20]. В девятой сказке из цикла «Сказки об Италии» (1906–1913) Горький, воссоздавая эпоху царствования Тимура, прозванного Тамерланом, отражает особенности стихотворного стиля поэта

Кермани: в сочинении используется прием последовательной эпифоры, мелодически фиксирующей окончания строк и усиливающей композиционную цельность строфы: «<…> Ах, прекрасны звезды в небе полуночи – знаю! / И прекрасно солнце в ясный полдень лета – знаю! / Очи моей милой всех цветов прекрасней – знаю! / И ее улыбка ласковее солнца – знаю!..» [Горький, 1968–1976, т. 12, с. 48].

В причастности Горького к метро-ритмическим инновациям, связанным с реформированием классической силлаботоники в отечественной поэзии рубежа XIX–XX вв., убеждают не только самостоятельные произведения, но и стихотворные образцы из автобиографической прозы [Макарова, 2015а, с. 35]. Например, стихотворение «Из дневника» (1923) написано тактовиком с вариативными междуударными интервалами от 1 до 3 слогов – эта стихометрическая форма утверждается в русской версификации благодаря экспериментам символистов: «<…> Ди́ск луны́, уро́дливо изло́ман, / То́нет в бездо́нной че́рной я́ме. / В по́ле золота́я соло́ма / Вспы́хивает же́лтыми огня́ми <…>» [Горький, 1968–1976, т. 17, с. 175] (0 – 1 – 1 – 3 – 1 / 0 – 2 – 1 – 1 – 1 / 0 – 3 – 2 – 1 / 0 – 3 – 3 – 1). В текст автобиографического сочинения «О первой любви» (1923) Горький включает еще более смелую новаторскую форму, также получившую распространение в символистской поэзии, – верлибр: «<…> О да́! Мир со́здан неве́село: / Ску́пы и жа́лки ра́дости его́! / Но все́-таки в нем е́сть нема́ло заба́вного, / Наприме́р: Ваш поко́рный слуга́. / И – е́сть в нем не́что прекра́сное, – / Это я́ говорю́ о Ва́с!..» [Горький, 1968–1976, т. 16, с. 223] (1 – 1 – 2 – 2 / 0 – 2 – 1 – 3 – 0 / 1 – 3 – 1 – 2 – 2 / 2 – 2 – 2 – 0 / 1 – 1 – 2 – 2 / 2 – 2 – 1 – 0). В свободном стихе Горького отсутствуют рифмы, изосиллабизм, изотонизм; анакрузы и клаузулы – переменные. Хотя в некоторых строках сохраняются элементы вторичного ритма. Это еще не «правильный» верлибр, предполагающий единственный структурообразующий определитель, – первичный ритм, заключенный в чередовании стихотворных строк и межстиховых пауз [Орлицкий, 2002, с. 321–331]. Но отказать Горькому в таланте верлибриста объективно невозможно.

В романе «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936) Горький доверяет Елизавете Львовне Спивак, обсуждавшей с Самгиным стихотворение Инокова, очень серьезную идею, во многом проникнутую глубокими автобиографическими мотивами: «<…> Он – романтик, но – слишком обремененный правдой жизни, и потому он не будет поэтом» [Горький, 1968–1976, т. 22, с. 23]. Горький, всю жизнь занимавшийся стихосложением, не стал поэтом-модернистом, но вошел в историю русской литературы как неповторимый писатель-реалист, искусно синтезировавший стих и прозу. А. Б. Удодов абсолютно прав: «<…> внутриструктурная оппозиционность первых горьковских текстов <…> сюжетно-коллизийная, конкретно-образная, внутренне-речевая <…> предстает как конструктивная диалогичность, строящаяся на <…> их открытости для взаимодействия и развития» [Удодов, 1999, с. 135]. Действительно, творчество Горького 1890–1930-х гг., открытое «для взаимодействия и развития», актуализировало ту «конструктивную диалогичность», которая уравновешивала историческую «оппозиционность» прозаической и стихотворной речи. И в этом – неоценимый вклад Горького в отечественную словесность.

Библиографический список

1. Белова Т. Д. Эволюция эстетических взглядов М. Горького (1890–1910 гг.) в контексте культурологических исканий эпохи. Москва : Издательство МГОУ, 2004. 344 с.

2. Гиршман М. М. Художественная целостность и ритм литературного произведения // Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. Москва : Российский гуманитарный университет, 1996. С. 99–112.

3. Горький М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1953.

4. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: в 25 томах. Москва : Наука, 1968–1976.

5. Калачева С. В. Эволюция русского стиха. Москва : Издательство Московского университета, 1986. 264 с.

6. Касторский С. В. Стихотворения М. Горького // М. Горький. Стихотворения. Ленинград : Советский писатель, 1951. С. 5–64.

7. Лотман Ю. М. Поэзия и проза // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва : Гнозис, 1994. С. 71–91.

8. Макарова С. А. Дольник в русском стихосложении. Москва : Московский Лицей, 2015а. 328 с.

9. Макарова С. А. Русский стих и музыка. Москва : ЛЕКСРУС, 2015б. 360 с.

10. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. Москва : РГГУ, 2002. 685 с.

11. Удодов А. Б. Феномен М. Горького как эстетическая реальность: генезис и функционирование (1880-е – начало 1890-х годов). Воронеж : ВГПУ, 1999. 268 с.

12. Холшевников В. Е. Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Холшевников В. Е. Стиховедение и поэзия. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 75–84.

13. Gross H. Sound and Form in Modern Poetry. Univ. of Michigan Press, 1964.

14. Pyman A. A history of Russian symbolism. Cambridge, 1996.

15. Unbegaun B. Russian versification. Oxford, 1956.

Reference List

1. Belova T. D. Jevoljucija jesteticheskih vzgljadov M. Gor'kogo (1890–1910 gg.) v kontekste kul'turologicheskih iskanij jepohi = The evolution of aesthetic views of M. Gorky (1890–1910) in the context of culturological searchings of the epoch. Moskva : Izdatel'stvo MGOU, 2004. 344 s.

2. Girshman M. M. Hudozhestvennaja celostnost' i ritm literaturnogo proizvedenija = Artistic integrity and rhythm of a literary work // Russkij stih: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika. Moskva : Rossijskij gumanitarnyj universitet, 1996. S. 99–112.

3. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomah = Complete collection of works in 30 volumes. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1953.

4. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennye proizvedenija: v 25 tomah = Complete collection of works . Works in 25 volumes. Moskva : Nauka, 1968–1976.

5. Kalacheva S. V. Jevoljucija russkogo stiha = The evolution of Russian poem.Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986. 264 s.

6. Kastorskij S. V. Stihotvorenija M. Gor'kogo = M. Gorky's poems // M. Gor'kij. Stihotvorenija. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1951. S. 5–64.

7. Lotman Ju. M. Pojezija i proza = Poetry and prose // Ju. M. Lotman i tartusko-moskovskaja semioticheskaja shkola. Moskva : Gnozis, 1994. S. 71–91.

8. Makarova S. A. Dol'nik v russkom stihoslozhenii = Dolnik in Russian versification. Moskva : Moskovskij Licej, 2015a. 328 s.

9. Makarova S. A. Russkij stih i muzyka = Russian poem and music. Moskva : LEKSRUS, 2015b. 360 s.

10. Orlickij Ju. B. Stih i proza v russkoj literature = Poem and prose in the Russian literature. Moskva : RGGU, 2002. 685 s.

11. Udodov A. B. Fenomen M. Gor'kogo kak jesteticheskaja real'nost': genezis i funkcionirovanie (1880-e – nachalo 1890-h godov) = M. Gorky's phenomenon as an aesthetic reality:genesis and functioning (1880s – early 1890s). Voronezh : VGPU, 1999. 268 s.

12. Holshevnikov V. E. Sluchajnye chetyrehstopnye jamby v russkoj proze // Holshevnikov V. E. Stihovedenie i pojezija = Occasional four-legged iambics in the Russian prose. Holshevnikov V. E. Poetry. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991. S. 75–84.

13. Gross H. Sound and Form in Modern Poetry. Univ. of Michigan Press, 1964.

14. Pyman A. A history of Russian symbolism. Cambridge, 1996.

15. Unbegaun B. Russian versification. Oxford, 1956.

УДК 821.161.1

Б. В. Ковалев **https://orcid.org/0000–0002–1904–1844**

А. П. Жуков **https://orcid.org/0000–0002–5012–5421**

Имена собственные в рассказе В. В. Набокова «Месть»: семантика и претексты

Для цитирования: Ковалев Б. В., Жуков А. П. Имена собственные в рассказе В. В. Набокова «Месть»: семантика и претексты // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 56-64.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-56-64

В статье анализируется семантика имен собственных персонажей рассказа В. В. Набокова «Месть». В процессе анализа обнаруживается, что Набоков использовал сюжет трагедии Шекспира «Отелло, мавр венецианский» для выстраивания сюжета рассказа «Месть». Герои Набокова сопоставляются с героями Шекспира, особое внимание уделяется анализу номинации «Джэк». На основе формальных и семантических соответствий авторы заключают, что набоковский Джэк выполняет ту же функцию, что и шекспировский Яго, имя же «Iago» является испаноязычным аналогом английского имени «Jack». Выстраивается цепь на оси континуальности с опорой на характеристики, свойственные указанным выше героям Набокова и Шекспира. Для этого анализируется новелла Чинтио «Венецианский мавр», разбираются легенда об апостоле Иакове Зеведееве (Явление перед битвой при Клавихо) и ветхозаветное предание об Иакове. Обнаруживаются непрерывные семантические линии, соединяющие носителей имени «Иаков», выявляются инвариантные черты: стремление к первообладанию женщиной и борьба с маврами. Влияние номинации прототипа столь велико, что импликации продолжают «работать», даже если сама номинация в другом тексте отсутствует. Безымянные герои в «Мести» обладают теми же (с некоторыми изменениями) характеристиками, что и наделенные именами персонажи Шекспира. На основе анализа выстраивается транстекстуальная номинационная цепочка для каждого персонажа рассказа В. В. Набокова «Месть», дается определение понятия «номинация» и делается ряд выводов об особенностях построения такого рода цепочек и правил их формирования.

Ключевые слова: Набоков, семантика имен, интертекстуальность, Шекспир, апостол Иаков, имя собственное, система персонажей.

B. V. Kovalev, A. P. Zhukov

Proper names in the story of V. V. Nabokov «Revenge»: semantics and pretexts

The article analyzes the semantics of the names of the characters in the story of V. V. Nabokov's «Revenge». In the process of analysis, it is discovered that Nabokov used the plot of Shakespeare's tragedy «Othello, the Moor of Venice» to build the plot of the story «Revenge». Nabokov's heroes are compared with the heroes of Shakespeare, special attention is paid to the analysis of Jack nomination. On the basis of formal and semantic correspondences the author concludes that Jack performs the same function as the Shakespearean Iago, the name «Iago» is a Spanish-language analogue of the English name «Jack». Based on the characteristics inherent to the above-mentioned heroes of Nabokov and Shakespeare. For this, Chintio's novel «The Venetian Moor» is analyzed, the legend of the apostle Jacob Zebedeev (the battle of Clavicho) and the Old Testament legend of Jacob are analyzed. Continuous semantic lines are found connecting the bearers of the name «Jacob», invariant features are revealed: the desire for the first possession of a woman and the struggle against the Moors. The influence of the prototype nomination is so great that, falling into the space of another text, the implications continue to «work», even if these nominations are absent in another text. The unnamed heroes in «Revenge» play the same roles and possess the same characteristics, with some modifications, as the Shakespeare endowed characters. Based on the analysis, a transtextual nomination chain is built for each character of the story of V. V. Nabokov's «Revenge», the definition of the concept of «nomination» is given and a number of conclusions are made about the features of constructing this kind of chains and the rules for their formation.

Key words: Nabokov, semantics of names, intertextuality, Shakespeare, apostle James, proper name, character system.

I

Отсутствие имени собственного у персонажа того или иного рассказа никогда не является случайным: и наличие броской номинации, и ее нехватка могут рассматриваться как авторский прием. Следует одинаково внимательно относиться к именам собственным и в

© Ковалев Б. В., Жуков А. П., 2020

переусложненной «Весне в Фиальте», где, по мнению А. Долинина, «установить литературную генеалогию имени героини ВФ – «маленькой узкоплечей женщины с пушкинскими ножками» [Долинин, 2018, с. 174] – не представляется возможным», а происхождение других имен вызывает прямо противоречащие друг другу толкования; и в рассказе «Месть» («Русское эхо», 1924), в котором на десять фигурирующих персонажей, собственной номинацией обладают лишь двое: некий комический актер Шелдон, фоновый персонаж, «лысый великан с круглым рыхлым лицом» [Набоков, 2016, с. 73], не выходящий на сцену и упоминающийся англичанкой ради характеристики главного героя, и Джэк – «спиритический адресат» писем жены главного героя, призрак прошлого (ср. «Мертвые» Дж. Джойса), принятый профессором за любовника. Однако несмотря на кажущийся дефицит материала, мы можем провести полноценный анализ имен собственных и реконструировать протонимический и прототипический уровни текста.

Номинаций главных героев, профессора и его жены, мы не знаем, значит, по методу формулирования, их имена нулевые. У нас остается три точки опоры: имена Шелдон, Джэк и сюжет рассказа. Образ Шелдона (анг. «высокогорная местность», «из плоской долины» [Hanks, P., Hardcastle, K., 2006]) – функция, через него описывается восприятие профессора, главного героя, ревнивца, англичанкой. Отметим этимологию имени, но обратим внимание и на саму характеристику: Шелдон – 1) комический актер и 2) «лысый великан с круглым рыхлым лицом». Система ассоциирующихся с этим персонажем импликаций в экспозиции рассказа придается профессору. Акцентируется его комизм, при этом ироническое отношение профессора к окружающим заметно и в дальнейшем. На вопрос студента, что лежит в его чемодане, профессор, не желая прямо сказать о скелете горбуна, отвечает: «Божественное изобретение… необходимое всякому человеку. Впрочем, вы сами возите с собой такой же предмет. А? Или, может быть, вы – полип?» [Набоков, 2016, с. 73]. Донельзя изобретателен и способ мести жене посредством того же скелета. Описание профессора англичанкой совпадает с авторским: «Бульдожья челюсть, лысая громадная голова с железными жилками на висках» [Набоков, 2016, с. 76], «тупые серые пальцы», «судорожно раздулись ноздри, вспыхнул золотой клык» [Набоков, 2016, с. 77], «громадный лысый, с клочьями серой шерсти посреди груди… ей были приятны его редкие сильные ласки» [Набоков, 2016, с. 78].

«Джэк» (Jack) – имя, пришедшее в английский язык из старофранцузского в XIII веке как диминутивная форма имени Jacques. Любопытно, что в современном английском языке имя Jack чаще используется как уменьшительная форма имени John, которое, в свою очередь, является диминутивной формой имени Johanes (Иоанн). Имена братьев-апостолов «слились» в одно, причем парадоксально, что имя старшего, Иакова, используется как диминутивная форма имени младшего брата, Иоанна [Hanks, P., Hardcastle, K., 2006]. В христианском мире имя получило распространение от двух важнейших библейских персонажей: ветхозаветного Иакова и апостола Иакова Зеведеева – старшего брата апостола Иоанна, покровителя Испании. Так, например, русским вариантом будет «Яков», французским – «Jacques», итальянским – «Jacopo», испанским – «Iago» [Гиляревский, Старостин, 1985]. Однако, сложив воедино образ дикого, брутального главного героя-ревнивца и тихой «тонкой, белой» [Набоков, 2016, с. 78] жены, которая оказывается незаслуженно убита своим ревнивым мужем из-за некого третьего по имени Джэк/Iago с английским локусом, мы придем к выводу, что рассказ «Месть – это упрощенное и осовремененное переосмысление шекспировского «Отелло». Трагический герой Отелло снижен до безымянного профессора, похожего на «комического актера», персонаж, которого подозревали в колдовских методах соблазнения Дездемоны, оказывается врагом спиритизма и даже становится его жертвой – инверсия в духе Набокова. Похожи и методы выявления мнимой измены: и профессор, и Отелло используют третьих лиц – по терминологии А. Ж. Греймаса, «расследователей»: «Впрочем, тот, кто проводит расследование, – не обязательно ревнивец… Социальные стереотипы ревности в этом смысле получают практическое воплощение, поскольку большая часть частных детективов занимаются как раз такими расследованиями. Что касается, например, Отелло, он не опускается до уровня «расследователя», но тем не менее просит Яго «показать» ему факты» [Греймас, Фонтаний, 2015, с. 276]. Набоковский профессор же прибегает к услугам частного сыщика: «Получил из Лондона донесение от частного сыщика донесение о том, что жена изменяет ему» [Набоков, 2016, с. 74]. Образы жены-Дездемоны

также обнаруживают сходство. По В. Комаровой, «речь Дездемоны отличается удивительной искренностью и простотой, в ней почти нет словесных украшений и риторики. Например, она признается, что муж мог бы побранить ее мягко, как бранят ребенка, ведь она «еще ребенок в восприятии порицаний» [Комарова, 1998, с. 123]. Набоковская героиня тоже немногословна, что и губит ее: «Ей захотелось рассказать ему о сновидении, о письме, – но было как-то совестно…» [Набоков, 2016, с. 76].

Итак, на основе сравнительного анализа сюжетов и системы персонажей у нас есть некоторые основания полагать, что Набоков использовал сюжет трагедии Шекспира для выстраивания собственного. Однако наша цель – показать, как реализуется механизм транстекстуальных связей на уровне системы персонажей и их имен в «Мести» и выстроить цепочку соответствий на оси континуальности для каждого персонажа рассказа, а для этого нужно обратиться к более ранним текстам.

II

Сюжет «Отелло» Шекспир позаимствовал у итальянского гуманиста и писателя Дж. Дж. Чинтио (1504–1573), которому принадлежит новелла «Венецианский мавр», известная русскому читателю в переводе А. А. Габричевского. Шекспир, безусловно, модифицирует систему персонажей и сюжет. Образ коварного поручика, жаждущего оклеветать капитана (у Шекспира – лейтенанта) и влюбленного в Десдимону/Дездемону, разделен на два: Яго и Родриго. Яго желает мести и карьеры: «А мне, который показал себя / На Кипре, на Родосе, в басурманских / И христианских странах, застят ветер / Конторской книгой; этот счетовод / К нему назначен – видишь – лейтенантом, / А я – изволь! – хорунжий при Смуглейшем» [Шекспир, 2009, с. 334].

Родриго жаждет любви Дездемоны, но он – лишь орудие в руках Яго: «Глупцом я пользуюсь, как кошельком / Я бы унизил ум свой, тратя время / С таким дроздом иначе, чем для смеха / Иль выгоды. Я ненавижу Мавра» [Шекспир, 2009, с. 387]. У Чинтио коварный поручик и влюбленный – одно лицо.

Другое важнейшее нововведение Шекспира – имена персонажей. В «Венецианском мавре» именем обладает лишь Дисдемона – мавр, поручик и капитан остаются без номинации [Пуришев, 1976]. Шекспир же, не трогая единственное имя из оригинала, каждого из уже трех своих героев наделяет именами, каждое из которых по-своему любопытно. Оклеветанный лейтенант зовется «Cassio» – происходит инверсия, имя «Кассий», более ранний носитель которого заключен Данте в девятый круг Ада наряду с Иудой и Брутом за предательство, теперь носит не предатель, но жертва. Инвертируется сюжет из итальянской/римской литературы и истории – такого рода заимствования типичны для Шекспира, что было неоднократно показано В. П. Комаровой [Комарова, 1998]. Использование же имен «Iago» и «Roderigo» [Шекспир, 2017] менее типично, поскольку эти номинации не итальянские, а испанские. Лениция, озвончение согласных в интервокальной позиции [k]>[g] характерно для фонетической системы испанского, а не итальянского языка (ср. итальянские аналоги тех же имен: «Jacopo», «Roderico»). Однако здесь перед нами встает вопрос, традиционный для исследования Шекспира: мы либо верим в интенциональность использования Шекспиром испаноязычных форм, либо ссылаемся на лингвистическую неразборчивость драматурга, никогда не бывавшего за пределами Англии. Однако мы придерживаемся первой точки зрения – чтобы доказать ее состоятельность, достаточно обратиться к этимологии имен «Яго» и «Родериго» и к испанской истории.

«Iago» – это испанская форма имени «Яков», восходящая к Апостолу Иакову, крестителю Испании. Одна из характерных черт апостола Иакова – его порывистость (Лк. 9:54) и своеобразный карьеризм, проявляющийся в желании занять место наиболее близкое к Иисусу: «Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите» (Мк. 10:35–38). Важно отметить и проповедническую деятельность апостола по всей Европе – шекспировский Яго также настаивает на своей активной деятельности за пределами Венеции: «Мне, который показал себя / На Кипре, на Родосе, в басурманских / И христианских странах». [Шекспир, 2009, с. 334]. Кроме того, смерть апостола Якова – единственная кончина апостола, которая описывается в Новом Завете (Деян. 12:2) – у Шекспира в конце трагедии

умирает не Яго, а мавр, а у Чинтио жизни лишается именно коварный поручик.

Однако, несмотря на значимость приведенных точки соприкосновения, ключевым для нас является тот факт, что одно из прозваний Святого Иакова в Испании – el matamoros (рус. «мавроборец»). Согласно легенде, апостол Иаков явился астурийскому королю Рамиро I во время битвы при Клавихо и в решающий момент ринулся в бой [Гонсалес, 2002]. Несмотря на численный перевес сарацинов, христиане, воодушевленные явлением апостола, одержали победу. Хименес так пересказывает этот сюжет: «И сказал королю Рамиро апостол Иаков: «Разве ты не знал, что Господь мой Иисус Христос, разделяя области земные между моими братьями, другими апостолами, лишь мне доверил быть пастырем всея Испании и поручил её защите моей от всех врагов веры нашей?.. И чтобы не усомнились ни вы, ни неприятели ваши в истинности слов моих, вы узрите меня завтра в бою на белом коне со знаменем Господним в руках. И посему на рассвете, покаявшись и исповедавшись в грехах, причастившись крови и тела Христова, не бойтесь ринуться на тьмы мавров, взывая к имени Господнему и моему, и знайте наверняка, что сокрушите вы орду сарацинов мечами своими» [Хименес, 1893, с. 286]. Есть аналогичное описание: «И дабы не усомнился никто в словах моих, вы увидите меня на белом коне с белым знаменем и лучезарным мечом в руке… и, отринув сомнения, устремитесь на варваров с кличем «С нами Бог и Святой Иаков!», ибо точно знать будете, что падут сарацины от мечей ваших» [Primera Crónica General, 1955, с. 360].

Особенно интересна причина битвы. Согласно легенде, сражение было вызвано нежеланием христиан платить дань в сто прекрасных дев [Мартинес, 2005, с. 143]. Это вновь возвращает нас к теме взаимоотношений женщин-христианок и мужчин-мавров. Мужчины-христиане хотят во что бы то ни стало не допустить, чтобы мавры обладали их женами. Знамя и вдохновитель – Иаков, главный земной борец – Рамиро. Именно такая схема лежит в основе конфликта новеллы Чинтио и трагедии Шекспира, хотя и в несколько измененном виде: религиозная проблематика в «Венецианском мавре» и «Отелло» уступает место гуманистической и эротической. Впрочем, схема эта значительно древнее битвы при Клавихо, что видно, если мы обратимся к мифам и сказкам. Меняется наполнение, идейно-философская подоплека, – сама схема остается неизменной.

Историко-политическое значение битвы при Клавихо трудно переоценить: сражение привело к заключению нескольких важнейших компромиссов, известных как Voto de Santiago [Эспарса, 2008]. Очевидно и моральное значение битвы как одной из первых успешных кампаний против мавров; она и по сей день является одним из символом Реконкисты. Кроме того, после сражения крест Св. Иакова был закреплен в геральдике как эмблема новосозданного Ордена Святого Иакова [Primera Crónica General, 1955, с. 287].

Мы видим, что имени Иаков в его испаноязычном варианте Iago сопутствует семантика мавроборчества как на военно-политическом, так и на эротико-личностном уровне. Здесь же важна еще одна шекспировская инверсия: Яго недоволен положением хорунжего, знаменосца, у мавра, в то время как крест Святого Якова – одна из эмблем борьбы с маврами во время Реконкисты.

Возникает сущностный вопрос: имя «Иаков» восходит к ветхозаветному Иакову, родночальнику 12 колен израилевых, обманом заполучившего у брата Исава право первородства и, таким образом, семантика карьеризма и долгих скитаний является общей и для Иакова, и для Иакова Зеведеева, и Яго. Является ли он участником на оси континуальности? Есть две точки зрения.

Первая. Ключевой семантический критерий для объединения в цепь – мавроборчество. В таком случае, из потенциальной транстекстуальной цепочки он выпадает, так как Иаков не противостоит маврам. На пути от героя Пятикнижия к набоковскому Джэку семантика карьеризма и долгих скитаний теряется, Яго – последний персонаж в цепи, обладающий его характеристиками, а транстекстуальная цепочка должна выстраиваться по непрерывным линиям. Семантика мавроборчества оказывается сильнее. Шекспир и сам «разрывает» эту цепь, наделяя своего «Иакова» испанской формой имени. Иными словами, предпочтительным конечным объектом в цепи остается Иаков Зеведеев в силу большей семантической соотнесенности с поручиком, Яго и Джэком.

Ветхозаветный Иаков не выпадает, если мы признаем ключевым глубинный семантический инвариант: стремление к первенству в своей области и первообладанию женщиной. Этот инвариант общий для всех участников цепи, а на уровне Апостола Иакова добавляется семантика

мавроборчества: совмещаясь в едином поле, стремление к первенству, обладанию женщиной и мавроборчеству сопутствуют и Яго, и Джэку. Между Яго и Иаковым обнаруживаются любопытные связи: Иаков проработал на Лавана 7 лет и не получил желаемого, а точнее – желаемую Рахиль (Быт. 29:18). В результате махинаций Лавана Иаков начал наносить ущерб его скоту – Яго тоже по происшествии долгих лет службы не получает желаемого (в его случае – только чин, Дездемоны алчет Родриго) и начинает строить козни. Своеобразного карьеризма Джэк лишен, но от этой линии остается факт того, что Джэк – первая любовь жены профессора и участие в битве за нее он, пусть и невольно, принимает. Ответ на вопрос о конечном объекте зависит от того, какой семантический инвариант мы считаем магистральным, а какой – побочным.

Еще одним сущностным вопросом оказывается следующий: почему ведомого, воодушевленного Яго офицера, Roderigo, зовут не Рамиро (Ramiro, ‘славный’) – по имени астурийского короля? Есть два возможных ответа, связанных с искажением восприятия. Во-первых, с фонетической точки зрения имена Roderigo и Ramiro похожи. Срединный слог в имени Roderigo выпадает, номинации получаются трехсложными, начинающимися и заканчивающимися на одну и ту же фонему. Выпадение [e] в английском варианте также явилось причиной того, что в русских переводах персонажа зовут «Родриго» [Гиляревский, Старостин, 1985] – отечественные переводчики Отелло предпочли метод транскрипции – заметим, что с номинациями, претерпевшими трансформации в романских языках, у переводчиков нередко возникают сложности, а проблема семантики имен актуализируется: это ярко видно на материале латиноамериканского романа [Светлакова, Ковалев, 2019]. Тем не менее, некоторое сходство на уровне фонетики и графики между именами двух рыцарей, сыгравших значительную роль в истории Испании, найти можно.

Второе объяснение: имя Roderigo/Rodrigo у Шекспира, как, впрочем, и у большинства читателей ассоциируется с Реконкистой и испанской культурой в значительно большей степени, чем Ramiro. Знаменитый el Cid Campeador, Rodrigo Díaz de Vivar, национальный герой Испании, стал одним из главных символов Реконкисты в Испании и одним из самых узнаваемых кастильских историко-культурных образов в Европе. Отметим, что и последнего короля Испании до нашествия сарацинов тоже звали Родриго, однако его образ по масштабу и общеевропейскому влиянию существенно проигрывает Сиду, хотя и с ним связана легенда о борьбе с маврами за женщину. Воспринятый европейскими читателями через «Песнь о моем Сиде» и пьесы Гильена де Кастро-и-Бельвиса (не говоря уже о более позднем относительно Шекспира и, пожалуй, самом влиятельном опыте Корнеля), Сид на долгие годы стал образом-эмблемой, связанным с мавроборчеством и военно-религиозной борьбой [Альтамира-и-Кривеа, 1951]. Объединяя в образе влюбленного Родериго образы короля Рамиро и Сида Руй Диаса, Шекспир усиливает антимавританские мотивы на почве любви Родериго к женщине, не по праву, с точки зрения героя, принадлежащей мавру. Имена Иаков и Родриго также соединены. Полное имя Сида – Rodrigo Díaz de Vivar, где Díaz значит «сын Диего», Диего же – одна из испанских форм имени «Иаков» [Гиляревский, Старостин, 1985, с. 152].

Герои шекспировской трагедии образуют номинологическую пару, тесная связь которой обусловлена тем, что 1) в тексте Чинтио Яго и Родриго были одним персонажем (Набоков вновь объединяет персонажей, отдавая предпочтения чертам Родриго, но сохраняя имя Якова, функция доносчика передается частному сыщику); 2) их имена связаны на уровне стереотипического восприятия образов, ассоциирующихся с Испанией, 3) и прототипический Иаков, и прототипический Родриго – мавроборцы, противники мавров на той территории Европы, которая пострадала от них больше всего – в Испании. Эти имена, вероятно, используются Шекспиром, чтобы подчеркнуть конфликт, противоречие между благородным, но все-таки мавром и коварными, но мавроборцами Яго и Родриго.

Неразрешенным остается вопрос о христианском аспекте, но религиозность Шекспира и степень его приверженности христианской догме не входит в рамки нашего исследования. Отметим лишь, что возможная нелюбовь Шекспира к фигуре апостола Иакова как покровителю Испании может быть осмыслена через обостренные геополитические отношения Англии и Испании того времени. Хэмлин считает, что именно политический подтекст играет первостепенную роль: «Быть мавром для Англии тех лет, значит, быть странником, но быть католиком, значит быть врагом государства»

[Хэмлин, 2018]. Яго не «борец с маврами» и конкретным мавром, а эмблема главного геополитического врага Англии 1585–1605 гг. – Испании. По Дж. Сантаяне, кощунственное отношение к фигуре апостола могло быть вызвано общей нерелигиозностью Шекспира: «Не следует удивляться, что Шекспир, поэт Возрождения, ограничился изображением мирских сторон жизни… мир страсти и красоты без содержания показался ему более интересным и ценным, чем мир пустых правил и догм, скудный, фанатичный и фальшивый. Это было свыше сил, которыми обладала эпоха и нация, – найти принцип всякой страсти и религию всей жизни» [Сантаяна, 2000]. На наш взгляд, вероятнее, что у этой номинации эмблематический характер: носитель имени «Иаков» рассматривается через призму легенд об апостоле, а не его жития, в семантическое поле попадают лишь определенные элементы и детали, связанные со Святым Иаковом, необходимые автору для выстраивания оппозиции «Отелло как мавр – мавроборцы», – такой механизм отбора ассоциирующихся импликаций характерен для механизма работы метафоры [Блэк, 1962].

История имен остальных персонажей проще. Дездемона (анг. Desdemona) – единственный персонаж, который носит одинаковое имя и в «Отелло» Шекспира, и в «Венецианском мавре» Чинтио (в пер. Гарбичевского – Десдимона). Характеристики героини, прирастающие за два текста к ее имени, неизменны. Дездемона кротка, немногословна, добродетельна; ее белизна и хрупкость контрастируют с «темнотой» («серостью» в случае набоковского героя) и статью ее супруга; она жертва, ее смерть несправедлива. Набоков же в «Мести» лишает героиню имени, но все характеристики остаются на месте. Мужа Дездомоны Чинтио называет просто мавром, у Шекспира появляется номинация – Отелло. Есть разные версии происхождения этого имени. Согласно одной из них, имя героя восходит к Атилле – семантика дикости и инородства, инаковости, в том числе расовой присутствует; Дж. Файнман утверждает, что «Отелло» происходит от греческого глагола etheló, «жаждать», «желать», «алкать» [Файнман, 1994, с. 106] – при такой трактовке констатируем, что семантика инаковости и дикости фиксируется лишь на уровне перифразы «мавр», сама же номинация передает характерные черты самого героя: его ревность, его страсть к Дездемоне. Эти черты присущи и профессору из «Мести», однако Набоков вновь делает шаг к обезличиванию героя – настоящего имени профессора читатель не знает. Набоков создает пространство для игры, оставляет место читательской догадке, отдаляясь от первоисточника: автор не отправляет читателя по ложному следу (один из них, по всей видимости, – ссылка на Деламара), и не наделяет героев «говорящими» номинациями.

Однако для мавра есть распространенное и вполне «говорящее» имя: Маурицио (рус. Маврикий, исп. Mauricio, ит. Maurizio [Гиляревский, Старостин, 1985, с. 163]). Между святым Маврикием и героями Чинтио и Шекспира можно найти две точки пересечения: они страдают на чужбине (Св. Маврикий был отправлен из Фив в Галлию), причем причина этого страдания – вера. Св. Маврикий отказывается карать единоверцев по приказу Максимиана и гибнет. Мавры Чинтио и Шекспира гибнут из-за веры – доверия тем людям, которым верить не стоило. Детали модифицируются, инвариант остается прежним. Если Святой Маврикий гибнет за веру в Бога, то, в соответствии с идеями гуманизма, мавры Чинтио и Шекспира гибнут за веру в людей. Модификация христианской легенды вполне объяснима религиозно-нравственными обстоятельствами Возрождения в Италии и Англии. Впрочем, учитывая отсутствие конкретной номинации в текстах Чинтио и Шекспира, едва ли можно с уверенностью говорить о том, что эта концепция единственно верная – однако общее между Святым Маврикием и ренессансными маврами, безусловно, отыскивается.

Итак, мы увидели, что каждая шекспировская номинация в «Отелло» мотивирована, имена способствуют расширению семантического ореола, сопряженного с образами героев, используются как дополнительное средство характеристики персонажа. Тот факт, что Набоков обезличивает героев, имеющих явные прототипы в историях о мавре, но не имеющих в большинстве своем протонимов, свидетельствует о том, что 1) Набоков не хочет «проговариваться», создавая пространство для игры и интерпретации; 2) семантика имен, используемых Шекспиром в «Отелло», настолько прочно «приклеилась» к образам, что стала неотделима от них. Влияние номинации прототипа столь велико, что, попадая в пространство другого текста, эти импликации продолжают «работать», даже если сами эти номинации в другом тексте отсутствуют. Безымянные герои в «Мести» играют те же роли,

и обладают теми же характеристиками, с известными модификациями, что и наделенные именами персонажи Шекспира.

III

Ассоциирующиеся импликации, сопутствующие имени собственному, настолько глубоко проникли в семантическое поле героев типического «отелловского» сюжета из вышеприведенной схемы, что герои, перемещаясь из текста в текст, могут терять и менять имена, но семантические импликации имен прототипов останутся с ними. Так имена собственные превращаются в нарицательные, а образы становятся эмблематическими. У человека выстраивается определенный набор ассоциирующихся импликаций при словах: «Ты настоящий Яго!» и наоборот, стоит персонажу оказаться без имени в определенном сюжете, система импликаций подскажет нам имя самого известного и характерного их обладателя. Набоков, лишая главных героев рассказа «Месть» имен, тем не менее, наделяет номинацией одного из героев – Джэк, занимающий в схеме место Яго, становится ключом к прочтению текста. Сюжетная схема типична, но именно номинация задает вектор анализа, направление оси континуальности, и благодаря этому имени мы можем реконструировать всю систему персонажей и выстроить транстекстуальную номинационную цепочку.

Корректность выстраивания цепочки базируется на определении понятия номинация (имя). Мы понимаем его так: имя (номинация) персонажа в тексте – это то, как тот или иной персонаж назван в тексте. Имя может быть нулевым (профессор, англичанка, студент), однако персонажи все же названы автором, им присвоена некая номинация, несущая в себе определенные семантические импликации, а значит, ее необходимо учитывать. Главным условием проведения цепи становится формальная и семантическая непрерывность. Шаг «проходит» не потому, что у героев одно и то же имя, – оно может быть синонимичным, видоизмененным, – но потому, что между героями помимо формальной связи закреплена также семантическая. Ось континуальности в этом смысле сравнима с рельсами: «поезд» протонимов едет только по двум рельсам, а не по одному.

В зависимости от того, какую из семантических линий мы признаем магистральной, зависит трактовка механизма реализации транстекстуальных связей имени «Джэк» Если мы признаем магистральной линию мавроборчерства, то механизм континуальный двухшаговый: от набоковского Джэка к шекспировскому Яго, от Яго – к Святому Иакову Мавроборцу. Поручик из текста Чинтио выпадает, поскольку не носит никакого имени. Получается, что у Джэка на этом шаге один протоним, но два прототипа: Яго и поручик. Мы убираем поручика из схемы и потому, что большинство характеристик Яго позаимствовал от своего протонима (Св. Иакова), а не от прототипа (поручика).

Если мы признаем магистральной семантику стремления к первенству в своей области и первообладанию женщиной, то механизм становится континуальным трехшаговым: Джэк – Яго – Апостол Иаков – ветхозаветный Иаков. На уровне апостола Иакова стремление к первообладанию, с одной стороны, трансформируется в своеобразный карьеризм – желание сидеть подле Иисуса, с другой стороны, легенда о битве при Клавихо, осмысленная как противостояние мужчин-христиан с мужчинами-маврами за право обладать женщинам, вносит в семантическое поле элемент мавроборчества. На следующем шаге, к Яго, из текста Чинтио добавляются черты поручика. За счет разделения Шекспиром образа поручика на два – Яго и Родриго – Яго, сохраняя стремление к первенству, лишен желания обладать Дездемоной, но эта страсть остается с Родриго. На уровне Джэка, вновь объединенного Яго и Родриго, семантика первенства сохраняется, ведь он – первая любовь жены профессора. Он принимает, хоть и пассивно, участие в борьбе за нее – это лишь мнимый противник для мужа, но тем не менее ревнивец проигрывает ему – жена/Дездемона гибнет. Количество шагов на этой оси остается под вопросом.

В случае с профессором задача, на первый взгляд, немного сложнее, поскольку он обладает нулевым именем. Предполагаемая модель выглядит так: профессор – Отелло – мавр Чинтио – Св. Маврикий. Шаг «профессор – Отелло» проходит потому, что профессор относится к привилегированному классу; он, как и мавр, благороден и состоятелен, что отражено в его номинации. Шаг «Отелло – мавр Чинтио» справедлив, потому что их объединяет указание на происхождение в номинации и с точки зрения характерных черт и особенностей, Отелло, безусловно, много позаимствовал у героя

«Венецианского мавра». (ср. с Яго и поручиком, первого в пьесе почти не называют хорунжим, что могло бы дать повод для закрепления связи с поручиком через военный чин, а характерологически они связаны гораздо слабее, чем два мавра). Св. Маврикий как конечный объект отмечен по двум причинам: между ним и Отелло наблюдаются общие черты, что мы продемонстрировали, и имя Маврикий уже содержит в себе семантику мавританства (гр. «темный», намек на смуглость, присущую всем актантам на этой линии) – выделять шаг «Маврикий – абстрактный мавр» было бы излишним.

Линия жены короче: жена профессора – Дездемона Шекспира – Десдимона Чинтио. Механизм, таким образом, континуальный двухшаговый. Механизмы англичанки и студента одинаковы: континуальный одношаговый референтный. Их имена отсылают не к конкретным образам, но к типическому классу женщин-гражданок Англии или английских студентов.

Итак, выстроив транстекстуальную номинационную цепочку, мы пришли к следующим выводам: 1) номинации конечных объектов можно восстановить, исходя из схемы сюжета и особых ролей персонажей в нем; 2) ассоциирующиеся импликации конкретных номинаций могут вытеснять импликации, ассоциирующиеся с персонажами, номинация которых может отсутствовать; 3) построить транстекстуальную цепь на оси континуальности – значит создать непрерывную цепь из двух линий: формальной и семантической; 4) на каждом шаге в цепь вносятся формальные и семантические изменения: одни характеристики вытесняют другие, при этом модифицироваться могут даже «сильные» линии из-за специфики эпохи, в которую был написан текст; 5) при этом семантический инвариант, основной критерий, специфический набор характеристик, свойственный определенной номинации в большей или меньшей степени на всех шагах, остается прежним; 6) чем длиннее транстекстуальная цепочка, тем более общим и архаическим становится инвариант. Это порождает сомнения в его верности, поскольку чересчур обтекаемый и обобщенный инвариант может быть в равной мере справедлив для многих номинаций; 7) не существует строгих правил относительно того, какие семантические линии признавать магистральными, а какие – маргинальными. При наличии доказательной базы, можно рассмотреть любой вариант, главным же критерием остается непрерывность.

Библиографический список

1. Альтамира-и-Кривеа Р. История Испании. В 2 томах. Том 1. / Р. Альтамира-и-Кривеа ; пер. с исп. Е. А. Вадковской и О. М. Гармсен. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1951. 520 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва : Российское библейское общество, 2006. 1376 с.
3. Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте : справочник. Москва : Высшая школа, 1985. 303 с.
4. Гонсалес Х. Л. История христианства. В 2 т. Том 1. От основания Церкви до эпохи Реформации / Х. Л. Гонсалес. Санкт-Петербург : Библия для всех, 2002. 400 с.
5. Греймас А. Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей: от состояния вещей к состоянию души / А. Ж. Греймас, Ж. Фонантий ; пер. с фр. И. Меркуловой. Москва : ЛЕНАНД, 2015. 336 с.
6. Долинин А. Вослед Жолковскому. Пять заметок о рассказе Набокова «Весна в Фиальте» // AZ: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky. Ed. by Dennis Ioffe, Marcus Levitt, Joe Peschio, and Igor Pilshchikov. Boston, 2018. С. 169–193.
7. Пуришев Б. И. Зарубежная литература. Эпоха Возрождения. Москва : Просвещение, 1976. С. 135–145.
8. Комарова В. П. Шекспир и Библия. Санкт-Петербург : СПбГУ, 1998. 167 с.
9. Набоков В. В. Полное собрание рассказов / сост. А. Бабиков. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2016. 752 с.
10. Сантаяна Дж. Отсутствие религии у Шекспира // Начало: Журнал Санкт-Петербургского Института богословия и философии. Санкт-Петербург : 2000. № 7.
11. Светлакова О. А., Ковалев Б. В. «Сеньор Президент» М. А. Астуриаса в русском переводе 1959 г.: свое и чужое // Античность и современность (вопросы филологии). Сборник научных работ. Вып. 6. Донецк : ДонНУ, 2019. С. 179–188.
12. Шекспир У. Отелло, мавр венецианский // Трагедии. Пер. с англ. Б. Пастернака, М. Кузмина и др. Москва : Эксмо, 2009. С. 331–492.
13. Black M. Models and Metaphors. Ithaca : Cornell University Press, 1962. 30 p.
14. Fineman J. The Sound of O in Othello: The Real Tragedy of Desire / J. Fineman // Critical Essays on Shakespeare's Othello / edited by Anthony Gerard Barthelemy. G. K. Hall, 1994. P. 104–124.
15. Hamlin, Elisha A., Iago the Moor Killer: The Geo-Political Context Behind Shakespeare's Othello. // Seattle Pacific library.com. URL: https://digitalcommons.spu.edu/honorsprojects/70 (дата обращения: 16.02.2020).
16. Hanks P., Hardcastle K., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford University Press, 2006. 389 c.
17. Esparza J. J. El diacutea que Santiago apareció

acute en un caballo blanco // elmanifesto.com : сайт. URL: / https://elmanifiesto.com/tribuna/2592/el-diacutea-que-santiago-aparecioacute-en-un-caballo-blanco.html (Дата обращения 15.03.2020).

18. Martínez D. G. El Condado de Castilla (711–1038): la historia frente a la leyenda. Valladolid, 2005. 143 p.

19. Primera Crónica General de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. / Publ. por R. Menendes Pldal. Madrld, 1955. 800 p.

20. Jimenez de Rada R. Crónica de España. Madrid, 1893. P. 286–290.

21. Shakespeare W. Othello / edited by Edward Pechter. W. W. Norton, 2017.

Reference List

1. Al'tamira-i-Krivea R. Istorija Ispanii. V 2 tomah. Tom 1 = The history of Spain. In 2 volumes. Volume 1. / R. Al'tamira-i-Krivea ; per. s isp. E. A. Vadkovskoj i O. M. Garmsen. Moskva : Izd-vo inostrannoj literatury, 1951. 520 s.

2. Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta = Bible. The books of Holy Bible of Old and New Testaments. Moskva : Rossijskoe biblejskoe obshhestvo, 2006. 1376 s.

3. Giljarevskiĭ R. S., Starostin B. A. Inostrannye imena i nazvanija v russkom tekste = Foreign names and names in the Russian text : spravochnik. Moskva : Vysshaja shkola, 1985. 303 s.

4. Gonsales H. L. Istorija hristianstva. V 2 t. Tom 1. Ot osnovanija Cerkvi do jepohi Reformacii = The history of Christianity. In 2 v. Volume 1. From the foundation of Church to the epoch of Reformation / H. L. Gonsales. Sankt-Peterburg : Biblija dlja vseh, 2002. 400 s.

5. Grejmas A. Zh., Fontaniĭ Zh. Semiotika strasteĭ: ot sostojanija veshheĭ k sostojaniju dushi = Semiotics of passions: from the state of things to the state of soul / A. Zh. Grejmas, Zh. Fonantij ; per. s fr. I. Merkulovoĭ. Moskva : LENAND, 2015. 336 s.

6. Dolinin A. Vosled Zholkovskomu. Pjat' zametok o rasskaze Nabokova «Vesna v Fial'te» = After Zholkovsky . Five notes about a story by Nabokov «The spring in Fialte» // AZ: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky. Ed. by Dennis Ioffe, Marcus Levitt, Joe Peschio, and Igor Pilshchikov. Boston, 2018. S. 169–193.

7. Purishev B. I. Zarubezhnaja literatura. Jepoha Vozrozhdenija = Foreign literature. Renaissance epoch. Moskva : Prosveshhenie, 1976. S. 135–145.

8. Komarova V. P. Shekspir i Biblija = Shakespeare and Bible. Sankt-Peterburg : SPbGU, 1998. 167 s.

9. Nabokov V. V. Polnoe sobranie rasskazov = Complete collection of stories / sost. A. Babikov. Sankt-Peterburg : Azbuka-Attikus, 2016. 752 s.

10. Santajana Dzh. Otsutstvie religii u Shekspira = The absence of religion in Shakespeare // Nachalo: Zhurnal Sankt-Peterburgskogo Instituta bogoslovija i filosofii. Sankt-Peterburg : 2000. № 7.

11. Svetlakova O. A., Kovalev B. V. «Sen'or Prezident» M. A. Asturiasa v russkom perevode 1959 g.: svoe i chuzhoe = «Lord President» by M. A. Asturias in the Russian translation 1959 : yours and alien // Antichnost' i sovremennost' (voprosy filologii). Sbornik nauchnyh rabot. Vyp. 6. Doneck : DonNU, 2019. S. 179–188.

12. Shekspir U. Otello, mavr venecianskij = Othello Moor of Venice // Tragedii. Per. s angl. B. Pasternaka, M. Kuzmina i dr. Moskva : Jeksmo, 2009. S. 331–492.

13. Black M. Models and Metaphors. Ithaca : Cornell University Press, 1962. 30 r.

14. Fineman J. The Sound of O in Othello: The Real Tragedy of Desire / J. Fineman // Critical Essays on Shakespeare's Othello / edited by Anthony Gerard Barthelemy. G. K. Hall, 1994. P. 104–124.

15. Hamlin, Elisha A., Iago the Moor Killer: The Geo-Political Context Behind Shakespeare's Othello. // Seattle Pacific library.com. URL: https://digitalcommons.spu.edu/honorsprojects/70 (data obrashhenija: 16.02.2020).

16. Hanks P., Hardcastle K., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford University Press, 2006. 389 c.

17. Esparza J. J. El diacutea que Santiago apareció acute en un caballo blanco // elmanifesto.com : sajt. URL: /https://elmanifiesto.com/tribuna/2592/el-diacutea-que-santiago-aparecioacute-en-un-caballo-blanco.html (Data obrashhenija 15.03.2020).

18. Martínez D. G. El Condado de Castilla (711–1038): la historia frente a la leyenda. Valladolid, 2005. 143 p.

19. Primera Srónica General de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. / Publ. por R. Menendes Pldal. Madrld, 1955. 800 p.

20. Jimenez de Rada R. Crónica de España. Madrid, 1893. P. 286–290.

Shakespeare W. Othello / edited by Edward Pechter. W. W. Norton, 2017.

22. Shakespeare W. Othello / edited by Edward Pechter. W. W. Norton, 2017.

УДК 82.01/.09

Н. В. Беляева **https://orcid.org/0000–0002–6746–5254**

Актуализация интертекстуальных связей в современной поэзии

Для цитирования: Беляева Н. В. Актуализация интертекстуальных связей в современной поэзии // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 65-70.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-65-70

Предметом анализа в статье является характеристика интертекстуальных связей в современной русской поэзии на примере одного из стихотворений Михаила Щербакова, которого сегодня считают представителем новой авторской песни. Важной чертой современной русской поэзии критики называют ее огромное многообразие и присущую многим произведениям интертекстуальность, отражающую диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования. Актуальной филологической проблемой является декодирование этих взаимоотношений, которое зависит от читательского опыта и широты литературного и культурного кругозора, но необходимо для выявления смыслообразующих элементов текста в процессе чтения и более глубокого понимания поэзии.

Методологической основой исследования стали теоретические работы, касающиеся категории «интертекст» в художественной литературе и раскрывающие межтекстовые связи при взаимодействии «своей» и «чужой» речи в авторском тексте, создающем уникальное интертекстуальное поле, а также многочисленные оценки творчества Михаила Щербакова в литературной критике.

В стихотворении «Волхонка» нашли отражение главные темы творчества поэта – любовь, смерть и смысл жизни, которые автор раскрывает в ироническом ключе. Выявление соотношений авторского текста и «чужого» слова проведено на основе исследования явных и скрытых цитат, реминисценций и аллюзий, которые связаны с русской и мировой литературой, современной авторской песней, библейскими и мифологическими образами, латинскими изречениями, а также с историко-культурными реалиями, отсылающими к московским образам и топонимам и биографии самого поэта.

Изучение интертекстуальных связей в поэзии М. Щербакова может стать полезным для развития качеств проницательного читателя, расширения культурного кругозора и приращения смысла в процессе восприятия, понимания и интерпретации лирики.

Ключевые слова: современная русская поэзия, интертекстуальность, цитата, аллюзия, реминисценция, Михаил Щербаков.

N. V. Belyaeva

The actualization of intertextual connections as a means of understanding of modern poetry

The article analyses the characteristic of intertextual connections in the modern Russian poetry. An example of such poems is Mikhail Shcherbakov's poem. He is regarded as an author's song representative. Critics consider great diversity and intertextuality a prominent feature of modern Russian poetry because it reflects the dialogical interaction of texts in the process of their functioning. The decoding of these relationships is an essential philological problem and depends on the reader's experience, the size of his/her literary and cultural horizons, yet such decoding is necessary to identify the meaning-forming elements of the text in the process of reading and understand poetry deeper.

The methodological basis of the research is the theoretical works dealing with the category «intertext» in fiction and revealing intertextual connections between the author’s and borrowed words in the text that creates a unique intertextual field as well as numerous reviews of Mikhail Shcherbakov's works in literary criticism.

The poem «Volkhonka» reflects the main themes of the poet's works – love, death and the meaning of life, which the author treats a bit ironically. The author's text and the «borrowed» word correlations were studied on the basis of explicit and hidden quotations, reminiscences and allusions that were associated with Russian and world literature, modern author's song, biblical and mythological images, Latin sayings, as well as historical and cultural realities that refer to Moscow images and toponyms along with the poet’s biography.

The study of intertextual connections in M. Shcherbakov's poetry can be useful for the development of the avid reader’s qualities, expanding cultural horizons and growth of meaning in the process of perception, understanding and interpretation of lyrics.

© Беляева Н. В., 2020

Key words: modern Russian poetry, intertextuality, quotation, reminiscence, allusion, Mikhail Shcherbakov.

Современная русская поэзия похожа на лоскутное одеяло, составленное из разных тканей, т. к. главной особенностью «является ее огромное многообразие» [Агеносов, 2006, с. 4], где сосуществуют «с одной стороны, реализм и романтизм, а с другой – особенно активизировавшиеся в последнее время авангард и постмодернизм» [Зайцев, 2009, с. 17]. Современных поэтов условно можно разделить на «традиционалистов», стремящихся к образцам классической лирики, и «авангардистов-экспериментаторов», отрицающих эти традиции в стремлении «отказаться от „учительской" роли литературы, ограничить ее чисто игровыми задачами» [Агеносов, 2006, с. 8]. Однако у «традиционалистов» заметны эксперименты в темах, интонациях, словесном материале, а у авангардистов – многочисленные отсылки к русской классической литературе. При этом важной чертой обоих направлений является интертекстуальность, т. е. «текстовая категория, отражающая соотнесенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [Баженова, 2011, с. 104].

Согласно классическому определению Р. Барта, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах» [Барт, 1989, с. 418]. В современной дефиниции интертекст – это «объективно-существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная самогенерироваться по стреле времени» [Кузьмина, 1999, с. 20]. Любое высказывание, по мнению М. М. Бахтина, – «только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [Бахтин, 1986, с. 359], а межтекстовые связи рождает взаимодействие «своей» и «чужой» речи. Между новым произведением и претекстами возникает интертекстуальное поле, где отражается культурно-исторический опыт автора. Оно расшифровывается читателем, а интертекстуальность можно рассматривать как категорию «„разгерметизации" и открытости текста» [Чернявская, 2007, с. 12]. Отсылки к претекстам входят в новую поэтическую ткань в виде точных цитат или подтекстовой цитации, т.е. реминисценций, которые «могут включаться в произведение сознательно и целеустремленно либо возникать независимо от воли автора, непроизвольно» [Хализев, 1999, с. 253]. Поэтический текст наделен «прямыми контактами не только с предшествующей литературой, но и с „внехудодественной" реальностью» [Хализев, 1999, с. 258], что рождает аллюзии – намеки на социально-исторические реалии или биографические факты, способствующие «генерированию новых смыслов через взаимодействие с другими смысловыми системами» [Баженова, 2011, с. 108].

Проследим, как актуализация интертекстуальных связей становится средством понимания поэзии, на примере одного стихотворения Михаила Щербакова. Его считают представителем новой авторской песни, но его стихи «как всякая подлинная поэзия… воспринимаются и вне сценического исполнения, будучи явлениями литературы» [Агеносов, 2006, с. 9]. Поэт окончил филологический факультет Московского государственного университета и его обширный филологический и культурный кругозор «проступает» в его стихах-песнях, но выявление в них интертекстуальных связей под силу лишь «проницательным» читателям.

Поэзия Щербакова высоко оценена в критике. На воображаемой золотой полке русской поэзии Ю. Ч. Кима, «наряду с такими именами, как Иосиф Бродский и Давид Самойлов, …располагается имя Михаила Щербакова» [Ким, 2004]. Л. А. Аннинский обозначил художественный мир поэта как «отзвуки, отсветы, отсверки. Мозаика, калейдоскоп, цитатник, хрестоматия, камера кривых зеркал» [Аннинский, 2005, с. 142]. Сам Щербаков, называя свои произведения «просто песней», высказывал парадоксальную мысль, что он стремится изгнать из стихов всякий смысл. Д. Л. Быков уверен, что «Щербаков в это новое качество прорвался, вновь явив нам то „блаженное бессмысленное слово", то ангельское щебетанье, неосмысленное чириканье, музыку сфер, о котором так мечтала русская поэзия начиная с Хлебникова и Мандельштама, когда безнадежно устала от смыслов, символов и камланий» [Быков, 2006, с. 165].

В статьях о поэзии М. К. Щербакова [МКЩ, 2008], отмечено, что главные ее темы – любовь, смерть и смысл жизни, что утверждает и сам поэт:

Чего бояться нам – тюрьмы, тоски,
ущерба очагу, вреда здоровью?..
Но это всё такие пустяки
в сравнении со смертью и любовью.
[Щербаков, 1988, с. 122]

Поэтому изгнать всякий смысл из своей поэзии ему все же до конца не удается.

Попробуем определить, какие же интертекстуальные связи можно актуализировать в стихотворении «Волхонка»:

Душа в ухабах, денег ни гроша, в мозгу помехи и морзянка.
А по Волхонке марсианка проходит мимо не спеша.
Её осанка вся как нервный тик, её глаза как две напасти.
При ней болонка лунной масти и зонтик цвета электрик.
Танцует-пляшет зонтик за плечом. Каблук подбит подковкой звонкой.
И тучи реют над Волхонкой. Но марсианке нипочём.
Туда, где раньше был бассейн «Москва», она не смотрит и не слышит,
как всё вослед ей тяжко дышит. Включая дышащих едва.
Бушует ливень, мокнет стар и млад. С неё одной вода как с гуся.
Пойду в монахи постригуся. Не то влюблюся в этот ад.
На Марсе жизни нет и счастья нет. А если есть покой и воля,
То для чего я, чуть не воя, таращусь тоже ей вослед?
Махнуть бы двести, крылья обрести и полететь за ней, курлыча.
Спасти себя от паралича, неотвратимого почти.
Но ни гроша, ни спирта, вот беда. И как взлетишь, когда не птица?
Пойти в бассейне утопиться? Так он закопан навсегда!
Сидел бы дома, ел бы свой творог, с самим собой играл бы в нарды.
Но дёрнул чёрт за бакенбарды – и на Волхонку отволок.
Зачем не форвард я из ЦСКА? Зачем родился не в Гонконге?
Идёт вакханка по Волхонке. Уже Остоженка близка.
Вон Юго-Запад с горки подмигнул, Gaudeamus, alma mater,
где столько раз, ища фарватер, я заблуждался и тонул…
А каблучок подковкой – звяк-звяк-звяк.
Волхонка в двух вершках от ада.
Болонка держится как надо. А марсианка ещё как!
Одна надежда, что вот-вот с высот, разрезав чёрный свод небесный,
в неё ударит свет отвесный. И содрогнётся чёрный свод.
Вот-вот.
2001 [Щербаков, 2007]

Слово «Волхонка», являющееся названием стихотворения и одной из центральных улиц Москвы, возникло в конце XVIII в. по владению князей Волконских, где размещался питейный дом «Волхонка». Этот московский топоним ассоциируется также с главным зданием Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Волхонка, 12) и Институтом русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Волхонка, 18), что указывает на культуроведческие основания художественного мира поэта.

Называя героиню стихотворения марсианкой, поэт намекает на роман А. Н. Толстого «Аэлита». Образам стихотворения (ливень, электрик – голубовато-синий цвет зонтика, свет отвесный) созвучны реалии, окружающие Аэлиту в романе: она была «бело-*голубоватая*» [Толстой, 1958, с. 587], над ее волосами танцевали пылинки «в *луче*, упавшем, как меч» [Толстой, 1958, с. 591], ей снились «*дожди,* – потоки воды» [Толстой, 1958, с. 597] (курсив автора статьи). «Болонка лунной масти» рядом с марсианкой ассоциируется с чеховской «Дамой с собачкой», однако в рассказе была не болонка, а «белый *шпиц*», что рождает иронический подтекст. Выражение «тучи реют» связано не только с «Песней о Буревестнике» М. Горького, но и с песней «*Тучи* над городом встали…» (сл. и муз. П. Арманда) из кинофильма «Человек с ружьем», а также с концептом «тучи» в стихах А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

Интересны ассоциации с реалией «бассейн „Москва”». Известно, что бассейн был построен в 1958–60 гг. на месте воздвигнутого в честь победы над Наполеоном и взорванного в 1931 году Храма Христа Спасителя. На этом месте планировалось возвести Дворец Советов, высота которого вместе с венчающей его стометровой статуей В. И. Ленина по проекту составляла 415 м. Однако до Великой Отечественной войны заложен был

только фундамент, а в послевоенные годы проект был закрыт и построен бассейн, закопанный в 1994 году. Дорога по Волхонке от Кремля, по которой идет героиня, ведет к восстановленному Храму Христа Спасителя, что актуализирует пространственный смысл стихотворения.

Выражения «бушует ливень», «махнуть бы двести», «но ни гроша, ни спирта» связывает то, что все они встречаются в песне А. М. Городницкого:

Бушует ливень проливной. Гремит волна во мгле.
Давайте *выпьем* по одной, за тех, кто на земле.
Дымится разведённый *спирт* в химическом стекле.
Мы будем пить за тех, кто спит сегодня на земле [Городницкий, 2016, с. 22].

Ассоциации с поэзией А. М. Городницкого вызывают и такие строки, как «в мозгу помехи и морзянка» и «каблук подбит подковкой звонкой» (ср. «Усталым радистам уснуть не дает/ Прерывистый свист *морзянки».* «Песенка радиста» [Городницкий, 2005]; *«*И ты *звенишь* в асфальты *каблучками».* «Полночное солнце» [Городницкий, 2016, с. 26]).

В строках «Пойду в монахи постригуся. Не то влюблюся в этот ад»; «Волхонка в двух вершках от ада» и «в неё ударит свет отвесный» читается религиозный подтекст. Здесь не только говорится о постриге как полном отречении от мира, но и снимается противоречие в словах «влюблюся» и «ад». Согласно учению об аде и рае в изложении преподобного Исаака Сирина, «Рай – это любовь Божия» [Иерофей, 2013, с. 200], где отсутствуют человеческие страсти и земная любовь, а в ад попадают те, кто не очистился в земной жизни от этих страстей. Но он говорит, что «ад – это бич любви» [Иерофей, 2013, с. 201], т. е. мучение от воздействия любви Божией. И далее: «Та же самая благодать Божия, которая сначала очищает человека как огонь, начинает созерцаться как свет, когда он достигнет великой степени покаяния и очищения» [Иерофей, 2013, с. 207], т. е. герой стихотворения так поглощен своей страстью, что его может спасти только «отвесный свет» Божией любви. Этот образ также имеет библейский подтекст: «В конечном счете Бог есть свет (Ин. 1:5; Откр. 21:23) и Отец светов (Иак. 1:17). В каком же виде свет может быть более грозным и страшным, чем в самом мощном, необузданном и ослепительном своем проявлении – молнии?» [Словарь …, 2005].

Строка «На Марсе жизни нет» отсылает к словам горе-лектора из кинофильма «Карнавальная ночь»: «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, это науке неизвестно», а соседство с выражением «и счастья нет, а если есть покой и воля», т.е. почти точной цитатой из стихотворения А. С. Пушкина «Пора, мой друг пора!..», создает иронический подтекст. Заметим, что в написанном двумя годами ранее «Волхонки» стихотворении Т. Ю. Кибирова «Куда ж нам плыть? Бодлер с неистовой Мариной…» (1999) пушкинский текст также приобретает ироническую коннотацию: «На свете счастье есть. А вот покоя с волей / Я что-то не встречал. Куда ж нам к черту плыть!» [Кибиров].

Строки «крылья обрести и полететь за ней, курлыча» и «как взлетишь, когда не птица» явно намекают на монолог Катерины в пьесе А. Н. Островского «Гроза»: «Отчего люди не летают так, как птицы?», а слово «курлыча» напоминает об известной песне «Журавли» на стихи Р. Гамзатова. Лирический герой стихотворения «Волхонка» мечтает быть «форвардом из ЦСКА» или «родиться в Гонконге». Однако форварды ЦСКА в 2001 г. Предраг Ранджелович и Владимир Кулик не являлись самыми выдающимися футболистами. Вероятно, поэт имеет в виду их высокий социальный статус. Интересно также, что 7 апреля 1954 г. в Гонконге родился мальчик Конг Санг («рожденный в Гонконге»), позже взявший себе имя Джеки Чан, что вряд ли является просто совпадением.

Героиня стихотворения, изображенная как существо из другого мира, названа вакханкой. Этот мифологический образ является сквозным в мировой поэзии и отсылает к «Вакхической песне» А. С. Пушкина, к «Переодеванию Венеры» Э. Парни, где богиня, одевшись вакханкой, завоевала сердце пастуха Миртиса, и к «Вакханке» К. Н. Батюшкова, где ее преследует не пастух, а участник праздника Эригоны, соблазненной Дионисом. Строки «Юго-Запад с горки подмигнул» и «где столько раз, ища фарватер, я заблуждался и тонул» – намек на биографию самого М. Щербакова, выпускника МГУ. Название университетов «Alma mater» (лат. кормящая мать) как организаций, питающих духовно, существует до сих пор, а перед университетом в Гаване даже установлена статуя женщины, олицетворяющая этот образ.

Таким образом, в стихотворении «Волхонка» использованы традиционные способы включения «чужого» слова в авторский текст, которые

значительно расширяют его смысловое пространство:

– точные цитаты из стихов А. С. Пушкина и А. М. Городницкого;

– реминисценции на библейские и мифологические образы и литературные факты из творчества А. П. Чехова, М. Горького, А. Н. Островского, А. Н. Толстого, Э. Парни, К. Н. Батюшкова и др.;

– аллюзии на латинские изречения, на московские образы и топонимы и биографию самого М. К. Щербакова.

Стихотворение написано в любовно-ироническом ключе, как и вся любовная лирика поэта. Лирический герой изображен неуверенным и во всем уступающим героине, нарисованной в возвышенно-иронических тонах. Сила абсолютной красоты может сделать ее образ вечным, если бы не было высших сил, грома небесного, который является Божьей карой за человеческие страсти. Ирония проявляется на уровне неточности цитаты, неожиданности появления контрастных образов и картин, стилистического несоответствия просторечной, разговорной и высокой лексики, рисующих разные миры.

Изучение поэзии М. Щербакова может стать полезным для развития качеств проницательного читателя, расширения культурного кругозора и приращения смысла в процессе восприятия, понимания и интерпретации лирики.

Библиографический список

1. Агеносов В. В. Современные русские поэты: Антология / В. В. Агеносов, К. Н. Анкудинов. Москва : Вербум-М, 2006. 495 с.

2. Аннинский Л. А. Барды. Москва : Издатель Сапронов, 2005. 179 с.

3. Баженова Е. А. Интертекстуальность / Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной; члены редколлегии Е. А. Баженова, М. Н. Котюрова, А. П. Сковородников. 2-е изд., стереотип. Москва : Флинта: Наука, 2011. 696 с.

4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва : Прогресс, 1989. 616 с.

5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. 2-е изд. Москва : Искусство, 1986. 445 с.

6. Быков Д. Л. Вместо жизни. Москва : Вагриус 2006. 463 с.

7. Городницкий А. М. Стихи и песни. Москва : Изд-во «Эксмо», 2016. 416 с.

8. Городницкий А. М. Песенка радиста // Александр Городницкий. Стихи и песни: сайт. 2005. URL: http://www.gorodnit.spb.ru/text.par?id=497 (дата обращения 28.04.2020)

9. Зайцев В. А. О художественно-стилевых течениях в русской поэзии XXI века / Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 4.

10. Кибиров Т. Ю. Стихотворения // Современная русская поэзия: сайт. URL: http://modernpoetry.ru/main/timur-kibirov-stihotvoreniya#kudaj (дата обращения 28.04.2020)

11. Ким Ю. Ч. Вступительное слово // Иерусалимский журнал. 2004. № 17 / Иерусалимская антология: сайт. URL: https://www.antho.net/jr/17.2004/12.php (дата обращения 28.04.2020)

12. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1999. 268 с.

13. Иерофей (Влахос), митрополит Навпакта и святого Власия. Жизнь после смерти / митрополит Иерофей (Влахос); пер. иерея Василия Петрова. Изд. 4-е. Москва: ДАРЪ, 2013. 320 с.

14. МКЩ: сборник работ о творчестве Михаила Щербакова / сост. О.С. Савоскул. Редакторы О. Савоскул и В. Кукушкин. Москва : ОГИ, 2008. 312 с.

15. Словарь библейских образов / Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. (ред.). СПб: Библия для всех. 2005. 1424 с. / Азбука веры: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/ (дата обращения 28.04.2020)

16. Толстой А. Н. Аэлита / Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. Москва : ГИХЛ, 1958. 712 с.

17. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва : Высшая школа, 1999. 398 с.

18. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Стил-2007. Белград, 2007. С. 11–26.

19. Щербаков М. К. Ковчег неутомимый. Москва, 1988. 124 с.

20. Щербаков М. К. Тринадцать дисков. Москва : Время, 2007. 400 с. URL: http://blackalpinist.com/scherbakov/htmtexts/2001/volhonka.html (дата обращения 28.04.2020)

Reference List

1. Agenosov V. V. Sovremennye russkie pojety: Antologija = Moderm Russian poets: Anthology / V. V. Agenosov, K. N. Ankudinov. Moskva : Verbum-M, 2006. 495 s.

2. Anninskij L. A. Bardy = Bards. Moskva : Izdatel' Sapronov, 2005. 179 s.

3. Bazhenova E. A. Intertekstual'nost' = Intertexuality / Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. M. N. Kozhinoj; chleny redkollegii E. A. Bazhenova, M. N. Kotjurova, A. P. Skovorodnikov. 2-e izd., stereotip. Moskva : Flinta: Nauka, 2011. 696 s.

4. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika = Chosen works: Semiotics. Poetry. Moskva : Progress,

1989. 616 s.

5. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva = The aesthetics of word creativity / sost. S. G. Bocharov; Tekst podgot. G. S. Bernshtejn i L. V. Derjugina; Primech. S. S. Averinceva i S. G. Bocharova. 2-e izd. Moskva : Iskusstvo, 1986. 445 s.

6. Bykov D. L. Vmesto zhizni = Instead of life. Moskva : Vagrius 2006. 463 s.

7. Gorodnickij A. M. Stihi i pesni = Poems and songs. Moskva : Izd-vo «Jeksmo», 2016. 416 s.

8. Gorodnickij A. M. Pesenka radista = Radio operator's song // Aleksandr Gorodnickij. Stihi i pesni. 2005. URL: http://www.gorodnit.spb.ru/text.par?id=497 (data obrashhenija 28.04.2020)

9. Zajcev V. A. O hudozhestvenno-stilevyh techenijah v russkoj pojezii XXI veka = On the artistic-stylish streams in the Russian poetry of the XXI century / Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. 2009. № 4.

10. Kibirov T. Ju. Stihotvorenija = Poems // Sovremennaja russkaja pojezija: sajt. URL: http://modernpoetry.ru/main/timur-kibirov-stihotvoreniya#kudaj (data obrashhenija 28.04.2020)

11. Kim Ju. Ch. Vstupitel'noe slovo = Introductory word // Ierusalimskij zhurnal. 2004. № 17 / Ierusalimskaja antologija: sajt. URL: https://www.antho.net/jr/17.2004/12.php (data obrashhenija 28.04.2020)

12. Kuz'mina N. A. Intertekst i ego rol' v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka = Intertext and its role in the processes of poetic language evolution. Ekaterinburg; Omsk, 1999. 268 s.

13. Ierofej (Vlahos), mitropolit Navpakta i svjatogo Vlasija. Zhizn' posle smerti = Hierofei (vlachos), metropolitan Navpakt and saint Vlasy. Life after death / per. iereja Vasilija Petrova. Izd. 4-e. Moskva: DAR##, 2013. 320 s.

14. MKShh: sbornik rabot o tvorchestve Mihaila Shherbakova MKSHCH: collection of works about Michail Shcherbakov / sost. O. C. Savoskul. Redaktory O. Savoskul i V. Kukushkin. Moskva : OGI, 2008. 312 s.

15. Slovar' biblejskih obrazov = The dictionary of biblical images / Rajken L., Uilhojt D., Longman T. (red.). Sankt-Peterburg : Biblija dlja vseh. 2005. 1424 s. / Azbuka very: sajt. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/ (data obrashhenija 28.04.2020)

16. Tolstoj A. N. Ajelita = Aelita / Tolstoj A. N. Sobr. soch. : V 10 t. T. 3. Moskva : GIHL, 1958. 712 s.

17. Halizev V. E. Teorija literatury = The theory of literature. Moskva : Vysshaja shkola, 1999. 398 s.

18. Chernjavskaja V. E. Otkrytyj tekst i otkrytyj diskurs: intertekstual'nost' – diskursivnost' – interdiskursivnost' Open text and open discourse: intertexuality – discursiveness – interdiscursiveness / Stil-2007. Belgrad, 2007. S. 11–26.

19. Shherbakov M. K. Kovcheg neutomimyj = Kovcheg neutomimy. Moskva, 1988. 124 s.

20. Shherbakov M. K. Trinadcat' diskov = Thirteen discs. Moskva : Vremja, 2007. 400 s. URL: http://blackalpinist.com/scherbakov/htmtexts/2001/volhonka.html (data obrashhenija 28.04.2020)

УДК 82(091):821.124

Т. Г. Кучина **https://orcid.org/0000–0002–1837–8429**

Д. Н. Ахапкина **https://orcid.org/0000–0003–4408–3648**

Поэтика комического в parodia sacra (на материале «Богослужения игроков» и «Всепьянейшей литургии»)

Для цитирования: Кучина Т. Г., Ахапкина Д. Н. Поэтика комического в parodia sacra (на материале «Богослужения игроков» и «Всепьянейшей литургии») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 71-79. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-71-79

Предметом исследования в данной статье является пародийная поэтика двух текстов: входящего в книгу «Carmina Burana» «Officium Lusorum» («Богослужение игроков») XIII века и анонимной пародии XIV в. «Confitemini dolio» («Исповедуюсь бочонку»), известной в русском переводе как «Всепьянейшая литургия». Цель работы – выявление приемов пародийной трансформации священных текстов (евангельский текст, мессы, псалмы) и репрезентации карнавального «антимира» в смеховой литургии. Основное внимание уделено анализу лексического, фонетического и иконического рядов обоих текстов. Пародийная поэтика шутовского «богослужения» в соответствии с принципами карнавального миропонимания опирается прежде всего на паронимические замены элементов сакрального лексикона созвучными им, но сниженными, антонимичными по смыслу, на создание собственной иконографии, в которой образный ряд представляет собой перевернутые религиозные символы. В обеих рассматриваемых пародиях обнаруживаются фрагменты «фальшивого» евангелия, в отдельных случаях являющихся перелицовкой реальных евангельских текстов, в других – созданных без опоры на действительно существовавшие тексты, но безошибочно опознававшиеся современниками как пародии. В священных пародиях возникает своя пародийная религия с собственными обрядами, канонами и святыми.

Ключевые слова: Богослужение игроков, Всепьянейшая литургия, пародия, сакральное, комическое, карнавал.

T. G. Kuchina, D. N. Ahapkina

Poetics of comic in parodia sacra (on the basis of «Officium Lusorum» and «Confitemini dolio»)

The subject of this feature is the poetic of parody within two Latin texts: «Officium Lusorum» (a XIII-century parody from Carmina Burana) and «Confitemini dolio», an anonymous text of the XIV century. The goal of the research is to discover various parodic transformations of the sacred texts (verse of the Gospel, masses, psalms) and to trace the representation of the carnivalesque «upside-down world» in the liturgical parody. The analysis is dedicated mostly to the lexical, phonetic and iconic imagery of both texts. Comedy in this type of ecclesiastical parody is mostly based on continual paronymous shifting from sacred elements to their profane opposites and on creating its own iconography consisting of the antipodes of the real religious symbols. Both of the given texts contain fragments of a «fake» Gospel being either a modified version of real biblical texts or originally created pieces, nevertheless unmistakably recognized by the contemporary as a parody. Sacred parody creates a whole parodic religion with its own rituals, saints and shrines.

Key words: Officium Lusorum, Confitemini dolio, parodia sacra, comic, carnival.

Исследовательский интерес к пародии – в том числе к parodia sacra – отличает работы отечественных литературоведов начала прошлого века (русских формалистов, Ю. Тынянова [Тынянов, 1977], О. Фрейденберг [Фрейденберг, 1973]) и находит закономерное продолжение в трудах М. М. Бахтина, посвященных смеховой культуре. В монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» М. М. Бахтин выделяет огромное разнообразие форм комического, подчеркивая, что они составляли не менее важную часть средневековой культуры, чем ее религиозные формы. «В дальнейшем развитии смеховой латинской литературы создаются пародийные дублеты буквально на все моменты церковного культа и вероучения. Это так называемая «parodia sacra», то есть «священная пародия», одно из

© Кучина Т. Г., Ахапкина Д. Н., 2020

своеобразнейших и до сих пор недостаточно понятых явлений средневековой литературы. До нас дошли довольно многочисленные пародийные литургии («Литургия пьяниц», «Литургия игроков» и др.), пародии на евангельские чтения, на молитвы <…> на литании, на церковные гимны, на псалмы, дошли травестии различных евангельских изречений и т.п.», – отмечает М. М. Бахтин [Бахтин, 1990, с. 20]. За последние десятилетия появились новые исследования «священных пародий» – как в России [Аверинцев, 1992; Андреев, 1989; Даркевич, 1992], так и за рубежом [Д'Анджело, 2003; Bayless, 1996; Games and gaming …, 2015; Harris, 2011; Lehtonen, 1995]. Общие векторы исследовательской работы обозначены, например, в статье А. Классена (она посвящена текстам, входящим в «Carmina burana»): «We still face the huge task of examining and analyzing the full content, the literary-historical context, the specific messages, the playful allusions to sexuality, the didactic advice, the moral and ethical teachings» [Classen, 2010, p. 491] («Перед нами все еще стоит огромная задача исследования и анализа полного содержания, литературно-исторического контекста, особых смыслов, игривых намеков на сексуальность, дидактических наставлений, моральных и этических поучений».) При рассмотрении parodia sacra игровые приемы и поэтика комического, разумеется, всегда остаются в центре внимания ученых.

Предметом исследования в данной статье является пародийная поэтика двух текстов: входящего в книгу «Carmina Burana» «Officium Lusorum» («Богослужение игроков») XIII века и анонимной пародии XIV в. «Confitemini dolio» («Исповедуюсь бочонку»), известной в русском переводе как «Всепьянейшая литургия». Цель работы – выявление приемов пародийной трансформации священных текстов (евангельский текст, мессы, псалмы) и репрезентации карнавального «антимира» в смеховой литургии.

На основании исследований, посвященных природе смеха и специфике комического в искусстве Средневековья (работы С. С. Аверинцева [Аверинцев, 1992], М. Л. Андреева [Андреев, 1989], М. М. Бахтина [Бахтин, 1990], А. Я. Гуревича [Гуревич, 1972; Гуревич, 1985; Гуревич, 1981], В. П. Даркевича [Даркевич, 1992], А. Г. Козинцева [Козинцев, 2007]), сформулируем базовые теоретические положения, на которые будет опираться анализ структурно-семантических и стилевых черт пародийных квазилитургических текстов.

Во-первых, одним из важнейших аспектов понимания культурно-исторических функций parodia sacra является представление об объекте и субъекте смеха. Символический язык ритуала – пространство беспрерывного означивания, в котором каждое слово / действие функционирует как семантически активная единица, наделенная обязательными для понимания исходными смыслами и порождающая новые. Противоположным полюсом символизации (наращивания и «уплотнения» иносказательных, абстрактных значений) становится семантическое выхолащивание, опустошение знака вследствие «автоматизации» его применения. «Первоисточник комизма – не в объекте, а в том, что объект перестает восприниматься субъектом всерьез и заменяется некой примитивной фикцией, куклой, поводом для смеха, плодом чистого произвола субъекта», – отмечает А. Г. Козинцев [Козинцев, 2007, с. 49], и «священные пародии» не являются исключением из этого «правила комизма». Иными словами, осмеянию в них может подвергаться не столько сакральное содержание, сколько его рутинное восприятие субъектом – оно-то и становится источником комического.

Во-вторых, общим местом в исследованиях средневековых пародий после появления трудов М. М. Бахтина стала идея о карнавале как особой сфере человеческого бытия, в которой господствовала логика переворачивания, выворачивания норм и правил, определяемая ученым как пародия на обычную жизнь [Бахтин, 1990, с. 43]. В этой карнавальной пародии содержится не только отрицание – а отрицает она лицемерие и обман, которые «никогда не смеются, а надевают серьезную маску», смех же «не создает догматов и не может быть авторитарным» [Бахтин, 1990, с. 109], – но и созидание: смех связан с рождением, обновлением, будущим – и потому всегда выигрывает в доверии у серьезности. Карнавальный мир, меняющий местами верх и низ, профанное и сакральное, порождает «квазисакральные» семантические комплексы: например, «кабак становится своеобразным „анти-храмом», местом не просто пьянства и разврата, но и своеобразного религиозного ритуала, что в итоге приводит к формированию метафорических, но исключительно устойчивых представлений о

„храме Бахуса»» [Лебедев, Прилуцкий, 2011, с. 124–125].

В-третьих, аксиомой стало представление об амбивалентности карнавального мира. По М. М. Бахтину, «человек средневековья мог совмещать благоговейное присутствие на официальной мессе с веселым пародированием официального культа на площади. Доверие к шутовской правде, к правде „мира наизнанку» могло совмещаться с искренней лояльностью» [Бахтин, 1990, с. 109]. А. Я. Гуревич акцентирует внимание и на амбивалентности нечистой силы в сознании средневекового человека [Гуревич, 1989, с. 34]; Умберто Эко подчеркивает, что идея карнавала «reminds us of the existence of the rule that is symbolically and temporarily flouts» [Eco, 1984, p. 2] (Карнавальная идея напоминает нам о существовании правила, которое символически и временно нарушает правила). Иными словами, «правильное» уравнивается с «неправильным», а мир серьезный – с «миром наизнанку».

В-четвертых, смех, «освобождая» смеющегося (С. С. Аверинцев особо отмечает, что «смех – это не свобода, а освобождение; разница, для мысли очень важная» [Аверинцев, 1992, с. 8]), погружает его в стихию игры и игровой реальности. Именно игру Й. Хейзинга определяет как «свободную деятельность, которая осознается как „ненастоящая”, не связанная с обыденной жизнью и тем не менее могущая полностью захватить играющего» [Хейзинга, 1997, с. 32]. Границы между игрой и ритуалом непрочны, проницаемы; ритуальное действо, исполняемое с улыбкой на лице, неизбежно превращается в игру. «Смех – на то и смех, на то и стихия, игра, лукавство, чтобы в своем движении смешивать разнородные мотивации, а то и подменять одну мотивацию – совсем другой» [Аверинцев, 1992, с. 10], – подчеркивает С. С. Аверинцев. Пародийные литургии отчетливо эксплицируют как смешение ценностных систем («Выворачивание наизнанку системы ценностей свидетельствует все-таки о наличии такой системы» [Синицкая, 2014, с. 187]), так и смешение мотиваций (осмеяние само по себе становится ритуалом). В двух избранных нами пародийных литургиях тщательно переиначены все элементы религиозного обряда: вместо привычных славословий Творцу воздается хвала вину, местом служения оказывается кабак, а участниками – горькие пьяницы или игроки.

Рассмотрим подробнее обе пародии. Мир «Богослужения игроков» и «Всепьянейшей литургии» имеет свои определенные атрибуты, например, игральные кости и частые упоминания об одежде играющих, кружки, вино и т. д., насыщенные евангельской символикой. Некоторые из них отсылают к библейским событиям: так, М. Бэйлесс усматривает связь между мотивом игры в кости и евангельским эпизодом, в котором римские солдаты разыгрывали в кости одежды Христа [Bayless, 1996, p. 119]. Тема же вина и пьянства, вероятно, была заимствована из проповедей и моралите, изображавших таверну как «Храм диавола» [Bayless, 1996, p. 93] Таким образом, в пародийных текстах создавался настоящий мир пьянства и игры, антимир, вывернутый наизнанку, где христианский бог уступал место богу игральных костей, Зерни (лат.: Decius), или вина, Бахусу.

«Богослужение игроков» начинается с пародии на известное входное песнопение «Gaudeamus omnes in Dei», выглядящее следующим образом: «Gaudeamus omnes in Dei festum in honorem beatae Mariae Virginis, de cujus Assumptione gaudent Angeli et collaudant Archangeli Filium Dei» (Возрадуемся все в Господе, отпразднуем в честь благословенной Девы Марии, успению ее радуются ангелы, и воспевают архангелы Сына Божьего). В пародийном варианте почти все слова песнопения последовательно заменены на созвучные: «Lugeamus omnes in Decio, diem mestum deplorantes pro dolore omnium lusorum: de quorum nuditate gaudent Decii et collaudant filium Bacchi» (здесь и далее цит. по: [Д'Анджело, 2003, с. 64–65]). (Восплачем все в Зерни, оплачем траурный день печали для всех играющих: наготе их радуется Зернь и восхваляет сына Бахуса). Паронимически схожие, но противоположные по смыслу слова «gaudeamus» (возрадуемся) – «lugeamus» (восплачем), «festus» (праздник) – «mestus» (в классической орфографии «maestus» – скорбный, траурный) полностью переворачивают смысл исходного текста, создавая особый пародийный мир, в котором царит горе проигравшихся и страх тех, к кому удача пока благосклонна.

Текст «Всепьянейшей литургии» написан в форме диалога между дьяком и священником. Начинается он, в полном соответствии с католическим обрядом, со строк из псалма, предшествующих покаянной молитве: «Sacerdos : Confitemini Dolio quoniam bonum/ Diaconus: Quoniam in taberna misericordia eius» (Священник: «Исповедуюсь бочонку, ибо благ есть. Дьякон: Ибо в таверне милосердие его») (здесь и далее

цит. по: [Bayless, 1996, p. 346]. В оригинальном латинском тексте псалом выглядит следующим образом: «Confitemini Domino quoniam bonus, quoniam in aeternum misericordia eius» [Ps. 117: 29] (Исповедуюсь Господу, ибо благ есть, ибо вечно милосердие его). Паронимические замены Dominus (Господь) на Dolius (бочонок) и aeternum (вечность) на taberna (таверна) задают вектор дальнейшего пародирования: они будут постоянно появляться в тексте, замещая сакральные «оригиналы». Настойчивый повтор приема – особенность всех средневековых пародий; так, Д. С. Лихачев подчеркивал, что в аналогичных древнерусских пародийных произведениях происходило «непрекращающееся опрокидывание в смеховой мир всего сущего <…> непрерывное смеховое дублирование происходящего, описываемого, рассказываемого» [Лихачёв, Панченко, Понырко, 1984, с. 35].

При помощи единственного приема – паронимической замены слов, ведущей к замещению христианских образов сниженными картинами, – в обоих произведениях создается полноценный карнавальный антимир, в котором привычные правила реализуются с точностью до наоборот. Д. С. Лихачев отмечал, что «…всякого рода внешние отметки подчеркивают смеховую, чисто внешнюю сущность сообщаемого. Смех – всегда смех над наружным, кажущимся, механическим. Поэтому в смеховых произведениях часто играет огромную роль грамматическое или звуковое сходство тех частей, на которые распадается изложение» [Лихачёв, Панченко, Понырко, 1984, с. 39]. Так, в обоих рассматриваемых квазилитургических текстах появляются повторяющиеся пары паронимов: oremus (помолимся) – ornemus (украсим) из «Богослужения игроков», amen (аминь) – stramen (соломенная подстилка), Justitia (справедливость) – iusta (шутка), in secula seculorum (во веки веков) – in pocula poculorum (в кружки кружек) из «Всепьянейшей литургии». Антонимичность понятий играет на создание «мира наизнанку»: в «Богослужении игроков» это peccatori (грешники) – leccatori (игроки, распутники), laus (хвала) или pax (мир) – fraus (обман), во «Всепьянейшей литургии» omnipotens (всесильный) – ventripotens (крепкий брюхом), oremus (помолимся) – ploremus (восплачем), benedictis (благословенны) – maledictis (прокляты).

В последующем тексте «Богослужения игроков» лексическое поле использованных «скорбных» паронимических замен расширяется, создавая мир, противоположный христианскому: в отличие от радости и благодати, служители Зерни получают только печаль и страх. Так, латинские строки «Benedicam Dominum in omni tempore, semper laus ejus in ore meo» (благословлю Господа во все времена, вечна хвала ему в молитве моей) превращаются в «Maledicant Decio in omni tempore; semper fraus eius in ore meo» (проклята Зернь во все времена, вечен обман ее в молитве моей). Далее играющие сетуют на то, что сам Господь даровал им Зернь на беду, и теперь они вынуждены вместе оплакивать свое горе (Deus, qui nos concedis trium Deciorum <…> da nobis in eterna tristitia de eorum societate lugere). Призыв возложить заботы свои на Зернь, однако, сопровождается предостережением о том, что это приведет к разорению (Iacta cogitatum tuum in Decio, et ipse te destruet), в то время как в оригинальном тексте [Ps. 55: 23] возлагающему заботы на Господа предрекается поддержка, которая буквально «насытит» страждущего (Jacta cogitatum tuum in Domino et ipse enutriet). Воззвания же к богу Зерни и вовсе заканчиваются тем, что он отбирает одежду молящего и отдает ее другому, нечестному игроку (Dum clamarem ad Decium, exaudivit vocem meam et eripuit vestem meam a lusoribus iniquis); в аналогичном псалме [Ps. 55: 17–18] моление к Господу приводит к спасению от врагов (Dum clamarem ad Dominum exaudivit vocem meam ab his qui appropinquant mihi).

Во «Всепьянейшей литургии» последовательно заменены все священные символы на атрибуты пьянства: помимо уже знакомого нам «Dolio, regi Baccho» (Бочонка, царя Бахуса), в тексте появляются «omnibus schyphis eius a nobis acceptis» (все кружки его, нами выпитые), заменяющие «sanctis Apóstolis» (святых апостолов) и «ómnibus Sanctis» (всех святых). Сам произносящий молитву называет себя не просто грешником (peccator), но пьяницей (potator), и, вместо того чтобы исповедоваться в грехах, которые он совершил мыслью, словом и делом (quia peccávi nimis cogitatióne, verbo et ópere), он перечисляет, когда и как прикладывался к кружке: «ego potator potavi nimis in stando, sedendo, videndo, vigilando, ludendo, et ad schyphum inclinando, vestimentaque mea perdendo» (я, пьяница, выпил чрезмерно стоя, сидя, глядя, бродя, играя и над кружкой склоняясь, одежду мою проигрывая). Трижды же повторяемые слова «mea culpa, mea culpa, mea máxima culpa» (моя вина, моя

величайшая вина) в пародии превращены в «mea crapula, mea crapula, mea maxima crapula» (мое опьянение, мое сильнейшее опьянение), а в конце вместо просьбы молиться за грешную душу, обращенной ко всем святым и собратьям, присутствующим на мессе (Ideo precor beátam Maríam semper Vírginem <…> omnes Sanctos, et vos, fratres, oráre pro me ad Dóminum Deum nostrum), молящийся обращается к собутыльникам и сотрапезникам (Ideo precor vos, solemnes potatores et manducatores, devote orare pro me).

В «Богослужении игроков» присутствует пародия на пасхальную католическую мессу «Victimae paschali laudes» (Хвала пасхальной жертве). Эта секвенция, созданная около 1050 г., входит в Литургию Слова Пасхальной седмицы наряду с фрагментами Писания. В пародии неоднократно упоминаются названия комбинаций, выпадающих в кости – пять и шесть (quatter, zynke или zinke и ses в средневековой – quattuor, quinque и sex в классической орфографии), а также заведомо проигрышные два и три (tus, dri – duo, tres в классическом написании). Эти комбинации метафорически принимают на себя функции самого божества Зерни и наделяются его способностью лишать игроков их добра: «Ses zinke abstraxit vestes, equum, cappam et pelles» (шесть и пять избавят от одежды, коня, шапки и мехов). Там, где в латинском славословии в битве сходятся жизнь и смерть, в пародийном тексте происходит борьба жизни и жребия (Mors et sortita duello conflixere mirando), победителем в которой выходит Зернь (tandem tres Decii vicerunt illum). Вместо обращения к Марии, принесшей весть о воскрешении Христа (Dic nobis Maria, quid vidisti in via?), играющие обращаются к Фортуне, укоряя ее за зло, причиненное им, жалуясь на проигранную одежду и сожалея о том, что она приравняла богатых к бедным (O Fortuna, quid fecisti pessima? Vestitum cito nudasti et divitem egeno coequasti). Завершается «месса» признанием превосходства комбинаций от четырех до шести над двойкой и тройкой (ses zinke quatter veraci quam dri tus es ictu fallaci – шесть, пять и четыре буквально названы «верными», в то время как три и два – «ложными») и воззванием к Зерни, символически названной в честь самой крупной комбинации «шестеркой», с просьбой помиловать играющих (Tu nobis victor ses, miserere), причем обращение «шесть» (sex) пародийно заменяет «Царя» (Rex) из оригинального текста.

«Всепьянейшая литургия» также пародирует одну из наиболее свято чтимых молитв, «Отче наш». В этом фрагменте текста мы можем наблюдать все многообразие шуточных эпитетов и слов-«заместителей», собранных воедино: Pater Noster (Отче наш) становится Pater Bacche (Отче Вакх), перемещается с небес (coelis) в кружку (schyphis), и восхваление получает не Имя Его (sanctificetur nomen tuum), а хорошее вино (sanctificetur bonum vinum). Вместо царствия (regnum) молящиеся ожидают пришествия проклятия Его (adveniat damnum tuum), а вместо воли Его (voluntas tua) призывают несчастия (tempestas tua) в кружку и таверну (sicut in schypho sic etiam in taberna) вместо небес и земли (caelo et in terra). Насущный хлеб (panum) заменяется на насущную кружку (potem), а вместо долгов (debita nostra) молящиеся просят оставить им чарки (pocula nostra), подобно тому, как они прощают собутыльникам (compotatoribus nostris) вместо должников (debitoribus nostris). Последние слова молитвы – «И не введи нас во искушение но избави нас от лукавого» (Et no nos inducas in tentationem sed libera nos a malo) – превращаются в «И введи нас в опьянение но не избави нас от вина» (Et sic nos inducas in ebrietatem, sed ne libera nos a vino). Как замечает М.Бэйлесс, подобным образом «выстраивается целая пародийная религия, включающая в священные обряды элементы пьянства, долги, потерю одежды, рвоту, проворных хозяев таверны и, что превыше всего, искреннюю преданность пьяницы своему господу» [Bayless, 1996, p. 94].

В католической мессе обязательно присутствует чтение отрывка из Евангелия, который часто вводится в текст оборотом «In illo tempore» («Во время оно»). В «Богослужении игроков» мы находим пародийный «евангельский» фрагмент, названный «Лживое евангелие от марки серебра» (Sequentia falsi evangelii secundum marcam argenti). Он является «перелицованным» отрывком из евангелия от Иоанна, повествующим о встрече воскресшего Христа с учениками и о неверии Фомы. В «лживом евангелии» рассказывается о том, как бог Зернь явился вечером к сидевшим игрокам и велел им никогда не прекращать играть, ибо зернь дана им на скорбь (Cum sero esset una gens lusorum, venit Decius in medio eorum et dixit: «Fraus vobis! Nolite cessare ludere. Pro dolore enim vestro missus sum ad vos»). Этот фрагмент являет собой практически дословное воспроизведение подлинного евангельского текста: «Cum esset ergo

sero die illa prima sabbatorum, et fores essent clausa, ubi erant discipuli, <…> venit Iesus et stetit in medio et dicit eis: „Pax vobis!»» (В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты <…>, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!) [Ин. 20: 19]; кроме очевидной замены Iesus на Decius мы можем найти здесь уже встречавшийся нам оборот «fraus vobis» (обман вам), заменяющий приветствие «pax vobis» (мир вам). Далее один из игроков, который не был среди других во время пришествия своенравного бога, сообщает, что не уверует в Зернь, покуда не приложится к винному кубку и не выпьет из него (Primas autem, qui dicitur Vilissimus, non erat cum eis, quando venit Decius <…> Qui dixit eis: «Nisi mittam os meum in locum peccarii, ut bibam, non credam»). Как мы можем заметить, данная часть является пародией на строки Ин.20:24–25. Подобно предыдущему фрагменту, текст почти полностью повторяет евангельский, но вместо Фомы, называемого Близнецом (Thomas autem,<…> qui dicitur Didymus), в нем действует Первый, называемый Последнейшим (Primas autem, qui dicitur Vilissimus), который изъявляет желание приложиться устами к кубку (nisi mittam os meum in locum peccarii), а не вложить пальцы в раны (nisi <…> mittam digitum meum in signum clavorum). В этом пассаже сливаются неизменные атрибуты опустившегося пьяницы и игрока (кости, кубки, любовь к вину) и христианская символика (вино – один из самых значимых символов, отсылающий к крови Христа). В финале «евангелия» изображена сцена того, как одного из игроков по его маловерию настигает судьба, которой так боятся все почитатели Зерни: он лишается всего, что имел, и уходит с позором («Primas autem, <…> iactabat decem, alius duodecim, tertius vero quinque. Et qui quinque proiecerat, exhausit bursam et nudus ab aliis se abscondi» – Первый из них выбросил десять, другой – двенадцать, третий – пять. И тот, кто выбросил пять, опустошил кошелек и, наг, от других удалился). Примечательно, что печальный конец настигает не неверующего Первого, называемого Последним, а неназванного игрока, что, вероятно, символизирует изменчивость Фортуны, чью благосклонность нельзя предугадать [Bayless, 1996, p. 175].

В «Богослужении игроков» также присутствует пародия и на другой новозаветный текст, «Деяния святых апостолов». В самом названии мы встречаемся с очередной игрой слов: «Actus apostolorum» названы «Actus apopholorum». В одном из словарей [Galeni Pergameni …, 1532, p. 756] происхождение такой странной замены возводится к латинскому названию древних лекарств – апофлегматиков (apophlegmatismus) – призванных устранять излишки флегмы (одной из четырех гипотетических жидкостей в теле человека, по свойствам сходной с мокротой); приблизительно это название можно перевести как «Деяния святых отхаркивающих».

Далее в уже знакомой нам манере последовательно воспроизводится подлинный текст священного писания с некоторыми лексическими изменениями, приводящими, тем не менее, к абсолютной перемене смысла и перестройке текстуального мира в целом. Пародируя эпизод из Деян. 4:32–37, «Деяния святых апостолов» рассказывают о том, как некогда у играющих было одно сердце и никакой одежды (multitudinis ludentium erat cor unum et tunica nulla), подобно тому, как у множества верующих из оригинального текста было одно тело и одна душа (multitudinis autem credentium erat cor unum et anima una). С наступлением зимы играющие вынуждены были бросить свои одежды к ногам заимодавца (et hiems erat, et iactabant vestimenta secus pedes accomodantis), который был богат и имел прибыль, а также причинял должникам большое зло соразмерно стоимости их одежд (<…> erat plenus pecunia et fenore et faciebat damna magna in loculis accomodans, prout cuiusque vestimenta valebant). В оригинальных «Деяниях святых апостолов» имеется похожий фрагмент, когда верующие, «которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов» [Деян. 4: 35–36]: в интерпретации «Богослужения игроков» в этой сцене жертвования последним проявляется сквозной мотив расплаты за проигрыш в кости последней рубашкой. Фигура же оценщика, присматривающегося к одеждам играющих, в дальнейшем перекочевывает во «Всепьянейшую литургию», где приобретает едва ли не божественные черты.

Во «Всепьянейшей литургии» мы также находим пародийное «евангелие», героями которого становятся все те же пьяницы, хозяева таверн, кружки и игральные кости. Главным его отличием от текста из «Богослужения игроков» оказывается то, что здесь «евангелие» не является простым воспроизведением подлинного евангелия с заменой некоторых слов и формул, но представляет собой отдельное произведение,

написанное, тем не менее, с соблюдением христианских канонов, что позволяет читателям опознать источник пародии и обеспечивает комический эффект.

В одном из фрагментов повествуется о том, как пьяницы решили проверить, истинно ли то, что им говорили о Бочонке (Transeamus usque ad tabernam, et videamus si verum sit quod dictum est a Dolio illo), и, зайдя в таверну, нашли ее отворенной и увидели убранные столы и кости на них (venerunt et invenerunt tabernam apertam ac mensam ornatam et Decios appositos super mensam). Покуда бражники познавали истину в вине, хозяин таверны выяснял, какова цена их одежд. По окончании пира пьяницы разделили имевшееся у них добро, прославляя Бахуса и проклиная Зернь. (Cum autem intrassent, de claro cognoverunt verum esse quod dictum erat de Dolio. Et tabernarius cogitabat in corde suo eorum vestes nihil valere. Potatores vero diviserunt vestimenta sua, glorificantes Dolium et maledicentes Decios). Как мы можем заметить, в этой пародийной священной истории атрибуты кутежа заменяют подлинную иконографию христианства. Верующие восхваляют своего бога, Бахуса, служа ему в храме пьянства, таверне. Вместо облачения в специальную одежду для службы, они чаще теряют и то, что имеют. Как мы уже замечали, хозяин, оценивающий одежды посетителей, становится богоподобной фигурой: по наблюдению М. Бэйлесс, «сама церемония выстраивается вокруг того, что лишь один <хозяин таверны> способен дать страждущим – физического воплощения божества, вина» [Bayless, 1996, p. 99]. Сама же по себе таверна изображается не только как храм Бахуса, но и как преддверие рая, в котором верующие пребывают в настоящем блаженстве.

«Богослужение игроков» завершается оригинальным фрагментом, не являющимся пародией на какой-либо конкретный литургический текст. В нем молящиеся призывают Господа излить свой гнев на корыстолюбцев и скупцов (Effunde, domine, iram tuam super avaros et tenaces), которые носят кошельки с деньгами, с которых имеют прибыль и тем самым получают еще больше (cum habuerint denarium <…> donec vertatur in augmentum et germinet centum). На их головы просители призывают проклятие всесильного отца (et maledictio dei patris omnipotentis descendat super eos). В тексте использована лексика сниженного регистра в сравнении с предыдущими фрагментами, так, о корыстолюбцах говорится, что они «носят кошельки на заднице» (iuxta culum ferunt sacculum). В финале молящиеся обращаются к всесильному и предвечному Господу (Omnipotens sempiterne (всегда) deus), сеющему раздор меж черныю и клириками (inter rusticos (крестьяне) et clericos (клирик) magnam discordiam (раздор) seminasti), и обещают жить от трудов его (de laboribus eorum vivere), использовать женщин его (mulieribus ipsorum uti) и радоваться до самой смерти (et de morte dictorum semper gaudere). Таким образом, враждебный и печальный мир игрока в конечном итоге оказывается благосклонен к нему, а Зернь, прежде сулившая лишь разорение, становится источником земных удовольствий.

Кроме того, во «Всепьянейшей литургии» присутствуют четыре гимна, не являющихся пародиями на какие-либо реально существующие христианские тексты. Обратим внимание на два из них:

Meum est propositum in taberna mori
Et vinum apponere sitienti ori,
Ut dicant cum venerint angelorum chori:
«Deus sit propitius huic potatori».

(Я собираюсь умереть в таверне,
И поднести вино ко рту жаждущего,
Чтобы сказать, когда явится хор ангелов:
«Господь, будь милостив к этому пьянице»)

Magis quam ecclesiam diligo tabernam:
Illam nullo tempore sprevi neque spernam
Donec fratres grisei veniant Falernam,
Ut cantent cum ebriis requiem aeternam.

(Больше церкви я ценю таверну,
Никогда я ее не отвергал и не отвергну,
Покуда францисканцы не придут с фалернским <вином>,
Чтобы с пьяницами воспеть вечный покой)

Комизм в этих вставных гимнах создается иными способами, нежели в остальной мессе. Здесь присутствуют бурлескные сравнения (церковь сравнивается с кабаком и проигрывает ему). Написанные в духе поэзии вагантов, они представляют собой травестийный перенос священных символов (ангельский хор, вечный покой) и ситуаций (отделение души от тела и ее загробный путь) в атмосферу кутежа и пьянства. Кроме прочего, гимны рифмованы, что также служит маркером их комизма: «В балагурстве значительную роль играет рифма. Рифма провоцирует сопоставление разных слов, „оглупляет» и „обнажает» слово. Рифма <…>

создает комический эффект» [Лихачёв, Панченко, Понырко, 1984, с. 40]

Таким образом, анализ фрагментов «Богослужения игроков» и более поздней «Всепьянейшей литургии» позволяет утверждать, что самым частым приемом травестии в этих пародийных текстах оказывается замена «священных» слов и образов на паронимичные им сниженные или просто смешные. В пародийных богослужениях создается собственная система символов, включающая в себя обязательные «святыни» – кружки, бутылки, зернь – и «ритуалы» – безостановочный кутеж, проигрывание в кости последней рубашки. В священной пародии выстраивается собственный – «перевернутый» – мир, регулировавшийся, тем не менее, христианскими правилами: сам образ кабака как анти-храма был продиктован официальными воззрениями церкви, а «выворачивание наизнанку» символов христианства происходило путем последовательного «переписывания» подлинных религиозных текстов. Комический потенциал оказывался заложен в самой «официальной» религии, что указывает на сложный синтез «серьезного» и «карнавального» начала в культуре, на невозможность существования карнавального измерения вне подлинных христианских воззрений.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура// М. М. Бахтин как философ. Москва : Наука, 1992. С. 7–19.

2. Андреев М. Л. Средневековая европейская драма. Москва, Искусство, 1989. 215 с.

3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Худож. лит., 1990. 543 с.

4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва : Искусство, 1972. 318 с.

5. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. Exempla, XIII в. Москва : Искусство, 1989. 366 с.

6. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. Москва : Искусство, 1981. 359 с.

7. Д'Анджело Б. Пародия в средневековой романской литературе (1250–1350). Москва : ОГИ, 2003. 173 с.

8. Даркевич В. П. Народная культура Средневековья. Пародия в литературе и искусстве IX–XVI в. Москва, 1992. 285 с.

9. Козинцев А. Г. Человек и смех. Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. 236 с.

10. Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Parodia sacra как явление современной российской лингвокультуры // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011. Выпуск 3. С. 121–127.

11. Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. «Смеховой мир» Древней Руси. Ленинград : Наука, 1984. 295 с.

12. Синицкая А. В. Parodia sacra или апокриф? (Феномен альтернативной классики) // Вестник СамГУ. 2014. № 5 (116). С. 185–195.

13. Тынянов Ю. Н. О пародии// Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва : Наука, 1977. 576 с.

14. Фрейденберг О. М. Происхождение пародии. Публ. Ю. М. Лотмана // Труды по знаковым системам. 6. Тарту, 1973. С. 490–497.

15. Хейзинга Й. Homo Ludens. Москва : Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

16. Bayless M. Parody in the middle ages: the Latin tradition. The University of Michigan Press, 1996.

17. Carmina Burana. Die Lieder der Benediktbeurer Handschrift. Zweisprachige Ausgabe. Vollständige Ausgabe des Originaltextes nach der von B. Bischoff abgeschlossenen kritischen Ausgabe von A. Hilka und O. Schumann, Heidelberg 1930–1970. übers, der lat. Texte von Carl Fischer, der mhd. Texte von Hugo Kuhn. Anm. u. Nachw. von Günter Bernt. 5., rev. Aufl. Frankfurt a. M. 1991.

18. Classen A. The Carmina Burana: A Mirror of Latin and Vernacular Literary Traditions from a Cultural-Historical Perspective: Transgression is the Name of the Game // Neophilologus. 2010. № 94, pp. 477–497.

19. Eco, U. The Frames of Comic Freedom // Carnival! / Ed. T.Sebeok and M. Erikson. Berlin; New York : Mouton Publishers, 1984, pp.1–10.

20. Galeni Pergameni historiales campi: D. Symphoriani Campegii, Equitis aurati, Clysteriorum camporum secundum Galeni mentem libellus .... Eiusdem de phlebotomia libro duo / per D. Symphorianum Campegium, Equitem auratum, illustrissimi. Lotharingiae Ducis archiatrum, in quatuor libros congesti, & commentarijs ... iillustrate; Basileae : Apud And. Cratandrum, et Io. Bebelium, 1532.

21. Games and gaming in medieval literature / Ed. S. Patterson. Palgrave Macmillan, US, 2015. 241 p.

22. Harris, M. Sacred Folly. A New History of the Feast of Fools. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 2011. 322 p.

23. Lehtonen T.M.S. «Fortuna», Money, and the Sublunar World: Twelfth-Century Ethical Poetics and the Satirical Poetry of The «Carmina Burana» (Bibliotheca Historica, 9), Helsinki, 1995. 188 p.

Reference List

1. Averincev S. S. Bahtin, smeh, hristianskaja kul'tura = Bachtin, laugh, christian culture // M.M. Bahtin kak filosof. Moskva : Nauka, 1992. S. 7–19.

2. Andreev M. L. Srednevekovaja evropejskaja drama = Medieval European drama. Moskva : Iskusstvo, 1989. 215 s.

3. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa = The works of Fransua

Rable and people's culture of Middle Ages and Renaissance. Moskva : Hudozh. lit., 1990. 543 s.

4. Gurevich A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury = The categories of Medieval culture. Moskva : Iskusstvo, 1972. 318 s.

5. Gurevich A. Ja. Kul'tura i obshhestvo srednevekovoj Evropy glazami sovremennikov = Culture and society of Medieval Europe through the eyes of contemporaries. Exempla, XIII v. Moskva : Iskusstvo, 1989. 366 s.

6. Gurevich A. Ja. Problemy srednevekovoj narodnoj kul'tury = The problems of Medieval folk culture. Moskva : Iskusstvo, 1981. 359 s.

7. D'Andzhelo B. Parodija v srednevekovoj romanskoj literature (1250–1350) = The parody in Medieval romance literature. Moskva : OGI, 2003. 173 s.

8. Darkevich V. P. Narodnaja kul'tura Srednevekov'ja. Parodija v literature i iskusstve IX–XVI v. = Folk's culture of Middle ages. Parody in Literature and in art. Moskva, 1992. 285 s.

9. Kozincev A. G. Chelovek i smeh = Man and laugh. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2007. 236 s.

10. Lebedev V. Ju., Priluckij A. M. Parodia sacra kak javlenie sovremennoj rossijskoj lingvokul'tury = Paridia sacra as a phenomenon of modern Russian lingvoculture // Vestnik TvGU. Serija «Filologija». 2011. Vypusk 3. S. 121–127.

11. Lihachjov D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. «Smehovoj mir» Drevnej Rusi = «The laugh world» of Ancient Russia. Leningrad : Nauka, 1984. 295 s.

12. Sinickaja A. V. Parodia sacra ili apokrif? (Fenomen al'ternativnoj klassiki) = Parodia sacra or apocrypha? (The phenomenon of alternative classics) / Vestnik SamGU. 2014. № 5 (116). S. 185–195.

13. Tynjanov Ju. N. O parodii = About the parody // Tynjanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. Moskva : Nauka, 1977. 576 s.

14. Frejdenberg O. M. Proishozhdenie parodii. Publ. Ju. M. Lotmana = The origin of the parody. Publ. Of Y. M. Lotman // Trudy po znakovym sistemam. 6. Tartu, 1973. S. 490–497.

15. Hejzinga J. Homo Ludens = Homo Ludens. Moskva : Progress-Tradicija, 1997. 416 s.

16. Bayless M. Parody in the middle ages: the Latin tradition. The University of Michigan Press, 1996.

17. Carmina Burana. Die Lieder der Benediktbeurer Handschrift. Zweisprachige Ausgabe. Vollständige Ausgabe des Originaltextes nach der von B. Bischoff abgeschlossenen kritischen Ausgabe von A. Hilka und O. Schumann, Heidelberg 1930–1970. übers, der lat. Texte von Carl Fischer, der mhd. Texte von Hugo Kuhn. Anm. u. Nachw. von Günter Bernt. 5., rev. Aufl. Frankfurt a. M. 1991.

18. Classen A. The Carmina Burana: A Mirror of Latin and Vernacular Literary Traditions from a Cultural-Historical Perspective: Transgression is the Name of the Game // Neophilologus. 2010. № 94, pp. 477–497.

19. Eco, U. The Frames of Comic Freedom // Carnival! / Ed. T.Sebeok and M. Erikson. Berlin; New York: Mouton Publishers, 1984, pp.1–10.

20. Galeni Pergameni historiales campi: D. Symphoriani Campegii, Equitis aurati, Clysteriorum camporum secundum Galeni mentem libellus .... Eiusdem de phlebotomia libro duo / per D. Symphorianum Campegium, Equitem auratum, illustrissimi. Lotharingiae Ducis archiatrum, in quatuor libros congesti, & commentarijs ... iillustrate; Basileae : Apud And. Cratandrum, et Io. Bebelium, 1532.

21. Games and gaming in medieval literature / Ed. S. Patterson. Palgrave Macmillan, US, 2015. 241 p.

22. Harris, M. Sacred Folly. A New History of the Feast of Fools. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 2011. 322 p.

Lehtonen T.M.S. «Fortuna», Money, and the Sublunar World: Twelfth-Century Ethical Poetics and the Satirical Poetry of The «Carmina Burana» (Bibliotheca Historica, 9), Helsinki, 1995. 188 p.

УДК 821.161.1

Е. М. Болдырева **https://orcid.org/0000–0003–2977–7262**

Т. Ж. Калинина **https://orcid.org/0000–0002–6823–2313**

Мотивные переклички в романах Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Лизы Си «Снежный Цветок и заветный веер»

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Калинина Т. Ж. Мотивные переклички в романах Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Лизы Си «Снежный Цветок и заветный веер» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 80-91. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-80-91

В статье рассматривается система творческих перекличек в романах Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Лизы Си «Снежный Цветок и заветный веер», рассматриваемых как пример изображения женского национального характера в условиях несвободы, в переломные моменты истории. При сопоставлении произведений Г. Яхиной и Лизы Си выявляется множество значимых для художественного мира писательниц мотивных и образных перекличек: мотив женской покорности и обреченности, телесных страданий, «крови и мяса», амбивалентный образ мужа-палача и любовника-палача, утверждающий обыденность и привычность убийства и насилия, мотивы жестокости как сознательно избираемого средства «анестезии сердца», расчленения животной плоти как залога выживания и спасения, «живых мертвецов» и «незахороненных трупов». В статье отмечается глубинная связь романов на уровне мифологическом и архетипическом: важная роль народных легенд и преданий, которые становятся определяющими для жизни героев, выстраивающих текст своего бытия в соответствии с древними мифологическими образцами; переосмысление образа сына-первенца как обреченного первенца, традиционные архетипические образы дома и «тайного языка», значимость орнитологической символики и самоидентификации героинь через собственное имя. Изучив ряд общих идей и мотивов, авторы статьи приходят к выводу, что романы Гузели Яхиной и Лизы Си не только являются летописями становления женского самосознания, обретения женщиной культурной самостоятельности, но и открывают героям возможность сохранить свою культурную самобытность, подвергшуюся опасности забвения, исчезновения в современном мире, но при этом не остаться скованными цепями традиционалистского национального сознания, достаточно регламентированного и несвободного, позволяют переосмыслить традиционные культурные ценности и найти в них онтологическую основу существования.

Ключевые слова: русская литература XX века, американская литература, художественный образ, мотив, культурологическое двоемирие, культурная самобытность, архетипические образы, мифологическая символика.

E. M. Boldireva, T. Z. Kalinina

Motivated roll calls in Guzel Yahina's novels «Zuleikha Opens Eyes» and Lisa See's «Snow Flower and the Secret Fan»

The article considers the system of creative roll calls in Guzel Yahina's novels «Zuleikha Opens Eyes» and Lisa See's «Snow Flower and the Secret Fan» considered as an example of the image of a female national character in conditions of non-freedom, at the turning points of history. When comparing the works of G. Yahina and Lisa See, many significant for the artistic world writers of motivated and figurative roll calls are revealed: motive of female subjugation and doom, bodily suffering, «blood and flesh», ambivalent image of the husband-palate and lover-palate, claiming commonality and habit of murder and violence, motives of cruelty as a knowingly chosen means of «heart anesthesia», dismembering animal flesh as a pledge of survival and salvation, «living dead» and «unburied corpses». The article notes the deep connection of novels at the level of mythological and archetypal: the important role of folk legends and legends, which become defining for the life of heroes who build the text of their being according to ancient mythological patterns; rethinking the image of the first-born son as the doomed first-born, traditional archetypal images of the house and «secret language», the significance of ornithological symbols and the self-identification of heroines through their own name. Having studied a number of common ideas and motives, the authors of the article conclude, that the novels of Guzel Yahina and Lisa See are not only chronicles of the formation of female self-consciousness, the

© Болдырева Е. М., Калинина Т. Ж., 2020

acquisition of cultural autonomy by a woman, but they also enable the heroes to preserve their cultural identity, exposed to the danger of oblivion, disappearance in the modern world, but not to remain bound by chains of traditionalist national consciousness, sufficiently regulated and non-free, allow to rethink traditional cultural values and find in them ontological basis of existence.

Key words: 20th century Russian literature, American literature, artistic image, motif, culturological dual conception of reality, cultural identity, archetypal images, mythological symbolism.

Со дня выхода романа Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» прошло уже пять лет, а «страсти» вокруг него, кажется, еще не утихли. К тому же сериал, снятый по книге, вызвал новую волну рецензий и отзывов. Исследователи и критики рассуждают о романе Яхиной как о киносценарном романе [Абашева, Абашев, 2016; Савкина, 2016, с. 23], как об этно-романе [Беккин, 2016], или, наоборот, как о новом романе в хорошо проработанной традиционной теме лагерных романов [Борисова, 2017; Солдатова, 2019], есть даже попытки сравнить творение Яхиной с «Унесенными ветром» и романами-робинзонадами [Абашева, Абашев, 2016; Борисова, 2017]. Однако существует еще один, не менее интересный «литературный двойник» произведения Г. Яхиной, такой же неоднозначный, многогранный и полижанровый роман американской писательницы, публициста, историка Лизы Си «Снежный Цветок и заветный веер».

Роман Лизы Си менее известен русскому читателю, нежели дебютное произведение Г. Яхиной. Пятнадцать лет назад, популярная уже к тому времени писательница, лектор и уполномоченная города Лос-Анжелес Лиза Си написала его после длительной экспедиции в Китай и скрупулёзного сбора информации о древней китайской женской письменности нушу. Этот роман был воспринят более чем благосклонно и через пять лет сделал автора лауреатом Азиатско-Тихоокеанской американской премии по литературе и вызвал восторженные отзывы американских [«Lisa See with Daniel Olivas», 2007; «New York Times…», 2017; On Gold Mountain, 2014; Ho, 2011] и азиатских критиков [Neurina Fajriyatul Islamiyah, Much. Koiri, 2018; Tammy Ho Lai-Ming, 2016; 全淑娟, 2013; 陈柔, 2012]. В произведении рассказывается о жизни китайских женщин в 19 веке, о традиционном семейном укладе, об исторических событиях, вмешавшихся в этот уклад. Но главный сюжет книги посвящен развитию отношений между двумя девочками: Лилией и Снежным Цветком – лаотун, которые записывают события своей жизни на общий веер с помощью тайного женского письма. Союз лаотун – это единственный союз в традиционном китайском обществе, который заключался по желанию.

Казалось бы, что может объединять два романа, написанных в разное время на разных континентах, посвященные таким разным культурам, как татарская – русская и китайская? Но, если сопоставить эти два произведения, они удивительным образом перекликаются, дополняя и обогащая друг друга.

Несмотря на довольно разный выбор исторического материала: у Яхиной – тридцатые-пятидесятые годы советского времени, у Си – эпоха традиционного уклада жизни в Китае в 19 веке (неизменная на протяжении нескольких предшествующих столетий), есть общий мотив, сподвигнувший авторов на описание именно этого периода. С одной стороны, выбор продиктован культурными корнями писательниц: прадед Си – китаец, сама Си почти всю жизнь прожила в китайском квартале Лос-Анжелеса, бабушка Яхиной – сосланная в Сибирь татарка [Кочарова, 2016]. С другой стороны, именно это время становится «последним» в длительном культурном процессе двух народов: татарский традиционный уклад разрушается вмешательством советской власти, а 20 век в Китае расшатывает неизменность многотысячелетних традиций китайского народа, меняя политический, экономический и культурный строй всей страны. Именно в это время начинает утрачиваться та самая народная самобытность, которая интересует обеих писательниц с точки зрения их исторических корней. Но самое главное, что интересует Г. Яхину и Лизу Си, – это изображение женского национального характера в условиях несвободы, в переломные моменты истории.

В обоих романах описывается традиционное общество, традиционный уклад семьи, в которой женщине отводится весьма незавидная роль. Поток дискредитирующих женщину определений поистине неисчерпаем, вот самые жесткие, пожалуй, слова, адресованные женщине в романе Лизы Си: «никчемная» [Си, 2020, с. 45], «Почему

не бросили ее в реку, когда она родилась?» [Си, 2020, с. 32], «…о ней и о ее сестре говорили, словно они были мешки скверного риса…» [Си, 2020, с. 107], «глупее мокрой курицы» [Си, 2020, с. 201], «Мой муж говорит, что лучше иметь собаку, чем дочь» [Си, 2020, с. 260], «грязная, мерзкая свинья» [Си, 2020, с. 286]. А роман Яхиной как будто продолжает этот ряд уничижительных характеристик: «мокрая курица» [Яхина, 2017, с. 34], «маломерка» [Яхина, 2017, с. 26], «лентяйка» [Яхина, 2017, с. 27], «не то, что ты, жидкокровая» [Яхина, 2017, с. 29], «Где же твоя сила, курица? Ты же еще не умерла пока! Или умерла?!» [Яхина, 2017, с. 34], «кончается твой род, худокостая» [Яхина, 2017, с. 30], «гнилой корень» [Яхина, 2017, с. 29], «блядь» [Яхина, 2017, с. 350]. Прямые оскорбления, низведение женщины до животного, хуже животного, до ненужной вещи; проклятия сыплются на голову невесток, не родивших сыновей, в романе Лизы Си и на голову Зулейхи.

Женщина в романах лишена права на жизнь и самостоятельное распоряжение ей. Женщина – функция, ее роль – родить сына (сыновей) и обслуживать мужа и свекровь. Главное качество женщины – покорность, беспрекословность, отсутствие воли. Женщина, как вещь, не имеет права даже на чувства. И женщина принимает эту роль. Лилия говорит: «Я старалась изо всех сил», «Что касается меня…, то я принимала свой жребий безропотно» [Си, 2020, с. 49]. Эта же безропотность становится главной чертой характера Зулейхи: «- Молчи-и-и-ишь, – осуждающе произносит старуха, позволяя надеть на себя исподнюю рубаху и шаровары. – Всегда молчишь, немота…» [Яхина, 2017, с. 36].

Не случайно обе главные героини называют сами себя «мокрыми курицами». Зулейха, когда ей удалось незаметно взять пастилу для жертвы духам, мысленно восклицает: «Получилось! У нее получилось! Ай да Зулейха, ай да мокрая курица!» [Яхина, 2017, с. 16]. «Я была глупее мокрой курицы…» – говорит о себе Лилия. Главная героиня Лизы Си описывает этим определением и других женщин: «Они столпились вокруг веера, будто стая кур…» [с. 389] Мотив-образ женщины-курицы появляется в романе во многих местах, например: «Выйдешь замуж за цыпленка – живи с цыпленком; выйдешь замуж за петуха – живи с петухом» [Си, 2020, с. 56]. Как ни крути, судьба женщины – стать «курицей».

Женщина в романах не просто ничтожна, но и обречена на телесные мучения. В романе Лизы Си древняя традиция бинтования ног – по нашим современным меркам изуверство – должна была подготовить девочку к будущей жизни: «Для будущих родственников моя маленькая нога служила доказательством моей личной дисциплины и способности переносить боль деторождения, а также любые трудности, которые могли быть впереди» [Си, 2020, с. 57]. В «Зулейхе…» главная героиня почти всегда находится на пределе своих физических сил. Она должна работать, как ее муж, даже намного больше мужа: не только работать наравне с ним, но и обслуживать его мать и его самого, когда он уже отдыхает от трудов. Уход за скотиной, заготовка дров, приготовление еды, топка бани – все ложится на хрупкие в прямом смысле слова плечи Зулейхи. Между строк мы понимаем, что, не прерывая обычного течения жизни, Зулейха еще и вынашивала и рожала детей. Снежный Цветок как будто раскрывает загадку мертворождения и недолговечности детей: «Я слышала, что не следует заниматься постельными делами после очень тяжелой работы, – сказала мне Снежный Цветок. – Но я не думаю, что моя свекровь знает об этом» [Си, 2020, с. 225]

Женщина в обоих романах является объектом не только унижения, но и избиения, которое воспринимается героинями не как нечто из ряда вон выходящее, а как норма жизни, абсолютно естественный процесс: «Метлой по спине – это не больно. Почти как веником. Зулейха лежит смирно, как и велел муж, только вздрагивает и царапает ногтями лэукэ при каждом ударе, – поэтому бьет он не долго. Быстро остывает. Все-таки хороший муж ей достался» [Яхина, 2017, с. 39] и еще: «Сильный мужчина, большой. И работает умело. Хороший муж ей достался, грех жаловаться» [Яхина, 2017, с. 19]. Снежному Цветку повезло меньше: «Он продолжал бить ее так сильно, что у нее случился выкидыш…» [Си, 2020, с. 330], но и она оправдывает своего мужа: «Он любит меня, как умеет. Теперь все будет лучше, ты увидишь. У него в душе свершилась перемена» [Си, 2020,с. 339].

Боль и унижение, отсутствие любви со стороны самых близких – это своеобразная инициация, которую должна пройти женщина, чтобы стать женой и матерью: «Хотя мое лицо пылало от пощечины, я была счастлива. Пощечина была знаком того, что Мама впервые показала мне свою материнскую любовь…» [Си, 2020, с. 36] А страдания у женщин из разных культур одинаковые: подчинение деспотической

свекрови, ее презрение, побои мужа, непрестанный изможданощий труд, унижения, страх, голод... Повторяющийся из поколения в поколение круг страданий с невозможностью выйти из него: «Ты не можешь избежать своей судьбы. Она предопределена» [Си, 2020, с. 127]. Самое страшное, что женщина, предназначенная для рождения детей, мать, не имеет права даже на самое святое – материнские чувства. Для традиционного общества потеря ребенка, особенно девочки – это норма. Матери предписывается не задумываться о таких «мелочах», более того, мать оказывается виновницей смерти своих детей, смерть детей ставится ей в вину: «Одних девок на свет принесла – и то ни одна не выжила» – укоряет Зулейху Упыриха. В «Снежном Цветке…» героиня говорит: «Я потеряла пятерых детей, и каждый раз муж обвинял меня в этом. Он всегда изливает свое разочарование и крушение надежд с помощью кулаков. Когда этому оружию надо найти применение, он направляет его против меня» [Си, 2020, с. 333]

Таким образом, мужчины в обоих романах часто выступают в ипостаси «палача» и их действия интенсивно орнаментированы мотивами крови и мяса. В «Снежном Цветке» муж Снежного Цветка – мясник, разделывающий свиные туши. Легенда, рассказанная госпожой Ван, гласит: «Семья выдала ее за мясника – это самый низменный союз для женщины, приверженной буддизму. Несмотря на это, она, прежде всего, была женщиной и родила сыновей и дочерей. Но Жена Ван не ела рыбы и мяса. Каждый день она часами читала сутры, особенно «Алмазную сутру». В то время, когда она читала, она просила мужа не убивать животных [Си, 2020, с. 159]. Когда Лилия гадает о статусе будущего мужа Снежного Цветка, она может предположить что угодно (торговца, крестьянина), но «только не это». Значит, сама профессия мясника возникает как результат отчаяния – видимо, крестьянин, уставший бороться с крайней нуждой, пожертвовал остатками своей гордости, обрекая свой род на вечное проклятие нечистой профессии. Снежный Цветок становится вегетарианкой, но последовать судьбе легендарной Жены Ван и стать спасительницей своего рода она не в силах. Зулейха также сталкивается с «мясником» в своем муже: «Свистит топор. Что-то горячее брызжет Зулейхе на лицо – кровь. Муртаза работает топором быстро и сильно, без остановки. Лезвие с равномерным стоном входит в теплую плоть. Шипит воздух, выходя из легких Кюбелек. С урчащим бульканьем хлещет кровь из трубочек сосудов. Плотный розовый пар окутывает неподвижную, быстро распадающуюся на куски говяжью тушу» [Яхина, 2017, с. 62]. Еще один палач в жизни Зулейхи – Игнатов, ставший убийцей ее мужа, а впоследствии оказавшийся практически ее мужем, выступая, как и ранее Муртаза, одновременно в двух взаимоисключающих ипостасях – мужа-любовника и убийцы-палача. Лилия в романе Лизы Си встречается с ритуальной «казнью» цыпленка на пороге нового дома: «Потом я услышала ужасный, но знакомый звук. Это был писк цыпленка, которому отрубили голову. Кто-то брызгал цыплячьей кровью на землю рядом с моим цветочным паланкином…» [Си, 2020, с. 177] Смерть детей Зулейхи предваряется страшными снами Упырихи, по образности схожими со сценой из «Снежного Цветка…»: «…цыплята, утопающие в крови…» [Яхина, 2017, с.31] Цыпленок коррелирует с «мокрой курицей» – образным эквивалентом самой героини. Пугающий звук – предсмертный крик цыпленка – оказывается для героини привычным и знакомым, вновь утверждая обыденность и привычность убийства и насилия.

Но главная трагедия заключается в том, что люди становятся мясниками и палачами не от жестокости, это, наоборот, способ скрыть свою боль и отчаяние, средство «анестезии сердца»: «Как жить?.. Грабят, грабят, грабят. Забирают все. Когда уже не остается у тебя ничего – хоть к праотцам отправляйся! – дают отдышаться. А придешь в себя, приподнимешь голову – опять грабят. Нет у меня больше мочи, а у сердца моего – терпения!» – жалуется матери Муртаза [Яхина, 2017, с. 53]. Мясник, зверски избивший, почти убивший, свою беременную жену тоже страдает: «…может ли мужчина – вот этот мясник – чувствовать то же отчаяние и горе, какое чувствуем мы, женщины, когда теряем ребенка?» [Си, 2020, с. 330]. Неправедность содеянного кровопролития символически подчеркивает эпитет «черный»: «…на ледяных склонах нашей стоянки появились пятна от страшного потока черной крови…» [Си, 2020, с. 330]. В романе Яхиной: «…в руке – черный от крови топор» [Яхина, 2017, с. 63]. Таким образом, мужчины выплескивают свое страдание в жестокости, выплескивают на беззащитных, желая показать силу, но обнаруживая тем самым свою слабость.

Но у мотива убийства есть и другая сторона. Описанный с отвратительной физиологичностью акт расчленения животной плоти порой становится залогом выживания и спасения. Муж Снежного Цветка в ситуации бегства народа в горы становится героем, умея охотиться и сдирать шкуры с животных. И эта грубая антиэстетичная материальность есть знак единственно настоящей жизни. Игнатов, привыкший с легкостью убивать людей, не преуспевает в охоте, потому что не знает этого секрета дуализма убийства. А вот Зулейха, неоднократно видевшая процесс превращения смерти в жизнь в домашнем хозяйстве (конская колбаса, запасы мяса, теленок, благодаря которому она и свекровь должны были выжить зимой), постигла этот природный закон и становится удачливой охотницей, спасающей от голодной смерти поселенцев.

Таким образом, мотив убийства животных (а в «Зулейхе…» и людей) имеет два варианта: «неправедное» убийство (в том числе ритуальное или идеологическое) и убийство ради выживания, продолжения жизни, вынужденное «праведное» убийство. Для жизни человеку нужно питаться, мясные блюда – самые питательные. В обоих романах отношение героини к мясу становится маркером ее духовного состояния и отношения к жизни. Зулейху окружают несметные запасы, среди которых самыми желанными кажутся конская колбаса и соленый гусь, но она не смеет есть это. Снежный Цветок живет в доме мясника вегетарианкой. Лилия отказывается от аппетитного цыпленка во время эпидемии. В финале романа Лилия переходит в жизненную фазу Спокойного Сидения и тоже становится вегетарианкой, воздерживаясь еще от вина и чеснока и отрекаясь тем самым от живой жизни – неразрывного синтеза боли, муки, грубой плоти в пользу ровного стерильного существования, когда любовь к мужу перерастает в дружбу, а потом в целомудренное вдовство.

С мотивом «мяса» неразрывно связан мотив голода. Он буквально пронизывает романы, становится одним из смыслообразующих лейтмотивов. В жизни всего поселка Зулейхи есть пережитый Большой голод: «Даже во времена Большого голода деревенские не смели переступать за границу Крайней поляны: объели кору с деревьев, перемололи желуди с дубов, разрыли мышиные норы в поисках зерна…» [Яхина, 2017, с. 18] И судьбы Лилии и Снежного Цветка меняются именно из-за этих голодных лет: «Мой отец отправился в горы на охоту, но даже животные все поумирали от голода. Папа смог принести домой только горькие коренья, из которых Мама и Бабушка сварили похлебку» [Си, 2020, с. 34] – рассказывает Лилия о причинах обеднения своей семьи. В это же голодное время отец Снежного Цветка пристрастился к опиуму, что сломало будущее его дочери и погубило семью. Даже для Упырихи голодное время оказалось самым страшным: она потеряла четырех сыновей, возможно, даже питалась их мясом и кормила им младшего сына: « – И слышишь, сынок? Мы их не ели. Мы их похоронили» [Яхина, 2017, с. 57] – отвечает Упыриха на реплику, которой не было. Очевидно, что «призрак» голодных дней мучает ее до сих пор. Голод, поджидающий героев в будущем, не менее страшен и отягощен массовым бегством: у Яхиной – это переселение в Сибирь и зимовка на берегу Ангары, у Си – бегство от армии Хунаня в горы и зимовка в горах. Голод и бегство для главных героинь романа начинается с расставания с мужем: муж Лилии уезжает в Гуйлинь в попытке спасти положение семьи торговлей солью, а Зулейха прощается со своим мужем навсегда. После этого бедствия, они обе обретают мужей: Лилия начинает ценить и любить своего мужа по-настоящему, Зулейха влюбляется в Игнатова. Эти чувства уже не продиктованы необходимостью следования традициям, они искренни и органичны.

Еще один важный комплекс мотивов, орнаментирующих женскую судьбу, – это мотив «живых мертвецов» и «незахороненных трупов». В обоих романах дорога, которую проделали героини, была усеяна трупами, и первыми в этом траурном людском потоке умирают самые слабые: «Первыми начали умирать дети. Один за другим, словно играя в салки, *убежали на ту сторону* все дети несчастного многодетного крестьянина – сначала оба младенца …затем старшие» [Си, 2020, с. 173]. «Умерших закапывали вдоль путей, в одной общей яме…Оставляли тела лежать открыто…» [Си, 2020, с. 173]. У Лизы Си дорога усеяна живыми трупами, потому что людей, которые не способны идти, просто бросают на дороге, обрекая на жестокую смерть: «Иногда мы проходили мимо стариков и старух, которые присели отдохнуть и никогда уже не поднимались на ноги. <…> Я видела женщин моего возраста и моложе… чьи ноги были разбиты от долгой ходьбы и изранены о камни… Они лежали и не двигались, только плача, ожидая смерти от жажды, голода и холода» [Си, 2020, с. 306]. «Была

поздняя осень, время, когда дочерям начали бинтовать ноги, и мы часто видели маленьких девочек, у которых недавно сломались косточки стоп, – их теперь бросали, как бросали продукты, одежду, воду… Мы видели маленьких мальчиков – третьих, четвертых или пятых сыновей, – которые просили проходивших мимо людей о помощи» [Си, 2020, с. 307]. Описание «живых трупов» дополняется описанием незахороненных тел, над которыми не совершены правильные обряды. В самом начале романа Лизы Си семья Лилия не может похоронить бабушку и Третью Сестру, потому что земля слишком мерзлая и денег в семье недостаточно. Похороны всех тех, кто остался на обочинах дороги, также отсрочены. На обратном пути с гор, героини видят эти незахороненные трупы: «Мы видели трупы мужчин, женщин, детей, младенцев – все они гнили под воздействием природных стихий, становились пиршеством диких животных, разлагались. Белые кости блестели на солнце. Многих можно было узнать по одежде, и мы часто слышали, как люди кричали и плакали, узнавая своих родственников или испытывая угрызения совести» [Си, 2020, с. 339]. У детей Упырихи тоже нет могилы. Да и саму Упыриху чужие люди, наверняка, будут хоронить неправильно и наспех, как и свекровь Лилии, умершую от тифа: «Но при этой жаре и эпидемии трупы надо было хоронить как можно скорее, не думая ни о фэншуй, ни о нушу, ни о родственном долге» [Си, 2020, с. 290].

Помимо явных мотивных перекличек, между романами Гузель Яхиной и Лизы Си существует более глубинная связь на уровне мифологическом и архетипическом. В обоих романах важную роль играют народные легенды и предания. Рассказанные матерью Зулейхи татарские предания о духах, великаншах, драконах и птице Семруг живут в душе героини и передаются по наследству сыну, обретая, однако, совершенно иное значение. Так великаншей жалмавыз становится сама Зулейха: «Зулейха вспоминала мамины сказки про ненасытную великаншу жалмавыз, которая ест все, что попадается на пути. Так вот, Зулейха сама стала такая. Прожорливая, как саранча. Жадная, как индюшка. Даже не знала, что может быть такой голод» [Яхина, 2017, с. 170]. А чудесная Шах-птица – это собирательный образ тридцати, выживших в голой тайге. Таким образом, вспоминая древние татарские предания, Зулейха творит новую мифологию, к которой так восприимчив ее сын: «Зулейха пересказывала сыну все слышанные в детстве от родителей сказки и легенды…<…>… История про волшебную птицу Семруг была у Юзуфа любимой» [Яхина, 2017, с. 399]. Юсуф, несомненно, вкладывает новые смыслы в старые образы, задавая один и тот же вопрос: «Ее звали, как наш поселок?». Он не дает матери изменить хоть слово в ее рассказе про Семруг, потому что в мифе нельзя менять ни образы, ни сюжеты, поскольку они создают космос и объясняют его человеку, который обретает благодаря им смысл жизни. В романе Лизы Си легенде о Симруг соответствует легенда о народе Яо, который, как и птицы из легенды несет большие потери, но в результате собирается в некое идеальное единство: «Многие из людей Яо погибли – мужчины, женщины, дети. Что делать? Их предводитель взял рог буйвола и разделил его на двенадцать частей. Эти части он отдал разным группам своих людей и приказал им рассеяться по стране и жить» [Си, 2020, с. 312] и далее: «Говорят, через пятьсот лет люди Яо, где бы они ни находились, снова пройдут сквозь пещеры, сложат все части рога и восстановят наш зачарованный дом. Это время скоро придет» [Си, 2020, с. 312–313]. Таким образом, древние легенды и песни в романе Си также становятся определяющими для жизни героев, выстраивающих текст своего бытия в соответствии с древними мифологическими образцами. Снежный Цветок принимает и переживает долю жены мясника благодаря Мадам Ван о добродетельной Жене Ван? Люди переносят тяготы побега и зимовки благодаря легенде об их славных предках – народе Яо? Первенец Снежного Цветка остается в живых, благодаря тому, что Лилия ему рассказала в собственной видоизмененной интерпретации древнюю легенду, дающую ему надежду в жизни: «Когда я пересказала ему все уроки, которые помнила, я поведала ему назидательную историю, которую слышала от женщин в нашей провинции, о втором сыне, ставшем мандарином и вернувшемся в свою семью. Но я изменила ее в соответствии с жизненными условиями бедного мальчика» [Си, 2020, с. 320].

Сын-первенец, устойчивый образ традиционного семейного микрокосма, играет особую роль в романах Г. Яхиной и Лизы Си. Первенец в традиционном обществе знаменует продолжение рода, повышает статус женщины, кардинально меняет ее жизнь. Женщина может рассчитывать стать женщиной в полном смысле этого слова, если у нее есть сын: Зулейха даже не

признается Упырихой в качестве жены Муртазы, пока у нее нет сына, ее место ночью не рядом с мужем, а на сундуке, где обычно спят дети. Лилия заявляет: «Через две недели мне исполнится двадцать лет, скоро родится мой ребенок и начнется моя *настоящая* жизнь» (курсив авторов статьи) [Си, 2020, с. 234]. Женщины Китая продолжали жить в доме матери до рождения первенца. Но сыновья Зулейхи и Снежного Цветка не такие, какими им предписывает быть традиция. Это «обреченные» первенцы. Первенец Снежного Цветка, так же, как и Юсуф, отличается худобой и болезненностью, даже мать отказывает ему в поддержке: «… мать мясника заявила, что старшему сыну не надо давать ту еду, которую мясник раздобыл в горах. «– Незачем тратить ее на такого слабого мальчика, – заявила она. – Когда он умрет, нам станет легче. <…> Снежному Цветку следовало сказать что-то в его защиту. Но <…> ее глаза, даже в этот ужасный момент, когда он был приговорен к верной смерти, были устремлены не на него, а на ее второго сына» [Си, 2020, с. 317–318]. Лилия заступается за ребенка, она рассмотрела в нем и живой интеллект, и любознательность, восприимчивость к искусству и потенциал, как замечают этот потенциал переселенцы Семрука в Юсуфе – доктор, художник. И эти слабые мальчики одни, вопреки всему, продолжили свой род, воплотили лучшее, что досталось им от матерей. Они родились и выжили не благодаря, а в нарушение традиции. Юсуф обязан жизнью убийце отца, сын Снежного Цветка – благодаря искаженной легенде и участию Лилии. Каждый из них не выжил бы, если бы не смерть: Муртазы в «Зулейхе…» и второго сына-крепыша в «Снежном Цветке…».

Типологически сходными оказываются в обоих романах и традиционные архетипические образы дома и «тайного языка» героинь. Дом татарский и китайский разделены по гендерному признаку: женская и мужская часть, нижние и верхние комнаты (женские – верхние комнаты). Дом и любое место, где живет женщина – это замкнутые пространства: женщина не имеет права по своему желанию покидать это пространство. Зулейха тайком перемещается по дому, на улице ее пространство ограничено урманом (лесом), в который она не смеет заходить, кроме своего поселка она ничего не знает. Девочкам из «Снежного Цветка…» калечат ноги, и это существенно ограничивает их свободу: теперь они не могут выходить на улицу, перемещаются только в паланкине, из которого Лилия даже не смеет кинуть взгляд на внешний мир. Так же была ограничена свобода Зулейхи переполненным вагоном и землянкой. Дом мужа в романе Лизы Си – тоже замкнутое пространство, не зря выход из дома – такой опасный, а родственники не хотят выпускать Лилию. Тайный язык – способ герметичной коммуникации в мире женщин недоступен мужчинам. Тайный язык Лилии и Снежного Цветка – нушу, женская тайнопись, позволяет им общаться, а Зулейха почти постоянно обращается то к духам, то к Аллаху, то к своим умершим дочерям: «Шамсия – Фируза. Халида – Сабида», и этот язык понятен только ей и мирозданию: «– Шамсия! – Зулейха улыбается и протягивает ей руку в толстой меховой рукавице. – Не болтай, женщина! – Муртаза швыряет пригоршню снега, и птица, порскнув в сторону, улетает. – Работать пришли» [Яхина, 2017, с. 66].

Значимой характеристикой героинь-женщин в романах становится образ птицы: от «безмозглой курицы», какой рисует женщину традиция, до разнообразных образов на веере лаотун и чудесной Шах-птицы Зулейхи. Птички, фениксы и соловьи, уточки-мандаринки и ласточки – основные образы тайных писем снежного цветка, соответствующие образу девушки, женщины. Даже описывая свою мать, Лилия прибегает к «птичьему» сравнению: «Она не взяла свою палку и шла по комнате, размахивая руками, словно птица с перебитыми крыльями» [Си, 2020, с. 52]. Снежный Цветок так хочет летать, что у нее вырастают крылья: «Она обладала истинной независимостью, присущей знаку Лошади, но только у ее Лошади были крылья, которые несли ее высоко над землей…» [Си, 2020, с. 94]. «Я воображаю себя птицей. Я бы парила в облаках, а мир внизу казался бы таким далеким!..» [Си, 2020, с. 265]. «В каждом послании она говорила о птицах, об их полете, о внешнем мире» [Си, 2020, с. 98].

В романе Яхиной помимо главной «птичьей» легенды, сама Зулейха сравнивается с птицей во время охоты. Игрушками Юсуфа были рыба и птица. И даже доктор был когда-то «важной птицей» и опять стал птицей-ангелом в Семруке. Этот птичий полет – путь из замкнутого пространства традиционного дома и закрепленного места женщины к свободе и обретению «мокрой курицей» крыльев – есть путь обретения личностного сознания, «я».

Становление личности тесно связано с именем. Муж называет Зулейху просто «женщина». Но

волна истории, вырвав ее из привычного пространства, заставляет ее принять собственное имя и начать пользоваться им:

«– Зулейха Валиева!
– Я.»

За всю свою жизнь она не произнесла столько раз «я», как за месяц в тюрьме. Скромность украшает – не пристало порядочной женщине якать без повода. Даже язык татарский устроен так, что можно всю жизнь прожить – ни разу не сказать «я»: в каком бы времени ты ни говорил о себе… В русском языке – не так, здесь каждый только и норовит вставить: «я» да «мне», да снова «я»…» [Яхина, 2017, с. 155]. Зулейха не только обретает имя, но и обретает «я». В «Снежном Цветке…» мужья тоже не называют женщин по имени. Обрести имя – значит, обрести статус и уважение. Лилия смогла стать госпожой Лу, но свое собственное имя из уст мужа она обрела, только когда он понял, что по-настоящему любит ее: «Прежде чем я смогла сказать что-то еще, раздался голос моего мужа: «Лилия! Лилия! Лилия!» Услышав его голос, я побежала – да, побежала – вниз и на улицу. <…> Он поднял меня и заключил в свои объятия. «Лилия, Лилия, Лилия…» Мое имя звучало приглушенно, когда он целовал меня снова и снова, забыв о том, что люди смотрят на нас» [Си, 2020, с. 342]. Это единственный раз в романе, когда муж называет Лилию по имени. Заметим, что первый мужчина, назвавший Зулейху по имени, был Игнатов. Таким образом, в обоих романах мотив настоящей любви возникает, когда «мокрая курица» готова «расправить крылья», то есть обрести собственное достоинство, независимость и личность. Но для этого оказывается необходим мотив балансирования на грани жизни и смерти, дающий толчок к размышлениям и самопознанию.

Это самопознание находит отражение в самом значимом и глубинном мотиве слепоты и прозрения. Героиня в романе Си в самом вначале говорит, что она была слепа. А в финале повторяет это: «Всю свою жизнь я старалась закрыть глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать того, что происходит во внешнем мире мужчин» [Си, 2020, с. 404]. Не точно ли так живет и Зулейха, спит наяву: «Зулейха, не открывая глаз, шлепает на свой сундук, но не замечает этого – она уже крепко спит!» [Яхина, 2017, с. 41] Но в ответах на вопрос, что лучше для женщины – все же открыть глаза или проспать всю жизнь в бессознательном, растворенном в коллективной традиции состоянии, романы Г. Яхиной и Лизы Си кардинально расходятся. Снежный Цветок и Лилия – два варианта традиционного женского пути. Лилия воплощает неоднократно повторенный девиз своей свекрови: ««Повинуйся, повинуйся, повинуйся, а потом делай, что хочешь». И у нее получается повторить судьбу свекрови: теперь она восседает на ее кресле, отдает приказы, теперь ей подчиняются все домашние, и даже муж признает ее авторитет и не может запретить ей что-то. Но больше всего превращение в Госпожу Лу заметно в отношениях со Снежным Цветком: «Я начала реагировать не как маленькая девочка, которая была влюблена в Снежный Цветок, а как Госпожа Лу, женщина, которая считала, что соблюдение правил и условностей обеспечивает душевный покой. Мне было проще обвинить Снежный Цветок во всех ее проступках, чем вынести ту бурю чувств, которая поднялась во мне» [Си, 2020, с. 354]. И вот оценка такого превращения той, которая сделала из Лилии Госпожу Лу: «Я помню вас маленькой девочкой. У вас не было ничего, кроме пары красивых ножек. А теперь у вас, Госпожа Лу, всего в изобилии – в изобилии злобы, неблагодарности и забывчивости» [Си, 2020, с. 363]. Лилия просто стала копией своей свекрови. А образ свекрови в обоих романах – один из самых значимых и самых дискредитированных. Свекровь – женщина, которая сама когда-то испытала все, что испытывает ее невестка, тем не менее, становится самым злым врагом женщины. Это от свекровей исходят унижения, это они одобряют и провоцируют сыновей на плохое обращение с женами, изводят невесток словом, взглядом, подлостями, заставляют выносить ночной горшок или отстирывать свои простыни, испачканные менструальной кровью, морят голодом, проклинают, доводят до самоубийства, превращаясь для молодых женщин в Упыриху или Крысу. Даже Госпожа Лу – идеальная, добрая свекровь («…моя свекровь была добрее ко мне, чем моя родная мать» [Си, 2020, с. 251]) – доводит свою невестку, потерявшую в эпидемии тифа мужа и всех детей, до самоубийства.

При этом и Зулейха, и Лилия, исполняют свой долг перед свекровью до конца. Они обе проявляют максимальную любовь к своим свекровям, выполняя последнее в жизни тех омовение тела. Лилия делает страшный выбор между своими живыми и здоровыми детьми и

умирающей от тифа свекровью. Зулейха моет свекровь в бане, не подозревая, что это также предпогребальное омовение. Однако, свекровь Зулейхи – не такой простой образ, как у Лизы Си. Она – необычная женщина. Во-первых, она слепая. Мотив слепоты раскрывается, как постоянная и вечная слепота по отношению ко всему нетрадиционному, не соответствующему укорененному мировоззрению. Но в юности Упыриха была совсем другой: сильной, красивой, независимой. Даже выйдя замуж, она не смирилась: «– Ох и досталось ему от меня тем летом! Всю оставшуюся жизнь припоминал: бил меня крепко, много, и камчой тоже. Завяжет на ней узел с кулак, огреет, как дубиной, – а я ему в лицо смеюсь: что, говорю, за мной повторяешь? Свое придумать – ума не хватает? Он – пуще злится, сильнее хлещет, аж задыхается, за сердце хватается… Так и не сумел меня сломать. Ну и где он теперь? Полвека червей кормит» [Яхина, 2017, с. 55]. Поэтому, возможно, ей так ненавистна покорная и безгласная Зулейха. Упыриха как будто все время пытается спровоцировать ее на проявление хоть какой-то злости в ответ: «Всегда молчишь, немота… Если бы кто со мной так – я бы убила» [Яхина, 2017, с. 36] Для Упырихи злость равна силе выживания, без злости выжить нельзя, она придает решимости в критические моменты. Упыриха пытается пробудить злость в Зулейхе, но безуспешно, Зулейха сделана из другого теста. Путь Лилии – Госпожи Ли для нее невозможен, ее дух такой же легкий, светлый и добрый, как у Снежного Цветка, Зулейхе уготовано прозреть и улететь.

У слепоты Упырихи есть и другая сторона – ясновидение. Ее сны всегда сбываются. В них она видит судьбу, от которой не уйти: «Мы с Муртазой в доме останемся, а за тобой прилетят три огненных фэрэштэ и унесут прямиком в ад. Все как есть видела: и как хватают они тебя под руки, и как швыряют на колесницу, и как везут в пропасть. Я стою на крыльце, смотрю. А ты и тогда молчишь – только мычишь, словно Кюбелек, и глазищи свои зеленые выкатила, пялишься на меня, как безумная» [Яхина, 2017, с. 36]. Это сон тоже исполнился, только не так, как думала Упыриха. Значит, ее дар ясновидения не принадлежит ей, это, действительно, глас судьбы. Но вот мифологические образы, в которые заключена эта судьбоносная информация, в реальности получают приземленную, но оттого не менее страшную проекцию: в роли огненных фэрэштэ (татарско-русский словарь переводит слово «фэрэштэ» как «ангел») выступают красноармейцы, одновременно отправившие Зулейху в ее страшный «крестный путь», но в конечном итоге заставившие «мокрую курицу» летать.

Но Снежный Цветок – не Зулейха. Ее путь – самый трагичный: «Я не понимала, что дух той храброй лошадки, которой Снежный Цветок была в детстве, сломлен. Я упрямо верила в то, что могу вылечить хромую лошадь» [Си, 2020, с. 351]. Снежный Цветок, так легко отвергавшая узы традиций, не выдержала «сюрпризов» жизни, среди которых самым тяжелым была потеря детей, и погибла, потому что единственное, что могло удерживать ее в этой реальности – это свободный, заключенный без принуждения, союз двух любящих сердец. После предательства Лилии ей уже нечем было жить. Поэтому история веера – это история двойной трагедии: загубленной души Снежного Цветка и запоздалого раскаяния Лилии: «Лишь один человек в моей жизни что-то значил для меня по-настоящему, но я поступила с ней хуже, чем самый плохой муж. <…> Пожалуйста, простите меня!» [Си, 2020, с. 405]. Тайное письмо на веере не освободило девушек от груза традиции, не открыло им новый мир, но стало единственным утешением в тяготах судьбы, научило настоящей любви, ради которой, как запоздало понимает Лилия, стоило отвергнуть правила, налагаемые традиционным обществом, и прислушаться к своему сердцу, дать ему свободу любить и открыто выражать свои чувства. Веер остается как завещание Лилии в назидание другим женщинам, как урок, который необходимо выучить, чтобы изменить судьбу всех женщин. Поэтому престарелая Госпожа Лу собирает и записывает трагические истории женщин, превращая их в тайное женское письмо, которое когда-нибудь станет заветом новой женской судьбы, например, такой блистательной, как у Лизы Си.

А вот Зулейха по-настоящему открыла глаза. Она смогла перебороть инерцию традиции. Сначала она заходит в урман и обнаруживает, что там нет смерти, затем она позволяет себе любить Игнатова, и узнает то, чего никогда бы не знала в жизни с Муртазой, она прогоняет призрак Упырихи, в отчаянной аффектации выкрикивая слова, освобождающие ее от гнета прошлого («Не смей являться мне больше! Это моя жизнь, и ты мне больше не указ! Прочь! Прочь!» [Яхина,

2017, с. 447]), наконец, она свободно выбирает не закрывать глаза: «Даже дышать – больно. Закрыть бы глаза, не видеть ничего, не чувствовать, но…» [Яхина, 2017, с. 593] Несмотря на эту боль, финал в «Зулейхе» обнадеживающий, ведь она смогла не только сама «открыть глаза», но и воспитать новую личность – Юсуфа, Иосифа, свободного от национальной традиции, вольного выбирать свой путь, который не предопределен, а творится самим человеком. Юсуф, обретя новое имя, может следовать за своим сердцем. Зулейха, отпустив сына, тоже обретает подлинную свободу.

Таким образом, романы Гузель Яхиной и Лизы Си не только являются летописями становления женского самосознания, обретения женщиной культурной самостоятельности, но также открывают героям возможность сохранить свою культурную самобытность, подвергшуюся опасности забвения, исчезновения в современном мире, но при этом не остаться скованными цепями традиционалистского национального сознания, достаточно регламентированного и несвободного, позволяют переосмыслить традиционные культурные ценности и найти в них онтологическую основу существования. Зулейха открывает глаза после каждой точки, способной стать точкой невозврата, а героини Лизы Си записывают на веер каждое важное или трагическое событие своей жизни. Это пунктиры, которые «сшивают» жизнь женщины в местах, где происходит что-то, меняющее героинь. Зулейха открывает глаза в последний день своей привычной жизни – в день смерти мужа, когда впервые встречается со страстью между мужчиной и женщиной (Игнатовым и Настасьей), в день, когда она чуть не утонула, в день, когда она осознала свою влюбленность в Игнатова, в день, когда сын уезжает. Записи на веере также появляются в моменты, важные для главных героинь. Заветный веер хранит записи о начале союза лаотун, первом визите Снежного Цветка в дом Лилии, замужестве Старшей сестры, смерти Прекрасной Луны, замужестве самой Лилии, о том, когда Лилия узнала обман и истинное положение семьи Снежного Цветка, о рождении и смерти детей; он отразил всю историю побега в горы и зимовки, слова, приведшие к размолвке лаотун, болезнь и смерть Снежного Цветка и ее дочери. Веер также появляется в момент первого телесного контакта девушек и в момент отчаяния Снежного Цветка, когда она чуть не покончила жизнь самоубийством. Веер тоже открывается в самые важные, радостные или трагические моменты.

Роман Г. Яхиной, а вслед за ним и фильм, обвиняют в том, чего он не совершал. Наверное, автору следовало ввести игровой прием, такой, например, как разбросанный по средневековому лесу пластиковый мусор, как в романе Е. Водолазкина «Лавр», чтобы отмести необоснованные претензии. Но текст не дает ни одного повода не считать его исторической и культурологической реконструкцией тяжелых десятилетий (30–50-е гг.) 20 века. Поэтому критики рассуждают об исторической или этнографической достоверности произведения. Роману Лизы Си повезло больше: то ли историческая дистанция оказалась слишком большой для проверки, то ли невысокий интерес к американской литературе со стороны китайских филологов и историков освободил текст от исторической ответственности, – как бы там ни было, Си не пришлось оправдываться. Но в послесловии к роману она все же на всякий случай проговаривает: «…но, пожалуйста, помните, что «Снежный Цветок и заветный веер» является художественным произведением… Это история, которая прошла через мое сердце, мой опыт и мое исследование» [Си, 2020, с. 410–411]. Перед читателем предстают два великолепных «неисторических исторических романа», в том смысле, в котором говорит о своем романе «Лавр» Евгений Водолазкин. И в этом смысле обе писательницы находятся в рамках существующей в современной литературе тенденции: из кругозора Лизы Си не уходит нобелевский лауреат Мо Янь, постмодернистки эпизирующий китайскую историю, а Гузель Яхина становится последовательницей мощного литературного движения и вслед за Евгением Водолазкиным создает все-таки «неисторический роман», для которого приоритетным является «история сердца», а не историческая достоверность. В обоих романах отчетливо ощущается культурологическое двоемирие: Яхина и Си принадлежат сразу двум культурам: современной, значит, нетрадиционной, утратившей традиционную ценностную определенность, целостность и замкнутость, культуре (русской и американской), и одновременно реконструируемой ими в ее наиболее значимых моментах исходной традиционной культуры (татарской и китайской). Поэтому за историческими декорациями скрывается единый для романов лирический сюжет – женщина,

проходя через жизненные перипетии, обретает возможность самостоятельно принимать решения, выносить суждения, создавать новые устои изменившегося общества, давать смысл жизни мужчинам, которые ее окружают. И в этом главная функция женщины у обеих писательниц – женщина и есть создательница культурных основ, а не подчиненное бессознательное существо. В связи с этим романы приобретают актуальность в свете глобалистической тематики, поднимая такие темы, как толерантность, принятие иной культуры, нахождение глубинных общих основ любых культур, где человек просто человек, а не американец, китаец, еврей или татарин, а женщина, прежде всего, женщина с ее глубинным архетипическим смыслом, понятным любой культуре.

Библиографический список

1. Абашева М. П., Абашев В. В. Книга как симптом. Как сделан роман Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Новый Мир, № 5, 2016 // https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2016/5/kniga-kak-simptom.html

2. Арзямова О. В. Пространственно-временные образы и мотивы в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 54–58

3. Беккин Р. Мокрая курица татарской литературы, или Кого предала Зулейха? // Сибирские огни. 2016 № 9. URL: http://сибирскиеогни.рф/content/mokraya-kurica-tatarskoy-literatury-ili-kogo-predala-zuleyha

4. Борисова В. В. Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: конфликт рецепций в контексте региональной, русской и мировой литературы (к проблеме национально-культурной идентичности) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5 (2017, 10). С. 654–660.

5. Кизина К. И. Образ главной героини в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Пенза, 2017. С. 209–211.

6. Кочарова А. Гузель Яхина: для меня не было выбора, о чем писать. РИА Новости (1 марта 2016).

7. Облинова Д. «Лиза Си. Снежный Цветок и заветный веер»// Звезда, № 12, 2017. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/12/liza-si-snezhnyj-czvetok-i-zavetnyj-veer.html

8. Савкина И., Розенхольм А. «Секрет её успеха»: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза»// Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2016, № 3–4. С. 22–25.

9. Си Л. Снежный Цветок и заветный веер. Санкт-Петербург, 2020.

10. Солдатова К. Э. Частная история в общей народной судьбе (по роману Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Русская литература | Филологический аспект № 1 (45) Январь, 2019 // https://elibrary.ru/item.asp?id=36952953

11. Чотчаева М. Ю., Ключникова И. В. Художественные особенности изображения женского национального характера в условиях несвободы (На примере произведения Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 37–41.

12. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. Москва, 2017.

13. «Lisa See with Daniel Olivas». «The Elegant Variation» (10/03/2007).

14. «New York Times Bestselling Author Lisa See Interview». Aussie Osbourne. March 22, 2017.

15. «On Gold Mountain: About the Author», Lisa See official web site, Archived February 4, 2014, at the Wayback Machine.

16. Ho, Elizabeth. «I think it's really about us': Review of Lisa See's Snow Flower and the Secret Fan and Wayne Wang's Film Adaptation». Neo-Victorian Studies 4.2 (2011). P. 191–202.

17. Man Rhim, Soon, «The status of women in China: yesterday and today», Asian Studies Journal, vol. 20, 1982. P. 1–44.

18. Neurina Fajriyatul Islamiyah, Much. Koiri «Female Subjectivity in Lisa See's Snow Flower and the Secret Fan», Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR), volume 108 Social Sciences, Atlantis press, 2018. P. 134–139.

19. Rakhmyta, Y. A. Emininity aspect as reflected in Lisa See's Snow Flower and the secret fun. As-Salam Jurnal, 2018, 2(3). P. 134–141.

20. Tammy Ho Lai-Ming Lisa See, Snow Flower and the Secret Fan / ASIATIC, V. 10, № 1, June 2016. P. 249–251.

21. 全淑娟.《雪花秘扇》的符号学解读. 湖北大学, 英语语言文学, 硕士论文, 2013.

22. 陈柔. 西方视域下的东方情结. 浙江大学, 世界文学, 2012.

Reference List

1. Abasheva M. P., Abashev V. V. Kniga kak simptom. Kak sdelan roman Guzeli Jahinoj «Zulejha otkryvaet glaza» = The book as a symptom. How Gusel Yaxina's novel «Zuleiha opens her eyes» is made // Novyj Mir, № 5, 2016 // https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2016/5/kniga-kak-simptom.html

2. Arzjamova O. V. Prostranstvenno-vremennye obrazy i motivy v romanah G. Jahinoj «Zulejha otkryvaet glaza» i «Deti moi» = Space-temporal images and motives in G. Yahina's novels «Zuleiha opens her eyes» and «My

children» // Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2016. № 1. S. 54–58

3. Bekkin R. Mokraja kurica tatarskoj literatury, ili Kogo predala Zulejha? = Wet hen of Tatar literatutre or whom did Zuleiha betrayed? // Sibirskie ogni. 2016 № 9. URL: http://sibirskieogni.rf/content/mokraya-kurica-tatarskoy-literatury-ili-kogo-predala-zuleyha

4. Borisova V. V. Roman G. Jahinoj «Zulejha otkryvaet glaza»: konflikt recepcij v kontekste regional'noj, russkoj i mirovoj literatury (k probleme nacional'no-kul'turnoj identichnosti) = G. Yahina's novel»Zuleiha opens her eyes»: conflict of receptions in the context of regional, Russian and world literature (to the problem of national-cultural identity) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5 (2017, 10). S. 654–660.

5. Kizina K. I. Obraz glavnoj geroini v romane G. Jahinoj «Zulejha otkryvaet glaza» = The image of the main heroine im G. Yahina's novel»Zuleiha opens her eyes» // Innovacionnye nauchnye issledovanija: teorija, metodologija, praktika. Sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 chastjah. Penza, 2017. S. 209–211.

6. Kocharova A. Guzel' Jahina: dlja menja ne bylo vybora, o chem pisat' = Gusel Yahina:there was not any choice for me what to write about. RIA Novosti (1 marta 2016).

7. Oblinova D. «Liza Si. Snezhnyj Cvetok i zavetnyj veer» = Lisa Si. Snow flower and a cherished fan // Zvezda, № 12, 2017. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/12/liza-si-snezhnyj-czvetok-i-zavetnyj-veer.html

8. Savkina I., Rozenhol'm A. «Sekret ejo uspeha»: razmyshlenija o romane Guzel' Jahinoj «Zulejha otkryvaet glaza» = «The secret of her success»: meditations on G, Yahina's novel»Zuleiha opens her eyes» // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij, 2016, № 3–4. S. 22–25.

9. Si L. Snezhnyj Cvetok i zavetnyj veer = Snow flower and a cherished fan. Sankt-Peterburg, 2020.

10. Soldatova K. Je. Chastnaja istorija v obshhej narodnoj sud'be (po romanu G. Jahinoj «Zulejha otkryvaet glaza») = A private story in a common national fate (based on G. Yhina's novel»Zuleiha opens her eyes») // Filologicheskij aspekt № 1 (45) Janvar', 2019 // https://elibrary.ru/item.asp?id=36952953

11. Chotchaeva M. Ju., Kljuchnikova I. V. Hudozhestvennye osobennosti izobrazhenija zhenskogo nacional'nogo haraktera v uslovijah nesvobody (Na primere proizvedenija Guzel' Jahinoj «Zulejha otkryvaet glaza») = Artistic features of the depiction of a female national character in the conditions of nonfreedom (on the example of G.Yhina's novel»Zuleiha opens her eyes») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2019. Tom 12. Vypusk 5. C. 37–41.

12. Jahina G. Zulejha otkryvaet glaza = «Zuleiha opens her eyes». Moskva, 2017.

13. «Lisa See with Daniel Olivas». «The Elegant Variation» (10/03/2007).

14. «New York Times Bestselling Author Lisa See Interview». Aussie Osbourne. March 22, 2017.

15. «On Gold Mountain: About the Author», Lisa See official web site, Archived February 4, 2014, at the Wayback Machine.

16. Ho, Elizabeth. «I think it’s really about us’: Review of Lisa See’s Snow Flower and the Secret Fan and Wayne Wang’s Film Adaptation». Neo-Victorian Studies 4.2 (2011). R. 191–202.

17. Man Rhim, Soon, «The status of women in China: yesterday and today», Asian Studies Journal, vol. 20, 1982. R. 1–44.

18. Neurina Fajriyatul Islamiyah, Much. Koiri «Female Subjectivity in Lisa See’s Snow Flower and the Secret Fan», Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR), volume 108 Social Sciences, Atlantis press, 2018. R. 134–139.

19. Rakhmyta, Y. A. Emininity aspect as reflected in Lisa See’s Snow Flower and the secret fun. As-Salam Jurnal, 2018, 2(3). R. 134–141.

20. Tammy Ho Lai-Ming Lisa See, Snow Flower and the Secret Fan / ASIATIC, V. 10, № 1, June 2016. R. 249–251.

21. 全淑娟.《雪花秘扇》的符号学解读. 湖北大学, 英语语言文学, 硕士论文, 2013.

22. 陈柔. 西方视域下的东方情结. 浙江大学, 世界文学, 2012.

Журналистика

УДК 070.1:316.774

М. Е. Новичихина **https://orcid.org/0000–0002–0401–2688**

Н. С. Самойленко **https://orcid.org/0000–0002–0787–745X**

Новые медиа и новые функции медиатекста: к вопросу о трансформации современной журналистики

Для цитирования: Новичихина М. Е., Самойленко Н. С. Новые медиа и новые функции медиатекста: к вопросу о трансформации современной журналистики // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 92-99. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-92-99

Целью настоящей статьи является анализ трансформационных процессов в современной журналистике. Выявляются основные тенденции, влияющие на развитие журналистики в современном обществе. Исследуется влияние на журналистику так называемых новых медиа, к которым следует отнести высокотехнологичные интерактивные интернет-медиа, обладающие потенциалом гипермедийности и мобильного доступа к контенту. Формулируется вывод о том, что журналистика и новые медиа оказываются связанными отношениями взаимовлияния. Обсуждается проблема взаимоотношения СМИ и государства. В работе оценивается также ряд значимых последствий происходящих в журналистике изменений. Так, в частности, фиксируется внимание на расширении функциональных возможностей журналистики. Выявляются так называемые новые функции современной журналистики. Показывается, что одной из новых функцией как журналистики в целом, так и медиатекста в частности можно считать воздействующую функцию. Отдельное внимание уделено в статье так называемой позиционирующей функции медиатекста, заключающейся в формировании позиции массовой аудитории по отношению к определенным объектам действительности. Показывается, что позиционирование в медиатексте может осуществляться за счет номинативных средств языка. На конкретных примерах иллюстрируется возможность формирования принципиально различного представления об объекте или явлении (возможность различного позиционирования) в зависимости от того или иного способа их номинирования в медиатексте. Подтверждается вывод о том, что истоки эффективного позиционирования с той или иной целью кроются в такой особенности номинативных единиц, как гетерономинативность.

Ключевые слова: медиа, медиатекст, новые медиа, воздействующая функция, позиционирующая функция, позиционирование, номинация, гетерономинативность.

Journalism

M. E. Novichihina, N. S. Samoilenko

New media and new media text functions: to the question of the transformation of modern journalism

The purpose of this article is to analyze the transformation processes in modern journalism. The main trends that affect the development of journalism in modern society are identified. We study the impact on journalism of the so-called new media, which include high-tech interactive online media with the potential of hypermedia and mobile access to content. The conclusion is formulated that journalism and new media turn out to be connected by the relations of mutual influence. The problem of the relationship between the media and the state is discussed. The paper also evaluates a number of significant consequences of changes in journalism. So, in particular, attention is focused on expanding the functionality of journalism. The so-called new functions of modern journalism are revealed. It is shown that one of the new functions of both journalism in general and media text – in particular – can be considered the influencing function. Special attention is paid in the article to the so-called positioning function of the media text, which consists in the formation of the position of the mass audience in relation to certain objects of reality. It is shown that positioning in the media text can be carried out at the expense of nominative means of the language. The concrete examples illustrate the possibility of forming a fundamentally different idea of an object or phenomenon (the possibility of different positioning) depending on one or another way of their nomination in the media text. The conclusion is

© Новичихина М. Е., Самойленко Н. С., 2020

confirmed that the sources of effective positioning for one purpose or another lie in such a feature of nominative units as heteronominativeness.

Key words: media, media text, new media, influencing function, positioning function, positioning, nomination, heteronominativeness.

Введение

Динамические изменения, происходящие в современном мире, неизбежно оказывают влияние на все социальные институты общества.

Фиксируя, с одной стороны, эти изменения, журналистика, с другой стороны, и сама переживает в новых условиях период трансформации.

Эта трансформация требует безусловного осмысления на самых различных уровнях – от научно-теоретического до практически-прикладного.

В результате проблема исследования трансформационных процессов в современной журналистике становится своевременной и актуализирует поставленные в работе задачи – осмыслить тенденции, влияющие на развитие журналистики, а также оценить некоторые последствия происходящих изменений. При этом последствия на уровне функциональных изменений предполагается обсудить в связи с воздействующим потенциалом отдельных номинативных единиц.

Тенденции, влияющие на развитие журналистики в современном обществе

Сегодня дискуссия о трансформации средств массовой информации актуализируется, первую очередь, в связи с повсеместным проникновением в журналистику PR-технологий и рекламных стратегий. В результате одни исследователи утверждают, что в современной журналистике «широко распространены коммерческие стратегии гибридизации журналистики и пиара» и предлагают новый термин – «пиарналистика» [Короченский, 2008, с. 34], другие заявляют об интеграции журналистской и рекламной коммуникации [Гурьева, 2003, с. 89].

Еще одна наметившаяся тенденция – это гибридизация СМИ в процессе диджитализации (дигитализации) современного информационного пространства [Broersma, 2019]. Одна из главных причин динамичных изменений, происходящих в журналистике, бесспорно, связана с цифровой революцией, стремительно охватывающей планету. Так называемая конвергентная журналистика как результат слияния информационных и коммуникативных технологий приводит к появлению «новых» форм подачи информации. Перед журналистом встает необходимость производства мультимедийного контента [Ridgway, 2018].

Все чаще поднимается вопрос о так называемых новых медиа, к которым относят высокотехнологичные интерактивные интернет-медиа, обладающие потенциалом гипермедийности и мобильного доступа к контенту [Носовец, 2016].

Например, актуальные исследования показывают экспоненциальный рост интернет-медиа [Самойленко, Кушнир, 2020]. «Интернет и социальные сети как источники новостей по своей значимости сегодня опережают все остальные источники информации (кроме телевидения)» [Левада-центр, 2019]. Однако ряд исследователей правомерно обращают внимание и на возникающие в связи с этим опасности [Posetti, 2018].

Феномен новых медиа и влияние новых медиа на различные общественные процессы находится в активной научной разработке как мировых [Pavlik, 2009; Меллер, 2013; Manovich, 2017; Alexandrova, 2017; Clark, Algoe, Green, 2018; Ekström, Westlund, 2019; Bruns, Nuernbergk, 2019], так и отечественных ученых [Мороз, 2016; Назаренко, 2018; Коноплев, 2020; Щекотин, Мягков, Гойко, Кашпур, Коварж, 2020].

Следует также отметить, что новые медиа, с одной стороны, являются результатом трансформационных процессов в журналистике, с другой стороны, оказывают все большее влияние на трансформацию современной журналистики. Таким образом, журналистика и новые медиа оказываются связанными отношениями взаимовлияния.

Необходимо также обратить внимание на взаимоотношения между государством и СМИ: результатом журналистского труда является картина мира, созданная в информационных, аналитических и литературно-публицистических материалах. Благодаря этой картине выстраивается определенный образ власти, государства, политики, партии. Становится возможным манипулировать сознанием

аудитории, создавать общественное мнение, поэтому журналисты невольно выполняют функции имиджмейкеров, особенно в государственных, муниципальных, ведомственных и партийных СМИ. С помощью информационных продуктов они способствуют продвижению государственной идеологии, создают позитивный образ власти, способствуют политической стабильности общества.

Общество и СМИ тесно взаимосвязаны, поскольку первое порождает второе и после не может без него обойтись [Штейнман, Синютина, 2020, с. 83]. При этом сегодня представление о СМИ как о четвертой власти экстраполируется и на иные медиа (в первую очередь, социальные медиа). По данным исследователей 87 % стран сегодня используют аккаунты в социальных сетях для донесения информации до граждан [Bradshaw, Howard, 2019]. Этот процесс вызывает необходимость изучения популярных социальных медиа, таких как Youtube [Djerf-Pierre, Lindgren, Budinski 2019], Twitter [Dagoula, 2019; Eldridge, García-Carretero, Broersma, 2019; Fincham, 2019; Jukes, 2019], Facebook [Swart, Peters, Broersma, 2018]. Правомерно утверждать, что в современных реалиях СМИ теряют монополию на массовое распространение информации.

Все эти тенденции в разной степени способны оказывать влияние на журналистику. Ведущие ученые акцентируют внимание на серьезных изменениях роли журналистики в медийной системе. Так, Е. Л. Вартанова отмечает, что на протяжении XX века из профессии, практически полностью поставляющей содержание для СМИ, журналистика превратилась хотя и в одну из центральных, но не единственную такую профессию. В то же время, «… чем исторически «взрослее» и технологически традиционнее СМИ, тем больше в них содержания, созданного журналистами» [Вартанова, 2002, с. 17].

Расширение функциональных возможностей современной журналистики

Следует также отметить, что современная журналистика в силу происходящих трансформационных процессов имеет тенденцию к неограниченному расширению своих функциональных возможностей. В наши дни ее функции не ограничиваются традиционно называемыми в различном сочетании идеологической функцией, организаторской функцией, культурно-рекреативной, рекламно-справочной, информационно-коммуникативной, интегрирующей, регулирующей, образовательно-просветительской, воспитательной, пропагандистской, культуроформирующей, социально-психологической, познавательной, аналитической, управленческой и многими другими.

Все чаще обращается внимание на то, что журналистика, претерпевая в современных условиях закономерные изменения, связанные с изменением социальной среды, обретает в и ряд новых функций.

Например, В. В. Касьянов на основе подхода к СМИ как инструменту политического менеджмента и маркетинга выделяет следующие новые функции журналистики:

1) функцию политического участия (заключается в том, что масс-медиа создают своеобразный общественный форум, публичное пространство, в котором происходит формирование общественного мнения, а также демонстрируют диалог представителей различных социальных и политических сил);

2) артикулирующую функцию (заключается в формировании политической позиции граждан, идеологических интересов различных общественных групп и т. д.) [Касьянов, 2009, с. 214].

Поднимая вопрос о разнообразном воздействии на аудиторию, исследователи справедливо обращают внимание и на так называемую воздействующую функцию журналистики. При этом следует согласиться, что «виды медиавоздействия многочисленны и разнообразны. Оно может быть краткосрочным и длительным. Оно может быть явным или скрытым, сильным или слабым, а также определяться различными аспектами содержания. Его можно рассматривать как психологическое, политическое, экономическое либо социологическое. Оно может изменять мнения, ценности, степень информированности, навыки, вкусы, поведение ... Из-за разнообразия и сложности медиавоздействия эта тема, вероятно, представляет собой наименее разработанную область в научных исследованиях массовой коммуникации» [Berelson, Janowitz , 1950, с. 352]. Отмечая особенности современной журналистики, А. А. Золотухин пишет: «Функция журналистики заключается в том, чтобы донести уже разработанную какой-либо корпорацией или социальной группой идею до массового сознания. Так как общественно-политических идей-концепций в тот или иной период времени

ограниченное количество, то СМИ и журналистика в целом всегда заложники той или иной общественно-политической концепции корпорации – её носителя» [Золотухин, 2015, с. 100].

Признавая необходимость дифференцировать функции собственно журналистики и функции так называемого «медиатекста», приходится констатировать, что среди функций медиатекста на первом плане опять-таки оказывается воздействующая функция. Так, А. А. Негрышев утверждает, что «воздействие не только присутствует в любых новостях СМИ, но и является их неотъемлемым функционально-содержательным компонентом» [Негрышев, 2011, с. 228].

Современные медиа выступают источником не только информирования (в политической, социальной, экономической, религиозной и других сферах), но и целенаправленного воздействия на получателя информации. «Современный медиатекст аккумулирует в себе все виртуальное пространство, являясь уникальной лабораторией по синтезу и трансляции ценностей. В этом процессе медийная деятельность направлена главным образом на формирование особой аксиологии потребителя. В информационном потоке главной функцией медиатекста является не оставить читателя пассивным, сообщить ему практическое знание, задать тот или иной тип коммуникативного поведения, другими словами, осуществить процесс медийного воздействия» [Мартемьянова, 2013, с. 75].

Именно поэтому обнаруживается возрастающий научный интерес к определению новой – воздействующей (в ряде научных работ – персуазивной) функции как журналистики в целом, так и собственно медиатекста.

При этом, по справедливому замечанию В. Е. Чернявской, современное медийное воздействие означает незаметную для читателя передачу потенциального прагматического смысла отдельных языковых единиц, обладающих сильным воздействующим потенциалом и способностью выдвигать те или иные связанные с ними смыслы в центр внимания [Чернявская, 2006, с. 78].

Нельзя не заметить также, что в условиях трансформации современной журналистики медиатекст выполняет и явную позиционирующую функцию относительно отражаемых объектов действительности, при этом названная позиционирующая функция, в свою очередь, подчинена упомянутой выше воздействующей функции.

По мнению Г. Г. Почепцова, самыми элементарными примерами, иллюстрирующими позиционирующую функцию, можно считать те или иные наименования. К примеру, назвав чеченцев *бандформированиями*, можно оправдать более широкий круг мер противодействия им; Дж. Буш в преддверии военных действий в Персидском заливе назвал три тысячи оставшихся в Кувейте американцев *заложниками*, что в результате позволило для их освобождения применить военную силу и т. п. [Почепцов, 2003, с. 92].

Таким образом, СМИ, в результате осуществляемого воздействия, участвуют в формировании отношения аудитории к определенным объектам действительности (или, другими словами, в позиционировании этих объектов). Зачастую мы можем проследить процесс целенаправленного воздействия – позиционирования, который может присутствовать в медиатекстах как имплицитно, так и эксплицитно.

Позиционирующая функция медиатекста, бесспорно, реализуется в деятельности современных СМИ или других источников массовой информации и заключается в формировании позиции массовой аудитории по отношению к определенным объектам действительности, формированию представления об этих объектах.

Роль номинативных средств языка в позиционировании объектов или явлений в тексте СМИ

Формирование представлений об объектах (явлениях) нередко осуществляется в тексте СМИ за счет номинативных средств языка. Следует признать, что номинация способна повлиять на восприятие чего бы то ни было на всех уровнях коммуникации.

Одной из основных особенностей номинации, обеспечивающей эффективное позиционирование в тексте СМИ, является так называемая вариативность. Реализация того или иного варианта номинации формирует (в ряде случаев) принципиально различное представление об объекте, по-разному позиционирует его, например: *бандформирования – повстанцы, спекулянт – предприниматель, главарь – лидер, ополченцы – террористы, революция –*

переворот, *оккупация – присоединение* и т. п. Как видим, во всех приведенных примерах наблюдается денотативное сходство при коннотативном различии.

По отношению к набору номинативных единиц, характеризующих один и тот же объект, Н. Д. Арутюнова применяет понятие «гетерономинативность» [Арутюнова, 1977, с. 304]. По ее мнению, гетерономинативность имеет разные причины и разную целенаправленность: она частично обусловлена речевым узусом, частично зависит от прагматического фактора (например, изменения обстановки речевого акта или его адресата), в известной степени она связана с общим смыслом сообщения: гетерономинативность может быть следствием предицирующих возможностей номинаций, пользуясь которыми, говорящий одновременно идентифицирует предмет речи для собеседника и сообщает о нем дополнительные сведения или дает ему оценку. Именно в гетерономинативности кроются истоки эффективного позиционирования с той или иной целью.

В итоге номинация как инструмент позиционирования активно используется в средствах массовой информации для формирования общественного мнения, и шире – как инструмент создания медиареальности.

Заключение

Проведенный анализ трансформационных процессов, происходящих в современной журналистике, позволяет утверждать следующее.

1. Основными тенденциями, влияющими на развитие журналистики в современном обществе, являются:

− проникновение рекламных и PR-технологий;

− взаимосвязь СМИ и государства;

− диджитализация информационного пространства.

2. Все большее влияние на трансформацию журналистики оказывают так называемые новые медиа. Журналистика и новые медиа оказываются связанными отношениями взаимовлияния.

3. Современная журналистика имеет тенденцию к неограниченному расширению своих функциональных возможностей.

4. Одной из новых функцией как журналистики в целом, так и медиатекста – в частности – можно считать воздействующую функцию.

5. В современных условиях трансформации современной журналистики медиатекст выполняет также позиционирующую функцию относительно отражаемых объектов действительности, эту функцию можно считать подчиненной воздействующей функции.

6. Позиционирующая функция медиатекста заключается в формировании позиции массовой аудитории по отношению к определенным объектам действительности, формированию представления об этих объектах.

7. Позиционирование в тексте СМИ правомочно рассматривать как фиксацию определенного понятного аудитории образа, имиджа отображаемого объекта или явления действительности, продуцируемую и репродуцируемую средствами массовой информации и другими медиа с целью занять обособленное положение в сознании целевой аудитории. Позиционирование представлений осуществляется, в том числе, за счет номинативных средств языка.

8. Специфика наименования заключается в том, что оно в большинстве случаев имеет только одно смысловое наполнение, в то время как один и тот же объект или явление действительности обладает возможностью номинироваться различным способом. Именно эта особенность определяет вариативность номинации, а также её возможности как инструмента позиционирования в тексте СМИ. Истоки эффективного позиционирования с той или иной целью кроются в так называемой гетерономинативности.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация (Общие вопросы). Москва : Наука, 1977. С. 303–357.

2. Вартанова Е. Л. Медиаэкономика: ключевые понятия // Вестник Московского государственного университета. Сер. Журналистика. 2002. № 1. С. 17–34.

3. Гурьева 3. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: лингвопрагматический аспект. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2003. 91 с.

4. Золотухин А. А. О рисках журналистики начала XXI века // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2015. № 1. С. 100–104.

5. Касьянов В. В. Социология массовой коммуникации. Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. 427 с.

6. Коноплев Д. Э. Современные медиасистемы: кризис традиционных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 158–162.

7. Короченский А. П. Редукция когнитивной функции журналистики под влиянием коммерческих коммуникационных медиастратегий // Медийные

стратегии современного мира: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. 2008. С. 34–37.

8. Левада-центр: «Российский медиа-ландшафт 2019». URL: https://www.levada.ru/2019/08/01/21088/ (дата обращения: 01.04.2020).

9. Меллер К. Сегодняшние новости социальны // Путеводитель по социальным медиа–2013. 2013. С. 13–18.

10. Мартемьянова (Борисова) С. С. Интерпретация медиатекста как инструмент имплицитного убеждения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 3. С. 73–77.

11. Мороз О. В. Современные медиа как свидетель: российский опыт (само)описания сообщества // Шаги. 2016. № 2 (1). С. 138–153.

12. Назаренко А. Н. Понятие «медиа» в междисциплинарных исследованиях коммуникаций // Вестник СПбГУК. 2018. № 3 (36). С. 68–73.

13. Негрышев А. А. К макроструктурной типологии текстов новостных жанров // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. № 1. С. 228–244.

14. Носовец С. Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 39–47.

15. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. Москва : Центр, 2003. 381 с.

16. Самойленко Н. С., Кушнир К. И. Традиционные СМИ и новые медиа: развлекательный контент против оппозиционного // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1(36). С. 160–164.

17. Штейман М. С., Синютина Е. В. СМИ как фактор построения гражданского общества в России // Инновационная наука. 2020. № 2. С. 81–83.

18. Щекотин Е. В. и др. Субъективная оценка (не) благополучия населения регионов РФ на основе данных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 78–116.

19. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. Москва : Флинта, 2006. 128 с.

20. Alexandrova A. A Philosophy for the Science of Well-Being. Oxford : Oxford University Press, 2017. 248 p.

21. Bradshaw S., Howard N. Global inventory of organized social media manipulation 2019. URL: https://comprop.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/93/2019/09/CyberTroop-Report19.pdf (дата обращения: 24.04.2020).

22. Bruns A., Nuernbergk C. Political journalists and their social media audiences: New power relations // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 198–212.

23. Berelson B., Janowitz M. Reader in public opinion and communication. Glencoe, IL : The Free Press, 1950. 352 p.

24. Broersma M. Situating journalism in the digital: A plea for studying news flows, users, and materiality. In S. Eldridge & B. Franklin (Eds.) // The Routledge handbook of developments in digital journalism studies. 2019. P. 515–526.

25. Clark J. L., Algoe S. B., Green M. C. Social Network Sites and Well-Being: The Role of Social Connection // Current Directions in Psychological Science. 2018. Vol. 27. № 1. P. 32–37.

26. Dagoula C. Mapping political discussions on Twitter: Where the elites remain elites // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 225–234.

27. Djerf-Pierre M., Lindgren M., & Budinski M. A. The role of journalism on YouTube: audience engagement with ‘superbug’ reporting // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 235–247.

28. Ekström M., & Westlund O. The dislocation of news journalism: A conceptual framework for the study of epistemologies of digital journalism // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 259–270.

29. Eldridge S., García-Carretero L., & Broersma M. Disintermediation in social networks: Conceptualizing political actors’ construction of publics on Twitter // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 271–285.

30. Fincham K. Exploring political journalism homophily on Twitter: A comparative analysis of US and UK elections in 2016 and 2017 // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 213–224.

31. Jukes S. Crossing the line between news and the business of news: Exploring journalists’ use of Twitter. // Media and Communication. 2019.7(1). P. 248–258.

32. Manovich L. Visual Semiotics, Media Theory, and Cultural Analytics. URL: http://manovich.net/content/04-projects/103-visual-semiotics/manovich_visual_semiotics.pdf (дата обращения: 30.04.2020).

33. Pavlik J.V. New Media Journalism // 21st Century Communication. A Reference Handbook. Volume 1 – 2. 2009. P. 643–651.

34. Posetti J. Time to step away from the ‘bright, shiny things’? Towards a sustainable model of journalism innovation in an era of perpetual change 2018. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018–11/Posetti_Towards_a_Sustainable_model_of_Journalism_FINAL.pdf (дата обращения: 06.04.2020).

35. Ridgway A. Science journalism by a journalist for journalists. URL: https://jcom.sissa.it/archive/17/01/JCOM_1701_2018_R01 (дата обращения: 09.04.2020).

36. Swart J., Peters C., & Broersma M. Shedding light on the dark social: The connective role of news and journalism in social media communities // New Media & Society. 2018. 20(11). P. 4329–4345.

Reference List

1. Arutjunova N. D. Nominacija i tekst = Nomination and text // Jazykovaja nominacija (Obshhie voprosy). Moskva : Nauka, 1977. S. 303–357.

2. Vartanova E. L. Mediajekonomika: kljuchevye ponjatija = Mediaeconomics: key terms // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Zhurnalistika. 2002. № 1. S. 17–34.

3. Gur'eva 3. I. Rechevaja kommunikacija v sfere biznesa: lingvopragmaticheskij aspekt = Speech communication in the sphere of business : lingvopragmatic aspect. Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2003. 91 s.

4. Zolotuhin A. A. O riskah zhurnalistiki nachala XXI veka = About the risks in journalism of the beginning of the XXI century // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser. Filologija. Zhurnalistika. 2015. № 1. S. 100–104.

5. Kas'janov V. V. Sociologija massovoj kommunikacii = The sociology of mass communication. Rostov-na-Donu : Feniks, 2009. 427 s.

6. Konoplev D. Je. Sovremennye mediasistemy: krizis tradicionnyh SMI = Modern mediasystems: the crisis of traditional MM. // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2020. № 1 (35). S. 158–162.

7. Korochenskij A. P. Redukcija kognitivnoj funkcii zhurnalistiki pod vlijaniem kommercheskih kommunikacionnyh mediastrategij = The reduction of the cognitive function of journalism under the influence of commercial communication mediastrategies // Medijnye strategii sovremennogo mira: materialy Vtoroj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2008. S. 34–37.

8. Levada-centr: «Rossijskij media-landshaft 2019» = Levada-center «Russian media landscape 2019». URL: https://www.levada.ru/2019/08/01/21088/ (data obrashhenija: 01.04.2020).

9. Meller K. Segodnjashnie novosti social'ny = Today's news are social // Putevoditel' po social'nym media–2013. 2013. S. 13–18.

10. Martem'janova (Borisova) S. S. Interpretacija mediateksta kak instrument implicitnogo ubezhdenija = The interpretation of a media text as a tool of implicit persuasion // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. 2013. № 3. S. 73–77.

11. Moroz O. V. Sovremennye media kak svidetel': rossijskij opyt (samo)opisanija soobshhestva = Modern media as a witness : Russian experience (self)description of the community // Shagi. 2016. № 2 (1). S. 138–153.

12. Nazarenko A. N. Ponjatie «media» v mezhdisciplinarnyh issledovanijah kommunikacij = The notion of media in interdiciplinary researches of communications // Vestnik SPbGUK. 2018. № 3 (36). S. 68–73.

13. Negryshev A. A. K makrostrukturnoj tipologii tekstov novostnyh zhanrov = To the macrostructural typology of the texts of news genres // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika. 2011. № 1. S. 228–244.

14. Nosovec S. G. Novye media: k opredeleniju ponjatija = New media : to the definition of the notion // Kommunikativnye issledovanija. 2016. № 4 (10). S. 39–47.

15. Pochepcov G. G. Informacionno-politicheskie tehnologii = Informational-political technologies. Moskva : Centr, 2003. 381 s.

16. Samojlenko N. S., Kushnir K. I. Tradicionnye SMI i novye media: razvlekatel'nyj kontent protiv oppozicionnogo = Traditional mass media and new media:entertaining content versus oppositional // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2020. № 1(36). S. 160–164.

17. Shtejman M. S., Sinjutina E. V. SMI kak faktor postroenija grazhdanskogo obshhestva v Rossii = Mass media as a factor of creating a civil society in Russia // Innovacionnaja nauka. 2020. № 2. S. 81–83.

18. Shhekotin E. V. i dr. Sub#ektivnaja ocenka (ne) blagopoluchija naselenija regionov RF na osnove dannyh social'nyh setej = Subjective assessment of (not) well-being of population in different regions of RF based on social net data // Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2020. № 1. S. 78–116.

19. Chernjavskaja V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstvija = The discourse of power and the power of discourse:speech exposure : ucheb. posobie. Moskva : Flinta, 2006. 128 s.

20. Alexandrova A. A Philosophy for the Science of Well-Being. Oxford : Oxford University Press, 2017. 248 r.

21. Bradshaw S., Howard N. Global inventory of organized social media manipulation 2019. URL: https://comprop.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/93/2019/09/CyberTroop-Report19.pdf (data obrashhenija: 24.04.2020).

22. Bruns A., Nuernbergk C. Political journalists and their social media audiences: New power relations // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 198–212.

23. Berelson B., Janowitz M. Reader in public opinion and communication. Glencoe, IL : The Free Press, 1950. 352 r.

24. Broersma M. Situating journalism in the digital: A plea for studying news flows, users, and materiality. In S. Eldridge & B. Franklin (Eds.) // The Routledge handbook of developments in digital journalism studies. 2019. P. 515–526.

25. Slark J. L., Algoe S. B., Green M. C. Social Network Sites and Well-Being: The Role of Social Connection // Current Directions in Psychological Science. 2018. Vol. 27. № 1. P. 32–37.

26. Dagoula C. Mapping political discussions on Twitter: Where the elites remain elites // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 225–234.

27. Djerf-Pierre M., Lindgren M., & Budinski M. A. The role of journalism on YouTube: audience engagement with ‘superbug’ reporting // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 235–247.

28. Ekström M., & Westlund O. The dislocation of news journalism: A conceptual framework for the study of

epistemologies of digital journalism // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 259–270.

29. Eldridge S., García-Carretero L., & Broersma M. Disintermediation in social networks: Conceptualizing political actors' construction of publics on Twitter // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 271–285.

30. Fincham K. Exploring political journalism homophily on Twitter: A comparative analysis of US and UK elections in 2016 and 2017 // Media and Communication. 2019. 7(1). P. 213–224.

31. Jukes S. Crossing the line between news and the business of news: Exploring journalists' use of Twitter. // Media and Communication. 2019.7(1). P. 248–258.

32. Manovich L. Visual Semiotics, Media Theory, and Cultural Analytics. URL: http://manovich.net/content/04-projects/103-visual-semiotics/manovich_visual_semiotics.pdf (data obrashhenija: 30.04.2020).

33. Pavlik J.V. New Media Journalism // 21st Century Communication. A Reference Handbook. Volume 1 – 2. 2009. P. 643–651.

34. Posetti J. Time to step away from the 'bright, shiny things'? Towards a sustainable model of journalism innovation in an era of perpetual change 2018. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018–11/Posetti_Towards_a_Sustainable_model_of_Journalism_FINAL.pdf (data obrashhenija: 06.04.2020).

35. Ridgway A. Science journalism by a journalist for journalists. URL: https://jcom.sissa.it/archive/17/01/JCOM_1701_2018_R01 (data obrashhenija: 09.04.2020).

36. Swart J., Peters C., & Broersma M. Shedding light on the dark social: The connective role of news and journalism in social media communities // New Media & Society. 2018. 20(11). P. 4329–4345.

УДК 659.441.38

А. В. Кузьмин **https://orcid.org/0000–0001–7139–3823**

Е. В. Хамарханова **https://orcid.org/0000–0002–9448–6106**

Оценка эффективности пресс-службы промышленного предприятия: вопросы методологии

Для цитирования: Кузьмин А. В., Хамарханова Е. В. Оценка эффективности пресс-службы промышленного предприятия: вопросы методологии // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 100-108. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-100-108

Статья посвящена методологическим проблемам оценки эффективности пресс-службы промышленного предприятия. Первая проблема – терминологическая. По мнению авторов, термин пресс-служба используется в двух разных значениях. В одном – как самостоятельное функциональное подразделение, выполняющее функцию взаимодействия со средствами массовой коммуникации. В другом – как функция субъекта PR по взаимодействию со СМИ. Первое значение термина авторы называют «субъектным» подходом, второе – функциональным. Терминологическая путаница порождает проблему объекта оценки эффективности. На практике пресс-служба как самостоятельное функциональное подразделение компании (субъектный подход) выполняет не только функцию медиарилейшз, но и другие PR-функции. Таким образом, объектом оценки эффективности пресс-службы должны стать не только медиарилейшнз, но и все другие виды PR-деятельности. Авторы статьи придерживаются функционального подхода, понимают пресс-службу как взаимодействие субъекта PR со средствами массовой информации с целью информирования общественности о своей деятельности. Следующая проблема заключается в отсутствии методики оценки эффективности медиарилейшнз. Существующие методики оценки PR-деятельности и PR-кампаний неприменимы для оценки медиарилейшнз. Распространенная практика отчета о выполненных работах, измеряемых количеством пресс-релизов, инициированных публикаций в СМИ, проведенных мероприятий и т. д., также не дает представления об эффективности пресс-службы. Авторы предлагают методику оценки эффективности медиарилейшнз промышленного предприятия, основанную на восьми показателях эффективности, как-то: организационная структура пресс-службы, эффективность медиапланирования, насыщенность информационного поля и равномерность информационного потока, качество информационных поводов и информационных материалов, качество позиционирования в СМИ, качество медиаимиджа, организация ответа на запрос СМИ, информационная открытость.

Ключевые слова: пресс-служба, медиарилейшнз, оценка эффективности, промышленное предприятие, методика.

A. V. Kuzmin, E. V. Hamarhanova

Effectiveness assessment of industrial enterprise press-service: methodological problems

The article is devoted to methodological problems of effectiveness assessment of industrial enterprise press-service. The first question is the question of terminology. According to the authors' opinion, the term press-service is used in two different meanings. The former is as an independent functional organisation, having the function of interaction with Mass Media. The latter is the function of PR subject of interaction with Mass Media. The first meaning the authors call «subject» approach, the second – functional, Terminological confusion causes the problem of effectiveness assessment object. On practice press-service as an independent functional organisation of the company (subject approach) has not only the function of media relations but other PR functions, Thus, effectiveness assessment object of press-service must be not only media relations but all the other types of PR activity. The authors of the article support functional approach, view press-service as interaction of PR subject with Mass Media having a function to inform the society about its work. The next problem is the absence media relations effectiveness assessment methodology.

Existing methodology of PR activity and PR companies can't be used for media relations assessment. Familiar practice of report of fulfilled tasks which is measured by the quantity of press releases, initiated publications of Mass Media, events and so on, also do not shoe the press-service effectiveness. The authors put forward the effectiveness assessment of industrial enterprise media relations methodology based on eight effetiveness indices: organisational structure of press-service, media planning effectiveness, informational field saturation and uniformity information flow,

© Кузьмин А. В., Хамарханова Е. В., 2020

the quality of information reason and information materials, the quality of positioning in Mass Media, the quality of media image, the organisation of respond to Mass Media inqury, information openness.

Key words: press-service, media relations, effectiveness assessment, industrial enterprise, methodology.

Прежде чем приступить к описанию авторского подхода к оценке эффективности пресс-службы промышленного предприятия, необходимо решить ряд методологических вопросов. Несмотря на кажущуюся простоту и очевидность, понятие пресс-служба в научном плане представляет определенную методологическую сложность. В работах отечественных авторов [Воронцова, 2009; Ворошилов, 2017; Гнетнев, Филь, 2009; Ильченко, Кривоносов, 2005; Кочеткова, Тарасов, 2009; Пелленен, 2014; Ротанова, 2008] пресс-служба понимается как автономное подразделение субъекта PR, обеспечивающее реализацию его информационной политики со средствами массовой информации [Ильченко, Кривоносов, 2005, с. 31]. Анализ определений показал, что пресс-служба понимается, во-первых, как самостоятельное подразделение в структуре организации, во-вторых, она является функциональным подразделением, которое выполняет сугубо исполнительскую функцию – *реализацию* информационной политики компании, в-третьих, функционал этого подразделения сводится исключительно к взаимодействию со средствами массовой информации, т.е. к медиарилейшнз. Такой подход, где пресс-службе приписывается роль субъекта PR – самостоятельного подразделения в структуре организации, можно назвать «субъектным».

Однако на практике многие промышленные предприятия имеют в своем составе функциональные подразделения, которые называются пресс-службами, или должности пресс-секретарей, но их функционал, кроме взаимодействия со СМИ, включает и другие PR-функции – взаимодействие с государственными органами и органами местного самоуправления, контролирующими органами; внутриорганизационные коммуникации; спонсорство, благотворительность; изготовление и продажа фирменной сувенирной продукции; SMM и др. Обратный вариант: на предприятии нет самостоятельного подразделения, наименованного пресс-службой, взаимодействие со СМИ как одна из функций входит в функционал PR-подразделения. Или еще одна ситуация: на предприятии нет самостоятельного подразделения и даже пресс-секретаря, но есть уполномоченное лицо, осуществляющее коммуникации со СМИ. Во всех этих случаях под пресс-службой понимается не субъект, а функция субъекта PR. Подобную практику использования понятия пресс-служба можно назвать функциональным подходом.

Такой лингвистический синкретизм (греч. sygkretismos = соединение, объединение) может порождать методологический хаос в вопросе оценки эффективности пресс-службы. Например, если пресс-служба как самостоятельное подразделение в структуре организации выполняет не только функцию медиарилейшнз, то что будет являться объектом оценки эффективности пресс-службы? В рамках субъектного подхода оценка должна включать все осуществляемые ею функции, а не только медиарилейшнз.

В данной работе мы понимаем пресс-службу как функцию субъекта PR по взаимодействию со средствами массовой информации, т.е. медиарилейшнз. Она может быть выделена и закреплена за специализированным подразделением – пресс-службой, или штатной должностью – пресс-секретаря, так и не выделена – входить в функционал PR-департамента или какого-то должностного лица.

Пресс-служба промышленного предприятия имеет свои особенности, которые обусловлены спецификой деятельности коммерческих компаний, в целом, и спецификой деятельности B2B-компаний, в частности. Теоретические аспекты деятельности пресс-службы промышленного предприятия представлены в работах Л. Н. Федотовой [Федотова, 2003], Л. В. Пелленен [Пелленен 2006, 2012], Е. М. Якуниной [Якунина, 2018], М. В. Введенской [Введенская, 2016], А. В. Кузьмина [Кузьмин, 2017]. Приоритетной целевой аудиторий коммерческих компаний являются потребители. Но в отличие от компаний, работающих на массовых, потребительских рынках, промышленные компании работают не с конечными потребителями (физическими лицами), а с другими предприятиями или торговыми организациями. Поэтому массовые СМИ не рассматривается этими предприятиями в качестве

приоритетных средств коммуникации с потребителями. Однако они остаются важнейшим каналом коммуникации и инструментом воздействия на ключевые аудитории – органы государственной власти, местного самоуправления, местное сообщество, потенциальных работников. Задача пресс-службы промышленного предприятия – создание и поддержание имиджа социально ответственного бизнеса для региональных и муниципальных органов власти и местной общественности, имиджа привлекательного работодателя для сотрудников компании и потенциальных работников.

Оценка эффективности деятельности является ключевым принципом современного управления. В теории и практике PR оценка деятельности – одно из самых проблемных мест. На сегодняшний день выделяют 5 моделей оценки эффективности PR-деятельности. Это модель PII, разработанная Скоттом Катлипом в 1985 г., пирамидальная модель, разработанная Джимом Макнамара в 1992 г., модель эффективной базы расчета, разработанная Волтером Линденманном в 1993 г., непрерывная модель оценки, разработанная Томом Ватсоном в 1997 г., унифицированная модель оценки, разработанная Полом Ноблем и Томом Ватсоном в 1999 г. [Noble, Watson, 1999]. Интересная модель представлена российским специалистом Г. Тульчинским [Тульчинский, 2001]. Он выделяет три вида эффективности: экономичность – как отношение затрат к полученным результатам (Э=Р/З), выражающее экономичность использования средств и ресурсов; результативность – как отношение результата к преследовавшимся целям (Э=Р/Ц), выражающее степень реализации целей деятельности; целесообразность – как отношение целей к реальным потребностям, проблемам (Э=Ц/П), выражающее степень рациональности выдвигаемых целей.

К сожалению, эти модели применимы для оценки PR-деятельности или PR-кампаний, но не для медиарилейшнз. А. Назайкин предлагает различать оценку медиарилейшнз от оценки всей PR-деятельности следующим образом: «… если последняя сфокусирована на оценке более общих параметров, таких как улучшение имиджа компании, повышение уровня знания о торговой марке и т.д., то в медиарилейшнз оцениваются такие конкретные показатели, как количество публикаций, охваченная аудитория, качество публикаций и т.д.» [Назайкин, 2010]. Он предлагает комплексный коэффициент (КК), который рассчитывается умножением количества контактов с целевой аудитории на качественную оценку контакта. Однако не выделяет конкретных показателей оценки эффективности.

Медиарилейшнз мы понимаем как систему управляемых коммуникаций со средствами массовой информации с целью информирования общественности о деятельности предприятия. Системность, т.е. целенаправленность, планомерность, регулярность, является важной характеристикой (требованием) медиарилейшнз. В основу нашего подхода к оценке медиарилейшнз промышленного предприятия легли восемь показателей эффективности – организационная структура пресс-службы, эффективность медиапланирования, насыщенность информационного поля и равномерность информационного потока, качество информационных поводов и информационных материалов, качество позиционирования в СМИ, качество медиаимиджа, организация ответа на запрос СМИ, информационная открытость.

1) Организационная структура пресс-службы. Очевидно, что эффективность пресс-службы зависит от формы организации пресс-службы, соответствия формы её целям и задачам, а также от статуса пресс-службы в управленческой структуре предприятия. Высокий уровень управленческой подчиненности пресс-службы позволяет более эффективно решать поставленные задачи.

А. Бекетов и Д. Игнатьев [Бекетов, Игнатьев, 2004] считают, что пресс-служба может занимать в организации следующее место:

А. Пресс-служба создается как один из системообразующих элементов, в полном объеме выполняющий все функции PR. И в этом смысле можно говорить о пресс-службе как о PR-департаменте.

Б. Пресс-служба формируется в основном для выполнения сформулированных руководством компании чисто прикладных задач, по взаимодействию со СМИ и, главным образом, является промежуточным звеном при передаче информации о деятельности компании.

В. Работу департамента по PR в целом и пресс-службы компании в частности выполняет профессиональная фирма, специализирующаяся на PR. Это происходит по необходимости во время каких-либо кампаний. В остальное время PR-работа фактически не ведется.

Таким образом, можно выделить следующие формы организации пресс-службы промышленного предприятия:

1. *Пресс-служба в составе PR-департамента.* Функция пресс-службы входит в функционал PR-департамента, который управляет всеми внешними и внутренними коммуникациями предприятия. Руководитель подразделения входит в руководящий состав предприятия, участвует в управлении предприятием.

2. *Штатная пресс-служба.* Отдельное функциональное подразделение в структуре предприятия выполняет сугубо обеспечивающие, прикладные задачи по взаимодействию со СМИ. Руководитель подразделения не участвует в управление предприятиям.

3. *Штатная должность пресс-секретаря.* Функции пресс-службы возложены на одного сотрудника. При этом он обеспечивает не только взаимодействие со СМИ, но другие функции и задачи, что не всегда положительно сказывается на оперативности и качестве работы.

4. *Пресс-секретарь по совместительству.* На предприятии нет штатного подразделения, должности пресс-секретаря. Функция по взаимодействию со СМИ входит в полномочия другого должностного лица.

5. *Внешняя пресс-служба, привлекаемая на аутсорсинг.* Данная форма организации рекламной и PR-деятельности предполагает привлечение независимого PR-агентства (как группы, так и отдельного лица) на длительный срок или для проведения определенных действий в сфере продвижения (PR-консультации, разработка и проведение PR-кампаний и пр.).

Оценить эффективность организации работы пресс-службы можно через показатели объема нормативных функций, отношение действительно реализуемых функций к нормативным. Последнее оценивается в результатах деятельности как подразделения в целом, так и каждого сотрудника в отдельности. Наличие организационно-распорядительных документов, устанавливающих перечень и распределение функций, также засчитывается как критерий оценки.

2) Эффективность медиапланирования. Практика такова, что СМИ относятся к коммерческим компаниям как к «дойной корове». При этом лидерам рынка работать со СМИ несколько проще, так как они являются ньюсмейкерами и информация о них интересует общественность. Системно, т.е. целенаправленно и регулярно присутствовать в информационном поле, основываясь исключительно на профессионализме и личных связях, пресс-службе коммерческой компании практически невозможно. Отношения со СМИ коммерческих компаний, стремящихся управлять своей общественной репутацией, носят в основном платный характер и фиксируются в договоре.

Однако любая эффективная пресс-служба коммерческой структуры, заключая платные договоры со СМИ на информационное обслуживание, получает «бонусы» (дополнительный объем работ, который делается бесплатно). Существует нигде не оформленный, но действующий принцип: 70 % услуг, которыми пользуется пресс-служба коммерческой организации, должны быть оплачены (как правило, за счет долгосрочных договоров со средствами массовой информации), 30 % – достаться или бонусом, или в силу личных связей. «Бонусы» имеют не только материальный характер – типа информационных материалов, но, что более важно, нематериальный – в виде лояльности СМИ.

Таким образом, об эффективности медиапланирования можно судить по релевантности СМИ, с которыми компания заключила договоры на информационное обслуживание, целям и целевым аудиториям компании. Одним из критериев релевантности является рейтинг СМИ. Рейтинг СМИ показывает, насколько эффективны выбранные СМИ и рентабельно заключение договоров с ними. Для определения рейтинга СМИ можно опираться на данные компании «Медиалогия», сервиса статистики интернет-ресурсов LiveInternet.

3) Насыщенность информационного поля и равномерность информационного потока. Теория информационного поля достаточно разработана в отечественной науке [Цветков, 2014]. В рамках данной статьи рассматривается особый вид информационного поля (пространственно-временной континуум), которой обеспечивает взаимодействие организации (в нашем случае промышленного предприятия) с а) целевыми группами общественности и б) средствами массовой информации. Содержанием данного информационного поля являются публикации о предприятии в средствах массовой информации. Насыщенность информационного поля – это его количественная характеристика, имеет пространственный (объем публикаций в разных видах СМИ – региональных, федеральных) и временной (объем публикаций, распределенный

во времени) аспекты. Насыщенность информационного поля, таким образом, измеряется в показателях его объема и динамики. Важно не только замерять количество сообщений в текущий период, но и сравнивать полученные результаты с показателями предыдущего периода. В этом случае мы можем применять данный параметр как показатель эффективности пресс-службы. Насыщенность отражает активность пресс-службы предприятия, но не равна ей, поскольку инициаторами (генераторами) информации могут выступать и другие субъекты, например, сами СМИ. Целесообразно выделить в общем объеме удельный вес информации, инициированной пресс-службой.

Насыщенность информационного поля достигается в результате поступающих информационных потоков. Одним из свойств потока является его равномерность (в других источниках – систематичность, стабильность, постоянство). Достижение равномерности информационного потока признается одним из показателей позитивного преобразования коммуникативного пространства компании [Индекс стабильности…, 2017].

Методика расчета показателя равномерности предполагает сравнение количества ежемесячных сообщений со средним арифметическим (или медианным) значением или показателями предыдущего и последующих месяцев. По мнению экспертов агентства «PR news», если отклонения от среднего значения (скачки) превышают 30 % и являются систематическими, т.е. характерными для нескольких или большинства месяцев в году, то информационный поток признается неравномерным, а информационное поле – неоднородным [Индекс стабильности…, 2017].

Для того, чтобы избежать поспешного, а потому ошибочного, переноса полученных результатов на выводы об эффективности пресс-службы, необходимо принять во внимание следующие обстоятельства. Полагаем, что 30 %-й порог возможен в анализе больших массивов информации, когда количество публикаций исчисляется десятками и сотнями сообщений. Такая активность присуща федеральным компаниям на рынках с высоким уровнем конкуренции. Региональные промышленные предприятия куда более скромны в своих медиапотребностях. Поэтому значение коэффициента колебаний не может быть универсальным, в некоторых случаях целесообразно вообще отказаться от количественной характеристики скачка.

Также взвешенно необходимо подойти к выбору основания для сравнения (среднемесячное количество публикаций и/или количество публикаций в предшествующий месяц). Кроме того, нужно учесть такие показатели, как равномерность информационного потока в динамике и направленность отклонения: скачки могут быть как с уменьшением, так и с увеличением значения. Для иллюстрации: множество значений {5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16}, где каждое число соответствует количеству публикаций в месяц, есть пример неравномерного информационного потока со значительными отклонениями от среднего значения (если применить индекс колебаний, равный 30 %). Но при этом значения отклонений равны между собой и отражают рост публикаций из месяца в месяц, что характерно для равномерной положительной динамики информационного потока. Таким образом, невозможно судить о равномерности информационного потока только по одному из его показателей и, тем более, переносить результаты таких замеров на характеристику эффективности пресс-службы.

Нельзя забывать, что неравномерность информационного поля может быть вызвана объективными причинами. Многие промышленные предприятия относятся к сезонным отраслям, в их производственном цикле периоды активности сменяются с периодами «простоя». Это в полной мере относится к предприятиям пищевой промышленности (сахарной, консервной, молочной и т.д.), рыбного, лесного, водного хозяйств, по добыче и переработке драгоценных материалов и т.д. Сезонность производства может, таким образом, обусловить сезонность генерации информационных сообщений. Начало производственного цикла, как и его завершение, сопровождаются увеличением количества публикаций в СМИ. В какой-то мере сезонность производства «облегчает» работу пресс-службы в планировании количества и тем информационных сообщений. Задача пресс-службы выбрать один из возможных контент-сценариев: заполнять «производственные паузы» информационными сообщениями или сконцентрировать их в соответствии с производственным календарем.

Исходя из вышесказанного, авторы статьи предлагают руководствоваться в оценке

равномерности информационного потока его качественными характеристиками: наличие/отсутствие выраженных (резких) скачков, их устойчивость, направленность и сезонность, динамику информационного потока, наличие/отсутствие контент-стратегии, обеспечивающей равномерность информационного поля и коммуникативное воздействие сообщений. Данные показатели можно распределить по уровням, где высокий уровень равномерности характеризуется отсутствием резких скачков, сезонностью и направленностью скачков на увеличение, равномерной положительной динамикой роста публикаций и соответствует высокому уровню эффективности пресс-службы.

4) Качество информационных поводов и информационных материалов. Взаимодействие со СМИ промышленного предприятия эффективнее через информационный повод, т.е. создание события, обладающего общественной значимостью. Специальные события, мероприятия используются в случаях, когда нет достаточно основательных новостных поводов, способных заинтересовать средства массовой информации и обеспечить поток позитивных журналистских материалов о коммерческой структуре и ее продуктах.

Оценка информационных поводов складывается из нескольких показателей. Во-первых, это количество информационных поводов за определенный период времени (год, месяц). Во-вторых, количество подготовленных пресс-службой сообщений по отдельно взятому информационному поводу. Вместе они образуют своеобразный «пакет», в котором содержатся сообщение-анонс, сообщение о самом событии и сообщение-итог. В-третьих, количество СМИ, которые растиражировали информационный повод.

Косвенным показателем качества инфоповодов может стать количество «бесплатных» публикаций в СМИ, которые освещают события, инициированные пресс-службой с помощью пресс-релизов, мероприятий для СМИ и т.д.

5) Качество позиционирования в СМИ. Позиционирование – это искусство формирования образа марки в воображении целевой аудитории таким образом, чтобы она как можно более выгодно отличалась от марок конкурентов, для чего используются как реальные, так и воображаемые ее характеристики [Амблер, 2001, с. 138]. На этапе разработки стратегии позиционирования определяются конкурентные преимущества промышленного предприятия, ключевые факторы его успеха, которые затем формулируются в миссии, философии (ценностях), стратегии развития предприятия и транслируются в целевые аудитории, в том числе посредством СМИ. Ключевым здесь выступает понятие миссии, под которой понимается «предназначение компании, сформулированное утверждение о смысле ее существования, которое может включать в себя описание самой вневременной цели, основных средств ее достижения и ценностей фирмы. Другими словами, миссия – это общественно-значимая причина, оправдывающая существование конкретной компании в этом мире» [Тесакова, 2003, с. 10].

Управление качеством позиционирования в СМИ – одна из задач пресс-службы. Показатель качества – информационное соответствие заявленного позиционирования и публикаций в СМИ, инициированных пресс-службой. Этот показатель обычно оценивается по доле в СМИ материалов о компании, тематика которых отражает ее миссию, ценности и цели. Заметим, что выполнение этой задачи не так просто, как кажется на первый взгляд. Анализируя опыт российских производственных предприятий, И. П. Яковлев отмечает, что миссии большинства из них сводятся лишь к решению технико-экономических задач, в их формулировках наблюдается «эклектический винегрет», а в некоторых случаях миссия как сформулированное предназначение предприятия отсутствует вообще [Яковлев, 2006]. Далеко не всегда, как ни парадоксально, в этом PR-недостатке виновны подразделения по связям с общественностью.

Исходя из сказанного, авторы предлагают качество позиционирования компании в СМИ оценивать по следующим критериям: наличию/отсутствию публичных стратегических документов, содержащих миссию, ценности и цели, доле публикаций, соответствующих заявленному позиционированию, и их структуре. Структура публикаций должна воспроизводить в информационном поле структуру позиционирования, которая отражает а) потребности клиента, продукт, способный эти потребности удовлетворить, его основные характеристики, б) сегмент рынка, на котором функционирует компания, в) ключевые компетенции, г) конкурентные преимущества и д)

ценности и стратегические цели компании [Яковлев, 2006].

6) Качество медиаимиджа. Формирование имиджа предполагает предварительную разработку модели идеального имиджа, ее трансляцию в СМИ, а также постоянные усилия по поддержанию, оптимизации, коррекции имиджа и т.п. в ответ на движения внешней среды. Внешняя среда может быть враждебной, что выражается в преобладании негативных, конфликтных, пессимистических сообщений в информационном поле организации. Такое состояние может возникнуть в результате объективных обстоятельств (чрезвычайные ситуации: аварии и т.п., нарушение закона, обязательств и др.), а также по воле других субъектов (конкурентов, регуляторов, потребителей, самих СМИ). Иногда обстоятельства таковы, что вынуждают компанию менять свои имиджевые характеристики. В любом из случаев пресс-служба должна реагировать на вызовы внешней среды: давать разъяснения, публиковать обращение руководителя предприятия, требовать опровержения, разрабатывать и проводить информационные контркампании, корректировать стратегию позиционирования и т. п.

Медиаимидж, таким образом, – это конструкция, анализ которой дает представление не только об идеальном и/или реальном имиджах предприятия, но и предпринимаемых пресс-службой усилиях, не допускающих значительного разрыва между ними. Качество медиаимиджа, эффективность управления им определяется через показатели динамики и удельного веса негативных сообщений в общем объеме информационного поля, а также удельного веса «ответных» материалов, инициированных пресс-службой, их характер (разъясняющий, предупреждающий) и тональность (конструктивно-критическая, конфликтная). Устойчивое (длительное) преобладание позитивных сообщений может указывать на высокий уровень эффективности пресс-службы.

7) Организация ответа на запрос СМИ. Ответ на запрос важен в оценке эффективности пресс-службы, так как является одним из основных способов ее взаимодействия со СМИ. Это один из случаев, когда инициатива в получении информации исходит от СМИ.

По закону о СМИ редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности организаций и их должностных лиц. Запрос информации возможен как в устной, так и в письменной форме. Запрашиваемую информацию обязаны предоставлять руководители организаций, их заместители, работники пресс-служб либо другие уполномоченные лица в пределах их компетенции [Закон Российской Федерации № 2124–1… , 1991].

Критериями оценки эффективности ответа на запрос СМИ организацией будут: наличие регламентирующего локального документа, соотношение запросов СМИ и подготовленных в установленный срок ответов. Регламент должен содержать матрицу спикеров – список сотрудников, уполномоченных давать комментарии по определенным темам, или готовить ответы на запросы СМИ, процедуру ответов, процедуру согласования. Документ должен соответствовать закону о СМИ, статье 39 «Запрос информации».

8) Информационная открытость. Законодательство Российской Федерации разделяет раскрытую и общедоступную информацию коммерческих организаций. Общих требований к общедоступной информации коммерческих организаций, как это предусмотрено для органов государственной власти и местного самоуправления, нет. Частные случаи регламентируют информационную открытость организаций, оказывающих услуги населению (образовательные организации, учреждения здравоохранения и др.). Раскрытие информации регулируется законом «Об акционерных обществах», а также законодательством в сфере ценных бумаг, если акционерное общество является эмитентом. Содержание, сроки, место размещения раскрытой информации устанавливаются федеральными законами и Положением Банка России. В сети Интернет должны размещаться: Устав, ежеквартальные и годовые отчеты, годовая бухгалтерская отчетность, внутренние документы, регулирующие деятельность органов акционерного общества и др. [Положение Банка России…, 2014]. Поскольку работа по раскрытию информации не имеет прямого отношения к медиарилейшнз, в рамках нашего исследования она не является объектом оценки. Но было бы неправильным не остановить на ней хотя бы некоторого внимания, так как она, как показывает практика, вменяется в обязанности PR-подразделения предприятия.

Общедоступная информация делится на новостную и информационно-справочную,

размещается на официальном сайте предприятия. Доступность информации – важный показатель эффективности пресс-службы, так как она отвечает за наполнение сайта компании. Критериями оценки данного показателя являются регулярность обновления новостной ленты, наличие информации об организации, контакты руководителей и пресс-службы.

Итак, данная методика измерения эффективности пресс-службы промышленного предприятия содержит качественную оценку организации и реализации медиарилейншз на предприятии. Распространенная практика отчета о выполненных работах, измеряемых количеством пресс-релизов, инициированных публикаций в СМИ, проведенных мероприятий и т. д., с нашей точки зрения, не дает представления об эффективности пресс-службы. В дальнейшем авторы планируют разработать шкалу оценки для каждого из восьми показателей эффективности.

Библиографический список

1. Амблер Т. Практический маркетинг / пер. с англ. И. Петровой, В. Васильевой; под общ. ред. Ю. Н. Капуревского. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 400 с.

2. Бекетов А., Игнатьев Д. Настольная энциклопедия Public Relations. Москва : Альпина Бизнес Букс, 2004. 496 с.

3. Введенская М. В. Организация работы отдела по связям с общественностью на промышленных предприятиях // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 4. URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/04/64673 (дата обращения: 10.04.2020).

4. Воронцова Н. Н. Современная пресс-служба : учебное пособие для студентов. Москва : Московский гос. ун-т путей сообщения, 2009. 290 с.

5. Ворошилов В. В. Современная пресс-служба : учебник. Москва : КНОРУС, 2017. 221 с.

6. Гнетнев А. И., Филь М. С. Современная пресс-служба : учебник. Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. 413 с.

7. Ильченко С. Н., Кривоносов А. Д. Современная пресс-служба : учебное пособие. Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, 2005. 105 с.

8. Индекс стабильности генерации медиаконтента. URL: http://ici.com.ru/ (дата обращения: 10.04.2020).

9. Кузьмин А. В. SMM промышленного предприятия как российский PR-тренд // Российская пиарология-5: тренды и драйверы: Сб. научных трудов в честь проф. К. В. Киуру; под ред. проф. А. Д. Кривоносова. Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2017. С. 55–59.

10. Кочеткова А. В., Тарасов А. С. Современная пресс-служба : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) «Связи с общественностью». Москва : Эксмо, 2009. 269 с.

11. Назайкин А. Н. Медиарилейшнз на 100 %. Москва : Альпина Бизнес Букс, 2010. 412 с. URL: http://www.nazaykin.ru/_MR_estimate.htm (дата обращения: 10.04.2020).

12. Пелленен Л. В. Современная пресс-служба : учебное пособие. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2014. 146 с.

13. Пелленен Л. В. PR-деятельность в сфере промышленности: опыт осмысления истории создания службы по связям с общественностью на Челябинском металлургическом комбинате // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 8. С. 21–30.

14. Пелленен Л. В. PR в сфере промышленности : учебное пособие. Челябинск : Цицеро, 2012. 245 с.

15. Положение Банка России № 454-П от 30.12.2014 «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175536/eeb5679e3c5ccae487c71b3bcf35b0463a558df9/ (дата обращения: 10.04.2020).

16. Ротанова М. Б. Современная пресс-служба: учебное пособие. Нижний Новгород : Изд-во НГЛУ им. Добролюбова, 2008. 112 с.

17. Российская Федерация. Законы. О средствах массовой информации : Закон Российской Федерации № 2124–1 от 27.12.1991 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511 / (дата обращения: 10.04.2020).

18. Тесакова Н. В. Миссия и корпоративный кодекс. Москва : РИП-холдинг, 2003. 187 с.

19. Тульчинский Г. Л. PR фирмы: технология и эффективность. Москва : Алетейя, 2001. 292 с.

20. Федотова Л. Н. Паблик рилейшнз и общественное мнение. Санкт-Петербург : Питер принт, 2003. 352 с.

21. Цветков В. Я. Естественное и искусственное информационное поле // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 5 (часть 2). С. 178–180.

22. Якунина Е. М. Организация и специфика работы PR-отдела на промышленном предприятии // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. № 3 (23). URL: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения: 10.04.2020).

23. Яковлев И. П. Стратегические коммуникации и миссия компаний // Новые идеи в теории и практике коммуникации. Сб. науч. трудов; отв. ред. Д. П. Гавра. Санкт-Петербург : Роза мира, 2006. С. 84–100.

24. Noble P., Watson T. Applying a unified Public Relations evaluation model in a European context : conference paper // Transnational Communication in Europe: Practice and Research. International Congress, Berlin 1999. URL: https://www.researchgate.net/publication/274635561_Title_APPLYING_A_UNIFIED_PUBLIC_RELATIONS_EVALUATION_MODEL_IN_A_EUROPEAN_CONTEXT (дата обращения: 10.04.2020).

Reference List

1. Ambler T. Prakticheskij marketing = Practical marketing / per. s angl. I. Petrovoj, V. Vasil'evoj; pod obshh. red. Ju. N. Kapurevskogo. Sankt-Peterburg : Piter, 2001. 400 s.

2. Beketov A., Ignat'ev D. Nastol'naja jenciklopedija Public Relations = Desk encyclopedia Public Relations. Moskva : Al'pina Biznes Buks, 2004. 496 s.

3. Vvedenskaja M. V. Organizacija raboty otdela po svjazjam s obshhestvennost'ju na promyshlennyh predprijatijah = The organization of work of PR department on the industrial enterprise // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. 2016. № 4. URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/04/64673 (data obrashhenija: 10.04.2020).

4. Voroncova N. N. Sovremennaja press-sluzhba = Modern press-service : uchebnoe posobie dlja studentov. Moskva : Moskovskij gos. un-t putej soobshhenija, 2009. 290 s.

5. Voroshilov V. V. Sovremennaja press-sluzhba = Modern press-service : uchebnik. Moskva : KNORUS, 2017. 221 s.

6. Gnetnev A. I., Fil' M. S. Sovremennaja press-sluzhba = Modern press-service : uchebnik. Rostov-na-Donu : Feniks, 2009. 413 s.

7. Il'chenko S. N., Krivonosov A. D. Sovremennaja press-sluzhba = Modern press-service : uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg : S.-Peterb. gos. un-t, 2005. 105 s.

8. Indeks stabil'nosti generacii mediakontenta = Media-content generalization stability index. URL: http://ici.com.ru/ (data obrashhenija: 10.04.2020).

9. Kuz'min A. V. SMM promyshlennogo predprijatija kak rossijskij PR-trend = SMM of an industrial enterprise as a Russian PR-trend // Rossijskaja piarologija-5: trendy i drajvery: Sb. nauchnyh trudov v chest' prof. K. V. Kiuru; pod red. prof. A. D. Krivonosova. Sankt-Peterburg : SPbGJeU, 2017. S. 55–59.

10. Kochetkova A. V., Tarasov A. S. Sovremennaja press-sluzhba : ucheb. dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po napravleni : podgotovki (special'nosti) «Svjazi s obshhestvennost'ju» = Modern press-service : a textbook for university students studying the course of «Public Relations». Moskva : Jeksmo, 2009. 269 s.

11. Nazajkin A. N. Mediarilejshnz na 100 % = Mediarelations on 100 %. Moskva : Al'pina Biznes Buks, 2010. 412 s. URL: http://www.nazaykin.ru/_MR_estimate.htm (data obrashhenija: 10.04.2020).

12. Pellenen L. V. Sovremennaja press-sluzhba = Modern press-service : uchebnoe posobie. Cheljabinsk : Izdatel'skij centr JuUrGU, 2014. 146 s.

13. Pellenen L. V. PR-dejatel'nost' v sfere promyshlennosti: opyt osmyslenija istorii sozdanija sluzhby po svjazjam s obshhestvennost'ju na Cheljabinskom metallurgicheskom kombinate = PR-activity in the sphere of industry: the experience of PR service in Cheljabinsk metallurgical plant origin comprehension // Vestnik JuUrGU. 2006. № 8. S. 21–30.

14. Pellenen L. V. PR v sfere promyshlennosti : PR in the sphere of industry uchebnoe posobie. Cheljabinsk : Cicero, 2012. 245 s.

15. Polozhenie Banka Rossii № 454-P ot 30.12.2014 «O raskrytii informacii jemitentami jemissionnyh cennyh bumag» = Bank of Russia act № 454-P from 30.12.2014 «About the revealing of information by issuers of securities». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175536/eeb5679e3c5ccae487c71b3bcf35b0463a558df9/ (data obrashhenija: 10.04.2020).

16. Rotanova M. B. Sovremennaja press-sluzhba = Modern press-service : uchebnoe posobie. Nizhnij Novgorod : Izd-vo NGLU im. Dobroljubova, 2008. 112 s.

17. Rossijskaja Federacija. Zakony. O sredstvah massovoj informacii : Zakon Rossijskoj Federacii № 2124–1 ot 27.12.1991 g. = Russian Federation. Laws. About Mass Media:the law of RF № 2124–1 from 27.12.1991. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511 / (data obrashhenija: 10.04.2020).

18. Tesakova N. V. Missija i korporativnyj kodeks = Mission and corporate code. Moskva : RIP-holding, 2003. 187 s.

19. Tul'chinskij G. L. PR firmy: tehnologija i jeffektivnost' = PR firms: technology and effectiveness. Moskva : Aletejja, 2001. 292 s.

20. Fedotova L. N. Pablik rilejshnz i obshhestvennoe mnenie = Public relations and society opinion Sankt-Peterburg : Piter print, 2003. 352 s.

21. Cvetkov V. Ja. Estestvennoe i iskusstvennoe informacionnoe pole = Natural and artificial informational field // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2014. № 5 (chast' 2). S. 178–180.

22. Jakunina E. M. Organizacija i specifika raboty PR-otdela na promyshlennom predprijatii = The organization and specifity of work of PR-department on the industrial enterprise // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo». 2018. T. 6. № 3 (23). URL: http://esj.pnzgu.ru (data obrashhenija: 10.04.2020).

23. Jakovlev I. P. Strategicheskie kommunikacii i missija kompanij = Strategic communications and the mission of the companies // Novye idei v teorii i praktike kommunikacii. Sb. nauch. trudov; otv. red. D. P. Gavra. Sankt-Peterburg : Roza mira, 2006. S. 84–100.

24. Noble P., Watson T. Applying a unified Public Relations evaluation model in a European context : conference paper // Transnational Communication in Europe: Practice and Research. International Congress, Berlin 1999. URL: https://www.researchgate.net/publication/274635561_Title_APPLYING_A_UNIFIED_PUBLIC_RELATIONS_EVALUATION_MODEL_IN_A_EUROPEAN_CONTEXT (data obrashhenija: 10.04.2020).

УДК008(1–6)

Т. Б. Колышкина **https://orcid.org/0000–0002–3859–767X**

И. В. Шустина **https://orcid.org/0000–0002–2131–9702**

Реализация коммуникативных стратегий на примере передачи Н. Самойловой «Бизнес наизнанку»

Для цитирования: Колышкина Т. Б., Шустина И. В. Реализация коммуникативных стратегий на примере передачи Н. Самойловой «Бизнес наизнанку» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 109-115. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-109-115

Современный радиодискурс является одной из разновидностей медийного дискурса. Он обладает специфическими коммуникативно-прагматическими особенностями, которые реализуются благодаря использованию различных коммуникативных стратегий. Целью авторов является выявление ведущих стратегий и реализующих их тактик на примере речевого поведения участников эфирного радиообщения. Материалом для исследования послужили тридцать интервью передачи «Бизнес наизнанку» со специалистами, представляющими различные направления современного российского бизнеса. На основе анализа материалов интервью выявлены основные стратегии, которые использует автор: стратегия адресации, стратегия презентации и стратегия побуждения. Наиболее часто в тексте представлена стратегия адресации и стратегия побуждения, поскольку они направлены на установление контакта с собеседником. Стратегия презентации проявляется ситуативно и соответствует определенным частям структуры интервью. Перечисленные стратегии реализуются через тактики, которые использует ведущий для решения конкретных прагматических задач. В ходе исследования установлено, что выбор стратегий и тактик обусловлен темой и проблематикой программы, ее жанром и участниками. Представленный авторами лингвистический анализ позволяет осознанно примерять те или иные языковые приемы для реализации конкретных тактик и стратегий.

Ключевые слова: медиадискурс, радиодискурс, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, языковые средства.

T. B. Kolishkina, I. V. Shustina

The implementation of communication strategies on the example of N. Samoilova's «Business inside out» broadcast

Modern radio discourse is one of the types of media discourse. It has specific communicative and pragmatic features that are implemented through the use of various communication strategies. The aim of the authors is to identify the leading strategies and tactics that implement them on the example of the speech behavior of participants in broadcast radio communication. The material for the study was thirty interviews of the «Business inside out» broadcast with experts who were representing various areas of modern Russian business. Based on the analysis of the interview materials, the authors identify the main strategies used by the host: the addressing strategy, the presentation strategy, and the motivation strategy. Most often, the text presents the addressing strategy and the motivation strategy, since they are aimed at establishing contact with the interviewer. The presentation strategy is situational and corresponds to certain parts of the interview structure. These strategies are implemented through tactics that the host uses to solve specific pragmatic problems. The study found that the choice of strategies and tactics is determined by the theme and problems of the broadcast, its genre and participants. The linguistic analysis presented by the authors makes it possible to consciously apply certain linguistic techniques to implement specific tactics and strategies.

Key words: media discourse, radio discourse, communication strategies, communication tactics, linguistic means.

В последние годы широкое распространение получило направление, связанное с коммуникативными стратегиями в разных сферах деятельности человека, в том числе и в медийном дискурсе [Brzozowska, 2014; Burger, 2005; Gowon Rahila, 2009; Бернштейн, 1997]. А. Н. Баранов определяет коммуникативные стратегии как сумму языковых действий коммуникантов,

© Колышкина Т. Б., Шустина И. В., 2020

которые влияют на образование и преобразование основополагающих когнитивных категорий участников общения [Баранов, 2003]. По мнению О. С. Иссерс, «стратегия охватывает всю сферу построения процесса коммуникации»… и «представляет… комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2003, с. 54]. Возможность реализовать стратегию различными путями находит отражение в использовании коммуникативных тактик. Они позволяют быстро реагировать на изменение ситуации и регулировать поведение адресата. Вначале отметим некоторые особенности радиодискурса, поскольку он определяет характер коммуникации и ее контекст [Шерель, 2000; Bardoel, 2001; Bell, 2001, Bücker, 2013]. Как отмечает Н. Г. Нестерова, «если раньше радийная коммуникация шла в одном направлении от адресанта к адресату и решала задачи информирования и развлечения, то теперь это взаимодействие с адресатом, вовлечение его в диалог» [Нестерова, 2011, с. 30–34]. Другая особенность касается речевого поведения участников [Арутюнова, 1981; Формановская, 2002; Jautz, 2014; Landert, Jucker, 2011; Войскуновский, 1990]: спонтанность речи активизирует речевые процессы, что находит отражение в употреблении разговорной и сниженной лексики, языковой игре на различных уровнях, свободном построении предложений. К перечисленным характеристикам можно добавить еще одну особенность – условия протекания коммуникации. Это опосредованное дистантное общение [Дементьев, 2006], ориентированное на аудиальный способ передачи информации для массовой аудитории [Нестерова, 2013; Nesterova, Fashchanova, 2015].

Рассмотрим основные стратегии и реализующие их тактики на примере радиопередачи Н. Самойловой (далее Н. С.) «Бизнес наизнанку» («Эхо Москвы»). Нами были проанализированы 30 интервью с представителями различных сфер бизнеса. В результате исследования было установлено, что автор использует три основные стратегии. Ведущей является **стратегия адресации**. Она представлена «тактикой презентации адресата», «тактикой пристройки к адресату», «тактикой этикетного общения». Вторая стратегия – **стратегия презентации** – реализуется в результате применения «тактики самопрезентации» и «тактики анонсирования эфирного события». Третья выявленная нами стратегия – это **стратегия побуждения**. В ней выделены «тактика побуждения к слушанию», «тактика побуждения к обратной связи», «тактика информирования», «тактика побуждения к приятию чужой точки зрения». Рассмотрим, как реализуются данные тактики, на примере 4 интервью.

Стратегия адресации направлена на адресата, который в радиодискурсе представлен гостем студии и целевой аудиторией, слушающей передачу. «Тактика презентации адресата-гостя» встречается в начале программы: *1) Поможет мне в этом* ***ментор, стратегический коуч Сергей Несмеянов****; 2) Поможет мне в раскрытии этой темы мой гость –* ***Сергей Ретевых, бизнес-консультант по маркетингу и продажам****; 3) Моя гостья сегодня –* ***Екатерина Дворникова, эксперт по бизнес уникальности, основатель консалтинговой компании «Дворникова и партнеры»*** и др. Поскольку программа является аналитической, ведущий называет не только имя, фамилию, но и вид деятельности или должность, которую занимает приглашенный в студию. Подобное представление должно сформировать доверие, подчеркнуть, что гость является не просто специалистом, а экспертом в определенной области.

«Тактика этикетного общения» обеспечивает особую атмосферу, реализуется через языковые единицы приветствия, прощания, обращения, выражения благодарности: ***Здравствуйте; Сергей, добрый день, благодарю****, что приняли мое приглашение;* ***Екатерина, приветствую!; Спасибо*** *тебе за готовность поговорить на эту тему*. Выбор форм приветствия зависит от того, на каком этапе интервью они звучат. Если они употребляются вначале, то это традиционное «Здравствуете», если приветствие звучит после перерыва на новости или рекламу, форма меняется на «Добрый день». Завершают беседу этикетные формулы благодарности, которые адресованы сначала слушателям, затем гостю студии (Н. С.: – ***Спасибо большое****! Напоминаю, что сегодня моим гостем был Антон Берсерк, <…> Антон,* ***спасибо большое!***), а также прощание и обещание встретиться через неделю (*С вами была Наталья Самойлова.* ***Уже на следующей неделе*** *мы рассмотрим очередную изнанку бизнеса. Не пропустите.* ***До свидания!***)

«Тактика пристройки к адресату-гостю» позволяет продемонстрировать, что ведущий является для гостя «своим», это способствует установлению контакта и вызывает доверие у

слушателей. Здесь особого внимания заслуживает стиль общения с гостем (на «ты» или на «вы»), анализ которого позволяет понять характер взаимоотношений: свободное общение (*Екатерина, **приветствую**! Будем общаться на «ты», поскольку давно знакомы.*) или официальное общение (*Гулия, **здравствуйте**! Спасибо, что согласились поговорить на эту тему*). Осуществить пристройку к гостю позволяет общность языка с собеседником. В рассмотренных интервью с этой целью используется профессиональная лексика: *федеральные **дистрибьюторы в базе; нецелевой трафик**; растущий **рынок онлайн-образования**; повышая **маржинальность*** и др. Если беседа принимает дружеский характер, то возможно употребление разговорной интонации, лексики и синтаксиса: *Н. С.: – Что порекомендовать делать в этой ситуации вышестоящему руководителю? **Вот прям алгоритм**. // Е. Дворникова: – **Прям** порекомендовать садиться с ними и разъяснять позицию каждого*. В приведенном примере наблюдаем прямое отзеркаливание речевого поведения ведущего гостем за счет повтора слова *прям.*

Пристройка к адресату часто достигается благодаря контролю над пониманием сказанного, осуществить который позволяют приемы активного слушания: *Итак, **я вас спросила** в блице, вы согласны с моим утверждением, что **почти все ошибки собственников бизнеса идентичны**? И вы ответили «**да**»?* В тексте это представлено приемом повторения вопроса журналиста и ответа адресата. Кроме этого, пристройка реализуется благодаря выявлению позиции собеседника с помощью вводных конструкций, указывающих на источник информации, и употребления местоимения «мы» в значении совместного действия: Н. С. – *А скажите, Сергей, **с вашей точки зрения**, есть какие-то параметры, например, которые **мы** можем перечислить<…>, по которым владелец бизнеса может понять, что … он теряет свою выручку и собственно прибыль*. С. Несмеянов – *Продавец, как правило, знает. … 1С умеет решать эту проблему*. Н. С.: – *1С-то умеет*.

Это могут быть приемы перефразирования, уточнения понимания (***Правильно ли я вас слышу**, что в продажах вполне может быть такая же система, как продакт-менеджмент в маркетинге?*) открытые и закрытые вопросы (***А как вы относитесь**…, например, когда за каждым менеджером закрепляется какая-то территория?. **С вашей точки зрения**, **существует ли** какой-то вот из этих вариантов наиболее эффективный?; Это ошибка, я так понимаю, потому, что **топчешься на месте***). Применение тактики «пристройка к адресату» располагает собеседника к открытому диалогу, что особенно ценно в аналитических программах: А. Берсерк: – *Опять же вот, например, **знаете**… Мы **можем максимально откровенно, да**?* // Н. С.: – ***Конечно**. Пока нас никто не слышит, да*; Н. С.: – *Я вас спросила, есть ли набор ошибок, характерных для большинства менеджеров по продажам. Какие основные?* // А. Берсерк: – *Додумывание – это раз. // Н. С.: – Что имеется в виду? За клиента додумывание?;*

«Тактика пристройки к адресату-гостю» осуществляется также и за счет прогнозирования его действий (*Я, просто, чувствую, что **ты мне ответишь так, как я хочу***), подчеркивания общности с ним (*…когда заставляют соревноваться два подразделения, которые занимаются одним и тем же действием… **мы с тобой это не одобряем***), сближения позиций, когда автор ставит себя на место собеседника и рассуждает от его имени (*Но если мы действуем в большей степени на автомате, то **я, как собственник, в какой момент должна понять, что я совершаю ошибку**?)* и продолжения мыслей собеседника (*С. Несмеянов: – Знаете, есть такое выражение интересное? **Не в деньгах счастье.** Оно произошло… // Н. С.: – **А в их количестве**. //С. Несмеянов: – **Это да. А я бы сказал по-другому**. Когда люди говорят, что счастье за деньги не купишь, они просто не знают, где его покупать, понимаете?*), то есть подхват.

«Тактика пристройки к адресату-слушателю» реализуется через использование языковых формул совместности: мест. 1 л. мн.ч. «мы»+глагол (***мы говорим** сегодня об изнанке ошибок собственников и топ-менеджеров в бизнесе; **мы** в прошлой программе **говорили; мы начали выяснять,** почему [в среднем клиент недополучает порядка 40 % возможных товаров])*, опосредованное обращение к радиослушателям за счет описания адресата (*кто присоединился к нам сейчас*), просьба к гостю сделать пояснение, адаптировать материал для радиослушателей (*И. Самолов:– мы съездили на экскурсию в Силиконовую долину, а там везде Agile. … // Н. С.: – **Вот аббревиатуру для слушателей объясните, пожалуйста** // И. Самолов:– Agile – это некая концепция гибкого*

проектного управления…; Я бы еще ***отметила для наших радиослушателей***).

Стратегия презентации – официальное представление кого- или чего-либо – включает разные тактики. «Тактика анонсирования эфирного события» является обязательной для каждого интервью, анонс оповещает о том, что ждет радиослушателей во время передачи, определяет круг проблем, позволяет привлечь внимание: 1) *Ошибки собственников и топ-менеджеров бизнеса* ***до смешного похожи друг на друга****, какой бы деятельностью ни занималась компания.* ***Удивительно****, что,* ***имея за плечами*** *даже значительный опыт ведения бизнеса, <…> собственники продолжают* ***наступать на*** *те же* ***грабли****, с которыми уже встречались их собратья по цеху.* ***Как избежать ошибок в бизнесе? На какие моменты необходимо обращать пристальное внимание, чтобы не затормозить или не потерять свое дело***; 2) *Система управления клиентской базой в бизнесе – это, пожалуй,* ***ключевая точка*** *монетизации. Однако в последнее время может казаться, что известное правило Парето, что 20 % клиентов дают 80 % выручки,* ***дает сбой. В чем причина? Действительно ли менеджеры по продажам крайне невнимательно работают со своей активной клиентской базой?*** В приведенных примерах тактика анонсирования дополняется тактикой языковой игры (представлена идиомами, оценочной лексикой) и пристройкой к адресату (риторические вопросы). На протяжении интервью «тактика анонсирования эфирного события» используется несколько раз, чтобы проинформировать вновь подключившихся и удержать внимание слушающих: *Добрый день всем, кто присоединился к нам только сейчас. Напомню, что сегодня мы говорим об изнанке тайной «любви» отделов маркетинга и продаж. Слово «любовь» у нас сегодня в кавычках. Моя гостья сегодня Екатерина Дворникова – эксперт по бизнес уникальности*. Кроме того, объектом анонсирования становится блок новостей и реклама: *Мы* ***продолжим*** *после короткой рекламы и выпуска новостей; Перерыв на новости; Прервемся на рекламу и новости.*

«Тактика самопрезентации» используется на протяжении интервью несколько раз: в начале передачи, когда ведущий объявляет себя: *Здравствуйте,* ***в студии Наталья Самойлова****, и поговорим сегодня об изнанке ошибок в бизнесе; Здравствуйте! //* ***В студии Наталья Самойлова****. И сегодня мы поговорим об изнанке работы отдела продаж*; после каждого перерыва на новости и рекламу и в конце передачи: *С* ***вами была Наталья Самойлова****, увидимся и услышимся уже через неделю, до свидания*. «Тактика самопрезентации» может быть реализована за счет обращения к приемам языковой игры. Она используется ситуативно и реализуется благодаря введению идиом (*маркетинг и продажи …* ***пойдут рука об руку*** *на благо выручки и растущей прибыли****, давай*** ***посмотрим правде в глаза;*** *Как владельцу* ***не попасть на крючок****… мнимых специалистов?*), оценочной лексики (*это* ***замечательное*** *окончание сегодняшнего выпуска*). Языковая игра в речи ведущего может быть данью языковой моде, что проявляется во включении в текст передачи иноязычных слов. В интервью Н. Самойловой иноязычные вкрапления встречаются редко: *Когда заставляют соревноваться два подразделения, которые занимаются одним и тем же действием,… мы с тобой это не одобряем,* ***но о'кей****. А когда включается и поддерживается конфликт между маркетингом и продажами, получается, что конфликтует теплое с красным. В итоге не выигрывает никто*; *Кто должен поставить новый продукт на полку?* ***Тот самый «Р», который называется place***. Использование иноязычных слов в интервью не решает традиционную задачу, когда явление, обозначенное иноязычным словом «повышается в ранге», а «речь, содержащая иноязычные слова, расценивается как социально престижная» [Крысин, 2004, с. 189]. Скорее наоборот, оно приобретает ироничную или сниженную оценку: *Н. С.: – Это* ***флуд*** (*флуд* от англ. flood жарг., в данном случае 'разговоры, не имеющие никакой смысловой нагрузки, пустословие') *// С. Несмеянов: – Да, эти совещания не нужны. Если у вас есть задача что-то произвести, что-то сделать, продать … за неделю такое-то количество, то причем здесь совещание.*

Стратегия побуждения (формирование желания или намерения сделать что-то) может быть реализована напрямую и опосредованно. Она включает несколько тактик. «Тактика побуждения к слушанию и получению информации» реализуется глаголами восприятия (*слушайте нас, читайте, смотрите*) Указанные глаголы, как правило, употребляются в повелительном наклонении в форме 2 лица ед. или мн. ч. Но побуждение может быть выражено и косвенно через вопросы-стимулы: *В чем причина? Действительно ли менеджеры по продажам крайне невнимательно работают со своей клиентской базой?*

Сколько бизнес теряет в связи с отсутствием системы управления клиентами? Побуждение осуществляется применительно к адресату-слушателю и адресату-гостю.

«Тактика побуждения к обратной связи» представлена глаголами активного действия и может быть направлена на адресата-слушателя (*звоните; ищите на сайте; наберите нас «бизнес наизнанку»; поставьте лайк; не переключайтесь, мы продолжим через чуть-чуть; надо набрать нас «бизнес наизнанку», поставить лайк на странице).* Тактика может быть реализована конструкциями, содержащими языковые единицы с модальным значением (*1)Также обращаю ваше внимание, что сразу после нашего эфира вы* ***сможете посмотреть*** *и* ***послушать*** *программу на сайте «Эха Москвы», а также на странице, посвященной радиопроекту в Фейсбук; 2) Уже завтра выйдет полная версия программы, где вы* ***имеете возможность послушать эфир, скачать его, ознакомиться с расшифровкой или увидеть видеоверсию***). Данная тактика может быть направлена на адресата-гостя при регулировании диалога и представлена побудительными (***Скажи****, пожалуйста, в этой связке продажи и маркетинг, кто конкретно должен разработать коммерческое предложение?*) или вопросительными предложениями (*Вы … упомянули про дружбу, и у меня вопрос. Является ли ошибкой построение бизнеса с друзьями, родственниками, женами, любовницами и другими близкими людьми?*).

«Тактика информирования» реализуется через привлечение различных источников, краткую справку, комментарий, экспертное мнение. Так, в тексте интервью встречаем ссылку на известный экономистам закон: *Система управления клиентской базой в бизнесе – это, пожалуй, ключевая точка монетизации. Однако в последнее время может казаться, что* ***известное правило Парето, что 20 % клиентов дают 80 % выручки****, дает сбой.* Это может быть экспертное мнение приглашенного в студию: *И. Самолов: – Agile – это некая концепция гибкого проектного управления, то есть это некий манифест правил, сводов и ценностей. Например, конечный результат продукта, сам продукт для пользователя важнее, чем документация; команда важнее, чем какие-то правила игры и так далее; Правило работы Scrum. Это когда создаются правила ролей, что один человек имеет право только ставить задачи, другой имеет право только их выполнять.*

«Тактика побуждения к приятию точки зрения говорящего» реализуется в первую очередь за счет использования разного рода аргументов, однако можно выявить несколько типовых языковых конструкций, характерных для данной тактики. Наиболее активно «тактика побуждения к принятию точки зрения говорящего» представлена сложноподчиненными предложениями с придаточными условиями (1) *Я больше склонен верить в то, что мы не учим людей – и они не продают. Вот моя основная позиция: как мы учим, так у нас люди и работают.* ***Если мы не учим,*** *то любая причина – база плохая, кризис на рынке, банкротство, закрытие – всегда будет правдивой.* ***Если мы не учим*** *человека, он находится в зоне собственного комфорта, у него всегда будет кризис. То есть единственное, что можно всегда менять быстро – это обучение внутреннее. 2) Само слово «дорого» – понятие относительное каждого студента. То есть* ***если это, скажем так, школьник****, который выбирает для себя какую-то программу, естественно, он будет искать, я думаю, что что-то подешевле.* ***Если это топовый руководитель****, конечно, он будет смотреть на эксперта, на преподавателя, на уровень его предыдущего опыта и делать какие-то выводы*). Данные языковые конструкции позволяют говорящему разъяснить ситуацию, сделать ее более понятной и убедительной.

Второе средство, реализующее тактику побуждения к принятию точки зрения говорящего, – это вопросно-ответная форма изложения (*Слушателю, который только начинает обучаться на этом рынке, как правило, сложно выбрать качественный курс.* ***Почему? Потому что*** *человек, допустим, эксперт либо продюсер, разобравшись в технологиях создания онлайн-курсов, считает, что можно … записывать эти курсы и рубить деньги. К сожалению, да, такие тоже есть.* ***Как себя обезопасить? Наверное****, все-таки качественно мониторить этот рынок, прежде чем сделать выбор в пользу какого-то курса*). Значимость такого типа изложения для убеждения в верности точки зрения говорящего неоспорима, так как говорящий предупреждает возможные вопросы аудитории и сразу дает ответы на эти вопросы. Одним из частотных выступает вопрос «Почему?», так как именно ответ на этот вопрос является суждением, обосновывающим транслируемый тезис. В связи с этим в речи гостя программы появляются парцеллированные конструкции, представляющие собой придаточные пред-

ложения со значением причины.

Еще одним приемом реализации «тактики побуждения к принятию точки зрения говорящего» является рубрикация положений (*Продавец должен знать аргументацию. Железно знать 15–20 аргументов: чем крута компания, чем крут продукт, чем крут клиентский сервис, чем круто руководство компании.* ***То есть*** *он должен жестко знать аргументацию в цифрах, потому что хороший продавец обязан аргументировать.* ***Второе****: хороший продавец должен знать десятки вопросов, сотни вопросов, которые можно задать клиенту для получения и сбора информации. ... И* ***третье,*** *что нужно знать хорошему продавцу – это методики убеждения. О которых я уже говорил, что 10–15 способов убеждения нужно знать, как профессиональный спортсменам нужно знать несколько ударов, несколько способов бега, дыхания и так далее).* Выделение аргументов с помощью нумерации дает говорящему возможность подчеркнуть логику рассуждения и быть более убедительным. Принятию точки зрения говорящего способствует введение в речь пояснительных конструкций с союзом *то есть,* которые делают рассуждения понятными, доступными, а понятные тезисы легче принимаются слушателем.

Наконец, убеждению способствуют ссылки на личный опыт эксперта, участвующего в программе, поскольку конкретные примеры всегда придают информации большую достоверность (*А. Берсерк: «В свое время, когда было время, меня занесло в сетевой маркетинг. Вот честно могу сказать, я 3 года проработал в сетевом маркетинге. Ну, хорошо поработал. Знаете, чему меня научил этот бизнес?...Что продавать может каждый. Нужно создавать условия, при которых это возможно»*).

Проведенное исследование показало, что в современном медиадискусре, выбор коммуникативных стратегий и реализующих их тактик определяется тематикой и проблематикой программы, ее жанром и участниками. В программе, посвященной популярному обсуждению проблем современного российского бизнеса, совершенно закономерно, что наиболее распространенными являются такие стратегии, как стратегия адресации, стратегия презентации и стратегия побуждения. Выбор тактик и приемов, их представляющих, является постоянным, что позволяет сделать вывод о зависимости тактик от основных характеристик медиадискурса, а не от частных экстралингвистических параметров коммуникации.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. Москва, 1981. Вып. 4. Т. 40. С. 357.

2. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. Москва: Эдиторал УРСС, 2003.

3. Бернштейн С. И. Язык радио. Москва : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1997. 46 с.

4. Войскуновский А. Е. Коммуникативный контакт и средства его установления // Оптимизация речевого воздействия. Москва, 1990. С. 128–145.

5. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. Москва : Гнозис, 2006. 376 с.

6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва : Эдиторал УРСС, 2003. 284 с.

7. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

8. Нестерова Н. Г. Обращения в радиодискурсе: современные тенденции и трансформации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 30–34.

9. Нестерова Н. Г., Артамонова Л. В. Речевой этикет в современном радиодискурсе. // Язык и культура. Научный журнал Томского государственного университета. 2013. № 1 (21) С. 35–41.

10. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: учеб. Пособие. Москва : Рус. яз., 2002. 216 с.

11. Шерель А. А. Радиожурналистика. Москва : МГУ, 2000. 480 с.

12. Bardoel J. Deuze M. «Network journalism»: converging competences of old and new media professionals // Australian Journalism Review. 2001. № 23 (2). P. 91–103.

13. Bell A. Approaches to Media Discourse. London, 2001. 304 p.

14. Brzozowska D. Discussion on gender in Polish mass media // Медиалингвистика: междунар. науч. журн. 2014. № 1 (4). С. 45–52.

15. Bücker J. Position offerings in German radio phone-in talk shows // Journal of Pragmatics. 2013. Volume 45. Issue 1. P. 29–49.

16. Burger H. Mediensprache: Eine Einf. In Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. 3 Voll. neu bearb. Aufl.-B. New York., 2005. 486 p.

17. Gowon Rahila P. Effects of Television and Radio on Speaking and Writing Skills of Senior Secondary School Students in Jos Metropolis // An International Multi-Disciplinary Journal. Ethiopia, 2009. Vol. 3 (2). P. 92–108.

18. Jautz S. Who speaks and who is addressed in radio phone-ins? // Journal of Pragmatics. 2014. Volume 72. P. 18–30.

19. Landert D., Jucker A. H. Private and public in mass media communication: From letters to the editor to

online commentaries // Journal of Pragmatics. 2011. Volume 43. Issue 5. P. 1422–1434.

20. Nesterova N.G., Fashchanova S.V. Cultural-Moulding Potential of the Russian Radio and It's Application in Teaching Russian Language // Procedia – Social and Behavioral Sciences. The XXVI Annual International Academic Conference, Language and Culture, 27–30 October 2015. T. 200. P. 337–343.

Reference List

1. Arutjunova N. D. Faktor adresata = The factor of the address // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i jazyka. Moskva, 1981. Vyp. 4. T. 40. S. 357.

2. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku = Introduction in applied linguistics : ucheb. posobie. Moskva: Jeditoral URSS, 2003.

3. Bernshtejn S. I. Jazyk radio = The language of radio. Moskva : Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izd-va «Nauka», 1997. 46 s.

4. Vojskunovskij A. E. Kommunikativnyj kontakt i sredstva ego ustanovlenija = Communicative contact and the means of its establishing // Optimizacija rechevogo vozdejstvija. Moskva, 1990. S. 128–145.

5. Dement'ev V. V. Neprjamaja kommunikacija = Indirect communication. Moskva : Gnozis, 2006. 376 s.

6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moskva : Jeditoral URSS, 2003. 284 s.

7. Krysin L. P. Russkoe slovo, svojo i chuzhoe. Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike = Russian word, mine and alien. The researches on modern Russian language and sociolinguistics. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 888 s.

8. Nesterova N. G. Obrashhenija v radiodiskurse: sovremennye tendencii i transformacii = Appeals in radiodiscourse: modern tendencies and transformations // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. № 2. S. 30–34.

9. Nesterova N. G., Artamonova L. V. Rechevoj jetiket v sovremennom radiodiskurse = Speech etiquette in the modern radio-discourse Jazyk i kul'tura // Nauchnyj zhurnal Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1 (21) S. 35–41.

10. Formanovskaja N. I. Rechevoe obshhenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod = Speech communication : communicative- pragmatic approach : ucheb. posobie. Moskva : Rus. jaz., 2002. 216 s.

11. Sherel' A. A. Radiozhurnalistika = Radiojournalism. Moskva : MGU, 2000. 480 s.

12. Bardoel J. Deuze M. «Network journalism»: converging competences of old and new media professionals // Australian Journalism Review. 2001. № 23 (2). P. 91–103.

13. Bell A. Approaches to Media Discourse. London, 2001. 304 p.

14. Brzozowska D. Discussion on gender in Polish mass media // Medialingvistika: mezhdunar. nauch. zhurn. 2014. № 1 (4). S. 45–52.

15. Bücker J. Position offerings in German radio phone-in talk shows // Journal of Pragmatics. 2013. Volume 45. Issue 1. P. 29–49.

16. Burger H. Mediensprache: Eine Einf. In Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. 3 Voll. neu bearb. Aufl.-B. New York., 2005. 486 p.

17. Gowon Rahila P. Effects of Television and Radio on Speaking and Writing Skills of Senior Secondary School Students in Jos Metropolis // An International Multi-Disciplinary Journal. Ethiopia, 2009. Vol. 3 (2). P. 92–108.

18. Jautz S. Who speaks and who is addressed in radio phone-ins? // Journal of Pragmatics. 2014. Volume 72. P. 18–30.

19. Landert D., Jucker A. H. Private and public in mass media communication: From letters to the editor to online commentaries // Journal of Pragmatics. 2011. Volume 43. Issue 5. P. 1422–1434.

20. Nesterova N.G., Fashchanova S.V. Cultural-Moulding Potential of the Russian Radio and It's Application in Teaching Russian Language // Procedia – Social and Behavioral Sciences. The XXVI Annual International Academic Conference, Language and Culture, 27–30 October 2015. T. 200. P. 337–343.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

УДК 8.81.42 (8. 81.38)

Е. И. Беглова **https://orcid.org/0000–0002–3208–0549**

Особенности колоративной лексики в романе А. Белого «Москва»

Для цитирования: Беглова Е. И. Особенности колоративной лексики в романе А. Белого «Москва» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 116-122.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-116-122

В статье исследуются прилагательные и частично другие части речи со значением «цвет» в романе А. Белого «Москва», язык которого практически не изучен. Предметом статьи явились главным образом прилагательные со значением цвета, отражающие образ жителей Москвы, ее улиц, домов и пр. Цель статьи – анализ цветовой лексики с точки зрения значения, структуры и функций в романе. Особое внимание было обращено на способы образования колоративных прилагательных. Выявлено, что с точки зрения структуры частотны сложные прилагательные, образованные способом универбации атрибутивных словосочетаний, а также прилагательные, состоящие из двух и более цветовых прилагательных (или основ). С точки зрения значения колоративные прилагательные выполняют разные функции: 1) традиционную функцию – номинативную: обозначают цвет при реалистичном описании предметов, пейзажей и пр.; 2) символическую: цветовая лексика отражает традиционную символику цвета; 3) семантическую: сложные по структуре колоративные прилагательные используются при передаче сложного цвета или цветовой гаммы, а также частотны и в создании художественного образа, основанного на олицетворении предмета или явления, метафорическом переносе значения и на приёме нарушения узуальной лексической сочетаемости.

Сделан вывод о том, что колоративная лексика в романе «Москва» употребляется часто и является особенностью идиостиля А. Белого.

Ключевые слова: художественный текст, колоративная лексика, цвет, функции, значение слова, структура слова.

LINGUISTICS

Russian language

E. I. Beglova

The peculiarities of colorative vocabulary in the novel «Moscow» by Andrei Bely

The article examines adjectives and partially other parts of speech with the meaning of «color» in the novel «Moscow» by A. Bely, whose language has not been studied before. The subject of the article is mainly adjectives with the meaning of color, reflecting the image of the inhabitants of Moscow, its streets, houses, etc. The purpose of the article is an analysis of color vocabulary in terms of meaning, structure and functions in the novel. Particular attention was paid to the ways of forming of colorative adjectives. It has been revealed that from the point of view of structure, complex adjectives, formed by the method of univerbation of attributive phrases, as well as adjectives consisting of two or more color adjectives or word stems are frequently used. From the point of view of meaning, colorative adjectives perform different functions: 1) the traditional nominative function: they indicate color in a realistic description of objects, landscapes, etc.; 2) symbolic one: color vocabulary reflects the traditional symbolism of color; 3) semantic function: complex in structure, collorative adjectives are used when describing a complex color or color scheme, and

© Беглова Е. И., 2020

they are also frequent in creating an artistic image based on the personification of an object or phenomenon, metaphorical transfer of the meaning and on the method of breaking the usual lexical compatibility.

It is concluded that the colorative vocabulary is frequently used in the novel «Moscow» and is a feature of A. Bely's idiostyle.

Key words: literary text, colorative vocabulary, color, functions, word meaning, word structure.

Роман «Москва» – это последний роман, написанный А. Белым. Работу над ним писатель начал в 1920-е гг., а завершил в июле 1930 г. В этом романе отразился переход России из XIX века в XX век (в том числе запечатлена и советская эпоха) до 1930 г., который через образ старой Москвы показан во всех его трудностях, многоголосии социальных слоев, в частности при изображении жизни и деятельности ученых уходящего XIX века. Роман долго не изучался, к нему обратились только в конце 1980-х гг. [Тимина, 1989, с. 3]. Исследователь творчества А. Белого С. И. Тимина отмечает, что в этом романе А. Белый ставит художественную задачу: в эпической форме соединить воедино мысли о судьбах России, вступившей в роковое «рубежное» время [Тимина, 1989, с. 7]. Центром повествования и главным героем становится Москва как город противоречий русской жизни, как город умирающей буржуазной, дворянской жизни и становления новой, еще никому непонятной жизни. В романе «Москва» А. Белый рисует разложение дореволюционного быта, описывает нравы старой Москвы, а также обреченность и беспомощность науки вывести страну из кризиса. В изображении А. Белого Москва пестра, разноголоса, разноречива. Интересен тот факт, что ее социальные слои представлены через предметы, опредмеченное описание людей: одежды, улиц, на которых находятся их дома, самих домов, комнат, предметов. В связи с созданием всех этих разнообразных, разноречивых образов большое место в романе занимает колоративная лексика, которая явилась предметом данной статьи, главным образом имена прилагательные со значением цвета, отражающие образ жителей Москвы, ее улиц, домов, пейзажей, явлений природы, обстановки и интерьеров в домах разных персонажей и пр.

Следует отметить тот факт, что в лингвистике немало работ посвящено изучению роли лексики со значением «цвет» в художественном тексте, например: цветопись как элемент идиостилей С. Есенина и Н. Рубцова исследовалась Т. В. Перелыгиным [Перелыгин, 2008], Т. Н. Хриптулова изучала поэтику цветописи в стихотворениях Н. И. Тряпкина [Хриптулова, 2016], К. В. Сморчкова, Г. Б. Буянова выявляли способы передачи цвета и света, цветовую палитру в произведениях М. Ю. Лермонтова [Сморчкова, 2016; Буянова, 2016], Н. Ю. Печетова, А. И. Филиппова – роль прилагательных цветообозначения в художественных текстах Д. Рубиной [Печетова, Филиппова, 2017], частотность колоративных прилагательных в русских поэтических текстах устанавливалась А. Ц. Масевич и В. П. Захаровым [Масевич, Захаров 2019]. Проблема использования колоративной лексики в художественном тексте представляет интерес с точки зрения способов и приёмов использования, семантики, авторского образования слов со значением «цвет», их частеречной принадлежности, а также выполняемых в тексте функций, о чём свидетельствуют работы названных выше авторов.

Цель нашей статьи: проанализировать цветовую лексику с точки зрения формы и значения, выявить её особенности и функции в последнем романе А. Белого «Москва», написанном в период 1920–1930-ый гг.

Как показали наши наблюдения за колоративной лексикой, использующейся в романе «Москва», это в большей степени имена прилагательные, поэтому мы уделяем им особое внимание. Заметим, что предпочтение автор романа отдает *карему, желтому, черному* и *лиловому* цветам, обозначающим реальный цвет предметов, явлений природы и окружающего мира, а также передающим символический смысл цвета.

Примечательно, что чаще всего колоративная лексика в романе «Москва» употребляется в описаниях обстановки, интерьера, природных явлений, а также в портретных описаниях (цвет одежды, лица, тела и др.). Как показывает наш языковой и текстовой материал, с точки зрения формы слова и его частеречной принадлежности в романе частотны сложные прилагательные, состоящие из двух и более основ (слов), передающие сложные цвета, цветовую гамму,

которые создаются для реалистичности образа, предмета действительности и т.п. или для передачи разных цветовых оттенков, приобретающих или усиливающих символическое значение цвета.

Проанализируем несколько колоративных прилагательных и единичных причастий, существительных, глаголов с точки зрения формы и значения. Так, с точки зрения формы в пейзажных описаниях, описаниях явлений природы частотны следующие слова: а) сложные прилагательные, образованные от двух слов способом универбации атрибутивных (субстантивно-адъективных) словосочетаний, б) сложные прилагательные, образованные сложением двух-трех слов (основ) со значением «цвет», в) простые прилагательные, в том числе и с суффиксами, передающими интенсивность цвета, г) редко колоративные причастия, существительные и глаголы. Несколько названных типов колоративной лексики могут использоваться в одном описании, например: *Уже* ***лиловатого*** *вечера грусть означалась над крышами* ***зеленорогой*** *луной – со звездой впереди, с ослепительным, с* ***белым*** *Юпитером; дом* ***черноокими*** *окнами молча вгляделся во все, заливаясь слезами оконного отблеска; загрозорело: деревья, дичая нашоптом, бессмыслились; пагубородное что-то закрыло луну* ***черно-желто-зеленою*** *лапою; вспыхом шатнуло деревья; и тьма зашаталася: падая, выбросились за фасадом фасад, треснув* ***черными*** *окнами,* ***черным*** *подъездом, подъездным уродом с пропученным зонтиком. И поднялась на мгновение* ***белая*** *плоскость стены с четко черченым* ***черным*** *изломом под небо взлетевшего зада: судьба человека, которого мучила жизнь* [Белый, 1989, с. 253]. В данном контексте употребляются колоративные прилагательные, образованные способом универбации субстантивно-адъективных словосочетаний с атрибутивными смысловыми отношениями, служащие метафорическими эпитетами описываемых явлений: *зеленорогая (****луна****) – зеленые рога, черноокие (****окна****) – черные очи*. Подобного рода сложные прилагательные, созданные по модели «*прилаг. со значением цвета + сущ.*» по способу согласования, характерны для языка романа, они являются одной из черт идиостиля А. Белого. В данном выше контексте сложные прилагательные, состоящие из двух и трех основ (слов) со значением «цвет» (при этом несовместимые по цвету), создают художественный образ через сложную цветовую гамму, например: ***черно-желто-зеленая*** *лапа* (которая закрыла луну). Цветовая антитеза *черное – белое*, созданная простыми прилагательными, усиливает цветовой символический образ домов, за которыми скрываются благополучные и неблагополучные судьбы людей: ***черные*** *окна* и *подъезды домов,* мелькает ***белая*** *плоскость стены*. Черный цвет, которого много в описании домов, предметов обстановки, придаёт таинственность, мрачность этим явлениям или при описании одежды выражает грусть, упадок сил персонажа. В романе гораздо меньше белого цвета, снимающего напряжение, придающего лёгкость в восприятии предметов. В приведенном контексте простое прилагательное с суффиксом *-оват-* передает неполноту цвета, его слабое проявление: *лиловатый (вечер).*

Аналогичное употребление сложных прилагательных названных выше типов наблюдается часто в следующих случаях.

1. При описании интерьера, обстановки, в которой происходит действие, а также улиц, домов и пр. Например: *Вечером, – шариком в клеточке хохлится канареечка; полнятся густо безлюдием комнаты; а из угла поднимаются* ***лиловокрылые тени****…*[Белый, 1989, с. 52]. *Подхватят тогда* ***краснокудрый дымок*** *из трубы раздуваи ветров, и воззрится из вечера стеклами тот* ***красноокий домишечка*** *<…>ноченька там за окошками повеселится, как лютиками,–* ***желтоглазыми огонечками*** [Белый, 1989, с. 48]; *Бронзировка, хрусталики люстры****, лиловоатласные*** *кресла с зеленой надбивкой, диван <…>* [Белый, 1989, с. 35]. Наиболее часто используются прилагательные, образованные способом универбации атрибутивного словосочетания*: лиловые крылья – лиловокрылые; желтые глаза – желтоглазый; красные кудри – краснокудрый; красное око – красноокий; лиловый атлас – лиловоатласный* и т.п. 2. Как уже отмечалось, частотны колоративные прилагательные при описании явлений природы, в пейзажах, например: У*же клумбы уставились вздрогом* ***берилла****: в закат* ***розовеющий****; все говорило, что в* ***лиловоотсветном*** *августе спрячутся* ***розовые*** *дней склоненья июлей; в склонения шел он: коляску – обратно катил под серебряным склянником шара, откуда трепались настурции. <…> Вступили в права* ***желтоглазые*** *сумерки: заволновалися в ночь* ***черноверхие*** *купы деревьев; и* ***зелено-ясная*** *молнья – летала.* [Белый, 1989, с. 267]; ***Бледно-синявое облако*** *никло к закату; тянуло морозцем: отаи под-*

мерзли; покрылися снегом; сосули не капали; кто-то у ***желтого домика*** *остановился, увидевши:* ***под голубым колпаком*** *дозиратель сидит, как всегда* ***желто-карим*** *карюзликом* [Белый, 1989, с. 167]; <…>*смотришь… тащатся синие,* ***сине-белые*** *шкуры (не тучи) по небу* [Белый, 1989, с. 71]; *глазом, свечевнею, точно выглядывал кто-то из низкого* ***золотохохлого, лиловобокого*** *облака* [Белый, 1989, с. 117]; ***золотой хохол*** *– золотохохлый,* ***лиловый бок*** *– лиловобокий.* В данном контексте с точки зрения формы цветовые прилагательные представляют собой как универбаты субстантивно-адъективных, атрибутивных словосочетаний (***лиловоотсветный*** *август – лиловый отсвет;* ***желтоглазые*** *сумерки – желтые глаза,* ***черноверхие*** *купы деревьев – черный верх* и др.), так и сложные прилагательные, состоящие из двух слов (основ) со значением цвета (***бледно-синявое*** *облако*), передающие сложные цветовые оттенки явлений природы, предметов или цвет одежды, выполняющие *семантическую функцию*. Приведем еще примеры: *Гнилая зима! Но гнилая зима – просияла: теплейшим денечком; декабрь стал – апрелем; а он собачевину вспомнил: уселся грустить, подбородок рукой подпираючи; в* ***карем*** *своем* ***пиджачке****, в* ***желто-сером жилетике****, под* ***желто-карею шторой****, перерезанный* ***желтым столбом*** *копошившихся в солнце пылиночек* [Белый, 1989, с. 161].

С точки зрения формы отмечается небольшое количество существительных и глаголов со значением цвета, например: *Он вперился все в те же дантиклы столбов за окном; их фонарь освещал; уходили их контуры в тлительной* ***сини****: смешались со тьмою* [Белый, 1989, с. 148]; *тлительная* ***синь*** как часть тьмы, цвет, близкий к черному, а эпитет *тлительная* усиливает интенсивность темного цвета. Или: *Уже сверкухой прошелся по окнам закат; и* ***окарил*** *все лица; уже многоперое облако вспыхнуло там* ***многорозовым*** *отблеском; город стал с искрой:* ***лиловый;*** *потом стал –* ***черновый*** [Белый, 1989, с. 177]; *свирепо и зверско* ***карели*** *моржовьи усы* [Белый, 1989, с. 120]; глагол *окарил,* образованный от прилагательного *карий*, встречается в романе 3 раза, однако само прилагательное *карий* частотно в тексте романа, выступает как символ чего-то или кого-то несвежего, дряхлого, гряз; можно сказать, что слово *карий* в романе является семантическим неологизмом автора.

С точки зрения значения (семантики) сложные прилагательные, употребляющиеся в романе, имеют два значения: 1) колоративные прилагательные, метафорически обозначающие признак какого-либо явления, предмета или олицетворяющие явления, предметы; как правило, они образованы из двух слов способом универбации, причем зависимое из них, со значением цвета, отражает признак главного слова, называющего предмет, явление и др.: *желтоглазые* (сумерки) – *желтые глаза*; *лиловокрылые* (тени) – *лиловые крылья*, *лиловоотсветный* (август) – *лиловый отсвет* и т.п.; 2) прилагательные, передающие оттенки цвета или образующие сложную цветовую гамму, типа**:** ***бледно-синявое*** (*облако*), ***зелёно-ясная*** (*молнья*), ***желто-карий*** *карюзлик,* ***черно-желто-зеленая*** *(лапа)* и т.п.; как правило, это сложные слова, состоящие из двух прилагательных со значением «цвет» и «свет». В эту иже группу по значению относятся существительные, причастия, глаголы со значением «цвет».

Следует заметить, что употребляющиеся часто простые прилагательные, реже – причастия и существительные с цветовым значением, передают конкретный цвет или оттенки цвета, то есть выполняют *номинативную функцию*: *желтый* (домик), *голубой* (колпак), *розовеющий* (закат), *белая* (стена) и т.п.

Особенностью использования колоративной лексики в романе является то, что цвет одежды, частей тела персонажей или цвет предметов передаётся, с одной стороны, колоративными прилагательными, как сложными, так и простыми, типа *желто-карий пиджак, желто-карий жилетец, черный галстучек* и др. [Белый, 1989, с. 121], с другой – существительными, образованными от флоральных существительных, например, называющих овощи, фрукты, ягоды: *…дама защурилась вялым лицом, подобрав свое* ***желто-зеленое*** *платье:* ***шпинатового*** *цвета* [Белый, 1989,с. 120]; ***черничного*** *цвета* ***глаза, ротик брусничного*** *цвета* [Белый, 1989, с. 141]; <…> *морозец, оживши, носы ущипнул; и* ***носы*** *стали* ***ярко-брусничного цвета*** [Белый, 1989, с. 173]; ***обои лимонного*** *цвета* [Белый, 1989, с. 128] и др. По форме это атрибутивные словосочетания, созданные по модели «прилаг. + сущ. в род. пад. *цвета*».

Редко встречаются атрибутивные словосочетания, построенные по модели «сущ. в род. пад. *цвета* + сущ. в род. пад», например: <…> *серое облако заулыбалося краешком* ***цвета герани*** [Белый, 1989, с. 162]. Интересны единичные случаи употребления неологических прилагательных со значением «цвет», образованных от названий

животных, например: <…> *поднимался порой бархатеющий голос* <…> *то подпевал Эдуард Эдуардович, сидя в* ***фисташковом кресле*** *и руки свои распластавши на львиных* ***золотеньких*** *лапочках кресельных ручек: в* ***тужурке бобрового цвета*** *и в* ***туфлях бобрового цвета*** [Белый, 1989, с. 178]; *бобр – бобровый* – темно-коричневый, близкий к черному.

Следует отметить тот факт, что в романе используются цветовые прилагательные, характеризующие предметы или явления, для которых этот цвет в узуальной речи передается другими синонимичными прилагательными. Так, в романе часто употребляется прилагательное со значением цвета *карий*, которое в узуальном значении синонимично прилагательному *коричневый*, а прилагательное *карий* в современном русском литературном языке имеет ограниченную лексическую сочетаемость: с существительными *лошадь* или *глаза.* Необычное употребление цвета *«карий»* с точки зрения не только лексической сочетаемости, но и семантики можно считать особенностью идиостиля А. Белого, который придает цвету в контексте новые цветовые и смысловые оттенки. Например: *Лишея глазами, он в дверь проморочил своей бакенбардой; уж* ***карюю*** *перегарь дня доедала* ***некаряя*** *ночь; и профессор просел в нее* [Белый, 1989, с. 125]. Более того, образы *дня* и *ночи* в «*карем*»и «*некарем*» цвете символизируются трехразовым использованием фразы в тексте романа: *Уж* ***карюю перегарь*** *дня доедала* ***некаряя ночь****, когда он на извозчике трясся к себе, в Табачихинский*…[Белый, 1989, с. 156]. Фраза ***«карюю перегарь*** *дня доедала* ***некаряя ночь»*** становится символом однообразия жизни и пассивности персонажей, символизирующих скучную, однообразную жизнь «одряхлевших» жителей Москвы, как и самой старой Москвы [Белый, 1989, с. 125, 129]. ***Каряя*** *перегарь дня* – усиление цвета полусветлого дня, то есть цвета гари. *Карий цвет* дня символизирует безрадостность, усталость, однообразие дел, а также слияние красок дня в один полусветлый тон. Или: *а он* <…> *уселся грустить, бодбородок рукой подпираючи; в карем своем пиджачке,* ***в желто-сером*** *жилетике, под* ***желто-карею*** *шторой сидел, перерезанный* ***желтым столбом*** *копошившихся в солнце пылиночек* [Белый, 1989, с. 160–161]. Или наблюдается аналогичное употребление колоративного прилагательного ***гнедой***: *Савков, прикладной математик, с* ***гнедой бородулиной****, освинцовелый такой, возбуждал опасенье* [Белый, 1989, с. 153]. Ср. в словарях: в словаре А. И. Солженицына по отношению к масти лошади: *каряя* – черная с темно-бурым отливом [Солженицын, с. 269]; *гнедая* – рыжая, бурая (о масти лошади) [РСЯР, 2000, с. 268]. Таким образом, можно говорить об особом приеме использования колоративной лексики в романе: в некоторых контекстах колоративные прилагательные сочетаются с существительными, нарушая нормы лексической сочетаемости, создавая при этом символический или цветовой образ. Еще один пример: *А солнце слезилось сияющим и крупнокапельным дождиком; солнечный дождь – это праведник умер! Но* ***желтой жестокостью*** *вечер означился; в* ***зелено-серый*** *сумерки сели предметы; их ночь* ***черноротая*** **–** *съела* [Белый, 1989, с. 161]. *Желтая жестокость* – неологическая сочетаемость слов передает контекстуальные смысловые оттенки: неожиданно быстро закатывается солнце, тёплый желтый свет солнца становится холодным, ночным.

В романе цветовая лексика, кроме номинативной, выполняет *символическую функцию*. Лексика со значением «цвет» имеет и символическое значение, например, при передаче ощущений ветхости, старости предметов или старости, немощности человека часто используются прилагательные *коричневый, желтый, карий,* для создания психологической напряженности – *лиловый*; для отражения мрачного, таинственного, гнетущего – *черный, коричневый.* Например: *Заборик* ***синявый****, заборик* ***лиловый****, заборик замоклый: меж ними, раздрязнувши лед ноздреватил; домик от домика защищался забориком*…[Белый, 1989, с. 161]. Прилагательное *синявый* передает ветхость забора, прилагательное *лиловый* – печаль, встревоженность. Как правило, цвет передает психологическое состояние персонажей, характеризует предметы, явления природы в соответствии с традиционной символикой цвета.

Выводы. Таким образом, в романе А. Белого «Москва» для цветообозначения, создания художественных образов (приёмом олицетворения) очень часто используются слова со значением «цвет» и редко атрибутивные словосочетания, включающие слова с семой «цвет». При этом колоративная лексика используется очень часто в описаниях явлений природы, обстановки, предметов интерьера, улиц, домов, а также одежды персонажей, в их портретных характеристиках.

С точки зрения формы, – это главным образом простые и сложные имена прилагательные. Про-

стые колоративные прилагательные выполняют традиционную функцию, *номинативную*: обозначают цвет предмета, природного явления или одежды (*лиловый (заборик), желтый (столб пыли)* и др.). Очень редко встречаются имена существительные и глаголы со значением цвета типа *синь, окарели/карели* (от прилагательного *карий*).

Частотны в языке романа сложные колоративные прилагательные. По форме и способу образования можно выделить два типа сложных колоративных прилагательных: 1) прилагательные, состоящие из двух-трех основ (слов) со значением цвета, типа *бело-синее* (облако), *желто-серый* (жилетик), 2) прилагательные, образованные способом универбации атрибутивного словосочетания типа: *лиловые крылья – лиловокрылые, желтый глаз – желтоглазый* и др.

Кроме цветовых прилагательных, причастий, существительных, глаголов, образованных от прилагательных со значением «цвет», цвет в романе передается флоральными прилагательными, образованными от существительных, служащих названиями ягод, фруктов, овощей (через соотношение по цвету), типа: *брусничный, шпинатный, лимонный*. Отмечаются единичные прилагательные-неологизмы, образованные от названий животных, передающие цвет через соотношение с цветом животного, типа *туфли бобрового цвета*.

Единичны случаи передачи цвета атрибутивными словосочетаниями, построенными по модели «сущ. в род. пад. *цвета* + сущ. в род. пад», типа *цвета герани*.

Чаще всего цвет передается простыми и сложными колоративными прилагательными.

Очень часто используются прилагательные со значением цвета, образованные способом универбации атрибутивного словосочетания, в котором зависимое слово обозначает цвет предмета, явления, а главное слово называет предмет, явление и др. (см. *золотохохлый, лиловобокое* и т. п.). При этом такого рода сложное прилагательное часто является приёмом олицетворения, служит метафорическим эпитетом в атрибутивном словосочетании (типа *лиловобокое облако, желтоокая ночь* и т. п.).

По значению – это 1) колоративные прилагательные, обозначающие конкретный цвет или оттенки цвета, образующие сложную цветовую гамму (например, сложные прилагательные, содержащие 2–3 основы), 2) в небольшом количестве колоративные прилагательные, существительные, причастия, глаголы, получающие в контексте новые оттенки цвета, приобретающие символическое значение в контексте или в тексте романа в целом (семантические неологизмы).

При порождении символического значения цвета или художественного образа романа в целом используется приём нарушения нормы лексической сочетаемости колоративного прилагательного.

В романе цветовая лексика выполняет номинативную, семантическую и символическую функции. Семантическая функция реализуется главным образом сложными по структуре колоративными прилагательными, передающими сложный цвет или цветовую гамму, символическая – при создании художественного образа, основанного на олицетворении предмета или явления, метафорическом переносе и с помощью приёма нарушения узуальной лексической сочетаемости.

Колоративная лексика является одной из основных черт идиостиля А. Белого.

Библиографический список

1. Белый А. Москва / сост., вступ. ст. и примеч. С. И. Тиминой. Москва : Советская Россия, 1989. 768 с.

2. Буянова Г. Б. Цветовая палитра в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-palitra-v-romane-m-yu-lermontova-vadim (дата обращения: 11.01.2020)

3. Масевич А. Ц., Захаров В. П. Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17. Выпуск 1. С. 21–48. URL: https://pureportal.spbu.ru/ru/publications/% (дата обращения: 11.01.2020).

4. Перелыгин Т. В. Цветопись как элемент идиостиля автора. На материале поэзии С. Есенина и Н. Рубцова // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. № 1(57). Сер. Гуманитарные науки. Филология. С. 161– 166. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetopis-kak-element-idiostilya-avtora-na-materiale-poezii-s-esenina-i-n-rubtsova/viewer (дата обращения: 11.01.2020).

5. Печетова Н. Ю., Филиппова А. И. Использование прилагательных цветообозначения как художественный прием в произведениях Дины Рубиной // Современная наука Восточной Сибири. 2017. № 1. С. 28–34. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/54030555 (дата обращения: 11.01.2020).

6. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. Москва : Русский путь, 2000. 280 с.

7. Сморчкова К. В. Способы передачи цвета и света в романе М. Ю. Лермонотова «Вадим» // Известия высших учебных заведений. Поволжский район. 2016. № 2 (38). Сер. Гуманитарные науки. Филология. С. 137–148. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/54030555/?page=1 (дата обращения: 11.01.2020).

8. Тимина С. И. Последний роман Андрея Белого: вступительная статья // Белый А. Москва. Москва : Советская Россия, 1989. С. 3–16.

9. Хриптулова Т. Н. Поэтика цвета в стихотворениях Н. И. Тряпкина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 3. С. 144–148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-tsveta-v-stihotvoreniyah-n-i-tryapkina/viewer (дата обращения: 12.01.2020).

Reference List

1. Belyj A. Moskva = Moscow / sost., vstup. st. i primech. S. I. Timinoj. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1989. 768 s.

2. Bujanova G. B. Cvetovaja palitra v romane M. Ju. Lermontova «Vadim» = Colour palette in the novel of M.Y. Lermontov «Vadim» // Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy. 2016. № 13. URL: https://cyberleninka.ru/rticle/n/tsvetovaya-palitra-v-romane-m-yu-lermontova-vadim (data obrashhenija: 11.01.2020)

3. Masevich A. C., Zaharov V. P. Chastotnoe povedenie prilagatel'nyh cveta v russkih pojeticheskih tekstah = Frequency behaviour of adjectives denoting colour in Russian poetical texts // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2019. Tom 17. Vypusk 1. S. 21–48. URL: https://pureportal.spbu.ru/ru/publications/% (data obrashhenija: 11.01.2020).

4. Perelygin T. V. Cvetopis' kak jelement idiostilja avtora. Na materiale pojezii S. Esenina i N. Rubcova = Colour reproduction as an element of an author's idiostyle. On the material of S. Yesenin and N.Rubtsov's poetry // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 1(57). Ser. Gumanitarnye nauki. Filologija. S. 161– 166. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetopis-kak-element-idiostilya-avtora-na-materiale-poezii-s-esenina-i-n-rubtsova/viewer (data obrashhenija: 11.01.2020).

5. Pechetova N. Ju., Filippova A. I. Ispol'zovanie prilagatel'nyh cvetooboznachenija kak hudozhestvennyj priem v proizvedenijah Diny Rubinoj = The usage of adjectives denoting colour as an artistic device in the works of Dina Rubina // Sovremennaja nauka Vostochnoj Sibiri. 2017. № 1. S. 28–34. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/54030555 (data obrashhenija: 11.01.2020).

6. Russkij slovar' jazykovogo rasshirenija = Russian dictionary of language expansion / sost. A. I. Solzhenicyn. 3-e izd. Moskva : Russkij put', 2000. 280 s.

7. Smorchkova K. V. Sposoby peredachi cveta i sveta v romane M. Ju. Lermonotova «Vadim» = The means of colour and light renderng in the novel of M,Y. Lermontov «Vadim» // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij rajon. 2016. № 2 (38). Ser. Gumanitarnye nauki. Filologija. S. 137–148. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/54030555/?page=1 (data obrashhenija: 11.01.2020).

8. Timina S. I. Poslednij roman Andreja Belogo: vstupitel'naja stat'ja = Andrej Bely's last novel: an introductory article // Belyj A. Moskva. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1989. S. 3–16.

9. Hriptulova T. N. Pojetika cveta v stihotvorenijah N.I. Trjapkina = The poetry of colour // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2016. № 3. S. 144–148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-tsveta-v-stihotvoreniyah-n-i-tryapkina/viewer (data obrashhenija: 12.01.2020).

УДК 81'42

И. А. Воронцова **https://orcid.org/0000–0001–5897–9299**

Прецедентность как маркер авторского стиля

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–07–00243

Для цитирования: Воронцова И. А. Прецедентность как маркер авторского стиля // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 123-129. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-123-129

Настоящая статья посвящена феномену прецедентности как маркеру авторского стиля в аспекте теории атрибуции авторского текста. Основная цель исследования заключалась в определении эффективности использования прецедентных феноменов (далее ПФ) для установления авторства текста в зависимости от уровня прецедентности, которому принадлежит ПФ. В ходе исследования для сбора и анализа статистических данных был использован инструмент «ProseRhythmDetector», имеющий основной задачей поиск стилистических средств, структура которых содержит в себе повтор, и реализующий ряд вспомогательных функций, в том числе расчет частоты употребления слова в тексте. Основная гипотеза, сформулированная в ходе исследования, состоит в том, что атрибутивная объективность прецедентных феноменов повышается в случае их принадлежности авто- и социумно-прецедентному уровню. Наименьшей атрибутивной точностью обладают универсально-прецедентные феномены, которые, главным образом, содержат отсылки к Библии, древнегреческим, римским и скандинавским мифам и легендам, древнеегипетским символам, событиям мировой истории и являются практически обязательными компонентами текста художественной прозы, по меньшей мере, XX столетия. Тем не менее, прецедентные феномены национально- и универсально-прецедентного уровней должны рассматриваться как маркеры идиостиля с учетом частоты встречаемости ключевых для них слов для национально-прецедентных феноменов – с учетом их принадлежности к определенному временному периоду, соотношения в использовании «своих и чужих» прецедентов, соотношения источников прецедентных феноменов по тематическим сферам. Сформулированная зависимость представляется жизнеспособной для художественных текстов различной жанровой и языковой принадлежности.

Ключевые слова: авторский стиль, маркер идиостиля, атрибуция текста, атрибутивная точность, прецедентность, прецедентный феномен, уровень прецедентности.

I. A. Vorontsova

Precedence as an author's individual style marker

The research focuses on the phenomenon of precedence considered an author's individual style marker in the context of the authorship attribution theory. The paper aims to validate the aptness of precedent phenomena (PP) for authorship attribution in relation to their level of precedence. The «ProseRhythmDetector» tool was used for collecting and examining the statistical data. The tool is generally designed for the search and analysis of rhythm figures based on repetition but is also capable of performing a few auxiliary functions including the calculation of word frequency in a text which proves useful for this research. It is hypothesized that the attribution accuracy is higher for PPs identifiable by smaller groups of the language community (the author and their family, a professional or social group etc.), while PPs belonging to the universal or national level of precedence (references to the Bible, Greek, Roman or Scandinavian myths, Egyptian symbols, facts of world history) have a lower accuracy of author identification. Nevertheless, such widely recognized precedent phenomena are to be regarded as an author's individual style markers with a view to the time period they refer to, the correlation between the «native» and «foreign» PPs as well as PPs originating from different thematic areas. The proposed dependence is deemed viable for fictional texts created in various genres and languages.

Key words: author's individual style, style marker, text attribution, attributive accuracy, precedence, precedent phenomenon, precedence level.

© Воронцова И. А., 2020

Прецедентность является неизменным объектом внимания специалистов в области лингвистики текста. В современных исследованиях она рассматривается преимущественно в медийном и рекламном дискурсах как наиболее интенсивно развивающихся в ответ на социальный запрос [Нахимова, Потоцкая, 2019; Опарина, 2018; Kortti, 2016]. Однако анализ прецедентности не утрачивает своей актуальности и в плоскости художественного дискурса на фоне динамичного развития теории атрибуции авторского текста [Overview of the Author Identification Task … , 2018; Stamatos, 2017], технологии стилометрии [Eder, 2017; Surveying Stylometry Techniques and Applications … , 2017], активной разработки методов анализа текстов, создаваемых на пересечении различных дискурсов [Laursen, 2018] и т. д.

Настоящее исследование выполнено на материале произведений русских и английских писателей XX столетия, в том числе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», поэмы В. Ерофеева «Москва-Петушки», повестей А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке», романов Дж. Фаулза «The French Lieutenant's Woman» («Любовница французского лейтенанта»), «The Collector» («Коллекционер») и «The Magus» («Волхв») и А. Мердок «The Black Prince» («Черный принц») и др.

В ходе исследования для контроля статистических данных был использован инструмент «ProseRhythmDetector», имеющий основной целью поиск стилистических средств, структура которых содержит в себе повтор, и реализующий ряд вспомогательных функций, в том числе расчет частоты употребления слова в тексте.

Признаковое пространство исследований по дискриминации идиостиля разных авторов охватывает чрезвычайно широкий набор параметров. Так, Н. А. Фатеева в качестве характеристики индивидуального стиля писателя рассматривает такие категории, как структура ситуации, единство концепции, композиционных принципов, подобие тропеической, звуковой и ритмико-синтаксической организации [Фатеева, 2003].

В работах Е. И. Бойчук, посвященных идиостилистике и индивидуальным признакам авторского стиля, особый акцент сделан на ритме текста и таких его фигурах, как анафора, эпифора, симплока, анадиплозис, эпаналепсис, эпизевксис, диакопа, полисиндетон и др. [Бойчук, 2019а; Бойчук, 2019б; Бойчук, 2019в]. Сходных взглядов придерживается М. Дубремец, особо выделяющая в качестве ритмических параметров авторского стиля хиазм, эпанафору и эпифору [Dubremetz, 2017; Dubremetz, 2018].

По мнению В. С. Андреева, к наиболее частотным маркерам авторского стиля следует отнести морфологические (частеречная отнесенность, морфологические формы глаголов и/или других частей речи, частотность служебных слов и др.), лексические (частотность конкретных лексем или классов слов, насыщенность словаря, типы и частотность аффиксов и др.), синтаксические (различные характеристики, отражающие длину и структуру предложений, тип и характер словосочетаний и др.) и производные (агрегированные) признаки. В. С. Андреев также отмечает активное использование различных параметров, отражающих длину слов в буквах, специфику пунктуации и др. [Андреев, 2008, с. 14].

В англоязычной научной литературе понятие стиля и его параметризация непосредственно сопряжены с понятиями идиолекта, тона и голоса. При этом понятие идиолекта связывается с выбором автором определенной лексики и фигур речи, тон – с эмотивностью и оценочностью идиолекта, голос – с авторским подтекстом, преподносимым читателю между строк [Цит. по: Идиостиль и ритм текста, 2019, с. 20].

Французские исследователи уделяют особое внимание когнитивным механизмам, которые участвуют в образовании индивидуальных стилистических характеристик (А. Рабатель), а также воспроизводимости определенных речевых оборотов или стилистем (Ж. Молинье) [Цит. по: Идиостиль и ритм текста, 2019, с. 19].

Прецедентность, определяемая как «известность, хрестоматийность, востребованность, значимость, эмоциональная и познавательная ценность, реинтерпретируемость» [Караулов, 1986, с. 217] и в основном имеющая формальное воплощение в тексте в виде определенных слов (реалий, имен и др.), устойчивых выражений (фразеологических оборотов, афоризмов, прямых и трансформированных цитат и др.), символов (их лексических описаний), таким образом, может и должна рассматриваться как маркер авторского стиля, в том числе образующий его доминанту. Данное положение в полной мере ассонирует с современными определениями авторского стиля (идиостиля) как системы «логико-семантических способов репрезентации доминантных личностных смыслов концептуальной системы автора художественного текста, объективированной в эстетической деятельности

и предполагающей индивидуальную трансформацию языковых выражений» (Н. С. Пищальникова) и системы «доминирующих, личностно актуальных способов и средств формально-содержательной и языковой фиксации авторских когнитивных структур, эмоциональных состояний и субъективных смыслов в эстетически направленном речевом произведении» (О. В. Четверикова) [Цит. по: Идиостиль и ритм текста, 2019, с. 12].

Носителями прецедентности являются имена, высказывания, тексты, символы и ситуации (совокупно именуемые «прецедентные феномены» или ПФ), «значимые для языковой личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Цит. по: Воронцова, 2019, с. 102].

По принадлежности к значимым сферам когнитивной и практической деятельности человека ПФ практически не имеют границ в своих источниках и черпаются из социальной сферы (политика, экономика, образование, развлечения, медицина, война, криминал, спорт), области искусств (литература, театр, кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология, фольклор), науки (математика, физика, химия, биология, история, география, филология), религии (прецедентные феномены, восходящие к религиозным текстам) [Нахимова, 2007, с. 89–90].

По степени освоенности и частоте апелляции ПФ условно закреплены за некоторыми уровнями: автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный [Гудков, 2003, с. 115]. Обращаясь к ПФ каждого из уровней, автор предстает перед читателем как языковая личность, имеющая четыре ипостаси: языковая личность как индивидуум, обладающая своим собственным сознанием и объемом памяти (автопрецедентный уровень), языковая личность как член определенного социума, обладающая общими с ним знаниями, представлениями и ценностными ориентациями (социумно-прецедентный уровень), языковая личность как член определенного национально-культурного сообщества, владеющая определенным набором «культурных предметов» и их символов (национально-прецедентный уровень), а также языковая личность как член рода человеческого, обладающая общими для всех людей знаниями и представлениями (универсально-прецедентный уровень) [Прохоров, 2004, с. 97].

Здесь закономерным будет сделать предположение о том, что наиболее значимые маркеры авторского стиля располагаются на более низких уровнях прецедентности (авто- и социумные прецеденты), в то время как прецедентность высоких уровней (национально- и универсально-прецедентные уровни) обладает меньшей атрибутивной точностью.

Это утверждение, сделанное в отношении автопрецедентов, в первую очередь касается единиц, выраженных авторскими новообразованиями: умклайдет (аналог волшебный палочки), Белый Тезис (некое подобие эликсира вечной жизни), самозапиральник (автоклав), телепатема (мысль, которую можно послать на расстояние) у А.и Б. Стругацких («Понедельник начинается в субботу»), знаменитые коктейли с точным рецептурным описанием от Венички из поэмы В.Ерофеева «Москва-Петушки» («Ханаанский бальзам», «Дух Женевы», «Слеза комсомолки», «Сучий потрох»), фамилия «Латунский», сложенная из фамилий критиков, негативно отзывавшихся о произведениях Булгакова, – О. Литовского и А. Орлинского, и др.

Специфичными для стиля того или иного автора, скорее всего, будут являться и социумно-прецедентные феномены, апелляция к которым требует от автора профессиональной осведомленности и почти уникального мотива для встраивания подобных прецедентных феноменов в контекст: Демон Максвелла и Банахово пространство («Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких), узнаваемые для профессионального социума математиков и физиков; хунвейбины, Халдейское слово, Берклеанцы, Бхагавад-Гита (там же), «и потом – клятва на Воробьевых горах…», «один только месяц – от моего Тулона до моей Елены», «Низы не хотели меня видеть, а верхи не могли без смеха обо мне говорить» (В. Ерофеев «Москва-Петушки»), проницаемые, в первую очередь, для историков, и т.д.

Приводимая в настоящей статье статистика не претендует на объективность, однако может констатировать некую тенденциозность в отношении небольшого количества социумно- и, в особенности, автопрецедентых феноменов в художественных текстах. Так, их число соответственно составило 22 % и 7 % от общего числа ПФ в анализируемых произведениях братьев Стругацких, 18 % и 5 % – в поэме «Москва-Петушки», 16 % и 2 % – в романе «Коллекционер» и т.д. В то же время обращение к национально-прецедентным и универсально-

прецедентным феноменам является высокочастотным и составляет во всех анализируемых произведениях более 70 % ПФ, из чего следует необходимость учета в качестве маркеров идиостиля ПФ этих уровней.

Выделение параметров дифференциации авторских стилей в аспекте национальной и универсальной прецедентности крайне трудоемко и неизбежно столкнется с множеством противоречий. Во-первых, ряд ПФ имеют лишь условно-формальное воплощение на уровне текста, относясь к надречевым или надречево-речевым формам (структура романа «Волхв» вбирает в себя сюжетные элементы шекспировской «Бури», «Больших надежд» Ч. Диккенса и «Большого Мольна» Алена-Фурье; в романе «Любовница французского лейтенанта» есть цитаты на уровне стиля: когда автор вспоминает о Генри Джеймсе, он тут же начинает строить фразу в его витиеватой манере и др.). Во-вторых, распознавание и истолкование ПФ во многом суть субъективная интерпретация читателя (исследователя). В случае, если ответ на авторскую загадку не лежит на поверхности (не получает однозначного вербального выражения), интерпретации могут разниться, ПФ – приписываться разным уровням и разным источникам прецедентности (например, фамилия главного героя романа «Волхв» – Эрфе (Urfe) – истолковывается как содержащая авторскую реминисценцию, наводящую на слово Earth (Земля), межзубный звук в котором в детстве не давался автору романа, и как отсылка к мифологическому персонажу Орфею, с более высоким уровнем прецедентности). В-третьих, вербальное выражение ПФ разнородно, эффективность инструментария, в том числе математического, для автоматизированного выделения ПФ в текстах чрезвычайно низка. В-четвертых, авторский стиль сложен и многообразен, содержит различные ПФ и меняется со временем.

Принимая во внимание вышесказанное, попробуем, тем не менее, предположить, что может послужить отправными точками для параметризации авторского стиля с точки зрения прецедентности.

Для национально-прецедентных феноменов одним из параметров может, на наш взгляд, служить временной срез, к которому относятся ПФ: у М. А. Булгакова это имена, высказывания и символы царской России и времен основания СССР – «Славное море священный Байкал… Славен корабль, омулевая бочка!.. Гей, Баргузин…пошевеливай вал!..- молодцу быть недалечко!» – стихотворение Д. Давыдова 1848г., положенное на музыку в 1850г.; в произведениях братьев Стругацких и В. Ерофеева это социалистические реалии середины – второй половины XX столетия – «высшая мера», «общество «Знание», штамп «Никто не забыт, ничто не забыто» (А. и Б. Стругацкие), «Я обращаюсь ко всем родным и близким, ко всем людям доброй воли…», «…по случаю предстоящего столетия обязуемся покончить с производственным травматизмом» – советские штампы у В. Ерофеева; в романах Дж. Фаулза это прямое и трансформированное цитирование английских классиков Просвещения и Викторианской эпохи – описывая встречу Чарльза Смитсона с Сарой Вудраф, автор говорит, что Чарльз «ворвался в такие пределы, куда менее искушенные… ангелы не смеют даже ступить», тем самым видоизменив фразу («Fools rush in where angels fear to tread») из дидактической поэмы А. Поупа «Опыт в критике», или «He did not care that the pray was uneatable, but he abhorred the unspeakability of the hunters» – «Ему дела не было, что добыча несъедобна, ему была отвратительна невыносимость охотников» (отсылка к У. Теккерею); в романах А. Мердок это, с одной стороны, отсылки к современной философии (работам Витгенштейна, Кьеркегора, Хайдеггера, Сартра, Вайль), с другой – особенно в так называемый «средний» период творчества писательницы (1970-е годы) – к античной философской мысли (Платон) и т.д.

В качестве параметра национально-прецедентных феноменов можно рассматривать соотношение в использовании «своих и чужих» национально-культурных ПФ: так, в поэме В. Ерофеева соотношение «своих» (русских) и «чужих» (иностранных) ПФ из литературы, фольклора, изобразительного и музыкального искусства составляет 3 к 2 – автор апеллирует к именам и высказываниям из произведений Пушкина, Гоголя, Горького, Тургенева, Булгакова, Айвазовского, Мусоргского, с одной стороны, и Шекспира, Байрона, Верди, Вагнера, Дворжака и др., с другой; в повести «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких соотношение «своих» и «чужих» ПФ составляет приблизительно 2 к 1 – с явным преобладанием отсылок к русскому фольклору (Кот Василий, скатерть-самобранка, гусли-самогуды, сапоги-скороходы, леший, кикимора, Лихо одноглазоеи др. и иностранным фольклорно-литературным персонажам – Василиск, Сатир, Беовульф, тролль и др.)).

Третьим параметром характеристики авторского стиля может служить соотношение источников ПФ по сферам: так, у братьев Стругацких, Дж. Фаулза и А. Мердок выражено присутствие ПФ научной сферы – математики, физики, биологии, психологии, философии (творчество Дж. Фаулза и А. Мердок часто характеризуется сочетанием «профессорская проза») – закон Ломоносова-Лавуазье, метрика Римана, упоминавшиеся ранее демон Максвелла и Банахово пространство (А. и Б. Стругацкие); «(like) burnet cocoons» (кокон бабочки (букв. «кокон кровохлебки»)), включение в повествование дневниковых записей персонажей и их сновидений (отсылки к инструментарию психоанализа Фрейда и Юнга) («Коллекционер», «Черный принц») и др. В романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» высокочастотными являются прямые и скрытые обращения к прецедентным именам и высказываниям, берущим начало в русской и немецкой литературе («Там груды золота лежат и мне они принадлежат» (А. С. Пушкин «Пиковая Дама»), «Но мы-то ведь живы» (роман Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»), «Не выношу шума, возни, насилия и всяких вещей в этом роде» («Фауст» И. Гете) и др.). Русская, советская и английская литература, а также европейское музыкальное наследие – доминантные источники ПФ у В. Ерофеева: «Мне очень вредит моя деликатность, она исковеркала мне мою юность. Мое детство и отрочество…» (Л. Н. Толстой «Детство, отрочество, юность»), «Брось считать, что ты выше других… что мы мелкая сошка, а ты Каин и Манфред…» (сложная литературная аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и поэмы Дж. Г. Байрона «Каин» и «Манфред»), «О-о-о, чаша моих прэ-э-эдков… О-о-о, дай мне наглядеться на тебя при свете зве-о-о-озд ночных»… Ну, конечно, Иван Козловский… «О-о-о, для чего тобой я околдо-о-ован… Не отверга-а-ай»… (опера Ш. Гуно «Фауст») и др.

Наименьшей атрибутивной точностью обладают универсально-прецедентные феномены, которые, главным образом, содержат отсылки к Библии, древнегреческим, римским и скандинавским мифам и легендам, древнеегипетским символам, событиям мировой истории, и, по мнению многих исследователей, являются практически обязательными компонентами текста художественной прозы [Blyth, Jack, 2019; Groves, 2017; Lefteratou, 2018; Scheil, 2016]. В проанализированных произведениях универсально-прецедентные феномены составляют значительную долю от общего числа ПФ (44 % в поэме В. Ерофеева «Москва-Петушки», 29 % в произведениях братьев Стругацких, 23 % в произведениях Дж. Фаулза и т.д.). Решающим фактором характеристики идиостиля, на наш взгляд, здесь может стать определение частоты употребления слов (сочетаний), являющихся носителями универсальной прецедентности и свойственных тому или иному автору. Так, в романе «The French Lieutenant's Woman» 14 раз встречается упоминание о Библии (the Bible), 12 раз употребляется слово «myth» («миф») и его производные, 4 раза слово «Jesus» («Иисус»), трижды – слово «Nazareth» («Назарет»), трижды – символ сфинкса (Sphinx), дважды – упоминание об Эдемском саде («the Garden of Eden»), что образует доминанту универсально-прецедентного тезауруса данного романа. Для сравнения, эти же универсально-прецедентные феномены находят отражение и в другом романе Дж. Фаулза – «Волхв», где статистика выглядит следующим образом: «Библия» – 5 раз, «миф» – 11 раз, «Иисус» – 11 раз, из них 6 раз как междометие, «сфинкс» – 2 раза, «Эдемский сад» – 1 раз. Следует признать, однако, что в романе «Коллекционер», первом опубликованном романе автора, эта лексика не встречается, что обусловлено особенностями проблематики произведения, а также нюансами авторского стиля на раннем этапе.

Таким образом, атрибутивная объективность прецедентных феноменов будет более высокой в случае принадлежности ПФ авто- и социумно-прецедентному уровню. Прецедентные феномены национально- и универсально-прецедентного уровней дают менее надежный результат в оценке идиостиля, однако должны рассматриваться как его маркеры с учетом частоты встречаемости ключевых для них слов, а для национально-прецедентных феноменов – с учетом их принадлежности к определенному временному периоду, соотношения в использовании «своих и чужих» прецедентов, соотношения источников прецедентных феноменов по тематическим сферам. Данные утверждения, однако, основаны на небольшом статистическом корпусе и являются гипотетическими.

Библиографический список:

1. Андреев В. С. Формальные маркеры изменения стиля Г. Лонгфелло // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 14–20.

2. Бойчук Е. И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка): монография. Ярославль : Канц-

лер, 2019а. 232 с.

3. Бойчук Е. И. Специфика ритмической структуры испанских прозаических текстов / Е. И. Бойчук, М. А. Джонсон // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019б. No2(17). С. 119–129.

4. Бойчук Е. И. Лексико-грамматический аспект реализации ритма романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» / Е. И. Бойчук, Е. А. Трофимова // Язык и общество: Диалог культур и традиций: сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского». Вып. 17. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019в. С. 8–15.

5. Воронцова И. А. Стратегии и приемы межъязыковой трансляции культурного компонента системы художественного текста (на материале поэмы В. Ерофеева «Москва-Петушки» и его перевода на английский язык) / И. А. Воронцова, Л. В. Маценко // Европейское литературное наследие в кросскультурном пространстве: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (23–24 мая 2019г.). Москва : Научная библиотека, 2019. С. 99–106.

6. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва : Гнозис, 2003. 288 с.

7. Идиостиль и ритм текста: коллективная монография / Бойчук Е. И., Воронцова И. А., Шляхтина Е. В., Беляева О. В., Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 184 с.

8. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. Москва, 1986. С. 105–126.

9. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 207 с.

10. Нахимова Е. А., Потоцкая Н. П. Прецедентные феномены в рекламных текстах продуктов красоты (на материале рекламных текстов на русском и английском языках) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова. 2019. № 4. С. 140–146.

11. Опарина Е. О. Прецедентные феномены в современных дискурсах // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание: реферативный журнал. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2018. № 3. С. 116–122.

12. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учебное пособие. Москва : Флинта : Наука, 2004. 224 с.

13. Фатеева Н. А. Интертекст и гипертекст: художественный текст, его бытие в «паутине» других текстов // Русский язык сегодня: сб. ст. Вып. 2. Москва, 2003. С. 388–400.

14. Blyth C., Jack A. The Bible in Crime Fiction and Drama: Murderous Texts. Bloomsbury. 2019. 193 pp.

15. Eder M. Visualization in Stylometry: Cluster Analysis Using Networks // Digital Scholarship in the Humanities, Volume 32, Issue 1, April 2017. P. 50–64.

16. Dubremetz M. Machine learning for rhetorical figure detection: more chiasmus with less annotation / M. Dubremetz, J. Nivre // Proceedings of the 21st Nordic Conference of Computational Linguistics (Gothenburg: Linköping University Electronic Press), 2017. P. 37–45. URL: https://www.aclweb.org/anthology/W17–0205 (дата обращения 11.02.2020).

17. Dubremetz M. Rhetorical Figure Detection: Chiasmus, Epanaphora, Epiphora / M. Dubremetz, J. Nivre // Frontiers in Digital Humanities, Vol. 5, 2018. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fdigh.2018.00010/full (дата обращения 11.02.2020).

18. Groves B. Literary Allusion in Harry Potter. London : Imprint Routledge, 2017. 196pp.

19. Kortti J. Media History and the Mediatization of Everyday Life // Media History, Vol.23, Issue 1, March 2017. P. 115–129.

20. Laursen O. ‘A Dagger, a Revolver, a Bottle of Chloroform’: Colonial Spy Fiction, Revolutionary Reminiscences and Indian Nationalist Terrorism in Europe // Planned Violence: Palgrave Macmillan, Cham, 2018. P. 255–271.

21. Lefteratou A. Mythological Narratives. Walter de Gruyter GmbH Berlin/Boston, 2018. 359 pp.

22. Overview of the Author Identification Task at PAN-2018 Cross-domain Authorship Attribution and Style Change Detection / M. Kestemont, M. Tschuggnall, E. Stamatatos, W. Daelemans, G. Specht, B. Stein, and M. Potthast // Computer Science: CLEF, 2018. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/162d/693fea86aba21002b0b4d68cbe1454da996b.pdf (дата обращения 13.02.2020).

23. Scheil A. Babylon under Western Eyes: A Study of Allusion and Myth. Toronto: University of Toronto Press, 2016. 343 pp.

24. Stamatatos E. Authorship Attribution Using Text Distortion // Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics: Volume 1, Long Papers, Valencia, Spain, April 3–7, 2017. P. 1138–1149.

25. Surveying Stylometry Techniques and Applications – ACM Computing / T. Neal, K. Sundararajan, A. Fatima, Y. Xiang, D. Woodard // ACM Computing Surveys (CSUR), Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.November 2017, Article No.: 86. URL: https://doi.org/10.1145/3132039 (дата обращения 18.02.2020).

Reference List

1. Andreev V. S. Formal'nye markery izmenenija stilja G. Longfello = Formal markers of G.Longfellow's style // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2008. № 66. S. 14–20.

2. Bojchuk E. I. Analiz ritma prozy (na materiale francuzskogo jazyka) = The analysis of the rhythm of prose (on the material of the French language) : monografija. Jaroslavl' : Kancler, 2019a. 232 s.

3. Bojchuk E. I. Specifika ritmicheskoj struktury ispanskih prozaicheskih tekstov = The specifics of a rhythmical structure of Spanish prosaic texts / E. I. Bojchuk, M. A.

Dzhonson // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019b. No2(17). S. 119–129.

4. Bojchuk E. I. Leksiko-grammaticheskij aspekt realizacii ritma romana Sharlotty Bronte «Dzhejn Jejr» = Lexico-grammatical aspect of rhyth realisation in the novel of S. Bronte «Jane Eyre» / E. I. Bojchuk, E. A. Trofimova // Jazyk i obshhestvo: Dialog kul'tur i tradicij: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». Vyp. 17. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019v. S. 8–15.

5. Voroncova I. A. Strategii i priemy mezh#jazykovoj transljacii kul'turnogo komponenta sistemy hudozhestvennogo teksta (na materiale pojemy V. Erofeeva «Moskva-Petushki» i ego perevoda na anglijskij jazyk) = The srtategies and methods of interlanguage translaton of culture component of artistic text system (on the material of the poem of V. Erofeev «Moscow-Petushki» and its English translation) // Evropejskoe literaturnoe nasledie v krosskul'turnom prostranstve: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (23–24 maja 2019g.). Moskva : Nauchnaja biblioteka, 2019. S. 99–106.

6. Gudkov D. B. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii = The theory and practice of of intercultural communication. Moskva : Gnozis, 2003. 288 s.

7. Idiostil' i ritm teksta = Idiostyle and rhythm of the text : kollektivnaja monografija / Bojchuk E. I., Voroncova I. A., Shljahtina E. V., Beljaeva O. V. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. 184 s.

8. Karaulov Ju. N. Rol' precedentnyh tekstov v strukture i funkcionirovanii jazykovoj lichnosti = The role of precendence texts in the structure and functioning of a language personality // Nauchnye tradicii i novye napravlenija v prepodavanii russkogo jazyka i literatury: doklady sovetskoj delegacii na VI kongresse MAPRJaL. Moskva, 1986. S. 105–126.

9. Nahimova E. A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii = Precedent names in mass communication. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2007. 207 s.

10. Nahimova E. A., Potockaja N. P. Precedentnye fenomeny v reklamnyh tekstah produktov krasoty (na materiale reklamnyh tekstov na russkom i anglijskom jazykah) = Precedent phenomena in the ad-texts of beauty products (on the material of ad-texts in Russian and English) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki: Severo-Osetinskij gosudarstvennyj universitet im. K. L. Hetagurova. 2019. № 4. S. 140–146.

11. Oparina E. O. Precedentnye fenomeny v sovremennyh diskursah = Precedent phenomena in modern discourses // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 6. Jazykoznanie: referativnyj zhurnal. Moskva : Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN. 2018. № 3. S. 116–122.

12. Prohorov Ju. E. Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs = Reality. Text. Discourse : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta : Nauka, 2004. 224 s.

13. Fateeva N. A. Intertekst i gipertekst: hudozhestvennyj tekst, ego bytie v «pautine» drugih tekstov = Intertext and hyper text: artistic text, its existence in «net» of other texts // Russkij jazyk segodnja: sb. st. Vyp. 2. Moskva, 2003. S. 388–400.

14. Blyth C., Jack A. The Bible in Crime Fiction and Drama: Murderous Texts. Bloomsbury. 2019. 193 pp.

15. Eder M. Visualization in Stylometry: Cluster Analysis Using Networks // Digital Scholarship in the Humanities, Volume 32, Issue 1, April 2017. P. 50–64.

16. Dubremetz M. Machine learning for rhetorical figure detection: more chiasmus with less annotation / M. Dubremetz, J. Nivre // Proceedings of the 21st Nordic Conference of Computational Linguistics (Gothenburg: Linköping University Electronic Press), 2017. R. 37–45. URL: https://www.aclweb.org/anthology/W17–0205 (data obrashhenija 11.02.2020).

17. Dubremetz M. Rhetorical Figure Detection: Chiasmus, Epanaphora, Epiphora / M. Dubremetz, J. Nivre // Frontiers in Digital Humanities, Vol. 5, 2018. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fdigh.2018.00010/full (data obrashhenija 11.02.2020).

18. Groves B. Literary Allusion in Harry Potter. London : Imprint Routledge, 2017. 196pp.

19. Kortti J. Media History and the Mediatization of Everyday Life // Media History, Vol.23, Issue 1, March 2017. P. 115–129.

20. Laursen O. ‘A Dagger, a Revolver, a Bottle of Chloroform’: Colonial Spy Fiction, Revolutionary Reminiscences and Indian Nationalist Terrorism in Europe // Planned Violence: Palgrave Macmillan, Cham, 2018. P. 255–271.

21. Lefteratou A. Mythological Narratives. Walter de Gruyter GmbH Berlin/Boston, 2018. 359 pp.

22. Overview of the Author Identification Task at PAN-2018 Cross-domain Authorship Attribution and Style Change Detection / M. Kestemont, M. Tschuggnall, E. Stamatatos, W. Daelemans, G. Specht, B. Stein, and M. Potthast // Computer Science: CLEF, 2018. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/162d/693fea86aba21002b0b4d68cbe1454da996b.pdf (data obrashhenija 13.02.2020).

23. Scheil A. Babylon under Western Eyes: A Study of Allusion and Myth. Toronto: University of Toronto Press, 2016. 343 pp.

24. Stamatatos E. Authorship Attribution Using Text Distortion // Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics: Volume 1, Long Papers, Valencia, Spain, April 3–7, 2017. P. 1138–1149.

25. Surveying Stylometry Techniques and Applications – ACM Computing / T. Neal, K. Sundararajan, A. Fatima, Y. Xiang, D. Woodard // ACM Computing Surveys (CSUR), November 2017, Article No.: 86. URL: https://doi.org/10.1145/3132039 (data obrashhenija 18.02.2020).

УДК 808.5

orcid.org/0000–0002–4256–9815

С. А. Громыко

Русско-польский кросснационалистический дискурс в Государственной думе Российской империи: риторико-прагматический аспект

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20–012–00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза»

Для цитирования: Громыко С. А. Русско-польский кросснационалистический дискурс в Государственной думе Российской империи: риторико-прагматический аспект // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 130-139. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-130-139

В статье анализируется кросснационалистический дискурс в дореволюционной Государственной думе. Исследуются риторико-прагматические особенности прений между русскими и польскими националистами в парламенте. Кросснационалистический публичный дискурс, возникший в российском институте власти в 1908 и продолжавшийся до 1917 года, позволил существенно обновиться речевой деятельности русских и польских националистов. Объектом исследования послужили в первую очередь выступления русских правых радикалов. Установлено, что одной из главных черт кросснационалистического дискурса является системообразующая роль национального и исторического аргументов, так как агенты дискурса рассматривали современные им отношения между русскими и поляками сквозь призму истории взаимоотношений России и Польши, а также посредством различного рода доводов, связанных с этнической идентификацией и самоидентификацией. В результате анализа речей депутатов Думы установлено, что важнейшей прагматической стратегией для русских националистов было выстраивание образа врага. При этом типология средств создания образа врага показала активное использование самых разных способов речевого воздействия на аудиторию: интерпретация политической позиции как ненависти к России, приписывание нетерпимости и фанатизма, приписывание точки зрения о неполноценности русских, прямое обвинение в ненависти к русским, угрозы, описание случаев расправы поляков над русскими. Русскими националистами активно применялась коммуникативная стратегия разоблачения тайного заговора против России и русских. Делается вывод об имперском характере кросснационалистического дискурса: в прениях той и другой стороной активно использовалась бинарная когнитивная конструкция «окраина – центр», приобретавшая черты конструкции «колония – метрополия».

Ключевые слова: парламентская риторика, парламентская речь, речевая прагматика, русский национализм, польский национализм, риторика национализма, аргументация, образ врага, национальный аргумент.

S. A. Gromiko

Russian-Polish cross-nationalist discourse in Russian Empire State Duma: rhetorical and pragmatic aspects

The article analyzes the cross-nationalist discourse in the pre-revolutionary State Duma. The rhetorical and pragmatic features of the debate between Russian and Polish nationalists in parliament are examined. The cross-nationalist public discourse that arose at the Russian institute of power in 1908 and continued until 1917 allowed the speech activity of Russian and Polish nationalists to be substantially updated. The object of the study was primarily the performances of Russian right-wing radicals. It has been established that one of the main features of cross-nationalist discourse is the system-forming role of national and historical arguments, since the agents of the discourse examined their contemporary relations between the Russians and the Poles through the prism of the history of relations between Russia and Poland, as well as through various kinds of arguments related to ethnic identification and self-identification . As a result of the analysis of the speeches of the Duma deputies, it was established that the most pragmatic strategy for Russian nationalists was to build the image of the enemy. At the same time, the typology of means of creating the image of the enemy showed the active use of a variety of ways of verbal influence on the audience: interpretation of the political position as hatred of Russia, attribution of intolerance and fanaticism, attribution of the point of view of the inferiority of Russians, direct accusation of hatred of the Russians, threats, description of cases of violence Poles over

© Громыко С. А., 2020

Russians. Russian nationalists actively used the communicative strategy of exposing a secret conspiracy against Russia and the Russians. The conclusion is drawn about the imperial nature of cross-nationalist discourse: in the debate, both sides actively used the binary cognitive construction «outskirts – center», which acquired the features of the construction «colony – metropolis».

Key words: parliamentary rhetoric, parliamentary speech, speech pragmatics, Russian nationalism, Polish nationalism, rhetoric of nationalism, argumentation, image of the enemy, national argument.

Введение

Экстремистский дискурс и экстремистский текст в последние несколько лет стали объектами интенсивного научного изучения. Активному исследованию подвергаются тексты экстремистских религиозных организаций [Балукова, 2013], образы, использующиеся с целью коммуникативного воздействия на адресата [Злоказов, 2015], когнитивные особенности и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса [Ворошилова, 2014], психологическое воздействие религиозно-политических экстремистских текстов [Тагильцева, 2015], жанры современного экстремистского дискурса [Бабикова, 2015]. Несомненный научный интерес представляет коллективная монография «Экстремистский текст и деструктивная личность» [Экстремистский текст, 2014].

Изучение русского националистического дискурса в динамике, выявление его констант и доминант, дифференцирующих признаков позволяет лучше понять истоки и причины явления этнической нетолерантности и экстремизма в российском обществе. В этом плане исследование риторики и прагматики русских националистов в историческом аспекте представляется очень важным для понимания речевого генезиса русского национализма, выявления устойчивых форм, жанров, моделей и прочих констант речевой деятельности представителей данной идеологической группы.

Русские националисты в начале XX века – политики и общественные деятели, отстаивавшие праворадикальные взгляды. К ним относятся члены черносотенных организаций – «Союза русского народа» и «Русского народного союза имени Михаила Архангела», несистемные радикальные монархисты-консерваторы и умеренные правые, разделявшие позицию черносотенцев в национальных вопросах (например, некоторые члены думской фракции «Союза 17 октября»). Всех этих людей объединяло признание русской нации в качестве высшей ценности общества и государства, защита прав русских православных, требование проведения внутренней и внешней политики в соответствии с русскими интересами. Все эти цели националисты предлагали решать на консервативно-охранительной платформе с опорой на монарха и государственный аппарат. В 1907 году русские националисты впервые получили представительство во Второй Государственной думе, а в Третьей Думе образовали парламентское большинство. Таким образом, русская националистическая риторика стала институциональной.

Данная статья является результатом исследования, целью которого было моделирование системы риторико-прагматических средств русских националистов в парламенте начала XX века. Объектом исследования послужили думские прения кросснационалистического, или межнационалистического, характера. В Третьей и Четвертой Государственной думе были представлены не только русские, но и польские националисты, что привело к своеобразному феномену: впервые в отечественной истории в публичном институте власти столкнулись два национализма, что спровоцировало взаимные нападки, обвинения, угрозы. Русские и польские радикалы с этого момента осмысливали себя и свою идеологию в контексте противника, выбирая для выступлений в Думе специфические средства и способы убеждения и воздействия. Таким образом, под кросснационалистическим дискурсом мы понимаем агональный дискурс столкновения в публичном институте власти националистов, продвигающих в качестве высшей ценности разные национальности. Предметом исследования послужили риторико-прагматические средства убеждения русскими националистами думской аудитории в собственной правоте и способы речевой атаки на польских националистов.

Прения по так называемым национальным вопросам, которые охватывали различного рода предложения по предоставлению особых прав Финляндии и Польше, имеют определенный

научный интерес. Польский вопрос вообще открывает особую дискурсную формацию в парламенте, так как депутаты-поляки, образовав активную политическую группу, стали влиятельным думским игроком, особенно в Первой и Второй думах, где голоса польского кружка, или польского коло, как они назвали себя, решили судьбу нескольких законопроектов. Выступление с трибуны депутатов-поляков в Третьей думе вошли в клинч с правым большинством парламента, особенно с радикалами-черносотенцами. Ответственными за противодействие польским националистам Роману Дмовскому и Любомиру Дымше со стороны черносотенцев стали русские депутаты от Польши Георгий Замысловский и Сергей Алексеев. Речи этих депутатов стали своеобразным риторическим ядром дискуссии, вокруг которого сгруппировались и выступления других парламентариев. Материалом исследования послужили 68 думских речей, произнесенных с 1908 по 1911 годы, в которых затрагиваются проблемы административного статуса, политического, экономического и социального положения Царства Польского. Речи нашли отражение в официальных стенографических отчетах Государственной думы и аналитических изданиях политических партий.

Риторико-прагматический инвентарь дискурса

Русские националисты в Думе в качестве средств убеждения и воздействия использовали определенный риторико-прагматический инвентарь, который включал в себя аргументы, коммуникативные стратегии и тактики, метафоры и образы. В ходе прений с польскими радикалами по национальным вопросам русские правые как использовали привычный набор способов убеждения, так и отстраивались от политических противников, вводя новые прагматические приемы. Рассмотрим наиболее востребованные риторико-прагматические средства.

1. Исторический аргумент.

В системе персуазивности русского институционального националистического дискурса начала XX века важную роль играл так называемый исторический аргумент. Под историческим аргументом понимается довод к общеизвестным фактам из отечественной и всеобщей истории. Депутаты в дореволюционной Думе активно обращались к событиям из разных периодов, эпох развития различных культур, упоминали известных государственных деятелей, ориентировали аудиторию на исторические документы. Депутаты-националисты, обращаясь к петровскому времени, Смуте, Великой французской революции и убийству Александра II, активно искали параллели с современностью, пытались при помощи фактов истории объяснять и прогнозировать политический процесс начала XX века. Однако главный смысл приведения данных доводов – легитимизация и институционализация своих радикальных взглядов через «присваивание» великих событий и личностей, попытка вывести генезис русского национализма из русской истории [Громыко, 2017, с. 115].

В парламентских прениях о Польше и Финляндии обращение к истории становится ключевым аргументом, так как националисты пытались рассматривать современные межнациональные отношения сквозь призму истории их формирования. Чаще всего в выступлениях черносотенцев и Польша, и Финляндия интерпретируются как колонии, получившие благодаря метрополии импульс для экономического и культурного развития и не ценящие российскую государственность и русскую нацию. Естественно, депутаты, представлявшие польское коло, наоборот, живописали в своих речах мрачные картины притеснения российским государством поляков и католической церкви. Однако с отношением к Польше в ряде выступлений все было гораздо сложнее: по мнению черносотенцев, колонизация принесла полякам не чуждую им русскую культуру, а развила собственную, коренную.

Яркой реализацией исторического аргумента можно считать негативную интерпретацию истории Польши на начальном этапе ее вхождения в Российскую империю и сопоставление этой интерпретации с фактами развития в составе метрополии. *Алексеев: В 1825 году в автономной Польше на краевом сейме раздавались те же самые жалобы… На этом сейме лучшие сыны польской земли говорили с укоризной: почему понижается наше культурное состояние, почему мы делаем в школьном вопросе шаг назад?... Вы все, конечно, помните знаменитое 19 февраля 1864 года – Высочайший указ русского императора. Вы все помните священное для нас, для всех русских имя Милютина и его крестьянскую и школьную реформы в Царстве Польском. Польское крестьянство с 1864 года в культурно-*

экономическом отношении пошло по совершенно иному пути… До 1864 года неграмотных, то есть, как их называют местные жители, анальфабетов, в Царстве Польском был 91 %, а грамотных всего лишь 9 %. Обращусь теперь к данным из официального документа переписи 1897 года. Что вы там находите? Грамотных в Царстве Польском – 35 % вместо 9 % за такой сравнительно короткий промежуток времени [Польский вопрос, 1908, с. 14–15].

Для доказательства положительных результатов колонизации Польши русские правые в Думе активно опирались на авторитет экономистов, финансистов, историков, причем таких, которые не ассоциировались с официальным государственным дискурсом. Уже в 1908 году сами правые, по всей видимости, считают ненужным и неубедительным ссылки на работы, например Д. И. Иловайского, а пытаются парировать суждения оппонентов их же идеями. Так, в инвентарь персуазивных средств попадают работы видного экономиста-социалиста Ивана Янжула и даже польского историка-русофоба Владислава Студницкого. *Алексеев: Что была Варшава сто лет тому назад? 68 000 насчитывала она населения. Что случилось за этот промежуток времени? В 11 слишком раз увеличилось население… Мы знаем, что число фабрик увеличилось в 3 раза, сумма фабричного производства увеличилась в 4 с половиной раза, сумма торговых оборотов в 5, а в некоторых областях Царства Польского даже в 8 раз. И профессор Янжул, которого нельзя заподозрить в каком-либо лжепатриотизме, говорит нам одно, что польская промышленность, польское благосостояние есть балованное дитя поощрительной политики русской администрации* [Польский вопрос, 1908, с. 19–20]. В целом стенограммы заседаний парламента показывают, что русские правые в качестве инструмента противодействия эмоциональным речам представителей польского коло выбрали рациональную аргументацию с опорой на статистику и экспертное мнение.

2. Национальный аргумент.

Дискурс русских националистов в Думе систематически опирался на национальный аргумент. Под национальным аргументом мы понимаем персуазивный комплекс разнородных доводов, связанных со способом убеждения посредством апеллирования к таким ментальным категориям, как национальное сознание, дух, характер, национальная идентичность, а также к истории становления нации, то есть к различного рода явлениям, связанным с этнической идентификацией в широком смысле. Национальный аргумент был востребован в русской парламентской дискуссии и входил в ядро персуазивного инструментария агентов дискурса [Громыко, 2018, с. 25]. Известно, что данный аргумент имел в институциональной дискуссии начала XX века несколько моделей-разновидностей.

В процессе прений с польским коло русские националисты использовали базовую модель довода к нации-жертве, которая предполагает, что оратор рассматривает русскую нацию как жертву других наций, исторического процесса, непреодолимых обстоятельств и т.п. Распространенность данного довода связана с тем, что у Думы впервые была возможность рассматривать национальные вопросы гласно и остро, поэтому и виновник того, что народ стал жертвой, некий «агрессор» также присутствует в аргументационной модели. Единственным отклонением от этой модели в русско-польской дискуссии необходимо считать смешение национального признака с вероисповедным. Дихотомия «православное – католическое» накладывается на дихотомию «русское – польское», что существенно усложняет прения за счет расширения проблематики и круга агентов дискурса. «Жертвой» при этом являются не только русские, но и все православные (белорусы, украинцы), а «агрессором» – не только поляки, но официальная католическая церковь в Царстве Польском.

Обращает на себя внимание активное использование приема гипотетической мены. Суть его заключается в том, что русские (православные) ставятся на место агрессора, и делается заключение, что русские таким образом не стали или не смогли бы себя вести. *Замысловский: Я спрашиваю вас, осмелился бы русский батюшка вести такую пропаганду, которую ведут католические прелаты, осмелилась бы русская консистория не исполнить Высочайшего повеления, как это делает виленский капитул? Вот почему мы говорим католическому духовенству – или прекратите вашу проповедь религиозного фанатизма и племенной вражды, или мы будем настаивать, чтобы были приняты такие меры, в силу коих духовенство это подчинялось бы распоряжениям русского правительства…»* [Польский вопрос, 1908, с. 12]. Этот прием является одним из

нескольких способов негативного построения этнической самоидентификации, то есть определения русских в данном случае, как не-поляков, не-католиков, не-фанатиков, не-сепаратистов.

Позитивное конструирование этнической самоидентификации русских националистов в процессе обсуждения польского вопроса представлено достаточно широко, гораздо шире, чем в прениях по другим проблемам. Это связано с тем, что в представлении черносотенцев русские и поляки были противопоставлены по ряду исторических признаков, причем эта бинарность была живой, развивающейся, взаимодополняющей. Например, Алексеев в ответ на обвинения Дмовского в насильственной русификации поляков заявил, что русский народ никогда не задавался целью сделать из поляка русского [Польский вопрос, 1908, с. 18], а русская идея – это идея величия России [Польский вопрос, 1908, с. 34–35]. Примечательна пафосная концовка речи Алексеева, произнесенной 29 апреля 1908 года: «*Сходя с кафедры, скажу, господа, что русский народ никогда не позволит себе гасить дух какой-нибудь национальной идеи, какого-нибудь другого народа, русский народ руководится принципом: живи и жить давай другим. Но русский народ, давая каждому право культурно определяться, никогда, господа, не позволит, чтобы с ним говорили двумя языками – здесь одним, а там другим, здесь о самоопределении, а там о независимости*» [Польский вопрос, 1908, с. 38]. В целом русский народ в речах правых депутатов предстает этносом, спаянным с государством, терпимым к другим народам, настроенным развивать взаимоотношения с ними, однако жестким по отношению к неблагодарным ему и Российскому государству. Такая вербальная репрезентация, по большому счету, была характерна только для дискуссии по польскому и финскому вопросу, но не затрагивала иные национальные (татары, башкиры, кавказские народы) и религиозные (мусульмане) меньшинства.

3. Образ врага.

Важнейшей прагматической стратегией для русских правых было выстраивание образа врага, причем, что особенно важно, внутри империи, то есть в своем же доме. Ранее нами был исследован образ внутреннего врага в неинституциональном дискурсе националистов – в листовках и прокламациях – сквозь призму оппозиции «свое» – «чужое». В начале зарождения черносотенного движения в 1905 – 1906 годах рассуждения авторов воззваний имели строгий бинарный характер: ядро «своих» – русские, православные, ядро «чужих» – евреи. Ядерная зона «своих» – православные помещики, фабриканты, купцы, ядерная зона «чужих» – Америка, Европа, а также финны, поляки и прочие представители наций и народностей, населяющих Россию. Периферия «своих» – русские крестьяне, периферия «чужих» – интеллигенция [Громыко, 2017, с. 66]. Однако между образом «чужого» и «врага» есть существенная разница в задействовании тех или иных прагматических средств и в степени их интенсивности. «Врагу» приписываются максимально агрессивные признаки, негативное мировоззрение, сосредоточенность на активном противодействии «своему».

В думских речах правых депутатов в качестве врагов, помимо представителей польского коло, рассматривается Царство Польское и поляки в целом. Интересны способы репрезентации образа «польского врага».

1) Интерпретация политической позиции как ненависти к России и всему русскому, как желание ослабить Российское государство. Например, октябрист Василий фон Анреп, формально не принадлежащий к черносотенцам, но симпатизировавший им в национальных вопросах, следующим образом рассматривал намерение польского коло воздержаться при голосовании об ассигновании средств на начальное образование: *«Вы подумайте, если бы это было иначе [речь идёт о том, что голоса польского коло в III Думе не имели решающего значения – С. Г.], мы бы теперь получили отказ в народном всеобщем образовании в России, потому что их идея такая: пусть гниет в невежестве русская страна. Они отказались голосовать за эти 5 500 000 рублей»* [Польский вопрос, 1908, с. 61]. Обратим внимание, что речь идет не о консолидированном голосовании «против», а лишь о том, что польское коло мотивированно воздержалось от голосования за выделение ассигнований.

2) Приписывание полякам-католикам нетерпимости и фанатизма. *Замысловский: Мы знаем, что в сельских местностях северо-западного края воинствующее католическое духовенство во что бы то ни стало препятствует католикам-белорусам пускать детей в русскую школу. Если католик-белорус осмелится пустить своих детей в русскую школу,*

польский ксендз лишает его причастия… В край вносят проповедь религиозного фанатизма, и результат этой проповеди налицо [Польский вопрос, 1908, с. 9].

3) Приписывание полякам точки зрения о неполноценности русских. Правые в Думе активно собирали своеобразное досье не только на представителей польского кружка, но и на всех общественных деятелей, писателей, ученых, журналистов, которые когда-либо прямо или косвенно давали уничижительную оценку русским. Затем в выступлениях с трибуны эти оценки суммировались, утрировались и позиционировались как консолидированное отношение всех поляков ко всем русским. *Алексеев: Господа, да какой же вам другой правды нужно, когда есть «этнографическая» так называемая правда, которая говорит, что русские в Царстве Польском – это вовсе не славяне, это азиаты монгольского происхождения. И наше азиатское происхождение якобы подтверждают антропометрические измерения: возьмите, например, ногу москальки (говорит «Гонец»), да у нее как у хинки – у китаянки – нога изуродована. И это говорит, вы думаете, только необразованный этнограф, публицист «Гонца». Нет, в подобном духе говорит, между прочим, и почтеннейший профессор, о котором здесь упоминали, Бодуэн де Куртенэ. Ученый-славист утверждает, что славянство русского народа еще подлежит большому сомнению, даже по вопросам статистики* [Польский вопрос, 1908, с. 83]. Следует отметить, что данный прием, несмотря на очевидную манипулятивность в плане компоновки и преподнесения материала, основывался на реальных публикациях в польских газетах и журналах. Обнародование подобного рода высказываний поляков в Петербурге с трибуны Таврического дворца должно было, по замыслу правых, шокировать русскую общественность, раскрыть ей глаза на истинное отношение к России и русским.

4) Прямое обвинение поляков в ненависти к русским, которое зачастую переходило в угрозы, адресованные польской нации в целом. *Клопотович: История польского восстания и польских мятежей показала достаточно ясно, как эти дорогие братья поляки относились к нам раньше. Знаем мы, как они относятся и теперь ко всему русскому в северо-западном и юго-западном крае. Представитель польского народа и лидер польского коло перед лицом всей России громко заявил, что поляки ненавидят все русское (Голос слева: неправда). Была подчеркнута несколько раз ненависть поляков к русским, не верить представителю польского народа, конечно, мы не можем и благодарим за откровенность, но пусть же тогда поляки не ждут горячей и нежной любви за ненависть* [Польский вопрос, 1908, с. 96]. Стенограммы отражают и прямое обращение к польскому народу на пике дискуссии. *Алексеев: Помни, польский народ, что пока не было Третьей Государственной думы, пока вы, поляки, могли безвозбранно выступать так, как выступали в Первой и Второй думах и говорить бог знает что о русских людях, возможно было понять такие приговоры [об угрозах русским чиновникам в Польше]. Теперь наступил другой момент. Русская Государственная дума будет слушать и русские рассказы о житье-бытье и исполнении своего долга русскими людьми на окраинах* [Польский вопрос, 1908, с. 90].

5) Детальное описание случаев расправы поляков над русскими и православными. Это был максимально воздействующий на аудиторию способ построения образа врага. На этапе кульминации прений каждый правый депутат с трибуны приводил по несколько таких примеров. В результате у слушателя создавалось впечатление, что нападения поляков на русских в Царстве Польском – систематическое и даже обыденное явление. Так, например, Алексеев в прениях по школьному вопросу 6 июня 1908 года сначала рассказал о том, что русские чиновники в Польше получают анонимные записки-угрозы, а затем описал убийства польскими террористами начальников дирекции Станкевича и Афанасьева [Польский вопрос, 1908, с. 89]. Двумя неделями ранее Епископ Евлогий рассказал о сожжении воинственно настроенной толпой домов православного священника и псаломщика. Далее последовал рассказ о том, как ксендзы пытались насильственно причастить по католическому обряду умирающего православного священника [Польский вопрос, 1908, с. 118]. Наконец, депутат Тычинин спустя некоторое время озвучил польскую католическую прокламацию, содержащую угрозы в адрес русских и евреев [Польский вопрос, 1908, с. 135].

4. Коммуникативная стратегия разоблачения.

Одним из важнейших средств воздействия на аудиторию и оппонентов в процессе думских межнациональных прений была коммуникативная

стратегия разоблачения. Разоблачительный пафос характерен, в первую очередь, для депутатов-черносотенцев, в то время как представители польского коло выбирали пафос обвинения или, наоборот, жалости. Стратегия разоблачения заключалась в том, что объекту (польскому кружку, полякам в целом) приписывались различного рода подтасовки, умышленное несоответствие между словами и делами, словами и целями и субъект (оратор) публично демонстрировал эту подтасовку либо несоответствие. Стратегия разоблачения предусматривала существование некоей тайны, своеобразного заговора поляков против России и русских, причем этот заговор в ряде выступлений черносотенцев приобретал сакральный смысл, кристаллизуясь в конкретном событии.

Объектом разоблачения стал лидер польского коло Роман Дмовский, главным разоблачителем – Сергей Алексеев. По мере развития русско-польской националистической дискуссии весной-летом 1908 года наблюдается своеобразная восходящая градация разоблачения: от обвинений в приведении ложных аргументов и в манипуляции со статистикой до предъявления доказательств, что Дмовский в Польше перед своими избирателями говорит одно, а в Думе – совершенно другое: в Царстве Польском заявляет о необходимости требовать от России автономии, а в Думе использует эвфемизм «децентрализация». Ссылаясь на печатный орган польского кружка, Алексеев заявил, что, по мысли Дмовского, «*автономия есть не больше и не меньше, как этап к самостоятельности Польши – польское коло только заменило „автономию", то есть разделение единой неразделимой великой России новым ловким термином „децентрализация"*» [21]. Думская же тактика, по мнению Алексеева, была четко разъяснена Дмовским в газете: «*Польское коло должно в Думе идти рука об руку с теми русскими элементами, которые стремятся „повернуть" – точное выражение – Россию с ее исторического пути*» [Польский вопрос, 1908, с. 21].

Следующий этап разоблачения – агрессивные цитаты из явно националистической и антиимперской работы «Мысли современного поляка», опубликованной за подписью Романа Скржицкого. Этот трактат не был широко известен в Петербурге, поэтому его резкий тон должен был удивить депутатов. Шокировать же аудиторию, по мысли Алексеева, должен был тот факт, что под псевдонимом Роман Скржицкий скрывался не кто иной как Роман Дмовский, живописавший в своих думских речах картины угнетения поляков и заявлявший о необходимости децентрализации Польши, но не выхода ее из состава России. Спустя несколько недель Алексеев снова процитирует данную работу Дмовского, где автор заявляет, что «*в частной жизни человеку кривды делать не будет, но что касается до народовых отношений, то он может его „забить", и он так и сделает*» [Польский вопрос, 1908, с. 77].

Наконец, настоящим расследованием Алексеева стало разоблачение сакрального события, которое условно можно назвать «клятва при гробе Поплавского». В марте 1908 года в Варшаве умер основоположник польского национально-демократического движения Ян Людвик Поплавский. Представители польской фракции в Думе – Дмовский и Наконечный – спешно оставили парламентские занятия и уехали на похороны, где произнесли несколько вдохновенных речей о положении современной Польши. Алексееву каким-то образом стали известны стенограммы этих выступлений. *Алексеев: И здесь у гроба Поплавского депутат Дмовский произнес совсем иную речь, чем мы слышали сегодня; эта речь была уместна и своевременна: эта речь ясно выражала польские вожделения… Что такое целая Польша...? Он сказал: «Сохранение во всех сферах жизни знамени польской независимости и созидание дальнейшего развития на началах традиционного фундамента прошлого, который есть единственно прочное строение…»* [Польский вопрос, 1908, с. 32]. Эти обвинения в тайном сепаратизме, а кроме того, в желании всеми силами вредить российской государственности черносотенцы стали использовать систематически (далее и в 1911 году), ссылаясь на протоколы речей при гробе Поплавского. Примечательно, что коммуникативная модель данного аргумента в речах Алексеева напоминает «Протоколы сионский мудрецов» 1903 года, предполагаемым автором которых является черносотенец Паволакий Крушеван.

Разоблачение Алексеевым Дмовского – лишь один пример использования стратегии разоблачения. Ее же активно использовали и другие правые, например епископ Евлогий и Березовский в нападках на Любомира Дымшу.

5. Бинарность окраины и центра.

Для межнационалистического дискурса начала XX века была характерна бинарность окраины и центра в сознании говорящих. По-видимому, это свидетельствует о том, что дискурс националистов, особенно русских, пересекается с имперским дискурсом и характерным для него четким делением на метрополию и колонии. Эта оппозиция не была просто когнитивной конструкцией, стенограммы речей депутатов показывают, что противопоставление окраины центру в процессе русско-польской националистической дискуссии становится риторическим приемом. Русские и польские радикалы соглашались в интерпретации членов этой оппозиции, но не отношений между ними. И черносотенцы, и члены польского коло в качестве центра рассматривали русскую Россию (хотя в процессе развития дискуссии единичные маркеры периферии получали Сибирь и Дальний Восток), в качестве окраины – Царство Польское.

Роман Дмовский первым проартикулировал в парламентских прениях 1908 года данную оппозицию, заявив о политике России в отношении Царства Польского как о «культурном разорении окраин». Русские правые подхватили эту смысловую конструкцию, однако поменяли знак с минуса на плюс (культурное и экономическое обогащение и развитие Польши) либо направление вектора воздействия (Польша разрушительно влияет на центр, а не наоборот). При этом представители центра-метрополии осмыслялись как жертвователи, а окраины-колонии как паразиты. *Алексеев: Я здесь, основываясь на тех неоспоримых данных, которые только что были приведены вам, скажу иное: дай Бог, господа, русским крестьянам скорее зажить так, как живется польскому крестьянину (Рукоплескания справа). И глубоко неправ был представитель конституционно-демократической партии… исходя, очевидно, из предрассудка «процветания центра и разорения окраин». Ему я отвечу… русский народ… отдавал свои кровные, как говорил профессор Янжул, русские кровные деньги на содержание окраин, в значительной степени вскормленных и вспоенных на русских хлебах и за счет русских потребителей* [Польский вопрос, 1908, с. 17]. Этот аргумент впоследствии стал широко использоваться другими депутатами в прениях, не связанных с национальными вопросами. *Белоусов: Обратите внимание, господа, на такое обстоятельство. Старая коренная страна, населенная коренным русским населением, Сибирь, не получает даже надежды на введение земского самоуправления. А страна, с которой все время воевали, спорили, страна, для которой создали целые томы законов, всевозможных ограничений, Польша, ныне получает благосклонное внимание правительства, ей обещаются самоуправление, обещают городовое положение и т.д. Почему так вышло?* [Государственная дума, 1911, стлб. 2287].

Выводы

Кросснационалистический публичный дискурс, возникший в российском институте власти в 1908 и продолжавшийся до 1917 года, позволил существенно обновиться речевой деятельности русских и польских националистов. Находясь в виду противника и в условиях повышенной агональности прений по национальным вопросам, обе радикальные силы произвели своеобразную ревизию риторико-прагматических средств. Можно с уверенностью сказать, что дискуссия с польским коло существенно изменила представление черносотенцев о персуазивности публичного выступления и стала одним из этапов институциализации русской националистической риторики, перехода ее от неинституциональных инвективных форм к цивилизованным парламентским. Русские радикалы, в отличие от польского коло, которое основывало свои высказывания на пафосе и метафорах, сделали ставку на рациональную аргументацию: статистические сводки, неангажированные исследования, не аффилированные с властью эксперты, факты из истории.

Национальный и исторический аргументы бурно развивались именно в перекрестной националистической дискуссии: черносотенцы искусно подменяли политическую повестку дня осмыслением истории взаимоотношения русской государственности с поляками, самым убедительным доводом в борьбе за политический статус-кво был исторический факт. Негативное построение этнической самоидентификации также основывалось на истории русских, в отличие от поляков. В неравной парламентской схватке двух национализмов черносотенцы перехватили инициативу за счет богатой и разветвленной системы средств выстраивания образа врага. При этом важно отметить, что в парламенте это был совершенно конкретный враг, который не просто был частью слушателей, но и

имел право возражать с трибуны. В допарламентской риторике 1905–1906 годов русские правые радикалы с такими условиями не сталкивались. Успех в Думе им принесла система расследований и разоблачений как членов польского коло, так и других польских политических и общественных деятелей. На передовую риторической атаки были выдвинуты не просто хорошие ораторы-черносотенцы, а «русские поляки» Алексеев и Замысловский, в первую очередь владевшие фактурой польской жизни и польского вопроса. Агрессивность обличений Алексеева и скрупулезность Замысловского были положены в основу риторической атаки на польских противников, а остальные правые члены Думы и даже сочувствовавшие им депутаты центра испытали серьезное влияние двух ораторов при выборе средств убеждения. Примечательно, что в дискуссиях по польскому вопросу практические не участвовали или же ограничивались единичными выступлениями главные трибуны черносотенцев – Николай Марков и Владимир Пуришкевич. Это свидетельствует о своеобразной специализации на определенных вопросах ораторов внутри фракции правых.

Библиографический список

1. Бабикова М. Р., Ворошилова М. Б. Аллогенные жанры в современном экстремистском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 160–164.

2. Балукова Н. А., Веснина Л. Е. Коммуникативные стратегии и тактики в текстах религиозной организации «Великое Белое Братство „Юсмалос”» // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 199–208.

3. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 242–245.

4. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Часть 2. Санкт-Петербург, 1911. 3723 стлб.

5. Граудина Л. К. Функционально-смысловые типы парламентской речи // Культура парламентской речи. Москва : Наука, 1994. С. 23–34.

6. Громыко С. А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной думе Российской империи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 23–33.

7. Громыко С. А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе) // Международный научно-исследовательский журнал. № 7 (61). Ч. 1. Екатеринбург, 2017. С. 112–115.

8. Громыко С. А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года. Вологда : ВГПУ, 2010. 216 с.

9. Громыко С. А. Черносотенные листовки и воззвания начала XX века: риторико-прагматический аспект / С. А. Громыко // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). Екатеринбург. С. 64–69.

10. Злоказов К. В., Софронова А. Ю. Образы коммуникаторов и стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации «Исламское государство» // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 247–253.

11. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация / М. В. Розанова, Н. Н. Китайгородская // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. Москва : Языки славянской культуры, 2003. С. 151–240.

12. Польский вопрос в Государственной Думе 3-го созыва 1-й сессии. Вильна: Электротипография «Русский Почин», 1908. 157 с.

13. Риторика // Античные риторики / А. А. Тахо-Годи. Москва : Изд-во Московского университета, 1978. С. 15–166.

14. Тагильцева Ю. Р. «В ту ночь, когда рождались волки», или «поэзия» информационно-психологического воздействия религиозно-политического экстремизма // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 165–170.

15. Хазагеров Г. Г. Политическая риторика. Москва : Никколо-Медиа, 2002. 313 с.

16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Москва : Флинта. Наука, 2006. 256 с.

17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва : Гнозис, 2004. 326 с.

18. Экстремистский текст и деструктивная личность: монография / Ю. А. Антонова и др. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2014.

19. Dijk T. A.v. Studies in the pragmatics of discourse. Mouton, 1981. 285 p.

20. Perelman, C. and Olbrechts-Tyteca, L. The new rhetoric: A treatise on argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 340 p.

Reference List

1. Babikova M. R., Voroshilova M. B. Allogennye zhanry v sovremennom jekstremistskom diskurse = Allogeneic genres in a modern extremist discourse // Politicheskaja lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 160–164.

2. Balukova N. A., Vesnina L. E. Kommunikativnye strategii i taktiki v tekstah religioznoj organizacii «Velikoe Beloe Bratstvo „Jusmalos”» = Communicative srtategies and tactics in the texts of a religious organisation «Great white brotherhood „Usmalos”» // Politicheskaja lingvistika. 2013. № 3 (45). S. 199–208.

3. Voroshilova M. B. Kognitivnyj arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo nacionalisticheskogo diskursa = Cognitive arsenal and communicative strate-

gies of modern nationalist discourse // Politicheskaja lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 242–245.

4. Gosudarstvennaja duma. Tretij sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessija 4. Chast' 2 = State Duma. The third convocation. Shorthand reports. Session 4. Part 2. Sankt-Peterburg, 1911. 3723 stlb.

5. Graudina L. K. Funkcional'no-smyslovye tipy parlamentskoj rechi // Functional and meaningful types of parliament speech. Kul'tura parlamentskoj rechi. Moskva : Nauka, 1994. S. 23–34.

6. Gromyko S. A. «Nacional'nyj argument» v russkoj parlamentskoj ritorike (na materiale diskussii v Gosudarstvennoj dume Rossijskoj imperii) = «National argument» in Russian parliament rhetorics (on the material of the discussion in Russian Empire State Duma) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2018. № 56. S. 23–33.

7. Gromyko S. A. Obrashhenie k istorii kak ritoricheskij argument v russkoj parlamentskoj rechi (na materiale vystuplenij deputatov-nacionalistov v dorevoljucionnoj Gosudarstvennoj dume) = Reference to history as a rhetoric argument in Russian parliament speech (on the material of speeches of deputies-nationalists in pre-revolution State Duma) // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. № 7 (61). Ch. 1. Ekaterinburg, 2017. S. 112–115.

8. Gromyko S. A. Priemy i sredstva rechevogo obshhenija v I Gosudarstvennoj dume 1906 goda = Methods and means of speech communication in the first State Duma of 1906. Vologda : VGPU, 2010. 216 s.

9. Gromyko S. A. Chernosotennye listovki i vozzvanija nachala HH veka: ritoriko-pragmaticheskij aspekt = Black Hundred flyers and appeals of the beginning of the XX century: rhetoric and pragmatic aspect / S. A. Gromyko // Politicheskaja lingvistika. 2017. № 6 (66). Ekaterinburg. S. 64–69.

10. Zlokazov K. V., Sofronova A. Ju. Obrazy kommunikatorov i strategii vozdejstvija pri propagande idej terroristicheskoj organizacii «Islamskoe gosudarstvo» = The images of communicators and impact strategies when propaganding of the ideas of terroristic organization «Islamic state» // Politicheskaja lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 247–253.

11. Kitajgorodskaja M. V., Rozanova N. N. Sovremennaja politicheskaja kommunikacija = Modern political communication // Sovremennyj russkij jazyk: social'naja i funkcional'naja differenciacija. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. S. 151–240.

12. Pol'skij vopros v Gosudarstvennoj Dume 3-go sozyva 1-j sessii = Polish question in State Duma of the 3d convocation of the 1st session. Vil'na : Jelektrotipografija «Russkij Pochin», 1908. 157 s.

13. Ritorika = Rhetorics // Antichnye ritoriki / A. A. Taho-Godi. Moskva : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1978. S. 15–166.

14. Tagil'ceva Ju. R. «V tu noch', kogda rozhdalis' volki», ili «pojezija» informacionno-psihologicheskogo vozdejstvija religiozno-politicheskogo jekstremizma = «During that night when the wolves were born», or «poetry» of information and psychological impact of religious and political extremism // Politicheskaja lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 165–170.

15. Hazagerov G. G. Politicheskaja ritorika = Political rhethoric. Moskva : Nikkolo-Media, 2002. 313 s.

16. Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika = Political linguistics. Moskva : Flinta. Nauka, 2006. 256 s.

17. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moskva : Gnozis, 2004. 326 s.

18. Jekstremistskij tekst i destruktivnaja lichnost' = Extremist text and destructive personality : monografija / Ju. A. Antonova i dr. Ekaterinburg : Ural'skij gos. ped. un-t, 2014.

19. Dijk T. A.v. Studies in the pragmatics of discourse. Mouton, 1981. 285 r.

20. Perelman, C. and Olbrechts-Tyteca, L. The new rhetoric: A treatise on argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 340 r.

УДК 811.11–112

В. М. Беренкова **https://orcid.org/0000–0002–0243–9397**

Антропонимичные авторские новообразования с семой «внешность» (на материале фэнтези-трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»)

Для цитирования: Беренкова В. М. Антропонимичные авторские новообразования с семой «внешность» (на материале фэнтези-трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 140-146. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-140-146

Статья посвящена анализу антропонимов с семой «внешний облик человека», которые рассматриваются как авторские новообразования в рамках трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец». Целью исследования является выявить их лексико-семантические особенности и лингвокультурный контекст в рамках виртуального художественного пространства произведения, где писатель выступает в роли творца, создавая уникальный мир со своей культурно-исторической спецификой и виртуальными этносами. Анализ словарей и записок самого писателя показал, что практически любой антропоним, функционирующий в рамках трилогии, использован автором не просто так – он мотивируем и несет определенное лексико-семантическое и лингвокультурное значение. В пределах указанной семантической группы были выделены семантические разряды: непосредственно «внешность» и «манера поведения», которые, в свою очередь, подразделяются на более узкие по значению семантические подгруппы. Кроме того, рассматриваются особенности их восприятия и семантизации с точки зрения читателя на фонетическом, лексико-семантическом и культурологическом уровнях. Семиотическое пространство мира трилогии Middle-earth заполнено семью языками, где Westron задуман писателем как всеобщее наречье. Тем не менее, далеко не все языки представлены в рамках произведения в полной мере. Большое количество антропонимов создает дополнительные трудности для читателя. Все указанное выше попутно поднимет вопрос о необходимой компетенции переводчика и вызывает необходимость создания доступного для читателя внятного справочного приложения к тексту романа или постраничных комментариев переводчика. Было установлено, что все новообразования-антропонимы, функционирующие в рамках произведения, имеют ряд особенностей: 1) называют вымышленных литературных персонажей; 2) большинство из них являются элементами созданных Дж. Р. Р. Толкиеном языков, а следовательно, их значение может быть определено только по специальным словарям и справочникам; 3) часть персонажей имеют несколько имен; 4) антропонимы сообщают некую значимую информацию «о своем носителе». Несомненно, они имеют сложную лексико-семантическую структуру. В целом можно сделать вывод, что Дж. Р. Р. Толкиену удалось создать цельную сложную многогранную виртуальную картину мира с богатой мифологией под названием Middle-earth в рамках произведения «Властелин Колец», где антропонимы играют одну из ключевых ролей в его познании читателем.

Ключевые слова: авторские новообразования, литературные антропонимы, виртуальный мир произведения, лингвокультурные реалии, языковое сознание, семантическая группа «внешний облик человека».

V. M. Berenkova

Antroponymic author's neologisms with the seme «appearance» (on thematerial of fantasy-trilogy of J. R. R.Tolkien)

The article is devoted to the analysis anthroponyms with the seme «appearance of the person» which are considered as author's neologisms in the trilogy of J. R. R. Tolkien «The Lord of Rings». The research objective is to reveal their lexical and semantic peculiarities and linguocultural context as elements of virtual fiction space of the novel where the writer acts in the role of the creator, designing a unique world with a cultural-historical specificity and virtual ethnoses. The analysis of the dictionaries created by the researchers of the writer’s works and of the writer’s notes s well has shown that practically any anthroponym, functioning in the trilogy, is motivated and bears certain semantic, lexical and linguocultural meaning. Within the specified semantic group, certain semantic categories have been distinguished: «appearance» as it is and «behavior manner» which, in turn, are subdivided into narrower semantic subgroups. In addition, features of their perception and semantization are considered from the point of view of the initial recipient – the English-speaking reader – at phonetic, lexical and semantic and cultural levels. The semiotic space of the Middle-earth world in the trilogy is based on seven languages where Westron is marked by the writer as a common language. Nevertheless, not all languages are fully presented in the novel. Many anthroponyms make additional difficulties for

© Беренкова В. М., 2020

the reader. All facts specified above bring up the question concerning the translator's competence and causes the necessity to create a clear appendix to the novel or paginal comments of the translator to help the reader. It was found out that all neologisms-antroponyms functioning in the fiction, possess certain features: 1) name imaginary literary characters; 2) the majority of them are the elements of the languages created by J. R. R. Tolkien, and thus, their meaning can be defined only with the help of special dictionaries and reference books; 3) some characters possess several names; 4) antroponyms contain some certain significant information «about the owners». Undoubtedly, the presented neologisms have a difficult multilevel structure. It is possible to make a conclusion that the author managed to create the complex integral versatile fiction Middle-earth world based on rich mythology in «The Lord of the Rings» space, where anthroponyms play one of the key roles in its perception by the reader.

Key words: author's neologisms, literary anthroponyms, the virtual world of the novel, linguocultural realities, language consciousness, semantic group «appearance of the person».

1. Введение

Несомненно, художественное произведение является отражением внутреннего мира писателя, его мировоззрения, мироощущения. Анализ выбора языковых средств позволяет познать его языковое сознание и идиостиль. Писатель, как исследователь, познает окружающий его мир, и пытается передать увиденное реципиентам-читателям через свое литературное творение. Этот акт познания сугубо индивидуален, следовательно, произведение отражает особую картину мира, которая, с одной стороны, отражает личность писателя, с другой стороны, является практическим воплощением его творческого воображения. Таким образом, любой акт литературного творчества является не только «продуктом культуры», отражая особенности временного периода создания книги [Выготский, 1987, с. 9], но и носит строго индивидуальный характер. Иными словами, языковые особенности, использованные в художественном тексте, не случайны, их цель – отражение реалий виртуального мира произведения, задуманного писателем.

В последнее время можно наблюдать устойчивую тенденцию в литературном мире появления произведений (жанры – научная фантастика и фэнтези и их всевозможные миксы), отражающих виртуальную фантазийную реальность, где писатель выступает в роли творца, создавая уникальный мир со своей культурно-исторической спецификой и виртуальными этносами. Следует отметить, что вопрос о разграничении жанров фэнтези и научной фантастики по-прежнему является отрытым, данная статья базируется на мнении, что фэнтзи – это особое литературное направление [Беренкова, 2017].

При этом ряд авторов заходят настолько далеко, что разрабатывают искусственные языки, на которых говорят их персонажи. Подобные «языковые игры» привлекают внимание многих исследователей [Кострова, 2011, Поздеева, 2002, Абрамова, 2015, Луговая, 2005 и др.]. Одним из ключевых языковых особенностей являются так называемы авторские новообразования (далее АН), созданные писателем с целью номинации реалий и персонажей, функционирующих в произведении.

Пожалуй, «самый обильный материал для социолингвистического изучения содержит *антропонимия* (курсив автора статьи), … так как она теснее всего связана с людьми и теми социальными отношениями, которые существуют в человеческом обществе» [Бондалетов, 1970, с. 18]. Поэтому в рамках данного исследования были проанализированы группа АН-антропонимов с концептом «внешность» как лингвокультурные реалии виртуального художественного мира (на базе трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»). Данный выбор не случаен и обусловлен рядом причин.

2. Авторские новообразования Дж. Р. Р. Толкиена

Дж. Р. Р. Толкиен по праву считается одним из основоположником жанрового направления фэнтези, который разработал целую систему виртуальных языков в диахроническом аспекте, которая в последствие легла в основу трилогии «Властелин Колец» при создании виртуального мира Middle-earth [Tolkien, 2002]. Именно создание языков, увлечение всей жизни Толкиена, лежит в основе творчества писателя [Беренкова, 2017]. Толкиен сравнивал язык с мифологией: «Вначале создатель творит мифологию по своему вкусу, а после она сама начинает направлять его воображение и берет своего создателя в плен» [Tolkien, 1996, с. 155].

Характерной особенностью произведения являет изобилие выдуманных писателем слов, так

называемых авторских новообразований (далее АН), которые до сих пор ставят в тупик переводчиков, т. к. они не являются простым набором букв (что часто имеет место в произведения в жанре фэнтези), а семантически значимы, причем их значение можно установить по справочникам и словарям, составленным писателем, и позже доработанным исследователями его языкотворчества.

Подобные виртуальные АН представляют собой значимые лингвокультурные реалии, позволяющие читателям более полно воспринимать культуру виртуального мира произведения.

Более того, анализ словарей и записок самого писателя показал, что практически любой антропоним, функционирующий в рамках трилогии, использован автором не просто так, он мотивируем, и несет определенное лексическо-семантическое и лингвокультурное значение.

3. Особенности семантики исследуемых антропонимов

Вообще, само понятие «семантика онима» не однозначно: в него заложено не только лексическое значение, но и некая двойственная природа. С одной стороны, можно вычленить гораздо более узкое понимание, предполагающее лишь исходное мотивационное значение [Матвеев, 1969], а с другой – в ониме заключен гораздо более широкий смысл, включающий всю информацию, которую можно извлечь из имени [Голомидова, 1998]. Иными словами, «значение слова – это те понятия и ассоциации, которые возникают в сознании» при его произнесении» [Суперанская, 1973, с. 264]. Таким образом, подобные заключения, возможно, отводит вопрос о лексическом значении имени собственного на второй план, однако не снимают его и не исключает все новых попыток его разрешения. «Входя в состав … художественных текстов, оно способствует выявлению национально-культурных особенностей определенного этноса» [Катермина, 1998, с. 1].

По мнению Р. Ю. Намитоковой, вымышленные имена или окказионимы часто имеют наибольшую стилистическую нагрузку в художественном тексте, отражая при этом национальный менталитет этноса [Намитокова, 2001].

В нашем случае вопрос осложняется тем, что исследуемые АН отражают культурные особенности и реалии этнсоов, существующих только в виртуальном мире в рамках произведения, что в целом характерно для произведений в жанре фэнтези. Однако, по мнению автора статьи, семантические особенности АН позволяют рассмотреть их на трех основных уровнях:

- на фонетическом уровне;
- на лексико-семантическом уровне;
- на культурологическом уровне.

Для этих целей, мою была поведена работа по установлению значений исследованных АН при помощи существующих словарей и справочников [Ireland, TG, WLOTR]. Это потребовало времени и определенных усилий, что позволяет также поставить вопрос о том, насколько полноценно читатель понимает смысл антропонимов в процессе чтения произведения. Если мы говорим о реципиенте-англичанине, то он находится в наиболее преимущественном положении, так как часть антропонимов была образована Толкиеном на базе архаичного английского языка, таким образом, англичанин может выстроить определенные ассоциативные связи. Русскоязычный читатель лишен и этой возможности, поэтому ему в основном доступен только звуко-ассоциативный уровень восприятия. Таким образом, антропонимическая сторона произведения остается мало раскрытой. Тем не менее сам писатель ревностно относился к своему творению и был недоволен всеми переводами трилогии, вышедшими при его жизни. В связи с этим, он опубликовал множество комментариев и рекомендаций для переводчиков. Все указанное выше попутно поднимет вопрос о необходимой компетенции переводчика и вызывает необходимость создания доступного для читателя внятного справочного приложения к тексту романа или постраничных комментариев переводчика. Так как все существующие переводы произведения на русский язык критикуемы в той или иной степени, вопрос по-прежнему остается открытым.

Несомненно, исследованные АН являются своеобразными лингвокультурными ключами, без понимания их на лексико-семантическом уровне невозможен переход на культурологический уровень, и, следовательно, целостное восприятие виртуального мира Middle-earth.

Когда Толкиен создавал свое произведение, он рассматривал его как альтернативное сказочное прошлое для англичан, которые, по его мнению, были его лишены, о сравнению с другими народами. Поэтому некая архаичность в создании

АН не случайна. Так, в древности люди придавали большое значение имянаречению человека, т. к. считалось, что оно непосредственное влияет на судьбу его владельца и на окружающих его людей. Часто имя имело сакральный характер, его скрывали, поэтому у человека было два имени: настоящее (табуированное) и для общего пользования. Подобный подход Дж.Р. Р. Толкиен активно использовал – ряд персонажей трилогии имеют несколько имен.

Подводя итог, все АН-антропонимы, функционирующие в рамах произведения, имеют следующие особенности:

1) называют вымышленных литературных персонажей;

2) большинство из них являются элементами созданных Д. Р. Р. Толкиеном языков, и таким образом, их значение может быть определено только по специальным словарям и справочникам;

3) часть персонажей имеют несколько имен (чаще всего, они являются семантической калькой основного имени в других языках);

4) антропонимы сообщают некую значимую информацию «о своем носителе»: «определенные социолингвистические признаки» (гендер, социальный класс, этническая принадлежность) и лингво-культурологические характеристики (внешность, характер, культурно-исторические реалии) [Соскина, 1993, с. 128].

Таким образом, все АН – антропонимические элементы – создают уникальную семиосферу виртуального мира в рамках произведения, которая отличается неоднородностью, что свойственно также для обычного человеческого семиотического пространства. «Заполняющие семиотическое пространство языки различны по своей природе и относятся друг к другу в спектре от полной взаимной переводимости до столь же полной взаимной непереводимости» [Лотман, 1998, с. 166]. Данное явление, очевидно, связано с тем фактом, что различные культуры порождают разные типы мышления, что отражается также в специфике их языка. Семиотическое пространство мира трилогии Middle-earth заполнено 7 языками, где Westron задуман писателем как всеобщее наречье. Тем не менее, далеко не все языки представлены в рамках произведения в полной мере.

4. Семантическая группа «внешний облик человека»

В целом в трилогии функционирует свыше 300 антропонимов (имена, фамилии, прозвища, клички животных). В результате лексико-семантического анализа было предварительно выделено 15 семантических групп («профессия, деятельность», «растение», «животное, птица», «происхождение, знатность», «драгоценный камень», «качества» и другие). Группа АН со значением качественной оценки лица – одна из наиболее многочисленных функционально-семантических групп рассматриваемых антропонимов (47 единиц). Она является общеполагающей, т.е. в ней представлены элементы практически всех (6 из 7) языков и диалектов Middle-earth. В трилогии функционируют АН из следующих языков: всеобщий язык Westron (представлен диалектами хоббитов, гномов, жителей Dale), группа эльфийских языков (на которых говорили эльфы, жители Gondor, энты), Черное наречье (язык орков), язык гномов Khuzdul, язык королевства Rohan, язык жителей Drúadan Forest, язык Haradrim [Tolkien, 1996]. Коме того, концепт «внешность» является одним из самых распространенных при этимологии человеческих имен, имеющих древнее происхождение. Поэтому именно эта семантическая группа была выбрана для исследования в рамках данной статьи.

В пределах семантической группы «внешний облик человека» могут быть выделены определённые семантические разряды, в составе которых возможна их дальнейшая семантическая классификация: непосредственно «внешность» и «манера поведения», которые, в свою очередь, подразделяются на более узкие по значению подгруппы.

Еще раз сделаем оговорку, что значение всех АН устанавливалось по существующим на данный момент словарями справочникам по искусственным языкам Дж. Р. Р. Толкиена, причем имели место некоторые разночтения и неопределённости [Ireland, TG, WLOTR]. В результате исследования были выбраны наиболее вероятные семантические варианты, на которых и построена данная классификационная схема.

В семантическом разряде «внешность» (31 единица) были выделены следующие подгруппы:

− «телосложение» – 12 единиц. В данной группе налицо противопоставление «высокий – низкий» и «полный – худой», причем сема «полный» преобладает, например: Fatty – 'толстячок', Stybba – ‘коротышка', Chub – 'жевать', Forlong – ‘большое горло’, Nori – ‘маленький кусочек', Tall – ‘высокий', Denethor – 'гибкий, высокий'. Большинство относящихся к данной

группе АН относятся к антропонимикону хоббитов, которых писатель замыслил как низкорослый народец, любящий плотно покушать, что и отразил в значении их имен и фамилий.

− АН с соматическим компонентом – 19 единиц.

«волосы, кожа, одежда» (12), например: Glorfindel – 'золотые волосы', Radagast – 'красный ангел', White – 'белый', Brown – 'коричневый', Grey – 'серый', Snowmane – 'снежно-белая грива'. Для творчества Дж.Р. Р. Толкиена характерна развитая цветовая символика, которая отражает характер персонажа и степень его духовного развития.

«ноги» (5), главным образом, в фамилиях хоббитов, у которых были крупные ноги с жесткой кожей, покрытые шерстью: Proudfoot – 'большеног', Puddifoot – 'косолапые ноги'. Возможно, писатель акцентировал внимание читателя на ногах, чтобы иносказательно подчеркнуть, что хоббиты, так сказать, «крепко стоят на ногах», т.е. прослеживаются определенные параллели с английским национальным характером.

«руки» (2): имя отрицательного персонажа орка, жестокого убийцы Grishnakh – 'кровавые руки' и смелого война из крепости Gondor, Mablung – 'тяжёлая рука'. Как видно из семантического значения имен, они имплицитно описывают и характер своих владельцев.

В семантическом разряде «манера поведения» (16 единиц) были также выделены следующие подгруппы:

− «органы чувств» (6 единиц), среди них клички животных Wise-nose – «чуткий нос» и Snarp-ears – «чуткие уши», имена гномов-воинов Gimli – 'наблюдать' и Fundin – 'иметь чутье, находить', имя отрицательного персонажа, известного своей лживостью Worm-tongue – 'змеиный язык', и прозвище одного из центральных персонажей трилогии Gollum, получившего его из-за своей привычки издавать специфические горловые звуки.

− «движение» (5 единиц): имя короля из рода лучников Dale – Bain – 'движущийся', дракон Smaug – 'протискивающийся сквозь нору', живший в пещере, гном Bifur – 'неуклюжий', Amroth – 'высоко лазить', король эльфов из леса Lothlórien, по обычаю живущих в домах на деревьях, вождь Gahn-buri-Ghan – 'идущий через лес', таинственного древнего племени из леса Drúadan Forest, который провел армию союзников в битве за Кольцо через лес короткой дорогой.

− «тайна, покров» (3 единицы): Haldir – 'скрытый мужчина' – пограничный эльфийский воин из леса Lothlórien, носивший серый плащ с капюшоном, Dernhelm – 'скрытый шлемом' – псевдоним, который придумала себе принцесса Éowyn из королевства Rohan, когда тайно отправилась на войну, переодевшись в мужчину (чтобы сохранить свою тайну, она всегда носила шлем), Grima– 'маска' – советник короля в Rohan, шпион и предатель. Как видно из примеров, у всех персонажей были свои важные причины для скрытности, что и было отражено писателем при создании их имен.

− «привычки» (2 единицы): Bird-tamer – 'укротитель птиц' – пренебрежительное прозвище, которое дал мудрецу Radagast главный мудрец Saruman из-за его мягкого неагрессивного поведения и постоянного общения с птицами, Lagduf – 'удар клинком' – один из солдат-орков из вражеской башни Cirith Ungol, имя которого, помимо внешности вооружённого убийцы, подчеркивает жестокость и подлость его владельца.

5. Сравнение антропонимов по принадлежности к языкам

Если сравнить АН по принадлежности к языкам, то большая их часть (в процентном отношении) относится к всеобщему наречию Westron (16 единиц), которое выполняет роль международного языка и поэтому данные АН нейтральны в лингвокультурном плане. Чаще всего, это клички животных или прозвища персонажей (часто кальки с других языков в рамках произведения). В трилогии этот язык представлен современным английским: Swish-tail, White-socks, Fair, White.

Также в книге представлены локальные диалекты Westron с ярко выраженным лингвокультурным диалектом:

− диалект хоббитов (9 единиц): Bracegirdle, Pudifoot, Bolger – многие АН хоббитов имеют налет архаичности и были созданы на основе реально существующих исконно английских антропонимов;

− имена гномов (4 единицы): Nori, Bifur, Gimly, Fundin – являются на самом деле прозвищами (источником их создания послужил поэтический сборник древнеисландских песен о богах и героях «Старшая Эдда»), т. к., согласно

авторскому замыслу, реальные имена гномов были табуированы;

− диалект жителей Dale (1 единица): Bain – он в целом мало представлен в трилогии.

На основе древнеанглийского и скандинавских языков был создан язык королевства Rohan (7 единиц): Dernhelm, Shadowfax, Hasufel. Для англоязычного реципиента подобные АН звучат как архаичные, однако, имеющие смысл, имена и создают некоторые ассоциации с рыцарским ранним средневековьем, тем не менее, данная ассоциативная коннотация практически не воспринимаема русскоязычным читателем.

Отдельно представлены языки эльфов, для удобства объединенные в одну группу (3 единицы): Amroth, Haldir, Glorfindel. Расе эльфов в произведении противопоставляется раса орков, которые, по замыслу писателя, являются потомками эльфов, чья сущность была извращена и изуродована Врагом. Поэтому их наречие является искаженным вариантов языков эльфов (2 единицы): Grishnakh, Lagduf. Семантическая интерпретация данных АН затруднена и возможна только при помощи специальных словарей, но степень благозвучности фонетического звучания также помогает читателю составить свое мнение о персонаже.

Звучание, мало отличимое от эльфийских, имеют АН жителей Gondor – Forlong, Derufin, Denethor, т. к. они образованы от корней языков эльфов, этим подчеркивается их некоторая генетическая близость (согласно легенде, они являются потомками эльфов и людей).

Единичным примером представлено АН из языка жителей Drúadan Forest – Gahn-buri-Ghan. Но оно является также единственным словом из этого языка во всем романе. Его семантика неинформативна без справочника, но звучание создает впечатление о носителе данного имени как о представителе древнего архаичного племени, чего, собственно, и добивался писатель.

6. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что Дж. Р. Р. Толкиену удалось создать цельную сложную многогранную виртуальную картину мира с богатой мифологией под названием Middle-earth в рамках произведения «Властелин Колец», где АН-антропонимы играют одну из ключевых ролей в его познании читателем. Они имеют сложную лексико-семантическую структуру, проявляющуюся н трех уровнях (фонетическом, лексико-семантическом и культурологическом). Как лингвокультурные реалии, они проявляются имплицитно и эксплицитно, являясь центром соединения потоков разноплановой информации «язык-культура-история-мифология», и, как следствие, неотъемлемой частью тщательно продуманной художественной реальности.

Несомненно, сложность их структуры объясняет подразделение на большое количество семантических групп (на данный момент автором исследования было выделено 15). Поэтому следующим этапом видится комплексный анализ всех групп АН. Это позволит провести более глубокий анализ антропонимов с позиций лингвокультурного подхода, а также может служить дополнительным материалом для переводчиков, исследователей творчества Дж.Р. Р. Толкиена и просто интересующихся работами писателя.

Библиографический список

1. Абрамова А. А. Окказионализмы в произведениях Дж. Р. Р. Толкиена. // Пятый этаж: сборник научных статей молодых ученых. Барнаул, 2015. С. 3–6.

2. Беренкова В. М. Топонимы в трилогии «Властелин Колец» как объекты художественного перевода // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 134. С. 47–58.

3. Бондалетов В. Д. Ономастика и социолингвистика // Общие вопросы антропонимики. Москва : «Наука», 1970. С. 17–22.

4. Выготский Л. С. Психология искусства. Москва : Педагогика, 1987. 341 с.

5. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998. 232 с.

6. Катермина В. В. Опыт коннотативного словаря русских и английских личных имен собственных. Краснодар : Кубанский государственный университет, 1998. 101 с.

7. Кострова О. А. Лингвистические особенности авторских лексических инноваций в литературном жанре фэнтези // Вестник Самарского педагогического университета. Самара: Самарский педагогический университет, 2011. 151 с.

8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. Москва : Языки русской культуры, 1998. 464 с.

9. Луговая Е. А. Семантические и семиотические коды в структуре топонимов «Властелина колец». Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. С. 159–162.

10. Матвеев А. К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология. Москва, 1969. С. 192–200.

11. Намитокова Р. Ю. Авторские новообразования как единицы текста // Филологический вестник. Майкоп : АГУ, 2001. № 4. С. 69–72.

12. Поздеева Е. В. Окказиональное слово как результат авторского словотворчества: границы переводимости // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 44–58.

13. Соскина С. Н. Имена собственные в семантической структуре научно-фантастического текста // Проблемы функциональной семантики: сб. ст. Калининград, 1993. С. 127–136.

14. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : «Наука», 1973. 366 с.

15. R. Ireland. A Tolkien Dictionary. URL: http://www.quicksilver899.com/Tolkien/Tolkien_Dictionary (дата обращения 27.04.2020)

16. TG – Tolkien Gateway. URL: http://tolkiengateway.net/wiki/Main_Page (дата обращения 27.04.2020)

17. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. Москва : Рольф, 2002.

18. Tolkien J.R.R. The Peoples of Middle-earth (History of Middle-earth vol. XII). Ed. C. R. Tolkien. London : HarperCollins Publishers, 1996. 482 pp.

19. WLOTR Encyclopedia. URL: http://wiki.evendim.ru/index.php?title= (дата обращения 27.04.2020)

Reference List

1. Abramova A. A. Okkazionalizmy v proizvedenijah Dzh. R. R. Tolkiena = Occasionalisms in J. R.R. Tolkien's works // Pjatyj jetazh: sbornik nauchnyh statej molodyh uchenyh. Barnaul, 2015. S. 3–6.

2. Berenkova V. M. Toponimy v trilogii «Vlastelin Kolec» kak ob#ekty hudozhestvennogo perevoda = Toponyms in the trilogy «Lord of the rings» as the objects of artistic translation // Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2017. № 134. S. 47–58.

3. Bondaletov V. D. Onomastika i sociolingvistika = Onomastics and sociolinguistics // Obshhie voprosy antroponimiki. Moskva : «Nauka», 1970. S. 17–22.

4. Vygotskij L. S. Psihologija iskusstva = The psychology of art. Moskva : Pedagogika, 1987. 341 s.

5. Golomidova M. V. Iskusstvennaja nominacija v russkoj onomastike = Artificial nomination in Russian onomastics. Ekaterinburg, 1998. 232 s.

6. Katermina V. V. Opyt konnotativnogo slovarja russkih i anglijskih lichnyh imen sobstvennyh = The experience of connnotation dicctionary of Russian ans English proper names. Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 1998. 101 s.

7. Kostrova O. A. Lingvisticheskie osobennosti avtorskih leksicheskih innovacij v literaturnom zhanre fjentezi = Linguistic peculiarities of authors' lexical innovations in the literary genre of fantasy // Vestnik Samarskogo pedagogicheskogo universiteta. Samara: Samarskij pedagogicheskij universitet, 2011. 151 s.

8. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhih mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istorija = Inside thinking worlds:The man – text – semiosphere – history. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 464 s.

9. Lugovaja E. A. Semanticheskie i semioticheskie kody v strukture toponimov «Vlastelina kolec». Onomastika v krugu gumanitarnyh nauk = Semantic and semiotic codes in the structure of toponymes of «Lord of the rings». Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2005. S. 159–162.

10. Matveev A. K. Znachenie principa semanticheskoj motivirovannosti dlja jetimologizacii substratnyh toponimov = The meaning of semantic motivation principle for the etimologisation of substantive toponymes // Jetimologija. Moskva, 1969. S. 192–200.

11. Namitokova R. Ju. Avtorskie novoobrazovanija kak edinicy teksta = Author's neologisms as text units // Filologicheskij vestnik. Majkop : AGU, 2001. № 4. S. 69–72.

12. Pozdeeva E. V. Okkazional'noe slovo kak rezul'tat avtorskogo slovotvorchestva: granicy perevodimosti = An occasional word as a result of the author's word making : the boundaries of translation // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2016. № 4 (42). S. 44–58.

13. Soskina S. N. Imena sobstvennye v semanticheskoj strukture nauchno-fantasticheskogo teksta = Proper names in the semantic structure of a science-fantasy text // Problemy funkcional'noj semantiki: sb. st. Kaliningrad, 1993. S. 127–136.

14. Superanskaja A. V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo = The general theory of a proper name. Moskva : «Nauka», 1973. 366 s.

15. R. Ireland. A Tolkien Dictionary. URL: http://www.quicksilver899.com/Tolkien/Tolkien_Dictionary (data obrashhenija 27.04.2020)

16. TG – Tolkien Gateway. URL: http://tolkiengateway.net/wiki/Main_Page (data obrashhenija 27.04.2020)

17. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. Moskva : Rol'f, 2002.

18. Tolkien J.R.R. The Peoples of Middle-earth (History of Middle-earth vol. XII). Ed. C. R. Tolkien. London : HarperCollins Publishers, 1996. 482 pp.

19. WLOTR Encyclopedia. URL: http://wiki.evendim.ru/index.php?title= (data obrashhenija 27.04.2020)

УДК 811.161.1

О. М. Баринова **https://orcid.org/0000–0001–5540–8052**

Зеркало чувства: эмотивная лексика как средство предикации в письмах И. С. Тургенева к Ю. П. Вревской (1873–1877 гг.)

Для цитирования: Баринова О. М. Зеркало чувства: эмотивная лексика как средство предикации в письмах И. С. Тургенева к Ю. П. Вревской (1873–1877 гг.) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 147-157. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-147-157

Статья посвящена характеристике лексических средств – эмотивных предикатов, которые выступают в качестве экспликаторов эмоционального и психологического состояния И. С. Тургенева в письмах к Ю. П. Вревской в 1873–1877 годы, служат своего рода зеркалом чувств. Предмет исследования – средства предикации, характеризующие как эмоциональную личность автора писем – И. С. Тургенева. Рассматривается проблема функционирования эмотивных предикатов в тексте эпистолярного жанра, их роль в раскрытии особенностей языковой личности Тургенева – развивающегося эмоционально и психологически адресанта. Благодаря подробному анализу языковых средств выявляется прагматическая установка писем к Ю. П. Вревской, где автор позволяет себе интимизацию изложения при описании чувств; проявляются признаки когнитивной деятельности Тургенева в определенном эмоциональном настрое, психологическом состоянии. Установлено, что наиболее яркие переживания писателя выражены в тексте лексическими единицами с семантикой ‘любви, дружбы, привязанности’, которые в роли эмотивных предикатов демонстрируют специфику мироощущения автора. Сделан вывод о том, что эмоции и чувства Тургенева к Ю. П. Вревской развиваются и генерализируются, а семантический фон текстов, который обладает контекстуальным взаимодополняющим значением, помогает автору более полно выразить свое отношение к корреспонденту. Проведенный анализ эмотивных предикатов выявил коммуникативную составляющую авторского идиостиля, представил один из способов тургеневского восприятия чувственного и эмоционального средством текстовой репрезентации, отразил эмоциональное и психологическое развитие языковой личности.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, эпистолярный текст, Ю. П. Вревская, средства предикации, эмотивный предикат, градуальный компонент, языковая картина мира, идиостиль, индивидуально-авторские языковые средства.

O. M. Barinova

The mirror of feelings: emotive lexis as a means of prediction in the letters of I. Turgenev to Yu. Vrevskaya (1873–1877)

The article is devoted to the characterization of lexical means – emotive predicates which act as explicators of I. Turgenev’s emotional and psychological state in letters to Yu. Vrevskaya in 1873–1877, serve as a kind of mirror of feelings. The subject of the study is the means of prediction characterizing as the emotional personality of I. Turgenev who is the author of the letters. The problem of the functioning of emotive predicates in the text of the epistolary genre is considered, their role is indicated in revealing the features of the language personality of Turgenev, an emotionally and psychologically developing addresser. Due to a detailed analysis of linguistic means the pragmatic attitude of letters to Yu. Vrevskaya is revealed, where the author allows himself to intensify the presentation when describing feelings; signs of Turgenev’s cognitive activity appear in a certain emotional mood, psychological state. It is underlined that the most vivid experiences of the writer are expressed in the text by lexical units with semantics ‘love, friendship, affection’, which in the role of emotive predicates demonstrate the specifics of the author’s worldview. It is concluded that Turgenev’s emotions and feelings towards Yu. Vrevskaya develop and generalize, and the semantic background of the texts, which has contextual complementary meaning, helps the author more fully to express his attitude to the correspondent. The analysis of emotive predicates revealed the communicative component of the author's idiostyle, presented one of the methods of Turgenev’s perception of the sensual and emotional by means of textual representation, reflected the emotional and psychological development of the language personality.

Key words: I. Turgenev, epistolary text, Yu. Vrevskaya, means of prediction, emotive predicate, graded component, linguistic picture of the world, idiostyle, individual and authorial linguistic means.

© Баринова О. М., 2020

Введение

Как известно, термин *предикат* пришел в лингвистику из логики, где возник в философской школе стоиков, представители которой рассматривали предикат как существенный элемент высказывания и осмысляли его параметры и типы [Перельмутер, 1980, с. 200–201]. В языкознании данный термин был использован для обозначения состава предложения, соответствующего сообщаемому, а также «ядерного» компонента этого состава. И если сказуемое соотносили с формально-грамматическим, структурно-семантическим аспектом предложения, то предикат представлялся в содержательном аспекте, изучаемом в семантике [Арутюнова, 1997, с. 366]. Согласно точке зрения Н. Д. Арутюновой, предикат обозначает конститутивный член суждения, а предикатные слова, ориентирующие как на объективный мир, так и на познающего субъекта, выражают то, что мы «думаем о мире», поэтому семантика предикатов соотносится с определенным способом познания мира [Арутюнова, 1999, с. 39–40]. П. А. Лекант отмечал, что предикативность «раскрывается прежде всего в основных грамматических категориях предложения (модальность, время, лицо)» [Лекант, 2002, с. 83], а «сущность предикативного признака заключается в том, что он как бы открывается говорящим в предмете и приписывается предмету в определенном модально-временном плане и в отношении к лицу говорящему» [Лекант, 1988, с. 253]. Учитывая это, под предикацией мы понимаем «важнейший ментальный акт, благодаря которому осуществляется реализация коммуникативно-эстетических, творческих установок языковой личности, детерминируется та или иная позиция, эксплицируется отношение» [Леденёва 2015; Лекант, 2002].

Слова-предикаты, по мнению Н. Д. Арутюновой, обладают центробежными значениями, поскольку их понятийное содержание стремится к отрыву от денотата и моносемантизации, семантической неразложимости, что обеспечивает их широкую приложимость и способность к реализации системных связей (см. [Арутюнова, 1999, с. 36–38]). Анализ семантического содержания слов в роли предиката помогает выявить угол зрения, под которым следует рассматривать или оценивать позицию автора, его отношения, чувства в эпистолярии и публицистике. При этом предполагается учитывать, что лексическая единица, а точнее определенный узуально известный лексико-семантический вариант (ЛСВ), может в зависимости от позиции актуализировать разные семы и / или приобретает коннотации [Леденёва, 2015], обозначающие эмоционально-оценочные координаты его языковой личности. Еще более определенно проявляет эти особенности текст эпистолярного жанра в рамках частной, неофициальной переписки.

Степень разработанности проблемы и материал исследования

Попытка систематизировать предикаты не раз затрагивалась учеными–лингвистами, и на сегодняшний день представлены классификации по различным критериям, при этом учитывались не только грамматико-морфологические, но и семантические признаки слов. Л. М. Васильев, например, подразделяет предикаты на 12 основных типов: 1) бытийные; 2) бытийно-пространственные (предикаты пространственной локализации); 3) предикаты отношения; 4) оценочные; 5) предикаты состояния; 6) количественные; 7) предикаты свойства; 8) предикаты поведения; 9) предикаты звучания; 10) предикаты движения; 11) акциональные; 12) акционально-процессуальные предикаты [Васильев, 1981]. В работах Л. М. Васильева [Васильев, 1981], А. А. Камаловой [Камалова, 1998], А. А. Зализняка [Зализняк, 1992] были предприняты также попытки описания предикатов, относящихся к категории «состояние».

В отношении художественного текста контекстуальный анализ узуального и окказионального использования предикатного слова проводился в многочисленных исследованиях, среди которых работы А. А. Анисовой [Анисова, 2016], Ю. Л. Варфоломеевой [Варфоломеева, 2019], Д. В. Дмитриева [Дмитриев, 2014], Т. П. Ковиной [Ковина, 2020], Т. И. Кочетковой [Кочеткова, 2004], В. В. Леденёвой [Леденёва, 2000], Л. А. Новикова [Новиков, 2001], Л. В. Поповой [Попова, 2011] и других ученых.

Н. Д. Арутюнова указала, что «особенно ярко прослеживается связь и взаимосвязь событий в значении предикатов, относящихся к психическим состояниям, интерперсональным отношениям и адресованным действиям», поскольку психические и эмоциональные реакции тесно связаны со стимулами, которые вызывают данную реакцию, а специфика психического состояния

человека прямо соответствует субъективной оценке мотивирующего его события [Арутюнова, 1999, с. 45].

В рамках данной статьи рассматриваются эмотивные предикаты, связанные с такими эмоциональными состояниями И. С. Тургенева, как любовь, дружба, привязанность.

В лингвистике для обозначения выраженных в речи субъектом чувств, отношений с эмоциональным компонентом используется термин «эмотивность». Эмотивность представляет собой «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих единиц эмоциональность как факт психики; отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шахнарович, Графова, 1991, с. 24]. Эмотивность является базовой характеристикой, которая выражается не только в вербальных, но и в невербальный знаках, на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности субъекта.

Так, эмотивный предикат отражает характер речевых поступков автора, его цели, намерения и желания, информирует о речеповеденческой ситуации или её компонентах, репрезентирует эмоциональное отношение к чему или кому-либо. В письме эмотивный предикат воздействует на воображение и сознание адресата, вызывает определенные реакции, чувства. «Эмотивный предикат содержит информацию о внутренних переживаниях, мыслях и рассуждениях коммуниканта, объясняя мотивы его речевых и неречевых действий. Зачастую только внутреннее состояние, отражённое в эмотивном предикате, позволяет правильно идентифицировать эмоциональную ситуацию» [Топка, 2015, с. 214].

С помощью анализа эмотивных предикатов можно идентифицировать поведенческую ситуацию: эмоциональное и психологическое состояние автора, близость или дистанцированность с участниками общения, факторы, которые обусловливают выбор и употребление лингвистических средств. И здесь, как считает В. В. Леденёва, требует внимания прагматический аспект, поскольку и выбор слова, и использование его в определенной функции диктуется отношением автора к данному знаку как единице языка и «орудию» воздействия, в нашем случае – автора письма на адресата [Леденёва, 2015].

Цель, методы и актуальность исследования

Исследуя предикатную лексику в письмах И. С. Тургенева, мы поставили целью выявить, как она позволила отобразить внутренний мир писателя, его изменчивое эмоциональное и психологическое состояние, ибо это сказалось на выборе языковых и лексических средств. Полагаем, что анализ подобного рода дает нам новое понимание Тургенева, его желаний и стремлений, его прагматической направленности и внутренней интенции. Поскольку «предикат – представитель человека, той концептуальной системы, которая присутствует в его сознании» [Арутюнова, 1999, XI], то мы будем стремиться показать, что анализ глагольных предикатов – слов с семантикой ‘любви, дружбы, привязанности’ – демонстрирует тургеневский взгляд на любовь, его понимание этого чувства и отношение к нему, а также к тому, кто его вызвал.

При исследовании производился контекстуальный **анализ** средств предикатной лексики указанной лексико-семантической группы с элементами компонентного анализа; использован статистический метод, методика сплошной выборки и лексикографической обработки материала.

Актуальность и новизна исследования обусловлены возрастающим интересом лингвистики к проблематике эмотивности текста и эмотивной семантике, анализ которой позволяет выявить не только мировоззренческие и социокультурные установки автора, но также интеллектуальные, устойчивые и ситуативные психологические характеристики, которые являются доминантными и определяются в семном наборе эмотивности.

Нам представляется интересным проследить за эмоциональным состоянием писателя и развитием отношений И. С. Тургенева к Ю. П. Вревской – в их отражении текстами писем, которые будут выступать в качестве материала исследования в данной статье – с самого момента знакомства коммуникантов и начала опубликованной переписки, которая длилась до гибели Вревской (1873–1877 гг.). В этот период Тургеневу уже около 60 лет, он состоялся как писатель – написаны основные произведения, с ним считаются, его уважают, кредо творческой личности сформировано, а судьба этого человека преподнесла ему немало строгих уроков.

Обсуждение

И. С. Тургенев, трепетно относившийся к любви, желавший обрести стабильные отношения, мечтавший создать семью, в 55 лет знакомится с молодой баронессой Ю. П. Вревской. Он восхищался ее мужеством, настойчивостью, добрыми намерениями, которые она воплощала в жизнь. В переписке с ней Тургенев затрагивает различные темы: они обсуждают события жизни, общих друзей и знакомых (№ 4221, № 4654), здоровье (№ 4078), ведут разговоры о войне (№ 4504, № 4686), о литературе (№ 4504, № 4623) [Тургенев, 2000–2015], что говорит о Вревской как об образованной и умной женщине, которая оказалась способной быть интересным корреспондентом для маститого писателя. А он испытывает чувства привязанности, дружбы и влюбленности, перерастающие в бережное любовное отношение, что находит подтверждение в использовании эмотивных лексем. До конца ее жизни Тургенев питает эти нежные чувства. Но трагическая судьба Вревской не позволила развиться отношениям так, как, возможно, мечтал и писал об этом писатель. В январе 1878 года, во время русско-турецкой войны, будучи сестрой милосердия в военном госпитале, она трагически погибает.

В психологическом словаре «любовь» определяется как «интенсивное, напряженное и относительно устойчивое чувство субъекта», а также «высокая степень эмоционально положительного отношения, выделяющего его объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта» [Головин, 1998, с. 334–336]. Любовь как чувство и проявление отношений отражает исторически сложившуюся, но динамическую социальную стратификацию, выражающую и особенности культуры. Это чувство является ярким и волнующим для субъекта, при его переживании эмоциональная реакция индивида изменчива, неповторима, индивид всегда по-новому проявляет себя к разным объектам любви, что отражает уникальность личности.

«Дружба» характеризуется как вид устойчивых, индивидуально-избирательных межличностных отношений при взаимной привязанности их участников, для которых необходимым условием являются ответные искренние чувства, взаимопонимание, откровенность и открытость друг другу, доверительность, активная взаимопомощь, обоюдный интерес к делам и переживаниям. Дружба является важным фактором формирования личности и поддержания стабильности Я-концепции [Головин, 1998, с. 185].

В настоящее время лингвисты активно занимаются изучением концептов, касающихся человеческих взаимоотношений, таких, как «Дружба» (подробнее об этом см. [Арапова, 2003], [Хизова, 2003], [Лунцова, 2019] и др.) и «Любовь» (см. [Воркачев, 2003], [Кузнецова, 2005], [Колесникова, 2006], [Соловьева, 2008], [Валиуллина, 2014], [Скляр, 2018] и др.).

Исследователи полагают, что концепт «Дружба» предопределяет ценностные ориентации общества [Хизова, 2003], а также благодаря дружбе удовлетворяется не только естественное стремление человека к общению, но и происходит его морально-нравственное совершенствование [Арапова, 2003].

Концепт «Любовь», по мнению ученых, представляет собой сложную и многомерную структуру, в его объёме отражаются представления о базовых ценностях и выражаются основные убеждения, принципы и жизненные цели. [Воркачев, 2003], а лексико-семантическое поле данного концепта пересекается с целым рядом других полей, которые принадлежат сфере эмоций и межличностных отношений [Соловьева, 2008].

Исследователи сходятся во мнении, что оба концепта имеют эмотивный характер, относят их к типу этических, свидетельствуют о наличии тесной взаимосвязи между ними и отмечают немаловажность индивидуальных представлений языковой личности о понятиях «дружба», «любовь» при её оценке.

Из-за отсутствия семьи Тургенев в зрелом возрасте придавал большое значение дружбе, он чувствовал потребность в друзьях, в их поддержке. Так, дружба и любовь, возникшие между коммуникантами, говорят о большой степени близости и доверия, а также о подобии «картин мира» Тургенева и Вревской, что нашло отражение в письмах на семантическом уровне.

При анализе нами была взята за основу классификация глагольной лексики чувств и эмоций, данная в «Русском семантическом словаре» (РСС) под ред. Н. Ю. Шведовой, где представлены глаголы, называющие чувства и случайные, единичные реакции на воздействие внешних и внутренних стимулов [РСС, 2007, с. 253–292]. Трудность в построении четкой классификации глаголов,

обозначающих эмоции и чувства, Н. Ю. Шведова видела в том, что чувства и эмоции человека находятся в постоянном внутреннем движении, им свойственны изменения, градационные переходы, сложные сочетания активного чувствования с пассивным переживанием, смена таких состояний [Там же, с. 253].

РСС делит данную категорию глаголов на следующие классы: 1) общие обозначения; 2) чувства, эмоции; 3) нравственные состояния, настроения; 4) эмоциональные (и эмоционально-интеллектуальные) состояния, свойства, качества, их приобретение, изменение и утрата.

К «Общим обозначениям» был отнесен глагол *чувствовать* – ‘испытывать какое-н. эмоциональное, нравственное состояние, воспринимать эмоционально, духовно, понимать, осознавать’ [РСС] (***Чувствую*** *также, что если мы теперь не встретимся – то уже никогда не встретимся (№ 3958); Я всегда* ***чувствовал*** *большое влечение к Вам (№ 3838); Целую Ваши руки – и* ***чувствую*** *к Вам нежность (№ 4115)* [Тургенев, 2000–2015]). Данное слово в роли предиката оказалось наиболее употребляемым И. С. Тургеневым (использовано 14 раз), поскольку, как узуальная единица с широкой семантикой, позволяло адресанту выразить обобщенно свое эмоциональное и психологическое состояние как реагирующей личности.

Второй класс «Чувства, эмоции» в РСС представляют в виде трех подклассов: «Общие обозначения», «Позитивные чувства, эмоции» и «Негативные чувства, эмоции». К подклассу «Общие обозначения» были отнесены предикаты, называющие то или иное чувство, эмоцию: *волновать* – ‘приводить в тревожно-беспокойное состояние, возбуждать’ [РСС] (*Моя любимица должна разрешиться от бремени около 15-го декабря – и это меня несколько пугает и* ***волнует*** *(№ 3838)); задеть* – ‘взволновать, возбудить какое-н. чувство’ [РСС] *(Что же касается до слова: «mondaine» – которое, как кажется,* ***задело*** *Вас за живое (№ 4368)); удивить* (использовано 4 раза) – ‘привести в состояние, вызванное чем-н. неожиданным, непонятным, странным’ [РСС] (*Меня несколько* ***удивляет*** *то, что Вы пишете мне о несомненности мира (№ 4623*) [Тургенев, 2000–2015]).

К подклассу «Позитивные чувства, эмоции», которые субъект испытывает, мы отнесли такие глаголы, как *радоваться* – ‘испытывать радость, веселие и приятное чувство’ [РСС] (***Радуюсь*** *тому, что Вы из отдаленных, полуварварских, снегом занесенных стран вернулись в Петербург (№ 4221*) [Тургенев, 2000–2015]). Данный предикат является самым частотным в проанализированной части тургеневского эпистолярия (16 употреблений) и это свидетельствует о том, что действия адресата вызывают у Тургенева положительные эмоции, настраивают писателя на добродушный лад, а свою реакцию автор не скрывает и транслирует в письмах к корреспонденту.

К данному подклассу РСС относит также фразему *тряхнуть стариной* – ‘поступить по-молодому, вспомнив прошлые хорошие годы, веселые молодецкие дела’ [РСС]. Тургенев использует синонимичную конструкцию *выкинуть (несуразную) штуку* (см.: *…чувствую, что стареюсь – «что я, шутя, твердил доселе» – и нисколько меня это не радует. Напротив. Ужасно хотелось бы* ***перед концом выкинуть какую-нибудь несуразную штуку*** *(№ 4115*) [Тургенев, 2000–2015]). Эта фразема имеет в значении имплицитные компоненты ‘стремиться отреагировать’, ‘быть воспринятым’. Тургенев, таким образом, раскрывает, что из-за нередкого плохого самочувствия осознает приближение старости, но в душе чувствует себя по-прежнему молодым и здоровым.

К подклассу «Позитивные чувства, эмоции» с семантикой ‘любовь, нежность, привязанность’ относятся такие эмотивные предикаты, как *дорожить* – ‘беречь, высоко ценить’ [РСС] (*Я чувствую, что в моей жизни с нынешнего дня одним существом больше, к которому я искренне привязался, дружбой которого я всегда буду* ***дорожить****, судьбами которого я всегда буду интересоваться (№ 3733*)); *любить / полюбить* – ‘испытывать любовь, чувство сильного сердечного влечения’ [РСС] *(Я искренно* ***полюбил*** *Вас с тех пор. Можете Вы мне прислать хорошую Вашу фотографию? (№ 3792)); …с тех пор как я Вас встретил, я* ***полюбил*** *Вас дружески (№ 4600)* [Тургенев, 2000–2015]). В письмах к Вревской Тургенев вводит данный предикат не часто – 8 раз, так как не прямо говорит о своих чувствах, а использует иносказание, аллегорию (см.: *…уж как там ни вертись – а должно сознаться, что если и не веревочкой и не черт – а кто-то* ***связал нас****; …****узелок опять затянулся*** *– и на этот раз довольно плотно. Смотрите, не вздумайте ни перерубать, ни развязывать этот узелок (№ 3918); …моя* ***(веревочка) не порвалась*** *и не порвется – а только* ***растягивается*** *(№ 3958)* [Тургенев, 2000–2015]). В данном случае

мы можем говорить о том, что семантический фон текста, который обладает взаимодополняющим значением, позволяет автору более полно выразить свои чувства.

В письмах Тургенева были выявлены предикаты с семантикой ‘симпатия, расположение’ также относящиеся к данному подклассу. Среди них *нравиться / понравиться* – ‘вызывать симпатию, расположение к себе’ [РСС] (*Вы мне ужасно* ***понравились****, как только я с Вами познакомился (№ 3918*)); *расположить(ся)* – ‘почувствовать симпатию, приязнь к кому-н.’ [РСС] (*Я всегда чувствовал, что Вы искренне ко мне* ***расположены*** *и принимаете во мне участие (№ 4600)* – предикат в форме краткого страдательного причастия); *привязать(ся)* – ‘почувствовать к кому-н. постоянную симпатию, преданность’ [РСС] (*Вы пишете, что очень ко мне* ***привязались*** *– но и я Вас очень люблю (№ 3883*) [Тургенев, 2000–2015]). Предикат *привязаться* у Тургенева, как видно из контекстов, синонимичен *любить*. Наречие *сердечно* со значением ‘искренне, неподдельно, близко, интимно’ [ТСУ] указывает на глубокую привязанность, а наречие *очень* усиливает лексическое значение предикатов *привязаться* и *любить*. Однако можно утверждать, что градосема в значении глагола *привязаться* передает менее высокую степень силы чувства, словно адресат стремится сохранить небольшую дистанцию, позволяющую принимать возможную сдержанность чувств корреспондента без обиды.

К подклассу «Позитивные чувства, эмоции» также относятся эмотивные глаголы с семантикой «сочувствие, жалость»: *сочувствовать* – ‘относиться к кому-н. отзывчиво, с участием, жалостью’ [РСС] *(Я сам больше всех недоволен собственной работой – и в душе едва ли не* ***сочувствую*** *всем критикам, которые так единодушно меня распекают! (№ 4654)); сожалеть* – ‘испытывать чувство жалости, огорчения’ [РСС] (*Очень* ***сожалею****, что не могу принять Вашего любезного предложения и что не застал Вас вчера дома (№ 3747)); Я очень* ***сожалею*** *о том, что и Вы и Ваши – нездоровы (№ 4623)* [Тургенев, 2000–2015]). Достаточно частое использование (13 раз) единиц с этой семантикой может говорить о том, что Тургенев разделяет горести, тревоги своего адресата и огорчен, что не может оказаться рядом в трудную минуту.

К предикатам с положительной эмоциональной коннотацией, которые вызывают то или иное чувство у субъекта, относим следующие единицы: *очаровать* – ‘произвести неотразимое, чарующее впечатление, пленить’ [РСС]**,** *льстить себя надеждой* – ‘надеяться, утешать себя надеждой’ [РСС], *трогать* – ‘вызывать в ком-н. сочувствие, приводить в умиление’ [РСС] (*Я продолжаю* ***льстить себя надеждою****, что месяца через 3 Вас увижу* (*№ 3918)* [Тургенев, 2000–2015]).

Предикаты, обозначающие негативные чувства, эмоции, такие, как ненависть, нелюбовь, пренебрежение, разочарование, безразличие, отчаяние, обида, злоба, отсутствуют в языковом арсенале Тургенева при обращении к Вревской. А это подтверждает, что писатель был чутким и добрым человеком, умел не обижать и беречь чужие чувства.

Однако в письмах к Вревской встречаются лексемы с семантикой ‘страх, боязнь, беспокойство’, относящиеся к кругу негативных эмоциональных предикатов: *беспокоить* – ‘волновать, внушать тревогу’ [РСС] (*Ваши похвалы Кавказу, тамошним видам и тамошней жизни, бесспорно, заслуженные похвалы, только они немножко меня* ***беспокоят*** *(№ 3918)); бояться* – ‘чувствовать возможность опасности, испытывать страх, боязнь’ [РСС] (*Я* ***боюсь****, мой роман Вам не понравится (№ 4440)); пугать* – ‘вызывать испуг, внезапное чувство страха, напряженную настороженность’ [РСС] (*Моя любимица должна разрешиться от бремени около 15-го декабря – и это меня несколько* ***пугает*** *и волнует (№ 3838)); тревожить* – ‘приводить в состоянии тревоги, волнения’ [РСС] (*Тогда, я не сомневаюсь, мы будем большие друзья – потому что ничего нас* ***тревожить*** *не будет (№ 4600*)); *трепетать* – ‘сильно беспокоиться, тревожиться’ [РСС] (*Через Вашу жизнь и проходят какие-то таинственные незнакомцы, которые за версту заставляют Вас замирать и* ***трепетать*** *(№ 4307)); трусить* – ‘бояться, испытывать страх’ [РСС] (*Я сильно буду* ***трусить*** *(№ 3792)* [Тургенев, 2000–2015]). Использование предикатов с семантикой ‘страх, боязнь, беспокойство’ указывает на то, что Тургенев не стеснялся признавать свои страхи, видел свои слабые стороны, был ранимым и чувствительным человеком. Он проявлял беспокойство за жизнь Вревской, находившейся на Кавказе, но рассказывал и о своих страхах, связанных с возможным неуспехом в литературной деятельности, а также признавался в опасениях за здоровье его дочери, в связи с предстоящими родами. Но вместе с тем в письмах к Вревской

отражена надежда Тургенева на то, что все тревоги отступят, когда они наконец-то будут вместе.

К третьему классу «Нравственные состояния, настроения» были отнесены следующие предикаты: *огорчать / огорчить* – ‘причинить душевную боль, сильно расстроить’ [РСС] (*Сербская катастрофа меня очень* ***огорчает*** *(№ 4392)); печалиться* – ‘испытывать печаль, грусть, огорчаться’ [РСС] (*Я только что отправил к Вам письмо, в котором* ***печалился*** *о Вашем молчанье (№ 4592)); смущать / смутить* – ‘привести в смущение, замешательство’ [РСС] (*Я искренне к Вам привязан, но иногда замечаю, что Вы молодая, милая женщина – и "напрасность" этого замечания меня* ***смущает*** *(№ 4368)); успокаивать / успокоить* – ‘унять внутреннее волнение; вселить спокойствие’ [РСС] (*Пожалуйста, дайте мне о себе весточку – и* ***успокойте*** *меня насчет последствий Вашего ушиба (№ 8549)* [Тургенев, 2000–2015]).

К данному классу РСС относит и фразеологическую единицу *гора с плеч свалилась* – ‘наступило душевное облегчение’ [РСС]. У Тургенева данный фразеологизм сокращен, но не теряет своей эмоциональности: «*Теперь как* ***гора с плеч*** *– а были страшные минуты и часы, о которых лучше не вспоминать!» (№ 3883)* [Тургенев, 2000–2015]. Более часто употребляемым предикатом данного круга (4 употребления) можно считать *утешать / утешить* – ‘успокоить, унять’ (*Коли не Вас, так себя я* ***утешаю*** *надеждой; и жалко стало мне Вас – и хотелось бы мне Вас* ***утешить*** *– но как и чем – не знаю (№ 4242)* [Тургенев, 2000–2015]). Глагол показывает, что Тургенев выражает сопричастное сожаление, не остается равнодушным, готов разделять тревоги и волнения близкого человека.

К четвертому классу «Эмоциональные (и эмоционально-интеллектуальные) состояния, свойства, качества, их приобретение, изменение и утрата» относится только один предикат, метафорически выражающий душевное состояние позитивного свойства, – *просветлеть* – ‘стать / становиться ясным, радостным, добрым’ [РСС] (*Я умею ценить подобную откровенность и дорожу ею. Ваше уныние* ***просветлеет*** *(№ 4049)* [Тургенев, 2000–2015]).

Таблица 1

Классификация эмотивных предикатов

Название раздела	**Общие обозначения чувств**		**Позитивные чувства**		**Негативные чувства**	
	Испытывать	*Вызывать*	*Испытывать*	*Вызывать*	*Испытывать*	*Вызывать*
Эмоции, чувства		волновать	любить	очаровать	бояться	беспокоить
		задеть	радоваться	льстить	трепетать	пугать
		удивить	дорожить	трогать	трусить	тревожить
			нравиться			
			привязаться			
			выкинуть несураз-ную штуку			
			сожалеть			
			сочувствовать			
			расположиться			
Нравственные состояния, настроения	печалиться	успокоить				
	гора с плеч свалилась	утешить				
		огорчить				
		смутить				
Эмоциональ-ные состояния, свойства, каче-ства				светить		

Результаты

В ходе проведенного исследования был рассмотрен фрагмент языковой картины мира «Сфера проявления эмоций и чувств» в определенный период жизни писателя, когда ему около 60 лет. В результате анализа писем предстал образ их автора – эмоционально стабильного, скрытного, уравновешенного, доброжелательного человека. Основанием для вывода послужило выявление факта, что эмотивные предикаты, обладающие позитивной семантикой, доминируют в письмах Тургенева к данному адресату (см. *Таблицу 1*). Адресант наиболее активно использует такие предикаты, как *радоваться, любить, привязаться, сожалеть, очаровать*. Эмоционально-экспрессивная лексика в исследованных письмах представлена как нечастотная: *трепетать, волновать, пугать, задеть.*

Эмотивные предикаты, которые выражают значение ‘побуждать субъекта испытывать определенные чувства’, частотны в текстах писем Тургенева к Вревской. Полагаем, это является показателем того, что Тургенев чаще сам переживает какие-либо чувства и эмоции и делится этим с адресатом, чем призывает испытывать те или иные чувства и эмоции.

В эпистолярных текстах Тургенева к Вревской мы можем констатировать наличие градуального компонента (см. [Колесникова, 2018, с. 62–135]), который проявляется в семантике предикатов, выражающих позитивные чувства привязанности к адресату. Так, при построении градационной шкалы предикаты с семантикой ‘дружба’ занимают нейтральную позицию и являются «нормой», точкой отсчета, а предикаты с семантикой ‘любовь’ действуют в зоне «выше нормы». Эта шкала позволяет отразить изменение интенсивности чувств в градуальном фрагменте языковой картины мира Тургенева.

Предикаты указанной лексико-семантической группы могут быть распределены на основании возрастания степени силы чувства адресанта следующим образом: *расположиться* → *нравиться* → *привязаться* → *волновать* → *дорожить* → *радоваться* → *любить*. Изменение градосемы у единиц градуального фрагмента языковой картины мира Тургенева происходит в процессе коммуникации и отражает языковую манифестацию эмоций, связанных с нарастанием степени проявления чувств в письмах к адресату.

В основе мотивов деятельности человека, как утверждает Л. Г. Бабенко, лежат эмоции, связанные с его потребностями, поскольку эмоции – это особая, своеобразная форма отражения, познания, оценки действительности, так как в них человек выступает одновременно и объектом, и субъектом познания [Бабенко, 1989]. Соглашаясь с этим высказыванием, мы можем констатировать, что, благодаря эмоциям, эксплицируемым в текстах переписки, выявляются и мотивы, прагматические установки адресанта.

Проведенный анализ подтвердил, что письма как акт особой, интимной коммуникации позволяют составить представление о тургеневском эмоциональном мире с его ценностями, показывают попытки выстраивания отношений Тургенева с Ю. Вревской, объясняют предпочтение этого корреспондента в известный период в силу общности интересов, взаимной симпатии, обладания единой когнитивной базой или принадлежностью к лингво-культурному сообществу, а также дают представление о коммуникативных ценностях эпохи. Эмотивный предикат, являясь показателем скрытых индивидуально-психологических и социально-психологических составляющих личности, указал на характер поведения, психическое и эмоциональное состояние Тургенева в определённой ситуации общения.

Заключение

Нерешительность в любви, а быть может то, что Тургенев называл себя однолюбом, не позволило развиться этому чувству в реальной жизни: любовь в письмах к Ю. П. Вревской так и осталась на бумаге. В посвященном ее памяти стихотворении в прозе Тургенев упоминает и о себе: *«Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились… два-три человека* ***тайно и глубоко*** *любили ее»* [Тургенев, 1982, с. 146]. Проведенный анализ писем позволяет предположить, что к этим двум-трем людям, о которых Тургенев упоминает в стихотворении, он причисляет и себя. *Тайно* (от *тайный* – ‘составляющий для посторонних тайну, скрытый от всех, не известный многим’ [ТСУ]) и *глубоко* (от *глубокий* – ‘очень сильный, напряженный, достигший высшей степени; серьезный, значительный’ [ТСУ]) – так писатель характеризует свою любовь к женщине, которая готова была жертвовать собой и своим счастьем

ради других и стремилась *«помогать нуждающимся в помощи… она не ведала другого счастия… не ведала – и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо»* [Тургенев, 1982, с. 146]. Вскоре после ее смерти Тургенев в письме к П. В. Анненкову поделился с другом: *«Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жадная жертвы. Ее смерть меня* ***глубоко*** *огорчила. Это было прекрасное, неописанно доброе существо… Ее жизнь – одна из самых печальных, какие я знаю» (№ 4955)* [Тургенев, 2000–2015].

Анализ семантики выделенных в текстах писем И. С. Тургенева глагольных лексем с семантикой ‘дружба, привязанность, любовь’ в роли эмотивных предикатов в текстах писем Ю. П. Вревской выявил как идиостилевую черту склонность автора к репрезентации положительных чувств в качестве показателя особенностей эмоционально-психологического развития его языковой личности.

Библиографический список

1. Анисова А. А. Образ Никиты Чиклина в повести А. П. Платонова «Котлован» в свете предикатного анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–1 (59). С. 40–43.
2. Арапова О. А. Предыстория концепта «дружба» по данным этимологии // Проблемы филологии : сборник научных работ аспирантов, соискателей и молодых ученых. 2003. Вып. 2. С. 28–34.
3. Арутюнова Н. Д. Предикат // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997. С. 366–367.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва : Языки русской культуры, 1999. I-XV, 896 с.
5. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 182 с.
6. Валиуллина Г. Ф. Исследование концепта «любовь» в современной лингвистике // В мире научных открытий. 2014. № 11–2 (59). С. 977–980.
7. Варфоломеева Ю. Л. Глагольное семантическое поле пространства (на примере художественного описания) // Вестник БГУ. Серия : Язык, литература, культура. 2019. № 2. С. 19–22.
8. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. Москва : Высшая школа, 1981. 184 с.
9. Воркачев С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003 : Современная антология. Волгоград : Перемена, 2003. С. 189–208.
10. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск : Харвест, 1998. 301 с.
11. Дмитриев Д. В. Средства номинации и предикации, реализующие тему поэта и поэзии в лирике А. А. Фета // Вестник МФЮА. 2014. № 2. С. 226–234.
12. Зализняк А. А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992. 201 с.
13. Камалова А. А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах. Архангельск : Изд.-во Поморского гос. ун-та, 1998. 325 с.
14. Ковина Т. П. По страницам романа «Дворянское гнездо» : особенности идиостиля И. С. Тургенева. Москва : ИНФРА-М, 2020. 184 с.
15. Колесникова С. М. Концепт «любовь» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. 2006. № 1. С. 17–27.
16. Колесникова С. М. Градуальность. Связи и отношения в системе русского языка. Москва : Флинта, 2018. 232 с.
17. Кочеткова Т. И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке. Оренбург, 2004. 288 с.
18. Кузнецова Л. Э. Ассоциативный аспект эмоционального концепта «любовь» с учетом тендерного параметра // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. Курск : Изд-во КГУ, 2005. С. 45–46.
19. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова. Москва : Изд-во МГОУ, 2000. 188 с.
20. Леденёва В. В. Слово Лескова. Москва : ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
21. Лекант П. А. Современный русский литературный язык : учебник / П. А. Лекант, Н. Г. Гольцова, В. П. Жуков и др.; под ред. П. А. Леканта. 2 изд., испр. Москва : Высшая школа, 1988. 416 с.
22. Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. Москва : Изд-во МГОУ, 2002. 312 с.
23. Лунцова О. М. Градиент-концепт «дружба-мир-вражда» в русской и английской лингвокультурах : на материале лексики и фразеологии. Москва : Флинта, 2019. 257 с.
24. Новиков Л. А. Избранные труды. Т. 1. Проблемы языкового значения. Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. Москва : Изд-во РУДН, 2001. 672 с.; 842 с.
25. Перельмутер И. А. Философские школы эпохи эллинизма // История лингвистических учений : Древний мир / АН СССР Ин-т языкознания; под общ. ред. А. В. Десницкой, С. Д. Кацнельсона. Ленинград : Наука, 1980. С. 180–214.
26. Попова Л. В. Именные предикаты со значением сравнения как средство выражения образности в художественном тексте (на материале романа А. Б. Мариенгофа «Циники») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 104–109.
27. РСС: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и

значений : в 6 т. / РАН. Ин-т рус. яз; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 4. Москва : Азбуковник, 2007. 922 с.

28. Скляр Е. С. Концепт «любовь» как фрагмент эмоциональной картины мира в лирике А. А. Фета и Э. А. Асадова // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 155–159.

29. Соловьева Т. В. Концепт «любовь» как отражение индивидуального образа мира (на материале творчества К. Скворцова) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Филология, Искусствоведение. 2008. Вып. 24. № 23 (124). С. 121–125.

30. ТСУ: Толковый словарь русского языка : В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. URL: https://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 15.12.2019).

31. Топка Л. В. Эмотивный предикат как средство репрезентации константы внутреннего мира человека // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 3. С. 210–217.

32. Тургенев И. С. Повести и рассказы. 1881–1883. Стихотворения в прозе. 1878–1883. Произведения разных годов // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); редкол. : М. П. Алексеев (гл. ред.) и др. Т. 10. Москва : Наука, 1982. С. 145–146.

33. Тургенев И. С. Письма, 1872–1878 // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); Т. 12–Т. 16. Москва : Наука, 2000–2015.

34. Хизова М. А. Сопоставительный анализ семантической структуры концепта «дружба» в русском и английском поэтических дискурсах // Мир Востока 2003 : ежегодник факультета востоковедения ИНЭП. Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2003. С. 151–161.

35. Шахнарович А. М., Графова Т. А. Экспериментальное исследование реализации эмотивности в речевой деятельности // Человеческий фактор в языке : языковые механизмы экспрессивности. Москва : Наука, 1991. С. 99–114.

Reference List

1. Anisova A. A. Obraz Nikity Chiklina v povesti A. P. Platonova «Kotlovan» v svete predikatnogo analiza = The image of Nikita Chiklin in the novella of A. P. Platonov «The foundation pit» in the light of predicate analysis // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 5–1 (59). S. 40–43.

2. Arapova O. A. Predystorija koncepta «druzhba» po dannym jetimologii = Pre-history of the concept of «friendship» according to etimology data // Problemy filologii : sbornik nauchnyh rabot aspirantov, soiskatelej i molodyh uchenyh. 2003. Vyp. 2. S. 28–34.

3. Arutjunova N. D. Predikat = Predicate // Russkij jazyk : jenciklopedija / gl. red. Ju. N. Karaulov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Bol'shaja ros. jencikl. : Drofa, 1997. S. 366–367.

4. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. = The language amd world of a man 2d edition, corrected. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. I-HV, 896 s.

5. Babenko L. G. Leksicheskie sredstva oboznachenija jemocij v russkom jazyke = Lexical means of denoting emotions in the Russian language Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1989. 182 s.

6. Valiullina G. F. Issledovanie koncepta «ljubov'» v sovremennoj lingvistike = The research of the concept «love» in modern linguistics // V mire nauchnyh otkrytij. 2014. № 11–2 (59). S. 977–980.

7. Varfolomeeva Ju. L. Glagol'noe semanticheskoe pole prostranstva (na primere hudozhestvennogo opisanija) = Verbal semantic field of space (on the example of artistic description) // BGU. Serija : Jazyk, literatura, kul'tura. 2019. № 2. S. 19–22.

8. Vasil'ev L. M. Semantika russkogo glagola = The semantics of th Russian verb Moskva : Vysshaja shkola, 1981. 184 s.

9. Vorkachev S. G. Koncept ljubvi v russkom jazykovom soznanii // Kommunikativnye issledovanija 2003 : Sovremennaja antologija = The concept of «love» in Russian language conscience. Communicative researches 2003: Modern anthology Volgograd : Peremena, 2003. S. 189–208.

10. Golovin S. Ju. Slovar' prakticheskogo psihologa = The dictionary of practical psychologist. Minsk : Harvest, 1998. 301 s.

11. Dmitriev D. V. Sredstva nominacii i predikacii, realizujushhie temu pojeta i pojezii v lirike A. A. Feta = The means of nomination and predication showing the theme of the poet and poetry in the lyrics of A. A. Fet // Vestnik MFJuA. 2014. № 2. S. 226–234.

12. Zaliznjak A. A. Issledovanija po semantike predikatov vnutrennego sostojanija = Researches on semantics of inner state predicates. München : Otto Sagner, 1992. 201 c.

13. Kamalova A. A. Semanticheskie tipy predikatov sostojanija v sistemnom i funkcional'nom aspektah = Semantic types of predicates of state in systemic and functional aspects. Arhangel'sk : Izd.-vo Pomorskogo gos. un-ta, 1998. 325 c.

14. Kovina T. P. Po stranicam romana «Dvorjanskoe gnezdo» : osobennosti idiostilja I. S. Turgeneva = Following the pages of the novel «Noble nest» : the peculiarities of idiostyle of I. S. Turgenev. Moskva : INFRA-M, 2020. 184 s.

15. Kolesnikova S. M. Koncept «ljubov'» = The concept of «love» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija : Russkaja filologija. 2006. № 1. S. 17–27.

16. Kolesnikova S. M. Gradual'nost'. Svjazi i otnoshenija v sisteme russkogo jazyka = Graduality. Ties and relations in the system of the Russian language. Moskva : Flinta, 2018. 232 s.

17. Kochetkova T. I. Slovoslozhenie kak sredstvo nominacii i predikacii v sovremennom russkom jazyke = Word-formation as the means of nomination and predication in the modern Russian language. Orenburg, 2004. 288 s.

18. Kuznecova L. Je. Associativnyj aspekt jemocional'nogo koncepta «ljubov'» s uchetom tendernogo parametra = Association aspect of an emotional concept of

«love» with tender parameter // Aktual'nye problemy sovremennogo inojazychnogo obrazovanija. Kursk : Izd-vo KGU, 2005. S. 45–46.

19. Ledenjova V. V. Osobennosti idiolekta N. S. Leskova = N. S. Leskov's idiolect's peculiarities. Moskva : Izd-vo MGOU, 2000. 188 s.

20. Ledenjova V. V. Slovo Leskova. Leskov's word Moskva : IIU MGOU, 2015. 260 s.

21. Lekant P. A. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk = Modern Russian literature language : uchebnik / P. A. Lekant, N. G. Gol'cova, V. P. Zhukov i dr.; pod red. P. A. Lekanta. 2 izd., ispr. Moskva : Vysshaja shkola, 1988. 416 s.

22. Lekant P. A. Ocherki po grammatike russkogo jazyka = Essays on Russian language grammar. Moskva : Izd-vo MGOU, 2002. 312 s.

23. Luncova O. M. Gradient-koncept «druzhba-mir-vrazhda» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah : na materiale leksiki i frazeologii = Gradient-concept «friendship-peace-hostility» in Russian and English lingvo-cultures: on the material of lexicology and phraseology. Moskva : Flinta, 2019. 257 s.

24. Novikov L. A. Izbrannye trudy. T. 1. Problemy jazykovogo znachenija. T. 2. Jesteticheskie aspekty jazyka. Miscellanea = Chosen works. V. 1. The problems of language meaning. Aesthetic aspects of the language. Miscellanea. Moskva : Izd-vo RUDN, 2001. 672 s.; 842 s.

25. Perel'muter I. A. Filosofskie shkoly jepohi jellinizma = Philosofical schools of ellinism epoch // Istorija lingvisticheskih uchenij : Drevnij mir / AN SSSR In-t jazykoznanija; pod obshh. red. A. V. Desnickoj, S. D. Kacnel'sona. Leningrad : Nauka, 1980. S. 180–214.

26. Popova L. V. Imennye predikaty so znacheniem sravnenija kak sredstvo vyrazhenija obraznosti v hudozhestvennom tekste (na materiale romana A. B. Mariengofa «Ciniki») = Nominative predicates with the meaning of comparison as a means of imagery expressiveness in an artistic text (on the material of A. B. Mariengof's novel «Sinics») // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija : Gumanitarnye i social'nye nauki. 2011. № 1. S. 104–109.

27. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij : v 6 t. = Russian semantic dictionary. Thesaurus, systematized according to word classes and meanings : in 6 v. / RAN. In-t rus. jaz; pod obshhej red. N. Ju. Shvedovoj. T. 4. Moskva : Azbukovnik, 2007. 922 s.

28. Skljar E. S. Koncept «ljubov'» kak fragment jemocional'noj kartiny mira v lirike A. A. Feta i Je. A. Asadova = The concept «love» as a fragment of world picture in A. A. Fet's and E.A. Asadov's lyrics // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2018. T. 7. № 1 (22). S. 155–159.

29. Solov'eva T. V. Koncept «ljubov'» kak otrazhenie individual'nogo obraza mira (na materiale tvorchestva K. Skvorcova) = The concept «love» as a reflection of individual world image (on the works of K. Skvortsov) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija : Filologija, Iskusstvovedenie. 2008. Vyp. 24. № 23 (124). S. 121–125.

30. TSU: Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : V 4 t. = Russian language thesaurus:in 4 v. / pod red. D. N. Ushakova. Moskva : Gos. in-t «Sov. jencikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov. 1935–1940. URL: https://ushakovdictionary.ru/ (data obrashhenija: 15.12.2019).

31. Topka L. V. Jemotivnyj predikat kak sredstvo reprezentacii konstanty vnutrennego mira cheloveka = Emotive predicate as a means of man's inner world constant representation // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. 2015. № 3. S. 210–217.

32. Turgenev I. S. Povesti i rasskazy. 1881–1883. Stihotvorenija v proze. 1878–1883. Proizvedenija raznyh godov = Novellas and short stories. 1881–1883. Verses in prose. 1878–1883. Works of different years // Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 tomah / AN SSSR, Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom); redkol. : M. P. Alekseev (gl. red.) i dr. T. 10. Moskva : Nauka, 1982. S. 145–146.

33. Turgenev I. S. Pis'ma, 1872–1878 = Letters, 1872–1878 // Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 tomah / AN SSSR, Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom); T. 12–T. 16. Moskva : Nauka, 2000–2015.

34. Hizova M. A. Sopostavitel'nyj analiz semanticheskoj struktury koncepta «druzhba» v russkom i anglijskom pojeticheskih diskursah = Comparative analysis of semantical structure of the concept «friendship» in the Russian and English poetic discourses // Mir Vostoka 2003 : ezhegodnik fakul'teta vostokovedenija INJeP. Krasnodar : Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 2003. S. 151–161.

35. Shahnarovich A. M., Grafova T. A. Jeksperimental'noe issledovanie realizacii jemotivnosti v rechevoj dejatel'nosti = Experimental research of emotiveness realisation in speech // Chelovecheskij faktor v jazyke : jazykovye mehanizmy jekspressivnosti. Moskva : Nauka, 1991. S. 99–114.

УДК 81–11

О. В. Лукин **https://orcid.org/0000–0001–9101–9134**

Русские грамматики Н. И. Греча и их немецкие источники

Для цитирования: Лукин О. В. Русские грамматики Н. И. Греча и их немецкие источники // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 158-163. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-158-163

Статья посвящена влиянию немецких грамматик русского языка и других немецких грамматик на «Пространную грамматику русского языка» известного российского писателя, журналиста, издателя и филолога Н. И. Греча. Рожденный в немецкой протестантской семье в Санкт-Петербурге и получивший домашнее образование, будущий журналист обучался в Юнкерской школу при Сенате, затем посещал в качестве вольнослушателя Санкт-Петербургский педагогический институт. Педагогическая деятельность в качестве преподавателя русского языка привела этнического немца к необходимости осознания закономерностей преподаваемого им языка и написания грамматик русского языка. Первая опубликованная им в 1827 году «Пространная грамматика русского языка» имела большой успех, а ее автор был избран в Императорскую Академию наук в Петербурге. С указанной грамматикой непосредственно связаны и другие грамматические произведения Н. И. Греча, которые перечисляются в настоящей статье. Автор статьи называет также немецкоязычные грамматики русского языка и другие грамматические работы на немецком языке, которые в значительной мере легли в основу «Пространной грамматики русского языка». Сам Н. И. Греч признавал, что теоретическая часть была им заимствована из работы А. Ф. Бернгарди «Языкознание» и «Греческой грамматики» Ф. В. Тирша. Первая представляет собой основанную на логических категориях общую грамматику, которую Н. И. Греч перенес на материал русского языка. В практической части автор пользовался всеми известными ему работами, в их числе – написанными на немецком языке грамматиками русского языка Г. В. Лудольфа, В. Е. Адодурова, Я. Родде, И. А. Гейма, И. С. Фатера, А. Я. Пухмайера, А. В. Таппе.

Ключевые слова: лингвоисториография, Н. И. Греч (14.8.1787– 24.1.1867), «Пространная грамматика русского языка», грамматики русского языка, Германия, Россия, XIX век.

O. V. Lukin

N. I. Grech's russian grammar books and their german sources

The article is devoted to the influence of German Grammar books of the Russian language and other German Grammars on the «Lengthy Russian language Grammar» of a famous Russian writer, journalist, publisher and philologist N. I. Grech. Born in a German protestant family, home educated, a future journalist studied in a Senate cadet school, then became a listener of S-Petersburg Pedagogical institute. His pedagogical work as a Russian language teacher made an ethnic German understand the laws of the Russian language and write Russian Grammar books. The first published by him in 1827 «Lengthy Russian language Grammar» had a great success and its author was invited in the Emperor Academy of Science in Petersburg. Some other N.I. Grech's grammar books are closely connected with this one. They are also mentioned in this article. The author of the article speaks about German grammars of the Russian language and other grammar books in German which lay the foundation of «Lengthy Russian language Grammar». N. I. Grech himself admitted that the theoretical part was borrowed from A.F. Bergardi's «Linguistics» and F.V. Tirsh's «Greek grammar». The former is general grammar based on logical categories which N.I. Grech transferred to the Russian language. In the practical part the author used all known to him works including written in German Russian Grammar books by G. V. Ludolf, V. E. Adodurov, Y. Podde, I. A. Geim, I. S. Fater, A. Y. Puhmajer, A. V. Tappe.

Key words: lingvohistoriography, N. I. Grech (14.8.1787–24.1.1867), «Lengthy Russian language Grammar», Russian language grammar books, Germany, Russia, XIX century.

Широкому кругу читающей публики Н. И. Греч (14.8.1787–24.1.1867) известен прежде всего как журналист, писатель и издатель. В истории языкознания он известен как автор немалого количества русских грамматик, интерес к которым зародился в самые ранние годы его жизни, ср.: «… увидел я недостаточность наших грамматик в сравнении с иностранными и несообразность их с выводами грамматики всеобщей; увидел, сколько в них набрано лишнего, постороннего и сколько

© Лукин О. В., 2020

недостает своего. С того времени, с пятнадцатого года от рождения, затаилась в душе моей мысль сделать что-нибудь по этому предмету: она осуществилась чрез двадцать пять лет» [Греч, 1930, с. 256].

Академик В. В. Виноградов относил его к западническому направлению: «В русле философских, западнических направлений русского грамматического движения XIX века шел Н. И. Греч» [Виноградов, 1958, с. 134]. Он особо подчеркивал своеобразие судьбы грамматических произведений Н. И. Греча: «Они пользовались широким общественным признанием, усиленно читались и изучались в 20–30-е и даже 40-е годы XIX века… Правда, не все филологи … считали грамматические … взгляды Н. И. Греча прогрессивными и соответствующими реальным процессам развития строя русского языка (например, В. Г. Белинский, К. С. Аксаков и др.)» [Виноградов, 1958, с. 161].

Интерес к грамматическому творчеству Н. И. Греча, прекратившийся на несколько десятилетий XX века, получил новое освещение в публикациях начала XXI столетия (см., например, [Вихрева, 2010], [Соколова, 2007], [Соколова, 2008]) и в переизданиях трудов самого ученого (ср., например, [Греч, 2011]).

Н. И. Греч родился в немецкой протестантской семье в Санкт-Петербурге. Его предки были выходцами из Богемии и переселились в Россию в конце XVII – начале XVIII вв. Его дед И.-Э. Греч (нем. Johann-Ernst Gretsch, рус. Иван Михайлович, 1709–760) – магистр истории, профессор Митавской гимназии, в 1736–1760 гг. был преподавателем сухопутного (1-го кадетского) корпуса в Петербурге. Его отец И.-Э. Греч (нем. Johann-Ernst Gretsch, рус. Иван Иванович, 1754–1803), – занимал чиновничьи должности вплоть до обер-секретаря сената [Греч, 1886, с. 4–6], [Мазаев, 1893, с. 686].

Получив домашнее образование, Н. И. Греч поступил в Юнкерскую школу при Сенате, которую закончил в 1804 году, затем он в качестве вольнослушателя посещает Санкт-Петербургский педагогический институт. Свою преподавательскую деятельность он начал в 1805 году учителем русской словесности в знаменитом в то время девичьем пансионе М. Х. Ришар [Тростенцова, 2017, с. 22].

В течение пяти лет с 1809 по 1814 гг. он преподавал русский язык и словесность в знаменитой Петришуле – главном немецком училище Святого Петра, затем с 1814 по 1817 гг. – в Санкт-Петербургской гимназии, при этом выполнял обязанности смотрителя петербургских уездных и приходских училищ (1811–1814) [Ивинский, 2007, с. 730]. В 1818 году Н. И. Греч – участник Комиссии по составлению учебных пособий для кантонистов поселенных войск; в 1819 году – учредитель классов взаимного обучения в Санкт-Петербургском и Гатчинском воспитательных домах и в училищах для солдатских дочерей гвардейских полков; в 1842–1843 – преподаватель русского языка в верхнем классе Пажеского корпуса [Тростенцова, 2017, с. 22].

Преподавание русского языка в различных типах учебных заведений, в том числе, и немецкой школе, как это нередко бывает, привело Греча-учителя к теоретическому осмыслению преподаваемого им материала русской грамматики, которой были посвящены многие годы его жизни. Самой первой и самой известной работой филолога стала «Пространная русская грамматика», выпущенная первым изданием в 1827 г., за которую его избрали в Императорскую Академию наук в Петербурге.

Затем из под пера Н. И. Греча выходит много произведений, так или иначе связанных с «Пространной грамматикой русского языка». Это:

− Практическая русская грамматика [Греч, 1827],

− Ключ к практическим урокам русской грамматики [Греч, 1832],

− Краткая русская грамматика [Греч, 2011],

− Чтения о русском языке [Греч, 1840а], [Греч, 1840б],

− Учебная русская грамматика : (Для учащихся) [Греч, 1851а],

− Руководство к преподаванию по Учебной русской грамматике : (Для учащих) [Греч, 1851б],

− Задачи учебной русской грамматики [Греч, 1852],

− Русская грамматика первого возраста. Учительская [Греч, 1860],

− Русская грамматика первого возраста : Ученическая [Греч, 1865].

В предисловии к «Пространной грамматике» Ф. В. Булгарин (Фаддей Венедиктович Булгарин, урождённый Ян Тадеуш Кшиштоф Булгарин, (польск. Jan Tadeusz Krzysztof Bułharyn), 5.07.1789–13.09.1859) особо указывал на обстоятельства, имеющие для нас особый интерес: «Грамматика сия ограничивается изложением правил *нынешнего* Русского языка, с некоторыми историческими и сравнительными замечаниями»» и упомянул в связи с этим знаменитую «Немецкую грамматику» Я. Гримма [Булгарин, 1827, с.VII–VIII]. И далее: «Греч, не желая присваивать себе чужого, объявил мне, что

теоретическая часть заимствована им преимущественно из творений *Бернгарди* (Sprachlehre von A. F. Bernhardi, Berlin, 1803, две части), *Сильвестра де Саси* (Principes de Grammaire générale, Paris, 1815), *Тирша* (Griechische Grammatik, dritte Aufl., Leipz. 1826) и н. др.; в практической пользовался он всеми известными ему по сему предмету сочинениями, исчисленными в §§ 66–74 сей книги» [Булгарин, 1827, с. VIII].

А. Ф. Бернгарди (нем. August Ferdinand Bernhardi, 24.06.1769–1.06.1820) не был известным немецким лингвистом. Получив филологическое образование в университете г. Галле, он на протяжении всей своей жизни он был учителем и директором в гимназиях Берлина (биографические сведения о нем см. [Burckhardt, 1955]). Его главным произведением и было «Языкознание» (нем. *Sprachlehre*) вышедшее в двух томах в 1801–1803 гг. в Берлине [Bernhardi, 1801–1803]. В этой работе А. Ф. Бернгарди обобщил языковедческий опыт XVIII столетия в одну систему и перенес термины И. Канта (нем. Immanuel Kant; 22.04.1724–12.02.1804), Ф. Шеллинга (нем. Friedrich Wilhelm Joseph Schelling, 27.01.1775–20.08.1854) и И. Фихте (нем. Johann Gottlieb Fichte, 19.05.1762–27.01.1814) на языкознание. Задача языкознания состояла для него в отражении разума. На этой базе он создает основанную на логических категориях общую грамматику, теорию происхождения языка, основанную на эстетике языка стилистике и философскую трактовку метафорического характера языка.

Ф. В. Тирш (нем. Friedrich Wilhelm von Thiersch, 17.06.1784–25.02.1860) был известным немецким антиковедом, филологом-эллинистом (биографические сведения о нем см. [Baumeister, 1894]). Его книга «Греческая грамматика», очевидно, не относилась к самым выдающимся произведениям автора, но именно третье издание этой грамматики [von Thiersch, 1826] Н. И. Греч выбрал не случайно.

Далее следует назвать упоминающиеся в работе Н. И. Греча грамматики русского языка, составленные на немецком языке большей частью немецкими авторами (исключение составлял студент В. Е. Адодуров). Парадоксально, но их абсолютное большинство было либо российскими немцами, либо немцами, волею судеб оказавшихся в Российском империи – людьми, как правило, не имевшими филологического образования и составившими русские грамматики из сугубо практических потребностей, зачастую списывая их с самых разнообразных источников.

В этом смысле некоторое исключение составляет русская грамматика Г. В. Лудольфа (нем. Heinrich Wilhelm Ludolf, 20.12.1655–25.01.1712), изданная в 1696 году в Оксфорде в на латинском языке под пространным названием «*Henrici Wilhelmi Ludolf Grammatica Russica quæ continet non tantum præcipua fundamenta russicæ linguæ, Verum etiam ma-nuductionem quandam ad grammaticam slavonicam*» с подзаголовком «*Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice æque ac latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant. Una cum brevi vocabulario rerum naturalium*» [Ludolf, 1696]. Однако сам Н. И. Греч пишет о ней: «Оная не имеет никакого достоинства, кроме древности» [Греч, 1827, с. 49].

За ней следует без указания имени автора грамматика, написанная тогда еще двадцатидвухлетним студентом, а уже потом почётным членом Санкт-Петербургской академии наук и куратором Московского университета В. Е. Адодуровым (Василий Евдокимович Ададуров (Адодуров), 26.03.1709–16.11.1780) «*Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*», которая входила в состав известного тогда «Немецко-латинского и русского лексикона» Э. Вейсмана (нем. Ehrenreich Weismann, 15.07.1641–23.02.1717) [Anfangs-Gründe, 1731], о которой Н. И. Греч писал: «Сказывают, она сочинена была одним из первых тогдашних знатоков Русского языка» [Греч, 1827, с. 50].

Четвертой в списке значится русская грамматика, сочиненная секретарем и переводчиком Рижского магистрата Я. Родде (нем. Jakob Rodde, рус. Родде Яков Матвеевич, 1725–29.05.1789) [Rodde, 1789], которую Н. И. Греч, впрочем, характеризует не иначе как наполненную ошибками выписку из Ломоносова [Греч, 1827, с. 50].

Под седьмым номером мы находим русскую грамматику для немцев, сочиненную профессором словесного факультета Московского университета И. А. Геймом (нем. von Heim Bernhard Andreas, также Johann Heym, рус. Бернгард Андреас Гейм, также Гейм Иван Андреевич, 1759–28.10.1821) [Heym, 1789], которого, впрочем, также едва ли можно было назвать оригинальным автором, ср.: «В первых двух изданиях Автор следовал Ломоносову, а в последнем Грамматике Академической» [Греч, 1827, с. 51].

Особое место в этом списке несомненно занимает «Практическая Грамматика Русского языка, расположенная в удобных и полных таблицах и правилах, с примерами для грамматического разбора и для перевода на

Русский язык, сочинение И. С. Фатера (нем. Johann Severin Vater, 27.05.1771–16.03.1826), Профессора Богословия и Библиотекаря в Кенигсберге (ныне в Галле) и Кавалера Ордена Св. Владимира» (см. [Vater, 1808], которую Н. И. Греч охарактеризовал так: «В сей книге находим многие хорошие замечания и правила, составленные Автором при чтении Русских книг, и извлеченные им из приложения к Русскому языку правил Грамматики Всеобщей и Сравнительной» [Греч, 1827, с. 51].

За ней следует «Система русского языка» богемского священника А. Я. Пухмайера (нем. Anton Jaroslaw Puchmayer, 22.01.1769–29.09.1820) [Puchmayer, 1820], составленная по образцу системы богемского языка, о чем Н. И. Греч пишет: «И в сей книге находим много хорошего; но Автор слишком часто сбивается на природный свой, Богемский, язык, и не всегда умеет отделять Формы общие Славянские от собственно Русских» [Греч, 1827, с. 52].

О новой теоретико-практической русской грамматике для немцев, составленной его коллегой по училищу Святого Петра А. В. Таппе (рус. Август Вильгельмович Таппе, нем. Dietrich August Wilhelm Tappe, также Dietrich August Wilhelm Philipp von Tappe, 9.02.1778–3.04.1830) и выдержавшей семь изданий на протяжении 1810–1835 гг. [Tappe, 1815], Н. И. Греч сообщает с некоторым сожалением: «Автор сей книги принес великую пользу иностранцам, облегчив изучение Русского языка выбором и удобным расположением правил и примеров; но мы не могли ничем из оной заимствоваться, ибо все правила оной взяты из других Грамматик» [Греч, 1827, с. 52].

О знании Н. И. Гречем современной ему немецкоязычной лингвистической литературы, пишет В. В. Виноградов, приводя свидетельства разных ученых (см. [Виноградов 1958, с. 136–137]). Однако можно предположить, что сам Н. И. Греч едва ли стремился находиться в эпицентре лингвистической мысли начала XIX столетия и создать подлинно научное исследование о современном ему русском языке. Вместе с тем, «у Греча были и интерес к наблюдениям над языком, и умение описывать и характеризовать конкретные факты языкового употребления. Но он был лишен дара систематизации грамматических явлений» [Виноградов 1958, с. 138].

Не случайно автор статьи о Н. И. Грече в энциклопедии Брокгауза и Ефрона писал М. Н. Мазаев свидетельствовал: «В области грамматики Г. не был ученым, способным на открытия; но он не был лишен филологического такта и сметливости, почему его труды были в свое время шагом вперед» [Мазаев 1893, 68].

Очевидно, рассмотрение феноменов русского языка сквозь призму немецкоязычных грамматик было для этнического немца Н. И. Греча некоей возможностью осознать и проанализировать русский язык, но уже с 60-х годов XIX века труды Н. И. Греча иронически назывались «преданиями старины, завещанными учителями русской грамматики, Гречем с братиею» (цит. по [Виноградов 1958, с. 139]).

Библиографический список

1. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса: (От Ломоносова до Потебни и Фортунатова). Москва : Издательство Московского университета, 1958. 399 с.

2. Вихрева О. И. Грамматики А. А. Барсова, Н. И. Греча и А. Х. Востокова как источники изучения морфологических категорий имени существительного // Ярославский педагогический вестник, 2010. № 4. Том I (Гуманитарные науки). С. 183–187.

3. Булгарин Ф. В. Предисловие// Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. 1. Санкт-Петербург : В типографии издателя, 1827. Т. 1. С. III–XI.

4. Греч Н. И. Записки о моей жизни. Москва : Academia, 1930. 900 с.

5. Греч Н. И. Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. 1. Санкт-Петербург : В типографии издателя, 1827. 387 с.

6. Греч Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Спб. : Типография Имп. Санктпетерб. воспитательного дома, 1827. VIII, 579 с.

7. Греч Н. И. Ключ к практическим урокам русской грамматики : изд. Николаем Гречем. Санкт-Петербург : типография издателя, 1832. 168 с.

8. Греч Н. И. Чтения о русском языке / [Соч.] Николая Греча. Ч. 1–2. Санкт-Петербург : тип. Н. Греча, 1840а. 2 т.; 23. Ч. 1. [4], VI, 336 с.

9. Греч Н. И. Чтения о русском языке / [Соч.] Николая Греча. Ч. 1–2. Санкт-Петербург : тип. Н. Греча, 1840б. 2 т.; 23. Ч. 2. [2], 404 с.

10. Греч Н. И. Учебная русская грамматика / [Соч.] Николая Греча. Санкт-Петербург : тип. Н. Греча, 1851а. [8], 288 с.

11. Греч Н. И. Руководство к преподаванию по Учебной русской грамматике : (Для учащих) / [Соч.] Николая Греча. Санкт-Петербург : тип. Н. Греча, 1851б. XIV, [2], 304, [2], 110 с.

12. Греч Н. И. Задачи учебной русской грамматики / [Соч.] Николая Греча. Санкт-Петербург : тип. Н. Греча, 1852. [2], 136 с.

13. Греч Н. И. Русская грамматика первого возраста. Учительская. Карлсруэ: в тип. В. Гаспера. Санкт-Петербург, 1860. [8], 175 с.

14. Греч Н. И. Русская грамматика первого возраста : Ученическая / [Соч.] Николая Греча. 3-е изд. Санкт-Петербург : тип. В. Спиридонова, 1865. [4], 115 с.

15. Греч Н. И. Краткая русская грамматика.

Москва : Либроком, 2011. 154 с.

16. Ивинский Д. П., Ланина С. Г. Греч, Николай Иванович / Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов ; т. 7. Москва : Большая российская энциклопедия, 2007. С. 730.

17. Мазаев М. Н. Греч, Николай Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т., т. IXa. Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона). С. 686–687.

18. Соколова Т. И. Творческое наследие Н. И, Греча (К 220-летию со дня рождения)// Русский язык в школе: № 3, 2007. С. 84–87.

19. Соколова Т. И. «Пространная русская грамматика» Н. И. Греча // Русская речь, № 3, 2008. С. 92–96.

20. Тростенцова, Л. А. Николай Иванович Греч (1787–1867) // Дейкина А. Д. Янченко В. Д. История методики преподавания русского языка в биографических очерках: учебное пособие. Москва : МПГУ, 2017. С. 22–28.

21. Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache// Teutsch-Lateinisch- und Rußisches Lexicon samt Denen Angangs-Gründen der Rußischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen / Bey der Kayserl. Acad. der Wissenschafften zum Druck befördert (Немецко-латинский и русский лексикон : Купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе / при Имп. Академии наук печатию издан; [Перевели на русский язык И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И. С. Горлицкий]. St. Petersburg : Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschafften Buchdruckerey, 1731. S. 1–48.

22. Baumeister A. Thiersch, Friedrich// Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 38. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1894. S. 7–17.

23. Bernhardi A. F. Sprachlehre. Bd. 1–2. Berlin: Heinrich Frölich, 1801–1803.

24. Burckhardt G. Bernhardi, August Ferdinand // Neue Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 2. Berlin: Duncker & Humblot, 1955. S. 122–123.

25. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kayserlichem Collegien-Assessor und Professor bey der Moskowischen Universität. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts Buchdruckerey : Bey N. v. Nowikow, 1789. XII, 248, 68, [3] S.

26. Ludolf H. W. Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica russica quae continet non tantum praecipua fundamenta russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam slavonicam. Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice aeque ac Latine explicati... Una cum brevi vocabulario rerum naturalium. Oxonii [Oxford] : a Theatro Sheldoniano, 1696. [7] л., 97, [1] p.

27. Rodde J. Russische Sprachlehre / Verfasset von Jacob Rodde, Secretair und Translateur eines hochedlen Raths der Russischkaiserlichen Stadt Riga. Riga : Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1789. 24, 431, [1] S.

28. Vater J. S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln nebst Uebungsstücken zur grammatiſchen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik, und Berichtigungen der Heymischen Sprachlehre. Von D. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und der morgenländischen Sprachen und Bibliothekar der Universität zu Halle. Leipzig: bey Siegfried Lebrecht Crusius, 1808. XL, 172 S.

29. Puchmayer A. J. Lehrgebäude der Russischen Sprache. Nach dem Lehrgebäude der böhm. Sprache des Hrn. Abbé Dobrowsky. Von Anton Jaroslaw Puchmayer, Pfarrer zu Radnik und Secretär des Fürsterzbischöflichen Rokitzaner Vikariats. Prag: Gedruckt bey Gottlieb Haase, 1820. XLI, 292 S.

30. Tappe A. W. Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik nebst einem Abrisse der Geschichte Rußlands bis auf die neuesten Zeiten von Dr. August Wilhelm Tappe. Zweite verbesserte und vermehrte Auflage. St. Petersburg: beim Verfasser, in der deutschen Hauprschule zu St. Petri. Riga: bei Hartmann, Meinshausen, Deubner und Treny, 1812. XII, 312 S.

31. Von Thiersch F. W. Griechische Grammatik vorzüglich des Homerischen Dialects. Leipzig: Bey Gerhard Fleischer, 1826. XXXII, 736 S.

Reference List

1. Vinogradov V. V. Iz istorii izuchenija russkogo sintaksisa: (Ot Lomonosova do Potebni i Fortunatova) = From the history of studying Russian syntax:(From Lomonosov to Potebnja and Fortunatov). Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1958. 399 s.

2. Vihreva O. I. Grammatiki A. A. Barsova, N. I. Grecha i A. H. Vostokova kak istochniki izuchenija morfologicheskih kategorij imeni sushhestvitel'nogo = Grammar books of A. A. Barsov, N. I. Grech and A. H. Vostokov as the sources of of studying morphological categories of a noun // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2010. № 4. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 183–187.

3. Bulgarin F. V. Predislovie = Foreword // Prostrannaja russkaja grammatika, izdannaja Nikolaem Grechem. T. 1. Sankt-Peterburg : V tipografii izdatelja, 1827. T. 1. C. III–XI.

4. Grech N. I. Zapiski o moej zhizni = Notes about my life. Moskva : Academia, 1930. 900 s.

5. Grech N. I. Prostrannaja russkaja grammatika, izdannaja Nikolaem Grechem. T. 1 = Lengthy Russian grammar, published by Nikolay Grech,V.1/Sankt-Peterburg : V tipografii izdatelja, 1827. 387 s.

6. Grech N. I. Prakticheskaja russkaja grammatika, izdannaja Nikolaem Grechem = Practical Russian grammar, published by Nikolay Grech. Sankt-Peterburg : Tipografija Imp. Sanktpeterb. vospitatel'nogo doma, 1827. VIII, 579 s.

7. Grech N. I. Kljuch k prakticheskim urokam russkoj grammatiki : izd. Nikolaem Grechem = A key to practical lessons of Russian grammar: published by Nikolay Grech. Sankt-Peterburg : tipografija izdatelja, 1832. 168 s.

8. Grech N. I. Chtenija o russkom jazyke = Readings about the Russian language / [Soch.] Nikolaja Grecha.

Ch. 1–2. Sankt-Peterburg : tip. N. Grecha, 1840a. 2 t.; 23. Ch. 1. [4], VI, 336 s.

9. Grech N. I. Chtenija o russkom jazyke = Readings about the Russian language / [Soch.] Nikolaja Grecha. Ch. 1–2. Sankt-Peterburg : tip. N. Grecha, 1840b. 2 t.; 23. Ch. 2. [2], 404 s.

10. Grech N. I. Uchebnaja russkaja grammatika (Dlja uchashhihsja) = Training Russian grammar(for learners) / [Soch.] Nikolaja Grecha. Sankt-Peterburg : tip. N. Grecha, 1851a. [8], 288 s.

11. Grech N. I. Rukovodstvo k prepodavaniju po Uchebnoj russkoj grammatike : (Dlja uchashhih) = Manual for teaching Training Russian grammar (for learners) / [Soch.] Nikolaja Grecha. Sankt-Peterburg : tip. N. Grecha, 1851b. XIV, [2], 304, [2], 110 s.

12. Grech N. I. Zadachi uchebnoj russkoj grammatiki = The tasks of training Russian grammar / [Soch.] Nikolaja Grecha. Sankt-Peterburg : tip. N. Grecha, 1852. [2], 136 s.

13. Grech N. I. Russkaja grammatika pervogo vozrasta. Uchitel'skaja = Russian grammar of the first age. For teachers Karlsruje : v tip. V. Gaspera. Sankt-Peterburg, 1860. [8], 175 s.

14. Grech N. I. Russkaja grammatika pervogo vozrasta : Uchenicheskaja = Russian grammar of the first age. For learners / [Soch.] Nikolaja Grecha. 3-e izd. Sankt-Peterburg : tip. V. Spiridonova, 1865. [4], 115 s.

15. Grech N. I. Kratkaja russkaja grammatika = Short Russian grammar. Moskva : Librokom, 2011. 154 s.

16. Ivinskij D. P., Lanina S. G. Grech, Nikolaj Ivanovich = Grech, Nikolay Ivanovich / Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija : [v 35 t.] / gl. red. Ju. S. Osipov ; t. 7. Moskva : Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 2007. S. 730.

17. Mazaev M. N. Grech, Nikolaj Ivanovich = Grech, Nikolay Ivanovich // Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t., t. IXa. Sankt-Peterburg : Semenovskaja Tipolitografija (I.A. Efrona). S. 686–687.

18. Sokolova T. I. Tvorcheskoe nasledie N. I. Grecha (K 220-letiju so dnja rozhdenija) = Creative heritage of N. I. Grech (to the 220-anniversary from birth) // Russkij jazyk v shkole: № 3, 2007. S. 84–87.

19. Sokolova T. I. «Prostrannaja russkaja grammatika» N. I. Grecha = «Lenthy Russian grammar» of N. I. Grech // Russkaja rech', № 3, 2008. S. 92–96.

20. Trostencova, L. A. Nikolaj Ivanovich Grech (1787–1867) = Nikolay Ivanovich Grech (1787–1867) // Dejkina A. D. Janchenko V. D. Istorija metodiki prepodavanija russkogo jazyka v biograficheskih ocherkah: uchebnoe posobie. Moskva : MPGU, 2017. S. 22–28.

21. Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache// Teutsch-Lateinisch- und Rußisches Lexicon samt Denen Angangs-Gründen der Rußischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen / Bey der Kayserl. Acad. der Wissenschafften zum Druck befördert (Nemecko-latinskij i russkij leksikon : Kupno s pervymi nachalami ruskago jazyka k obshhej pol'ze / pri Imp. Akademii nauk pechatiju izdan; [Pereveli na russkij jazyk I.I. Il'inskij, I.P. Satarov i I.S. Gorlickij]. St. Petersburg : Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschafften Buchdruckerey, 1731. S. 1–48.

22. Baumeister A. Thiersch, Friedrich// Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 38. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1894. S. 7–17.

23. Bernhardi A. F. Sprachlehre. Bd. 1–2. Berlin: Heinrich Frölich, 1801–1803.

24. Burckhardt G. Bernhardi, August Ferdinand // Neue Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 2. Berlin: Duncker & Humblot, 1955. S. 122–123.

25. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kayserlichem Collegien-Assessor und Professor bey der Moskowischen Universität. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts Buchdruckerey : Bey N. v. Nowikow, 1789. XII, 248, 68, [3] S.

26. Ludolf H. W. Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica russica quae continet non tantum praecipua fundamenta russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam slavonicam. Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice aeque ac Latine explicati... Una cum brevi vocabulario rerum naturalium. Oxonii [Oxford] : a Theatro Sheldoniano, 1696. [7] l., 97, [1] p.

27. Rodde J. Russische Sprachlehre / Verfasset von Jacob Rodde, Secretair und Translateur eines hochedlen Raths der Russischkaiserlichen Stadt Riga. Riga : Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1789. 24, 431, [1] S.

28. Vater J. S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln nebst Uebungsstücken zur grammatiſchen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik, und Berichtigungen der Heymischen Sprachlehre. Von D. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und der morgenländischen Sprachen und Bibliothekar der Universität zu Halle. Leipzig: bey Siegfried Lebrecht Crusius, 1808. XL, 172 S.

29. Puchmayer A. J. Lehrgebäude der Russischen Sprache. Nach dem Lehrgebäude der böhm. Sprache des Hrn. Abbé Dobrowsky. Von Anton Jaroslaw Puchmayer, Pfarrer zu Radnik und Secretär des Fürsterzbischöflichen Rokitzaner Vikariats. Prag: Gedruckt bey Gottlieb Haase, 1820. XLI, 292 S.

30. Tappe A. W. Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik nebst einem Abrisse der Geschichte Rußlands bis auf die neuesten Zeiten von Dr. August Wilhelm Tappe. Zweite verbesserte und vermehrte Auflage. St. Petersburg: beim Verfasser, in der deutschen Hauprschule zu St. Petri. Riga: bei Hartmann, Meinshausen, Deubner und Treny, 1812. XII, 312 S.

31. Von Thiersch F. W. Griechische Grammatik vorzüglich des Homerischen Dialects. Leipzig: Bey Gerhard Fleischer, 1826. XXXII, 736 S.

УДК 811.161.1: 81'42

О. И. Северская **https://orcid.org/0000–0002–6277–9756**

«Бог – Эдип – Отец»: лингвистическая «теософия» метареализма

Для цитирования: Северская О. И. «Бог – Эдип – Отец»: лингвистическая «теософия» метареализма // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 164-172. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-164-172

Статья посвящена анализу ветхо- и новозаветных библеизмов в поэзии русского метареализма, одного из главных стилевых течений конца XX в. Автор рассматривает обращения поэтов-метареалистов к Священному Писанию, свидетельствующие об их особой «теософии», которую можно определить как лингвистическую, или логоцентрическую. Особое внимание уделяется трактовке метареалистами поэтических универсалий «тишина» и «язык/речь/слово», «Рождество», «Крещение», «путь» и др.

В статье последовательно анализируются (методами герменевтического, семантического, интертекстуального и контент-анализа) словесные образы и мотивы, связанные с представлениями о Крестном Пути, Крещении и Рождестве. В интерпретации евангельских сюжетов поэты-метареалисты исходят из представлений о божественном Слове-Логосе. Крещение ассоциируется с явлением народу Слова в реке-речи, речь же становится синонимом одновременно Рождества и Распятия: рождения «смертного» слова и начала его крестного пути. Поэтическое творчество воспринимается метареалистами как «крест», восхождение на Голгофу. Автор приходит к выводу об интимизации (с опорой на теорию Фрейда) их представлений об этапах земного пути Христа, свидетельствующих об Эдиповом комплексе поэта по отношению к Творцу. В текстах метареалистов обнаружено несколько ипостасей Поэта: «разбойник», возносящийся в «рай» Божьей волей, но способный при этом совершать таинство крещения огнем «глагола»; «плотник», «Иосиф», отчим «богорожденного младенца»; строитель, наместник Небесного Иерусалима и предводитель Небесного воинства слов.

Лингвистическая «теософия» метареализма рассматривается в статье в соотношении с традицией русской духовной поэзии XIX–XX вв. и с поисками «божественного» в современной европейской поэзии, а также с философскими традициями богоискательства и поисков сущего в бытии – с философией Л. Шестова и М. Хайдеггера.

Ключевые слова: метареализм, духовная поэзия, библеизмы, интимизация, фрейдизм в поэзии, теософия, интертекстуальность, анализ поэтического текста.

O. I. Severskaya

«God – Edip – Father»:linguistic «theosophy» of metarialism

The article is devoted to the analysis of the Old and New Testament biblicalisms in the poetry of Russian metarealism, one of the main style trends of the late XX century. The author considers the appeals of metarealist poets to the Holy Scriptures, testifying to their special «Theosophy», which can be defined as linguistic. Particular attention is paid to the interpretation by metarealists of the poetic universals «silence» and «language / speech / word», «Christmas», «Baptism», «path», etc.

The article successively explores (using methods of hermeneutic, semantic, intertextual and content analysis) verbal images and motives associated with ideas about the Way of the Cross, Baptism and Christmas. In the interpretation of the evangelic stories, poets proceed from ideas about the divine Word-Logos. Baptism is associated with the appearance of the Word to the people in the river of speech, speech becomes synonymous with both Christmas and the Crucifix: the birth of the «mortal» word and the beginning of its Way of the Cross. Poetry is perceived by metarealists as a «cross», ascent to Golgotha. The author comes to the conclusion about the intimization (based on Freud's theory) of their ideas about the stages of the earthly path of Christ, testifying to the Oedipus complex of the poet in relation to the Creator. In the texts of metarealists several hypostases of the Poet were discovered: the «robber» who ascends to the «paradise» by God's will, but is capable of performing the sacrament of baptism with the fire of the «verb»; «Carpenter», «Joseph», stepfather of the «God-born baby»; builder, governor of Heavenly Jerusalem and leader of the heavenly host of words.

The linguistic «Theosophy» of metarealism is considered in the article in relation to the tradition of Russian spiritual poetry of the XIX–XX centuries. and with the search for the «divine» in modern European poetry, as well as with the

© Северская О. И., 2020

philosophical traditions of search and search for being in existence – with the philosophy of L. Shestov and M. Heidegger.

Keywords: metarealism, spiritual poetry, biblicalisms, intimization, Freudianism in poetry, Theosophy, intertextuality, analysis of the poetic text.

1. Введение

Поворотные этапы истории всегда сопровождаются своего рода «богоискательством» и «богостроительством», заметными, прежде всего, в философии и литературе. Исследователи видят в них поиски новой социокультурной парадигмы: в кризисные моменты традиционное теологическое видение Бога сменяется культурологическим, в Боге видят уже не столько святыню, сколько живую творящую Личность, эталон Человечества, способного созидать и перестраивать мир, делая его совершеннее [Пименов 2013, с. 58–59]. В литературе новейшего времени критической рецепцией христианской ортодоксии был отмечен рубеж XIX–XX вв., новый всплеск интереса писателей к вдохновительному «божеству» пришелся на перелом XX–XXI вв., особенно в поэзии, что отмечают исследователи [Голякова 2005, с. 31; Котова 2007, с. 271; ср. также: Колымагин, 2017; 2018; Мокиенко, 2017].

Растет исследовательский интерес к библейским (ветхо- и новозаветным) мотивам [Тальских 2016]. Библеизмы, представляющие собой «общечеловеческий фабульный элемент или «сверхцивилизационную» интерпретацию», рассматриваются как экспрессемы [Сергеева 2019, с. 104] и как основа поэтических универсалий [Захарченко 2008, с. 42], это касается, прежде всего, *Рождества, Распятия, Апокалипсиса, Страшного Суда* и др. [Сергеева 2019, с. 104] и образов, имеющих библейские коннотации: *жизнь, смерть, бессмертие, странствие, путь, крест, тишина, свет* и т. п. [Котова, 2007, с. 270–271; ср. также: Колымагин, 2016; Glatigny, 2017; Guermès, 2012].

Духовную поэзию, – не обязательно религиозно маркированную, но так или иначе обнаруживающую в некоторых моментах теоцентризм и взаимодействие эстетической (художественной) и мистической (религиозной) составляющих [Котова 2007, с. 270], – исследователи рассматривают как открытую систему. В этой системе различаются три стилистических течения [Колымагин 2018; Котова 2007; Подгорская 2015]: (1) собственно духовный стих; (2) литургический символизм, опирающийся на канон; (3) аллюзии на Священное Писание, метафизические поиски в рамках канонического христианского сюжета. Последние характерны, прежде всего, для начавших писать в 1970–80-е годы, когда была особо «заметна тенденция соединения индивидуального опыта богообщения и стремления к Его познанию с помощью церковного языка» [Котова 2007, с. 270]. В этом периоде корни «теософии» поэтов-метареалистов В. Аристова, Е. Даенина, И. Жданова, А. Парщикова, С. Соловьева, до сих пор не описанной в ее целостности (внимание уделялось лишь Жданову [Козлова, 2002; Токарев, 2016; 2017]): Священное Писание, как будет показано далее, используется ими (наряду с философскими сочинениями и литературными источниками) как ключ к образам в размышлениях о поэтическом слове и его пути.

2. Теософский логоцентризм

Свою философию метареалисты основывают как на Евангелии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (От Иоанна, Гл. 1, ст. 1), ср. у Даенина: «*в начале было слово*, – не чело, / а *слово*, – не терновые покровы, / а *слово*» («Сад» [Даенин, 2000, с. 23]; здесь и далее курсив в примерах мой – О. С.), так и на концепции «Вавилонской библиотеки» Борхеса: «Мистики уверяют, что в экстазе им является *шарообразная зала с огромной круглой книгой*, бесконечный корешок которой проходит по стенам. [...] Эта *сферическая книга есть Бог*» [Борхес, 1989, с. 81], проецируя ее на свое представление о божественном Слове. У Соловьева «Бог стоял *на своем слове*, как девочка *на шаре* («Где пахло снегом и золою…» [Соловьев, 1993, с. 177]), в этих строчках – и игра с идиомой *стоять на своем*, и намек на сотворение словом *земного шара,* мира; образ божественного, не доступного ни зрению, ни слуху Слова-*шара* встречается у Соловьева не раз: «*Шар* между нами *незримый*» («Открытое множество…» [Там же, с. 94]); «И снова катятся *шары* / *бесшумных слов* по мысу мысли / и огибают ямы смысла […] / на волоске меж двух миров» («И снова катятся шары…» [Там же, с. 179]). Речь же у него «*дребезжит в воздушных ямах глосс*» («Июль.

Жара…» [Там же, с. 180]), и здесь важны представления о *дребезгах речи* как «осколках» и о *дребезжании* как «прерывистом, надтреснутом звучании» Слова. Поскольку *глосса* [от греч. *glōssa – язык*] это «перевод или объяснение непонятного слова, выражения на полях или в самом тексте древних рукописей», можно отождествить *глоссы* и *ямы смысла* и предположить, что таким образом в тексте анаграммируется *Логос*, сопоставленный *шарам бесшумных слов.*

В христианской философии *Логос* – это *образ Бога*, и вся история земной жизни Иисуса Христа интерпретируется как воплощение и «вочеловечение» Логоса, который принес людям откровение и сам был этим откровением *(«словом жизни»)*, самораскрытием «бога незримого»: «И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (От Иоанна, Гл. 1, ст. 14). По Даенину, *Логос* отражается в слове поэтическом «*проповедью нагорной* ***голоса*** [...] *поперек* ***горла***» («Заговор крови» [Даенин, 2000, с. 42]), «*распятием* ***горла*** на перьях» («Молитва» [Даенин 2000, с. 6], и тем самым связывается с Распятием. Развитие этой темы можно найти и у Соловьева в «Четное, множество…» [Соловьев, 1993, с. 169], и у Жданова – в образах стихотворений «До слова» [Жданов, 2005, с. 77–78], «Взгляд» [Там же, с. 27], «Холмы» [Там же, с. 105–106], где сильны аллюзии к учительству Христа, его молитве в Гефсиманском саду и восхождению на Голгофу, искупительной жертве.

Логос у Даенина рождает *логику*, в основе которой (что подтверждается этимологически) – и *разум*, и *речь*: «*сляг, логос, ложью,* – надобно / *слагать* / *ложь – ложем*: *ляжет* ***логикой*** / *на ложе* / ***дочь логоса, наложница и мать,*** *– /* ***мария*** *– дщерь, жена и матерь / божья...*» («Религио» [Даенин, 2000, с. 27]); возведение *логоса* и *логики* к одному поэтическому корню с *ложью* вызывает ассоциацию со строкой-афоризмом Ф. И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь», а образ «изреченной» и «изрекающей» *Марии* – с Рождеством.

Здесь можно усмотреть и связь с трактовкой М. Хайдеггером *логики* как представления «сущего в его бытии» [Хайдеггер, 1993, с. 211] и *Логоса* как «собирающе-раскрывающей» силы «того *сказа,* в котором дается слово бытию как *единственно достойному* осмысления (курсив автора – О. С.)» [Там же, с. 380], как многосложного единства, неопределенного и подвижного, являющегося в кажущемся случайным разнообразии. Соловьев прямо формулирует задачу «мчаться, держа, как Хайдеггер, угол меж сущим и бытием» («Ты – траектория времени…» [Соловьев, 1993, 159]). А Даенин дает пример реконструкции Логоса в многослойной текстовой конструкции (два структурных слоя в приводимом тексте выделены курсивом и подчеркиванием): *отче наш /* всякому укажи / мед мне // коль *словом твоим мерясь //* не исчезает в полях / вереск // но // *сквозь склонения / и падежи / боже мой /* пчел твоих // мы во лжи // *каждая речь о тебе /* ересь («К слову: о Рильке» [Даенин, 2000, с. 59]. Как и у М. Хайдеггера, благодаря «раскрывающему сокрытию» образа [Хайдеггер, 1993, с. 246], у метареалистов Слово вступает в «просвет бытия».

С первообразным Словом ассоциируются, прежде всего, *Абсолют, вакуум, пустота/пустыня, тишина* и *молчание.* Например, у Парщикова в «Минус-корабле» [Парщиков, 1996, с. 17–19] на языке Бога говорит ***тишайшее*** *море,* а в нем – *центр* ***пустоты, изъян,*** что *силу в себя вбирал* и *насаждал – отсутствием, диктовал – виды видам,* некий *растянутый диапазон* образов, ***вакуум***: «Вдали на дутаре *вёл мелодию* ***скрытый гений,*** / лекально скользя, *она умножалась и вдруг,* / *нацеленная в* ***абсолют,*** *сворачивала в апогее*»; а в «Lucy in the sky of diamants» [Там же, с. 12], где *не было примет* присутствия божественного *иных, чем* ***тихо***, звучит: «*Дай Бог, чтобы осталась* ***пустота.*** / Я вижу в том последнюю возможность». Жданов упоминает в «На этой воле, где два простора…» [Жданов, 2005, с. 145] *благословенье* ***пустыни,*** а в «Расстоянии между тобою и мной…» [Там же, с. 99] – умение *плыть в плоскостях* ***тишины***. А Даенин в «Мобилевской речи» [Даенин, 2000, с. 44] пишет: «*господи //* ***тише молчания*** */ слово твое*», в «Резьбе по живому» [Там же, с. 37] подбирая *ключ к* ***скважине молчания.*** Таким ключом можно считать язык искусства: он создает «контекст невыразимой, уходящей по ту сторону бытия тайны, углубляющейся в бездну бесконечности», давая доступ к неземной логике безмолвия, молчания о сокрытой тайне непроявленного Бытия, и помогая почувствовать «преданность» [Голякова, 2005, с. 32; ср. Токарев, 2016; Dotoli, 2015].

С. Гермес пишет об «инициализиующей силе пустоты, граничащей с Богом», предполагая, что религиозный опыт поэта рождается по мере письма, предполагающего перманентность «во-

прошания» [Guermès, 2012, p. 101–102], в результате чего становится возможным «перевод с божественного на земной», трансформация пустоты в поэтическое сообщение. «Вопросов» у поэтов-метареалистов довольно много, у Жданова: «*вопрошают* и тварь, и дух / […] – *Где неба привычного лик, из каких вырастает прорух*?» («Гора» [Жданов, 2005, с. 126]; у Соловьева: «Это есть *вопрошание сущего в целом* / так, что сам ты становишься под вопрос. […] *Вопрошая, ты смотришь на Бога* / *тем же глазом, что Он на тебя*» («Ты стоишь на краю…» [Там же, с. 181]) и т. д. Как справедливо замечает Л. А. Голякова, «вопрошание переводится из методологического в онтологический план» [Голякова, 2005, с. 31]. И не предполагает ответа, ср. у Парщикова: «*Ответ унижает постановку вопроса*» («Выбор места» [Парщиков, 1996, с. 131]). «Вопрошание» помогает божественному проявиться откликом и связью с другими голосами [Guermès, 2012, p. 114]: «Бог умолк, остался отзвук голоса, утверждавшего связь между Создателем и созданием» [Ibid., p. 113]; пробелы наполняют текст воздухом, чтобы, обрисовав промежутки, дать проявиться его следам, задача поэта – их восполнить [Ibid., p. 111], восприняв пустоту как момент умолкания, предвкушения изобилия, а не недостатка слов [Ibid., p. 103]. У Жданова в «Мастере» [Жданов, 2005, с. 79] найдем тому подтверждение: «*Займи пазы отверстых голосов* […] *Он замолчал*… […] *Он уходил, незрим и невесом*… […] *облекла литая скорлупа его бессмертный выдох*… […] и *раздавалось где-то* то и дело: / … *я* ... *задыхаюсь* ... *душно* ... *отвори*… […] И *небеса*, разгоряченный дых, / *ты приподнял*…»; ср. у Аристова в «Бессмертии повседневном»: «Ты… и ты… и ты… / *Голоса, замершие* […] *в тишине* […] *Слово молчит*» [Аристов, 2008, с. 102–103]. Тех же установок метареалисты придерживаются и в философских эссе: «Свидетельства, или видимые знаки веры… Но именно невидимое и есть наилучший свидетель» [Жданов, 2005, с. 157]; «пустота говорит, текст, обступая ее, провоцирует к этому» [Соловьев, 1993, с. 263], движение смысла идет «не по узким и тесным коридорам строк […], а в нишах, пробелах, колосниках и пустотах меж ними» [Там же, с. 234], чтобы, «не называя предмет или явление, окружить его цепью мерцающих точек и тем самым вынудить самораскрыться» [Там же, с. 232]. Прагматически, как замечает Ц. Ли, заполняющая пустоту тишина в «дырявом» письме равна подтексту [Li, 2017, p. 211]; это «молчаливая молитва» души, язык приводится в движение ее дыханием [Ibid., p. 218]. Ц. Ли даже предполагает, что применительно к поэзии евангельское «Я есмь *путь* и истина и жизнь» (От Иоанна, Гл. 14, ст. 6) может быть перефразировано как «Я есмь путь, *пустота* и жизнь» [Ibid.], что согласуется с представлением о подтексте как пути к истине Абсолюта [Голякова, 2005, с. 32].

Отсутствие осязаемых форм присутствия Бога в «пустотных» текстах проявляется в деструкции его имени и образа [Guermès, 2012, p. 102]. «Для того, чтобы воплотить нечто в образ, нужно это нечто развоплотить с последующим воскресением, т. е. провести через смерть», – пишет Жданов [Жданов, 2005, с. 170]. Изначальное Слово, бесплотное, невидимое и неслышимое, воплощается в языке и является миру в речи, которая «вынашивает» и «рождает» словесные образы, делая их одновременно преходящими, «смертными». А поэт ищет «зазор между смехом ребенка и смертью» [Соловьев, 1993, 183], «провал», где «осины срастаются с дрожью Иуды / между сущим и бытием» [Там же, 181], судьбоносный интервал между Рождеством и Крещением.

3. «Бог – Эдип – Отец»: интимизация евангельских сюжетов

В обращении современных поэтов, в том числе и метареалистов, к Священному писанию главным становится вопрос о соотношении божественного и человеческого. В поисках ответа избираются две стратегии: интимизации, «вживания» в чужой духовный опыт и его «восполнения» теми моментами, что ему внеположны [Житенев, 2010, с. 8], и интериоризации, присвоения этого опыта; при этом евангельский сюжет становится «способом самопроявления» лирического героя и личности самого поэта – как «внутренняя, глубоко прочувствованная через личный опыт благодать» [Подгорская, 2015, с. 143]. Метареалисты – не исключение: для них, как это формулирует Жданов, «*Бог* – это *глубоко внутреннее* обстоятельство» [Жданов, 2005, с. 157], что проявляется прежде всего в трактовке Рождества и Крещения.

В «Крещении» Жданова [Жданов, 2005, с. 27–28] есть несколько отголосков пересказываемой от первого лица истории, изложенной в Писании: Иисус был крещен в реке Иордан вместе со своим народом, Креститель «не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он был явлен Израилю» (От Иоанна, Гл. 1, 31); явленный, «Он

будет крестить Духом Святым и огнем (От Матф., Гл. 3, ст. 11). В тексте обозначены моменты до Крещения: «*Меня никто не знает. / Меня как будто нет*. Никто не ждет меня», в предчувствии Рождества: «И где-то на земле *до моего рожденья*, / *до крика моего* в мое дыханье вник / послушный листопад, *уже мое спасенье*. / *Меня на свете нет. Он знает: будет крик*», и священного Крещения огнем: «Течет во мне река, как кровь глухонемая. / Свершается обряд – в ней *крестят листопад, / и он летит на слух, еще не сознавая, / что слух сожжет его* и не вернет назад». Здесь упоминается и *река*, связанная аллитерацией с *кровью* и *криком*, а значит, и с рождением и смертью; а *вода,* в которой *крестят* и которая *льется сквозь* и *пальцами грозит,* – это *дождя* ***отвесная река***, которая *впадает в шелест листопада* в другом тексте [Жданов, 2005, с. 32] и ассоциируется с рекой Иордан (в пер. ‘течение, *ниспадение*’ [БЭ, 1990, с. 359]). В реку превращается и *листопад*: рискнем предположить, что *листья* летят как с райского Древа познания, так и с олив Гефсиманского сада, а образы поэта как *дерева, ветви, листа, кроны* (при общеязыковом *лист* ‘страница’) имплицируют представление о «народе», словах, крестившихся вместе с явленных миру Словом.

Во «Взгляде» Жданов использует едва различимую аллюзию к молитве в Гефсиманском саду – с оглядкой на первородный грех ослушания Божьей воли: «Был послан взгляд – и *дерево застыло*, [...] надрезана кора, но сок не каплет, / *и яблоко надкусанное цело*» [Жданов, 2005, с. 27]. Эти стихи также передают состояние до Крещения (*Там нет меня… Там тишина…*), до явления во плоти Слова, «сущего в недре Отчем» (От Иоанна, Гл. 1, ст. 18), и одновременно отсылают к колебаниям Сына Божьего (*играет в прятки сам с собою*), к его троекратной молитве об отвращении чаши страданий (От Марка, Гл. 14, ст. 36; От Матфея, Гл. 26, ст. 42; От Луки, Гл. 22, ст. 44), страху предать себя и свой путь (*Иуды кровь почувствовав в стопе*) и осознанию его неотвратимости (*вернуть не в силах*).

Крещением метареалисты называют и следование *крестным путем* к *крестной муке,* тем самым показывая себя внимательными читателями Евангелия: «*Крещением должен Я креститься*; и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (От Луки, гл. 12, ст. 50), говорил Христос Апостолам. Особенно ярко этот мотив проявляется у Жданова в «До слова» [Жданов, 2005, с. 77–78]: «О, *дайте только крест*! И я вздохну от боли», где *крест* благодаря многозначности ключевого глагола – это символ и муки (*вздыхать* ‘тяжело дышать’), и облегчения (*вздохнуть* ‘почувствовать себя спокойным после пережитого напряжения/освободиться’), а также в «Холмах» [Там же, с. 105–106], где восхождение на Голгофу и ожидание распятия даются через личное лирическое переживание: «И *ты видишь в себе*, что здесь поминутно / совершается праздник и преступленье, / и *на казнь волокут* тропою распутной, / *начинается подвиг, длится мученье*. / Он стоит, лицо закрывая руками, / в одиночестве смертном, один, убогий, / окруженный иудами и врагами, исступленной кровью горя в тревоге». У Даенина в стихотворении «Сад» [Даенин, 2000, с. 23] находим образ берущего начало от Слова «плодоносного *креста*», своего рода *крестного* «знамени»; а в «Молитве» [Там же, с. 6] – параллель между неправедной (в Тбилиси 1989 г., где людей превращали в «шашлык […] распятием горла на перьях / штыков»), и праведной, искупительной жертвой: «[…] *поприще пастыря лемехом взрыто*, / *и заклано паствой в составах зерна*, / *и пролито кровью* […]». У Соловьева в «Четное, множество…» [Соловьев, 1993, с. 169] «жизнь играет в *распятие текста: / крестик – Преображение – нолик*».

Рождеству поэты-метареалисты уделяют меньше внимания и трактуют его нетрадиционно [ср.: Bravo 2018; Clark, Mo 2018; Coomansingh 2019; Dias 2019; Gold 2017; Morgan 2015; Shea 2017]. Даенин в своем «Рождестве» создает адекватный контекст: «елового сердца живая руда – / волны золота в полости […] золотая звезда. да вращенье елового золота / от звезды. да живая руда – как живая вода», но в *колыбель* помещает «*новорожденное ра – речевое* тепла» [Даенин, 2000, с. 22], где *ра* – синоним *света, сияния, Солнца,* а *Солнце* в Писании это и Бог (Псал. LXXXIII, 12), и Слово Божье (Псал. XVIII, 2–7; От Луки, Гл. 21, ст. 23). У Соловьева в «Амфитеатре печатной машинки…» также звучит тема *рождения речью*: «Ты скажешь: «*Он слово, Он сущий*!». О да, но твое *имя речи – Мария*. И только. *Курсивом: вначале всего – Богородица Дева. Потом – Рождество*» [Соловьев, 1993, с. 184]. Образ Непорочного зачатия также трансформируется в соответствии с принятой поэтической философией: речь оказывается «беременной» языком, невидимым зерном Слова.

Что касается поэта, соучастника и Рождества, и Крещения слов, то в целом в стихах метареали-

стов представлены три его ипостаси.

Первая – это «разбойник», возносящийся в «рай» Божьей волей (От Луки, гл. 23, ст. 39–43), но способный при этом совершать таинство крещения огнем. Так, у Жданова в «До слова» (стихотворении, полном библейских реминисценций и апокалиптических видений [Северская, 2007, с. 94–102]) речь поэта – *соловьиный свист* (ассоциирующийся с Соловьем-Разбойником), его «возносит в драме / *высвечивать* углы, ***разбойничать*** и *жечь*» [Жданов, 2005, с. 78]) и он летит, устремляясь *в гору* (ассоциация с Голгофой) и попадая в *раёк*.

Вторая ипостась – «плотник», «Иосиф». Например, у Соловьева в «Амфитеатре печатной машинки…» речь заходит об отношении поэта с текстом, «богорожденным младенцем»: «*кто ты ему? – лишь согбенный* ***ремесленник, отчим***…» [Соловьев, 1993, с. 184], а в «Дух наитья витает над плотью…» говорится: «***Плотник***, *ты* ***распят*** *на своем ремесле*» [Там же, с. 178], и мотивы Крещения крестом и Рождества переплетаются. В контексте рождения и смерти вспоминает «о ***плотничестве*** и о *связи небес и пеленок*» Парщиков в «Новогодних строчках» [Парщиков, 1996, с. 64].

Третья ипостась поэта – «строитель и наместник Небесного Иерусалима» и одновременно «предводитель Небесного воинства». Эти образы использует Жданов в «До слова» [Жданов, 2005, с. 78]. Но наиболее ярко и отчетливо они явлены у Парщикова во «Вступлении»: «*Буквы, вы – армия*, ослепшая вдруг и *бредущая краем времен*, […] брошена техника, […] но *очнутся войска, доберись хоть один до двенадцатислойных стен Идеального Города*, и выспись на чистом, и стань – херувим...») [Парщиков, 1996, с. 91].

В этом видится своего рода «театрализация», характерная в целом для современной европейской поэзии [Hemaïdi, 2019; Li, 2017], при которой незримое и неслышное божественное Слово, язык тишины и пустот, воплощается, разыгрывается «актером в маске Христа», который деперсонализируется, развоплощается и воскресает каждый раз в новом облике [Li, 2017, p. 218]. Метареалисты действительно разыгрывают драму в поэтическом театре [Северская, 2007, с. 93–115], руководствуясь таким отношением к слову и тексту: «***текст*** […] / ***в роли зрителя***: ***ты*** *для него* – ***лицедейство***, *одна из возможных / сред обитанья*: *судьба, если хочешь*» (Соловьев, «Амфитеатр печатной машинки…» [Соловьев, 1993, с. 184]). Вместе с тем, здесь просматривается параллель с философией Л. Шестова, на что прямо указывает Соловьев в «Ты – траектория времени…» [Соловьев, 1993, с. 159]: для Л. Шестова Бога как «самостоятельной абсолютной Персоны» нет, «Он всего лишь одно из обличий, которые принимает многоликая Необходимость» [Пименов, 2013, с. 64]; однако «фигура Бога носит у него некий вспомогательный характер и является лишь искусственным методологическим приемом в […] борьбе с ненавистным ему разумом, логоцентрическим дискурсом как социокультурной матрицей развития европейской цивилизации» [Там же, с. 62], а для метареалистов Бог – это как раз воплощение логоцентризма, а потому в известном смысле соперник в искусстве сотворения мира из слов.

Соловьев (заметим, единственный из метареалистов) пишет об этом соперничестве, выстраивая в виде «ревнивой модели» отношения с языком и речью, сущим и бытием с опорой на теорию З. Фрейда – опять же давая точную отсылку к нему (в «У каждой из тяжущихся сторон…» [Соловьев, 1993, с. 166]) и к понятию Эдипова комплекса в «Форма – это столбняк языка…»: «Ты – *ребенок, играющий с телом Матери / там, где место Отца пустует*. Положенье твое двусмысленно» [Там же, с. 163], и в «Я думаю о связке…»: «Я думаю о связке *Бог – Эдип – Отец*» [Там же, с. 160]. Подобная трактовка может показаться кощунственной, но она соотносится с идущим от Канта пониманием отношений *Господин/Учитель* vs. *Ученик* [Le Ru, 2019, p. 32], а также с теорией передачи эстафеты к Ученику от Учителя [Hemaïdi, 2019], при самопожертвовании одного (представленного голосами персонажей и их создателя-автора) и милости другого, присутствующего имплицитно [Ibid., p. 123–124]. В случае метареализма (и Соловьева в частности) персонажами оказываются *Язык* – в роли Отца/Отчима, и *Речь* – в роли Матери божественного Слова, «способной / лишь именовать, закрепляя все то, что стремится уйти в утаенность, *отцово – / Отцу возвращая* […] – *тем, что, пройдя через Лоно,* / *вернется на новый просвет,* / *на жизнь*» [Соловьев, 1993, с. 165]; с ними поэт взаимодействует *по правилу неисключенного третьего* [Там же, с. 163], пытаясь выйти *к лону Ничто, к Бытию как отсутствию формы* [Там же, с. 164]. Мысль о соперничестве с Творцом в творении мира из Ничего опять же созвучна философии Л. Шестова [Пименов, 2013, с. 62], а *Эдипов*

комплекс в данном случае – это комплекс творца.

И поиски *сущего* в *существующем* у Соловьева тоже связаны с «ревнивым» (и ревностным) поиском образа Бога-Слова в себе, например, в его стихотворении «Ты помнишь, косматое солнце росло над губами…» [Соловьев, 1993, с. 174]: «И *сущность твоя – лишь доверчивый отклик на слух*. […] *Быть сущим средь сущих, / сосущим лучи*, возвращая им дух». Здесь важно и понимание *Божьего Дара*: с одной стороны, это иносказательное имя Христа, с другой – словарное обозначение творческого начала, таланта, и этот «перенос» актуализируется метареалистами, ср. у Жданова в «Ты, как силой прилива…»: «Ты стоишь по колено в безумной слюне / помраченного *дара*, / *разбросав семена по небесной стерне* / как попытку и пробу пожара» [Жданов, 2005, с. 114]; у Даенина в «Преступлении через небо»: «*плоть от неба* / тень *раскрыла том* (тон)» [Даенин, 2000, с. 35].

Таким образом, поэт сопровождает Слово и на его пути в мир, и на крестном пути, и, преображенное, на пути в Царствие Небесное, к началу начал, в молчание.

4. Заключение

Метареалисты вполне осознают нетрадиционность своей «теософии» и заранее готовы ответить на возможные упреки, в свою очередь, сомневаясь в «истинной» вере: «*Что, если ты часть Бога твоего, и она болит*, и она – фантом?» (Жданов, «Когда времена проходят…» [Жданов, 2005, с. 171]; «*Почему эти вкрадчивые управдомы, эти небесные Швондеры выписывают нам ордера на квадратные метры истины*? […] что происходит с ними на пути восхождения, что происходит с их языком […], с которым, по идее, они должны ощущать неразрывную божественную связь?» (Соловьев, «Язык.ru» [Соловьев, 2010, с. 108–109]); «Куда запропастились звонари? / *Кто даром небо дергает за нитку*?» (Парщиков, Lucy in the sky of diamantes [Парщиков, 1996, с. 12].

Как можно было заметить, «лингвистическая теософия» метареализма вполне вписывается и в философскую традицию «богоискательства», и в лингвистическую философию, и в традицию русской и европейской духовной поэзии, в которой на рубеже XX–XXI вв. доминирующим становится ощущение пути. Крещение ассоциируется с явлением миру Языка, существующего символа Слова-Сущего, а Рождество символизирует воплощение Языка в Речи, а точнее – из=речение Слова, что согласуется с поисками поэтами и нового языка, и «божественного» как в смятенном хаосе мира, так и в себе.

Библиографический список

1. Аристов В. Избранные стихи и поэмы. Санкт-Петербург : Инапресс, 2008. 319 с.

2. Борхес Х.-Л. Проза разных лет / пер. с исп.; сост. и предисловие И. Тертерян. Москва : Радуга, 1989. 320 с.

3. Голякова Л. А. Подтекст художественного произведения в свете библейской истины // Библия и национальная культура: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. Н. С. Бочкарева. Пермь : ПГУ, 2005. С. 30–33.

4. Даенин Е. Возведение в степень. Москва : Изд-во Е. Пахомовой, 2000. 76 с.

5. Жданов И. Воздух и ветер. Москва : Русский Гулливер, 2005. 176 с.

6. Житенев А. А. Интимизация как художественная стратегия: опыт Серебряного века // Вестник Томского гос. университета. 2010. № 334. С. 7–10.

7. Захарченко С. О. Евангельские образы и мотивы как основа поэтической универсалии // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 37–43.

8. Козлова С. М. «Божественный младенец» в поэзии И. Ф. Жданова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2002. Вып. 4: Судьба культуры и образы культуры в поэзии XX века. С. 149–166.

9. Колымагин Б. Тело молчания и миг тишины (в контексте поэзии андеграунда) // Новое литературное обозрение. 2016. № 3. С. 287–296.

10. Колымагин Б. Поэтическое счастье андеграунда // Арион. 2017. № 4. С. 64–70.

11. Колымагин Б. «Метафизический сквознячок» культурного подполья // Арион. 2018. № 3. С. 57–65.

12. Котова Н. А. Духовная поэзия в современном литературном процессе // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2007. № 2. С. 269–272.

13. Мокиенко В. Библейские мотивы в современной поэзии Донбасса // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. С. 552–566.

14. Парщиков А. Выбранное. Москва : Гарант, 1996. 208 с.

15. Пименов Ю. В. Концепт Бога в русской философии начала XX в.: от богоискательства к богостроительству // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 1(150). С. 58–64.

16. Подгорская А. В. Репрезентация образа рождества в современной русской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11(53). Ч. II. С. 142–145.

17. Северская О. И. Язык поэтической школы. Идиолект, идиостиль, социолект. Москва : Словари.ру, 2007. 126 с.

18. Сергеева Е. В. Библеизм как экспрессема и способ организации лирического сюжета в русской поэзии XX в. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. № 191. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/bibleizm-kak-ekspressema-i-sposob-organizatsii-liricheskogo-syuzheta-v-russkoy-poezii-hh-veka (дата обращения – 15.05.20).

19. Соловьев С. Пир: Тексты. Стихи. Беседы. Николаев-Симферополь : Академия-Таврия, 1993. 320 с.

20. Соловьев С. В стороне. Избранные стихи и эссе. Москва : НЛО, 2010. 144 с.

21. Тальских Т. С. Библейские аллюзии в современной поэзии духовной традиции = Biblical allusions in modern poetry of spiritual tradition // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 120–133.

22. Токарев А. А. Поэтика духовной жажды в творчестве Ивана Жданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–1. С. 38–41.

23. Токарев А. А. Концепция «праязыка» и «языка искусства» в творчестве Ивана Жданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4–2. С. 40–42.

24. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. Москва : Республика, 1993. 447 с.

25. Bravo J. Good News of Great Joy: Christmas Poetry. S. l. : Amazon Digital Services, 2018. 38 p.

26. Clark W., Mo L. Christmas Poetry: Letters to Santa. S. l. : Independly Published, 2018. 51 p.

27. Coomansingh J. Fifteen Christmas Poetry and Some… Bloomington: Xlibris, 2019.

28. Dias B. Christmas Poems from The Heart. Bloomington : Xlibris, 2019.

29. Dotoli G. Langage et Langue de la Poésie française contemporaine. Paris: Hermann, 2015. 336 p.

30. Glatigny S. Le «silence bruyant» de Corbière // Quêtes littéraires. 2017. No 7. P. 61–72.

31. Gold R. I. Mary's Lamb and Other Christmas Poems. Bloomington: WestBow Press, 2017.

32. Guermès S. La poésie de Philippe Jaccottet : réparer l'absence, « à la frontière de Dieu » // Quêtes littéraires. 2012. No 2. P. 101–115.

33. Li J. Le silence moderne dans «l'écriture à trou» de Valère Novarina // Quêtes littéraires. 2017. No 7. P. 211–220.

34. Le Ru V. «Penser par soi-même» où la question du maître vue par les encyclopédistes et par Kant // Quêtes littéraires, 2019. No 9. P. 32–43.

35. Morgan G. Christmas Poems. London : Pan Macmillan UK, 2015. 176 p.

36. Shea J. Seeing Haloes: Christmas Poems to Open the Heart. Collegeville, Minnesota : Liturgical Press, 2017. 96 p.

Reference List

1. Aristov V. Izbrannyye stikhi i poemy = Selected poems. Sankt-Peterburg : Inapress, 2008. 319 s.

2. Borges X.-L. Proza raznykh let = Prose of different years / per. s isp.; sost. i predisloviye I. Terteryan. Moskva : Raduga, 1989. 320 s.

3. Golyakova L. A. Podtekst khudozhestvennogo proizvedeniya v svete bibleyskoy istiny = The subtext of a work of art in the light of biblical truth // Bibliya i natsional'naya kul'tura: mezhvuz. sb. nauch. st. / otv. red. N. S. Bochkareva. Perm' : PGU, 2005. S. 30–33.

4. Dayenin Ye. Vozvedeniye v stepen' = Raising to a power. Moskva: Izd-vo Ye. Pakhomovoy, 2000. 76 s.

5. Zhdanov I. Vozdukh i veter = Air and wind. Moskva : Russkiy Gulliver, 2005. 176 s.

6. Zhitenev A. A. Intimizatsiya kak khudozhestvennaya strategiya: opyt Serebryanogo veka = ntimization as an artistic strategy: the experience of the Silver Age // Vestnik Tomskogo gos. universiteta. 2010. № 334. S. 7–10.

7. Zakharchenko S. O. Yevangel'skiye obrazy i motivy kak osnova poeticheskoy universalii = Evangelic images and motives as the basis of the poetic universal // Problemy istoricheskoy poetiki. 2008. № 8. S. 37–43.

8. Kozlova S. M. «Bozhestvennyy mladenets» v poezii I. F. Zhdanova = «Divine Infant» in the poetry of I. F. Zhdanov // Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog. 2002. Vyp. 4: Sud'ba kul'tury i obrazy kul'tury v poezii XX veka. S. 149–166.

9. Kolymagin B. Telo molchaniya i mig tishiny (v kontekste poezii andegraunda) = The body of silence and a moment of silence (in the context of underground poetry) // Novoye literaturnoye obozreniye. 2016. № 3. S. 287–296.

10. Kolymagin B. Poeticheskoye schast'ye andegraunda = Poetic happiness of the underground // Arion. 2017. № 4, s. 64–70.

11. Kolymagin B. «Metafizicheskiy skvoznyachok» kul'turnogo podpol'ya = «Metaphysical draft» of the cultural underground // Arion. 2018. № 3, s. 57 – 65.

12. Kotova N. A. Dukhovnaya poeziya v sovremennom literaturnom protsesse = Spiritual poetry in the modern literary process // Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya. 2007. № 2. S. 269–272.

13. Mokiyenko V. Bibleyskiye motivy v sovremennoy poezii Donbassa = Biblical motives in modern poetry of the Donbass // Quaestio Rossica. 2017. T. 5. № 2. S. 552–566.

14. Parshchikov A. Vybrannoye = Selected. Moskva: Garant, 1996. 208 s.

15. Pimenov Yu. V. Kontsept Boga v russkoy filosofii nachala XX v.: ot bogoiskatel'stva k bogostroitel'stvu = The concept of God in Russian philosophy at the beginning of the twentieth century: from God-seeking to God-building // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1(150). S. 58–64.

16. Podgorskaya A. V. Reprezentatsiya obraza rozhdestva v sovremennoy russkoy poezii = Representation of the image of Christmas in modern Russian poetry // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 11(53). Ch. II. S. 142–145.

17. Severskaya O. I. Yazyk poeticheskoy shkoly. Idiolekt, idiostil', sotsiolekt = The language of the poetry school. Idiolect, idiostyle, sociolect. Moskva : Slovari.ru, 2007. 126 s.

18. Sergeyeva Ye. V. Bibleizm kak ekspressema i sposob organizatsii liricheskogo syuzheta v russkoy poezii XX v. = Biblicalism as an Expressive and a Method for Organizing a Lyrical Plot in Russian Poetry of the

20th Century. // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2019. № 191. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bibleizm-kak-ekspressema-i-sposob-organizatsii-liricheskogo-syuzheta-v-russkoy-poezii-hh-veka (available: 15.05.20).

19. Solov'yev S. Pir: Teksty. Stikhi. Besedy = Feast: Texts. Poems. Conversations. Nikolayev-Simferopol': Akademiya-Tavriya, 1993. 320 s.

20. Solov'yev S. V storone. Izbrannyye stikhi i esse = Aside. Selected Poems and Essays. Moskva: NLO, 2010. 144 s.

21. Tal'skikh T. S. Bibleyskiye allyuzii v sovremennoy poezii dukhovnoy traditsii = Biblical allusions in modern poetry of spiritual tradition // Nauchnyy dialog. 2016. № 5 (53). S. 120–133.

22. Tokarev A. A. Poetika dukhovnoy zhazhdy v tvorchestve Ivana Zhdanova = Poetics of spiritual thirst in the works of Ivan Zhdanov // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 12–1. S. 38–41.

23. Tokarev A. A. Kontseptsiya «prayazyka» i «yazyka iskusstva» v tvorchestve Ivana Zhdanova = The concept of «proto-language» and «language of art» in the work of Ivan Zhdanov // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 4–2. S. 40–42.

24. Heidegger M. Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya = Time and Being: Articles and Speeches. / Per. s nem. V. V. Bibikhina. Moskva: Respublika, 1993. 447 s.

25. Bravo J. Good News of Great Joy: Christmas Poetry. S. l.: Amazon Digital Services, 2018. 38 p.

26. Clark W., Mo L. Christmas Poetry: Letters to Santa. S. l. : Independly Published, 2018. 51 p.

27. Coomansingh J. Fifteen Christmas Poetry and Some… Bloomington : Xlibris, 2019.

28. Dias B. Christmas Poems from The Heart. Bloomington : Xlibris, 2019. 70 p.

29. Dotoli G. Langage et Langue de la Poésie française contemporaine. Paris: Hermann, 2015. 336 p.

30. Glatigny S. Le «silence bruyant» de Corbière // Quêtes littéraires. 2017. No 7. P. 61–72.

31. Gold R. I. Mary's Lamb and Other Christmas Poems. Bloomington: WestBow Press, 2017.

32. Guermès S. La poésie de Philippe Jaccottet: réparer l'absence, «à la frontière de Dieu» // Quêtes littéraires. 2012. No 2. P. 101–115.

33. Li J. Le silence moderne dans «l'écriture à trou» de Valère Novarina // Quêtes littéraires. 2017. No 7. P. 211–220.

34. Le Ru V. «Penser par soi-même» où la question du maître vue par les encyclopédistes et par Kant // Quêtes littéraires, 2019. No 9. P. 32–43.

35. Morgan G. Christmas Poems. London: Pan Macmillan UK, 2015. 176 p.

36. Shea J. Seeing Haloes: Christmas Poems to Open the Heart. Collegeville, Minnesota: Liturgical Press, 2017. 96 p.

Германские языки

УДК 811.111'37

Н. С. Лапковская **https://orcid.org/0000–0001–7207–8462.**

Репрезентация температурного признака погоды лексико-семантических вариантов прилагательных английского языка

Для цитирования: Лапковская Н. С. Репрезентация температурного признака погоды лексико-семантических вариантов прилагательных английского языка // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 173-178. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-173-178

Статья посвящена исследованию семантических и синтагматических особенностей группы лексико-семантических вариантов (ЛСВ) английских прилагательных с общими ядерными семами ‘warm’ («тёплый») / ‘hot’ («жаркий») / ‘cold’ («холодный») (*balmy («тёплый»); close («душный»); muggy (тёплый и влажный»); oppressive («душный»); steamy, sultry, sticky («жаркий и влажный»); boiling (hot), sweltering (hot), tropical («очень жаркий»); stifling (hot) («очень жаркий и душный»); mild («прохладный»); bleak, chill, chilly («студёный»); crisp («холодный и солнечный»); inclement («ненастный»); nippy, wintry, arctic («холодный»); biting, bitter, freezing, frigid, frosty, icy, raw («ледяной»)*). Изучение контекстуального употребления данных ЛСВ в British National Corpus при описании погоды показало, что они сочетаются с ЛЕ *weather / condition / spell («погода»)*. Анализ семантики ЛСВ указывает на то, что при репрезентации температурного признака погоды ЛСВ эксплицируют ряд дополнительных признаков: степень проявления температурного признака, эмоционально-оценочное восприятие температуры (приятный / неприятный / отсутствие эмоциональной оценки), влажность, свежий воздух, трудности в дыхании, болевые ощущения. В результате была составлена шкала градуальности температурного признака (холодный – тёплый – жаркий – очень жаркий). Кроме того, в ходе исследования семантики была выявлена группа ЛСВ адъективов, обозначающих исключительно температурный признак. Анализ семантики ЛСВ позволяет говорить о том, что, несмотря на общие ядерные семы со значением температурного признака, в значении ЛСВ содержатся различные признаки, описывающие целый спектр погодных явлений, неразрывно связанных с температурой. Примеры употребления ЛСВ прилагательных, взятые из аутентичных текстовых материалов, позволяют наглядно продемонстрировать их функционирование.

Ключевые слова: прилагательное, лексико-семантический вариант, сема, лексическая единица, синтагматика, сочетаемость, градуальность, тёплый, жаркий, холодный.

Germanic languages

N. S. Lapkovskaya

The representation of temperature attribute of weather of lexical semantic variation of English adjectives

The article studies the semantic and syntagmatic peculiarities of the group of lexical semantic variations of English adjectives with the common nuclear seme ‘warm’ («тёплый») / ‘hot’ («жаркий») / ‘cold’ («холодный») (*balmy («тёплый»); close («душный»); muggy (тёплый и влажный»); oppressive («душный»); steamy, sultry, sticky («жаркий и влажный»); boiling (hot), sweltering (hot), tropical («очень жаркий»); stifling (hot) («очень жаркий и душный»); mild («прохладный»); bleak, chill, chilly («студёный»); crisp («холодный и солнечный»); inclement («ненастный»); nippy, wintry, arctic («холодный»); biting, bitter, freezing, frigid, frosty, icy, raw («ледяной»)*). The study of the contextual usage of the given lexical semantic variations in British National Corpus for weather description has shown that they combine with lexical units *weather / condition / spell*. The analysis of the semantics of lexical semantic variations shows that when representing weather temperature, these lexical semantic variations expose some additional information: the degree of temperature, emotional perception (pleasant / unpleasant / absence of emotional perception), humidity, fresh air, difficulty in breathing, pain. As a result, there has been made up a scale of graduality of temperature (cold – warm – hot – very hot). Also, in the process of studying, we have found a group of lexical semantic variations which have the meaning only of temperature without any additional information. The analysis of the

© Лапковская Н. С., 2020

semantics of the lexical semantic variations demonstrates that despite the common nuclear semes with the implication of temperature the meanings of the lexical semantic variations contain a range of weather phenomena closely connected with temperature. The examples of the usage of the lexical semantic variations of the adjectives from the authentic sources expose their real functioning.

Key words: adjective, lexical semantic variation, seme, lexical unit, syntagmatics, combination, graduality, warm, hot, cold.

Исследование репрезентации различных свойств предметов ЛСВ прилагательных является одним из основных направлений лингвистики. Актуализация температурного признака ЛСВ прилагательных английского языка была изучена фрагментарно: как синестетическая метафора на материале русского и английского языков [Абдуллина, 2019; Бардовская, 2011; Моисеева, 2010], с точки зрения метафорических переносов [Мерзлякова, 2003], как метафорическое переосмысление на материале русского и английского языков [Бохонная, Шерина, 2019], как средство обозначения квантитативности [Субботина, 2013]. Изучению температурного признака также посвящены работы зарубежных ученых: градуальность температурного признака [Schulam, 2010; Lee, 2009; Hatzivassiloglou 1993], морфологические и синтаксические особенности [Plank, 2010], функционирование ЛСВ warm, hot, cold в текстах метеорологической направленности [Brunskill, 2010], тактильное восприятие температурного признака [Karp, 2007]. Обзор литературы по выбранной теме показал, что отсутствуют работы, направленные на рассмотрение семантических и функциональных особенностей ЛСВ прилагательных со значением температурного признака.

В ходе сплошной выборки из словарей CD [CD 2020], CED [CED 2020], LDCE [LDCE 2020], MD [MD 2020], OLD [OLD 2020] и исследования контекстов реального употребления ЛСВ адъективов в British national Corpus [BNC 2020] нами были выявлены 27 ЛСВ (*balmy, close, muggy, oppressive, steamy, sultry, sticky, boiling (hot), stifling (hot), sweltering (hot), tropical, mild, bleak, chill, chilly, crisp, inclement, nippy, wintry, arctic, biting, bitter, freezing, frigid, frosty, icy, raw*). ЛСВ адъективов имеют общие ядерные семы ‘warm’ (‘тёплый’) / ‘hot’ (‘жаркий’) / ‘cold’ (холодный). Изучение контекстуального употребления показало, что синтагматические характеристики данных ЛСВ проявляются в их сочетаемости с ЛЕ *weather / condition / spell* при описании температурного признака погоды. Однако, несмотря на сходство функциональной стороны, их семантика различается на основе нижеследующих особенностей:

1. интенсивность температурного признака;
2. наличие / отсутствие эмоционально-оценочного фактора восприятия температуры;
3. наличие / отсутствие других признаков, дополняющих температурный признак.

С точки зрения интенсивности температурного признака, ЛСВ можно разделить на три группы, соответствующие шкале увеличения температуры: *arctic, biting, bitter, freezing, frigid, frosty, icy, raw* имеют общую интегральную сему ‘very cold’, *mild, bleak, chill, chilly, crisp, inclement, nippy, wintry* – сему ‘cold’, *balmy, close, muggy* – сему ‘warm’, *oppressive, steamy, sultry, sticky* – сему ‘hot’, *boiling (hot), stifling (hot), sweltering (hot), tropical* – сему ‘very hot’. Шкала градуальности температурного признака может быть представлена следующим образом: очень холодный / ледяной (*arctic, biting, bitter, freezing, frigid, frosty, icy, raw*) → холодный (*mild, bleak, chill, chilly, crisp, inclement, nippy, wintry*) тёплый (*balmy, close, muggy*) → жаркий (*oppressive, steamy, sultry, sticky*) → очень жаркий (*boiling (hot), stifling (hot), sweltering (hot), tropical*).

Наряду с интегральными семами, некоторые ЛСВ прилагательных содержат семы, эксплицирующие эмоционально-оценочное фактор восприятия температуры:

− сема ‘приятный’ присутствует в семантике ЛСВ ***balmy*** (‘pleasantly’ [CD 2020]; ‘pleasant’ [CED 2020; LDCE 2020; MD 2020; OLD 2020]); ***mild*** (‘pleasant’ [CED 2020; MD 2020; OLD 2020]); ***crisp*** (‘pleasantly’ [CED 2020; OLD 2020], ‘pleasant’ [MD 2020]);

− сема ‘неприятный’ наличествует в семантике ***close*** (‘uncomfortably’ [CD 2020; LDCE 2020]; ‘unpleasantly’ [CED 2020]; ‘uncomfortable’ [MD 2020; OLD 2020]); ***muggy*** (‘unpleasantly’ [CD 2020; CED 2020; LDCE 2020]; ‘unpleasant’ [MD 2020; OLD 2020]); ***oppressive*** (‘unpleasantly’ [CED 2020; LDCE 2020]; ‘unpleasant’ [MD 2020; OLD 2020]); ***sultry*** (‘uncomfortably’ [CD 2020]; ‘unpleasant’ [MD 2020]; ‘uncomfortable’ [OLD 2020]); ***sticky*** (‘unpleasantly’ [CED 2020]; ‘uncomfortably’ [LDCE 2020]); ***stifling (hot)*** (‘unpleasant’ [CD

2020]; ‘uncomfortable’ [CED 2020; LDCE 2020]); ***sweltering (hot)*** (‘uncomfortably’ [CD 2020]; ‘uncomfortable’ [CED 2020; LDCE 2020; MD 2020; OLD 2020]); ***bleak*** (‘unattractive’ [CED 2020]; ‘without any pleasant or comfortable features’ [LDCE 2020]; ‘unfriendly’, ‘no pleasant features’ [MD 2020]; ‘unpleasant’ [OLD 2020]); ***chill*** (‘unpleasant’ [CED 2020; OLD 2020]; ‘unpleasantly’ [LDCE 2020]); ***chilly*** (‘unpleasantly’ [CED 2020]; ‘unpleasant’ [MD 2020]; ‘uncomfortable’, ‘uncomfortably’ [LDCE 2020]; ‘too cold to be comfortable’ [OLD 2020]); ***inclement*** (‘unpleasant’ [CD 2020]; ‘unpleasantly’ [CED 2020; LDCE 2020]; ‘not pleasant’ [OLD 2020]; ‘bad’ [MD 2020]); ***biting*** (‘unpleasantly’ [LDCE 2020]; ‘unpleasant’ [OLD 2020]; ‘uncomfortable’ [MD 2020]); ***bitter*** (‘uncomfortable’ [MD 2020]; ‘unpleasant’ [OLD 2020]); ***icy*** (‘unpleasant’ [MD 2020]); ***raw*** (‘unpleasantly’ [CED 2020]; ‘unpleasant’ [MD 2020]);

− в семантике ЛСВ ***steamy***, ***boiling (hot)***, ***tropical***, ***nippy***, ***wintry***, ***arctic***, ***freezing***, ***frigid***, ***frosty*** отсутствуют семы, объективирующие эмоциональную оценку.

Лексическое значение вышеупомянутых ЛСВ, помимо температурного признака, могут актуализировать другие признаки погоды. Информация об этой особенности также обнаруживается при исследовании семантического наполнения ЛСВ:

− сема ‘влажный’ группирует ЛСВ ***muggy*** (‘water’ [CD 2020]; ‘humid’ [CED 2020]; ‘wet’ [LDCE 2020; MD 2020]; ‘damp’ [OLD 2020]); ***steamy*** (‘wet’ [CD 2020; CED 2020]; ‘humid’ [LDCE 2020]; ‘steam’ [MD 2020]); ***sultry*** (‘wet’ [CD 2020; LDCE 2020; MD 2020]; ‘damp’ [CED 2020]); ***sticky*** (‘wet’ [CD 2020; LDCE 2020]; ‘damp’ [CED 2020; MD 2020; OLD 2020]); ***tropical*** (‘wet’ [LDCL 2020; MD 2020]; ‘damp’ [CED 2020]); ***inclement*** (‘rain’ [CD 2020]; ‘wet’ [LDCE 2020; MD 2020; OLD 2020]);

− сема ‘характеризующийся отсутствием свежего воздуха’ объединяет ЛСВ ***close*** (‘not enough air’ [CED 2020]; ‘no air’ [LDCE 2020]; ‘there does not seem to be enough fresh air’ [MD 2020; OLD 2020]); ***oppressive*** (‘no wind’ [CD 2020]; ‘no movement of air’ [LDCE 2020]; ‘no wind’ [MD 2020]; ‘lacking fresh air’ [OLD 2020]);

− сема ‘вызывающий трудности в дыхании’ присутствует в семантике ЛСВ ***close*** (‘difficult to breathe’ [CD 2020]); ***stifling (hot)*** (‘difficult to breathe’ [LDCE 2020; MD 2020]; ‘unable to breathe’ [OLD 2020]);

− сема ‘вызывающий болезненные ощущения’ наличествует в семантике ЛСВ ***biting*** (‘physical pain’ [CD 2020]), ***bitter*** (‘physical pain’ [CD 2020]);

− семы ‘сухой’ и ‘яркий’ содержатся в семантике ***crisp*** (‘dry’ [CD 2020; CED 2020; LDCE 2020; MD 2020; OLD 2020]; ‘bright’ [CD 2020]).

Исключительно температурный признак содержится в семантике ЛСВ **balmy**, **boiling (hot)**, **mild**, **bleak**, **chill**, **chilly**, **nippy**, **wintry**, **arctic**, **biting**, **bitter**, **freezing**, **frigid**, **frosty**, **icy**, **raw**.

Таким образом, температурный признак погоды объективируется ЛСВ английских прилагательных при сочетании с ЛЕ *weather* (а также её синонимами – *condition / spell*) следующим образом:

1) признак ‘приятно тёплый / мягкий’ содержится в значении ЛСВ *balmy*: *«Just got back from coffee break, where a few of us were sitting out in front of the Leabharlainn, enjoying some fine* ***balmy*** *early-autumn* ***weather****»* [Word Hippo 2020];

2) признак ‘неприятно тёплый, душный’ содержится в значении ЛСВ *close*: *«The* ***weather*** *that night was hot and* ***close****, with a hint of thunder in the distance»* [LDCE 2020];

3) признак ‘неприятно тёплый / влажный’ содержится в значении ЛСВ *muggy*: *«Forecasters said the UK would take on a tropical feel, with sticky and* ***muggy weather*** *making conditions unpleasant»* [Word Hippo 2020];

4) признак ‘неприятно жаркий, душный’ содержится в значении ЛСВ *oppressive*: *«You want to come stay in Tel Aviv one of these days, now that's* ***oppressive weather****»* [Word Hippo 2020];

5) признак ‘жаркий и влажный’ содержится в значении ЛСВ *steamy*: *«****steamy weather****»* [LDCE 2020];

6) признак ‘неприятно жаркий и влажный’ содержится в значении ЛСВ *sticky, sultry*:

- *«the* ***weather*** *is* ***sticky****»* [CD 2020];
- *«The* ***weather*** *had been somewhat* ***sultry****, but not to any degree uncommon in the month of August»* [Word Hippo 2020];

7) признак ‘очень жаркий’ содержится в значении ЛСВ *boiling (hot)*: *«I was already feeling faint as we were wearing winter clothes and it was* ***boiling hot weather»*** **[**Word Hippo 2020**]**;

8) признак ‘очень жаркий, неприятный, душный’ содержится в значении ЛСВ *stifling (hot)*: *«He said families with young children were*

*the largest group to express their concern about the **stifling weather**»* [Word Hippo 2020];

9) признак ‘очень жаркий, неприятный’ содержится в значении ЛСВ *sweltering (hot)*: *«As the father and son were riding in a buckboard one blistering summer day, the son complained about the **sweltering weather**»* [Word Hippo 2020];

10) признак ‘очень жаркий и влажный’ содержится в значении ЛСВ *tropical*: *«The **weather** was positively **tropical** last summer»* [CD 2020];

11) признак ‘прохладный и приятный’ содержится в значении ЛСВ *mild*: *«This winter's **mild weather** has resulted in early army cutworm activity again this year»* [Word Hippo 2020];

12) признак ‘неприятно холодный’ / ‘студёный’ содержится в значении ЛСВ *bleak, chill, chilly*:

- *«Despite **bleak weather**, there was plenty of sparkle at Grasmere's first Festival of the Stars at the weekend, ensuring the event was a big success»* [Word Hippo 2020];
- *»The three Graces were represented as naked, and therefore afraid of **chill weather**»* [Nash 1993];
- *«The **chilly weather** and high wind affected his performance, according to Zhang»* [Word Hippo 2020];

13) признак ‘приятно холодный и сухой’ содержится в значении ЛСВ *crisp*: *«Practice had just ended, but the **crisp weather** of winter was quick to cool him down again»* [Word Hippo 2020];

14) признак ‘неприятно холодный и сырой’ содержится в значении ЛСВ *inclement*: *«The **inclement weather** has kept us out of the garden today, with high, cold winds and torrential rain limiting activity to the greenhouse»* [Word Hippo 2020];

15) признак ‘холодный’ содержится в значении ЛСВ *nippy, wintry*:

- *«Truth is, when the **weather** is **nippy** and you need something warm and comforting, nothing beats meatloaf for taste»* [Word Hippo 2020];
- *«After riding through grim landscapes in **wintry weather**, on Christmas Eve Gawain comes upon a beautiful castle where he is graciously received»* [Word Hippo 2020];

16) признак ‘очень холодный’ содержится в значении ЛСВ *arctic, freezing, frigid, frosty*:

- *«Unfortunately because of the **arctic weather** conditions the match had to be called off at half-time»* [Word Hippo 2020];
- *«He was gliding into rallies like a rock star as thousands of people waited in **freezing weather** to see him»* [Word Hippo 2020];
- *«Actually, I was just looking for shelter from the **frigid weather** outside, and they miked me and put me on your bench here»* [Word Hippo 2020];
- *«Despite the **frosty weather**, early morning shoppers queued in their hundreds to bag the best deals»* [Word Hippo 2020];

17) признак ‘очень холодный и неприятный’ содержится в значении ЛСВ *icy, raw*:

- *«But the **icy weather** meant more sightings of fieldfares, redwings and bullfinches as they headed in from the countryside in search of food»* [Word Hippo 2020];
- *«The dreary skies and **raw weather** suggested November, not mid-May»* [Word Hippo 2020];

18) признак ‘очень холодный, неприятный, вызывающий болезненные ощущения’ содержится в значении ЛСВ *biting, bitter*:

- *«Sunny conditions in temperatures below zero can suddenly turn to **biting conditions** in a strong headwind»* [Ski Survey 1991];
- *«The capital is again bearing the brunt of the **bitter weather** with freezing winds, rain and hail showers»* [Word Hippo 2020].

Список сокращений

CD – Cambridge Dictionary
CED – Collins English Dictionary
LCDE – Longman Dictionary of Contemporary English
MD – Macmillan Dictionary
OLD – Oxford Learner’s Dictionary
BNC – British National Corpus

Библиографический список

1. Абдуллина Г. Р. Лингвистическая синестезия (на примере имен прилагательных, обозначающих температурные изменения, в башкирском и английском языках) / Г. Р. Абдуллина, Р. Ш. Усманов, В. С. Юламанова // Вестник башкирского университета. 2019. Т. 24 № 4. URL: http://bulletin-bsu.com/arch/files/2019/4/34_5928_Abdullina_969–973_v2.pdf (дата обращения 15.02.2020).

2. Бардовская А. И. Синестетическая метафора с компонентом значением «Температура» в русском и английском языках: опыт работы с электронными библиотеками / А. И. Бардовская // Вестник ВятГУ. 2011. № 2–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sinesteticheskaya-metafora-s-komponentom-znacheniya-temperatura-v-russkom-i-angliyskom-yazykah-opyt-raboty-s-elektronnymi-bibliotekami (дата обращения 15.02.2020).

3. Бохонная М. Е. Национально-культурное своеобразие метафорических моделей образной репрезентации погодных явлений в русском языке в сопоставлении с английским / М. Е. Бохонная, Е. А. Шерина // Филологические науки. Вопросы теории и практики.

2019. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnoe-svoeobrazie-metaforicheskih-modeley-obraznoy-reprezentatsii-pogodnyh-yavleniy-v-russkom-yazyke-v-sopostavlenii-s (дата обращения: 15.02.2020).

4. Мерзлякова А. Х. Семантическое варьирование прилагательных в поле «Восприятие» / А. Х. Мерзлякова // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2003. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-varirovanie-prilagatelnyh-v-pole (дата обращения 15.02.2020).

5. Моисеева С. А. Прилагательные осязательного восприятия как объект номинации и синестетических переносов / С. А. Моисеева, Ж. А. Бубырева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация 2010. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prilagatelnye-osyazatelnogo-vospriyatiya-kak-obekt-nominatsii-i-sinesteticheskih-perenosov (дата обращения 15.02.2020).

6. Субботина О. А. Адъективы с квалификативно-квантитативной семантикой в русском и английском языках / О. А. Субботина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2013. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/adektivy-s-kvalifikativno-kvantitativnoy-semantikoy-v-russkom-i-angliyskom-yazykah (дата обращения 15.02.2020).

7. British National Corpus / Oxford : University of Oxford, 2020. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения 15.02.2020).

8. Brunskill J. C. Qualitative and quantitative descriptions of temperature : a study of the terminology used by local television weather forecasters to describe thermal sensation / J. C. Brunskill // International Journal of Biometeorology / ed. by S. C. Sheridan. Kent : Springer, 2010. Vol. 4. No. 2. P. 193–209.

9. Cambridge Dictionary / Cambridge : Cambridge University Press, 2020. URL: http://www.dictionary.cambridge.org/ (дата обращения 15.02.2020).

10. Collins English Dictionary / New York City : HarperCollins Publishers, 2020. URL: http://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения 15.02.2020).

11. Hatzivassiloglou, V. Towards the automatic identification of adjectival scales : clustering adjectives according to meaning / V. Hatzivassiloglou // ACL ’93 Proceedings of the 31st annual meeting on Association for Computational Linguistics / ed. by G. Hirst. Stroudsburg : Association for Computational Linguistics, 1993. P. 172–182.

12. Karp N. The connection between adjectives and qualities in wordnet / N. Karp // DiPAV – QUADERNI. Rome : FrancoAngeli. 2007. No. 19. P. 133–150.

13. Lee J. V. Warm or slightly hot? Differences in linguistic dimensions describing perceived thermal sensations / J. V. Lee // Journal of psychological anthropology / ed. by B. Bertelsen. Aarhus : University of Aarhus. 2009. No. 28. P. 37–41.

14. Longman Dictionary of Contemporary English / London : Pearson Education Limited, 2020. URL: http://www.ldoceonline.com/dictionary (дата обращения 15.02.2020).

15. Macmillan Dictionary / London : Macmillan Publishers Limited, 2020. URL: http://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения 15.02.2020).

16. Nash W. Language and literature Volume 2 No. 1. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1993. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения 15.02.2020).

17. Oxford Learner’s Dictionary / Oxford : Oxford University Press, 2020. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения 15.02.2020).

18. Plank F. Temperature terms relative-to-previous state / F. Plank. – Stockholm, 2010. URL: http://temperature.ling.su.se/images/f/f2/Frans&Nemati&Spagnol.pdf (дата обращения 15.02.2020).

19. Schulam P. Automatically determining the semantic gradation of German adjectives / P. Schalum // Semantic approaches in natural language processing : Proceedings of the conference on natural language processing 2010 / ed. by M. Pinkal. Saarbruecken : Saarland : Saarland University Press. 2010. P. 163–167.

20. Ski Survey. London : Ski Club of Great Britain, 1991. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения 15.02.2020).

21. Word Hippo / Sydney : Kat IP Pty Ltd, 2020. URL: https://www.wordhippo.com (дата обращения 15.02.2020).

Reference List

1. Abdullina G. R. Lingvisticheskaja sinestezija (na primere imen prilagatel'nyh, oboznachajushhih temperaturnye izmenenija, v bashkirskom i anglijskom jazykah) = Linguistic synesthesia (on the example of adjectives denoting temperature changings in Bashkir and English languages) // Vestnik bashkirskogo universiteta. 2019. T. 24 № 4. URL: http://bulletin-bsu.com/arch/files/2019/4/34_5928_Abdullina_969–973_v2.pdf (data obrashhenija 15.02.2020).

2. Bardovskaja A. I. Sinesteticheskaja metafora s komponentom znacheniem «Temperatura» v russkom i anglijskom jazykah: opyt raboty s jelektronnymi bibliotekami = Synesthetic metaphor with the component meaning of «Temperature» in the Russsian and English languages : the experience of work with electronic libraries // Vestnik VjatGU. 2011. № 2–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sinesteticheskaya-metafora-s-komponentom-znacheniya-temperatura-v-russkom-i-angliyskom-yazykah-opyt-raboty-s-elektronnymi-bibliotekami (data obrashhenija 15.02.2020).

3. Bohonnaja M. E. Nacional'no-kul'turnoe svoeobrazie metaforicheskih modelej obraznoj reprezentacii pogodnyh javlenij v russkom jazyke v sopostavlenii s anglijskim = National and cultural originality of metaphorical models of representation of weather phenomena in the Russian language in comparison with English / M. E. Bohonnaja, E. A. Sherina // Sherina Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnoe-svoeobrazie-metaforicheskih-modeley-obraznoy-reprezentatsii-pogodnyh-yavleniy-v-russkom-yazyke-v-sopostavlenii-s (data obrashhenija: 15.02.2020).

4. Merzljakova A. H. Semanticheskoe var'irovanie prilagatel'nyh v pole «Vosprijatie» = Semantic variation of adjectives in the field of «Perception» / A. H. Merzljakova // Vestnik SPbGU. Serija 2. Istorija. 2003. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-varirovanie-prilagatelnyh-v-pole (data obrashhenija 15.02.2020).

5. Moiseeva S. A. Prilagatel'nye osjazatel'nogo vosprijatija kak ob#ekt nominacii i sinesteticheskih perenosov = Adjectives of touch perception as an object of nomination and synesthetic transfer / S. A. Moiseeva, Zh. A. Bubyreva // Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija 2010. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prilagatelnye-osyazatelnogo-vospriyatiya-kak-obekt-nominatsii-i-sinesteticheskih-perenosov (data obrashhenija 15.02.2020).

6. Subbotina O. A. Ad#ektivy s kvalifikativno-kvantitativnoj semantikoj v russkom i anglijskom jazykah = Adjectives with qualifying-quantitative semantics in the Russian and English languages / O. A. Subbotina // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2013. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/adektivy-s-kvalifikativno-kvantitativnoy-semantikoy-v-russkom-i-angliyskom-yazykah (data obrashhenija 15.02.2020).

7. British National Corpus / Oxford : University of Oxford, 2020. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (data obrashhenija 15.02.2020).

8. Brunskill J. C. Qualitative and quantitative descriptions of temperature : a study of the terminology used by local television weather forecasters to describe thermal sensation / J. C. Brunskill // International Journal of Biometeorology / ed. by S. C. Sheridan. Kent : Springer, 2010. Vol. 4. No. 2. P. 193–209.

9. Cambridge Dictionary / Cambridge : Cambridge University Press, 2020. URL: http://www.dictionary.cambridge.org/ (data obrashhenija 15.02.2020).

10. Collins English Dictionary / New York City : HarperCollins Publishers, 2020. URL: http://www.collinsdictionary.com/ (data obrashhenija 15.02.2020).

11.Hatzivassiloglou, V. Towards the automatic identification of adjectival scales : clustering adjectives according to meaning / V. Hatzivassiloglou // ACL ’93 Proceedings of the 31st annual meeting on Association for Computational Linguistics / ed. by G. Hirst. Stroudsburg : Association for Computational Linguistics, 1993. P. 172–182.

12. Karp N. The connection between adjectives and qualities in wordnet / N. Karp // DiPAV – QUADERNI. Rome : FrancoAngeli. 2007. No. 19. P. 133–150.

13. Lee J. V. Warm or slightly hot? Differences in linguistic dimensions describing perceived thermal sensations / J. V. Lee // Journal of psychological anthropology / ed. by B. Bertelsen. Aarhus : University of Aarhus. 2009. No. 28. P. 37–41.

14. Longman Dictionary of Contemporary English / London : Pearson Education Limited, 2020. URL: http://www.ldoceonline.com/dictionary (data obrashhenija 15.02.2020).

15. Macmillan Dictionary / London : Macmillan Publishers Limited, 2020. URL: http://www.macmillandictionary.com/ (data obrashhenija 15.02.2020).

16. Nash W. Language and literature Volume 2 No. 1. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1993. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (data obrashhenija 15.02.2020).

17. Oxford Learner’s Dictionary / Oxford : Oxford University Press, 2020. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (data obrashhenija 15.02.2020).

18. Plank F. Temperature terms relative-to-previous state / F. Plank. – Stockholm, 2010. URL: http://temperature.ling.su.se/images/f/f2/Frans&Nemati&Spagnol.pdf (data obrashhenija 15.02.2020).

19. Schulam P. Automatically determining the semantic gradation of German adjectives / P. Schalum // Semantic approaches in natural language processing : Proceedings of the conference on natural language processing 2010 / ed. by M. Pinkal. Saarbruecken : Saarland : Saarland University Press. 2010. P. 163–167.

20. Ski Survey. London : Ski Club of Great Britain, 1991. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (data obrashhenija 15.02.2020).

21. Word Hippo / Sydney : Kat IP Pty Ltd, 2020. URL: https://www.wordhippo.com (data obrashhenija 15.02.2020).

УДК 811.111–42

Ю. М. Сергеева **https://orcid.org/0000–0002–7079–8455**

С. А. Голубева **https://orcid.org/0000–0001–8788–9153**

Лингво-прагматические особенности формирования перцептуального пространства в эгоцентричном художественном тексте

Для цитирования: Сергеева Ю. М., Голубева С. А. Лингво-прагматические особенности формирования перцептуального пространства в эгоцентричном художественном тексте // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 179-186. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-179-186

В статье рассматриваются лингвистические средства, функционально связанные с вербализацией перцептуального пространства персонажа художественного произведения. В тексте эгоцентрического повествования представлено сочетание различных видов художественного пространства – реальное, которое отражает объективное восприятие фрагментов действительности, и переживаемое, которое передает субъективное видение этих фрагментов, или, скорее, размышления и чувства индивида, вызываемые процессом их восприятия. Перцептуальное пространство способно как расширяться, затрагивая те участки физического пространства, которые недоступны объективному наблюдению, так и сужаться, когда индивид по какой-то причине игнорирует окружающий мир, полностью концентрируясь на своих внутренних ощущениях.

Границы двух пространств в художественном произведении маркируются внутренней речью субъекта повествования, в данном случае и нарратора, и персонажа в одном лице. Формальным способом выражения субъекта эгоцентрического повествования являются формы местоимений первого лица и соответствующие формы глаголов. Субъекты повествования в рассматриваемых нами текстовых фрагментах говорят о внешних явлениях как о своих собственных душевных переживаниях, совмещая образы внешней действительности со своими впечатлениями о них. Вербализация внутреннего мира персонажа представлена в различных формах внутренней речи: в виде внутреннего монолога, внутреннего диалога, кратких реплик.

Внутренняя речь персонажа неизбежно выражает разные типы оценки (сенсорную, эстетическую, этическую, рационалистическую), которые могут иметь разнонаправленный вектор – мелиоративный, в случае гармонии внутреннего состояния персонажа с окружающей действительностью, и пейоративный, в случае конфликта внешних факторов и внутренних ощущений. Оценочные суждения создают эмоционально насыщенную внутреннюю речь, включающую не только осмысление увиденного, но и его переживание. В результате обычные, повседневные обстоятельства и события приобретают высокую степень драматизма, передаваемую посредством целого ряда стилистических приемов, таких как эпитет, метафора, антитеза, различные виды повтора, синтаксический параллелизм.

Ключевые слова: внутренняя речь, перцептуальное пространство, оценка, конфликт, женская проза, метафора, синтаксический повтор.

Y. M. Sergeeva, S. A. Golubeva

Lingvo-pragmatic peculiarities of ego-centric fictional text of perceptual space formation

The article focuses on the role of linguistic means in revealing the perceptual space of an individual. The text of the egocentric prose combines various types of fictional universe – the real space, which reflects the corporeal or territorial space of the character within the text, and the cognitive, perceptual space, which conveys the subjective vision of reality, or, rather, the thoughts and emotions of the individual caused by the process of its perception. The perceptual space can either expand, covering those parts of the physical space that are not accessible to direct observation, or narrow down when the individuals for some reason ignore the world around them, concentrating on their inner sensations completely.

The boundaries of these two spaces are marked with the inner speech of the character who is, in this case, the narrator of the story as well. The formal way of expressing the narrator in a first-person fiction work is the suitable forms of pronouns and verbs. The characters in the texts under analysis speak of external phenomena as if they were their own feelings and emotions, combining images of external reality and internal impressions of them. Verbalization

© Сергеева Ю. М., Голубева С. А., 2020

of the character's inner world is presented in various forms of inner speech: a monologue, a dialogue, and short remarks.

Internal utterances represent the individuals' hidden commentary of the external situation they perceive and therefore express various types of assessment – rationalistic, ethical, aesthetic, sensory, etc. They can have a bidirectional vector – positive, in case of a harmony of the character's internal state with the surrounding reality, and negative, in case of a conflict of external world and its subjective perception. rhetorical and pragmatic value judgment fills inner speech with emotional coloring and as a result, routine, ordinary events acquire a high degree of drama, expressed by such stylistic devices as epithet, metaphor, antithesis, various types of repetition, syntactic parallelism.

Key words: inner speech, perceptual space, assessment, conflict, women's fiction, metaphor, syntactic repetition.

Постоянно усложняющиеся текстовые практики требуют теоретического анализа и переосмысления не только целого текста как продукта речевой деятельности, но и его отдельных аспектов. Объектом исследования в данной статье является внутренняя реальность индивида – персонажа художественного произведения, а основным методом ее изучения служит интроспективный анализ, проводимый посредством внутренней речи. В качестве материала исследования были выбраны фрагменты произведений современной британской женской прозы, отражающие аксиологическую деятельность персонажа, другими словами, его субъективное восприятие тех или иных фактов действительности.

Одной из важнейших интегральных характеристик любого произведения художественной литературы является *художественное пространство*, представляющее собой, согласно Ю. М. Лотману, континуум, в котором размещаются персонажи, и совершается действие [Лотман, 1996]. Именно художественное пространство обеспечивает когерентность текста, делает его цельным и завершенным, непосредственно влияет на выбор используемых автором изобразительных средств и, в конечном счете, служит одной из стилеобразующих характеристик художественной литературы в целом. Для каждой эпохи характерны своя конструкция художественного пространства и свой способ художественного видения мира. Художественному пространству в широком смысле трудно дать вербальное определение, но наиболее распространенным в современной лингвистике является представление о нем как о результате взаимодействия множества точек зрения – автора, персонажа, читателя. Интересно, что их точки зрения могут, как различаться, так и совпадать друг с другом. Таким образом, *пространство текста* можно определить как пространство, описываемое в литературном тексте с одной или всех названных точек зрения.

Анализ текста в самом общем виде представляет собой переход от вещественного пространства линейной формы текста к абстрактному и нелинейному пространству его структуры [Лукин, 1999]. Проводя эти два основных направления анализа, читатель-интерпретатор имеет возможность трактовать понятие «пространство текста» по-разному.

По мнению Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина, семантическое пространство художественного текста – это ментальное образование, в формировании которого участвует, во-первых, само словесное литературное произведение, содержащее обусловленный интенцией автора набор языковых знаков – слов, предложений, сложных синтаксических целых (виртуальное пространство); во-вторых, интерпретация текста читателем в процессе его восприятия (актуальное семантическое пространство) [Бабенко, Казарин, 2005, с. 52]. Человек является центром художественного произведения в качестве как субъекта повествования, так и объекта эстетического познания. Герой произведения существует во времени и пространстве: он условно привязан к конкретному месту, в котором размещаются реальные объекты внешней действительности, и изображается в определенном текстовом времени.

Для того, чтобы охарактеризовать связь пространства со временем М. М. Бахтин ввел понятие хронотопа, который, кстати говоря, может употребляться не только по отношению к тексту, но и к его обозначаемому, другими словами, к пространству реальной жизни. Отметим, что Бахтин вообще не использовал термин «художественное пространство» в своих трудах, а говорил об освоении в литературе реального пространства [Бахтин, 1975].

Перцептуальное пространство можно определить как перспективу восприятия отдельной личностью среды ее существования, охватывающей физический, эмоциональный, интеллектуальный и моральный уровни. В нем

заключены ощущения, эмоции, фантазии, представления, воспоминания, и другие подобные акты сознания. Объем такого пространства не является четко установленным, он зависит от поля чувственного восприятия, представлений, знаний, опыта, эмоционального состояния индивида. Перцептуальное пространство имеет способность либо сужаться, либо расширяться и включать те области физического пространства, которые могут быть недоступны непосредственному наблюдению.

Перцептуальное пространство формируется в результате *восприятия* индивидом окружающей действительности. Под восприятием понимается процесс активного взаимодействия индивида с окружающей средой, осуществляемый в конкретном времени и пространстве и предполагающий извлечение из потока информации необходимых для жизнедеятельности сведений. Полученные сведения осмысливаются и систематизируются в сознании индивида и *посредством процесса вербализации* преобразуются в речь.

Познание действительности героем художественного произведения является обобщенным проявлением всех духовных и интеллектуальных способностей человека, и как таковое, имеет ярко выраженную *оценочную направленность.* «Схематически можно было бы представить языковое значение как единство следующих компонентов: 1) познавательного содержания как специфически человеческого отражения объекта, то есть объекта и отношения к нему субъекта в аспекте практики; 2) коммуникативной оценки этого содержания, то есть отношения к партнеру по той или иной деятельности. Возможен и третий компонент – экспрессивно-оценочный, в основе которого лежит личная заинтересованность, эмоциональное отношение к высказываемому». [Крушельницкая, 1972, с. 400] Другими словами, в процессе познания окружающей действительности человек обязательно оценивает ее, применяя при этом свои чувства и эмоции.

В лингвистической традиции под оценкой понимается закрепленное обществом отношение носителей языка к внеязыковой действительности и фактам языка и речи. Оценка как положительная или отрицательная характеристика объекта (события, факта), обусловлена признанием или отрицанием его ценности из-за соответствия или несоответствия нуждам, пристрастиям и вкусам личности, а также социальным нормам. Получаемая характеристика объекта является результатом двух видов аксиологической деятельности индивида – интеллектуальной и эмоциональной. Интеллектуальная оценка основана на логических критериях и, как следствие, входит в денотат лексической единицы. Эмоциональная оценка напрямую зависит от чувств и переживаний, которые вызывает в сознании индивида обозначаемый объект, процесс или событие.

Оценочные суждения формируют эмоционально насыщенную, выразительную внутреннюю речь, суть которой не только в *осмыслении* услышанного или увиденного, но и в *переживании* его как бы заново в мыслях. Такие переосмысления-переживания могут превращать повседневные, ничем не примечательные, явления и обстоятельства в весьма экспрессивные и драматичные медитации, выражаемые с помощью внутренней речи.

Произведения современной британской женской прозы, которые выбраны нами в качестве материала исследования, являются отличной иллюстрацией всех вышеупомянутых теоретических положений. Так как женская проза по своей природе глубоко антропоцентрична, она обычно передаёт все противоречия и явления, существующие во внешнем мире, *субъективно,* посредством идей, размышлений, и отношения героини, посредством ее эмоционального настроя. В этом заключается ещё одна особенность этого жанра литературы – сознательное *не различение субъекта и объекта* познания. Героини женской прозы повествуют о внешних событиях как о своих собственных душевных переживаниях, смешивая образы внешней реальности и свое собственное восприятие их.

Следует подчеркнуть, что в повествованиях от первого лица редко есть место для создания детального портрета героини, хотя в тексте и воспроизводятся её поступки, и описывается её окружение. Ее образ в этом случае складывается именно из её стремлений, желаний, переживаний, эмоциональной оценки, интеллектуального восприятия, то есть из того, что составляет *тезаурус личности* [Сергеева, 2008].

Необходимо отметить, что языковая личность раскрывается легче всего и чаще всего именно *во внутренней речи*, потому что человек бывает наиболее откровенен наедине с собой. Когда внутренний мир героини находится в гармонии с внешним ходом событий, то формируемые ей оценочные высказывания отражают

мелиоративный вектор оценочности. Но чаще всего автор художественного произведения описывает конфликтную ситуацию, имеющую место в сознании героини, поскольку именно такие эпизоды являются эмоционально насыщенными и эстетически привлекательными для читателей.

Как показывает проведенное исследование, современная романтическая героиня – натура, не отличающаяся цельностью, как бы раздвоенная между добром и злом. На определенном этапе своей жизни она теряет душевное равновесие, в ней просыпается чувство неудовлетворенности своей текущей жизнью, чувство тоски по какой-то иной – интересной, необычной, красочной – действительности. Во внутренних монологах и диалогах такой героини четко прослеживается стремление к преодолению этой едва осознанной тоски, к искоренению каких-то негативных черт в себе самой и в окружающем мире. В подобном преодолении и осознании бессмысленности своего текущего существования, в обретении новой счастливой жизни – в другом месте, с другим партнером, зачастую состоит основной конфликт произведений женской прозы. Перечислим лишь некоторые из них: *Love Lies* А. Паркс, *My not so Perfect Life* С. Кинселлы, *Me before You* Дж. Мойес, *The Clothes on their Backs* Л. Грант, *Girl on the Train* П. Хокинс, *Revenge of the Middle-aged Woman* Э. Бушан.

В следующем фрагменте романа *Love lies* Адели Паркс, описывающим неудовлетворенность героини своим семейным положением и стилем жизни, сочетание различных изобразительных лексических средств и экспрессивных синтаксических структур подчеркивает контраст между амбициями героини и серой реальностью:

It looks like we've arrived. This is my stop. I have to get off the train and take a long hard look at the station. It's not one with hanging baskets full of cascading begonia and there isn't one of those lovely large clocks with Roman numerals. There's nothing romantic or pretty about my station at all. My station is littered with discarded polystyrene cups and spotted with blobs of chewing-gum… I don't resent Adam's lack of cash. I resent his lack of… oh, what's the word? Commitment. His inability to grow up. To move on. It is Adam who has jammed our brakes at the ordinary station because he's a settler. He lacks ambition. … He thinks I'm unreasonable because I yearn for more than a tiny two-bedroom flat-share. I long for something more than Monday to Wednesday evenings in front of the TV, Thursday nights at the supermarket, Friday and Saturday nights at the local and Sundays sleeping off a hangover. Recently, I've been overwhelmed with despair as I've come to understand that not only do I currently have very little in my life to feel energized about but, with the exception of hoping my lottery numbers come up, I have absolutely nothing to look forward to in the future. This is it for me. The sum total. Frankly, it's depressing [Parks, 2009, с. 4–5].

Автор создает расширенную метафору, связывая жизненную ситуацию героини с железнодорожной станцией, на которой ей пришлось сойти. Частью этой метафоры являются глагольные лексемы и коллокации, которые относятся к семантическому полю окончания движения и остановки: *arrive, stop, get off the train, jam one's brakes* и т.д. Семантика данных глаголов, а также употребление глагола с модальным значением вынужденной необходимости *have to* создают ощущение тупика, в котором оказалась героиня. Это чувство отчаяния от невозможности двигаться дальше выражено лексемами пейоративной семантики (*overwhelmed with despair, depressing*). Дополняют ощущение безысходности эмфатическая инверсия с отрицанием и усилительные наречия very, absolutely, употребленные с отрицательными словами little, nothing. Образ железнодорожной станции также создается с помощью существительных, обозначающих типичные для данного места предметы – поезд, часы, корзинки с цветами, пластиковые стаканчики. Часть из них употребляется в отрицательных предложениях. С помощью отрицательных конструкций автор создает образ того, что героиня хотела бы видеть в своей жизни, но не видит – красоты, индивидуальности, романтики (*it's not one with hanging baskets full of cascading begonia, there isn't one of those lovely large clocks, There's nothing romantic or pretty…*). Образ ее текущей «станции» создается с помощью лексем, относящихся к семантическому полю беспорядка, запущенности (*littered, discarded polystyrene cups,blobs of chewing-gum*) Эмфатическая конструкция *It is … who …* указывает на виновника, по мнению героини, ее заурядного, безнадежного положения. Экспрессивный глагол resent показывает ее отношение к спутнику жизни, а такой стилистический прием как парцелляция делает акцент на том, что конкретно ее не удовлетворяет. Отчаянное стремление героини к лучшей жизни выражено с помощью параллельных синтаксических конструкций (*I yearn for more than*

… I long for something more than), в составе которых синонимичные лексемы yearn, long. Данные глаголы имеют значение желания, однако более экспрессивны, чем глагол want. Повтор однородных дополнений, выраженных в том числе существительными-наименованиями дней недели, усиливает ощущение монотонности нынешнего существования героини. Таким образом, с помощью использования разнообразия изобразительных языковых средств создается образ персонажа, находящегося в смятении из-за несовпадения душевных устремлений и серой действительности.

Стремление сбежать от обыденности существования и тоска по иной, более радужной и захватывающей жизни хорошо отражены в следующем фрагменте романа Полы Хокинс *Girl on the Train*:

I want to run. I want to take a road trip, in a convertible, with the top down. I want to drive to the coast–any coast. I want to walk on a beach. Me and my big brother were going to be road trippers. We had such plans, Ben and I…. We were going to ride motorbikes from Paris to the Côte d'Azur, or all the way down the Pacific coast of the USA, from Seattle to Los Angeles; we were going to follow in Che Guevara's tracks from Buenos Aires to Caracas. Maybe if I'd done all that, I wouldn't have ended up here, not knowing what to do next. Or maybe, if I'd done all that, I'd have ended up exactly where I am and I would be perfectly contented. But I didn't do all that [Hawkins, 2019].

Синтаксический параллелизм является основой данного отрывка. В начале фрагмента присутствует анафорический повтор с личным местоимением I и глагольной лексемой want, выражающей желание. Эта редупликация, наряду с употреблением глаголов движения в каждом предложении, создает эффект нетерпения, стремления вырваться из тисков обыденности. Следующая анафора с повторяющимся элементом we were going to и перечислением географических названий экзотических мест описывает характер неосуществленных желаний героини. В конце отрывка мы наблюдаем параллельные конструкции с третьим типом условных придаточных предложений, которые подчеркивают выражаемое ей сожаление о несбывшихся мечтах.

Многие героини современной женской прозы подвержены чувству меланхолии, которая, в отличие от тяги к переменам, имеет отрицательный оценочный модус и отражает чувство одиночества, потери, безысходности. Если такие чувства превалируют в сознании героини, то бессознательное теснит разум и тянет его, таким образом, в пучину отчаяния, а иногда и безумия.

Рассмотрим фрагмент произведения Линды Грант *The clothes on their Backs:*

For I no longer bothered to look at my reflection in shop windows as I passed, let alone cringe in front of a full-length dressing room mirror with strong overhead lights, and if I did I would not recognize what I saw. Who was that dreary woman walking up the steps of the tube with lines around her eyes, jeans, boots, leather jacket, chapped hands, a ruined neck? That middle-aged person you see hesitating at the traffic lights, trying to cross at Oxford Circus, with her dyed hair and untended roots?...

For some time–several months, but perhaps it was longer–I had let myself go, just drifted away from even thinking about how I looked, had let go the self which once stared in the mirror, a hand confidently holding a mascara wand, a person who cared about how she appeared to others ... In the middle of my life here I was, as it was in the beginning. The same pearl grey horizon with no distinguishing features has reappeared [Grant, 2008, с. 3–4].

Автор создает образ отчаявшейся и опустившейся героини, не выдержавшей ударов судьбы. Важной частью создания образа является оценка героиней своей внешности, которая для женщины является важным индикатором ее внутреннего состояния. В описании преобладают прилагательные и глаголы с пейоративной коннотацией (*dreary, ruined, untended, let myself go).* Существительные, относящиеся к семантическому полю одежды и внешности, создают впечатление неопрятности, увядания и запущенности. Этот образ так удручает саму героиню, что она даже пытается дистанцироваться от самой себя. Автор показывает это с помощью риторических вопросов и употребления обезличенного существительного *person*. Использование яркого метафорического образа серого, монотонного горизонта подчеркивает чувство безысходности и отчаяния.

Оценочные суждения персонажа могут относиться к конкретному человеку или конкретной ситуации, а могут касаться всего человечества или жизни в общем. Сама героиня также может являться объектом эмоциональной оценки, встречающейся во внутренней речи. Самооценка может затрагивать различные

аспекты личности героини: ее физическое или душевное состояние в определенный момент, ее успехи или неудачи в какой-либо сфере жизни, ее восприятие других персонажей или отношение других людей к ней. Важно отметить, что подобные высказывания возникают, как в речевых, так и в неречевых ситуациях.

Следующий пример является фрагментом внутренней речи героини, узнавшей о том, что ей отказано в повышении по службе. Самооценке в данном случае подвергаются неудачи героини на работе и ее перспективы в ближайшем будущем:

Another whole year. Another whole year of being the crappy marketing assistant, and everyone thinking I'm useless. Another year of being in debt to Dad, and Kerry and Nev laughing at me, and feeling like a complete failure [Kinsella, 2018, с. 91].

В отчаянии от случившегося, героиня ощущает себя неудачницей. Такая оценка создается с помощью прилагательных и коллокаций с ярко выраженной пейоративной семантикой (crappy, useless, complete failure). С помощью анафорического повтора (*another whole year*) автор показывает, насколько болезненно героиня воспринимает свои ближайшие перспективы. На примере рассматриваемого отрывка мы видим, как неудачи в карьере и отношение других людей оказывают влияние на самооценку женщины, приводят к изменениям в ее самоощущении и дают толчок душевным переживаниям и сомнениям.

Таким образом, мы выявили, что современные женщины-писатели пытаются передать в своих произведениях самые смутные, противоречивые и многозначные движения души героини, запутанный, противоречивый ход ее мыслей. Часто внешние воздействия имеют второстепенное значение, а на первый план выходит анализ эмоциональных переживаний индивида, и в результате, акцент перемещается из пространства внешнего мира во внутреннее перцептуальное пространство. Соответственно, значительная часть художественного пространства и времени отводится интроспективной речи героини, ее внутренней рефлексии.

В коммуникативной модели, являющейся отражением такой внутренней рефлексии, мы можем выделить несколько компонентов: повествующий субъект, сообщаемое, адресат повествования. В качестве повествующего выступает героиня произведения, от лица которой ведется повествование, в качестве сообщаемого используется либо ситуация общения, в которую вовлечена героиня, либо не речевая ситуация, и тогда возникновение внутренней речи в ее сознании может быть обусловлено не языковыми факторами. Такой компонент, как адресат интраперсонального высказывания, является релевантным лишь в случае внутреннего диалога и может быть представлен, как вторым Я героини, так и одним их следующих типов собеседника – потенциальным, отсутствующим, воображаемым.

Формально представленным способом выражения субъекта повествования в произведениях от первого лица являются, во-первых, соответствующие грамматические формы местоимений – *I, me, my*, во-вторых, формы глаголов первого лица. Это Я выполняет роль повествователя, занимает определенное место в пространстве и времени, открыто выражает свое отношение к происходящему, оценивает предметы и явления, которые описывает. Следует отметить, что в таких фрагментах внутренней речи смешиваются, фактически сливаются личность героини и внешняя действительность, включающая и других людей. Внешние события, пропущенные через призму сознания персонажа, приобретают ярко выраженный эмоционально-оценочный характер.

Создавая «ткань душевной жизни» своей героини, авторы используют различного рода оценочные эпитеты, эмоциональные интенсификаторы высказывания, метафоры, риторические вопросы, разнообразные виды лексических и синтаксических повторов, то есть обращаются к так называемому «нагруженному языку», характеризующемуся высокой степенью экспрессивности. «Экспрессивность заключается в усилении впечатляющей силы высказывания в соответствии с планируемым целенаправленным воздействием на адресата» [Блох, Резникова, 2006, с. 14], в данном случае – на читателя художественного произведения.

Таким образом, героиня современной женской прозы часто является и субъектом повествования, т.е. носителем сознания и продуцентом речи, и предметом изображения. Внимание читателя практически полностью сфокусировано на ней, на происходящих с ней событиях, ее душевном состоянии, восприятии мира. Самоописание не всегда бывает детальным, чаще всего оно фрагментарно, выборочно, а бывает и вовсе редуцированным.

Интерес представляют случаи, когда Я повествователя выражено с помощью метонимии, через местоимение 2-го лица, как взгляд со

стороны. В последнем случае самовосприятие героини не обязательно представлено в форме внутреннего монолога, оно может быть отражено и в виде диалога. В этом случае читатель является свидетелем борьбы чувств и разума, происходящей в душе героини; эмоции могут противостоять доводам здравого смысла, и тогда рассматриваемый фрагмент текста представляет собой диалогическое единство, которое состоит из двух (или более) реплик – исходной и реагирующей.

Следующий отрывок является фрагментом внутренней речи женщины, которой муж только что объявил, что навсегда уходит к любовнице. Героиня даже не подозревала о реальном положении вещей:

I got up, went to my own room and climbed between the sheets, inhaling a faint smell of Nathan. It was dark, but no darker than the darkness in my mind.

How had I not seen?

How had I not sensed?

You have been a fool, Rose [Buchan, 2003, с. 59].

В приведенном выше примере перед нами – читателями возникает личность, выведенная из равновесия, неожиданно потерявшая опору в жизни и сам смысл жизни. Внутренний диалог демонстрирует борьбу двух «я» героини – ее эмоционального и рационального начала. Большую часть ее сознания захватили эмоции, она погрузилась в темноту, в бездну отчаяния. Корневой повтор (dark, darker, darkness) в одном предложении подчеркивает глубину этой бездны. Также с целью показать смятение героини употребляются вопросительные предложения, представляющие собой реплики эмоционального начала ее личности и служащие зачином диалога. Рациональное «я» героини уже в этот момент пытается осмыслить то, что произошло и дает ответ на поставленный вопрос в ответной реплике-реакции. Подобные описания внутренней душевной борьбы весьма характерны для рассматриваемых произведений.

Проведенное исследование показало, что перцептуальное пространство персонажа художественного произведения может включать в себя и область непосредственного обзора, в которую входит поле чувственного восприятия, и область максимального обзора, содержащую структуральное знание (опыт) индивида, его мысленное видение (размышления, умозаключения и т.д.), а также то, что восприятию недоступно, но является объективной возможностью в реальной действительности. Результатом языкового выражения и перцептуального пространства отдельно взятого персонажа, и созданной в произведении картины мира в целом, является художественный текст. Несомненным является то, что автор создает художественную картину мира не только с помощью применения категориального аппарата и языковых средств, но и путем использования специальных изобразительно-выразительных языковых приемов. Одним из таких приемов является внутренняя речь персонажа, существующая в разных формах – от развернутых внутренних монологов и диалогов, отражающих результаты, как мыслительной деятельности, так и чувственного восприятия, до кратких реплик, служащих эмоционально насыщенными реакциями индивида на окружающую ситуацию. Возникновение внутренней речи не только в коммуникативной, но и вне речевой ситуации, является еще одним аргументом в пользу нужности и естественности этого феномена для нормального функционирования человеческой психики. Вплетение фрагментов внутренней речи в ткань повествования открывает поистине неисчерпаемые возможности экспликации внутреннего действия, создания своеобразной драматургии мысли и чувства.

Библиографический список

1. Бабенко Л., Казарин Ю. Лингвистический анализ художественного текста: учебник, практикум. Москва : Флинта : Наука, 2005. 496 с.

2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. Москва : Художественная литература, 1975. 504 с.

3. Блох М., Резникова Н. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник ТГПУ. 2006. № 9 (60). С. 14–19.

4. Крушельницкая К. Г. Проблема взаимосвязи языка и мышления // Общее языкознание. Москва, 1972. Т. 1. С. 400.

5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров (Человек – текст – семиосфера – история). Москва : «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

6. Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. Москва: Ось-89, [1999?]. 189, [2] с.

7. Никитина И. П. Художественное пространство как предмет философско-эстетического анализа / И. П. Никитина. Москва, 2003. 36 с.

8. Сергеева Ю. М. К вопросу о коммуникативной структуре лирического произведения (на материале англоязычной поэзии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. № 11 (67). С. 248–253.

9. Buchan E. Revenge of the Middle-Aged Woman. Penguin Books, 2003. 368 c.

10. Grant L. The Clothes on their Backs. Scribner, 2008. 304 c.

11. Hawkins P. The Girl on the Train // royallib.com. URL: https://www.royallib.com/read/Hawkins_Paula/the_girl_on_the_train.html#1171 (дата обращения: 15.12.2019).

12. Kinsella S. Can You Keep a Secret? London : Black Swan, 2018. 381 c.

13. Parks A. Love Lies. Penguin Books, 2009. 512 c.

14. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. Harlow, 1999.

Reference List

1. Babenko L., Kazarin Ju. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta = Linguistic analysis of an artistic text : uchebnik, praktikum. Moskva : Flinta : Nauka, 2005. 496 s.

2. Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki: issledovanija raznyh let = The questions of literature and aesthetics: researches of different years Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 s.

3. Bloh M., Reznikova N. Sredstva jemocional'nogo vozdejstvija politicheskih vystuplenij = Means of emotional impact of political performances // Vestnik TGPU. 2006. № 9 (60). S. 14–19.

4. Krushel'nickaja K. G. Problema vzaimosvjazi jazyka i myshlenija = The problem of interconnectedness of language and thinking // Obshhee jazykoznanie. Moskva, 1972. T. 1. S. 400.

5. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhih mirov (Chelovek – tekst – semiosfera – istorija) = Inside thinking worlds (Man – text – semioshere – history). Moskva : «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 464 s.

6. Lukin V. A. Hudozhestvennyj tekst: osnovy lingvisticheskoj teorii i jelementy analiza = An artistic text:the basics of of linguistic theory and elements of analysis. Moskva : Os'-89, [1999?]. 189, [2] s.

7. Nikitina I. P. Hudozhestvennoe prostranstvo kak predmet filosofsko-jesteticheskogo analiza = Artistic space as a subject of philosophical and aesthetic analysis / I. P. Nikitina. Moskva, 2003. 36 s.

8. Sergeeva Ju. M. K voprosu o kommunikativnoj strukture liricheskogo proizvedenija (na materiale anglojazychnoj pojezii) = To the question of communicative structure of lyrical work (on the material of English poetry) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. Tambov, 2008. № 11 (67). S. 248–253.

9. Buchan E. Revenge of the Middle-Aged Woman. Penguin Books, 2003. 368 c.

10. Grant L. The Clothes on their Backs. Scribner, 2008. 304 c.

11. Hawkins P. The Girl on the Train // royallib.com. URL: https://www.royallib.com/read/Hawkins_Paula/the_girl_on_the_train.html#1171 (data obrashhenija: 15.12.2019).

12. Kinsella S. Can You Keep a Secret? London: Black Swan, 2018. 381 c.

13. Parks A. Love Lies. Penguin Books, 2009. 512 c.

14. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. Harlow, 1999.

УДК 811.112.2’373: 616.31

Ю. В. Плоцкая **https://orcid.org/0000–0002–0583–638X**

Полисемия в немецком стоматологическом дискурсе

Для цитирования: Плоцкая Ю. В. Полисемия в немецком стоматологическом дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 187-193. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-187-193

В настоящее время всё большее внимание уделяется изучению терминологий и терминосистем различных областей знания. Несмотря на то, что медицинская терминология является одной из наиболее обширных, потребность в пополнении её лексического состава не исчезает, так как развитие науки и техники влечёт за собой появление новых технологий, новых средств и методов лечения, нового инструментария, которые необходимо номинировать.

Исследование посвящено проблеме наличия и функционирования многозначных терминов в немецком зубоврачебном лексиконе. Проблема допустимости явления полисемии в терминологии не решена в полной мере и остаётся открытой до настоящего времени, что обусловливает актуальность темы.

Цель статьи состоит в выявлении и подробном анализе терминов-полисемантов, функционирующих в исследуемой терминологии. В работе проведён анализ многозначных терминов, подробно исследованы источники возникновения полисемии в немецкой стоматологической терминологии, выделены характерные особенности терминов-полисемантов.

В статье представлена классификация полисемантических терминов, созданная на базе предложенных ранее и адаптированная к немецкой стоматологической терминологии. Классификация основана на структурных особенностях изучаемых терминов. При проведении исследования были использованы метод структурного анализа и статистический метод.

В результате тщательного анализа фактического материала автору удалось выявить, что явление терминологической полисемии достаточно широко распространено в исследуемой терминологии, а также установить, что наиболее эффективным источником возникновения многозначных терминов в немецкой терминологии стоматологии является сужение значения общеупотребительного слова. Завершая данную работу, автор высказывает предположение, что дальнейший терминогенез немецкой стоматологической терминологии будет идти, в том числе, по пути полисемии.

Ключевые слова: немецкая стоматологическая терминология, полисемия, многозначность, терминогенез, подъязык медицины, термин-полисемант, сужение значения.

Y. V. Plotskaya

Polysemy in German dental discourse

Currently, more and more attention is paid to the study of terminologies and terminological systems in various fields. Despite the fact that medical terminology is one of the most extensive, the need to replenish its lexical composition does not disappear, since the development of science and technology entails the emergence of new technologies, new means and methods of treatment, and new tools that need to be nominated.

The study is devoted to the problem of the presence and functioning of ambiguous terms in the German dental vocabulary. The problem of the admissibility of the phenomenon of polysemy in terminology is not fully resolved and remains open to date, which determines the relevance of the topic.

The purpose of the article is to identify and analyze in detail the polysemants functioning in the studied terminology. The paper analyzes the ambiguous terms, explores the sources of polysemy in German dental terminology in detail, highlights the characteristic features of polysemantic terms. The article presents a classification of polysemantic terms, created on the basis of previously proposed, and adapted to German dental terminology. The classification is based on the structural features of the terms being studied. During the study, the structural analysis method and the statistical method were used.

As a result of a thorough analysis of the factual material, the author was able to identify that the phenomenon of terminological polysemy is quite widespread in the terminology being studied, and also to establish that the most effective source for the emergence of ambiguous terms in the German terminology of dentistry is to narrow the meaning

© Плоцкая Ю. В., 2020

of a commonly used word. Concluding this work, the author suggests that the further terminogenesis of German dental terminology will be closely connected with polysemy.

Key words: German dental terminology, polysemy, ambiguity, terminogenesis, medicine sublanguage, polysemant, narrowing of meaning.

Актуальность проблемы многозначности термина обусловлена её дискуссионным характером. С одной стороны, в соответствии с нормативными требованиями, в термине должно быть заложено одно понятие. С другой стороны, многочисленные исследователи терминологий различных областей отмечают наличие в них терминологической полисемии. По утверждению Г. Рондо, в терминологии феномен полисемии не должен наблюдаться, так как теоретически у термина однозначное отношение между значением или понятием и лингвистической формой [Rondeau, 1984, S. 19]. К. Я. Авербух считает, что в сфере терминологии не существует полисемии в собственном смысле, так как термин не может иметь более чем одно значение в определённом контексте [Авербух, 2006, с. 80]. Как отмечает Л. Р. Сакаева, вопрос о допустимости в медицинской терминологии такого явления как полисемия представляется наиболее проблематичным [Сакаева, 2017, с. 113]. Е. В. Бекишева констатирует, что в терминологии медицины полисемия представлена исключительно разнообразно [Бекишева, 2017, с. 43]. Поскольку в терминологии семантическое значение термина устанавливается исключительно по отношению к конкретной системе (области знаний), частью которой он является, полисемия общелитературного языка в терминологии является омонимией [Cabré, 1998, с. 83, 186]. Лексические единицы общелитературного языка, пройдя процесс терминологизации, пополняют состав терминологии [Плоцкая, 2018, с. 189]. Говоря о требованиях к термину, А. В. Суперанская подчёркивает неизбежность полисемии в научной и, в особенности, в технической терминологии. Термин не может избавиться от материальной языковой формы, где наличествуют отношения полисемии, омонимии и синонимии [Суперанская, 2007, с. 44, 55]. К. Леман большое значение придаёт критическому рассмотрению многочисленных форм полисемии, так как в научной терминологии важно различать тесно связанные термины, даже если обычно они не разделяются. Особое внимание, по мнению учёного, должно уделяться системной полисемии [Lehman, 2020, S. 84]. Р. Арнцт рассматривает полисемию как терминологическую проблему и рекомендует по возможности её избегать [Arntz, 2014, S. 113]. Единство формы и значения, которое, как предполагается, характеризует терминологические единицы, оказывается идеалом, который следует искать, а не реальным явлением [Béjoint, 2000, S. 10], это происходит из-за постоянного обмена лексическими единицами между общелитературным языком и языками для специальных целей, а также обмена терминами между терминосистемами.

Границы между омонимией и полисемией размыты, многие исследователи разводят эти понятия. Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин рассматривают многозначные термины, относящиеся к разным терминологическим полям как междисциплинарные омонимы, полагая, что явления междисциплинарной омонимии не должны приниматься во внимание при работе с терминологиями, обслуживающими конкретные сферы профессиональной деятельности, так как они не затрудняют коммуникацию [Головин, 1987, с. 52]. Ю. В. Сложеникина определяет термины межсистемного функционирования как омонимы по их различной функционально-коммуникативной закреплённости, а наличие двух или более значений узкоспециального обозначения в пределах одного терминологического поля как факт полисемии [Сложеникина, 2016, с. 60]. П. А. Шмитт утверждает, что в терминологической работе полисемия является нормой, а омонимия – редким исключением, при этом различие омонимии и полисемии не играет роли в практической работе по терминологии и в наибольшей степени относится к исследованию истории терминологии [Schmitt, 2018, S. 173]. Такой же точки зрения придерживаются П. Древер и К.-Д. Шмитц, отмечая, что различие между омонимией и многозначностью вряд ли актуально для терминоведения или практической терминологической работы [Drewer, 2017, S. 19]. По мнению С. В. Гринёва-Гриневича, наличие в терминологии, как полисемии, так и омонимии можно считать установленным фактом. Общность их состоит в том, что одна лексическая форма

используется для названия нескольких разных понятий, но во втором случае эта разница либо недостаточно осознаётся, либо не осознаётся вообще [Гринёв-Гриневич, 2015, с. 57]. Для лексических единиц общелитературного языка характерно наличие нескольких значений, что вызывает два явления в зависимости от того, связаны ли эти значения отношениями родства или нет. В первом случае речь идет о полисемии, где отношения между понятиями конкретизируются, среди прочего, посредством метонимического сдвига или метафорического переноса. Если между содержанием вариантов, связанным с одной и той же формой, полностью утрачены семантические связи – это явление омонимии [Плоцкая, 2019, с. 226].

Е. И. Чупилина считает, что «в терминологии есть все виды полисемии. Типичные контекстуальные условия, свойственные терминологическому варианту, снимают многозначность и обеспечивают однозначное понимание высказывания» [Чупилина, 1972, с. 29]. Д. М. Вольфберг поддерживает эту точку зрения, отмечая, что контекст разделяет значения термина-полисеманта благодаря семантическим свойствам его окружения [Вольфберг, 2017, с. 76].

А. М. Соколова выделяет следующие источники возникновения полисемии в терминологии: 1) превращение общеупотребительного слова в термин путём сужения значения слова, следствием чего является общеязыковая и терминологическая полисемия; 2) развитие у термина других терминологических значений в рамках данной системы; 3) уточнение и изменение значения термина, вызванное развитием данного понятия и отражающее развитие производства, науки и техники; 4) изменение морфологической функции термина; 5) изменение синтаксической функции термина, в частности, при субстантивации глаголов и прилагательных и адъективации существительных; 6) употребление сокращённой формы термина [Соколова, 1985, с. 304–306].

При анализе фактического материала было установлено, что все вышеперечисленные источники представлены в немецкой стоматологической терминологии практически полностью, за исключением изменения морфологической функции термина. Кроме того, анализ фактического материала позволил выявить такой источник возникновения полисемантических терминов как заимствование англо-американского многозначного термина. Приведём примеры:

1. Превращение общеупотребительного слова в термин путём сужения значения слова: Hals – шея; горло; глотка; горлышко. В гинекологии используется в значении «шейка матки», в стоматологической терминологии, как «шейка зуба». Löffel – ложка (ст. прибор); черпак; ковш экскаватора; заячье ухо. Подвергнувшись терминологизации, оно сузило значение и стало обозначать «медицинская ложка, кюретка», а в ортопедической стоматологии – «ложка для снятия оттисков». Belag – настил, покрытие, облицовка, накладка, слой. В медицинской терминологии получило значение «налёт». В стоматологической терминологии имеет значения 1) Зубной налёт, 2) Отложение зубного камня, 3) Покрытие.

«Neben temporärem Zahnersatz, Bohrschablonen, kleinen Modellen können auch *Löffel* gedruckt werden» [Arnold, 2019, S. 239]. Наряду с временным зубным протезом, шаблонами для сверления, маленькими моделями также могут быть напечатаны ложки. (*Здесь и далее перевод наш* – Ю. П.)

Часто при сужении значения слово начинает функционировать в качестве термина в составе терминологического сочетания: Draht – в общеупотребительном значении: проволока, телефонный провод, телеграфный провод, дратва, жила. В медицинской терминологии оно сузило значение до «проволока, спица», а в стоматологической терминологии употребляется в значении «orthodontischer Draht» (проволока ортодонтическая). Feder – перо (птицы), перо (писчее), пух, пружина. В ортодонтии используется в терминосочетании «orthodontische Feder» (ортодонтическая пружина). Mischplatte – 1) Модельная плита; 2) Пластина для нанесения смеси. В стоматологической терминологии функционирует в терминосочетаниях «Mischplatte für Grundmasse» – лоток для смешивания основной массы, «Mischplatte für Grundmasse mit Deckel» – закрытый лоток для смешивания основной массы.

2. Развитие у термина других терминологических значений в рамках данной системы. Opaker (опакер) – 1. Холоднополимеризующаяся пластмасса; 2. Основная масса в керамике для облицовки металла. Adenosis (аденоз) – 1. развитие тканей железы; 2. аденопатия, болезненное состояние железы; Brennen – 1. гангрена; 2. прижигание

каутером; 3. кальцинирование.

«Nun wurden Silikonvorwälle hergestellt und beschnitten, die Sättel des Stahlgerüstes wurden mit rosa *Opaker* bemalt» [Horn, 2019, S. 498]. Силиконовые стенки были изготовлены и обрезаны, сёдла стального каркаса (зубного протеза) были облицованы розовым опакером.

3. Уточнение и изменение значения термина. Термин «Alveolarpyorrhö» (альвеолярная пиорея) обозначал все воспалительные процессы в пародонте. В настоящее время в ходе развития медицинского знания он сузил значение и используется для следующих обозначений: 1. Истечение гноя из десневого кармана; 2. Системное поражение пародонта. Термин «Parodontose» (пародонтоз) ранее употреблялся для обозначения всех форм заболевания дёсен. В настоящее время он обозначает болезнь, характеризующуюся прогрессирующей резорбцией костной ткани зубных альвеол, воспалением дёсен и расшатыванием зубов. Термин «Halitosis» в стоматологии ранее обозначал: 1. Неприятный запах изо рта, связанный с заболеваниями ротовой полости; 2. Неприятный запах изо рта, связанный с патологиями внутренних органов. На современном этапе используется для обозначения галитоза любой этиологии.

«Eine weitere häufige intraorale Ursache für Halitosis sind die marginalen Parodontitiden» [Ehrhardt, 2019, S. 9]. Другой распространённой внутриротовой причиной неприятного запаха изо рта являются маргинальные пародонтиты.

4. Изменение синтаксической функции термина. Глагол ablösen – шлифовать, отделять (зуб от альвеолы), нарушить адгезию. Существительное Ablösen имеет значения: 1. Отделение; 2. Шлифование; 3. Отслаивание. Anpassen – 1. Подгонять, подстраивать, приспосабливать. Anpassen – приспособление. Ansetzen – 1. Связывать, фиксировать; 2. Препарировать, подготавливать. Ansetzen – 1. Фиксация; 2. Препарирование, подготовка.

«Die einzelnen Profile lassen sich einfach individuell anpassen» [Wegerie, 2020, S. 84]. Отдельные профайлы могут быть легко подогнаны индивидуально.

5. Употребление сокращённой формы термина: Art – Articulation 1. Сочленение, сустав; 2. Пространственное соотношение зубных рядов при движении нижней челюсти; 3. Артикуляция, членораздельное произношение. Atr – Atrophie 1. Атрофия, уменьшение размеров клеток, тканей и органов; 2. Сильное истощение; 3. Атрофия в возрасте грудного ребёнка. Br – Brücke 1. Мост; 2. Зубной мост; 3. Варолиев мост, отдел головного мозга.

«Die Gelenkkörper der *Art.* temporomandibularis werden von der Gelenkpfanne und dem Gelenkkopf gebildet» [Schünke, 2000, S. 428]. Суставное тело височно-нижнечелюстного сустава состоит из суставной ямки и суставной головки.

6. Заимствование многозначного англо-американского термина. Например, термин «Display» был заимствован из английского языка с несколькими значениями: 1. Эффективная реклама, поддержка продаж, выставление товаров; 2. Устройство или компонент для оптического отображения информации в виде цифр, букв, символов или тому подобного. Подвергнувшись терминологизации, этот термин изменил значение: в молекулярной медицине он стал обозначать «Antikörper-display-Techniken» (техника фагового дисплея); в стоматологии – видимые части зубов и дёсен при улыбке. «Bonding» имеет значения: 1. В стоматологии клеящее или связывающее вещество для специальных пломб; 2. В социальной психологии – межличностная связь; «Attachment» вошло в общеупотребительную лексику со значением «вложение, прикреплённое к электронному письму», в стоматологической терминологии термин имеет значения: 1. В пародонтологии – соединение соединительной ткани зуба с альвеолой зуба с участием периодонта; 2. В ортодонтии – общее обозначение вспомогательных средств (брекетов, проволоки), которые прикреплены либо напрямую к зубу, либо к дуге; 3. У съёмных зубных протезов этим термином обозначают крепёжные элементы. «Carver» имеет общеупотребительные значения: 1. Резчик, тот, кто занимается резьбой; 2. а) специальные лыжи для карвинга, б) сноуборд для карвинга. В стоматологии используется для обозначения инструмента для выглаживания поверхности.

«Allerdings darf auch mit Kompositen oder modifizierten Glasionomerzementen nicht in die Zone des bindegewebegen Attachments eingegriffen werden» [Cujé, 2017, S. 417]. Однако даже с композитами или модифицированными стеклоиономерными цементами нельзя вмешиваться в зону прикрепления соединительной ткани.

Рассматривая многозначные термины с точки зрения их структуры, можно выделить следующие виды:

Однословные термины. Анализ показал, что отношения полисемии очень часто возникают у глаголов, например, brennen – 1. Жечь; 2. Обжигать; 3. Гореть; 4. Щипать; 5. Сгорать. В стоматологической терминологии этот глагол используется в значениях: 1. Обжигать (керамику); 2. Кальцинировать (гипс). Abbauen – 1. Сносить, демонтировать; 2. Снижать (цены); 3. Упразднять; 4. Сокращать; 5. Добывать (ископаемые). В стоматологическую терминосистему глагол вошёл со значениями: 1. Атрофироваться; 2. Разлагаться (на составные части). Abbinden – 1. Отвязывать, снимать; 2. Перевязывать (сосуды). В стоматологии abbinden имеет значения 1. Терять подвижность (сустава); 2. Твердеть, затвердевать (гипс).

Терминосочетания. Необходимо отметить, что полисемантичный термин в составе словосочетания утрачивает многозначность, так как само терминосочетание и является минимальным контекстом, обусловливающим значение входящего в него термина: Apparat – 1. Аппарат, приспособление; 2. Прибор, механизм; 3. (анат.) Система органов. Golgi-Apparat – комплекс Гольджи; Apparat-Masken-Narkose – аппаратно-масочный наркоз. Band – 1. Лента; 2. (анат.) Связки; 3. Конвейер; 4. Магнитофонная плёнка. В медицинской терминологии: 1. Повязка; 2. Бандаж. В стоматологической терминологии в составе терминологического сочетания orthodontisches Band – ортодонтическое кольцо. Osteomyelitis в медицинской терминологии обозначает воспаление костного мозга. В терминосочетании Osteomyelitis mit eosinophiler Reaktion – эозинофильная гранулёма челюстных костей.

Сокращённые термины. Отношения полисемии возникают в результате одновременного функционирования в терминологии многозначных аббревиатур и сокращений: KAI – 1. Kauflächen / Außenseiten / Innenseiten – жевательные поверхности, наружные поверхности, внутренние поверхности (зубов), метод чистки зубов KAI; 2. Katheter-assoziierte Infektion – катетер-ассоциированная инфекция. LKG – 1. Lippen-Kiefer-Gaumen [-Spalte] – (расщелина) губы-челюсти-нёба; 2. Lipokalzinogranulomatose – липокальциногранулёматоз. PB – 1. Palatinalbogen – нёбная дуга; 2. Parodontitisbehandlung – лечение пародонтита; 3. Prämolarenbreite – ширина премоляра; 4. Passive Bewegung – пассивное движение.

Проведённый анализ немецких стоматологических терминов позволил установить, что явление полисемии широко распространено в немецкой терминологии стоматологии 16 % (976 терминоединиц – далее ТЕ) от всей выборки примеров (6100 ТЕ) являются многозначными. Структурный анализ терминов-полисемантов позволил выявить следующие виды: однословные термины, многокомпонентные термины-словосочетания, сокращённые термины. Многозначные сокращённые термины составляют 19 % (186 ТЕ). Англо-американские заимствования термина с несколькими значениями насчитывают 16 % (156 ТЕ). Развитие у термина других значений в рамках данной терминосистемы повлекло за собой образование терминов-полисемантов в количестве 12 % (117 ТЕ). Термины, образованные в результате изменения их синтаксической функции, составляют 7 % (68 ТЕ). Уточнение значения термина способствовало образованию 3 % (29 ТЕ) многозначных терминов. Наиболее часто полисемантический термин возникает в результате сужения значения общеупотребительного слова – 43 % (420 ТЕ), что позволяет прогнозировать дальнейшее пополнение немецкой стоматологической терминологии за счёт образования многозначных терминов. Сопоставление лексико-семантических вариантов многозначного термина позволяет проследить изменения в профессиональной языковой картине мира специалиста-стоматолога.

Библиографический список

1. Авербух К. Я. Общая теория термина Москва : Изд-во МГОУ, 2006. 252 с.

2. Бекишева Е. В. Эволюция лингвистического учения о многозначности и медицинская терминология / Е. В. Бекишева, А. А. Грошева // Вестник ЮУрГУ. 2017. Т. 14, № 1. С. 41–47.

3. Вольфберг Д. М. Полисемия и омонимия в английской медицинской терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 3 (69) : в 3-х ч. Ч. 2. С. 74–78.

4. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. Москва : Высш. шк., 1987. 104 с.

5. Гринёв-Гриневич С. В. Полисемия в общеупотребительной и специальной лексике / С. В. Гринёв-Гриневич, Э. А. Сорокина // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. 2015. № 4. С. 51–64.

6. Плоцкая Ю. В. Лексико-семантический способ терминогенеза в немецкой стоматологической терминологии // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы

международ. науч.-практ. конф. Омск, 2018. С. 188–191.

7. Плоцкая Ю. В. Омонимия в немецкой стоматологической терминологии // Язык науки и техники в современном мире : Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 225–229.

8. Сакаева Л. Р. Полисемия и омонимия в медицинской терминологии (на материале нозологических терминов английского и русского языков) / Л. Р. Сакаева, Л. В. Базарова, Э. Н. Гилязева // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. : Гуманит. и соц. науки. 2017. № 6. С. 111–120.

9. Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. Москва : Книжный дом Либроком, 2016. 120 с.

10. Соколова А. М. К вопросу о многозначности термина (на примере экономического термина) // Научная литература. Язык, стиль, жанры : сб. статей / отв. ред. М. Я. Цвиллинг. Москва : Наука, 1985. С. 301–311.

11. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская. Москва : ЛКИ, 2007. 256 с.

12. Чупилина Е. И. Место термина в лексико-семантической системе языка // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж : Наука, 1972. С. 28–29.

13. Arntz R. Einführung in die Terminologiearbeit / R. Arntz, H. Picht, F. Mayer. Hildesheim : Olms, 2014. 331 S.

14. Arnold Kh. Update 3D-Drucker und -Materialien // Zahntechnik Magazin. 2019. № 3. S. 232–239.

15. Béjoint H. Le Sens des termes / H. Béjoint, Ph. Thoiron // Le sense en términologie. Lyon : Presses universitaires de Lyon, 2000. S. 5–20.

16. Cabré M. T. La terminologie. Théorie, méthode et applications. Ottawa : Les Presses de l'Université d'Ottawa, 1998. 322 p.

17. Cujé J. Proximal Box Elevation / J. Cujé, J. Behring // Endodontie. 2017. Vol. 26 (4). S. 417–422. URL: https://www.behring-und-partner.de/fileadmin/quintessenz-_endodontie/endo1_201704.pdf (Date of access 31.03.2020).

18. Drewer P. Terminologiemanagement / P. Drewer, K.-D. Schmitz. Berlin : Springer-Verlag, 2017. 239 S.

19. Ehrhardt J. M. Überprüfung des Mundgeruchs bei Patienten der Mund-, Kiefer- und Gesichtschirurgie. Mainz, 2019. 76 S.

20. Horn I. A. Gesellenprüfung in Nürnberg: das ganze Können im Gebiet der restaurierenden Zahnheilkunde zeigen // Zahntechnik Magazin. 2019. № 7. S. 498–503.

21. Lehman H. Interlinguale grammatische Begriffe // Grammatik und Terminologie: Beiträge zur ars grammatica 2017. Tübingen : Narr Francke Attempto, 2020. S. 71–105.

22. Rondeau G. Introduction à la terminologie. Chicoutimi, Québec : G. Morin, 1984. 238 p.

23. Schünke M. Funktionelle Anatomie – Topographie und Funktion des Bewegungssystems. Berlin : Georg Thieme Verlag, 2000. 478 S.

24. Schmitt P. A. Trumps Kravatte oder: von Kabelstrippen zu Kravattenstreifen – ein terminologisches Hendiadyoin // Verschmitz! Von Terminologie und Terminologen. Berlin : Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2018. S. 173–205.

25. Wegerie M. Modellguss: Bereit für die Zukunft // Zahntechnik Magazin. 2020. № 2. S. 81–86.

References List

1. Averbuh K. Ja. Obshhaja teorija termina = General theory of a term.Moskva : Izd-vo MGOU, 2006. 252 s.

2. Bekisheva E. V. Jevoljucija lingvisticheskogo uchenija o mnogoznachnosti i medicinskaja terminologija = The evolution of linguistic study about polysemy and medical terminology // Vestnik JuUrGU. 2017. T. 14, № 1. S. 41–47.

3. Vol'fberg D. M. Polisemija i omonimija v anglijskoj medicinskoj terminologii = Polysemy and homonymy in the English medical terminology // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2017. № 3 (69) : v 3-h ch. Ch. 2. C. 74–78.

4. Golovin B. N. Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah = Linguistic basics of the study of terms / B. N. Golovin, R. Ju. Kobrin. Moskva : Vyssh. shk., 1987. 104 s.

5. Grinjov-Grinevich S. V. Polisemija v obshheupotrebitel'noj i special'noj leksike = Polysemy in common and special words / S. V. Grinjov-Grinevich, Je. A. Sorokina // Vestnik MGOU. Serija Lingvistika. 2015. № 4. S. 51–64.

6. Plockaja Ju. V. Leksiko-semanticheskij sposob terminogeneza v nemeckoj stomatologicheskoj terminologii = Lexico-semantic method of termogenesis in German dental terminology // Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Omsk, 2018. S. 188–191.

7. Plockaja Ju. V. Omonimija v nemeckoj stomatologicheskoj terminologii = Homonymy in German dental terminology // Jazyk nauki i tehniki v sovremennom mire : Materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Omsk, 2019. S. 225–229.

8. Sakaeva L. R. Polisemija i omonimija v medicinskoj terminologii (na materiale nozologicheskih terminov anglijskogo i russkogo jazykov) = Polysemy and homonymy in medical terminology (on the material of nosological terms of the English and Russian languages) / L. R. Sakaeva, L. V. Bazarova, Je. N. Giljazeva // Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser. : Gumanit. i soc. nauki. 2017. № 6. S. 111–120.

9. Slozhenikina Ju. V. Osnovy terminologii: Lingvisticheskie aspekty teorii termina = The basics of terminology: Linguistic aspects of the theory of a term. Moskva : Knizhnyj dom Librokom, 2016. 120 s.

10. Sokolova A. M. K voprosu o mnogoznachnosti termina (na primere jekonomicheskogo termina) = To the question of polysemy of a term (on the example of an economy term) // Nauchnaja literatura. Jazyk, stil', zhan-

ry : sb. statej / otv. red. M. Ja. Cvilling. Moskva : Nauka, 1985. S. 301–311.

11. Superanskaja A. V. Teorija i metodika onomasticheskih issledovanij = The theory and methodology of onomastic researches / A. V. Superanskaja, V. Je. Staltmane, N. V. Podol'skaja. Moskva : LKI, 2007. 256 s.

12. Chupilina E. I. Mesto termina v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka = The place of the term in a lexico-semantic system of the language // Voprosy terminologii i lingvisticheskoj statistiki. Voronezh : Nauka, 1972. S. 28–29.

13. Arntz R. Einführung in die Terminologiearbeit / R. Arntz, H. Picht, F. Mayer. Hildesheim : Olms, 2014. 331 S.

14. Arnold Kh. Update 3D-Drucker und -Materialien // Zahntechnik Magazin. 2019. № 3. S. 232–239.

15. Béjoint H. Le Sens des termes / H. Béjoint, Ph. Thoiron // Le sense en términologie. Lyon : Presses universitaires de Lyon, 2000. S. 5–20.

16. Cabré M. T. La terminologie. Théorie, méthode et applications. Ottawa : Les Presses de l'Université d'Ottawa, 1998. 322 p.

17. Cujé J. Proximal Box Elevation / J. Cujé, J. Behring // Endodontie. 2017. Vol. 26 (4). S. 417–422. URL: https://www.behring-und-partner.de/fileadmin/quintessenz-_endodontie/endo1_201704.pdf (Date of access 31.03.2020).

18. Drewer P. Terminologiemanagement / P. Drewer, K.-D. Schmitz. Berlin : Springer-Verlag, 2017. 239 S.

19. Ehrhardt J. M. Überprüfung des Mundgeruchs bei Patienten der Mund-, Kiefer- und Gesichtschirurgie. Mainz, 2019. 76 S.

20. Horn I. A. Gesellenprüfung in Nürnberg: das ganze Können im Gebiet der restaurierenden Zahnheilkunde zeigen // Zahntechnik Magazin. 2019. № 7. S. 498–503.

21. Lehman H. Interlinguale grammatische Begriffe // Grammatik und Terminologie: Beiträge zur ars grammatica 2017. Tübingen : Narr Francke Attempto, 2020. S. 71–105.

22. Rondeau G. Introduction à la terminologie. Chicoutimi, Québec : G. Morin, 1984. 238 p.

23. Schünke M. Funktionelle Anatomie – Topographie und Funktion des Bewegungssystems. Berlin : Georg Thieme Verlag, 2000. 478 S.

24. Schmitt P. A. Trumps Kravatte oder: von Kabelstrippen zu Kravattenstreifen – ein terminologisches Hendiadyoin // Verschmitz! Von Terminologie und Terminologen. Berlin : Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2018. S. 173–205.

25. Wegerie M. Modellguss: Bereit für die Zukunft // Zahntechnik Magazin. 2020. № 2. S. 81–86.

Романские языки

УДК 811.133.1

Ю. В. Бутько **https://orcid.org/0000–0001–7108–0878**

Взаимодействие вербальных и невербальных компонентов в креолизованных текстах Жана Эффеля

Для цитирования: Бутько Ю. В. Взаимодействие вербальных и невербальных компонентов в креолизованных текстах Жана Эффеля // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 194-203.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-194-203

Креолизованные тексты получают все большее распространение в современной коммуникации. Особую роль данный тип текста играет в создании комического эффекта в юмористических рисунках – карикатурах, на материале которых выполнено данное исследование. В работе проведен анализ 100 работ французского карикатуриста Жана Эффеля из серии «Сотворение мира». Цель работы – изучить механизм взаимодействия лингвистического и визуального компонентов юмористического креолизованного текста в процессе создания комического эффекта.

Креолизация – это комбинирование средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности. Вербальные и визуальные знаки в креолизованном тексте находятся в постоянном взаимодействии, синтезируются в один «специфический язык», который предполагает их гармоничное сочетание, где в отрыве друг от друга они теряют свою самостоятельность как коммуникативные единицы. Особый интерес для исследователя представляет юмористический креолизованный текст, где картинка и подпись к ней сочетаются особенно эффективно для создания искомого комического эффекта. Существенная роль в карикатуре отведена тексту, усиливающему его сатирическую остроту.

При анализе подписей к карикатурам были выявлены следующие средства создания комического эффекта: 1) общекомические, или невербальные, не зависящие от конкретного языка, – нарушение пресуппозиции, анахронизм и метафорический перенос; 2) языковые, или вербальные средства, – двойная актуализация устойчивой единицы, каламбур.

В проанализированных примерах механизм комического эффекта, произведенного с помощью данных приемов, запускается лишь при рассмотрении картинки. Следовательно, креолизация обостряет наше восприятие юмора и помогает еще раз осмыслить место человека в мире, основные проблемы современности. Следует также упомянуть о карнавализации важнейших ценностей, которая помогает человеку сохранять душевное здоровье и с надеждой смотреть в будущее.

Ключевые слова: креолизация**,** креолизованный текст, комический эффект, юмор, языковая игра, полная креолизация, карнавализация.

Romance languages

Y. V. Butko

The interaction of verbal and non-verbal components in creolized texts of Jean Effel

Creolized texts are becoming more common in modern communication. This type of text plays a special role in creating a comic effect in humorous drawings – caricatures, on the material of which this study was performed. We analyzed 100 works of the French cartoonist Jean Effel from the «Creation of the World» series. The purpose of the work is to study the mechanism of interaction of the linguistic and visual component of a humorous creolized text in the process of creating a comic effect.

Creolization is a combination of means of different semiotic systems in a complex that meets the condition of textuality. The verbal and visual signs in the creolized text are in constant interaction, synthesized into one «specific language», which suggests their harmonious combination, where, in isolation from each other, they lose their independence as communicative units. A humorous creolized text where the picture and signature are combined especially effectively to create the desired comic effect makes particular interest to the researcher . A significant role in the caricature is given to the text, enhancing its satirical sharpness. When analyzing the texts of caricature signatures,

© Бутько Ю. В., 2020

the following means of creating a comic effect were revealed: 1) general comic, or non-verbal, independent of a particular language: violation of presupposition, anachronism and metaphorical transfer; 2) linguistic or verbal means: double actualization of a ready-made unit, a pun.

In the analyzed examples, the mechanism of the comic effect produced using these techniques appeares only when the picture is examined. Consequently, creolization sharpens our perception of humour and helps comprehend the place of a person in the world, the main problems of our time. We should also talk about the carnivalization of the most important values, which helps a person maintain mental health and look forward to the future.

Key words: creolization, creolized text, comic effect, humor, pun, complete creolization, carnivalization.

Введение

С древних времен человек воевал, торговал и … рисовал. Наскальные рисунки древних людей поражают своей экспрессией. С появлением естественного языка рисунок и текст объединились человеческой цивилизацией, чтобы оказывать еще более сильный эффект на своего адресата, чем прежде, по отдельности. Родился так называемый креолизованный текст. Креолизованные тексты получают все большее распространение в современной коммуникации и являются одним из наиболее успешных ее средств. Справедливым представляется стремление лингвистов более детально изучить отношения, устанавливающиеся между компонентами креолизованных текстов, раскрытие интертекстуальных связей и стилистической конвергенции в процессе креолизации [Колтышева, 2008, с. 172].

Особую роль данный тип текста играет в создании комического эффекта в юмористических рисунках – карикатурах, на материале которых выполнено данное исследование. В работе проведен анализ 100 работ французского карикатуриста Жана Эффеля из серии «Сотворение мира» [Жан Эффель, 1983, с. 28]. В настоящее время различные аспекты комических текстов исследуются достаточно интенсивно [Бутько, 2005; Бутько, 2007; Зализняк, 2007]. Большое количество работ посвящено лингвистическому аспекту изучения юмора (игре слов и другим стилистическим приемам [Мечковская, 2007; Санников, 2002], говорящим именам, иронии, пародии, парадоксу, нонсенсу), национально-культурному аспекту юмора [Кулинич, 2004], юмору в образовании, теории познания, средствах массовой коммуникации, юмору в искусстве [Бородина, 2015; Карасик, Карасик, 2001]. Вместе с тем креолизованному юмористическому тексту и его лингвистическому компоненту в исследовательской литературе не уделялось достаточно внимания, с данным фактом связана актуальность настоящей работы, цель которой – **изучить механизм взаимодействия лингвистического и визуального компонентов юмористического креолизованного текста в процессе создания комического эффекта.**

Поставленная цель потребовала решения ряда задач:

− изучить понятие креолизованного текста;

− кратко очертить особенности французского юмора и творчества Жана Эффеля;

− проанализировать языковые средства создания комического эффекта в подписях к карикатурам в сочетании с невербальными элементами.

Креолизованный текст, юмор и средства создания комического эффекта

Креолизация – это комбинирование средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности. К средствам креолизации вербальных текстов относятся изобразительные компоненты, оказывающие существенное влияние на интерпретацию текста. К креолизованным компонентам также относятся средства орфографии, шрифт, цвет, пунктуации, фон текста, иконические печатные символы, графическое оформление вербального текста и т.п. [Анисимова, 2003, с. 98].

Термин «креолизованный» был предложен отечественными лингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым для обозначения текстов, организованных комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем [Сорокин, Тарасов, 1990].

Креолизованный текст – это текст, состоящий из знаков различных систем: языковых (вербальных знаков) и невербальных, то есть знаков, принадлежащих к другим семиотическим системам, «к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [Сорокин, Тарасов, с. 56]. В современном обществе наряду с вербальными все чаще используются иконические знаки. В качестве примера использования вербальных и

иконических знаков в едином плане текста можно привести тексты средств наглядной агитации и пропаганды, печатную рекламу, тексты телевидения, комиксы и т. п., где необходимо различать собственно словесный текст и визуальный текст. Под словесным текстом понимается графически зафиксированная речь, организованная в соответствии с грамматическими правилами используемого языка. Под визуальным текстом понимается графическое исполнение словесного текста, что включает графическое членение текста, использование различных гарнитур шрифта, а также наглядный материал иллюстративного или иного характера» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 35]. В результате взаимодействия этих компонентов креолизованный текст становится сложным текстовым образованием, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата [Ворошилова, 2006, с. 184]. О. А. Корда в своем исследовании доказывает, что на настоящем этапе развития лингвистической науки довольно подробно разработана теория собственно креолизованного текста в разных сферах коммуникации, преимущественно в рекламе. Креолизованный текст изучается как социально-творческий продукт [Корда, 2013, с. 344].

Паралингвистические элементы, включающие иконические компоненты (фотографии, рисунки, цвет, макетирование) и графический компонент, в составе которого функционируют параграфемные элементы, вступают в сложное взаимодействие с вербальным компонентом и создают единые информационные комплексы вербально-невербальной природы [Цит.по: Колтышева, 2008, с. 169]. По мнению Е. Ю. Колтышевой, вербальные и визуальные знаки в креолизованном тексте не просто сосуществуют – они находятся в постоянном взаимодействии, синтезируются в один «специфический язык», который предполагает их гармоничное сочетание. Поэтому важно включить неязыковые элементы в общую структуру текста и исследовать не только свойства отдельных компонентов (вербальных и визуальных), но и отношение их друг к другу, особенности их сочетаемости и включения в единую иерархическую семантико-смысловую структуру креолизованного текста. Они настолько тесно взаимосвязаны и структурно взаимообусловлены, что их нельзя рассматривать иначе, как особое коммуникативное и структурно-смысловое объединение, которое автор называет креолизованной диктемой (КД). КД – видеовербальный комплекс, построенный на взаимосвязи вербальной и изобразительной составляющих [Колтышева, 2008, с. 170]. Вне соотнесения вербального компонента с изображением сообщение, передаваемое КД, не может быть правильно понято и адекватно интерпретировано адресатом, а следовательно, комический эффект будет реализован лишь сочетанием графического образа и подписи. Функционируя в едином семантическом пространстве, взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический компоненты сообщения обеспечивают целостность и связность креолизованного текста, его коммуникативный эффект. Таким образом, в процессе восприятия реципиентом креолизованного текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации, в результате чего создается единый общий концепт (смысл) креолизованного текста [Удод, 2013].

При попытках построения типологии креолизованного текста исследователи рассматривали отдельные критерии взаимоотношений вербального и невербального компонентов в его составе. В зависимости от роли изображения выделяются три вида текстов:

1) текст с нулевой креолизацией, где изобразительный компонент не представлен, текст является чисто вербальным;

2) текст с частичной креолизацией, где вербальная часть относительно автономна, независима от изображения, обладает смысловой самостоятельностью вне соотнесения с изобразительной частью и может существовать без нее [Анисимова, 2003, с. 49]. Вербальные и иконические компоненты вступают в автосемантические отношения, изобразительные элементы текста оказываются факультативными. Такое сочетание нередко можно встретить в газетных, научно-популярных и художественных текстах [Валгина, 2003, с. 148];

3) текст с полной креолизацией, где вербальная часть не может существовать автономно, независимо от изображения, носящего облигаторный характер; вне изображения она утрачивает свою смысловую целостность, становится непонятной или не может быть правильно истолкована [Анисимова, 2003, с. 49]. Большая спаянность, слияние компонентов ведет к установлению между вербальным и

иконическим компонентами синсемантических отношений. Такая зависимость обычно наблюдается в научных и научно-технических текстах, в рекламе, в произведениях жанра *плакат и карикатура* [Валгина, 2007, с. 148].

Особый интерес для исследователя представляет юмористический креолизованный текст, где картинка и подпись к ней сочетаются особенно эффективно для создания искомого комического эффекта.

Сфера комического и юмор – это одна из древнейших форм человеческой культуры, которая исследуется в рамках философии, лингвистики, социологии, литературоведения, психологии, культурологии и других гуманитарных наук.

По словам исследователь английского и русского юмора М. А. Кулинич, данный феномен наряду с даром речи и математическими способностями является отличительной чертой человеческого рода [Кулинич, 2004, с. 9]. Считается, что современный цивилизованный человек слишком трезв и прагматичен для саг, былин и сказок: насмешливая тональность превалирует среди его ментальных состояний» [Кулинич, 2004, с. 197]. В. И. Карасик причисляет юмор к числу культурных концептов: «Будучи культурным концептом, юмор обладает ценностными характеристиками, он связан с ключевыми жизненными ориентирами» [Карасик, Карасик, 2001, с. 156]. По мнению Л. Стефанковой, юмор может

− получать как вербальную, так и невербальную реализацию;

− быть результатом субъективного опыта говорящей личности или служить определенным коммуникативным целям;

− основываться на событиях повседневной реальности или быть плодом авторского вымысла и воображения [Стефанкова, 2011, с. 139].

Несмотря на многогранность явлений комизма и юмора, трудности их исчерпывающего определения, можно выделить две группы способов выражения юмора: 1) юмор в слове (языковой юмор), к которому относят производные слова, сложные слова, слова-слитки, аббревиатуры и акронимы, индивидуально-авторские графические сокращения, лексическое просторечие, трансформированные паремии (подробнее см. [Бутько, 2007]; 2) юмор ситуации (невербальный юмор), к когнитивно-семантическим и прагматическим характеристикам которого следует отнести транспозицию, взаимодействие фреймов и т.п. Чаще всего юмор имеет в качестве основы обманутое ожидание, эффект неожиданности. Последний может реализоваться в нарушении логики: *Эй вы, трое, оба ко мне!* (армейский юмор). Часто в шутках обыгрываются пресуппозиции. В каждой фразе есть подразумеваемый смысл. Если у собеседников эти подразумеваемые смыслы – пресуппозиции – расходятся, диалог может звучать комично: *Как-то за обедом Екатерина II предложила тост за здоровье честных людей. Все выпили, воздержался лишь граф Разумовский. Екатерина заметила это и спросила, почему он не хочет пожелать здоровья честным людям, на что он ответил: «Боюсь, мор будет, государыня»* [Энциклопедия … , 2001, с. 533].

Юмор ситуации, или невербальные средства создания комического эффекта подробно анализируются в исследовательской литературе [Санников, 2002; Стефанкова, 2011; Юрьева, 2017]. Среди невербальных приемов исследователь социальной рекламы Е. В. Юрьева выделяет: – эффект обманутого ожидания, сравнение по неявному признаку, абсурд, пародия, метафора, гиперболизация, намек, остроумие нелепости, неудача вследствие физического или нравственного недостатка, введение обнаженной натуры [Юрьева, 2017, с. 25].

Одним из главных юмористических богатств языка считается многозначность слов и выражений [Санников, 2002]. Намеренное использование многозначности для создания игры смыслов называют каламбуром. Подробно о явлении языковой игры см. [Guiraud, 1976, Бутько, 2007; Héber, 1993; Henry, 1993]. Каламбур – один из самых известных видов языковой игры. Часто шутки такого рода требуют не только чувства юмора, но и чувства языка, в том числе для лингвистического анализа и перевода. Различные виды многозначности использованы и в подписях к анализируемым карикатурам Ж. Эффеля.

Французский юмор и смеховая культура

Французский юмор имеет многовековые традиции. Смеховая культура Франции восходит к 14 веку, когда епископ Шартрский Жан Лефевр первым употребил слово «эпиграмма», пришедшее из Древней Греции. И в течение двух веков она постепенно утверждалась во Франции и в новой европейской поэзии стала сатирическим стихотворением [Антология … , 2006, с. 5–6].

Проблеме анализа юмора во Франции с различных позиций уделяется достаточно много внимания французскими исследователями, среди которых

H. Bergson, A. Corbellary, J. Henry, P. Charaudeau, [Bergson, 1954; Corbellary, 1999; Henry, 1993; Charaudeau, 2015]. А. Эбер [Héber, 1993] отводит важное место в создании комического эффекта явлению игры слов. Автор различает *каламбур* и *парономазу*, отличающиеся своей реализацией в речи: каламбур возникает при звуковом сближении слов, относящихся к разным синтаксическим классам, парономазия – при сближении слов, относящихся к одному и тому же синтаксическому классу. Элементы игры слов не всегда находятся рядом. Иногда их можно обнаружить в более широком контексте, может меняться порядок их появления, наконец, один из них может подразумеваться. По наличию или отсутствию одного из элементов каламбуры делятся на фигуры «in praesentia» и «in absentia» в зависимости от операции, лежащей в их основе: в первом случае происходит присоединение означающих, во втором – их субституция: *Vous m'avez fait connaitre un jeune homme roux et sot et non pas un Rousseau* – каламбур «in praesentia»*: roux + sot = Rousseau*; *Campagne pour un grand Champagne* (Журнал «Elle») – парономазия «in praesentia»; *Le temps est bon à mettre en cage, c'est-à-dire sérin* – каламбур «in absentia»: один омофон заменяется другим: *sérein – sérin; L'horreur est humaine* – парономазия «in absentia»*: erreur-horreur* [Héber, 1993, с. 111–114].

Многие из вышеперечисленных приемов создания комического эффекта реализуются через художественные (графические) средства. Сочетание вербальных и невербальных приемов позволяет достичь наибольшей юмористической реализации, что и наблюдается на материале нашего исследования – карикатуре.

Словарь Larousse дает следующее определение карикатуры: «Карикатура (итал. Caricatura, от caricature – нагружать, преувеличивать) – рисунок, изображение, создающее деформированный, смешной образ кого-либо или чего-либо» [Le Petit Larousse, 2005, с. 206]. Согласно Большой Российской Энциклопедии, термин «карикатура» был впервые использован Аннибале и Агостино Карраччи в конце XVI века применительно к изображениям откровенно гротескного характера. Становление жанра карикатуры можно отнести к началу XVI века; её широкое распространение приходится на время Реформации и Крестьянской войны 1524–1526 годов в Германии. В дальнейшем расцвет карикатуры также совпадает с периодами крупных общественно-политических потрясений – Тридцатилетней войной 1618–1648 годов, революциями XVI–XVIII века в Нидерландах, Англии, Франции. Существенная роль в карикатуре отведена тексту, расширяющему смысл изображения, усиливающему его сатирическую остроту. С 19 в. развитие карикатуры тесно связано с публицистикой и её социально-политическими устремлениями: постоянное сотрудничество художников с журналами и газетами стало обычной формой их творческой деятельности. Формы, стили и жанры карикатуры бесконечно разнообразны. Она комментирует и интерпретирует самые острые проблемы международной жизни, веселит смешными шутками и в то же время высмеивает различные человеческие пороки [Карикатура, 2019].

Несмотря на то, что «золотой» век сатиры и карикатуры – век великих европейских революций давно ушел, тем не менее, в печатных изданиях современной Франции сатирический жанр остается весьма востребованным и успешным. Достаточно вспомнить знаменитые издания «Le canard enchaîné», «CharlieHebdo» и т.п.

Практическим материалом для данного исследования послужили карикатуры и подписи к ним Жана Эффеля – выдающегося французского карикатуриста. Его настоящее имя – Франсуа Лежён. Художник родился в 1908 году в Париже. В юном возрасте он увлекся драматургией, пробовал свои силы в живописи, однако успех пришел в 1933 году, после серии карикатур, которые он создал для сатирического издания «Le Canard enchaîné». За свою творческую жизнь Ж. Эффель сотрудничал с 188 периодическими изданиями [Жан Эффель, 1983, с. 8]. С теоретическим осмыслением наследия художника можно познакомиться в работах Ф. Робишона [32], С. Володиной [Цит.по: Жан Эффель, 1983, с. 5–59] и др.

Эффель работал много, увлеченно и продуктивно. Сначала художник выбирал сюжет, потом придумывал подпись, затем рисунок. По его словам, идеальный текст должен состоять из 4–5 слов. Поскольку рисунки без слов занимают очень незначительное место в творчестве художника, Жана Эффеля называют «главой» литературной традиции в карикатуре 20 века. Он считал, что в карикатуре и подпись, и рисунок – равноправные слагаемые. Иногда Эффель даже

стилизует манеру подписи: к средневековым сюжетам – подражает готическому шрифту, цитаты из Ламартина и Мюссе написаны размашистой скорописью поэта. Так тексты превращаются в графический элемент рисунка [Жан Эффель, 1983, с. 53].

Задача юмористического рисунка – заставить читателя прийти к определенному выводу. У Эффеля это достигалось рядом приемов:

− доказательством от противного: высмеиваемый факт представляется нормальным, обыденным, что позволяет читателю выявить нелепость: например, врач говорит мужу, ухаживающему за больной женой: «Помочь ей можно так: когда она будет чихать, говорите: «На здоровье!» [Жан Эффель, 1983, с. 54]. Представляется оправданным причислить данный способ к общекомическому механизму нарушения пресуппозиции [Энциклопедия … 2001, с. 533].

− подчеркиванием второстепенных связей и обстоятельств: хозяйка, опрыскивая вещи мужа средством от моли, говорит: «Моль оно не выводит, но Альфред бежит из дома…Нет мужа, нет пиджаков, нет дырок!»;

− аналогией: переносом поступков, нормальных в одних обстоятельствах, в другие, обеспечивающие комический эффект: одна блоха говорит другой: «Если мы выиграем в национальную лотерею, купим себе собаку!» [Жан Эффель, 1983, с. 54]. Данный способ также следует отнести к общекомическому механизму нарушения пресуппозиции.

Эти приемы построения комической мизансцены использовались Эффелем во всем его творчестве. В политической сатире автор стремился к тому, чтобы вызвать возмущение, протест, а в цикле «Сотворение мира» – веселый смех и добрую улыбку. Однако любая тема приобретала у художника лирический характер. Жан Кокто писал, что юмор и поэзия выходят из-под его пера, взявшись за руки [цит. по: Жан Эффель, 1983, с. 55]. Герои Эффеля просты и лаконичны, созданы в манере линейного рисунка. Свое художественное кредо карикатурист выразил в короткой фразе: «Главное в рисунке то, что он должен быть хорошо читаем» [Жан Эффель, 1983, с. 51]. Одно из самых известных произведений Жана Эффеля – серия рисунков «La Création du monde» [Effel, 1971]: Le ciel et la terre, 1971 ; Les plantes et les animaux, 1972 ; L'homme, 1973 ; La femme, 1974 ; Le roman d'Adam et Ève, 1974.

Анализ практического материала

Рассмотрим более подробно несколько иллюстраций из цикла «La Création du monde. L'Homme» [Effel, 1971]. Нас интересуют степень креолизации и лингвистический способ создания комического эффекта в сочетании с элементами рисунка. В силу ограничения объема статьи мы имеем возможность представить лишь описание некоторых рисунков и подписи к ним с анализом креолизации и механизмов создания комического эффекта.

1. Бог сидит на стуле под яблоней и держит на коленях Адама, словно маленького ребенка, говоря: *Il sera une fois… Однажды будет жить, да быть...* Стандартный сказочный зачин при изменении прошедшего времени на будущее создает комический эффект: Бог-отец, подобно традиционным папам, рассказывает сыну сказку, но, по понятным причинам, может поставить глагол лишь в будущем времени. Замена компонента в устойчивой единице – двойная актуализация УЕ. Полная креолизация: текст без картинки не производит комического эффекта, картинка без текста не указывает на отношения отец-сын-сказка.

2. Ангелы замешивают раствор для изготовления Адама по рисунку и под наблюдением Бога: – *Ça a l'air d'une bonne pâte d'homme. – Он будет из хорошего теста.* Двойная актуализация фразеологизма *une bonne pâte (d'homme) – добрейшая душа (букв. хорошее тесто)* достигается изображением емкости с «тестом» для создания первого человека. Комический эффект реализован через полную креолизацию.

3. Адам идет на урок с ранцем на спине: – *Il va à la paternelle! – Он идёт в детский сад!* Игра слов, основанная на паронимии *maternelle – paternelle.* Адам идет в «отцовскую», а не материнскую школу, как буквально переводится название дошкольного учреждения во Франции. Полная креолизация.

4. Адам знакомит Еву со своей тенью: *C'est mon ami d'enfance. On est inséparables. Мой друг детства – мы с ним неразлучны.* Языковой юмор имеет место благодаря каламбуру на основе полисемии: *inséparable – неотделимый (в прямом смысле о тени), неразлучный (о друге)*. Комический эффект достигается также за счет «доказательства от противного» (см.выше) и нарушения пресуппозиции: у Адама не могло быть друзей.

5. Мышечный корсет Адама готов, его нужно «одеть» в кожу. Ангел выкраивает «одежду»,

накладывая материал на фигуру Бога: – *Coupez suivant le Patron! – Кроите по образу и подобию Божьему!* Каламбур, основанный на омонимии Patron – I. хозяин, покровитель II. выкройка. Полная креолизация в силу употребления заглавной буквы и раскрытия комического эффекта с помощью элементов рисунка.

6. Адам стоит словно черновая скульптура рядом с рабочим столом Бога, ангелы развернули анатомический рисунок внутренних органов будущего человека: *Le schéma du vide – ordures. Схема мусоропровода.* Создаваемая выделительная система человека сравнивается с системой мусоропровода. Комический эффект создается с помощью метафоризации и аналогии. Имеет место анахронизм: мусоропровод – изобретение современной городской цивилизации. Подпись реализует эффект нарушения пресуппозиции, обеспечивая переход от нулевой креолизации текста без картинки к полной креолизации в процессе создания комического эффекта.

7. Бог и Адам у стола с лабораторным оборудованием под деревом познания наблюдают за процессами в ретортах и пробирках: *Rien ne se perd, rien ne se crée! -C'est à moi que tu oses dire ça?» – Ничто не исчезает бесследно и не создаётся из ничего! – И это ты мне говоришь!».* Адам цитирует Богу универсальный физический закон, вызывая справедливое негодование Отца: ведь Он создал все из ничего! Текст физического закона приобретает комическое звучание при переносе в библейский контекст, наблюдается двойная актуализация устойчивой единицы. Сталкиваются две картины мира: религиозная и научная. Полная креолизация.

8. Бог заглядывает в рот лошади и говрит Адаму: – *N'oublie pas de mettre de l'eau: le radiateur est sous le capot. – Не забудь залить воду, радиатор под капотом.* Комический эффект реализуется посредством скрытого сравнения, или, другими словами, метафорического переноса инструкции для автомобилиста на ситуацию обращения с лошадью.

Частичная креолизация: текст понятен без рисунка, однако комический эффект реализуется только в сочетании с картинкой.

9. В чистом поле Бог протягивает Адаму лопату: – *Aide-moi, le Ciel t'aidera.*

- *Помоги мне, и Небо поможет тебе.* Замена компонента пословицы (Aide-toi – Aide-moi) ведет в сочетании с картинкой к двойной актуализации устойчивой единицы, т. к. помощь Адаму предлагает сам Бог. Полная креолизация.

10. Ангелы комментируют работу Бога, который лепит, словно скульптор, заднюю часть тела Адама: *Il pose les fondaments de la société! Он закладывает основы общества!* Основы общества в прямом значении – это нормы этики, морали, законы, а не физическое воплощение части тела, на которой часто заседают те, кто закладывает основы общества. В данном случае под «основами общества» подразумеваются мягкие ткани задней и латеральных поверхностей таза. В тексте подписи скрыто два приема создания комического эффекта: двойная актуализация УЕ и метафорический перенос на определенную часть тела, порождающий эвфемию.

11. Бог на катамаране скользит по водной глади: *Il y avait des ténèbres à la surface de l'abîme, et l'esprit de Dieu se mouvait au-dessus des eaux.*

И тьма была над бездной, и дух божий носился над водою… Полное цитирование первого стиха Книги Бытия иллюстрирует христианский мотив создания Богом всего мира. Комический эффект достигается путем сочетания текста и изображения, что говорит о наличии полной креолизации. Использован приём двойной актуализации, так как фраза «… и дух божий носился над водою» может восприниматься как библейский стих и как описание изображения, где персонаж скользит по воде на катамаране.

12. Адам учит названия животных: – *Le chateau… la vache… le cochon… – Quel vocabulaire! – Верблюд… корова… свинья… – Какой словарный запас!* Имеет место стилистическая дифференциация многозначной лексики, порождающая каламбур, основанный на полисемии названий животных 1) как биологического вида и 2) как слов фамильярного регистра пейоративной номинации. Частичная креолизация.

13. Бог вкладывает в рот Адаму бесформенное, немного похожее на птицу создание: – *L'âme, il faudra, peut-être, qu'il me la rende. – Душу, пожалуй, придется однажды отдать обратно.* Трансформация устойчивой единицы rendre l'âme – отдать Богу душу – через включение в новый контекст, после чего происходит двойная актуализация (буквализация) значения: Бог дал душу – Бог и возьмет ее обратно, что в полной мере иллюстрируется графикой. Значение рисунка без подписи, в свою очередь, остается неясным, поскольку изображение души полностью зависит от фантазии художника, не являясь ни каноническим, ни общепринятым. Достигается полная креолизация.

Выводы и результаты исследования

В ходе исследования вербального и невербального компонентов креолизованного текста на материале карикатур Жана Эффеля были выявлены следующие средства создания комического эффекта: 1) общекомические, или невербальные, не зависящие от конкретного языка:

− нарушение пресуппозиции, куда можно отнести эффект обманутого ожидания и доказательство от противного, анахронизм и метафорический перенос;

2) языковые, или вербальные средства:

− двойная актуализация значения устойчивой единицы (библеизмы, фразеологизмы, пословицы и поговорки, сказочный зачин, физический закон и т.п.), использованные как в исходном, так и в трансформированном виде, т.е. восприятие смыслового единства как в прямом, так и в переносном смысле, где значение всего выражения не равно значению отдельных компонентов;

− каламбур на основе паронимии, омонимии, полисемии и стилистической дифференциации. Анализ практического материала показал, что степень креолизации текста в большинстве примеров является полной, т. к. во-первых, не представляется возможным верно истолковать подпись в отсутствии зрительной опоры на рисунок, во вторых, комический эффект раскрывается только в сочетании вербального и невербального компонента, что и являлось конечной целью художника.

Выявленные приемы свойственны и некреолизованным юмористическим текстам, однако в проанализированных примерах механизм комического эффекта, произведенного с помощью данных приемов, запускается лишь при рассмотрении картинки. Следовательно, креолизация обостряет наше восприятие юмора и помогает еще раз осмыслить фигуру человека в мире, основные проблемы современности, чтобы приблизить их решение и сделать мир немного совершеннее. Поскольку материалом для художника послужили библейские истории, которые он представил в юмористическом ключе, следует говорить о карнавализации важнейших ценностей, которая помогает человеку сохранять душевное здоровье и с надеждой смотреть в будущее.

Библиографический список

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. На материале креолизованных текстов. Москва : Академия, 2003. 128 с.
2. Антология французской эпиграммы. Сборник / Сост. В. Е. Васильев. Москва : ОАО Изд-во «Радуга», 2006. 400 с.
3. Бородина Л. В. Явление креолизации в письменном тексте анекдота (на материале русского и французского языков) // Вестник Ленинградского Государственного университета имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург). Серия Филология», Том 1, № 3. С. 206–213.
4. Бутько Ю. В. Зази и черный юмор // Язык и общество: сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского» Вып. 4. Ярославль : изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2005. С. 29–38.
5. Бутько Ю. В. Игра слов в языке и переводе: учебно-методическое пособие по теории и практике перевода. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007. 62 с.
6. Бутько Ю. В. Каламбур как способ реализации «антипословицы» // Язык и общество: Диалог культур и традиций. Сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского». Вып. 6. Т. 1. Ярославль : Изд-во ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, 2007. С. 34–41.
7. Валгина Н. С. Теория текста. М : Логос, 2003. 280 с.
8. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст : аспекты изучения // Политический дискурс. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 180–189.
9. Жан Эффель. Избранное . Вступительная статья С. А. Володиной. Москва : Искусство, 1983. 607 с.
10. Зализняк А. А. Лингвокультурологические аспекты комического (к постановке проблемы) //Логический анализ языка : языковые механизмы комизма. Москва : Индрик, 2007. С. 554–557.
11. Карасик А. В., Карасик В. И. Непонимание юмора в межкультурном общении // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.1. Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2001. С. 13–27.
12. Карикатура // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/fine_art/text/2046914 (дата обращения 05.09.2019)
13. Колтышева Е. Ю. Креолизованная диктема как структурно-смысловой элемент рекламного текста // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 1, 2008. С. 168–176.
14. Корда О. А. Локативность как основа организации креолизованного журналистского текста (на примере публикаций журнала «Русский репортер») // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск : Изд-во ФГБОУ ВО МГТУ им. Г. И. Носова, 2013. С. 343–351.
15. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка : монография. Москва : СГПУ, 2004. 264 с.

16. Мечковская Н. Б. Смешное в границах языка: условие развития в словах и фраземах узуальной коннотации шутки или иронии //Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва : Индрик, 2007. С. 140–153.

17. Санников В. З. Язык в зеркале языковой игры. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

18. Стефанкова Л. Н. Homo Ridens: Лингвистические аспекты изучения юмористического дискурс // Известия Южного Федерального Университета : фил.науки. Ростов-на-Дону, 2011. С. 139–145.

19. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. Москва, 1990. 176 с.

20. Удод Д. А. Креолизованный текст как особый вид паралингвистически активного текста // Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф. Уфа : Лето, 2013. С. 97–99. URL https://moluch.ru/conf/phil/archive/78/3254/ (дата обращения: 05.09.2019).

21. Школьник Л. В., Тарасов Е. Ф. Язык улицы. Москва : Наука, 1977. 62 с.

22. Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. 3-е изд., перераб. и доп. Гл. ред. М. Д. Аксенова. Москва : Аванта+, 2001. 704 с.

23. Юрьева Е. В. Вербальные и невербальные приемы создания комического в креолизованных текстах социальной рекламы // Известия Саратовского ун-та. Серия «Филология. Журналистика». 2017. Т. 17, вып. 1. С. 24–28.

24. Bergson H. Le rire. Essai sur la signification du comique. Paris : Les Presses universitaire de France, «Édition du centenaire» des Oeuvres de Bergson, 1959. P. 391–485.

25. Charaudeau P. Humour et engagement politique. Limoges, Lambert-Lucas, 2015. 220 p.

26. Corbellari M. Mots croises et jeux de mots // Le francais dans le monde, 1999. № 309. P. 24–25.

27. Effel J. La Création du monde. L'homme. Paris : Livre de poche, 1971. 190 p.

28. Guiraud P. Les jeux de mot. Issue 1656 de Que sais-je?, P.U.F., 1976. 128 p.

29. Héber A. Calembour et paronomase. Une plus ou moins grande charge sémantique? // Verbum, № 1–2-3, 1993. Nancy : Presses universitaires de Nancy. P. 111–118.

30. Henry J. La traduction des jeux de mots. Thèse pour le doctorat. 1993. Paris : ESIT. P. 57–81.

31. Le Petit Larousse. Dictionnaire encyclopédique illustré. Edition entièrement nouvelle. Paris : Larousse, 2005. 1856 p.

32. Robichon F. Jean Effel. L'Homme à la marguerite. Hoëbeke, 1997. 107 p.

References List

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikacija. Na materiale kreolizovannyh tekstov = Linguistics of the text and intercultural communication. On the material of creolised texts. Moskva : Akademija, 2003. 128 s.

2. Antologija francuzskoj jepigrammy. Sbornik = Anthology of French epigram . Compilation / sost. V. E. Vasil'ev. Moskva : OAO Izd-vo «Raduga», 2006. 400 s.

3. Borodina L. V. Javlenie kreolizacii v pis'mennom tekste anekdota (na materiale russkogo i francuzskogo jazykov) = Phenomenon of creolisation in a written text of a joke (on the material of Russian and French languages) // Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina (Sankt-Peterburg). Serija Filologija», Tom 1, № 3. S. 206–213.

4. But'ko Ju. V. Zazi i chernyj jumor = Zazi and black humour // Jazyk i obshhestvo: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo» Vyp. 4. Jaroslavl' : izd-vo JaGPU im. K.D. Ushinskogo, 2005. S. 29–38.

5. But'ko Ju. V. Igra slov v jazyke i perevode: uchebno-metodicheskoe posobie po teorii i praktike perevoda = Pun in the language and translation : training and guidance manual on theory and translation practice. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU im. K.D. Ushinskogo, 2007. 62 s.

6. But'ko Ju. V. Kalambur kak sposob realizacii «antiposlovicy» = Pun as a means of «anti-proverb» realisation // Jazyk i obshhestvo: Dialog kul'tur i tradicij. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». Vyp. 6. T. 1. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU imeni K. D. Ushinskogo, 2007. S. 34–41.

7. Valgina N. S. Teorija teksta = The theory of the text. Moskva : Logos, 2003. 280 c.

8. Voroshilova M. B. Kreolizovannyj tekst : aspekty izuchenija = Creolised text: aspect of studying // Politicheskij diskurs. Vyp. 20. Ekaterinburg, 2006. S. 180–189.

9. Zhan Jeffel'. Izbrannoe. Vstupitel'naja stat'ja S. A. Volodinoj = Chosen. Introductory article of S. A. Volodina. Moskva : Iskusstvo, 1983. 607 s.

10. Zaliznjak A. A. Lingvokul'turologicheskie aspekty komicheskogo (k postanovke problemy) = Lingvoculturological aspects of the comic(to raising the problem) // Logicheskij analiz jazyka : jazykovye mehanizmy komizma. Moskva : Indrik, 2007. S. 554–557.

11. Karasik A. V., Karasik V. I. Neponimanie jumora v mezhkul'turnom obshhenii = Misunderstanding of humour in intercultural communication // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. Vyp. 1. Voronezh : Izd-vo VGTU, 2001. S. 13–27.

12. Karikatura = Caricature // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. URL: https://bigenc.ru/fine_art/text/2046914 (data obrashhenija 05.09.2019)

13. Koltysheva E. Ju. Kreolizovannaja diktema kak strukturno-smyslovoj jelement reklamnogo teksta = Creolised dicteme as a structural-meaninful element of an ad-text // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. № 1, 2008. S. 168–176.

14. Korda O. A. Lokativnost' kak osnova organizacii kreolizovannogo zhurnalistskogo teksta (na primere publikacij zhurnala «Russkij reporter») = Lokativnost as a basics of organisaton of creolised journalist text (on the material of journal publications «Russian reporter») //

Problemy istorii, filologii, kul'tury. Magnitogorsk : Izd-vo FGBOU VO MGTU im. G. I. Nosova, 2013. S. 343–351.

15. Kulinich M. A. Lingvokul'turologija jumora (na materiale anglijskogo jazyka = Lingvoculturology of the humour (on the material of the English language) : monografija. Moskva : SGPU, 2004. 264 s.

16. Mechkovskaja N. B. Smeshnoe v granicah jazyka: uslovie razvitija v slovah i frazemah uzual'noj konnotacii shutki ili ironii = Comic in the boundary of language:the condition of development in words and idioms of normal connotation of a joke and irony // Logicheskij analiz jazyka: Jazykovye mehanizmy komizma / otv. red. N. D. Arutjunova. Moskva : Indrik, 2007. S. 140–153.

17. Sannikov V. Z. Jazyk v zerkale jazykovoj igry = The language in the mirror of pun. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 552 s.

18. Stefankova L. N. Homo Ridens: Lingvisticheskie aspekty izuchenija jumoristicheskogo diskurs = Homo Ridens: Linguistic aspects of humour discourse studying // Izvestija Juzhnogo Federal'nogo Universiteta : fil.nauki. Rostov-na-Donu, 2011. S. 139–145.

19. Sorokin Ju. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija = Creolised texts and their communicative function // Optimizacija rechevogo vozdejstvija. Moskva, 1990. 176 s.

20. Udod D. A. Kreolizovannyj tekst kak osobyj vid paralingvisticheski aktivnogo teksta = Creolised text as a special type of paralinguistic active text // Sovremennaja filologija: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Ufa : Leto, 2013. S. 97–99. URL https://moluch.ru/conf/phil/archive/78/3254/ (data obrashhenija: 05.09.2019).

21. Shkol'nik L. V., Tarasov E. F. Jazyk ulicy = The language of the street. Moskva : Nauka, 1977. 62 s.

22. Jenciklopedija dlja detej. T. 10. Jazykoznanie. Russkij jazyk. 3-e izd., pererab. i dop. = Encyclopedia for children. V. 10, Linguistics. Russian language, 3d issue, remade and enlarged. Moskva : Avanta+, 2001. 704 s.

23. Jur'eva E. V. Verbal'nye i neverbal'nye priemy sozdanija komicheskogo v kreolizovannyh tekstah social'noj reklamy = Verbal and non verbal methods of creating comic in creolised texts of social advertisement // Izvestija Saratovskogo un-ta. Serija «Filologija. Zhurnalistika». 2017. T. 17, vyp. 1. S. 24–28.

24. Bergson H. Le rire. Essai sur la signification du comique. Paris : Les Presses universitaire de France, «Édition du centenaire» des Oeuvres de Bergson, 1959. P. 391–485.

25. Charaudeau P. Humour et engagement politique. Limoges, Lambert-Lucas, 2015. 220 p.

26. Corbellari M. Mots croises et jeux de mots // Le francais dans le monde, 1999. № 309. P. 24–25.

27. Effel J. La Création du monde. L'homme. Paris : Livre de poche, 1971. 190 p.

28. Guiraud P. Les jeux de mot. Issue 1656 de Que sais-je?, P.U.F., 1976. 128 p.

29. Héber A. Calembour et paronomase. Une plus ou moins grande charge sémantique? // Verbum, № 1–2-3, 1993. Nancy : Presses universitaires de Nancy. P. 111–118.

30. Henry J. La traduction des jeux de mots. Thèse pour le doctorat. 1993. Paris : ESIT. P. 57–81.

31. Le Petit Larousse. Dictionnaire encyclopédique illustré. Edition entièrement nouvelle. Paris : Larousse, 2005. 1856 p.

32. Robichon F. Jean Effel. L'Homme à la marguerite. Hoëbeke, 1997. 107 p.

УДК 81

Х. Г. Косогорова **https://orcid.org/0000–0001–8719–5047**

А. В. Наместникова **https://orcid.org/0000–0002–6655–8299**

Языковая реализация концепта «запах» (на материале французской версии романа П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы»)

Для цитирования: Косогорова Х. Г., Наместникова А. В. Языковая реализация концепта «запах» (на материале французской версии романа П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 204-211. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-204-211

Настоящее исследование представляет собой попытку изучить перцептивный концепт «запах» в его языковом выражении. Актуальность работы определяется многими факторами: во-первых, она выполнена в русле активно развивающегося научного направления – когнитивной лингвистики, которая открывает новые перспективы в изучении процесса концептуализации обонятельного признака; во-вторых, выбор темы исследования обусловлен недостаточной разработанностью проблематики индивидуально-авторской концептосферы, в особенности концептосферы немецкоязычных писателей в переводе на французский язык.

Цель исследования – выявить основные способы языкового проявления ольфакторной информации во французском языке. Данная цель предполагает решение ряда исследовательских и практических задач, как-то: осветить основные проблемы понимания термина «концептуальная картина мира»; ознакомиться с современным пониманием концепта как лингвокультурного явления; изучить уже существующие способы построения концепта, адаптировать их для конкретного исследования с тем, чтобы на основе самостоятельно отобранного и систематизированного фактического материала описать концепт «запах».

Научная новизна состоит в том, что впервые на материале перевода на французский язык произведения Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» (Süskind Patrick Le parfum. Histoire d'un meurtrier) представлено комплексное исследование основных принципов структурирования концепта «запах» путем выделения периферийных компонентов его номинативного поля. Следует отметить, что автором французской версии является Бернар Лортолари, талантливый французский переводчик, преподаватель немецкого языка и немецкой литературы в Сорбонне. В 1992 году за перевод этого романа он получил национальную премию от Министерства Культуры.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она вносит определенный вклад в развитие методологической базы когнитивной лингвистики, в изучение путей структурирования концепта «запах». Кроме того, иследование открывает новые перспективы использования полученных данных применительно к другим языкам, а также в решении ряда теоретических проблем лингвистики текста, прагмалингвистики, корпусной лингвистики.

Ключевые слова: концепт, картина мира, концептосфера, лингвистический корпус, лексическая единица, ольфакторная лексика, семантическое поле, когнитивная лингвистика.

H. G. Kosogorova, A. V. Namestnikova

Linguistic implementation of the concept of 'smell' (on the basis of the french version of 'Perfume. The story of a murderer' by Patrick Süskind)

A current research is an attempt to examine a perceptive concept of 'smell' in its linguistic expression.

The relevance of this work is determined by several aspects. Firstly, it is carried out within an actively advancing scientific field of Cognitive Linguistics, which uncovers new perspectives in exploring the process of the conceptualisation of the olfactory sign. Secondly, the choice of the topic was determined by the insufficient elaboration of an issue of the author's individual conceptual sphere, especially that of the German-speaking writers in translation to the French language.

The aim of the research is to identify the main means of linguistic expression of the olfactory information in the French language.

This aim implies the achievement of several research and practical goals. It allows to shed some light on the main issues in comprehending the term of 'a conceptual world picture'; to get acquainted with the contemporary

© Косогорова Х. Г., Наместникова А. В., 2020

understanding of a concept as a linguistic and cultural phenomenon; to examine the existing means of constructing a concept, to adapt them to aspecific research in order to graphically describe the concept of 'smell', based on the independently selected and systematised factual data.

The scientific novelty is contained in the fact that for the first time a holistic research of the main principles of structuring the concept of 'smell' by means of identifying the peripheral components of its nominative field is conducted, based on the French translation of 'Perfume. The Story of a Murderer' by Patrick Süskind (SüskindPatrick. Leparfum. Histoired'unmeurtrier).

The theoretical value of the work is determined by the fact that it makes a certain contribution into the development of the methodological base of Cognitive Linguistics by means of examining the ways of defining the concept of 'smell' within the specificity of the conducted detailed analysis. The research opens up new perspectives of employing the uncovered data in relation to other languages, as well as in solving a series of theoretical issues in textual linguistics, pragmalinguistics, corpus linguistics.

Key words: concept, world picture, conceptual sphere, linguistic corpus, lexical unit, olfactory vocabulary, semantic field, cognitive linguistics.

Изучение данной темы представляется интересным, поскольку концепт «запах» меньше всего подвергался лингвистическим исследованиям. И, несмотря на то, что в последнее время многие исследователи все чаще обращаются к ольфакторной (одорической) лексике в различных языках [Епанешникова, 2010], [Никитина, 2019], [Тентимишова, 2016], [De Feydeau, 2014], [Digonnet, 2018], [Petit, Rinck, 2014], [Rinck, 2018], [Visser, 2006], тем не менее, концепт «запах» во французском языке остается мало описанным. В связи со сказанным, актуальность данного исследования очевидна: она обуславливается не только возросшим интересом к языковой репрезентации перцептивной информации (в данном случае ольфакторной), но и недостаточной изученностью языковых средств объективации данного типа информации.

Говоря о концепте, необходимо уточнить некоторые, связанные с ним, понятия когнитивной лингвистики, которые зачастую интерпретируются учеными неоднозначно [Балмагамбетова, 2016], [Карасик, 2012], [Степанов, 2004]. Одним из таких понятий является концептуальная картина мира.

Под концептуальной картиной мира понимают, с одной стороны, совокупность знаний о мире, которая приобретается в процессе деятельности человека, а с другой – способы и механизмы интерпретации новых знаний. Лингвистами исследуется лишь та часть концептуальной картины мира, которая зафиксирована в языке, то есть языковая картина мира [Косогорова, 2018], [Косогорова, 2012]. Решая проблему соотношения языковой и концептуальной картин мира, ученые предпринимают попытку выяснить, каким образом происходит формирование концептов [Кубрякова, 2010]. Следовательно, для более полного осознания сущности языковой и концептуальной картин мира, возникает необходимость ввести понятие концепта как лингвокультурного явления.

Концепт – это многомерное понятие, не имеющее общепринятого определения и, рассматриваемое в лингвистике по-разному. В данной статье за основу берется определение, предложенное Ж. Ришаром, который понимает концепт как базовую когнитивную сущность, позволяющую связывать смысл с употребляемым нами словом [Ришар, 1998, с. 15].

Говоря о строении концепта, то оно, как известно, имеет сложную, многоуровневую, «слоистую» структуру. По мнению Ю. С. Степанова, в нее включается все, что относится к строению понятия (слои), и все то, благодаря чему он становится феноменом культуры, а именно: этимологии, истории, ассоциациям, возникающим в современную эпоху, оценкам и коннотациям [Степанов, 2004]. Следовательно, концепт формируется из исторически разных слоев, отличающихся по многим признакам (происхождению, времени образования, значению), свидетельствующим культурной составляющей различных эпох. В связи с этим, особая структура концепта может включать в себя ряд признаков: актуальный (основной), исторический (дополнительный) и этимологический (он соотносится с внутренней формой, обычно не осознаваемой).

По мнению многих исследователей, усвоить концепт – это значит выстроить некую структуру, состоящую из имеющихся уже концептов. Именно они выступают в качестве так называемых интерпретаторов изучаемого концепта и, позволяют ввести его в сложившуюся систему образов [Карасик, 2012], [Кубрякова, 2010], [Попова, 2015].

Обобщая существующие исследования о концепте, исследователи сходятся во мнении о том, что когнитивный концепт формируется в сознании человека благодаря многим факторам:

а) чувственного восприятия мира индивидом;

б) его предметной деятельности;

в) мыслительных действий с уже существующими в его сознании концептами и сознательного познания единиц языка;

г) языкового общения, при котором тот или иной концепт сообщается и, по необходимости, разъясняется субъекту в словесной форме) [Попова, 2015].

Таким образом, компоненты, составляющие концепт (или концептуальные признаки), являются отдельными признаками реального или идеального мира, и отражаются по отдельности в сознании индивида, различаясь по степени абстрактности. Проведя многочисленные когнитивные лингвистические исследования, ученые подошли к описанию концепта как элемента национальной концептосферы.

Среди концептов (когнитивных или культурных), составляющих концептосферу народа, можно выделить перцептивные концепты, связанные со зрительными, вкусовыми, осязательными, слуховыми и обонятельными ощущениями. К данной группе относится и анализируемый в настоящем исследовании концепт «запах», являющийся разновидностью концептов признаков, и, содержащий в себе знания об обонятельном признаке объектов [Bengoua, 2018], [Corbin, 2008], [Kleiber, Vuillaume, 2011], [Süskind, 2010]. Принимая во внимание тот факт, что концепт «запах» обычно связывается в сознании говорящего с одорическим признаком объектов, воспринимаемый посредством обоняния, многие рассматривают идентификацию запаха с опорой на общекультурное или индивидуальное фоновые знания.

Проведенный анализ показывает, что концепт «запах» имеет неоднородную структуру (включая в себя понятийную и лингвокультурную составляющие). К понятийной составляющей концепта «запах» относится его рациональная часть, которая, в свою очередь, базируется на понятии «запах» [Vassiliadou, Lammert, 2011]. Лингвокультурная составляющая представляется сразу несколькими слоями: ассоциативным, образным, этимологическим, и оценочным. Именно оценочный слой, на наш взгляд, представляет собой один из наиболее значимых компонентов предложенной структуры. В его основе лежит сенсорная оценка, отражающая чувственный опыт человека через инстинктивно-рефлекторные категории: «нравится – не нравится», «приятный – неприятный». Отсюда можно заключить, что ситуация обонятельного восприятия является чисто оценочной, так как все запахи априори имеют эмоциональную окраску.

Кроме того, концепт «запах» включает в себя аксиологический и культурный компоненты, в содержании которых одновременно отражены как древнее представление о значении обонятельного признака, так и современные знания о сфере восприятия.

Перцептивный концепт «запах», являющийся признаковым концептом, может выступать в качестве культурного классификатора, способствующего объединению различных объектов в одну категорию. В данном случае все компоненты, входящие в состав концепта «запах», объединяются в одну языковую категорию, основным элементом которой выступает единица «запах». Она предстает одновременно в качестве ее названия и категориального классификатора. Остальные составляющие входят в нее на основе общего значения «запах». При этом следует учитывать, что единицы, значение которых закреплено в словаре, составляют центр категории, а единицы, реализующие обонятельное значение в своих вторичных значениях или в контексте, формируют ее периферию.

Таким образом, все содержательные признаки концепта и его слои получают реализацию в языке с помощью различных языковых средств. Иными словами, концепт «запах» является многогранной субстанцией, имеющей множество языковых репрезентаций.

В настоящее время существует большое количество методик описания концепта, включающих в себя как традиционные, так и экспериментальные. Отличительной особенностью данного исследования является адаптация уже существующих способов описания концепта под произведение одного автора; в частности, для проведения исследования были обобщены схемы, предложенные З. Д. Поповой и К. А. Керер [Попова, 2015], [Керер, 2010].

Итак, при делении концепта на семантические поля за основу был взят подход, согласно которому исследователь не ограничивается только прямыми номинациями, связанными с ядром концепта, а имеет возможность выявить все доступное номинативное поле, учитывая номинации разновидностей концепта.

Нами была предпринята попытка выяснить, каким образом концепт «запах» представлен во

франкоязычном переводе книги Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы». Поскольку именно в этом произведении запах обладает сильнейшим воздействием на людей, то ему по праву отводится первостепенная роль [Несмачнова, 2017], [Sarkissian, 2015], [Theissen, 2011]. Следовательно, для его передачи автор должен задействовать мощный пласт лексики, отражающий во всем многообразии изучаемый концепт.

Для реализации поставленной цели сформируем, в первую очередь, корпус, с помощью лексики, относящейся, на наш взгляд, к концепту «запах» (в том числе и контекстуальных синонимов). Далее, распределим имеющийся материал по семантическим полям, проведем количественный анализ тропов, из которых состоит полученная выборка, с тем, чтобы показать авторское мастерство и его стремление обогатить исследуемый концепт, выйдя за пределы привычной ольфакторной лексики.

Корпус, состоящий из лексических единиц, номинирующих и описывающих концепт «запах», был сформирован методом сплошной выборки.

На основании выявленного в ходе исследования фактического материала, нами были определены следующие периферийные компоненты номинативного поля изучаемого концепта:

Слова (синонимы), обозначающие составляющие запаха

Поскольку в данном поле речь идет о синонимах к существительному, очевидно, все элементы будут также являться существительными, встречающимися в тексте в виде отдельных слов – puanteur (f), effluve (m), senteur (f); словосочетаний, в которые входят ключевые слова исследуемого концепта – les fils des odeurs, la fin de toutes les odeurs; и, наконец, в виде словосочетаний, которые являются синонимами только в контексте данного произведения и вне этого контекста могут быть интерпретированы иначе – un lourd ruban, la clef de l'ordre, la beauté pure, une formule magique: délicatesse, puissance, durée, diversité et une beauté irrésistible, effrayante, une douce brise ininterrompue, la robe olfactive de la ville.

Слова, называющие главного персонажа – Гренуя

Аналогично предыдущему семантическому полю, в данную категорию входят словосочетания, реализующие себя в контексте произведения в качестве синонимов, с помощью которых автор создает образ главного героя: le compagnon-parfumeur, le meilleur nez de Paris, une tique aveugle, sourde, muette toute occupée à flairer, un cuisinier, un sorcier inquiétant, un orage, l'impétueux jardinier, un pilleur d'odeurs. Интересно заметить, что в большинство таких словосочетаний входят слова, связанные так или иначе с понятием «запах»: un génie *olfactif*, le Dieu tout-puissant du *parfum*, un créateur de *parfum*.

Восприятие запаха

В связи с тем, что данная группа связана с восприятием запаха, она включает в себя, как правило, глаголы, обозначающие действия, осуществляемые при «столкновении» с запахом: percevoir qqch, sentir qqch, renifler qqch, avoir du nez, aspirer, inspirer qqch, expirer qqch, connaître les odeurs, se fier à son nez, faire passer qqch par le nez, boire un parfum, se verser un verre de parfum, lire les odeurs. Кроме того, в данное семантическое поле входит небольшое количество существительных, означающих органы восприятия: les narines dilatées, le nez extraordinairement subti, un odorat.

Взаимодействие человека и запаха

Это семантическое поле представлено только глаголами, отражающими действия, которые могут быть выполнены при взаимодействии с запахом: gaspiller le parfum, s'arroger l'aura, trôner sur un nuage à l'odeur d'or, collectionner les odeurs, se défendre de l'odeur, exhumer le parfum de sa mémoire, caresser le parfum, se faire caresser par lui.

Распространение запаха

По аналогии с двумя предыдущими, данный компонент включает в себя глаголы (в подавляющем большинстве) и небольшое количество словосочетаний с главным словом-существительным: monter, répandre, emplir les profondes tranchées des rues, devenir plus dense dans l'atmosphère, filtrer par les fenêtres des logis, envahir l'air libre, empester une nature, se dérober, une inflation, mûrir, s'user au contact du monde, durer; haleine pestilentielle, une boufée.

Количество запаха

Семантическое поле, описывающее количество запаха, представлено существительными и словосочетаниями с существительным в качестве главного слова: une goutte, un grain de parfum, le flot de parfum, un flacon, les doses de parfum, la collection des odeurs, une bouteille de parfum, une

giclée d'un tel parfum, la grande bibliothèque des odeurs, un volume des parfums, le livre d'odeurs, un verre d'odeur, les miettes d'une odeur.

Характеристика запаха

Лексические единицы, характеризующие запах в данном произведении представлены прилагательными: grande, unique en son genre, nette et impossible à confondre, toujours aussi délicat et aussi subtil, indescriptible, impossible à classer d'aucune manière, parfaite et splendide, exquise, belle, banale et vulgaire, vague, vraiment grande, picotante, vieille, plus tenue, toute bête; причастиями настоящего и прошедшего времени: fleurant, ravalée.

Растения, используемые в парфюмерии

Данное семантическое поле состоит исключительно из существительных. Это всевозможные растения и ароматические вещества, применяемые парфюмерами: eucalyptus (m), cyprès (m), lavande (f), rose (f), musc (m), néroli (m), tubéreuse (f), jonquille (f), jasmin (m), cannelle (f), ambre (m), civette (f), patchouli (m), santal (m), bergamotte (f), magnolia (m).

Процесс приготовления запаха

Здесь собраны глаголы, выражающие действия, которые осуществляет парфюмер: bricoler un parfum, donner le jour à ce parfum, composer le parfum, s'inspirer du parfum, inventer le parfum, fabriquer le parfum, créer un parfum, distiller qch, bricoler un parfum, faire tomber une pluie d'esprit-de-vin, cueillir le parfum; а также большое количество существительных, обозначающих инструменты, используемые в парфюмерии: l'entonnoir de verre, la pipette, l'agitateur.

Воздействие запаха на человека

Как видно из названия, данный компонент концепта состоит из глаголов: guider qqn, plaire à qqn, dégoûter qqn, exercer une attirance, tirer qqn brutalement, déranger qqn, bouleverser qqn, être capable de mettre en émoi une ville entière, mettre carrément de belle humeur; исключение составляет единственно выявленное номинативное словосочетание: l'intention des parfums.

Выявленные периферийные компоненты – не что иное, как группировки слов по сходности значений, или семантические поля. Все слова, входящее в семантическое поле, особым образом конкретизируют одно общее понятие, добавляя к нему существующие нюансы.

Следует отметить, что между семантическими полями крайне сложно провести четкую грань и, весь язык, в определенном смысле, предстает как совокупность частично перекрывающих друг друга семантических полей. Таким образом, одно и то же слово, имея разные значения или употребления, обладает способностью относиться к разным соседним полям или переходить из одного поля в другие.

Как было уже отмечено выше, цель настоящего исследования заключалась не только в построении концепта «запах», но и в выделении в нем четкой структуры. Принимая во внимание теорию описания концепта, предложенную З. Д. Поповой, И. А. Стерниным [Попова, 2015], представим концепт в виде круга, в центре которого находится ядро самого концепта («архисема», часто «архилексема»). В свою очередь, периферия концепта может быть описана через составляющие ее слои: универсальный, социальный и индивидуально-личностный (согласно К. А. Кереру). Учитывая тот факт, что в данном исследовании концепт строится с опорой на корпус, выявленный на материале отдельного произведения, мы сознательно отказались от выделения социального слоя. Что же касается индивидуально-личностного слоя, то в рамках проведенного исследования, нам видится вполне обоснованным назвать его индивидуально-авторским. Эти модификации вызваны особым контекстом исследования, поскольку весь его корпус, выделен из одного-единственного авторского произведения (весь лексический материал принадлежит автору перевода романа на французский язык – Bernard Lortholary).

Отметим, что описанная выше структура не противоречит разделению концепта на семантические поля (на сектора), а наоборот, вносит определенную упорядоченность в её организацию. Рассмотрим более подробно, каким образом, эти два деления накладываются друг на друга.

Нами было установлено, что в любом семантическом поле обнаруживаются слова различных частей речи, иногда лексические единицы могут даже состоять из нескольких слов, а в исключительных случаях из целых фраз. При этом, в каждом поле представляется возможным выделить индивидуально-авторский слой и универсальный слой, состоящий из таких лексических единиц, значение которых закреплено в словаре и, независимо от контекста, относится к концепту «запах».

Синтез двух вышеупомянутых схем и учет всех изменений, внесенных в их структуру, позволяет описать концепт следующим образом: в центре находится *ядро* концепта, ближайший к ядру слой – *универсальный*, и, далее, на периферии находится *индивидуально-авторский* слой, представляющий, на наш взгляд, особый интерес для исследования.

Отметим, что в разных семантических полях соотношение между универсальным и индивидуально-авторским слоем неравномерно: в целом, индивидуально-авторский слой превалирует над универсальным. Возможно, это свидетельствует об исторически сложившемся отсутствии интереса к ольфакторной информации, что и получило свое отражение в языке.

К индивидуально-авторской лексике мы относим все разнообразие тропов, связь которых с концептом «запах» вне контекста произведения едва заметна или незаметна вовсе. Поскольку мы не ставим перед собой цель исследовать стилистическое разнообразие художественного языка автора в романе, а лишь оцениваем лексическое богатство, привнесенное писателем в данный концепт, мы не будем концентрировать наше внимание на подробном описании каждого тропа.

Обратимся к исследуемому корпусу. Как показал количественный анализ, из всего лексического материала, включающего в себя 650 лексических единиц (ЛЕ), 312 ЛЕ составляют универсальный слой (48 %). Сюда включены словарно закрепленные синонимы слова «запах» (среди прочих, effluve, émanation, exhalaison), перифразы (l'air qu'on réspire, le produit de la distillation), а также вся лексика, которая в сознании любого человека связывается с исследуемым концептом, независимо от контекста (например, renifler, flairer и т.п.).

Остальные 52 % сформированы из авторских метафор и метонимий, причем, метонимии составляют всего 6 % (37ЛЕ), тогда как метафоры представлены в количестве 46 % (301ЛЕ). Таким образом, метафора является наиболее продуктивным способом формирования нового лексического состава концепта в рамках исследуемого романа.

Интересно обратить внимание на то, как стилистическая насыщенность распределяется внутри каждого семантического поля. Методом количественного подсчета было установлено, что процентное содержание универсального слоя и индивидуально-авторского крайне неоднородно и варьируется от одного поля к другому. Так, среди лексических единиц, называющих восприятие запаха, их соотношение относительно равноценно (46 % индивидуально-авторских против 54 % общепринятых), тогда как во взаимодействии человека и запаха индивидуально-авторский слой явно доминирует (ср. 93 % и 7 % соответственно). Аналогичная ситуация наблюдается в семантическом поле, описывающем количество запаха (33 % универсальный слой, 67 % – индивидуально-авторский). Наиболее же ярко преобладание индивидуально-авторских метафор над общепринятой лексикой зафиксировано в случае воздействия запаха на человека. Всего 3 универсальные лексические единицы предлагает автор перевода в противовес 78 метафорам (96 %). Обратное явление наблюдается в таких тематических полях, как характеристика запаха (60 % универсальной лексики), процесс приготовления запаха (79 %), а также растения, используемые в парфюмерии (100 % универсальной лексики).

Безусловно, подобная неравномерность должна найти свое объяснение в лингвистической науке. На наш взгляд, это связано именно с тем, что до сих пор обоняние является наименее изученным чувством человека с лингвистической точки зрения. Очевидно, при проекции концептуальной картины мира на язык, выявилась некая нехватка языковых средств, и автор был вынужден прибегнуть к стилистическим способам обогащения словаря. Особенно ярко это выражается на уровне метафор, где восприятие запаха описывается с помощью других чувств человека (ср.: regarder par le nez, cueillir le parfum и т.п.). Таким образом, прибегая к использованию тропов, автор создает свой собственный индивидуально-авторский слой концепта, способствуя развитию и обогащению лексико-семантической системы языка.

Проведенное исследование показало важность изучения данной лингвистической проблемы. Благодаря полученным результатам, был сделан вывод, что некоторые аспекты концепта «запах», такие как, воздействие запаха на человека, практически не имеют универсальной лексики во французском языке, а значит, любой говорящий будет вынужден прибегать к различным художественным средствам для передачи своих мыслей. В этой связи, представляется интересным исследовать концепты всех пяти чувств человека во французском языке с целью их сравнения и выявления сходств и различий в способах вербализации, что обуславливает перспективу дальнейшего исследования. Интересно также в

будущем не ограничиваться одним произведением, а обратиться к корпусу французского языка (например, FRANTEXT) и исследовать нерассмотренный в данной работе социальный слой.

В области сравнительной лингвистики также появляется ряд перспектив, заключающихся в сравнении способов вербализации одних и тех же концептов и частоту использования в них лексических единиц всех слоев во французском и русском языках.

Библиографический список

1. Балмагамбетова Ж. Т. Понятие концепта в лингвокогнитологии и лингвокультурологии // Актуальные проблемы филологии: материалы II Международной научной конференции. Краснодар : Новация. 2016. С. 83–87.

2. Епанешникова М. А. Функции запаха как феномена культуры: научные журналы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2010. № 31 (212), вып. 19. С. 31–35.

3. Карасик В. И. Семиотические типы концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 5–11.

4. Керер К. А. Вербализация концепта «профессия» в романе А. Хейли «Сильнодействующее лекарство» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2010. № 4 (185). С. 93–96.

5. Косогорова Х. Г. Влияние языковой картины мира реципиента на перевод рекламного текста (на материале французского и русского языков) // Язык и общество: диалог культур и традиций: сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. 2018, вып. 16. С. 51–55.

6. Косогорова Х. Г. Современный сленг как отражение языковой картины мира французской и русской молодежи // Язык и общество: диалог культур и традиций: сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. 2012, вып. 9. С. 96–105.

7. Кубрякова Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка: Типы категорий в языке. Тамбов: ТГУ. 2010, вып.7. С. 13–18.

8. Несмачнова Е. В. Экспликация эмоций в тексте и кинотексте: интерсемиотический перевод романа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 214–220.

9. Никитина В. С. Концепт «Запах» в современной праздничной практике: соотношение «естественное/искусственное» / В. С. Никитина, Л. Н. Лазарева // Студенческий: электронный научный журнал. 2019. № 14 (58). URL: https://sibac.info/journal/student/58/137156

10. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 101с.

11. Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. Москва: «Институт психологии РАН», 1998. 232с.

12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Москва : Академический проект, 2004. 590 с.

13. Тентимишова А. К. Концепт и концептосфера в исследованиях ученых-лингвистов / А. К. Тентимишова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 17. С. 226–230. URL: http://e-koncept.ru/2016/46223.htm

14. Bengoua S. Analyse linguistique de quelques noms de parfums en Algérie, Insaniyat / 97 ,إنسانيات / 2018. P. 87–105.

15. Corbin A. Le miasme et la jonquille : L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles, Paris, Flammarion, 2008. 430p.

16. De Feydeau E. Les 101 mots du parfum à l'usage de tous Poche. Paris, 2014. 134p.

17. Digonnet R. Métaphore et olfaction : une approche cognitive. French Studies, Volume 72, Issue 1, January 2018. P. 150–151.

18. Kleiber, G., Vuillaume M. Pour une linguistique des odeurs : présentation, Langages 1/2011 (n° 181). P. 3–15.

19. Petit G. , Rinck F. Sentir des adjectifs et penser avec le nez. Le sentiment linguistique dans les métiers du sensoriel , Le Discours et la langue, 6(1), 2014. P. 91–107.

20. Rinck F. La part langagière de l'expertise olfactive. Rémi Digonnet. Pour une linguistique sensorielle, Honoré Champion, 2018. P.169–190.

21. Sarkissian M.-A. L'Art olfactif contemporain. Trois œuvres d'art olfactives mettant en pratique le concept d'interface Parfum-Musique. № 120, 2015. P. 155- 169.

22. Süskind P. Le parfum. Histoire d'un meurtrier. Traduit de l'allemand par Bernard Lortholary. Fayard, 2010. 280p.

23. Theissen A. Sentir : les constructions prédicatives de l'olfaction, Langages 1/2011 (n° 181). P. 109–125.

24. Vassiliadou H, Lammert M. Odeurs et dimension hédonique à travers le prisme des adjectifs, Langages 1/2011 (n° 181). C. 73–88.

25. Visser W. L'analyse de l'expertise du point de vue de l'ergonomie cognitive, Actes des 4ème Journées du Sensolier, Les Expertises sensorielles, 2006. P. 4–10.

26. Zarzo M. Hedonic judgments of Chemicals compounds are correlated with molecular size, Sensors11 (4), 2011. P. 3667–3686.

Reference List

1. Balmagambetova Zh. T. Ponjatie koncepta v lingvokognitologii i lingvokul'turologii = The notion of concept in lingvocognitology and lingvoculturology // Aktual'nye problemy filologii: materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Krasnodar : Novacija. 2016. S. 83–87.

2. Epaneshnikova M. A. Funkcii zapaha kak fenomena kul'tury: nauchnye zhurnaly = The functions of smell as a culture phenomenon:scientific journal // Vestnik

Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Kul'turologija. 2010. № 31 (212), vyp. 19. S. 31–35.

3. Karasik V. I. Semioticheskie tipy konceptov = Semiotic types of concepts // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2012. № 4. S. 5–11.

4. Kerer K. A. Verbalizacija koncepta «professija» v romane A. Hejli «Sil'nodejstvujushhee lekarstvo» = Verbalisation of the concept «profession» in the novel of A. Hailey «Strong medicine» // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Iskusstvovedenie. 2010. № 4 (185). S. 93–96.

5. Kosogorova H. G. Vlijanie jazykovoj kartiny mira recipienta na perevod reklamnogo teksta (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov) = The influence of language world picture of the recipient to the translation of an ad-text (on the material of the French and Russian languages) // Jazyk i obshhestvo: dialog kul'tur i tradicij: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU im. K.D. Ushinskogo. 2018, vyp. 16. S. 51–55.

6. Kosogorova H. G. Sovremennyj sleng kak otrazhenie jazykovoj kartiny mira francuzskoj i russkoj molodezhi = Modern slang as a reflection of language world picture of French and Russian youth // Jazyk i obshhestvo: dialog kul'tur i tradicij: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU im. K.D. Ushinskogo. 2012, vyp. 9. S. 96–105.

7. Kubrjakova E. S. O meste kognitivnoj lingvistiki sredi drugih nauk kognitivnogo cikla i o ee roli v issledovanii processov kategorizacii i konceptualizacii mira = On the place of cognitive linguistics among other disciplines of cognitive cycle and its role in the research of the processes of categorisation and coceptuality of the world // Kognitivnye issledovanija jazyka: Tipy kategorij v jazyke. Tambov : TGU. 2010, vyp.7. S. 13–18.

8. Nesmachnova E. V. Jeksplikacija jemocij v tekste i kinotekste: intersemioticheskij perevod romana = The explication of emotions in the text and cimenatext :intersemiotic translation of the novel // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2 : Jazykoznanie. 2017. T. 16. № 3. S. 214–220.

9. Nikitina V. S. Koncept «Zapah» v sovremennoj prazdnichnoj praktike: sootnoshenie «estestvennoe/iskusstvennoe» = The concept of «Smell» in modern holiday practice: ratio «natural/artificial» / V. S. Nikitina, L. N. Lazareva // Studencheskij: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2019. № 14 (58). URL: https://sibac.info/journal/student/58/137156

10. Popova Z. D. Jazyk i nacional'naja kartina mira = Language and national world picture. Moskva; Berlin : Direkt-Media, 2015. 101 s.

11. Rishar Zh. F. Mental'naja aktivnost'. Ponimanie, rassuzhdenie, nahozhdenie reshenij = Mental activity. Understanding, reasoning, finding decisions Moskva: «Institut psihologii RAN», 1998. 232 s.

12. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury = Constants: Russian culture dictionary. Moskva : Akademicheskij proekt, 2004. 590 s.

13. Tentimishova A. K. Koncept i konceptosfera v issledovanijah uchenyh-lingvistov = Concept and conceptosphere in the researches of scientists-linguists // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2016. T. 17. S. 226–230. URL: http://e-koncept.ru/2016/46223.htm

14. Bengoua S. Analyse linguistique de quelques noms de parfums en Algérie, Insaniyat / 97 ,إذ ساذ يات / 2018. P. 87–105.

15. Corbin A. Le miasme et la jonquille : L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles, Paris, Flammarion, 2008. 430 p.

16. De Feydeau E. Les 101 mots du parfum à l'usage de tous Poche. Paris, 2014. 134 p.

17. Digonnet R. Métaphore et olfaction : une approche cognitive. French Studies, Volume 72, Issue 1, January 2018. P. 150–151.

18. Kleiber, G., Vuillaume M. Pour une linguistique des odeurs : présentation, Langages 1/2011 (n° 181). P. 3–15.

19. Petit G. , Rinck F. Sentir des adjectifs et penser avec le nez. Le sentiment linguistique dans les métiers du sensoriel , Le Discours et la langue, 6(1), 2014. P. 91–107.

20. Rinck F. La part langagière de l'expertise olfactive. Rémi Digonnet. Pour une linguistique sensorielle, Honoré Champion, 2018. P. 169–190.

21. Sarkissian M.-A. L'Art olfactif contemporain. Trois œuvres d'art olfactives mettant en pratique le concept d'interface Parfum-Musique. № 120, 2015. P. 155–169.

22. Süskind P. Le parfum. Histoire d'un meurtrier. Traduit de l'allemand par Bernard Lortholary. Fayard, 2010. 280 p.

23. Theissen A. Sentir : les constructions prédicatives de l'olfaction, Langages 1/2011 (n° 181). P. 109–125.

24. Vassiliadou H, Lammert M. Odeurs et dimension hédonique à travers le prisme des adjectifs, Langages 1/2011 (n° 181). S. 73–88.

25. Visser W. L'analyse de l'expertise du point de vue de l'ergonomie cognitive, Actes des 4ème Journées du Sensolier, Les Expertises sensorielles, 2006. P. 4–10.

26. Zarzo M. Hedonic judgments of Chemicals compounds are correlated with molecular size, Sensors11 (4), 2011. P. 3667–3686.

УДК 811 13 81' 44

А. С. Овчинникова **https://orcid.org/0000–0001–9106–076X**

Переводный текст как вид межкультурной интеракции (на примере романских переводов В. С. Высоцкого)

Для цитирования: Овчинникова А. С. Переводный текст как вид межкультурной интеракции (на примере романских переводов В. С. Высоцкого) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 212-217. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-212-217

В статье рассматривается понятийный аппарат межкультурной коммуникации с разграничением понятий «интеркультурализм», «мультикультурализм» и «интеркультурная коммуникация», впервые уточняется определение перевода как вида межкультурной интеракции. Смешение понятий «реалия», «лакуна», «безэквивалентная единица», «культуроним», «полионим», «идионим», «ксеноним» вызвало необходимость введения в понятийный аппарат «лингвокультуремы», которая наиболее адекватно соответствует анализируемому материалу. Новый подход к выбору методов (сплошной выборки, этимологического анализа, словообразовательного анализа, словообразовательного синтеза, метода словарных дефиниций, метода анкетирования, сопоставительного анализа, машинного перевода, компонентного анализа, интеракционального и статистического анализа) дает наиболее полную картину функционирования лингвокультурем в поэтическом тексте В. С. Высоцкого и их эквивалентов в поэтических переводах трех романских языков: французском, испанском, итальянском. Сочетание сравнительно-сопоставительного и интеракционального анализа позволяет выявить асимметрию семантической наполняемости лингвокультуремы в оригинале и семный состав эквивалентов анализируемых единиц в разноструктурных языках. Применение компонентного анализа к иллюстративному материалу, насчитывающему 450 единиц, дает возможность выявить ядерные, дифференциальные и потенциальные семы русских лингвокультурем и их соответствий в романских языках, а также установить их валентностные связи и факторы, обусловливающие реализацию приращенных сем в русских лингвокультуремах, широко используемых В. С. Высоцким. Особое место в статье занимают способы перевода русских лингвокультурем в романской семье языков в свете нового подхода к переводу как к полилогу между автором текста, переводчиком и читателем. С этой точки зрения переводчик выступает как актант межкультурной интеракции, от которого зависит адекватность восприятия приращенных сем лингвокультурем, отражающих обычаи, традиции, привычки чужой иноязычной культуры.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация**,** межкультурное взаимодействие, лингвокультурема, реалия, безэквивалентная единица, культуроним.

A. S. Ovchinnikova

Translated text as a kind of intercultural interaction (on the example of romance languages translations of V. S. Visotsky)

Abstract: the article deals with the conceptual framework of intercultural communication with the distinction between the concepts of «interculturalism», «multiculturalism» and «intercultural communication» for the first time, the definition of translation as a type of intercultural interaction isspecified. The confusion of the concepts «reality», «lacuna», «non-equivalent unit», «culturonym», «polyonym», «idionym», «xenonym» caused the need to introduce the concept of «linguoculturema» into the conceptual framework, which most adequately corresponds to the analyzed material. A new approach to the selection of methods (continuous computer sampling, etymological analysis, word-formation analysis, word-formation synthesis, dictionary definition method, questionnaire method, comparative analysis, machine translation, component analysis, interactive and statistical analysis) it gives the most complete picture of the functioning of linguocultures in V. S. Vysotsky's poetic text and their equivalents in poetic translations of three romance languages: French, Spanish, and Italian. The combination of comparative and interactive analysis allows us to identify the asymmetry of semantic content of linguoculturema in the original and the seminal composition of the equivalents of the analyzed units in different structural languages. Application of component analysis to illustrative material, with 450 units, makes it possible to identify nuclear, differential and potential semes Russian linguocultural units and their equivalents in romance languages, as well as set them valentone of communication and the factors contributing to the incremental implementation of semes in Russian linguoculture, widely used V. S. Vysotsky. The

© Овчинникова А. С., 2020

article focuses on the ways of translating Russian linguocultures in the romance family of languages in the light of a new approach to translation as a polylogue between the author of the text, the translator and the reader. From this point of view, the translator acts as an actor of cross-cultural interaction, which determines the adequacy of the perception of the linguocultures that reflect the customs, traditions, and habits of another foreign culture.

Key words: intercultural communication, intercultural interaction, linguocultureme, realia, non-equivalent unit, culturonym.

В современном мире интенсивно развиваются процессы глобализации и международного взаимодействия во всех сферах жизни: экономической, политической, социальной и интеллектуальной. Любой народ не только открыт для восприятия чужого культурного опыта, но и готов делиться своими традициями и обычаями. Такое обращение к другим культурам получило название межкультурной коммуникации. Определение взаимодействия между «своим» и «чужим» вызывает непрекращающиеся споры в лингвистических кругах. В специальной литературе встречаются такие термины, как «интеркультурализм» [Céline, 2015] и «мультикультурализм» [Bouchard, Goulet, 2014, p. 393, 394], «интеркультурная коммуникация». [Traverso, 2000, p. 34-49]. Но все эти термины входят в понятийный аппарат других гуманитарных дисциплин: социологии, антропологии и других. Наиболее адекватным термином для лингвистической науки предлагается термин «межкультурная коммуникация», который был разработан в трудах российской школы лингвострановедения [Верещагин, Костомаров, 2019] и получил дальнейшее развитие в работах лингвоэтнокультурологии [Веденина, 2017], по межкультурной коммуникации и дидактике (Тер-Минасова, 2004], по межкультурной коммуникации и переводу [Овчинникова, 2013; Ladmiral ,Lipiansky, 2015]. Понятийный аппарат этой сравнительно молодой науки, основу которого составляют такие термины как «интеракция», «взаимодействие», «лингвокультурема» привлекает в настоящее время исследователей различных направлений, переводоведение не составляет исключение.

В большинстве работ в области традуктологии чаще всего наблюдается подход к оригинальному и переводному тексту, связанный с теорией эквивалентности [Автоматизированный поиск …, с. 421–440]. В настоящей статье предлагается впервые расширить традиционный подход и рассмотреть поэтические тексты В. С. Высоцкого и его переводы на французский, итальянский и испанский языки с точки зрения межкультурной коммуникации, включая взаимодействие автора, переводчика и читателя. До настоящего времени вопрос определения межкультурной интеракции остается открытым. Американские исследователи предлагают термин «интеракционизм», уделяя внимание анализу языка как главному символическому «медиуму» взаимодействия [Goffman, 2005, p. 7]. Но этот термин в большей степени соответствует таким дисциплинам как социология и психология, поскольку методологическую основу интеракционизма составляет теория ролей. Социальные установки в интеракционизме и роли формируют структуру личности, которая вступает в общение с другой личностью, либо разделяя точку зрения, а также мнение группы окружающих людей, либо выдвигая свою собственную позицию. Термины же «интеракция» и «взаимодействие», «диалог» [*Kerbrat*-Orecchioni, 2005, p. 258–263; Панова, 2018, с. 171–174], в отличие от социолого-психологического понятия «интеракционизм» [Mead,1986; Pons, 1996]и понятия социологии «интерактивность» [Trager, Hall, 1954], содержат лингвистическую составляющую и представляют собой речевое взаимодействие участников дискурса.

Процесс перевода можно рассматривать как вид межкультурной коммуникации, так как он представляет собой сложную деятельность, в которой взаимодействуют не только языковые системы, но и культуры исходящего языка и переводных языков. В связи с этим переводчик должен не просто осуществлять перевод, но также быть осведомлен о культурах стран взаимодействующих языков, поскольку именно переводчик должен будет впоследствии выбрать наиболее подходящий вариант для отображения языкового явления, непосредственно отражающего чужую культуру. Смысл языковой единицы становится понятным только в том случае, если данный языковой элемент соответствует культурному компоненту и контексту, в котором он используется. Культурные различия участников коммуникации сильно влияют на толкования различных языковых

единиц, а также коммуникативного поведения участников дискурса. Предпереводческий анализ часто включает весьма широкий диапазон вариантов интерпретации, поскольку заключает в себе множество приращенных коннотативных сем. Переводчик вступает во взаимодействие с автором, с одной стороны, и с читателем, с другой стороны, стремясь к наиболее верной передаче смысла авторского текста. Особую трудность при переводе представляют приращенные культуроносные семы реалий, так как отсутствует универсальный переводческий прием для передачи особенностей и сохранения национального своеобразия текста оригинала [Gutiérrez Laffargue, 2016].

Новым и актуальным является исследование переводческого акта как межкультурной интеракции, поскольку важно выявить закономерности функционирования лингвокультурем и идионимов в сопоставляемых языках.

Такой подход требует уточнения ряда терминов: «культурема» [Moles, 2019, p. 109–112], «лингвокультурема» [Воробьев, 1994, с. 75–82], «культуроним» [Кабакчи, 2007, с. 166], «безэквивалентная единица», «реалия», «лакуна» [Словарь терминов ..., 2013, с. 36]. Понятие культуремы было введено во французской социологии для обозначения отдельных «атомов» культуры, совокупность которых создает стереотипы и клише того или иного социума. Термин культуроним был предложен в Ленинградской научной школе для обозначения единиц различных языков, с их полным или частичным коннотативным наполнением, обозначающим специфическое явление в какой-либо культуре. В. В. Кабакчи выделяет три вида культуронимов: полионимы (универсальные языковые единицы с культурным компонентом, свойственные многим культурам земной цивилизации, как гетерогенные по форме river, rivière, fleuve, река, так и гомогенные, чаще всего интернационализмы), идионимы (языковые элементы, свойственные своей собственной культуре: степь, бард, macaron, baguette) и ксенонимы (языковые единицы для обозначения в своей культуре особых элементов чужой культуры). Безэквивалентная единица принадлежит переводоведению для обозначения отсутствия полного соответствия компонентов значения в переводном языке. Реалия, варваризм, лакуна представляют собой лексические единицы, которые в аспекте переводоведения отражают отсутствие однословного наименования в переводном языке для выражения предмета или явления языка оригинала.

Поскольку настоящее исследование проводится с точки зрения межкультурной коммуникации, то предлагается разделить мнение В. В. Воробьева [Воробьев, 1994, с. 75–82] и дать более углубленное видение понятия «лингвокультурема» как комплексной межуровневой единицы, семный состав которой включает культуроносные семы, обусловленные экстралингвисическими факторами.

Отличительным признаком лингвокультуремы является двусторонность этой единицы, она содержит материальное и духовное. Компонентный анализ лингвокультурем позволяет выделить ядерные, дифференциальные и приращенные семы. Специфика реализации приращенных сем лингвокультурем находится в прямой зависимости не только от контекстного окружения, но и от целого пласта культуры. Переводчику как актанту в треугольнике межкультурной интеракции (автор-переводчик-читатель) недостаточно владеть лексическим значением слова, видеть отличительные свойства предметов в сопоставляемых языках, он должен стремиться не создавать двух понятий о предмете, а расширять информационный запас с целью углубления одного понятия в разных языках. Совершенно справедливо мнение М. В. Никитина о своеобразии концептов одинаковой отнесенности к одному и тому же предмету в разных языках и лингвокультурах. Различия в системах соотношений между понятиями и их выражением в языке правомерно искать в национальных особенностях культур, фактах истории и традициях, в элементах совместной деятельности человека и особенностей того мира, в котором эта деятельность совершается [Никитин, 2003, с. 277]. В лингвокультурологическом поле синтезируются языковое и культурологическое значения. В условиях межкультурной интеракции выбор адекватного эквивалента в лингвокультурологических полях разноструктурных языков не всегда возможен и представляет трудность в процессе подбора соответствий.

Ярким примером служат переводные французские и итальянские тексты песен, в которых встречается компонент русской культуры « баня»: *Протопи ты мне* ***баньку по-белому/****Я от белого свету отвык* - *Réchauffez-moi bien* ***le sauna,/*** *car je vais prendre un bain blanc/Chauffe-*

moi ***l'étuve à blanc*** */Que je m'habitue à ce bas monde* (фр.)/ *Proprio qui, proprio qui.../Riscaldatemi bene* ***la sauna*** */perché* ***un bagno alla bianca*** *farò /proprio qui, sulla panca, tra un attimo/la mia anima stanca cadrà(um.)/ Hazme tú* ***una sauna a vapor blanco/*** *Que la luz blanca hace mucho no veo* (исп.) [Vyssotsky, 2003, p.187]

Баня – особо устроенное помещение, где моются и парятся. Sauna m, f. bain de vapeur d'origine finlandaise.

étuve f. nom donné autrefois aux établissements de bains. Baño de vapor, en recinto de madera, a muy alta temperatura, que produceuna abundante sudoración y que se toma con fines higiénicos y terapéuticos.

sauna, f finnica, stanza da bagno, pratica fisioterapica di origine Nordica consistente in un bagno di vapore alternato con docce fredde e massaggi, luogo ove si fa questo bagno

Совпадение ядерных сем словарных дефиниций «помещение», «baño», «luogo» лежит в основе межкультурного взаимодействия переводческих текстов двух романских языков и оригинала русского языка, которое расширяется за счет реализации дифференциальных сем «vapeur» (фр.), «vapore»(ит.), «vapor»(исп.), но уже на уровне потенциальных сем банька «по-белому» (l'étuve à blanc, un bagno alla bianca, una sauna vapor blanco) и банька «по-черному» (l'étuve enfumée, un bagno alla nero, una sana a vapor nero) возникает различное отражение русской лингвокультуремы «баня» во французском и итальянском языках. Переводчики и иноязычные читатели выводят сему цвета в доминантное положение. К сожалению, дифференциальная сема «пар» не учтена ни французскими, ни испанскими, ни итальянскими переводчиками в ходе межкультурного взаимодействия с оригиналом текста. Переводчики выбрали заимствованное из финского языка слово sauna, поскольку европейцы чаще посещают термы, в которых можно встретить либо финскую сауну, либо турецкий хаммам. Использование эквивалента hammam было бы ближе по семантическому наполнению к лексеме «русская баня», так как дифференциальной семой словарной дефиниции «сауна», в отличие от лексем «хаммам» и «русская баня», является отсутствие семы «вода». Вместе с тем привлечение этимологического анализа привело к интересному наблюдению: на уровне этимонов удалось установить общность потенциальных сем «русской бани по-черному» и древней финской бани по-черному «саву (savu)», так как в словарной дефиниции «саву» имеются дифференциальные семы отсутствия трубы и окна. Внутри помещения находился очаг, сложенный из камня, дым выходил через дверь. Однако в номинации лингвокультуремы в русском языке, в отличие от финского этимона, произошла реализация семы цвета [Овчинникова, 2017, с. 196–199], так как в русской бане дым из очага окутывает потолок и стены, на них оседает сажа черного цвета, что и способствовало выведению семы «топить по-черному» в номинативную функцию. На уровне лингвокультурем эту сему можно считать потенциальной, так как существует и противоположная сема цвета «топить по-белому», которая реализуется в другом песенном тексте В. С. Высоцкого «Банька по-белому». Отличительной лингвокультуральной семой выступает в этом тексте не цвет, а дифференциальная сема «выведенная наружу труба», но именно эта сема редко отражается в сознании рецепиентов переводных текстов. Проведенное анкетирование во время летних стажировок студентов университета «Гренобль-Альпы», изучающих русский язык как иностранный (2010–2019 гг.) и студентов университета «Рим-3» (выражаю им большую признательность за их согласие на участие в эксперименте) показывает, что 82 % французских студентов и 89 % итальянских студентов ассоциируют un bain blanc и la vapore bianca с семой белого цвета бани и белого цвета пара. Лишь только 18 % французов и 11 % итальянцев, которые были в предыдущие годы на стажировках в России, обратились к лексикографическим источникам и дали адекватные ответы.

В том же песенном тексте встречается ещё одна лингвокультурема «березовый веник», которую в переводном французском тексте можно встретить как un bouquet de branches de bouleau, в итальянском- col rametto di betulla, в испанском – con el manojo de abedul (исп.), но иностранный читатель не может иметь полное отражение этого понятия, как и в случае с предыдущей лингвокультуремой, если у читателя отсутствует видение этого предмета. Свежесрезанный или хорошо высушенный веник (связка веток с листьями) является важным традиционным атрибутом банной процедуры в России, что отражается в таких приращенных

семах: «целебные свойства», «ароматерапия», «березотерапия».

Культурологические компоненты лексемы «русская баня» связаны также с народными приметами, например: после бани совершался ритуал очищения, обязательного омовения холодной водой из ковша после горячего пара, либо купание в ледяной проруби. В. С. Высоцкий писал «Баньку по-белому» в Сибири, в период киноэкспедиции. Его главный персонаж – это обобщенный герой, бывший заключенный, вышедший на свободу после сталинских лагерей, что во французском, испанском и итальянском переводных текстах передается через семантический сдвиг: *Et le tatouage de l'époque du culte de la personnalité/Sur mon sein gauche bleuira* (фр.),

Il tatuaggio del capo infallibile/si farà sul mio petto più blu (um.), Y lo grabado del tiempo del Culto/en el pecho izquierdo azul se pondrá(ucn.). Возвращение к забытой прежней жизни передается через растопленную «баньку по-белому», очищение от лагерного прошлого березовым веником: *Et je cingle avec le balai de bouleau/Ce souvenir des sombres années (фр.)*

В заключении следует отметить, что приведенные примеры подтверждают верность подхода к переводным текстам как межкультурным интеракциям, особое место в которых занимают лингвокультуремы.

Неадекватное восприятие существующих понятий в отечественной и зарубежной лингвистике, таких как: «реалия», «идиома», «культуроним», «лингвокультурема», «лакуна», «безэквивалентная лексика» потребовало уточнения понятийного аппарата и углубления существующего определения лингвокультуремы.

Компонентный анализ лингвокультурем позволяет установить приращенные семы, которые обусловлены не только контекстным окружением данных единиц, но и своеобразием культур, к которым они принадлежат.

Библиографический список

1. Автоматизированный поиск средств ритмизации художественного текста для сравнительного анализа оригинала и перевода на материале английского и русского языков / Лагутина Н. С. и др. Моделирование и анализ информационных систем. Т. 26. № 3. 2019. 468 с.

2. Веденина Л. Г. Человек в лингвоэтнокультурном пространстве. Москва : Языки славянской культуры. 2017. 664 с.

3. Верещагин Е. В., Костомаров В. Г. Язык и культура. Москва : Индрик, 2005. 1040 с.

4. Воробьев В. В. Лингвокультурема как единица поля // Русский язык за рубежом. 1994. № 4. С. 75–82

5. Кабакчи В. В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. – Санкт-Петербург : Издательство «Союз».2007. 480 с.

6. Никитин М. В. Основы когнитивной семантики. Санкт-Петербург, 2003. 278 с.

7. Овчинникова Г. В. Семантическая трансплантация конверсивов с ядерной семой «цвет» во французском языке // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы. Материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара им. Л. М. Скрелиной. 2017. 388 с.

8. Овчинникова Г. В. Paroles, paroles, paroles... Научно-практическое пособие по межкультурной коммуникации и переводу. Тула, 2013. 80 с.

9. Панова Ю. С. Вокативы в динамике диалогов на материале французского и испанского языков. Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (279). С. 171–174.

10. Словарь терминов межкультурной коммуникации / Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзефович Н. Г. Москва : Флинта : Наука, 2013. 632 с.

11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва, 2004. 262 с.

12. Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы. Материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара им. Л. М. Скрелиной / Овчинникова Г. В. Семантическая трансплантация конверсивов с ядерной семой «цвет» во французском языке. 2017. 388 с.

13. Bouchard G., Goulet S.-H. L'interculturalisme. Un point de vue québécois , Questions de communication, 25 / 2014, 393–394.

14. Céline C.-P. L'interculturalisme. Une approche de recomposition du lien social dans les sociétés pluralistes.// In revue Sociologie S, numéro mis en ligne le 26 mai 2015, p. 2–6.

15. Goffman E. On face-work: An Analysis of ritual elements of social interaction. Reprint: Interaction Ritual. 2005. P. 5–46.

16. Gutiérrez Laffargue P. Les termes d'adresse en espagnol langue étrangère. Paris, 2015. 312 p.

17. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. Paris : Armand Colin, 2005, 368 p.

18. Ladmiral J.-R.,Lipiansky E.M. La communication interculturelle. P., 2015. 327 p.

19. Mead M. Cultural Patterns and Technical Change. Paris : UNESCO, 1986.

20. Moles A. Sociodynamique de la culture. Paris : Mouton, 2019. 344 p.

21. Pons Xavier. Le multiculturalisme en Australie. P., 1996. 411 p.

22. Trager G. L., Hall E. T. Culture and communication: A model and analysis// Explorations: Studies in Culture and Communication.1954. № 3. P. 137–149.

23. Traverso V. Perspectives interculturelles sur l'interaction. P., 2000. 394 p.

24. Vyssotsky V. Ballades. P., 2003. 449 p.

Reference List

1. Avtomatizirovannyj poisk sredstv ritmizacii hudozhestvennogo teksta dlja sravnitel'nogo analiza originala i perevoda na materiale anglijskogo i russkogo jazykov = Automated search of rhyming of an artistic text for a comparative analysis of the original and translation on the material of English and Russian languages / Lagutina N. S. i dr. Modelirovanie i analiz informacionnyh sistem. T. 26. № 3. 2019. 468 c.

2. Vedenina L. G. Chelovek v lingvojetnokul'turnom prostranstve = Man in a linguistic space. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2017. 664 s.

3. Vereshhagin E. V., Kostomarov V. G. Jazyk i kul'tura = Language and culture. Moskva : Indrik, 2005. 1040 s.

4. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turema kak edinica polja = Linguocultureme as a unit of a field // Russkij jazyk za rubezhom. 1994. № 4. S. 75–82

5. Kabakchi V. V. Praktika anglojazychnoj mezhkul'turnoj kommunikacii = The practice of English intercultural communication. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Sojuz». 2007. 480 s.

6. Nikitin M. V. Osnovy kognitivnoj semantiki = The basics of cognitive semantics.Sankt-Peterburg, 2003. 278 s.

7. Ovchinnikova G. V. Semanticheskaja transplantacija konversivov s jadernoj semoj «cvet» vo francuzskom jazyke = Semantic transplantation of conversives with the nuclear sema «colour» in the French language // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii jazyka: kategorii, faktory, mehanizmy. Materialy XVIII Mezhdunarodnoj konferencii Shkoly-Seminara im. L.M. Skrelinoj. 2017. 388 s.

8. Ovchinnikova G. V. Paroles, paroles, paroles... Nauchno-prakticheskoe posobie po mezhkul'turnoj kommunikacii i perevodu = Paroles, paroles. Paroles... Scientific and practical study guide on intercultural communication and translation. Tula, 2013. 80 s.

9. Panova Ju. S. Vokativy v dinamike dialogov na materiale francuzskogo i ispanskogo jazykov = Vocals in the dynamics of dialogues on the material of the French and Spanish languages // Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 2 (279). S. 171–174.

10. Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii = The dictionary of terms of intercultural commucation / Zhukova I. N. i dr. Moskva : Flinta : Nauka, 2013. 632 s.

11. Ter-Minasova S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija = Language and intercultural communication. Moskva, 2004. 262 s.

12. Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii jazyka: kategorii, faktory, mehanizmy. Materialy XVIII Mezhdunarodnoj konferencii Shkoly-Seminara im. L. M. Skrelinoj = Fundamental and urgent in the language development: categories, factors, mechanisms. The materials of XVIII International conference of School-seminar named after L.M. Skrelina / Ovchinnikova G. V. Semanticheskaja transplantacija konversivov s jadernoj semoj «cvet» vo francuzskom jazyke. 2017. 388 s.

13. Bouchard G., Goulet S.-H. L'interculturalisme. Un point de vue québécois , Questions de communication, 25 / 2014, 393–394.

14. Céline C.-P. L'interculturalisme. Une approche de recomposition du lien social dans les sociétés pluralistes.// In revue Sociologie S, numéro mis en ligne le 26 mai 2015, p. 2–6.

15. Goffman E. On face-work: An Analysis of ritual elements of social interaction. Reprint: Interaction Ritual. 2005. P. 5–46.

16. Gutiérrez Laffargue P. Les termes d'adresse en espagnol langue étrangère. Paris, 2015. 312 p.

17. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. Paris : Armand Colin, 2005, 368 p.

18. Ladmiral J.-R.,Lipiansky E.M. La communication interculturelle. P., 2015. 327 p.

19. Mead M. Cultural Patterns and Technical Change. Paris : UNESCO, 1986.

20. Moles A. Sociodynamique de la culture. Paris : Mouton, 2019. 344 p.

21. Pons Xavier. Le multiculturalisme en Australie. P.,1996. 411 p.

22. Trager G. L., Hall E. T. Culture and communication: A model and analysis// Explorations: Studies in Culture and Communication.1954. № 3. P. 137–149.

23. Traverso V. Perspectives interculturelles sur l'interaction. P., 2000. 394 p.

24. Vyssotsky V. Ballades. P., 2003. 449 p.

УДК 811 133.1

Г. В. Овчинникова **https://orcid.org/0000–0001–9106–076X**

Словообразовательные и словопроизводственные процессы в формировании сан-антонионизмов Фредерика Дара

Для цитирования: Овчинникова Г. В. Словообразовательные и словопроизводственные процессы в формировании сан-антонионизмов Фредерика Дара // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 218-222. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-218-222

В статье впервые дается определение понятия «сан-антонионизм», устанавливаются его отличия от понятий «неологизм», «семантический неологизм», «потенциальное слово», «окказионализм», «авторский неологизм» и обусловлена необходимость использования термина «сан-антониологизм» как более широкого понятия по сравнению с вышеперечисленными. Широкий спектр методов анализа иллюстративного материала позволяет наиболее адекватно провести анализ продуктивности способов словопроизводства и словообразования. Теория словообразовательных рядов Н. А. Катагощиной, теория словообразовательной валентности, инвариантности и вариативности получают своё развитие на материале сан-антониологизмов. Фредерик Дар строит своё словотворчество как в соответствии с закономерностями словообразовательной системы французского языка и продуктивностью словообразовательных рядов, так и нарушая самым неожиданным образом все законы словообразовательной аналогии. Исследование 15 000 сан-антонионизмов привело к выявлению их специфики в плане выражения и в плане содержания. Спецификой глагольных сан-антонионизмов является особая частеречность производящих основ: они входят в состав отымённых двузвенных словообразовательных рядов. Производными словами выступают как имена нарицательные, так и имена собственные. Аттракция сем производящих основ и сем словообразовательного значения форманта лежит в основе появления приращенных сем. Именно эти коннотативные семы и дарят читателям экспрессивность и игру слов, свойственные идиостилю Фредерика Дара.

Ключевые слова: словообразовательный ряд, словообразовательное звено, словообразовательная валентность, сан-антонионизм, словопроизводство.

G. V. Ovchinnikova

Word-formation and word-production processes in the formation of san-antonionisms of Frederick Dar

the article defines the concept of «San-antonionism» for the first time and establishes its differences from the concepts of «neologism», «semantic neologism», «potential word», «occasionalism», «author's neologism». It is necessary to use the term «San-antonionism» as a broader concept in comparison with the above. A wide range of methods for analyzing illustrative material allows the most adequate analysis of the productivity of word production and word formation methods. The theory of word-formation rows of N. A. Katagoshtshina, the theory of valency derivation, invariance and variability be developed on the material of the San antonionis. Frederic Dar builds his word-making, both in accordance with the laws of the word-formation system of the French language and the productivity of word-formation series, and violating in the most unexpected way all the laws of word-formation analogy. A study of 15,000 San-antoniologisms has led to the identification of their specificity in terms of expression and content. The specificity of verbal San-antoniologisms is a special frequency of generating bases, they are part of the nomenal two-link word-formation series. Derived words are both common names and proper names. The attraction of seme generating bases and seme word-formative meaning of the formant is the basis for the appearance of incremented semes. These connotative semes and give readers the expressiveness and play of words peculiar to idiostyle Frederick Dar.

Key words: word formation series, word formation link, word formation valence, San-antonionism, word production.

Фредерик Дар является одним из самых ярких современных французских писателей. Главным героем его огромного количества литературных творений (169 романов) является Сан-Антонио.

© Овчинникова Г. В., 2020

Трансплантированная сема американского топонима прижилась не только в имени неутомимого привлекательного комиссара полиции, но и в псевдониме самого Фредерика Дара. Нарративное воображение Фредерика Дара отличается необычайностью сюжета и ярким словотворчеством, каламбурами и бурлеском, как в лучших литературных традициях Франсуа Рабле.

Статья ставит своей целью впервые дать определение сан-антониологизма и разграничить понятия «неологизм», «индивидуально-авторский неологизм», «потенциальное слово», «окказионализм». Новый подход к сочетанию ряда методов: метода компьютерной выборки, компьютерного конструирования потенциального слова, словообразовательного анализа и словообразовательного синтеза, компонентного анализа, метода словарных дефиниций позволяет решить сложные задачи определения словообразовательной и словопроизводственной структуры сан-антонионизма и его семантическую наполняемость.

Несмотря на то, что исследователи многократно обращались к теме исследования неологизмов, начиная с XVв. до настоящего времени [Darmesteter,1875, p. 72–77; Dauzat, 1939; Dépecker, 2001, p.700–712; Galli, 2012; Georgin, 1963; Goosse, 1975, p.74–75; Guilbert,1975; Meillet, 1921; Jeannerod, 2007; Sablayrolles J.-F.], вместе с тем сохранились ещё вопросы, требующие уточнения как в теоретическом, так и в практическом планах, особенно относительно способов словообразования и словопроизводства новых слов.

Отличительной чертой неологизмов является их историчность [Boulanger, 1989, p.202–207], новые слова появляются, существуют определенный период времени и затем переходят в пласт общеупотребительной лексики, утрачивая свою новизну, а иногда и поступают в разряд архаизмов. Одним из самых спорных вопросов, связанных с новообразованиями, является вопрос о причинах возникновения неологизмов. [Воронцова, 2012]. Жизнь общества находит отражение в языке, который отвечает на запрос прогресса науки и техники обогащением словарного запаса. С появлением страшной трагедии, связанной с коронавирусом COvid-19, по аналогии с *confinement, m – interdiction à un malade de quitter la chambre* [Le Petit Robert, 2006, p. 362] появился неологизм *déconfinement, m* и глагольный неологизм, образованный парасинтетическим способом: *décamérer – sortir de sa chambre, en restant confiné [Marianne, le 20 avril 2020]*.

В связи с самоизоляцией и дистанционной работой получили развитие своей частотности такие неологизмы, как: *télétravail, téléréunion, réunionite, réunioniter, réuniologie [Notre Temps, le 21 aril 2020]*, которые образуют многозвенный словообразовательный ряд [Катагощина, 2012, с. 91]. В области информационных и коммуникационных технологий появилось новое слово *infodémie*,f - *un déluge d'informations, dont bon nombre se révèlent fausses.* Его появление обусловлено тем фактом, что в социальных сетях часто распространяется ложная информация относительно короновавируса, что нередко поражает всемирную панику. Приведенные примеры правомерно считать неологизмами, поскольку они появились в силу необходимости обозначения новых явлений жизненных условий как в плане содержания, так и в плане выражения. Они могут пополнить словарь повседневного общения и постепенно будут утрачивать свою новизну, переходя в разряд нейтральных слов. Однако, существует и другая спорная точка зрения, согласно которой неологизмами можно считать слова, зафиксированные словарями новых слов [Rey, 1997, p. 97–128].

Неологизмы необходимо отграничивать от потенциальных и окказиональных единиц. Теория словообразовательной валентности и словообразовательных рядов, получившие развитие в последних исследованиях Московской школы словообразования на материале романских, германских и славянских языков, помогло установить универсальную закономерность, согласно которой во всех изученных языках словообразовательные ряды пронизывают все языковые системы

Специфику словообразовательных рядов составляют пустые звенья, которые и являются ядром потенциальных образований [Овчинникова, 2018].

Потенциальные производные подчиняются полностью законам словообразовательной аналогии и могут заполнить лакуны в словообразовательных рядах с высокой степенью продуктивности, например: *pandémie-pandémique, infodémie – x,* в отымённом словообразовательном ряду было возможно появление прилагательного *infodémique* как потенциального, но уже в начале 2020г. это признаковое слово появилось и вошло в разряд неологизмов. Окказиональные же

производные единицы имеют сходства с неологизмами и потенциальными словами, которые также появляются чаще всего в соответствии с закономерностями словообразовательной системы, но основное отличие окказионализмов от вышеуказанных единиц заключается в их единичности/ непродуктивности, нередко и с нарушением закономерностей словопроизводства и словообразования.

В специальной литературе часто окказиональные образования приравнивают к авторским неологизмам. Авторское словотворчество занимает особое место в неологии, поскольку формообразование и семантика авторских неологизмов направлены на порождение коннотативных сем. Авторские неологизмы могут включать и окказионализмы, если те не войдут в нейтральную лексику. Многие лингвисты ставят знак равенства между понятием индивидуально-авторским неологизмом и сан-антонионизмом. Такой подход, по-видимому, допустим к другим авторам французской художественной литературы, но не к лексемам Фредерика Дара. Как показывает словарь, включающий 15 000 словоупотреблений, встречающихся в романах автора. сан-антонионизм – это более широкое понятие, чем индивидуально-авторский неологизм. Оно включает неологизмы, слова повседневной лексики, имена нарицательные, имена собственные, окказионализмы, авторские каламбуры.

Создание новых слов Сан-Антонио, обусловленных потребностями ритма художественного произведения, подтверждает наблюдение исследователей о взаимосвязи синтаксиса, морфонологии и словообразования [Бойчук, 2013].

boutondemancheté – porteur de boutons de manchette

«Le Vieux cravaté, récuré, boutondemancheté est là.» [Dictionnaire San-Antonio, p. 50]

Проведенный словообразовательный анализ и полученные статистические данные показывают, что наиболее продуктивными и частотными производными сан-антонионизмами являются глаголы первой группы, которые входят в двузвенные отымённые словообразовательные ряды:

Nom+**-er:** *taxi- taxifier (servir de taxi, p. 308)*

pizza-pizzer (faire des pizzas, p. 255), hara-kiri-harakiriser (p. 175)

Имена собственные очень часто выступают в качестве производящих основ отымённых словообразовательных рядов, но семантика производных глаголов отличается наличием приращенных сем, которые являются результатом аттракции одной из дифференциальных сем производного слова, например, семы рода деятельности, и значения словообразовательного форманта:

Paul-Emile-Victor (fondateur des expéditions polaires, écrivain)– paulémilvictorer (casser la glace, se trouvant ainsi dans une ambiance très familière à Paul-Emile-Victor, p.243)

Частотным словообразовательным рядом, включающим глагольный сан-антонионизм, является двузвенный ряд с производящей основой – лексикализованной синтагмой:

légion d'honneur – légiondonneurer –porter la Légion d'honneur(p.199)

Специфику этих «сан-антонионических» словообразовательных рядов составляют глагольные производные с производящей основой, выраженной прилагательным и числительным, которые не являются типичными для словообразовательной системы французского языка:

Adjectif**+-er :** *lyrique – lyriquer (parler de façon lyrique,p.203)*

N de **N**ombre +-**er**: *quatre –quatrer(monter un escalier à quatre,p.269)*

Достаточно продуктивным словообразовательным рядом является двузвенный глагольный ряд с производящей основой –наречной конструкцией:

à pas de loup – àpasdelouser (marcher à pas de loup sans faire plus de bruit, p. 22)

au pas de course – pasdecourser (p.242)

Фредерик Дар виртуозно преобразует синтаксические конструкции и фразеологические обороты в производящие основы, пополняя производные глаголы первой группы:

ouvrir une séance – la séancétouverter (p.198)

aller par quatre chemins – quatrecheminer (p.269)

faire l'école buissonnière – l'écolebuissonniérer(p.199)

avoir la chair de poule –chairdepouler(p.68)

donner carte blanche –carteblancher(p.64)

В фактическом материале сан-антонионизмов встретился только один случай образования неологизма второй группы: *arc-en-ciélir (prendre toutes les couleurs de l'arc-en-ciel, p.23),* что доказывает стремление французского языка к образованию регулярных глаголов первой группы.

Синтаксические конструкции и целые предложения широко используются в качестве произ-

водящих основ в романах Сан-Антонио. Конверсивы являются яркой составляющей идеостиля этого автора:

Une mademoiselle-laissez-moi-votre-pardessus-il-fait-chaud-dans-la-salle (p. 206)- une employée du vestiaire

Словопроизводственные процессы свойственны новообразованиям Сан-Антонио. В отличие от словообразовательных процессов, включающих суффиксальные, префиксальные, парасинтетические производные и производные со связанной основой, словопроизводственные процессы включают конверсию, телескопию, словосложение, сокращения, заимствования и т.д.

Самую многочисленную группу сан-антонионизмов, участвующих в словопроизводственных процессах, составляют телескопные образования:

grimiauler(p.171) –grimacer + miauler, grimacer en miaulant

alphabêtise(p.19) – analphabétisme + bêtise

Фредерик Дар в своем словотворчестве часто прибегает к словосложению *(un garde-tires p.159-* gardien de parking*,)*, к сокращениям (*un tagoniste p.305* – un protagoniste*)*, заимствования, в том числе из русского языка *(knouté).*

Среди сан-антонионизмов встречаются и лексемы повседневного b разговорного пласта лексики (certif,m, achélème,f, Alsaco –Alsacien, m).

В основе каламбуров Сан-Антонио лежит зачастую переразложение, способствующее синтаксической омонимии и игре слов (*Jean passe – j'en passe, p.190).*

Уточнение ряда терминов, предложенных в данной статье, в значительной степени обогащает понятийный аппарат романской неологии. Разграничение понятий «неологизм», «семантический неологизм», «авторский неологизм», «окказионализм» и «сан-антонионизм» позволило выявить отличительные черты каждого из этих понятий. Изученный теоретический материал позволяет аргументированно определить сан-антонионизм как гипероним по отношению к другим терминам, поскольку он охватывает как нейтральную лексику, так и семантические неологизмы, окказионализмы, авторские новообразования.

Исследование способов словопроизводства и словообразования сан-антонионизмов позволяет заключить, что теория словообразовательных рядов и словообразовательной валентности дает возможность выявить специфику производных сан-антонионизмов, которая состоит в отымённых двузвенных словообразовательных рядах, производными которых являются регулярные глаголы первой группы и очень редко второй группы.

Механизмы словопроизводственных процессов, участвующих в образовании сан-антонионизмов, отвечают всем универсальным законам словопроизводственной аналогии.

Полученные результаты могут найти своё отражение в дальнейшей лексикографической работе по созданию словаря словообразовательных элементов, участвующих в создании сан-антонионизмов, а также справочных материалов для предпереводческого анализа и социокультурных комментариев сан-антонионизмов.

Библиографический список

1. Береговская Э. М. Арго в современной прозе (Кристиана Рошфор) // Стилистические проблемы французской литературы: сб. ст. Ленинград : ЛГПИ, 1975. С. 102–112.

2. Бойчук Е. И. Ритм в прозе (на материале французского языка). Ярославль, 2013. 223 с.

3. Воронцова И. Б. Очерки по современному французскому словообразованию. Москва : Либроком, 2013. 112 с.

4. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке. Москва : КомКнига, 2012. 112 с.

5. Овчинникова Г. В. Теория словообразовательных рядов Н. А. Катагощиной в научных исследованиях XXI века // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации. Москва, 2018. С. 8–12.

6. Boulanger J.-C. L'évolution du concept de néologie. De la linguistique aux industries de la langue:Terminologie diachronique//Actes du colloque organisé à Bruxelles les 25 et 26 mars 1988.-Paris, Conseil international de la langue française , 1989. P. 202–207

7. Cartier E. et d'autres .Détection automatique, description linguistique et suivi des néologismes en corpus : point d'étape sur les tendances du français contemporain // Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF, 2018.

8. Dal G., Namer F. À propos des occasionnalismes. Congrès Mondial de LinguistiqueFrançaise (CMLF), Jul. 2016, Tours, France. pp.1–18

9. Darmesteter A. Traité de la formation des mots composés dans la langue française, comparée aux autres langues romanes et au latin. P., 1875. 331 p.

10. Dauzat A. Tableau de la langue française: origines, évolution, structure actuelle. P. : Payot, 1939. 303 p.

11. Depecker L. L'invention de la langue: le choix des mots nouveaux. P. : Armand Colin-Larousse, 2001. 719 p.

12. Galli H. Le corps de San-Antonio: entre argot et néologie. Argotica, 2012. № 1. Pp. 65–86.

13. Guilbert L. La créativité lexicale. P., 1975. 285 p.

14. Jeannerod D. L'invective contre la norme. Pragmatique de la violence verbale dans l'écriture de San-Antonio // Invectives et violences verbales dans le dis-

cours littéraire : Presses de l'Université de Laval, Québec, 2007. P. 163–176.

15. Georgin R. Jeux de mots. De l'orthographe au style 1963. 369 p.

16. Meillet A. Comment les mots changent de sens : Lingistique historique et linguistique générale. P. : Champion, 1921. 336 p.

17. Rey A. Néologisme: un pseudo-concept // Cahiers de lexicologie. № 28. 1997. P. 97–128.

18. Rey A., Rey-Debove J. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P., 2005. Vol.1. 2172 p.

19. Sablayrolles J-F. Nouveauté, reprise et détournements dans les mots et slogans publicitaires // Les Cahiers du CIEP. P. : Editions Didier, 2003. P. 36–45

20. Le Dorand S., Pelloud F., Rosé Ph. Dictionnaire San-Antonio. P. : Fleuve Noir. 634 p.

Reference List

1. Beregovskaja Je. M. Argo v sovremennoj proze (Kristiana Roshfor) = Argo in a contemporary prose (Cristian Roshfor) // Stilisticheskie problemy francuzskoj literatury: sb. st. Leningrad : LGPI, 1975. S. 102–112.

2. Bojchuk E. I. Ritm v proze (na materiale francuzskogo jazyka) = Rhythm in prose(on the material of the French language). Jaroslavl', 2013. 223 s.

3. Voroncova I. B. Ocherki po sovremennomu francuzskomu slovoobrazovaniju = Essays on modern French word-formation. Moskva : Librokom, 2013. 112 s.

4. Katagoshhina H. A. Kak obrazujutsja slova vo francuzskom jazyke = How the words are made up in the French language. Moskva : KomKniga, 2012. 112 s.

5. Ovchinnikova G. V. Teorija slovoobrazovatel'nyh rjadov N. A. Katagoshhinoj v nauchnyh issledovanijah XXI veka = The theory of word-formation rows of N,A. Katagoshina in scientific researches of XX! Century // Jevoljucija romanskih jazykov: ot jazyka narodnosti k jazyku nacii. Moskva, 2018. S. 8–12.

6. Boulanger J.-C. L'évolution du concept de néologie. De la linguistique aux industries de la langue:Terminologie diachronique//Actes du colloque organisé à Bruxelles les 25 et 26 mars 1988.-Paris, Conseil international de la langue française , 1989. P. 202–207

7. Cartier E. et d'autres .Détection automatique, description linguistique et suivi des néologismes en corpus : point d'étape sur les tendances du français contemporain //Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF, 2018.

8. Dal G., Namer F. À propos des occasionnalismes. Congrès Mondial de LinguistiqueFrançaise (CMLF), Jul. 2016, Tours, France. pp.1–18

9. Darmesteter A. Traité de la formation des mots composés dans la langue française, comparée aux autres langues romanes et au latin. P., 1875. 331 p.

10. Dauzat A. Tableau de la langue française: origines, évolution, structure actuelle. P. : Payot, 1939. 303 p.

11. Depecker L. L'invention de la langue: le choix des mots nouveaux. P. : Armand Colin-Larousse, 2001. 719 p.

12. Galli H. Le corps de San-Antonio: entre argot et néologie. Argotica, 2012. № 1. Pp. 65–86.

13. Guilbert L. La créativité lexicale. P., 1975. 285 p.

14. Jeannerod D. L'invective contre la norme. Pragmatique de la violence verbale dans l'écriture de San-Antonio // Invectives et violences verbales dans le discours littéraire : Presses de l'Université de Laval, Québec, 2007. P. 163–176.

15. Georgin R. Jeux de mots. De l'orthographe au style 1963. 369 p.

16. Meillet A. Comment les mots changent de sens : Lingistique historique et linguistique générale. P. : Champion, 1921. 336 p.

17. Rey A. Néologisme: un pseudo-concept // Cahiers de lexicologie. № 28. 1997. P. 97–128.

18. Rey A., Rey-Debove J. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P., 2005. Vol.1. 2172 p.

19. Sablayrolles J-F. Nouveauté, reprise et détournements dans les mots et slogans publicitaires // Les Cahiers du CIEP. P. : Editions Didier, 2003. P. 36–45

20. Le Dorand S., Pelloud F., Rosé Ph. Dictionnaire San-Antonio. P. : Fleuve Noir. 634 p.

УДК 811.133.1

А. В. Солнцева **https://orcid.org/0000–0003–1219–9160**

Разграничение полипредикативных конструкций с сочинительной связью во французском языке

Для цитирования: Солнцева А. В. Разграничение полипредикативных конструкций с сочинительной связью во французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 223-231. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-223-231

Статья посвящена проблеме разграничения различных типов полипредикативных единиц, соединенных сочинительной связью.

Сочинение как способ синтаксической связи может реализовываться как внутри предложения, так и между самостоятельными предложениями; поэтому определение статуса полипредикативных единиц, соединенных сочинительной связью, зачастую затруднено. Действительно, однородные сказуемые, компоненты сложносочиненных предложений, сочетания простых предложений обладают рядом общих признаков: равноправие в синтаксическом отношении, открытость ряда, допуск неограниченного количества компонентов. Встречаются случаи, когда одно и то же предложение интерпретируется разными авторами по-разному.

Автор показывает формальные критерии, позволяющие отграничить однородные сказуемые от сложного предложения, а также сложносочиненное предложение от сочетания независимых предложений.

К грамматическим критериям *сложносочиненного предложения* автор относит следующие: опущение личного глагола во второй предикативной единице, опущение вспомогательного глагола во втором компоненте; наличие в предложении расчлененного союза; опущение личного субъектного местоимения в моносубъектных структурах после сочинительного союза. Проведенный анализ показал, что предложения с сочинительными союзом *et* обладают богатейшими возможностями в плане семантики. Автор показывает, что сложносочиненные повествовательные предложения следует отличать от сложносочиненных вопросительных предложений.

Специфическим грамматическим признаком *сочетания самостоятельных предложений* в современном французском языке и их отличия от сложносочиненного предложения является обязательное формальное выражение подлежащего во втором компоненте в моносубъектных структурах.

Однородность сочинительного ряда определяется комплексным применением ряда критериев: структурная общность сказуемых; совпадение формы сказуемых; семантическая близость глаголов, употребленных в качестве сказуемых; общность предикатива для именных сказуемых.

Ключевые слова: французский язык, синтаксис, сочинение, предложение, сложное предложение, союз, однородные сказуемые, сверхфразовое единство.

A. V. Solntseva

Distinguishing of polypredicative constructions with a co-ordinating link in the French language

The article is devoted to the problem of distinguishing between different types of polypredicative units connected by a co-ordinating link.

A co-ordination parataxis, as a way of syntactic link, can be implemented both within a sentence and between independent sentences; therefore, the determination of the polypredicative units status connected by a co-ordinating link is often difficult.

Indeed, homogeneous predicates, components of coordinate sentences, combinations of simple sentences have a number of common features: syntax equality, openness of a series, and admission of an unlimited number of components. There are cases when one and the same sentence is interpreted differently by different authors.

The author shows formal criteria which make it possible to distinguish co-ordinate predicates from a compound sentence, as well as a co-ordinate sentence from the combination of independent sentences.

The author relates to the following formal grammatical criteria of a *co-ordinate sentence*: omission of a finite verb in the second predicative unit, omission of the auxiliary verb in the second component; the presence in the sentence of a disjunctive conjunctive; the omission of personal subjective pronoun in monosubjective structures after a co-ordinate conjunction. The analysis showed that sentences with a co-ordinate conjunction et possess richest opportunities in terms

© Солнцева А. В., 2020

of semantics. The author shows that co-ordinate narrative sentences should be distinguished from co-ordinate interrogative sentences.

A specific grammatical feature of the *independent sentences combination* in modern French and their difference from co-ordinate sentence is the obligatory formal expression of the subject in the second component in monosubjective structures.

The homogeneity of the co-ordinate series is determined by the complex application of a number of criteria: the structural commonality of the predicates; coincidence of the predicate form; semantic affinity of verbs used as predicates; commonality of a predicate for nominal predicates.

Key words: French language, syntax, co-ordination, sentence, complex word, conjunction, homogeneous predicates, supra-phrasal unity.

Введение

Сочинение как способ синтаксической связи, может реализовываться как внутри предложения, так и между самостоятельными предложениями; поэтому определение статуса полипредикативных единиц, соединенных сочинительной связью, зачастую затруднено. Действительно, однородные сказуемые, компоненты сложносочиненных предложений, сочетания простых предложений обладают рядом общих признаков: равноправие в синтаксическом отношении, открытость ряда, допуск неограниченного количества компонентов. Встречаются случаи, когда одно и то же предложение интерпретируется разными авторами по-разному [Шахматов, 2001; Шубб, 1999; Солнцева, 2015; Прияткина, 2007; Boer, 1954]. Так, например, известное латинское выражение «veni, vidi, vici» и его русский аналог «пришел, увидел, победил» рассматриваются одними исследователями как сложносочиненное предложение, а другими – как простое предложение с однородными сказуемыми. Кроме того, некоторые авторы выделяют переходный тип конструкций, занимающих позицию между простыми и сложными предложениями, в частных, конкретных своих проявлениях тяготеющих то к одному, то к другому из этих полярных типов [Пешковкий, 2009].

Мы разделяем мнение авторов, отмечающих высокую степень ритмизации конструкций с сочинительной связью, что обеспечивается: «наличием нескольких повторяющихся элементов, наименьшим расстоянием между исходным и повторяющимися элементами, высокой частотностью употребления в материале текста» [Бойчук, 2016, с. 38].

Рассмотрим каждый из названных типов полипредикативных конструкций в отдельности.

I. Сложносочиненное предложение

В старофранцузский период не было достаточных оснований для выделения сложносочиненного предложения: существовали лишь сочетания простых независимых предложений [Васильева, Пицкова, 2018]. Наличие данной синтаксической единицы в современном французском языке является неоспоримым фактом, что подтверждается рядом специальных исследований [Васильева, 2015; Котиева, 2018; Невзорова, 2004; Холодов, 1991; Шубб, 1999; Antoine, 1959; Béchade, 1989; Boer, 1954; Bureau, 1978; Combettes, 2007; Damourette, Pichon, 1969; Deloffre, 1990; Galichet, 1963; Gautier, 2010; Grevisse, 2015; Hobaek Haff, 1987; Le Bidois, 1971; Le Goffic, 2008; Mahmoudian, 1982; Martinet, 1988; Noailly, 2002; Soutet, 2018; Wilmet, 1997; Riegel, 2016; Vlemings, 1996 и др.]. Однако границы сложносочиненного предложения остаются нечёткими. В этой связи проблема выделения сложносочиненного предложения как самостоятельной синтаксической единицы, определение ее дифференциальных признаков продолжает вызывать интерес исследователей.

В некоторых работах выдвигается положение, согласно которому основным структурным признаком любого сложносочиненного предложения следует считать сочинительный союз ("… pour que la coordination soit réelle, authentique, il faut la présence d'une conjonction qui l'introduit et la certifie" [Le Bidois, 1971]). Данный критерий представляется спорным: с одной стороны, для связи самостоятельных независимых предложений также могут использоваться соединительные, разделительные, противительные союзы, с другой стороны – существуют бессоюзные сложные предложения. Предлагаемый некоторыми авторами семантический критерий выделения сложносочиненных предложений считаем также неоднозначным, поскольку семантические отношения наличествует между независимыми предложениями и однородными сказуемыми.

К грамматическим критериям сложносочиненного предложения вслед за Н. М. Васильевой [Васильева, 2015] относим следующие:

1. Опущение личного глагола во второй преди-

кативной единице, например:

La conversation semblait difficile, notre arrivée _ opportune. (H. Bazin)

Janvier avait fumé la cigarette et Serre _ le cigare. (G. Simenon)

Опущение вспомогательного глагола во втором компоненте:

Salomé a rougi, puis _ blanchi. (H. Bazin)

2. Наличие в предложении расчлененного союза, например:

Chacun allait : tantôt c'était l'un, tantôt c'était l'autre ..... (H. Barbusse)

3. Опущение личного субъектного местоимения в моносубъектных структурах после сочинительного союза (является одним из самых важных показателей сложносочиненного предложения и однородных сказуемых). Конструкции с неупотреблением личного местоимения в сочинительных рядах некоторыми авторами определяются как зевгматические [Deloffre, 1990, c. 208].

При этом в первой части сложносочиненного предложения подлежащее может быть выражено как местоимением (*Il trouva la grille fermée, __ acheta un journal et __ attendit Clara au café. (M. Levy)),* так и именем существительным (*Sa main s'approcha lentement du visage de Clara et ___ l'effleura sans le toucher. (M. Levy))*

Следует отметить, что во французском языке встречаются такие сложносочиненные предложения – моносубъектные конструкции, в которых повторение подлежащего во втором компоненте обусловлено грамматическими факторами.

А. Так, на обязательное употребление местоимения в предложении влияет лексико-грамматическая природа самого подлежащего.

1. Подлежащее никогда не опускается в безличных предложениях, например:

Il faisait froid et il faisait beau. (A. Gavalda)

Il n'était que cinq heures de l'après-midi et il fallait remplir le reste de la journée. (G. Simenon)

2. Подлежащее во втором компоненте не может быть опущено, если оно выражено неопределенно-личным местоимением *on*, например:

On est un petit club du Sud et on est les champions! (Le Monde)

Б. Структура сочинительного ряда также влияет на употребление / неупотребление местоимения во втором компоненте моносубъектного построения. Как показывают результаты проведенного исследования, опущение подлежащего невозможно в следующих случаях:

1) в предложениях с инверсией подлежащего в первом компоненте, например:

- инверсия после прямой речи:

«Simon», dit-elle, et elle se raidit. (F. Sagan)

Tu es folle, éclata-t-il et il se mit à rire. (F. Mauriac)

Je te rappelle, lui dit-elle, et elle raccrocha. (M. Levy)

- инверсия в вопросительном предложении:

Pourquoi, aujourd'hui, le docteur ne levait-il pas la tête et se comportait-il comme s'il ignorait que Bertrand avait les yeux fixés sur lui. (Tout Simenon)

- инверсия после модальных наречий:

Peut-être était-elle malade et voulait-elle pas le voir (F. Sagan)

2) в случае наличия придаточного предложения в первом компоненте:

Ils rappellent volontiers qu'elle a joué un grand rôle dans la diffusion de la pensée universelle, et ils continuent à penser qu'elle doit jouer un rôle de tout premier plan dans le monde présent. (A. Sauvageot)

3) в предложениях с выделительным оборотом *c'est que* в первом компоненте:

C'était pour la première fois qu'il se posait la question avec cette vigueur et il éleva la voix machinalement. (F. Sagan)

4) в случае употребления после союза «et» союзного или модального наречия:

Maigret n'avait aucune envie de mourir et pourtant il était comme résigné. (G. Simenon)

В. Следует также отметить, что повторение личного местоимения в некоторых случаях обусловлено стилистически. Так, научный стиль речи более жестко регламентирует употребление личного местоимения, чем художественный стиль, что объясняется требованиями большей точности. (Существование стиля художественной литературы оспаривается некоторыми авторами на основании того, что этот стиль не представляет собой системы стилистических, однородных явлений, что в него проникают элементы других стилей; а также просторечия, арго, регионализмы и др. Однако лингвисты, выделяющие стиль художественной речи [Будагов, 1967; Кожина, 2008 и др.] составляют большинство.)

Кроме того, как утверждают некоторые авторы [Васильева, Пицкова, 2018; Galichet, 1963; Le Bidois, 1971] повторение субъектного местоимения, как и его отсутствие, могут в одинаковой мере использоваться писателями в стилистических стилях: "*L'absence et la présence du pronom personnel dans la deuxième unité prédicative sont souvent facultatives et dépendent des raisons stylistiques*" [Васильева, Пицкова, 2018, с.281].

Г. Немаловажную роль в повторении / непо-

вторении подлежащего играет характер семантических отношений между частями сложносочиненного предложения.

Лингвисты не единогласны, говоря о значении соединительных союзов. Одни грамматисты [Виноградов, 1986; Щерба, 2016; Бхатти, Горбачева, 2017], анализируя значение соединительных союзов, подчеркивают их многозначность. Существует также мнение [Пешковский, 2009; Солнцева, 2017; Soutet, 2018], согласно которому союзы et / и обладают нулевой семантикой, а различные семантические значения приобретаются ими на уровне синтагматики.

Проведенный нами анализ показал, что предложения с сочинительным союзом *et* обладают богатейшими возможностями в плане семантики: помимо чисто соединительных отношений они могут быть связаны дополнительными семантическими отношениями:

– временные отношения (временной последовательности или одновременности):

Keira se leva et s'immobilisa comme tétanisée. (M. Lévy)

Je lui remis un billet de vingt livres et lui dis que nous allions prendre l'air sur le bas-côté. (M. Lévy)

Lucile sortit d'un café, escortée de Charles, et s'assit sur un banc (F. Sagan)

Alors j'ai avisé ce type-là sur le quai, et je l'ai embauché comme soutier (G. Simenon)

– причинно-следственные отношения:

Jonathan le connaissait trop pour ignorer l'inquiétude qui le rongeait, et il se sentait coupable. (M. Levy)

– уступительное отношение:

Nous vivons comme de riches, et nous sommes pauvres. (A. Green)

– отношение противопоставления (О различиях отношений противопоставления в предложениях с союзом mais и et см. [Васильева, 2017, Vlemings, 1996])

Markus ne termina pas sa phrase, et il laissa son poing la finir à sa place. (D. Foenkinos)

Данные значения свойственны не самому союзу «et», а реализуются на уровне синтагматики под влиянием ряда факторов (отрицательная /утвердительная форма глаголов сказуемых, лексическое наполнение компонентов, употребление / не употребление субъектного местоимения, временная форма сказуемых). На уровне парадигматики союз et способен обозначать лишь соединительную связь.

Появление обстоятельственных отношений между компонентами зачастую обусловливает повторение подлежащего, тогда как при чисто соединительных отношениях возможны конструкции как с повторением, так и с опущением личного субъектного местоимения:

Ils se rendirent aux ascenseurs et ___ montèrent directement au cinquième étage. (M. Levy)

Ils étaient partis en voyage de noces, ils avaient pris des photos, et ils étaient revenus. (D. Foenkinos)

Д. Коммуникативный тип предложения.

Сложносочиненные повествовательные предложения следует отличать от сложносочиненных вопросительных предложений [Васильева, Пицкова, 2018; Невзорова, 2004; Soutet, 2018].

Так, если в сложносочиненных моносубъектных повествовательных структурах основным формальным признаком считается отсутствие личного субъектного местоимения после сочинительного союза, то в сложносочиненном вопросительном предложении этот критерий действовать не может, поскольку наличие местоимения является обязательным:

<u>Vous</u> le faites exprès ou <u>vous</u> vous donnez du mal pour égayer ma soirée ? (M. Levy)

Сложные вопросительные конструкции характеризуются ограниченным употреблением сочинительных союзов (так, им совершенно не свойственно выражение противительных отношений с союзом *mais*). Наиболее употребительным является соединительный союз *et*:

… on parle ou on roule? (M. Levy)

Формальными признаками сложносочиненного вопросительного предложения являются:

1) отсутствие глагола в личной форме во второй предикативной единице:

Le rappel des moments heureux ferait-il naître d'autres regrets et celui des mauvais __ se creuser d'autres chagrins? (F. Sagan)

2) наличие вопросительного слова, относящегося к обеим предикативным единицам:

<u>Pourquoi</u> acceptez-vous de rencontrer Patrice sans moi et ne voulez-vous jamais me rencontrer sans Patrice? (H. Troyat)

3) наличие общего для объединяемых частей вопросительного оборота:

<u>Est-ce qu'il</u> a peur de la mort et il la nie en s'obstinant à ne voir en son fils qu'un petit garçon? (M. Cardinal)

При повторении вопросительного слова или вопросительного оборота в каждой из частей последние сохраняют свою структурную самостоятельность:

<u>Pourquoi</u> l'homme du train est-il descendu avant l'arrêt, au risque de se tuer et pourquoi, se voyant

suivi, a-t-il tiré. (G. Simenon)

Est-ce pour gommer le chagrin d'un drame joué avant sa naissance que Rhitar rit aussi clairement, est-ce pour rappeler à ses parents qu'elle a ramené la joie dans leur foyer ? (M. Levy)

4) наличие общей вопросительной частицы:

… vous avez bousillé ma nuit et maintenant vous enchaînez avec la matinée, … hein? (M. Levy)

5) наличие в начале предложения общих для сочетающихся частей модального или вводного слова, обстоятельства, придаточного предложения:

Peut-être son esprit a-t-il travaillé et a-t-elle identifié enfin le chien jaune? (G. Simenon)

5) постановка повторяющихся анафорических элементов в начале второй части непосредственно за союзом:

Au nom de quoi acceptait-elle certaines choses et en refusait-elle d'autres? (H. Troyat)

II. Сочетание независимых предложений

Проблема определения границ сочинительной связи является одной из спорных. Некоторые авторы (например, представители функциональной школы), категорически отрицают наличие синтаксической связи между самостоятельными предложениями: *"La coordination n'existe qu'entre les éléments d'une même phrase"* [Martinet, 1988, с.144], *"il n'y a pas de coordination de phrase à phrase"* [Martinet, 1988, с. 133]. Однако большинство исследователей [Васильева, Пицкова, 2018; Пешковский, 2009, Солнцева, 2018, Холодов, 1991; Шубб, 1999; Deloffre, 1990; Le Goffic, 2008], справедливо отмечают, что понятие сочинения не ограничивается рамками предложения, и может распространяться на сочетание самостоятельных предложений**.**

С данным вопросом связан и вопрос статуса сочинительного союза в начале предложения. Так, синтаксисты, которые ограничивают сферу действия сочинительной связи рамками предложения, утверждают, что в начале предложения союз меняет свою грамматическую природу и приобретает статус наречия или псевдосоюза [Bureau, 1978, Mahmoudian, 1982; Martinet, 1988]. Вслед за рядом авторов [Пешковский, 2009; Васильева, Пицкова, 2018; Antoine, 1959; Mahmoudian, 1982], мы выделяем два типа сочинительной связи: сочинение внутри предложения (сильное сочинение) и сочинение после разделительной паузы (слабое сочинение). В начале предложения сочинительный союз сохраняет свой грамматический статус, выполняет вводящую функцию:

Il attend qu'une rame tombe à l'eau. Si Charlotte voulait faire attention à elle, elle serait belle. Mais elle s'en fiche complétement. (M. Cardinal)

Согласно ряду ученых [Веденина, 2009; Невзорова, 2004; Солнцева, 2018; Béchade, 1989, с.7; Le Goffic, 2008, с.64–65 и др.], четкую границу между концом одного предложения и началом другого в письменном тексте обозначает точка (восклицательный, вопросительный знак) как сильный пунктуационный знак (она противопоставляется запятой, слабому знаку), а в устной речи – пауза. Как отмечает А. М. Пешковский [Пешковский, 2009, с.408–409], «разъединительная сила паузы побеждает соединительную силу союза». (Однако некоторые грамматисты говорят о возможном несоответствии графических и синтаксических границ. Так, А. Готье [Gautier, 2010] считает, что употребление точки является достаточно свободным. Согласно М. Ноайи [Noailly, 2002], точка – чисто графический прием, не обладающий никаким особым лингвистическим статусом.

Помимо интонационной самостоятельности, предложения, разделенные точкой, характеризуются самостоятельностью на коммуникативном и структурном уровнях. Они занимают промежуточное положение между фразой и текстом [Васильева, Пицкова, 2018, Gautier, 2010].

В лингвистической литературе подобные единицы именуются сложным синтаксическим целым, сверхфразовым единством или сочетанием самостоятельных предложений. Представляется, что последний термин предпочтителен: он в большей мере отражает их статус (грамматический, семантический, коммуникативный) и более четко противопоставляет их сложному предложению как особой синтаксической единице. Во французских грамматиках используются следующие термины для обозначения подобных структур: *sous-phrases* [Grevisse, 2015], *phrases multiples* [Wilmet, 1997], *ajouts* [Combettes, 2007; Noailly, 2002], *constructions en annexes* [Gautier, 2010].

Наиболее часто между самостоятельными предложениями реализуется не только чисто соединительная связь, они могут обозначать

− временную последовательность или одновременность;
− причину;
− следствие;
− уступку;
− противопоставление.

Наше исследование показало, что отношения следствия и противопоставления возможны как в союзной, так и бессоюзной конструкциях, а причинные отношения более свойственны бессоюз-

ным предложениям.

Анализ предложений с союзом *et* в абсолютном начале предложения показал, что союз не только не лишает вводимое им предложение коммуникативной и структурной самостоятельности, но и может играть роль выразительного средства. Ж. Антуан называл союз *et* «золотым ключиком стилистики» (*clé d'or stylistique*) [Antoine, 1959, с. 124].

Действительно, употребление союза *et* вместо союза *mais* способно подчеркнуть значение контрастности и антонимичности соединяемых высказываний:

Il n'a pas le sou. Et il fréquente la maison. (G. Simenon).

В данной фразе союз *et* усиливает противоречивость двух высказываний, а в результате их взаимодействия появляется оттенок сильного удивления, даже негодования.

Специфическим грамматическим признаком сочетания самостоятельных предложений в современном французском языке и их отличия от сложносочиненного предложения является обязательное формальное выражение подлежащего во втором компоненте в моносубъектных структурах:

Il s'approcha du lit et il baissa les yeux. (M. Levy)

Nous nous dirigeâmes ensuite vers notre train et nous nous installâmes à deux coins-fenêtres. (R. Daninos)

Tu es dangereuse et tu ne dois pas vivre avec nous. (A. Maurois)

Maigret restait assis. Maigret fumait. (Simenon)

Возможны конструкции с повтором и подлежащего, и сказуемого, например:

Elle pleurait. Elle pleurait comme certaines femmes savent pleurer. (G. Simenon)

III. Однородные сказуемые

С анализом однородных сказуемых также связан ряд спорных вопросов. Так, некоторые авторы вообще отрицают возможность существования однородных сказуемых («Однородные глагольные сказуемые – понятие по меньшей мере сомнительное» [Валгина, 2000]). Мы разделяем мнение тех лингвистов [Васильева, Пицкова, 2018; Современный русский язык, 2020], которые признают возможность существования простого предложения, осложненного однородными глагольными сказуемыми.

Вслед за Н. М. Васильевой [Васильева, 2015] рассматриваем общность подлежащего как предварительное условие однородности глагольных сказуемых. Основным же признаком однородности глагольных сказуемых считаем наличие общих второстепенных членов. Под общностью второстепенных членов понимаем не только их соотнесенность с одним референтом, но их формальное выражение в предложении лишь один раз.

Особенно четко однородность сказуемых выражена при общем прямом дополнении, поскольку это наиболее тесно связанный со сказуемым второстепенный член, например:

Denis essuyait et rangeait les couverts. (H. Troyat)

Le vent balance et disperse les larmes de la fontaines. (P. Gamarra)

Конструкции с повторением дополнения при каждом из сказуемых являются сложными предложениями, например:

Il la connaît et la côtoie depuis quinze mois. (M. Levy)

Il prit sa main et la baisa en guise de remerciements. (M. Levy)

Два или несколько сказуемых являются однородными при их соотнесенности с одним и тем же косвенным дополнением:

Elle sautille et chante avec ses compagnes. (P. Gamarra)

Обстоятельство представляет собой не столь очевидный критерий идентификации однородных сказуемых: между сказуемыми и обстоятельством существует менее тесная связь, и в большинстве случаев нелегко определить, относится ли обстоятельство к обоим сказуемым. Однако если такая синтаксическая связь двух сказуемых с обстоятельством очевидна, можно с полной уверенностью отнести исследуемую конструкцию к простому предложению с однородными сказуемыми, например:

…ils souffrirent et espérèrent sans raison. (A. Camus)

Il prit un dossier dans sa sacoche et s'y plongea jusqu'à notre arrivée.

La nuit, il ne dormit pas mais réfléchit. (P. Boileau , T. Narcejac)

…il regardait et écoutait son interlocuteur avec la plus complète indifférence. (G. Simenon)

Гораздо сложнее установить грамматический статус конструкции, в которой сказуемые не осложнены второстепенными членами. В подобных случаях однородность сочинительного ряда определяется комплексным применением всех критериев. Такими критериями являются:

1. Структурная общность сказуемых
2. Совпадение формы сказуемых
3. Семантическая близость глаголов, употреб-

ленных в качестве сказуемых:

− однокоренные глаголы

Durant ses cinq années de rééducation, il lit et relit Premier de cordée, de Roger Frison-Roche. (L'express)

− глаголы – антонимы

Cisneros éteignait et rallumait son phare. (A. de Saint-Exupéry)

Il ouvre et referme la bouche à plusieurs reprises (San-Antonio).

− повторение глагола

… apposaient ou n'apposaient pas le cachet (G. Simenon)

4. Общность предикатива для именных сказуемых:

La fenêtre était et est restée fermée. (G.Simenon)

Таким образом, сложносочиненные предложения, однородные сказуемые и сочетание независимых предложений являются самостоятельными полипредикативными единицами, обладающими комплексом отличительных грамматических особенностей.

Грамматическими критериями *сложносочиненного предложения* являются следующие: опущение личного глагола во второй предикативной единице, опущение вспомогательного глагола во втором компоненте; наличие в предложении расчлененного союза; опущение личного субъектного местоимения в моносубъектных структурах после сочинительного союза. Проведенный анализ показал, что предложения с сочинительными союзом *et* обладают богатейшими возможностями в плане семантики, а сложносочиненные повествовательные предложения следует отличать от сложносочиненных вопросительных предложений.

Специфическим грамматическим признаком *сочетания самостоятельных предложений* в современном французском языке и их отличия от сложносочиненного предложения является обязательное формальное выражение подлежащего во втором компоненте в моносубъектных структурах.

Однородность сочинительного ряда определяется комплексным применением ряда критериев: структурная общность сказуемых; совпадение формы сказуемых; семантическая близость глаголов, употребленных в качестве сказуемых; общность предикатива для именных сказуемых.

Библиографический список

1. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. Москва : Наука, 1967. 376 с.

2. Бхатти Н. В., Горбачева О. А. К вопросу о значениях полисемантичных сочинительных союзов английского языка // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2017. № 3–4. С. 40–44.

3. Бойчук Е. И. Грамматика ритма (исследование на материале французского языка) // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака. Сборник статей по итогам международной конференции. Москва, 2016. С. 37–40.

4. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. Москва, 2000. 439 с.

5. Васильева Н. М. Структурно-семантические признаки моно- и поли-предикативных конструкций со связочными глаголами во французском языке (к проблеме соотношения однородности и сочинения) // Функционально-праг-матический аспект в исследованиях романских языков. Москва, 2015. С. 25–32.

6. Васильева Н. М. Сравнительно-сопоставительная характеристика типов противительной связи во французском и испанском языках (уровень сложного предложения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 2. С. 67–76.

7. Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология, синтаксис. Учебник. Академический курс. Серия 58. Бакалавр. Москва : Юрайт, 2018. 473 с.

8. Веденина Л. Г. Французское предложение в речи. Москва : URSS, 2009. 208 с.

9. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва : Высшая школа, 1986. 640 с.

10. Кожина М. Н. и др. Стилистика русского языка. Москва : Флинта Наука, 2008. 464 с.

11. Котиева А. А. К вопросу о некоторых типах сложносочиненного предложения в русском и английском языках // Рефлексия. 2018. № 4. С. 38–40.

12. Невзорова С. В. Структурно-семантическая и сравнительно-типологическая характеристика сложносочиненного вопросительного предложения (на материале французского и испанского языков). Тамбов, 2004. 185 с.

13. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва : URSS, 2009. 511 с.

14. Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): избранные труды. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2007. 390 с.

15. Современный русский язык: учебник для вузов / Лекант П. А. и др. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 493 с.

16. Солнцева А. В. Критерии разграничения омонимии и многозначности применительно к союзам // Функционально-прагматический аспект в исследованиях романских языков. Москва, 2015. С. 91–95.

17. Солнцева А. В. О вариантности союзов (на примере французского языка). // Романские языки в синхронии и диахронии. Москва, 2017. С. 113–116.

18. Солнцева А. В. Сопоставительное исследование актуального членения предложения во французз-

ском и русском языках (на материале художественных произведений) // Язык: категории, функции, речевое действие. Материалы XI международной научной конференции. Москва, 2018. С. 163–165.

19. Холодов Н. Н. За древними тайнами русского слова «и» – тайны иных масштабов: учебное пособие. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1991. 118 с.

20. Шахматов А. А. Синтаксис современного русского языка. Москва, 2001. 624 с.

21. Шубб Л. В. Способы выражения подлежащего в моносубъектных бессоюзных сложносочиненных предложениях (на материале художественных и научных произведений французских авторов) // Иерархические и позиционные связи лингвистических единиц. Москва, 1999. С. 79–88.

22. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. Москва : Флинта, 2016. 352 с.

23. Antoine G. La coordination en français. V.1. Paris, 1959. 700 p.

24. Béchade H.-D. Syntaxe du français moderne et contemporain. Paris : PUF, 1989. 333 p.

25. Boer de C. Syntaxe du français moderne. Leiden, 1954. 352 c.

26. Bureau C. Syntaxe fonctionnelle du français. Québec : Université Laval, 1978. 246 p.

27. Combettes B. Les ajouts après le point: aspects syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase. Mélanges offerts à Pierre le Goffic. Paris: Ophrys, 2007. P. 119–131.

28. Damourette J., Pichon Ed. Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française. T. III. Paris, 1969. 453 p.

29. Deloffre F. La phrase française. Paris: Société d'éd. d'enseignement supérieur, 1990. 145 p.

30. Galichet G. Grammaire expliquée de la langue française. Paris, 1963. 189 p.

31. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection?// Travaux de linguistique. 2010. Vol. 6. № 1. P. 91–107.

32. Grevisse M. Le bon usage. Paris : Duculot, 2015. 1640 p.

33. Hobaek Haff M. Coordonnants et éléments coordonnés. Oslo, 1987. 311 p.

34. Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne. T. II. Paris, 1971. 794 p.

35. Le Goffic P. Grammaire de la phrase française. Paris, 2008. 538 p.

36. Mahmoudian M. Pour enseigner le français. Seghers. 1982. 238 p.

37. Martinet A. Grammaire fonctionnelle du français. Paris, 1988. 276 p.

38. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique? // Figures d'ajout: phrase, texte, écriture. Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 131–145.

39. Soutet O. La syntaxe du français. Paris: Que sais-je, 2018. 128 p.

40. Wilmet M. Grammaire critique du français. Paris-Louvain-La-Neuve : Hachette-Duculot, 1997. 670 p.

41. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris: PUF, 2016. 1168 p.

42. Vlemings J. Il y a un «mais», mais il n'y en a qu'un seul. // Revue Romane. 1996. T. 31. P. 51–64.

Reference List

1. Budagov R. A. Literaturnye jazyki i jazykovye stili = Literature languages and language styles. Moskva : Nauka, 1967. 376 s.

2. Bhatti N. V., Gorbacheva O. A. K voprosu o znachenijah polisemantichnyh sochinitel'nyh sojuzov anglijskogo jazyka = To the question of the meanings of polysemantic coordinating conjunctions of the English language // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek v sovremennom mire. 2017. № 3–4. S. 40–44.

3. Bojchuk E. I. Grammatika ritma (issledovanie na materiale francuzskogo jazyka) = The grammar of rhythm (research on the material of the French language) // Jazyk i dejstvitel'nost'. Nauchnye chtenija na kafedre romanskih jazykov im. V.G. Gaka. Sbornik statej po itogam mezhdunarodnoj konferencii. Moskva, 2016. S. 37–40.

4. Valgina N. S. Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka = Modern Russian language syntax. Moskva, 2000. 439 s.

5. Vasil'eva N. M. Strukturno-semanticheskie priznaki mono- i poli-predikativnyh konstrukcij so svjazochnymi glagolami vo francuzskom jazyke (k probleme sootnoshenija odnorodnosti i sochinenija) = Structural and semantic features of mono- and polypredicative constructions with link-verbs in the French languages (to the problem of ratio of homogenenity and coordinating) // Funkcional'no-prag-maticheskij aspekt v issledovanijah romanskih jazykov. Moskva, 2015. S . 25–32.

6. Vasil'eva N. M. Sravnitel'no-sopostavitel'naja harakteristika tipov protivitel'noj svjazi vo francuzskom i ispanskom jazykah (uroven' slozhnogo predlozhenija) = Comparative characteristics of adversative coordination types of French and Spanish (the level of the complex sentence) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2017. № 2. S. 67–76.

7. Vasil'eva N. M., Pickova L. P. Francuzskij jazyk. Teoreticheskaja grammatika. Morfologija, sintaksis. Uchebnik. Akademicheskij kurs. Serija 58. Bakalavr = The French language. Theoretical grammar. Morphology,syntax. Textbook. Academical course. Unit 58. Bachelor. Moskva : Jurajt, 2018. 473 s.

8. Vedenina L. G. Francuzskoe predlozhenie v rechi = French sentence in speech Moskva : URSS, 2009. 208 c.

9. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) = Russian language(Grammar study of a word). Moskva : Vysshaja shkola, 1986. 640 s.

10. Kozhina M. N. i dr. Stilistika russkogo jazyka = Russian language stylistics. Moskva : Flinta Nauka, 2008. 464 s.

11. Kotieva A. A. K voprosu o nekotoryh tipah slozhnosochinennogo predlozhenija v russkom i anglijskom jazykah = To the question of some types of

composite sentence of the Russian and English languages // Refleksija. 2018. № 4. S. 38–40.

12. Nevzorova S. V. Strukturno-semanticheskaja i sravnitel'no-tipologicheskaja harakteristika slozhnosochinennogo voprositel'nogo predlozhenija (na materiale francuzskogo i ispanskogo jazykov) = Structure- semantic and comparative-typological characteristics of composite question sentence (on the material of French and Spanish). Tambov, 2004. 185 s.

13. Peshkovskij A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii = Russian syntax in scientific coverage. Moskva : URSS, 2009. 511 s.

14. Prijatkina A. F. Russkij sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svjazi i konstrukcii): izbrannye trudy = Russian syntax in grammar aspect (syntax connections and constructions): chosen works. Vladivostok : Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2007. 390 s.

15. Sovremennyj russkij jazyk: uchebnik dlja vuzov = Modern Russian language: a textbook for universities / Lekant P. A. i dr. Moskva : Izdatel'stvo Jurajt, 2020. 493 s.

16. Solnceva A. V. Kriterii razgranichenija omonimii i mnogoznachnosti primenitel'no k sojuzam = The criteria of homonymy and polysemy differentiation when it concerns conjunctives // Funkcional'no-pragmaticheskij aspekt v issledovanijah romanskih jazykov. Moskva, 2015. S. 91–95.

17. Solnceva A. V. O variantnosti sojuzov (na primere francuzskogo jazyka) //About variability of conjunctions (on the example of the French language) Romanskie jazyki v sinhronii i diahronii. Moskva, 2017. S. 113–116.

18. Solnceva A. V. Sopostavitel'noe issledovanie aktual'nogo chlenenija predlozhenija vo francuzskom i russkom jazykah (na materiale hudozhestvennyh proizvedenij) = Comparative research of actual division of the sentence in he French and Russian languages (on the material of artistic works) // Jazyk: kategorii, funkcii, rechevoe dejstvie. Materialy XI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 2018. S. 163–165.

19. Holodov H. H. Za drevnimi tajnami russkogo slova «i» – tajny inyh masshtabov = For the ancient secrets of a Russian word «and» – secrets of other scales : uchebnoe posobie. Ivanovo : Ivanovskij gos. un-t, 1991. 118 s.

20. Shahmatov A. A. Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka = Russian language syntax Moskva, 2001. 624 s.

21. Shubb L. V. Sposoby vyrazhenija podlezhashhego v monosub#ektnyh bessojuznyh slozhnosochinennyh predlozhenijah (na materiale hudozhestvennyh i nauchnyh proizvedenij francuzskih avtorov) = The means of expression of the subject in monosubject(on the material of artistic and scientific works of French authors) // Ierarhicheskie i pozicionnye svjazi lingvisticheskih edinic. Moskva, 1999. S. 79–88.

22. Shherba L. V. Izbrannye raboty po russkomu jazyku = Chosen works on the Russian language. Moskva : Flinta, 2016. 352 s.

23. Antoine G. La coordination en français. V.1. Paris, 1959. 700 p.

24. Béchade H.-D. Syntaxe du français moderne et contemporain. Paris : PUF, 1989. 333 p.

25. Boer de C. Syntaxe du français moderne. Leiden, 1954. 352 s.

26. Bureau C. Syntaxe fonctionnelle du français. Québec : Université Laval, 1978. 246 p.

27. Combettes B. Les ajouts après le point: aspects syntaxiques et textuels. // Parcours de la phrase. Mélanges offerts à Pierre le Goffic. Paris: Ophrys, 2007. P. 119–131.

28. Damourette J., Pichon Ed. Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française. T. III. Paris, 1969. 453 p.

29. Deloffre F. La phrase française. Paris: Société d'éd. d'enseignement supérieur, 1990. 145 p.

30. Galichet G. Grammaire expliquée de la langue française. Paris, 1963. 189 p.

31. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection?// Travaux de linguistique. 2010. Vol. 6. № 1. P. 91–107.

32. Grevisse M. Le bon usage. Paris : Duculot, 2015. 1640 p.

33. Hobaek Haff M. Coordonnants et éléments coordonnés. Oslo, 1987. 311 p.

34. Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne. T. II. Paris, 1971. 794 p.

35. Le Goffic P. Grammaire de la phrase française. Paris, 2008. 538 p.

36. Mahmoudian M. Pour enseigner le français. Seghers. 1982. 238 p.

37. Martinet A. Grammaire fonctionnelle du français. Paris, 1988. 276 p.

38. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique? // Figures d'ajout: phrase, texte, écriture. Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P.131–145.

39. Soutet O. La syntaxe du français. Paris: Que sais-je, 2018. 128 p.

40. Wilmet M. Grammaire critique du français. Paris-Louvain-La-Neuve : Hachette-Duculot, 1997. 670 p.

41. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris: PUF, 2016. 1168 p.

42. Vlemings J. Il y a un "mais", mais il n'y en a qu'un seul. // Revue Romane. 1996. T. 31. P. 51–64.

УДК 801.804

И. В. Скуратов **https://orcid.org/0000–0003–0578–4855**

Спорные вопросы русской и французской лексикографии XXI века

Для цитирования: Скуратов И. В. Спорные вопросы русской и французской лексикографии XXI века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 232-237. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-232-237

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы познакомить читателя с новыми словарями, увидевшими свет в XXI веке. Особое внимание уделяется тем словарям, которые еще не описывались. Практическая цель – дать информацию о разных словарях и их устройстве. Безусловно, в одной статье трудно представить все многообразие новых словарей, поэтому основное внимание сконцентрировано на некоторых одноязычных лингвистических словарях разных типов, полезных прежде всего для широкого читателя. Материал статьи подобран в соответствии с общеизвестной типологией словарей, в основу которой положена тематика лексикографического издания. Многие новые словари создаются, следуя лексикографическим традициям и отличаясь от своих предшественников словником, объемом и т. п. Однако появляются словари, предметом которых становятся те языковые единицы или такие аспекты их характеристики, которые до этого еще не описывались. Такие словари называют экспериментальными, и они, бесспорно, заслуживают особого внимания в данной статье. Особенностью рассматриваемых словарей является их опора на новые информационные технологии, которые способствуют ускорению работы над созданием словарей и расширению возможностей их использования. Результаты проведенного анализа показывают, что представленные словари имеют информационно-просветительский характер, следуют определенной схеме описания, тем самым подчеркивают своеобразие благодаря необходимым комментариям. Образцы словарных дефиниций имеют самостоятельную обучающую ценность и дают основу для сопоставительных исследований разного характера.

Ключевые слова: лексикография, типология, словарь, справочная литература, языковая единица, одноязычный, информационно-просветительский характер, обучающая ценность.

I. V. Skuratov

Controversial questions of Russian and French lexicography in the XXI century

The purpose of this article is to introduce new dictionaries to the reader, which have appeared in the XXI century. The special feature of the work is that it is concentrated on the dictionaries, which have not been described yet. Providing some information about various dictionaries and their arrangement is the practical objective of the article. Certainly, it is problematic to present the whole diversity of dictionaries within one article; hence, the focus is monolingual dictionaries of different types, interesting to a broad circle of readers. The material of the article has been selected in correspondence with the widely recognized typology of lexicographic works, based on the topic of a book. Many dictionaries were created, following the lexicographic traditions, differing from their predecessors solely in the volume and number of entries. However, some new dictionaries are being published, which consider some other language units or any new characteristics. Those units or characteristics have not been described upon before. Such dictionaries are called experimental, and they certainly deserve special attention in the given publication. The peculiarity of such lexicographic works is their reliance on new information technologies, which promote a greater speed of their creation and the diversification of the functions. The results of the drawn analysis prove that the analyzed dictionaries have an informative character, they follow a particular description pattern, and due to commentaries inside, they possess quite an outstanding character. The models of dictionary definitions have a separate value for learners, and are a framework for comparative research.

Key words: lexicography, typology, a dictionary, reference books, a language unit, a monolingual informative character, an educational value.

Кто не знает иностранных языков,
не знает ничего о своем родном
И.-В. Гёте

В этих словах великого мыслителя и поэта содержится «ключ» к разгадке авторского замысла: сопоставляя лексику современного русского языка с однотипными сферами английского, французского, немецкого и испанского языков, мы

© Скуратов И. В., 2020

преследуем цель более глубокого проникновения в особенности родного языка.

Общеизвестно, что в эпоху стремительных перемен, происходящих в мире в последние десятилетия, возрос объем публикаций по разным отраслям знаний, что в значительной степени повысило роль справочной литературы, предназначение которой связано с быстрым получением объективной информации самого разнообразного характера.

Для каждого человека, нуждающегося в определенных сведениях, незаменимыми помощниками были и остаются словари.

В XXI веке появились словари разных типов, большинство из которых остаются невостребованными.

В них в лаконичной форме аккумулированы человеческий опыт, знания и культурное наследие [Бобунова, 2009].

В этой связи вспоминаются слова С. Я. Маршака: «*Усердней с каждым днем гляжу в словарь. В его столбцах мерцают искры чувства. В подвалы слов не раз сойдёт искусство, держа в руках свой потайной фонарь»*

А с точки зрения известного французского лингвиста Генриэтты Вальтер, «*Дни проходят, а слова продолжают жить*» / «Les jours s'en vont les mots demeurent» [Walter, 2015, p. 45].

Отечественные лингвисты, в частности Л. П. Крысин, наметил ряд направлений, согласно которым следует вести работу по повышению лексикографической культуры современного человека [Крысин, 2007].

Одним из них является пропаганда словарей, иными словами распространение содержательной информации о том или ином лексикографическом справочнике среди широких масс населения.

Отсутствие подобных сведений не позволяет обратиться к нужному изданию, а недостаточная лексикографическая компетентность затрудняет полноценное использование материалов словаря.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы познакомить читателя с новыми словарями, увидевшими свет в XXI веке.

Речь идет о некоторых одноязычных лингвистических словарях, которые создаются в соответствии с лексикографическими традициями.

Однако появляются словари, предметом которых становятся языковые единицы, которые до этого еще не подвергались описанию.

Их зачастую называют экспериментальными, и они, безусловно, заслуживают пристального внимания в данном исследовании.

Многие словари языка создаются в русле устоявшихся традиций, однако стремление лингвистов отразить в словарной форме разные аспекты слова в последнее время побудило к созданию новых лексикографических изданий.

Как известно, лексика современных русского и французского языков постоянно изменяется. Одной из проблем в развитии лексики является проблема новых слов.

Термин «новые слова» включает различные типы новообразований, вхождений и заимствований.

Речь идет не только о новообразованных словах литературного языка, но и о словах, перешедших из других языков, из русских народных говоров, а также об индивидуальных авторских образованиях (окказионализмах).

Новые явления в общественных отношениях, в производственной жизни, а также развитие науки и техники, культуры находят свое отражение в словарном составе современных русского и французского языков.

Перемещение слов из одной сферы употребления в другую обусловлены изменениями в составе носителей литературного языка.

В этом перемещении проявляется и постоянное взаимодействие между литературным языком и языком наук, а также разговорной речью народа [Скуратов, 2009, с. 554–555].

Лексикографическое освоение новообразований стало предметом появления словаря Вл. Новикова «**Словарь модных слов**» 2016 года выпуска.

Это первый в отечественной культуре опыт научно-художественного описания современной речевой моды.

Речь идет об оригинальных эссе слов, важных для сегодняшней языковой картины мира.

В словник вошли заимствования из иностранных языков, новейшие научные, экономические и политические термины, молодежные жаргонизмы, а порой и старые слова, приобретающие новые значения.

Здесь можно найти живые художественные «портреты» слов, еще не попавших в другие словари.

Модное слово является новым филологическим термином, за которым скрывается не абстракция, а языковая и жизненная реальность.

Модное слово – это слово с претензиями, оно часто звучит в устной речи, мелькает в прессе, доносится из радиоприемника и телевизора. Его будущее неизвестно: исчезнет из языка или станет обыденным и нейтральным.

Наиболее ярким свидетельством динамичного

характера языка служит его способность обогащать свой словарный состав новыми единицами.

Одной из характерных особенностей неологизмов в современных русском и французском языках является то, что их отражение в лексикографии принимает две основные формы: включение нововведений в толковый словарь и в специальные словари новых слов.

В качестве примера рассмотрим глагол «**париться**». Это слово на нас не в обиде. Сегодня оно имеет исключительно отрицательный смысл: испытывать неудобство, тревожиться, мучиться.

К примеру, новая телевизионная реклама известного магазина. Шустрый продавец подбегает к стоящему в раздумье покупателю: «**Что ты паришься? Что ты паришься?** Париться надо на парах!» Это фамильярно-разговорное «ты», это слетевшее с нар «париться» вместо «раздумывать», «переживать». А ведь давно замечено: реклама наша рекламирует не столько товар, сколько образ жизни» [Руденко, 2007, с. 12].

Раньше негативное значение глагола сводилось к одной ситуации: человек в зимней одежде провел долгое время в теплом, натопленном помещении – например, в длинной очереди в магазине за дефицитом. Теперь же хорошим, в общем-то, словом обозначают всякий дискомфорт***:*** *«Не хочу я париться с этими бумагами!»*

Но, в общем-то, слово хорошее, поскольку побывать в хорошей компании в парилке, попариться с веником, потом провести время за чайком или пивком с задушевными разговорами. Какое блаженство! Тем самым мы теряем свою бытовую мифологию, которая запечатлена в легендарном фильме Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!». Сбывается постепенно пророчество Владимира Высоцкого: «Скоро бани все закроют – повсеместно». «Русские бани уступают место бездушным стандартным саунам. Или все-таки еще попаримся? В хорошем смысле» [Новиков, 2016, с.189–190].

Или:

«**Наше всё**». Это выражение появилось в 1859 году, когда поэт и критик Аполлон Григорьев, споря со своим коллегой Александром Дружининым, написал: «…Пушкин – наше всё: Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами» [Новиков, 2016, с. 160–161].

В данном случае речь шла о великом поэте как выразителе русской души, но как зачастую случается, два слова оказались вырванными из контекста и их стали повторять к месту и не к месту.

Со временем «наше всё» отделилось от имени Пушкина и пережило «фразеологизацию». Его сегодня можно слышать в различных телевизионных шоу.

У этого клише появился иронический оттенок «О поднадоевшей эстрадной знаменитости начали говорить: Ну,это наше всё».

Кроме того, выражение проникло в рекламный бизнес. Настойчиво предлагая нам какой-то новый товар («**впаривая»),** сотрудники той или иной компании заканчивают натужно-сладеньким слоганом «Покупатель – это наше всё!» Но можно ли в это сразу поверить? Приходится констатировать тот факт, что словосочетание «наше всё» постепенно утрачивает свой первоначальный смысл.

Среди аналогичных словарей необычных модных образований приведем словарь французского исследователя Филиппа Некту (Philippe Nectoux «Dictionnaire insolite de la Modernitude Parlez-vous le médiatico-techno-tendance ? ») 2005 года выпуска.

Вот как автор трактует слово «**blog**», пришедшее к нам из Интернета:

«Le phénomène du blog est sans doute l'avancée récente la plus démonstrative de l'essor de l'Internet et des évolutions qu'on peut en prévoir en termes de communication. La grande question est encore une fois de trouver un nom français pour désigner ce nouveau monde de communication largement émergent. Le mot **carnet** revenait souvent, parfois celui de journal en ligne, avant que notre Commission générale de terminologie et de néologie opte pour **bloc-notes**, qu'elle autorise à abréger en bloc» (Феномен блога, бесспорно, самый показательный прогресс расцвета Интернета и все, что связано с предвидением прогрессирующей эволюции в сфере коммуникации. Большой вопрос – это еще раз найти французское название, чтобы обозначить этот новый мир коммуникации, получивший широкое распространение. Слово «дневник», зачастую использовалось как новостной журнал, прежде чем Комиссия по терминологии и неологии высказалась за блокнот, разрешив сократить его до блока в значении массива данных) [Nectoux, 2005, p. 28–29].

Комментируя определение данного термина французским автором, можно сказать, что оно означает «сетевой дневник» по определению Комиссии по терминологии и неологии, занимающейся упорядочением новообразований.

Никто не мог предсказать такого глобального изменения в человеческом вербальном общении.

Сегодня блогосфера (совокупность всех существующих сетевых дневников) любит краткость.

Это удобное пространство для реплик, афо-

ризмов, эпиграмм, сенсаций и слухов, притч и парадоксов.

Сегодня афористические фразы дают нам представление о ключевых проблемах не только прошлого, но и относящихся к современной языковой реальности. Достаточно вспомнить высказывание Н. В. Гоголя:

Нет слова, которое было
так замашисто бойко,
так вырвалось бы из-под
самого сердца, так бы кипело
и жизнетрепетало,
как метко сказанное русское слово
[Ходюшина, 2000]

В блогосфере можно отвести душу, отдохнуть, расслабиться, пригласить для общения («**зафрендить**» прямо-таки всемирное единение, где человек человеку – френд) новых людей.

Как справедливо заметил М. Кронгауз, «*В последнее время те люди, которые ратуют за высокий, культурный, красивый, чистый, великий и могучий русский язык, очень негативно относятся к тому реальному языку, который сегодня существует. Мне кажется, надо полюбить не идеал, а то, что есть. Надо с любовью относиться к тому языку, на котором мы сейчас говорим, и к тем новым словам, которые в нем появились. Французов отличает очень теплое отношение к французскому языку, они им гордятся.*» [Кронгауз, 2010, с. 4].

В этой связи, знаковым является высказывание известного французского филолога Жаклин де Ромилли: *« J'aime profondément la langue française et je me suis attachée tout au long de ma vie à apprécier son bon emploi, à essayer de la manier correctement et avec précision. La garde de la langue française, notre bel héritage, est un impératif. C'est un devoir pour chacun d'entre nous.* » (Я в высшей степени люблю французский язык и в течение всей своей жизни я неустанно занималась оценкой его правильного употребления и пыталась владеть им прилично и точно. Сохранение французского языка, нашего прекрасного достояния – вот безусловное требование. Это долг каждого из нас) [De Romilly, 2011, p.10–11].

Другой пример:

« Téléréalité ». De l'anglais *Real TV* ou *Reality show.* On dit plus volontiers maintenant: Télévision du reel. L'idée est de montrer des choses qui se passent ou se sont passées pour de vrai, par oppositions aux fictions, écrites et jouées par des interprètes. Il s'agit de filmer des jeunes gens *(Le Loft),* des apprentis chanteurs (La Star Académie, dite *Star'Ac).* Un genre qui exige de ses auteurs beaucoup de rigueur pour être crédible [Nectoux, 2005, p. 212–213].

Говоря о телевизионной реальности, автор словаря подчеркивает возможность показа того, что происходит и что происходило в реальной действительности в отличие от фантастики книжной или игровой.

Речь идет о таких передачах во Франции и России, как **«Баек из склепа», «10 Couples parfaits»** в которых снимаются молодые люди, «**Дом 2**», в прошлом шоу начинающих певцов «**Фабрика звезд**», а сегодня «**Голос / The Voice, la plus belle voix**». Данный жанр требует от его авторов неукоснительной точности, чтобы заслужить доверие зрителей.

Следует заметить, что сравнительно недавно слово «шоу» вызывало в сознании читателей только образ великого драматурга Джорджа Бернарда Шоу. На память также приходит имя романиста Ирвина Шоу.

Имена обоих писателей по-английски произносятся |ʃɔː| «Шо», а пишутся Shaw. Нарицательное существительное «шоу» происходит от show и означает, подобно ему, «зрелище, представление». В качестве примера можно привести самую массовую и «рейтинговую» телепрограмму «**Поле чудес**» Леонида Якубовича.

Французская реалия аналогичного шоу называется «**La roue de la fortune**» (Колесо фортуны). С некоторых пор у нас сформировался собственный шоу-бизнес, и целый класс шоуменов. А жизнь превратилась в сплошные реалити-шоу и ток-шоу. Как подчеркивает автор словаря, «Мы живем в зрелищное время и вынуждены считаться с его законами. Как говорится, *show must go on.* Но кто сказал, что это навсегда?» [Новиков, 2016, с. 310].

Всем давно известно, что английский язык, на котором говорят миллионы людей в разных уголках земного шара, является языком международного общения.

В процессе этого общения не могут не возникать различные трудности, решить которые призван учебный словарь.

Именно по этой причине лексикографы находятся в постоянном поиске словарей.

На сегодняшний момент быстрота и легкость наведения справок – основное требование, выдвигаемое пользователями учебных словарей. Необходимо быстро ответить на заданный вопрос. Последнее обеспечивается особой организацией словаря и подачей информации, которая ни в коем случае не должна запутать пользователя. [Погребенко, 2009, с.125]

В качестве иллюстрации возьмем «**Словарь иностранных слов**» Петровой М. В. 2013 г. выпуска.

Данный словарь предлагает краткое пояснение слов, заимствованных из других языков.

В нем содержатся все необходимые сведения о значении слова, его происхождении (этимологии), сфере употребления, написании и ударении.

В словаре иностранных слов представлены слова, встречающиеся в повседневной жизни, а также термины из самых разных областей знания.

Например, **франшиза** (фр. *franchise* «льгота, вольность» – право на создание коммерческой фирмы, продажу товаров и оказание услуг в порядке коммерческой концессии [Петрова, 2013, с. 206].

Интерес у интеллектуальных гурманов вызвал «**Словарь языка Интернета.ru»** под редакцией М. Кронгауза 2016 года выпуска.

Он стал попыткой профессионально зафиксировать слова и выражения русского языка, актуальные для интернет-коммуникации за последние примерно двадцать лет. Словарь содержит слова, речевые клише, характерные для сетевого общения.

Рассмотрим неологизм последних лет, как **«фидошники».** Это пользователи компьютерной сети Фидонет. Разговорное название восходит к английскому FidoNet (|ˈfɪdəʊnet| файдоунэт).

Сеть Фидонет была популярна до широкого распространения интернет-технологий и действовала по принципу передачи данных «из точки в точку» при поддержке самих пользователей и без централизованных серверов.

Такой механизм работы требовал большого количества узлов сети для хранения информации – эти узлы у русских пользователей Фидонета получили название нодов (от английского node «узел») [Кронгауз, 2016, с. 263].

Еще одно новообразование, как «**слоупок**». Человек, который реагирует медленно и с опозданием, необидный синоним жаргонного слова *тормоз.*

Происходит от английского slowpoke «копуша, тупица, болван». Получило популярность благодаря японскому мультсериалу «Покемон», где так звали медлительного и глупого покемона, который всегда выполнял команды с большой задержкой. Часто употребляется применительно к себе (я тот ещё слоупок, но…) или сопровождается извинениями (простите, я слоупок) [Кронгауз, 2016, с. 116–117].

И, наконец, новый словарь разговорного французского языка известного писателя, журналиста, артиста Клода Дюнтона (Claude Duneton **Petit dictionnaire du français familier**) 2012 г. издания.

Французскому языку чаще свойственны слова с более общим значением, чем русскому. Поэтому французский словарь меньше по объему, чем словарь других языков. Всякий язык обладает определенными номинативными средствами (средства номинации), с помощью которых дается наименование элементам внеязыковой действительности. Рассмотрим внешние средства номинации, которыми являются заимствования. Каждый язык пользуется ими по-разному [Бурчинский, 2004, с. 126].

Например:

Tchatcher = parler beaucoup, sans arrêt, avec volubilité, à la manière des Méditerranéens. Très usuel**.** Указанный глагол очень распространен во французском языке и означает много говорить, без остановки, иными словами быть разговорчивыми, как жители Средиземноморья. Это толкование, которое дает в своем словаре Клод Дюнетон, приводя одновременно высказывание из повседневной жизни француженок.

Elle est sympa, ta cousine, mais alors qu'est-ce qu'elle tchatche ! Je commence à en avoir ras le bol de ses histoires... (Она милая, твоя кузина, но какая-же она разговорчивая! Хватит с меня её россказней…) [Duneton, 2012, p. 350].

А вот как трактует данное слово М. Кронгауз, перешедшее в наши дни в компьютерный сленг.

Чат, веб-чат

Система мгновенного обмена сообщениями, обеспечивающая коммуникацию неограниченного количества участников. Происходит от английского chat, буквально «разговор, беседа»**.** От «чат» образован глагол ***чатиться*** (разговаривать в чате). Участники чата иногда называются *чатлане,* словом, впервые встретившимся в фильме «Кин-дза-дза!» режиссера Г. Данелии и обозначавшим одну из инопланетных рас, то есть первоначально никакого отношения к чату не имевшим. Первые системы сетевой коммуникации в реальном времени появились еще в 1970-е гг. В классических *веб-чатах* происходит обмен сообщениями между пользователями, находящимися в чате в данный момент, а возможности сохранения разговора ограничены или отсутствуют. Позже появились *голосовые, фото-* и *видео-чаты*, а также мессенджеры для обмена личными сообщениями (например, *Google Talk*) [Кронгауз, 2016, с.231]

Как видим, русская и французская лексикография – это постоянно развивающаяся область современного языкознания. Она с каждым днем пополняется новыми словарями, которые, безусловно, будут востребованы разными группами пользователей.

Развитие у читателей осознанной потребности

обращения к справочной литературе, а также умение извлекать из нее нужную информацию сделают чтение словарей не только полезным, но и увлекательным занятием.

Сопоставление русского материала с материалом изучаемого в России французского языка может быть особенно плодотворным, потому что лексикология – это лингвистическая наука, которая чаще всего имеет дело с универсальными явлениями, свойственными самым различным языкам мира.

Язык не стоит на месте, он непрерывно обновляется, и это радостный факт. Постоянная динамика обеспечивает целостность. Слова приходят и уходят, а красота языка сохраняется во все времена.

Библиографический список

1. Бобунова М. А. Русская лексикография XXI века учебное пособие. Москва : Флинта, 2009, 2013. 200 с.

2. Бурчинский В. Н. Введение во французскую филологию: учебное пособие для студентов заочного отделения. Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2004. 256 с.

3. Кронгауз М. А. Культура помогает нам быть гибкими в разных средах. Культура. 28 января – 3 февраля, 2010. С. 4

4. Кронгауз М. А. Словарь языка интернета. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.

5. Крысин Л. П. Ода словарям. Литературная газета. 25 апреля – 3 мая, 2007. № 17–18.

6. Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. Москва : Словари XXI века, 2016. 352 с.

7. Петрова М. В. Словарь иностранных слов. Москва : РИПОЛ классик, 2013. 256 с.

8. Погребенко Ю. И. Учебный словарь в XXI веке: сборник научных и научно-методических трудов. Выпуск 6. Москва : Университетская книга, 2009. 310 с.

9. Руденко И. Слово о словах. Комсомольская правда. 3 сентября 2007. С. 12.

10. Скуратов И. В. Лексико-семантические и эмоционально-экспрессивные характеристики русско-французского молодежного сленга: языки в современном мире: материалы VIII международной конференции. Москва : КДУ, 2009. С. 553–560.

11. Ходюшина Н. П. Золотой век в афоризмах. Москва : Эллис Лак 2000, 2003. 520 с.

12. De Romilly J. Dans le jardin des mots. Paris: Editions de Fallois, 2011. 344 p.

13. Duneton Cl. Petit dictionnaire du français familier. Paris: Editions du Seuil, 2012. 534 p.

14. Nectoux Ph. Dictionnaire insolite de la Modernitude. Parlez-vous le médiatico-techno-tendance ? Paris: Presses de l'Imprimerie France Quercy à Cabors, 2005. 231 p.

15. Walter H. Les jours s'en vont les mots demeurent. Libération. Samedi 18 et dimanche 19 mars 2006, p. 45.

Reference List

1. Bobunova M. A. Russkaja leksikografija XXI veka = Russian lexicography of the XXI century : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta, 2009, 2013. 200 s.

2. Burchinskij V. N. Vvedenie vo francuzskuju filologiju: uchebnoe posobie dlja studentov zaochnogo otdelenija = Introduction in French philology: a textbook for part-time students. Nizhnij Novgorod : NGLU im. N.A. Dobroljubova, 2004. 256 s.

3. Krongauz M. A. Kul'tura pomogaet nam byt' gibkimi v raznyh sredah = Culture helps us to be flexible in different spheres. Kul'tura. 28 janvarja – 3 fevralja, 2010. S. 4.

4. Krongauz M.A. Slovar' jazyka interneta = The dictionary of the language of the Internet. Moskva : AST-PRESS KNIGA, 2016. 288 s.

5. Krysin L. P. Oda slovarjam = Ode to the dictionaries. Literaturnaja gazeta. 25 aprelja – 3 maja, 2007. № 17–18.

6. Novikov Vl. Slovar' modnyh slov. Jazykovaja kartina sovremennosti = The dictionary of modern words. Linguistic picture of modern life. Moskva : Slovari XXI veka, 2016. 352 s.

7. Petrova M. V. Slovar' inostrannyh slov = Foreign words dictionary.Moskva : RIPOL klassik, 2013. 256 s.

8. Pogrebenko Ju. I. Uchebnyj slovar' v XXI veke: sbornik nauchnyh i nauchno-metodicheskih trudov. Vypusk 6 = Academic dictionary in the XXI century: collection of scientific and methodological works. Issue 6. Moskva : Universitetskaja kniga, 2009. 310 s.

9. Rudenko I. Slovo o slovah = The word about words. Komsomol'skaja pravda. 3 sentjabrja 2007. S. 12.

10. Skuratov I. V. Leksiko-semanticheskie i jemocional'no-jekspressivnye harakteristiki russko-francuzskogo molodezhnogo slenga: jazyki v sovremennom mire = Lexico-semantic and emotional-expressive characteristics of Russian-French youth slang in the modern world : materialy VIII mezhdunarodnoj konferencii. Moskva : KDU, 2009. S. 553–560.

11. Hodjushina N. P. Zolotoj vek v aforizmah = Golden age in aphorisms. Moskva : Jellis Lak 2000, 2003. 520 s.

12. De Romilly J. Dans le jardin des mots. Paris: Editions de Fallois, 2011. 344 p.

13. Duneton Cl. Petit dictionnaire du français familier. Paris: Editions du Seuil, 2012. 534 p.

14. Nectoux Ph. Dictionnaire insolite de la Modernitude. Parlez-vous le médiatico-techno-tendance ? Paris: Presses de l'Imprimerie France Quercy à Cabors, 2005. 231 p.

15. Walter H. Les jours s'en vont les mots demeurent. Libération. Samedi 18 et dimanche 19 mars 2006, p. 45.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:1–027.21, 008(091)

Н. А. Хренов **https://orcid. org/0000–0002–6890–7894**

От идеологии к цивилизации: трансформация коллективной идентичности современной России как следствие культурологического поворота

Для цитирования: Хренов Н. А. От идеологии к цивилизации: трансформация коллективной идентичности современной России как следствие культурологического поворота // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 238-244. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-238-244

В первой статье из серии предполагаемых, посвященных трансформации коллективной идентичности российского населения, ставится вопрос о внутренних и внешних факторах цивилизационной идентичности, в данном случае, в ее российском варианте. Автор останавливается на внешних факторах, под которыми следует подразумевать концепт «Другого», т. е. другую цивилизацию. В данном случае под Другим подразумевается и американская цивилизация, и Китай как цивилизация. Автор настаивает на том, что на рубеже XX и XXI веков три самостоятельных цивилизации – Россия, Америка и Китай – демонстрируют интенсивные формы взаимодействия, что влияет на трансформацию цивилизационной идентичности России. Это проявляется и в стремлении противостоять американскому гегемонизму, и в повороте от Запада в сторону Китая, что делает актуальной возникшую в первых десятилетиях прошлого века идею евразийцев. Если Америка окончательно приобретает цивилизационные формы и продолжает переживать в XX веке пассионарное напряжение, то, например, Китай является одной из древнейших цивилизаций. В центре внимания автора – Россия, которая в своей истории не раз радикально пересматривала свою цивилизационную идентичность. Сегодня в своей истории она переживает очередной радикальный поворот, в большей степени, как кажется, ориентируясь на Восток. Происходящие изменения автор иллюстрирует с помощью искусства.

Ключевые слова: культурологический поворот, идеология, цивилизация, коллективная идентичность, цивилизационная идентичность, Хантингтон, Шпенглер, империя, модерн, постмодерн, пассионарная вспышка, большевизм, американизм, социализм, государство как Вызов, фаза надлома, Россия, Америка, Китай, империя, Другой, внутренний фактор, внешний фактор, психологический фактор идентичности, пассионарий, пассионарное напряжение.

CULTURAL SCIENCE

N. A. Hrenov

From ideology to civilization: modern Russia collective identity transformation as a consequence of culturological turn

In the first article of the series of articles devoted to Russian population collective identity transformation the question about interior and external factors of sivilizational identity in its Russian variant is raised. The author underlines the external factors which mean the concept of «Different», that is different civilization. «Different» in this case means both American civilization and China as a sivilization. The author insists on the fact that on the turn of XX–XXI three independent civilizations – Russia, America, China demonstrate intensive forms of interaction.It influences on Russian civilizational identity transformation. It is seen in the aspiration to confront American hegemony and in the turn from the West to China. This makes urgent the idea of Eurasians which appeared in the first decades of the last century. America finally takes civilizational forms and continues to have in the XX century passionate tension. As for China- it is one of the most ancient civilizations. The author's attention is focused on Russia which in its history not once has reviewed its sivilizational identity. Today in its history it faces another radical turn, but as it seems it is oriented on the East. The author illustrated the changes with the help of art.

© Хренов Н. А., 2020

Key words: culturological turn, ideology, civilization, collective identity, civilizational identity, Hantington, Shpengler, empire, modern, postmodern, passionate outbreak, bolshevism, Americanism, socialism, state as a challenge, break phase, Russia, America, China. Different, interior factor, external factor, psychological factor of identity, passion, passionate tension.

Этой публикацией автор начинает серию статей, связанных с последствиями развертывающегося в России на рубеже XX–XXI веков культурологического поворота. Такой поворот в первую очередь затрагивает коллективную идентичность народа, обеспечивающую солидарность многих входящих в российскую цивилизацию этносов. С этой точки зрения важно обсудить как внутренние, так и внешние факторы трансформации коллективной идентичности. В предлагаемой первой статье, касающейся этой проблематики, акцент ставится на внешних факторах трансформации коллективной идентичности. В статье ставится вопрос о взаимоотношениях на сегодняшнем этапе истории России, с одной стороны, с Америкой, а, с другой, с Китаем. Очевидно, что в последние десятилетия Россия все больше разворачивается в сторону Востока. Соответственно, в ее актуальной культуре сегодня актуализируются те элементы, которые возникали в ее истории под воздействием Востока. Это обстоятельство как раз и определяет коллективную идентичность российского народа на современном этапе его истории.

Если попытаться характеризовать современную ситуацию в мире, то, наверное, не обойтись без двух слов – неустойчивость и неопределенность. Это признаки психологической атмосферы в обществе и, наверное, это характерно не только для России. Мы не случайно начали с психологии, а, скажем, не с политики. Ведь сдвиги, которые происходят в последние десятилетия в России, касаются не только геополитики, географии, идеологии, империи, демократии, либерализма и т. д., но идентичности и, в частности, коллективной идентичности. Как свидетельствует И. Нойман, как ведущая отрасль антропологии и социологии проблематика идентичности формируется с начала 1990-х годов [Нойманн, 2004, с. 236]. А вот это уже проблема психологии. Причем, идентичности не только индивидуальной, а коллективной, как бы ее не конкретизировать, подразумевая под ней и национальную, и этническую, государственную и т. д. идентичность.

Но, конечно, изолировать психологические аспекты идентичности от геополитики, идеологии. географии и т. д. невозможно. Ведь как утверждает тот же И. Нойманн, конструированием Другого, имея в виду цивилизационные идентичности, о которых у нас и пойдет речь, занимаются именно политики [Нойманн, 2004, с. 54]. Странно было бы не обращать на это внимание в нашу эпоху как эпоху гипертрофированных пропагандистских технологий, с помощью которых симулякры сплошь и рядом заменяют реальность. Эта изоляция невозможна особенно в том случае, когда речь идет о такой разновидности коллективной идентичности как цивилизационная идентичность, о которой в последние десятилетия много говорят [Хантингтон, 2004]. Говорят справедливо, поскольку это уже не просто академическая, а практическая проблема. Видимо, С. Хантингтон в свое время верно уловил проблему и удачно ее сформулировал, раз его книги были замечены и спровоцировали дискуссии.

Так что же впервые сформулировал С. Хантингтон? Он зафиксировал значимый сдвиг в истории, определяющий изменения в идентичностях. Собственно, во многом именно это способствует возникновению атмосферы неопределенности и неустойчивости в обществе, которые мы все сегодня ощущаем, но до конца так и не можем осмыслить. Ведь то, что с нами происходит, – следствие не только распада советской империи. Для осмысления современного хаоса необходим еще один уровень осознания, а именно, тот сдвиг, что происходит на уровне взаимоотношений между цивилизациями. Причем, даже не в настоящий момент или в последних десятилетиях, а в больших исторических длительностях, без чего не разобраться и в настоящем моменте в их взаимоотношениях. В данном случае необходимо расширить поле исследования и происходящий культурологический поворот расшифровывать еще на одном уровне – цивилизационном. Он является даже следствием открытия проблематики цивилизаций, а они с некоторых пор вступили в новый период в истории своих взаимоотношений, что, несомненно, активизировало культурологическую рефлексию и способствовало становлению науки о культуре.

Цивилизационный уровень рассмотрения проблематики культуры приводит к тому, что такое рассмотрение уже никак не может быть сведено исключительно к тем процессам, что происходят в России. В данном случае культурологический поворот, обладающий специфическими в России признаками, до конца может быть осмыслен, исходя из внешнего фактора, под которым следует подразумевать взаимоотношения между цивилизациями. Иначе говоря, ставя вопрос о поддержании идентичности в России, мы не можем обойтись без активной роли в этом процессе того, что в философии называют «Другим». В данном случае род этим «Другим» следует подразумевать другую цивилизацию или другие цивилизации. Понятно, что в современной ситуации, когда многое зависит от Америки, России и Китая, этого аспекта культурологического поворота невозможно избежать.

Как уже отмечалось, неопределенность и неустойчивость в современном мире порождена более активными взаимоотношениями между тремя цивилизациями, воздействующими друг на друга и влияющими на изменения идентичности входящим в эти цивилизации народов. Нас в первую очередь интересует цивилизационная идентичность, что характерна для России. Понятно, что эта идентичность во многом зависима от традиции, сформировавшейся в предшествующих столетиях. Но не в меньшей степени сегодня она зависима и от внешнего фактора, то есть от взаимоотношений России с другими цивилизациями. И от воспринимаемых по принципу Другого цивилизаций зависит самоощущение русского человека. Поэтому и возникает проблема – русский человек, каким он был в прошлом, каким он предстает сегодня и каким он видит себя в будущем. Вот это видение себя в будущем тоже ведь входит в виде слагаемого в цивилизационную идентичность.

Происходящий сегодня сдвиг связан с утрачиваемой основой, определяющей до некоторого времени коллективную идентичность. Такой основой была идеология. Во всяком случае в России. Но идеология оказалась в кризисе. Возьмите, например, идеологию большевизма, которая формировалась не без влияния модерна. Постмодерн радикально пересматривает мировосприятие модерна. А это мировосприятие, как утверждает И. Нойманн, способствует конструированию и поддержанию прочности и стабильности идентичностей(6).Что же касается постмодернизма, то для этого мировосприятия становится значимым, как избежать застывания идентичности и сохранять принцип открытости в функционировании идентичности. Эта открытость идентичности во многом и является причиной неустойчивости и неопределенности переживаемого сегодня исторического момента. Понятно, что и модерн, и постмодерн определяют установки художников, в частности, те процессы, что происходят в кинематографе.

Да, большевистской идеологии больше нет. Между тем, она многое определяла и помимо всего прочего была формой изживания возникшей в России фантастической пассионарной вспышки, энергию которой до начала XX века направить на созидательную деятельность не удавалось. Но что означает пассионарная вспышка, охватившая массовые слои неграмотного населения, поверившего, что на земле может быть создан рай – царство небесное? Ради этой идеи фанатики устраивали оргии жертвоприношения во время революции и гражданской войны. Достаточно пролистать книги С. Мельгунова [Мельгунов, 1979] и В. Булдакова [Булдаков, 1997], чтобы ощутить эту оргию, которая ведь продолжалась и в гулаговских казармах вплоть до смерти вождя. В последние десятилетия некоторые кинорежиссеры пытаются вернуться к этим практически спрятанным страницам революции, воспроизвести это падение ценности человеческой жизни в этот период (например, фильм А. Смирнова «Жила – была одна баба» (2011) и фильм А. Рогожкина «Чекист» (1992).

Тем не менее, в некоторых отношениях идеология была необычайно эффективной, в частности, для утверждения, укрепления и поддержания солидарности как внутри государств, между разными входящими в его состав этносами и социальными группами, так и между государствами. Хотя невозможно закрывать глаза на то, что эта же самая идеология и разделяла мир на противостоящие лагеря и оказалась мощным средством давления на личность. Солидарность достигалась за счет принесения в жертву личностного потенциала. Эффективность идеологии заключалась в том, что на ее основе солидарность, если иметь в виду прежде всего внутренние для России процессы, могла возникать вне этнических, национальных, религиозных и т. д. уровней. Сегодня этой идеологии больше нет, нет и эффективного средства сплочения, используемого как внутри страны, так и вне ее. Общества начинают

распадаться. Начинают распадаться и связи между народами, которые возникали на идеологической основе.

Может показаться, что если автор утверждает, что идеология была эффективным средством формирования и поддержания идентичности, то он, следовательно, испытывает по ней ностальгию и ее положительно оценивает. Не в этом дело. На своей ранней фазе идея, положенная в основу революционной идеологии, имела много последователей. Сначала это была группа, потом партия, потом эта идея распространялась в массах, что не удивительно, ведь пассионарный взрыв должен был найти какую-то форму выражения. Его энергия распространилась на инертную массу. И понятно, что и в массе было много тех, кто эту идею разделял и в нее верил. Важно отметить, что ее разделяли и некоторые представители интеллигенции, художники, например, М. Горький, В. Маяковский, С. Эйзенштейн и т. д. Даже сегодня мы видим, что разделяющие эту идею и жаждущие поставить памятник Сталину есть не только в старшем, но и в младшем поколении. И кстати, имеются основания полагать, что по мере разочарования в идеологии и распространения жажды наживы, начавшегося еще с момента активизации либерализма и охватившего сегодня общество, особенно среду чиновников, позитивная аура большевизма будет укрепляться. Не пришлось бы снова печатать большими тиражами Маркса.

Почему же такой эффект большевистской идеологи и почему он давал о себе знать много десятилетий? И это на том этапе истории, когда ее ритмы заметно ускорялись. Дело в том, что поскольку идея социализма распространялась в массе, то она была трансформирована в нечто такое, что уже не было только идеологией. Массовое сознание вносило в нее психологические комплексы разного исторического происхождения. Она вбирала в себя религиозные, мифологические, фольклорные, художественные и т. д. представления. Ведь еще и в 20-е годы развертывались дискуссии о том, что в социализме есть от религии. А. Луначарский, например, как известно, представлял социализм разновидностью религии. Об этом же пишет Н. Бердяев в своей книге о Достоевском [Бердяев, 1994]. Да и в знаменитых «Вехах» С. Булгаков писал, что революционная идея в России приобрела религиозные смысл [Булгаков, 1990, с. 27]. Видимо, потому и сохраняла свой смысл идея социализма и возникшая на ее основе идеология несколько десятилетий, что сама возникала на основе многосложного и нового – плюралистического и традиционного мышления.

Но конечно, в новом мировосприятии они предстали лишь подчиненными в сравнении с идеологическими установками элементами. Новое мировосприятие возникало не на основе культуры, не было ее продолжением. Оно использовало культуру, обязывая ее служить себе. Со временем это, может быть, и стало причиной краха этого утопического эксперимента. Новые идеи были влиты в архетипические и мифологические формы. Да, эта идеология долго держалась, но к сегодняшнему дню, кажется, совсем угасла, ведь пассионарная вспышка, которой многим обязана идея социализма и вся наша история в первой половине XX века, оказалась потраченной. Уже в эпоху оттепели энергия пассионарности начала получать выражение не в классовых схватках и перевоспитания в лагерях, а в создании художественных и духовных ценностей. Это свидетельство ослабленной пассионарности. Поэтому оттепель в ее российском варианте и явилась чем-то вроде «нового Ренессанса» [Хренов, 2013, с. 17]. Ведь возникший еще в начале XX века культурный и художественный ренессанс после 1917 года прекратился. Но все фазы развития он пройти не успел.

А. Синявский утверждал, что этот ренессанс успел пройти лишь свою поэтическую фазу, дав миру превосходную поэзию. Следующей фазой должен был бы быть расцвет прозы. К прерванной логике нового «русского ренессанса» начала XX века возвращала проза оттепели «В начале XX века у нас была самая прекрасная в мире поэзия – пишет А. Синявский – Но проза, как известно, развивается позже, и ее прихватил мороз. До расцвета русской прозы в нашем столетии дело не дошло. Однако сознание, что где-то в самом начале было даровано России счастье жить в высокую поэтическую эпоху, что эти стихи каким-то чудом дошли до нас и сделались теперь нашими современниками, это сознание обязывало и обязывает русскую литературу, выбиваясь из сил, доказать, что она тоже может быть великой. Поэзия начала века обязывает хотя бы к концу, создать недостающую прозу. И если таковая появится (а она начинает появляться), наша вечная благодарность – поэтам, сумевшим уже вначале сообщить российской словесности такой размах и заряд, что она смогла перепрыгнуть через пропасть шириною в тридцать, в сорок лет,

когда в России практически не было словесности и, что самое главное, не было уверенности, что таковая когда-нибудь будет» [Синявский, 2003, с. 185].

Конечно, весь этот процесс не был осмыслен, и нужно было ждать, пока не появится новый Шпенглер и не напишет бестселлер под названием «Закат России», – мысль, конечно, бредовая, но все же она возникает. Она, кстати, возникала и раньше, например, у философа С. Франка в связи с развалом российской империи и революцией 1917 года. В 1923 году, будучи уже в эмиграции, он писал: «Мало ли было народов, которые погибали от внешних ли несчастий или от духовного разложения? Чем же мы, русские, лучше других, и отчего в этом мировом землетрясении не можем исчезнуть и мы? Может быть, Россия – такой же мираж, как все остальное, нас окружающее? В нашей духовной пустоте мы не можем найти убедительного опровержения этой кошмарной фантазии» [Франк, 1990]. Ведь ощущаемый в эпоху оттепели кризис большевистской идеологии и в самом деле кому-то мог казаться «закатом» России. Впрочем, не эта ли мысль приходила в голову еще людям, выходившим на улицы в день похорон Сталина. Некоторым казалось, что с его смертью заканчивается новая Россия. Но если уж говорить серьезно, то эти фазы российской истории Л. Гумилевым были просчитаны, а главное, в этой истории им было найдено место и нашим дням. По мнению ученого, пассионарный толчок как исходная точка любого этногенеза, в том числе, и российского, в России произошел еще в XIII веке [Гумилев, 2002, с. 471]. С тех пор прошло 800 лет. А это, как считают сторонники культурологического и цивилизационного взгляда на историю, как раз та самая фаза в истории, когда заканчивается период надлома цивилизации и начинается инерция.

Что же касается фазы надлома, то, по мнению Л. Гумилева, ее начало следует фиксировать после Отечественной войны 1812 года. Финал же этой фазы связан с утратой единства суперэтноса и начавшимися разборками между отделяющимися от цивилизации ее частями, когда-то входившими в ее состав, а ныне обретающими самостоятельность. Видимо, эта ситуация, в соответствии с концепцией Л. Гумилева, и определяет наш сегодняшний хаос. Но у Шпенглера была своя терминология. Он, естественно, понятие «надлом» и «инерционная фаза» не использовал, а драматическую ситуацию в истории народа обозначал словом «закат». Кстати, именно Шпенглер одним из первых стал просчитывать фазы в истории великих культур. Под «закатом» применительно к российской истории следует понимать «закат» лишь очередного в российской истории варианта империи, а именно, большевистский вариант.

Поскольку на протяжении десятилетий идеология была почти исчерпывающим фундаментом коллективной идентичности, то «закат» этой империи, естественно, не мог не породить множество проблем, которые явно оказались непредусмотренными и, следовательно, неожиданными. Распад империи как факт позитивный, ибо приводил к большей свободе личности, породил то, что народ постепенно начал утрачивать то чувство «мы», которое как раз и является выражением коллективной идентичности. С тех пор для русских становится актуальным вопрос «Кто мы?», который позднее поставит С. Хантингтон, но только применительно уже к Америке, ведь в ней тоже возникли такие же проблемы, как и в России. Утрата чувства «мы» порождала дискомфорт, а затем, уже в наше время ностальгию по тому времени, которое еще недавно казалось ужасным, а сегодня по контрасту с новой реальностью воспринимается уже счастливым и беззаботным.

Человек в постимперской действительности раздваивается. Ведь свобода означала возможность активизации всего его потенциала, но, с другой стороны, провоцировала необходимость самостоятельного разрешения возникающих в жизни процессов, а он к этому не привык, полагаясь на то, что за него все может решать все государство, как это до некоторого времени и было. С одной стороны, это ему нравилось, а, с другой, все же порождало дискомфорт. В этом проявилась та самая амбивалентность в отношении русского человека к своему государству, о котором писал Н. Бердяев [Бердяев, 1990]. Государство, каким оно было – сильным, передовым, поскольку оно проводило в жизнь идею социализма, заставляющим считаться с ним во всем мире, наделяло человека чувством и защищенности, и гордости. Вот это-то чувство вместе с распадом империи и исчезало. С другой стороны, человек не мог не испытывать от этой зависимости дискомфорт. Однако ради возвышающих его как представителя сильного государства переживаний он этот дискомфорт терпел. Так что хотя здесь и были проблемы, но коллективная идентичность в России, возникшая

на основе идеологии, была еще и имперской идентичностью со всеми вытекающими последствиями.

Ведь по сути дела, это даже было на руку большевикам, ведь к XX веку имперская идентичность уже была традицией, и она в России формировалась на протяжении столетий. А раз так, то она не могла не способствовать твердости и прочности новой власти, которая на фундаменте старой традиции выстраивала новую империю. Эта идентичность основывалась не только на идее, но и на силе. А вот то, что основой оказывалась сила, уже шло вразрез с идеалами христианства, о чем в свое время писал В. Соловьев. Но это когда было, а сегодня христиане, то есть православные в России демонстрируют себя истыми государственниками, становятся в этом смысле более, чем сами чиновники, а их жадность свидетельствует только о том, что власть – это путь к обогащению. Потому и расправлялись со священниками после 1917 года, чтобы церковь не была барьером для утверждения силы, без которой большевики бы не сохранили власть, которую они позже по этой же причине и потеряют. Тогда казалось, что между идеей и силой может быть гармония. Но так казалось до определенного времени, пока сила не стала применяться не только для того, чтобы отражать внешние вызовы, но против самого человека. А в этом случае уже само государство превратилось в Вызов. Внутренний вызов. Кстати, сегодня это продемонстрированное большевизмом противоречие характерно для Америки, ведь провозглашаемая ею идея свободы зиждется на основе силы. И кажется странным, причины, объясняющие, почему Америка, воспринимавшая Советский Союз своим Другим, сегодня объясняет политику Америки. Впрочем, чему тут удивляться. Когда-то М. Хайдеггер находил нечто общее между американизмом и большевизмом. Для него, например, большевизм представал «вырожденной формой американизма», американизм представлялся ему даже более опасным, чем русский большевизм, поскольку он способен скрывать свое истинное лицо, «рассуждая о культуре и ценностях» [Пеггелер, 2019, с. 411].

Но раз разрушается коллективная идентичность на идеологической основе, то активизируются все те средства, которые раньше, в доидеологическую эпоху способствовали укреплению идентичности помимо идеологии, например, этническая принадлежность, конфессиональная принадлежность и, наконец, заслуживающая особого разговора культурная принадлежность, поскольку в России, как было в период перестройки задумано отечественной элитой, культура мыслилась заменителем идеологии и новым основанием коллективной идентичности, что, собственно, привело к бурному развитию культурологии и институционализации этой науки. Ее стали изучать в высших учебных заведениях. Конечно, нельзя утверждать, что проект С. Хантингтона устранить из основания идентичности идеологию и заменить ее культурой, – нечто абсолютно и принципиально новое, ранее не имевшее места. Ведь, как уже отмечалось, в то, что было на протяжении всей первой половины XX века идеологией, вбирало в себя много элементов, в том числе, и культурные комплексы или культурные архетипы, включая сюда и имперский комплекс, раз то государство, что было создано большевиками, оказывалось империей. Но в том варианте идентичности, что всецело оказывалась зависимой от идеологии, культура входила лишь частично, в урезанном, усеченном виде, как частный элемент. Короче говоря, она не была самоценной и только использовалась для выполнения идеологических функций.

Однако какое бы варварство не демонстрировал большевизм, нельзя все же ему отказать в культурной политике. Она была, и какой-то позитив в этом отношении все же имел место. Но, конечно, на этой культурной политике лежала еще печать культурного уровня массы, то есть ее способности актуализировать, сохранять, а главное, понимать то культурное наследие, которое ей досталось и к которому она начала прикасаться. Так, мы возвращаемся к вопросу, поставленному в переписке между Вяч. Ивановым и М. Гершензоном [Иванов, Гершензон, 1994]. Однако то, что происходило ближе к концу XX века, да, пожалуй, еще и с эпохи оттепели, следует обозначить, как качественно новое отношение к культуре как доминанте в иерархии тех ценностей, с помощью которых можно характеризовать бытие человека в России на рубеже XX–XXI веков. Это как раз и способствовало возникновению именно в это время культурологической рефлексии, что со временем приведет к появлению науки о культуре. Пусть зарубежных мыслителей не удивляет тот факт, что возникновение в России науки о культуре в момент, когда на Западе этого бума не происходит, является даже не научным направлением,

разрабатываемым специалистами, а чем-то вроде общественного движения. Это, конечно, значимый факт в новой истории России, и он проявляется в том, что мы обозначаем как культурологический поворот. Этот самый поворот в России происходит одновременно с универсальным процессом, охватывающим и другие народы. С тем процессом, в котором принадлежность человека к определенному типу цивилизации многое определяет. Понятно, что внутренние процессы, характерные лишь для России, приводят к новому статусу и новому видению культуры. Но внешние факторы в этих процессах тоже оказываются чрезвычайно значимыми и определяющими изменения в восприятии русским человеком себя.

Библиолграфический список

1. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. Москва : Искусство, 1994.

2. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Москва, 1990. С. 4.

3. Булгаков С. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Москва : Новости, 1990. С. 27.

4. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Москва : РОССПЭН, 1997.

5. Гумилев Л., Ермолаев В. Горе от иллюзий // Основы евразийства. Москва : Арктогея – Центр, 2002. С. 471.

6. Иванов В., Гершензон М. Переписка из двух углов // Иванов В. Родное и вселенское. Москва : Республика. 1994.

7. Мельгунов С. Красный террор в России. Нью-Йорк : Издательство Брэнди, 1979.

8. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. Москва, 2004. С. 54, 236, 279.

9. Пеггелер О. Новые пути с Хайдеггером. Санкт-Петербург : «Владимир Даль», 2019. С. 411.

10. Синявский А. Литературный процесс в России. Москва, 2003. С. 185.

11. Франк С. Крушение кумиров // Франк С. Сочинения. Москва : Издательство «Правда», 1990. С. 111–180.

12. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва : Транзиткнига, 2004.

13. Хренов Н. Искусство оттепели в контексте надлома большевистской империи // От искусства оттепели к искусству периода распада империи / ответственный редактор Н. А. Хренов. Москва : Канон – Плюс, 2013. С. 17.

Reference List

1. Berdjaev N. Mirosozercanie Dostoevskogo = Dostoevsky's world outlook // Berdjaev N. Filosofija tvorchestva, kul'tury i iskusstva. Moskva : Iskusstvo, 1994.

2. Berdjaev N. Sud'ba Rossii. Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti = Russia's fate. Experiences on war and nationality psychology. Moskva, 1990. S. 4.

3. Bulgakov S. Geroizm i podvizhnichestvo (Iz razmyshlenij o religioznoj prirode russkoj intelligencii) = Heroism and asceticism (From thoughts to religious nature of Russian intelligensia) // Vehi. Sbornik statej o russkoj intelligencii. Moskva : Novosti, 1990. S. 27.

4. Buldakov V. Krasnaja smuta. Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija = Red trouble and consequences of revolutionary violence Moskva : ROSSPJeN, 1997.

5. Gumilev L., Ermolaev V. Gore ot illjuzij = Woe from illusions // Osnovy evrazijstva. Moskva : Arktogeja – Centr, 2002. S. 471.

6. Ivanov V., Gershenzon M. Perepiska iz dvuh uglov = Correspondence from two angles // Ivanov V. Rodnoe i vselenskoe. Moskva : Respublika. 1994.

7. Mel'gunov S. Krasnyj terror v Rossii = Red terror in Russia. N'ju-Jork : Izdatel'stvo Brjendi, 1979.

8. Nojmann I. Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskoj identichnosti = The usage of «the Different». Images of the East in the formation of European identity. Moskva, 2004. S. 54, 236, 279.

9. Peggeler O. Novye puti s Hajdeggerom = New paths with Hidegger. Sankt-Peterburg : «Vladimir Dal'», 2019. S. 411.

10. Sinjavskij A. Literaturnyj process v Rossii = Literature process in Russia. Moskva, 2003. S. 185.

11. Frank S. Krushenie kumirov = The wreck of idols // Frank S. Sochinenija. Moskva : Izdatel'stvo «Pravda», 1990. S. 111–180.

12. Hantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti = Who are we? Challenges of American national identity. Moskva : Tranzitkniga, 2004.

13. Hrenov N. Iskusstvo ottepeli v kontekste nadloma bol'shevistskoj imperii = The art of thaw in the context of break of Bolshevist empire // Ot iskusstva ottepeli k iskusstvu perioda raspada imperii / otvetstvennyj redaktor N. A. Hrenov. Moskva : Kanon – Pljus, 2013. S. 17.

УДК 72.03(470.1/.2)

А. Б. Пермиловская **https://orcid.org/0000–0002–3221–7197**

Символика мирового дерева и креста в традиционной культуре и христианстве

Для цитирования: Пермиловская А. Б. Символика мирового дерева и креста в традиционной культуре и христианстве // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 245-250.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-245-250

Культовая архитектура как вид искусства имеет своеобразный профессиональный язык: она «говорит» на языке архитектурных форм, в котором символически заключена традиционная картина мира человека и его религиозная доктрина. Именно в православном храме наиболее ярко проявляются особенности народного мировоззрения, где определяющее место принадлежит христианству и мифопоэтическому миропониманию русского этноса.

В статье рассматривается символика мирового дерева и креста, которая занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве. Символ как универсальный язык культуры отражал основные понятия мироздания. В православии крест характеризуется как мировое «животворящее» древо жизни. Работа выполнена в контексте русской народной архитектуры. Деревянное зодчество – особое, самостоятельное направление традиционной архитектуры. В его уникальном качестве и разнообразии оно представлено в России, которая всегда была «лесной, таежной» страной. Это поистине общенациональная архитектура, которая впитала в себя мировоззрение всех слоев русского общества. История русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Русского Севера. Деревянные кресты на северных храмах были восьмиконечными и считались здесь старообрядческими. Широкое распространение получили отдельно стоящие обетные и памятные кресты, своей формой и искусной деревянной резьбой символизирующие одновременно древо жизни и крест. Это убедительно подтверждается и сохранившимися артефактами деревянного зодчества: Людогощинским крестом церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде (1359) и введенным автором в научный оборот крестом из д. Кушкопала, Пинежскиого района, Архангельской области (сер. – втор. пол. XIX века). Оба креста как по своей форме, так и искусством резьбы символизируют одновременно древо жизни и христианский крест. «Крестовое» дерево-знак («карсикко») в традиционной культуре карел и русских поморов представляет собой образ мирового дерева и креста с функциями оберега, сакральной границы и медиатора между мирами.

Ключевые слова: традиционная культура, христианская символика, народная архитектура, крест, мировое дерево, храм, обетный крест, Русский Север, Арктика.

A. B. Permilovskaya

The symbolism of world tree and cross in a traditional culture and Christianity

Cult architecture as an art form has its peculiar professional language, it «speaks» the language of architectural forms in which a traditional world picture of a man and religious doctrine are symbolically included. The peculiarities of folk worldview are vividly seen in the orthodox church. The main place here belongs to Christianity and mythopoetical outlookof Russian ethnos. The article speaks about the symbolism of world tree and cross which takes a central place in a traditional culture and Christianity. Symbol as a universal language of culture reflected main notions of the universe. In Orthodox religion cross is characterised as a world «life-giving» tree of life. The article is written in the context of Russian folk architecture. Wooden architecture is a peculiar, independent branch of traditional architecture. It represented Russia in its unique quality and diversity. Russia has always been a «forest and taiga» country. It is a real national architecture which absorbed the worldview of all layers of Russian society. The history of Russian wooden architecture is mainly the history of wooden architecture of the Russian North.Wooden crosses on the tops of northern churches were eight-pointed crosses and were viewed here as belonging to Old Believers. Votive and memorial crosses were very popular. They symbolized at the same time the tree of life and a cross by their form and artful wood carving. It is proved by preserved artifacts of wooden architecture: Ljudogoshchinsky cross of Flor and Lavr Church in Nizhny Novgorod (1359) and introduced by the author in scientific usage cross from v.Kushkopala Pinezhsky district Arhangelskaya oblast (mid-second half of the XIX c.). Both crosses by their forms and wood carving symbolize at the same time the tree of life and a Christian cross. «Cross» tree-sign («karsikko») in a traditional culture

© Пермиловская А. Б., 2020

of Karelians and Russian pomors is an image of world tree and cross with the functions of amulet, sacral boundary and mediator between two worlds.

Key words: traditional culture, Christian symbolism, folk architecture, cross, church, world tree, votive cross, Russian North, Arctic.

Храмовая архитектура, как вид искусства имеет своеобразный профессиональный язык, она «говорит» на языке архитектурных форм, в котором символически заключена традиционная картина мира человека и его религиозная доктрина. Именно в православном храме наиболее ярко проявляются особенности народного мировоззрения, где определяющее место принадлежит христианству и мифопоэтическому миропониманию русского этноса. Поэтому смысл и значение архитектурных форм православного храма можно уяснить, рассматривая храм с нескольких позиций, в том числе и в его христианской «идее – как плод домостроительства Божия – на основании Священного Писания и творений святых отцов Церкви» [Кудрявцев, 1998, с. 65].

Происхождение многих символов уходит вглубь веков, в архаичные культуры, в древние цивилизации и религии, органичным элементом которых они являлись. *«Истина явилась в мир не обнаженной, но в символах и образах»* – эти слова из апокрифического Евангелия апостола Филиппа определяют значение символики для традиционной культуры [Фадеева, 2004]. Евангелие от Филиппа – одно из гностических апокрифических евангелий, названное по имени апостола Филиппа. Датируется III веком, но было не известно современным исследователям до тех пор, пока не было найдено археологами в 1945 году в Египте. Апокриф (от древне-греческого – «*скрытый, сокровенный, тайный*») – произведение религиозной литературы (иудейской и христианской), посвящённое по преимуществу событиям и лицам Священной (ветхо- и новозаветной) и церковной истории. В данном исследовании под апокрифами, понимаются произведения, не входящие в состав Ветхого и Нового Завета в православии. Апокрифы являются запрещёнными для чтения в церкви. Клириков, которые используют их для чтения в храме, христианская церковь лишает сана. Однако содержание апокрифов часто становилось Священным Преданием Христианской церкви. Так, по мнению французского богослова русского зарубежья В. Н. Лосского, источником Священного Предания могут быть и христианские апокрифы: «Церковь умеет извлечь из них то, что может полнить и иллюстрировать события, о которых умалчивает Писание, но которые Предание считает достоверными» [Лосский].

Целостное восприятие мира, еще с доисторических времен, человек формулировал на языке символов. Символ происходит от греческого – «знак», «опознавательная примета». Этот универсальный язык культуры отражал основные понятия мироздания. Он насчитывает тысячелетия, его материальные следы мы встречаем со времен неолита в святилищах и храмах, в декоративном орнаменте жилища, предметах быта и традиционного костюма.

Символ можно рассматривать как язык, дошедший с древних времен, когда концептуальные понятия не были выработаны. Он прошел тот же путь развития, что и мысль, выразив часть религиозной и духовной жизни, которую бессилен передать интеллект [Фадеева, 2004]. В христианскую эпоху символ сохраняет свое значение в качестве универсального средства выражения. В I–III веках были распространены символические и аллегорические изображения. Это было связано как с гонениями на первых христиан, так и со стремлением последних скрыть смысл своей веры, а также с неразвитостью философско-религиозного и художественного мышления. Иисус Христос в это время изображался в виде агнца, рыбы, корабля, виноградной лозы [Фадеева, 2004]. Раннехристианские кресты были в форме якоря или двух рыб по сторонам трезубца.

Проявление сакрального в культуре и искусстве на особом языке символов выделилось в современном религиоведении и культурологии в отдельную большую тему. Со времен архаики глубинная структура мироздания и место человека в нем выражалась с помощью символов [Элиаде, 2008]. По мнению философа и историка мировой культуры М. Элиаде: христианство – это «реализация рая». Крестьянским культурам разных народов присущ единый «космический уровень». Это единство во всех крестьянских культурах мира ученый назвал «космической религиозностью», или космическим (народным) христианством [Элиаде, 2001]. Христианство трансформировало крестьянские культуры. Народные разновидности религий и мифологии, имеющие сельскохозяйственную структуру, сохранились, трансформировавшись в христианство. Множество богов и героев, убивающих драконов, превратилось в Ге-

оргиев Победоносцев, боги грозы превратились в святого Илью, многочисленные богини плодородия были приравнены к Богородице или святым. Можно сказать, что какая-то часть народной религии дохристианской Европы выжила и сохранилась, приняв форму календарных праздников и трансформировавшись в культ святых [Элиаде, 2001]. В кон. XIX – нач. XX века в Европе, особенно на юге и юго-востоке, встречаются мифы и ритуалы, восходящие к самой глубокой древности [Шмидт, 1952]. В календарных обрядах отразились представления о необходимости ежегодного кругооборота жизни и плодородия, объединяющих в единое целое землю, природу и людей.

Для крестьян Восточной Европы такое положение вещей не было «оязычиванием христианства», а наоборот, «охристианиванием» религии их предков. «Космическое христианство жителей сельских областей исполнено ностальгии по природе, освященной присутствием Иисуса, ностальгией по раю, желанию преображения природы, пребывающей нетронутой и первозданной, защищенной от постоянных потрясений, войн, разорения. Это «идеал» земледельческих народов, постоянно разоряемых воинственными ордами кочевников и эксплуатируемых различными «хозяевами» [Элиаде, 2001, с. 186].

Человек архаического общества ощущает себя частью Космоса – Природы – Божества. Нужно также отметить, что эта взаимосвязь ощущается настолько сильно, что в некоторых языках понятие «мир» используется также для обозначения понятия «год». Например, *«мир прошел»* или *«земля прошла»* говорят, когда, хотят сказать, что истек год [Элиаде, 2001].

Из сказанного можно сделать вывод: для христиан, в том числе и для православных крестьян Руси и Русского Севера, «природа» – не мир греха, а творение рук Бога. Именно поэтому Церковь и Христос приняли столько космических символов, а крестьянские зодчие учились у природы божественной гармонии «красоты и пользы» и использовали этот опыт в традиционной культуре и народной архитектуре.

В мифопоэтических и религиозных системах крест – один из наиболее распространённых символов, нередко функционирующий как знак высших сакральных ценностей. «Во многих культурно-исторических традициях крест символизирует жизнь, плодородие, бессмертие, дух и материю в их единстве, активное мужское начало; с крестом связывается идея процветания, удачи. Это позволяет объяснить ту важную роль, которую играет крест в ритуале и ритуализированном поведении, в магии, народной медицине, гаданиях, волшебстве, в архаичном искусстве и в быту» [Топоров, 1992, Т. 2, с. 12–13].

Символика мирового дерева и креста занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве, он моделирует «пространство и время, воплощая универсальную концепцию мира. При этом мировое дерево означает ось мира и сам мир» [Фадеева, 2004, с. 41].

Крест показывает место человека в мире. По мнению академика В. Н. Топорова: «образ Христа обращён к сфере исторического, а сам крест на рубеже двух эпох приобретает черты временного и стадиального перекрёстка, пограничного столба в эволюции диалога между человеком и богом. Именно так и понимался образ Христа на кресте многими христианскими авторами» [Топоров, 1992, Т. 2, с. 13–14]. Сближение и совмещение этих понятий и символов происходит в начале христианской эпохи. Например, по раннесредневековым представлениям, крест был сделан из ветвей «Древа познания добра и зла». В православии крест характеризуется как «животворящее древо».

Мировое дерево (древо жизни) в славянской мифологии – мировая ось, центр мира и воплощение мироздания в целом. Крона мирового дерева достигает небес, корни – преисподней. В заговорах мировое дерево помещается в центре мира, на острове посреди океана («пуповине морской»), где на камне Алатыре стоит «булатный дуб» или другое священное дерево: кипарис, береза, яблоня. Мировое дерево соединяет и воплощает не только пространственные (вертикальные и горизонтальные), но и временные координаты мира. Например, загадка: «*Стоит дуб, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по четыре гнезда»* отражает год, 12 месяцев, четыре недели [Славянская мифология, 2002].

В традиционной культуре образ дерева использовался в свадебном и похоронном обрядах, при возведении нового дома – обряде строительной жертвы (обрядовое дерево помещалось в центр планируемой постройки) вплоть до позднейших обычаев устанавливать рождественскую новогоднюю елку и др. [Славянская мифология, 2002]. Следы культа деревьев можно обнаружить в Библии. «*И насадил Авраам при Вирсавии рощу и призвал там имя Господа, Бога вечного»* [Копалинский, 2002, с. 62]. Дерево в традиционной картине мира выступает в функции универсального медиатора, посредством которого человек (бог, святой, демон, смерть, душа, хтоническое существо) по-

падает в мир людей и покидает его, перемещаясь на небо, в потусторонний мир, на тот свет [Славянская мифология, 2002].

Тождественность значения и образа древа жизни и креста подтверждается многочисленными изображениями в православной архитектуре, скульптуре, иконописи. В качестве примера можно привести кресты с полумесяцем в окружении растительно-геометрического орнамента на куполах русских церквей. Это так называемые «процветшие» кресты: из основания, которых произрастают побеги. Они символизируют возрождение жизни – воскресение Христа из мертвых. Крест Господень в православном каноне иногда величают «животворящий», «живоносный сад». Некоторые кресты, щедро усеянные такими побегами, виноградной лозой, солнечными знаками, действительно напоминают цветы в весеннем саду.

В русском православии получили распространение четырехконечные, шестиконечные и восьмиконечные кресты. Восьмиконечный крест был известен с VI века, задолго до раскола христианской церкви на католиков и православных. Он использовался в византийской фресковой живописи и декоративно-прикладном искусстве. В 1551 году во время канонической изоляции Русской православной церкви по инициативе Ивана Грозного этот тип креста стал широко воздвигаться на куполах русских церквей, использоваться в российской государственной и военной символике. Впоследствии данный образ православного креста выступал как отличительная особенность культурного и сакрального ландшафта России. Характерным для восьмиконечного креста является наличие нижней косой перекладины (подножия), помимо двух верхних горизонтальных: верхней, меньшей, и средней, большей. По преданию, при распятии Христа над крестом прибили табличку на трёх языках (греческом, латинском и арамейском) с надписью*: «Иисус Назарянин, Царь Иудейский».* Под ноги Христу была прибита перекладина.

Православная церковь применяет и два других распространённых изображения креста: шестиконечный крест (отличается от восьмиконечного отсутствием малой, то есть самой верхней перекладины) и четырёхконечный (отличается от шестиконечного отсутствием косой перекладины). Четырёхконечный крест считается католическим, он получил большее распространение в католической храмовой архитектуре.

Деревянное зодчество – особое, самостоятельное направление традиционной архитектуры. В его уникальном качестве и разнообразии оно представлено в России, которая всегда была «лесной, таежной» страной. Это поистине общенациональная архитектура, которая впитала в себя мировоззрение всех слоев русского общества. Русский Север в истории и современном опыте отечественной культуры – хранитель памятников древней народной культуры, где они создавались на протяжении нескольких столетий в условиях стабильности, патриархального образа жизни и непрерывности художественных традиций [Permilovskaya, 2019а; Permilovskaya, 2019б].

Деревянные кресты на храмах Русского Севера и Поморья были восьмиконечными и считались здесь старообрядческими. В русском деревянном зодчестве получили широкое распространение отдельно стоящие обетные и памятные кресты, своей формой и искусной деревянной резьбой, символизирующие одновременно древо жизни и крест. Один из самых древних и известных – Людогощинский крест церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде. Крест выполнен древнерусским мастером Яковом Федосовым в 1359 году по заказу жителей Людогощей (Легощей) улицы Великого Новгорода для стоявшей на этой улице церкви Фрола и Лавра. Крест был установлен 12 июня 1359 года, об этом свидетельствует надпись в его основании надпись: «*В лета 6867 (1359) июня 12 дня поставлен бысть сей крест… Господи помилуй всех христиан, на всяком месте молящиася тобе верою и чистым сердцем… Помоги поставившим крест сей людогощичам и мне написавшему…»* Имя мастера было зашифровано, шифр удалось разгадать академику Б. А. Рыбакову [Рыбаков, 1964].

Людогощинский крест – это «закладной», или «поклонный», крест. Размеры креста: 230 × 187 × 19 см. В центре Распятие. На кресте иконки с наиболее популярными святыми, всего 17 сюжетов. Крест получил название от улицы Людогощей в Великом Новгороде, жители которой взывают к Спасителю о помиловании и помощи. Видимо, произошло что-то тяжкое, возможно, повальная болезнь. Сама форма: «крест в круге» – христианский символ веры, спасающий мир. Крест напоминает фантастический цветок, в котором растительные побеги сочетаются с трилистниками, плетенками, крестами. Людогощинский крест – редчайшее и неповторимое произведение древнерусского искусства, исполненное в дереве, несмотря на недолговечность материала, дошедшее до наших дней. В настоящее время находится в экспозиции Новгородского музея-заповедника [Архив Новгородского … , инв. № ДРД 144].

Северные деревянные кресты – это уникаль-

ные источники по многообразию возможных в их изучении аспектов. Они могут быть рассмотрены как памятники архитектуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов (жителей побережья Белого моря), которые были нанесены на лоцманские карты. И хотя они невелики в сравнении с церковью или колокольней, велика сила их эмоционального воздействия на человека. Кресты, которые известны и сохранились на Русском Севере и в Арктике до настоящего времени, можно датировать в целом XIX – пер. пол. XX века. Значительная часть их располагалась на побережье Белого моря, на островах Соловецкого архипелага, на Новой земле, в бассейнах Мезени, Пинеги, на Каргополье.

Уникальный и один из самых интересных сохранившихся крестов Русского Севера – крест из д. Кушкопала, Пинежский район (в 1978 году перевезен в музей деревянного «Малые Корелы»). Его высота – 6,10 м, с подземной частью около 8 м. Ранее крест стоял в двухэтажном амбаре. Лицевая и задняя стороны креста покрыты как сплошным узором вязью, текстом молитвы – обращением к Богу. Наибольший интерес представляет задняя сторона креста, в центральной части которого вырезан текст пасхальной молитвы: *«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его. И побегут от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут. Яко тает воск от лица огня. Яко бегут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением. Бо веселимся рекуще».*

Вероятно, здесь же содержится и датировка памятника, но в этой важной части резьба утрачена. Крест можно датировать сер. – втор. пол. XIX века. В основании креста вырезано древо жизни. На боковых гранях с одной стороны – стройное хвойное дерево, с другой стороны – лиственное, где сердцевидные листья образуют пышную крону. Крест выполнен из лиственницы. Крест производит очень сильное впечатление, надпись на центральной перекладине: «*Крест – хранитель всей вселенной, красота церковная*» отражает сущность и художественные достоинства этого памятника. Это подлинное произведение северного церковного зодчества и образец монументальной резьбы по дереву, сохранившее древнюю символику древа жизни в православной традиции.

Один из важнейших символов христианства и других древних культур, и религий был крест, вписанный в круг. В традиционной культуре Руси и Русского Севера известен обычай – кланяться на все четыре стороны, а в случае опасности очерчивать себя кругом и осенять крестом. В Ошевенской слободе Каргопольского района сохранился ряд священных деревьев, которые расположены у источников; как правило, это были деревья с какими-либо аномалиями, например, на берегу о. Валдово стоит раздвоенная сосна, на которой развешана одежда, по существу это дерево выполняло функции обетного креста и несло человеку избавление от болезней [Пермиловская, 1984]. Иногда основание креста вырезали из цельного ствола лиственницы (д. Козьмогородская, Мезенский район) [Пермиловская, 2009] или по полевым материалам Д. Д. Петрова, изготовляли на месте из растущей лиственницы, как крест в центре д. Едома, Пинежский район (кон. XIX века).

К малоизученным явлениям культуры прибалтийско-финских народов относится феномен «крестового дерева» или дерево-знака «карсикко». Сам термин происходит от карельского *karsie,* «обрубать ветки, карзать». Карсикко – это преимущественно хвойное дерево с ветками, обрезанными определенным образом. У него обрублена вершина, после чего на хвойном дереве, как правило, вырастает две или три верхушки. Дерево-знак карсикко делали по десяткам поводов — от смерти родственника до удачной рыбалки и охоты. В местах погребения, кладбищах появлялись целые рощи обрубленных деревьев. Карелы приходили поклониться духам предков, а заодно приносили разные жертвенные подношения. Дерево-знак используется в ритуалах жизненного цикла человека, а также в календарной и промысловой обрядности как символ духа-охранителя. Карсикко в обрядности представляет собой ипостась мирового дерева и креста с функциями оберега в ситуации кризиса и медиатора между мирами [Конкка, 2013].

Символика мирового дерева и креста занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве, моделируя пространство и время и воплощая универсальную концепцию мира. Тождественность значения и образа древа жизни и креста подтверждается многочисленными артефактами в православной традиционной архитектуре, скульптуре, обрядности. Деревянные кресты Русского Севера и Арктики имели форму дерева-креста или символику древа жизни, вырезанную на его поверхности. Крестовое дерево-знак (карсикко) в традиционной культуре карел и русских поморов представляет собой образ мирового дерева и креста с функциями защиты, оберега, сакральной границы и медиатора между мирами.

Библиографический список

1. Архив Новгородского государственного историко-

архитектурного музея-заповедника. Инв. № ДРД 144.

2. Конкка А. П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.

3. Копалинский В. Словарь символов. Калининград : ФГУИПП «Янтар. сказ», 2002. 267 с.

4. Кудрявцев М. П. Русский православный храм. Символический язык архитектурных форм / М. П. Кудрявцев, Т. Н. Кудрявцева // К Свету. 1998. № 17. С. 65–87.

5. Лосский В. Н. Предание и предания. URL: https://bookscafe.net/read/losskiy_vladimir-predanie_i_predaniya-22518.html#p8 (дата обращения 06.04.2020).

6. Пермиловская А. Б. Деревянные кресты Русского Севера // Архитектурное наследство. Москва, 2009. Вып. 50. С. 179–193.

7. Пермиловская А. Б. Отчёт по экспедиции в Каргопольский район // Архив Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». № 1134. Архангельск, 1984. Т. 1. С. 15.

8. Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. Москва : Наука, 1964. 102 с.

9. Славянская мифология : энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. Москва : Междунар. отношения, 2002. 512 с.

10. Топоров В. Н. Крест // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2-х т. Т. 2. Москва : Совет. энцикл., 1992. 719 с.

11. Фадеева Т. М. Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры. Москва : Новалис, 2004. 256 с.

12. Шмидт Л. Образы святых в сельских мифах о труде. Вена, 1952. 269 с.

13. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. Москва : Академический проект, 2001. 239 с.

14. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Магомета до Реформации / пер. с фр. Москва : Академический проект, 2008. 463 с.

15. Anna B. Permilovskaya. Church Wooden Architecture of the Russian North: Traditions and Orthodoxy // Vestnik slavianskikh kul’tur (Bulletin of Slavic Cultures). 2019a. Vol. 53. P. 54–70.

16. Permilovskaya A. B. Construction Traditions and Ritual of the Northern Wooden Architecture // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Istoriya (Tomsk State University Journal of History). 2019б. Vol. 58. P. 150–158. DOI: 10.17223/19988613/58/22.

Reference List

1. Arhiv Novgorodskogo gosudarstvennogo istoriko-arhitekturnogo muzeja-zapovednika = The archive of Novgorod state history and architecture museum reserve. Inv. № DRD 144.

2. Konkka A. P. Karsikko: derev'ja-znaki v obrjadah i verovanijah pribaltijsko-finskih narodov = Karsikko: trees-signs in the rites and beliefs of the Baltic-Finnish peoples. Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2013. 286 s.

3. Kopalinskij V. Slovar' simvolov = The dictionary of symbols. Kaliningrad : FGUIPP «Jantar. skaz», 2002. 267 s.

4. Kudrjavcev M. P. Russkij pravoslavnyj hram. Simvolicheskij jazyk arhitekturnyh form = A Russian orthodox church. Symbolic language of architectural forms / M. P. Kudrjavcev, T. N. Kudrjavceva // K Svetu. 1998. № 17. S. 65–87.

5. Losskij V. H. Predanie i predanija = Tradition and traditions. URL: https://bookscafe.net/read/losskiy_vladimir-predanie_i_predaniya-22518.html#p8 (data obrashhenija 06.04.2020).

6. Permilovskaja A. B. Derevjannye kresty Russkogo Severa = Wooden crosses of Russian North // Arhitekturnoe nasledstvo. Moskva, 2009. Vyp. 50. S. 179–193.

7. Permilovskaja A. B. Otchjot po jekspedicii v Kargopol'skij rajon = A report on the expedition to Kargopolsky region // Arhiv Arhangel'skogo gosudarstvennogo muzeja derevjannogo zodchestva i narodnogo iskusstva «Malye Korely». № 1134. Arhangel'sk, 1984. T. 1. S. 15.

8. Rybakov B. A. Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vv. = Russian dated inscriptions of the XI-XIV centuries Moskva : Nauka, 1964. 102 s.

9. Slavjanskaja mifologija : jenciklopedicheskij slovar' = Slavic mythology : encyclopedic dictionary / pod red. S. M. Tolstoj. Moskva : Mezhdunar. otnoshenija, 2002. 512 s.

10. Toporov V. N. Krest = Cross // Mify narodov mira : jenciklopedija : v 2-h t. T. 2. Moskva : Sovet. jencikl., 1992. 719 s.

11. Fadeeva T. M. Obraz i simvol. Universal'nyj jazyk simvoliki v istorii kul'tury = Image and symbol. Universal language of symbolism in the history of culture. Moskva : Novalis, 2004. 256 s.

12. Shmidt L. Obrazy svjatyh v sel'skih mifah o trude = Images of saints in village myths about labour. Vena, 1952. 269 s.

13. Jeliade M. Aspekty mifa = Aspects of the myth / per. s fr. Moskva : Akademicheskij proekt, 2001. 239 s.

14. Jeliade M. Istorija very i religioznyh idej: ot Magometa do Reformacii = The history of faith and religious ideas: from Magomed to Reformation / per. s fr. Moskva : Akademicheskij proekt, 2008. 463 s.

15. Anna B. Permilovskaya. Church Wooden Architecture of the Russian North: Traditions and Orthodoxy // Vestnik slavianskikh kul’tur (Bulletin of Slavic Cultures). 2019a. Vol. 53. P. 54–70.

16. Permilovskaya A. B. Construction Traditions and Ritual of the Northern Wooden Architecture // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Istoriya (Tomsk State University Journal of History). 2019b. Vol. 58. P. 150–158. DOI: 10.17223/19988613/58/22.

УДК 908(002.53.55)

Н. А. Личак **https://orcid.org/0000–0002–7659–6491**

Ю. А. Заседателев **https://orcid.org/0000–0002–2565–8330**

Л. А. Тюкина **https://orcid.org/0000–0002–5676–2325**

Сохранение памятников усадебной культуры Владимирской губернии в 1920-х гг.

Для цитирования: Личак Н. А., Заседателев Ю. А., Тюкина Л. А. Сохранение памятников усадебной культуры Владимирской губернии в 1920-х гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 251-254. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-251-254

В статье описываются инициативные действия государственных и местных органов власти Владимирской губернии в деле музеефикации усадебного имущества в 1920-х гг. Акцентируется внимание на том, что за короткий срок работники музейного отдела организовали сохранение дореволюционных коллекций Сенькова, Демидова, Беднякова, Овсянникова, Ганшина, Воронцова-Дашкова, Голицыных и многих других путем вывоза их в центральные и местные музеи, создавая экспозиции на местах. Особая роль отводилась памятникам усадебной архитектуры. Специалистам удалось законсервировать культурное наследие усадеб, сохраняя и трансформируя в музейные объекты фрагменты дореволюционной эпохи. Приведены примеры мероприятий во Владимирской губернии, основанные на материалах нормативных и правовых актов государственных и местных органов власти; делопроизводственных отчетах государственных и местных архивов; материалах периодической печати. В ходе изучения мероприятий по сохранению памятников усадебной культуры во Владимирской губернии применялся комплексный подход и критический сравнительный анализ многообразных источников по проблеме взаимоотношений государства и местных органов власти, взаимного влияния государства на судьбы отдельных личностей того времени. Введение в научный оборот ряда новых источников государственных архивов, прежде всего, местного происхождения, позволило авторам предпринять попытку создания целостной картины всего механизма усадьбоохранных мероприятий в регионе.

Ключевые слова: исторические источники, памятники, усадебная культура, Владимирская губерния, 1920-е гг.

N. A. Lichak, Y. A. Zasedatelev, L. A. Tukina

The preservation of monuments of manor culture of Vladimir province in the 1920s: on the question of sources

The article describes the initiative actions of state and local authorities of the Vladimir province in the case of museification of estate property in the 1920s. In a short period of time employees of the museum department preserved the pre-revolutionary collections of Senkov, Demidov, Bednyakov, Ovsyannikov, Ganshin, Vorontsov-Dashkov, Golitsyns and others by exporting them to central and local museums, creating local expositions. A special role was assigned to the monuments of estate architecture. Specialists managed to preserve the cultural heritage of the estates, preserving and transforming fragments of the pre-revolutionary era into museum objects. Examples of events in the Vladimir province are given based on the state and local authorities; local and state archival materials; press. During the study of measures to preserve the monuments of manor culture in the Vladimir province a comprehensive approach and a critical comparative analysis of various sources on the problem of relations between the state and local authorities and the mutual influence of the state on the fate of individuals of that time were used. The introduction into scientific circulation of a number of new sources of state archives, primarily of local origin allowed the authors to attempt to create a complete picture of the entire mechanism of estate protection measures in the region.

Key words: historical sources, monuments, manor culture, Vladimir province, 1920s.

В 1920-х гг. государственной музеефикации подверглись бывшие дворянские усадьбы. Данная «музеефикация территорий» подразумевала сохранение бывших имений и включение всей совокупности объектов данных охраняемых объектов наследия и достопримечательных мест в целенаправленную деятельность государства [Судоргин, 2013, с. 3]. В первую очередь,

© Личак Н. А., Заседателев Ю. А., Тюкина Л. А., 2020

выделялись усадьбы, в которых можно было бы разместить музейные экспозиции, что в изменяющихся условиях 1920-х гг. привело к изменению самой среды бытования усадеб, но частично сохранило их в искусственной, «консервирующей» среде [Каулен, 2020]. Музейным работникам приходилось применять творческо-идеологический подход, принимая гибкие решения, сохраняя и трансформируя в музейные объекты практически любые фрагменты дореволюционной действительности.

Изучение вопросов, связанных с музеефикацией известных усадьб Владимирской губернии, начались в 1990-х гг. В значительной степени это было связано с получением доступа к источниковой базе, введением в научный оборот документов по теме.

В первой группе источников можно почерпнуть сведения о государственной политике распоряжения усадебной землей. Во Владимирской губернии учет и конфискация помещичьих имений и усадеб проводилась на основании декрета СНК «О земельных комитетах» от 25 декабря 1917 г. [Дворянская и купеческая…, 2001, с. 560] и осуществлялась земельными комитетами (отделами) исполнительных комитетов уездных советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Данные уполномоченные органы составляли подробные описи «недвижимого, живого и движимого мертвого инвентаря и имущества» в помещичьих имениях, требуя при этом документы и разъяснения от бывших владельцев или их доверенных лиц, управляющих [ГАВО, д. 9, л. 5]. Затем описанное имущество передавалось в ведение волостных Советов для дальнейшего использования. С начала 1920-х гг. составлялись планы всех усадебных земельных владений с указанием точных границ. Выделенную землю музеи-усадьбы могли использовать для получения так называемых спецсредств, так как на скудные бюджетные средства музей полноценно существовать не мог.

Вторая часть источников отражает содержание движимого и недвижимого усадебного имущества, в состав которого были включены уникальные памятники архитектуры, мемориальные сооружения, художественные коллекции и библиотечные собрания, подчас оценивавшиеся неоднозначно. С одной стороны, они являлись частью архитектурно-художественного и историко-мемориального ансамбля [ЦАГМ, д. 5, л. 105]. С другой стороны, для многих сотрудников Наркомпроса и местных органов власти усадьба теряла всякое историческое и художественное значение, когда коллекции были из нее вывезены.

В 1919 г. 12 бывших помещичьих усадеб были переданы в ведение отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Владимирской губернии [ГАРФ, д. 164, л. 200]. Затем музеефикация стала возможной в общей сложности для 40 усадеб, расположенных в пригороде Владимира, Мурома, Вязников, Переславля, Александрова, Меленок, Юрьева [ЦАГМ, д. 5, л. 105]. На некоторых площадях музейный губподотдел разместил крупные коллекции Сенькова и Демидова в Вязниках; Беднякова, Овсянникова и Ганшина в Юрьеве [ГАРФ, д. 164, л. 201]; «Ботик» Воронцова-Дашкова в Переславле [ГАВО, д. 8, л. 9], на остальных складировал 4000 уникальных экспонатов губернского музейного фонда [ГАВО, д. 9, л. 5, 13, 30–32об.].

Так, при описи имения кн. Голицыных в с. Сима Юрьевского уезда [Барашев, 2020] указывалось географическое положение имения, особенности климата и почв, а также отмечались наиболее важные отрасли помещичьего хозяйства; состояние построек сельскохозяйственного назначения и наличие инвентаря и проч. [ГАВО, д. 87, л. 5об]. Особое внимание в описи было уделено бывшей господской усадьбе, ее жилым и хозяйственным строениям. Всего в описи указано около 200 наименований ценных «вещей из усадьбы Голицына» [ГАВО, д. 87, л. 135–136].

Поскольку опубликованное постановление владимирского губисполкома от 28 марта 1920 г. обязывало всех владельцев художественно-исторических предметов представить в губернский музейный подотдел только сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины, специалисты губернского музейного подотдела по учету и охране усадебной культуры занимались в большей степени детальным обследованием памятников [ЦАГМ, д. 52, л. 1].

В начале 1920-х гг. были изучены коллекции и состояние построек 7 крупных помещичьих усадеб. В рамках данной деятельности из б.у. кн. Грузинских (Михайловское), б.у. кн. Оболенских (Жерихово) [ГАРФ, д. 19, л. 84], б.у. кн. Храповицких (Муромцево), б.у. Воронцовых-Дашковых (Фетинино, Андреевское) губернскую музейную коллекцию пополнили 1438 «вещей художественно-исторического значения» [Иванова, 1992, с. 71].

Основным путем сохранения движимых художественных ценностей являлся вывоз из усадеб всех движимых художественных ценностей в уездные и губернские центры, а

наиболее ценных – в столицу. Активную подвижническую роль сыграли 20 эмиссаров из центра – В. А. Мамуровский, А. И. Анисимов, С. А. Стороженко, В. Т. Георгиевский, П. С. Шереметев и др. [Иванова, 1992, с. 71]. Вместе с тем вывезенные из усадеб культурные ценности, разрушали остатки усадебной культуры, утрачивали живую связь с людьми и историей.

В «Книге регистрации передачи вещей из дворянских усадеб в музей» [ОПИ ГИМ, д. 185, л. 1–37, 15, с. 71], сохранившейся в фонде москвоведа П. Н. Миллера в архиве ГИМ в Москве [ОПИ ГИМ, д. 185, л. 1–37, 15, с. 71], приведены официальные записи приема привезенных вещей из 125 усадеб, распределенных по графам «Расписка»; «Усадьба»; «Что вывезено»; «Куда и когда»; «Примечание»; «Губерния». В частности, из Владимирской губернии, согласно рассматриваемой описи, из усадьбы Левинсон-Леонидовых в июле 1919 г. эмиссаром А. И. Анисимовым в Переславский музей были вывезены бисерные изделия и деревянная скульптура [ГАВО, д. 99, л. 2; д. 155, л. 2–3].

После вывоза наиболее ценных произведений искусства в государственные музейные фонды, хранилища архивов, в библиотечный коллектор Музейного отдела Наркомпроса некоторые усадьбы снимались с учета [ГАВО, д. 390, л. 3, 7об]. 14 бывших усадьб таким образом были перепрофилированы в совхозы, коммуны и трудовые артели [Иванова, 1992, с. 75]. Отношение новых владельцев к бывшему помещичьему имуществу зачастую носило разрушительный характер. Например, при ликвидации в 1924 г. коммуны «Альтруист» было отмечено «бесхозяйственное отношение коммунаров к недвижимому имуществу, домам, парку и саду» [Дворянская и купеческая…, 2001, с. 589]. В это время наряду с «варварским» отношением к помещичьему имуществу и усадебным постройкам, наблюдается расхищение предметов домашнего обихода бывших владельцев, в том числе имевших художественную и историческую ценность [Иванов, 1926, с. 69].

Следующим блоком документов являются архивные материалы, отражающие создание музейных подотделов во всех уездах губернии, а также обследование и принятие на учет ими десятков памятников усадебной культуры. Заметную роль в данном процессе сыграл руководитель владимирского губмузея А. И. Иванов [ГАВО, д. 5, л. 9]. Под его руководством ряд бывших помещичьих усадеб губернии – б.у. Акинфовых (Завалино), б.у. Баташовых (Гусь-Железный), б.у. Свиньиных (Смоленское), б.у. Самсоновых (Бектышеве), б.у. Голицыных (Сима) [ГАВО, д. 5, л. 9], – был включен в список архитектурных памятников Музейного отдела Главнауки Наркомпроса. Оставшиеся усадьбы в распоряжении губмузея приходилось сдавать в аренду местным предприятиям. Данные организации не всегда уделяли должное внимание памятникам архитектуры.

При обследовании б.у. кн. Оболенских в селе Жерехово комиссия в составе директора Ивановского областного музея В. А. Чихачева, научного сотрудника Владимирского окружного музея Б. И. Григорьева и представителя Ставровского райадмотдела Г. И. Приданкина отмечала, что «главное здание (дворец) ... находится в стадии разрушения...» [ГАВО, д. 16, л. 9]. Отсутствие межведомственных договоренностей, халатность арендаторов приводили к уничтожению построек, садов и парков [ГАВО, д. 16, л. 9].

В 1920-х гг. изучением и сохранением памятников искусства и старины в Советской России активно занимались Центральные государственные реставрационные мастерские. В описях Центрального архива г. Москвы можно найти акты осмотра, заключения, резолюции, переписку и другие материалы, связанные с усадебной культурой Владимирской губернии [ЦАГМ, Ф. Р. 1. Оп. 1, д. 52, л. 1].

Документы Государственного архива Владимирской области позволяют раскрыть состояние музейного и охранно-реставрационного дела во Владимире в исследуемый период [ГАВО. Ф. Р.-445. Оп. 1, д. 7, л. 6]. Различные акты, сметы на ремонты, переписка Владимирского музея — все эти документы содержат информацию о состоянии, использовании в хозяйственных целях усадебных памятников в 1920-х гг.

Материалы периодической печати Владимирской губернии («Известия Владимирского губернского исполнительного комитета», «Воля народа», «Ковровская беднота», «Беднота») также являются информативной группой исторических источников. Местная периодика наиболее ярко отражает политику государственного и местного руководства, проводимую в отношении усадеб.

Изучение приведенных в статье исторических источников приводит нас к выводу о положительных организационных моментах,

возникавших в деле охраны бывших дворянских усадеб Владимирской губернии в 1920-х гг. Государственные и местные музейные органы приложили немало усилий в деле спасения усадебного наследия губернии. Однако опустошенные сокровищницы прежнего быта, оставшиеся без содержания, утрачивали не только дух, но охранный статус государства.

Библиографический список

1. Барашев М. А. Охрана и использование памятников усадебной культуры во Владимирской губернии в первые годы Советской власти // Ковровский историко-мемориальный музей. URL: http://old.kovrov-museum.ru/uploads/Barashev10.doc (дата обращения 20.04.2020).

2. Барченкова О. Б. Из истории национализации дворянских имений Владимирской губернии (1918–1926) : материалы исследований. Владимир : Гос. Владимир-Сузд. ист.-архит. и худож. музей-заповедник, 2000. С. 15–19.

3. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. Р.-24. Оп. 1.

4. ГАВО. Ф. Р.-26. Оп. 1.

5. ГАВО. Ф. Р.-36. Оп. 1.

6. ГАВО. Ф. Р.-445. Оп. 1.

7. ГАВО. Ф. Р.-980. Оп. 2.

8. ГАВО. Ф. Р.-1826. Оп. 1.

9. ГАВО. Ф. Р.-2716. Оп. 1.

10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А.-2307. Оп. 3.

11. ГАРФ. Ф. А.-2307. Оп. 8.

12. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв.: Исторические очерки. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. С. 560–561.

13. Загорская А. Дворянские гнезда Владимирской губернии // Комсомольская правда (Владимир). URL: http://www.kp.ru/daily/24139/357646/ (дата обращения 20.04.2020).

14. Иванов А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время в революции : материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир : Призыв, 1926. С. 70–77.

15. Иванова Л. В. Вывоз из усадеб художественных ценностей // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 71–75.

16. Каулен М. Е. Музеефикация как одно из основных направлений музейной деятельности. URL: http://borodino.ru (дата обращения 20.04.2020).

17. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф.-134. Д. 185. Л. 1–37.

18. Судоргин Н. Г. Предисловие // Музеефикация территорий как средство воспроизводства исторической памяти: материалы научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 19 сентября 2013 г.). Ростов-на-Дону : Издательство РОФССЭР «Танаис», 2013. С. 3–4.

19. Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. Р. 1. Оп. 1.

Reference List

1. Barashev M. A. Ohrana i ispol'zovanie pamjatnikov usadebnoj kul'tury vo Vladimirskoj gubernii v pervye gody Sovetskoj vlasti = Conservation and usage of the monuments of manor culture in Vladimir province in the first years of Soviet power // Kovrovskij istoriko-memorial'nyj muzej. URL: http://old.kovrov-museum.ru/uploads/Barashev10.doc (data obrashhenija 20.04.2020).

2. Barchenkova O. B. Iz istorii nacionalizacii dvorjanskih imenij Vladimirskoj gubernii (1918–1926) : materialy issledovanij = From the history of nationalisation of noble estates of Vladimir province (1918–1926) : research materials Vladimir : Gos. Vladimir-Suzd. ist.-arhit. i hudozh. muzej-zapovednik, 2000. S. 15–19.

3. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti = State archive of Vladimir oblast (dalee – GAVO). F.R.-24. Op. 1.

4. GAVO. F.R.-26. Op. 1.

5. GAVO. F.R.-36. Op. 1.

6. GAVO. F.R.-445. Op. 1.

7. GAVO. F.R.-980. Op. 2.

8. GAVO. F.R.-1826. Op. 1.

9. GAVO. F.R.-2716. Op. 1.

10. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii = State archive of Russian Federation (GARF). F.A.-2307. Op. 3.

11. GARF. F.A.-2307. Op. 8.

12. Dvorjanskaja i kupecheskaja sel'skaja usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: Istoricheskie ocherki = Noble and merchant estate in Russia in XVI–XX. Historical essays Moskva : Jeditorial URSS, 2001. S. 560–561.

13. Zagorskaja A. Dvorjanskie gnezda Vladimirskoj gubernii = Vladimir province Noble Nests // Komsomol'skaja pravda (Vladimir). URL: http://www.kp.ru/daily/24139/357646/ (data obrashhenija 20.04.2020).

14. Ivanov A. I. Muzejnoe delo vo Vladimirskoj gubernii za vremja v revoljucii : materialy po izucheniju Vladimirskoj gubernii = Museum business in Vladimir province in the years of revolution: study materials of Vladimir province Vladimir : Prizyv, 1926. S. 70–77.

15. Ivanova L. V. Vyvoz iz usadeb hudozhestvennyh cennostej = Art values export from manors // Pamjatniki Otechestva. 1992. № 25. S. 71–75.

16. Kaulen M. E. Muzeefikacija kak odno iz osnovnyh napravlenij muzejnoj dejatel'nosti = Museumification as one of the main directions of museum activity. URL: http://borodino.ru (data obrashhenija 20.04.2020).

17. Otdel pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja = The department of written sources of State history museum (OPI GIM). F.-134. D. 185. L. 1–37.

18. Sudorgin N. G. Predislovie = Foreword // Muzeefikacija territorij kak sredstvo vosproizvodstva istoricheskoj pamjati: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Rostov-na-Donu, 19 sentjabrja 2013 g.). Rostov-na-Donu : Izdatel'stvo ROFSSJeR «Tanais», 2013. S. 3–4.

19. Central'nyj arhiv goroda Moskvy = Central archive of the city of Moscow (CAGM). F.R. 1. Op. 1.

УДК 008:316.33/.35

С. А. Добрецова **https://orcid.org/0000–0003–0387–3192**

Особенности презентации частного музея в городском пространстве: «Музыка и время»

Выполнено по Гранту Российского Научного Фонда 20–68–46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Добрецова С. А. Особенности презентации частного музея в городском пространстве: «Музыка и время» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 255-263.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-255-263

В статье рассматриваются особенности презентации частного музея на примере музейного комплекса «Музыка и время». Частные музеи в современной российской культуре обладают особой значимостью, о чем свидетельствует существенный рост их количества за последние десятилетия – «музейный бум». Хотя многие частные музеи обладают весьма спорными с точки зрения художественной ценности экспозициями, коллекциями и названиями, их популярность весьма высока. Актуальность обращения к деятельности частных музеев обусловлена недостаточной изученностью феномена частного музея в научных исследованиях. Тем не менее, современная социокультурная ситуация демонстрирует их значимость в городском пространстве, востребованность, популярность, интерес к ним публики. Данный факт связан с тем, что, ставя коммуникативную задачу формирования эффективных способов взаимодействия искусства и человека и выступая в качестве медиатора, осуществляющего «связь времен», частный музей способен варьировать и выбирать средства взаимодействия с публикой более свободно, нежели государственный, хотя первоначальной целью и того и другого, безусловно, является сохранение, передача и трансляция культурного наследия. В связи с вышесказанным в статье мы обращаемся к рассмотрению особенностей презентации частного музея в городском пространстве. Музей «Музыка и время» выбран нами в качестве предмета исследования в связи с тем, что в контексте городского пространства Ярославля он является самым востребованным частным музеем, к тому же находящимся в историческом центре города. В результате проведенного исследования автором статьи отмечаются такие особенности презентации, как частный статус музея, комплексный характер услуг, субъективный принцип формирования коллекции, наличие музейного киоска и экскурсионный билет, выгодное местоположение в историческом центре города и включенность в «культурологический» маршрут туристов и жителей города.

Ключевые слова: частный музей, презентация, музейный космплекс «Музыка и время», исторический центр города, коллекция, экспозиция, интерактивность.

S. A. Dobretsova

Presentation peculiarities of a private museum in a city space: «Music and time»

The article considers particularities of presentation of private museum on the example of the museum complex «Music and Time». Private museums in modern Russian culture have a special significance. It proves out a growth of their numbers lately («museum boom»). However, many private museums have highly disputable collections, exhibits and names they are popular among visitors. The topicality of consideration to private museums activity is contingent on pittance of scientific researches of the private museums features. Nevertheless, a modern sociocultural situation signals their significance in a city space, their popularity, being in demand, visitors' interest. This fact is connected with an eye toward making powerful methods of art and visitors interactions, holding a title of mediator, making «link of times», a private museum can choose different methods more freely and appears for a mediator. However, the main aim of both of them is conservation, reproduction and transmission of cultural heritage. That is why we approach to researching of features of presentation of the private museum in a city space. We choose museum «Music and Time» as a subject of researching because it is the most popular private museum in a context of the Yaroslavl city space. More than that, it is situated in the historical center of city. As a result of making researching the author of article notes such features of presentation as a private status of museum, a subjective principle of collection organization, an availability of museum booth, an excursion ticket, an advantages location in the historical center of city and involvement in the «culturogical» route of tourists and inhabitants of Yaroslavl.

© Добрецова С. А., 2020

Keywords: private museum, presentation, museum complex «Music and Time», historical center of city, collection, exhibit, interactivity.

Частные музеи в современной российской культуре обладают особой значимостью, о чем свидетельствует существенный рост количества частных музеев за последние десятилетия, своего рода «музейный бум», когда процесс музеефикации затрагивает многие актуальные историко-культурные коллизии, а не только судьбы, события и артефакты с исторической характеристикой столетней давности: Музей советского автопрома в г. Иваново (год создания 2014), музей «Русский самовар» в Касинове, Рязанская обл. (2007), Музей гармони Деда Филимона в г. Тула (2018) [Шабуров, 2019, с.3]. И хотя многие частные музеи обладают весьма спорными с точки зрения художественной ценности экспозициями, коллекциями и названиями («Дом вареного дуба» в Козьмодемьянске, респ. Марий Эл, «Резиденция Бабы Яги» в Калязине, Тверская обл., «Музей гадов» в Приволжском, Тверская обл. [Шабуров, 2019, с.3]) их популярность весьма высока.

Актуальность обращения к деятельности частных музеев обусловлена недостаточной изученностью феномена частного музея в научных исследованиях: практически отсутствуют работы, посвященные специфике частных музеев, принципам формирования коллекции, научной работе, проводимой сотрудниками музеев. Тем не менее современная социокультурная ситуация демонстрирует значимость частных музеев в городском пространстве, их востребованность, популярность, интерес к ним публики. Данный факт связан, на наш взгляд, с тем, что, ставя коммуникативную задачу формирования эффективных способов взаимодействия искусства и человека, частный музей способен варьировать и выбирать средства взаимодействия с публикой более свободно нежели государственный, хотя первоначальной целью и того и другого, безусловно, является сохранение, передача и трансляция культурного наследия. Более того, мы можем говорить о том, что сохраняя и транслируя культурные артефакты повседневности прежних эпох, как досоветского, так и советского времени, музей выступает в качестве медиатора, на уровне обыденного сознания позволяющего осуществить «связь времен».

В связи с вышесказанным мы считаем необходимым обратиться к рассмотрению особенностей презентации частного музея в городском пространстве. Музей «Музыка и время» выбран нами в качестве предмета исследования в связи с тем, что в контексте городского пространства Ярославля он является самым востребованным частным музеем, к тому же находящимся в историческом центре города. Весьма существенной деталью в характеристике данного музея также становится его функциональная особенность, заключающаяся не только в сохранении и передаче культурного наследия, но и в интерактивном способе «взаимодействия» экспонатов с публикой.

Словосочетание «частный музей» в статье используется в качестве условного обозначения, поскольку частных музеев как таковых на территории Российской Федерации не существует, согласно федеральному Закону № 54-ФЗ от 1996 года, музейные фонды делятся на государственные и негосударственные, а вот форма собственности музеев может быть как муниципальной, так и частной. Музей «Музыка и время» определен нами как «частный», опираясь на собственное позиционирование музея: вывеска около входа со стороны Волжской набережной свидетельствует об этом «частном» статусе.

Мы считаем, что подобное позиционирование является особенностью презентации музея в городском пространстве, ввиду того, что посетители скорее захотят зайти в частный музей как более неформальный, камерный, уютный, требующий соблюдения меньшего количества правил поведения, чем государственный.

Между тем это наименование, как было отмечено ранее, нуждается в комментарии. Обращаясь к истории частных музеев в России, мы обнаруживаем, что первый частный музей был создан в России в 1831 году графом Н. П. Румянцевым. Граф был дипломатом, поэтому много путешествовал и собрал свою собственную коллекцию артефактов не только отечественного, но и зарубежного культурного наследия, основанную на личных интересах и предпочтениях и объединяющую разного рода предметы: от книг до монет, от минералов до произведений скульптуры и живописи. Необходимо отметить, что частный музей до 1917 г. являлся самым распространенным типом музея, его возникновение связывают с развитием коллекционирования, пользовавшегося популярностью с начала XVIII в: «…благодаря

возросшей европеизации российского высшего общества, давшей толчок к развитию нового этапа отечественной культуры. Некоторые коллекционеры, осознавая важность своих коллекций для культуры страны, стремились сделать их доступными для обозрения и изучения» [Рисенберг, 2013, с.178].

Создатель частного музейного комплекса «Музыка и время» – Джон Григорьевич Мостославский – творческая личность, известная в Ярославле не только своими профессиональными заслугами (артист ярославской филармонии, фокусник-иллюзионист), но и успехами в коллекционировании: «Я все впитывал как губка, у меня есть и колокола, и часы, и кастлинское литье, и золотофонные иконы, и уникальный русский и европейский фарфор. Такой богатой коллекцией не владеет ни один из музеев России. Я коллекционировал всю жизнь – с детства до сегодняшнего дня. Я открывал для себя мир прошлого. Теперь я открываю его для других» [Коллекционер-иллюзионист…, 2011].

Следовательно, в экспозиции музея реализуется авторский субъективный принцип формирования, имеющий свою специфику в силу профессиональных интересов создателя: фокусник Д. Г. Мостославский имел возможность много путешествовать и собирать культурные артефакты в разных частях света. Вследствие этого коллекция отличается не только разнородностью: старинные музыкальные инструменты, колокольчики, часы, иконы, артефакты прикладного искусства; – но и масштабностью, например, колокольчиков и бубенцов в музее насчитывается более тысячи.

Выявленный нами на примере музейного комплекса «Музыка и время» принцип субъективности формирования коллекции частного музея подтверждается также оценкой современных музеологов. Так, генеральный директор Эрмитажа М. Б. Пиотровский подчеркивает: «Частные музеи всегда отражают вкус своего собирателя. И должны его отражать. В этом их прелесть, в отличие от строгих, академичных классических музеев» [Яковлева, 2017]. Об этой субъективности говорит также старший преподаватель кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского института культуры Ю. М. Дементьева: «многие частные музеи держатся именно увлеченностью, харизмой создателя. Уходит человек, стоявший у истоков, – и музей "вянет"» [Штраус, 2017]. В трудах немецкого философа Гердера [Гердер, 1977] была разработана «персоналистическая» концепция развития культуры, согласно которой культура всегда зависит от человека, она является и продуктом, и результатом, и целью деятельности человека. Отражение этой концепции мы и находим в музейном комплексе «Музыка и время».

Способом презентации музея также становится наименование «музейный комплекс», поскольку помимо музея «Музыка и время» в него входит также Музей фарфора, Музей самоваров, бутик-отель, органный зал на сто пятьдесят мест, а также собственное экскурсионное бюро, организующее экскурсии не только по Ярославлю, но и по Угличу, Тутаеву, Мышкину и т.д. На территории музейного комплекса также располагается ресторан русской кухни «Собрание», который арендует территорию у музейного комплекса. Подобный комплексный характер реализации музеем досуговой функции скорее правило, чем исключение, потому что современные музеи или музейные комплексы очень часто реализуют целый спектр услуг, например, историко-культурный комплекс Вятское (село в 40 км от Ярославля), где музеи, рестораны, церкви, купели и места организации мастер-классов располагаются друг от друга в шаговой доступности [Добрецова, 2018, с.351].

С одной стороны, можно критиковать данную тенденцию и негативно относиться к подобному явлению, потому что комплексный характер услуг музея воспроизводит в некотором роде комплексный характер «услуг» гипермаркета. С другой стороны, музейный комплекс предоставляет возможность объединения разного рода социокультурных объектов в историческом центре города, что является экономически выгодным и оправданным. Мы также отмечаем, что в актуальной мировой практике подобное объединение является одной из самых популярных стратегией формирования музейной среды столичных и провинциальных исторических городов: попытка создания музейного комплекса, в состав которого входят музеи, расположенные на одной территории и в исторических, и в современных зданиях [Сиротина, 2011, с.260].

В этой особенности организации музейного пространства мы обнаруживаем еще один способ презентации и определенный маркетинговый ход: посетители ресторана могут не пойти в музей, но зайти в сувенирный киоск на первом этаже

комплекса и, заинтересовавшись изделиями, стать потенциальными посетителями музея.

Вследствие обнаруженных нами особенностей функционирования музея (комплексный характер и субъективный принцип формирования разнородной коллекции) мы отмечаем, что музей «Музыка и время», в котором преобладают бытовые предметы (утюги, самовары), можно отнести к типу историко-бытового музея [Ремнева, 2009].

Внутри музейный комплекс тематически разделен на три смысловые группы: Музей фарфора, Музей самоваров и музей «Музыка и время». Необходимо отметить, что, заявленные создателями музея, они, с одной стороны, имеют вполне определенную связь, в том отношении, что и фарфор, и самовары, и утюги, и разного рода музыкальные инструменты являются элементами культуры повседневности и их объединение в одну музейную коллекцию вопросов не вызывает. Однако, с другой стороны, в экспозиции музея «Музыка и время» наряду с музыкальными инструментами и механизмами, такими как граммофоны, патефоны, фисгармонии, музыкальные шкатулки, шарманки, разного рода часы, в собрании музея присутствуют золотофонные иконы, колокола, кастлинское литье из чугуна XIX–XX вв., а также образцы изделий медной пластики: складни, кресты, иконы XIX века, которые относятся к элементам культуры повседневности очень условно.

Из трех музеев, входящих в состав комплекса, тематически более однородным, мы считаем Музей фарфора, где собрана мелкая фарфоровая пластика заводов Венгрии, Чехии, Китая, Германии и фарфоровые изделия таких российских заводов, как Ленинградский, Дмитровский, Дулевский, Конаковский, Краснодарский, Сумской, Южноуральский фарфоровые заводы, новгородский «Пролетарий», Гжель, «Первомайский» в Песочном Ярославской области, завод в Сысерти Свердловской области. Авторами моделей фарфоровой скульптуры экспозиции музея являются Е. Чарушин, А. Пахомов, Е. Янсон-Манизер, С. Велихова, Ю. Львов и др. Эта однородность достигается посредством более свободного в пространственном отношении построении экспозиции (отсутствует нагромождение экспонатов, как в других залах), тематического экспонирования артефактов (фарфор выставлен в стеклянных витринах по национальному принципу: в одной – чешский, в другой – немецкий), что способствует восприятию и коммуникации посетителей с музейными объектами.

Музей фарфора содержит в своей экспозиции предметы интерьера с вписанными в этот интерьерный контекст фарфоровыми изделиями. Артефакты экспонируются не по хронологическому, а по национальному (немецкий фарфор, советский фарфор и т.д.) и тематическому принципам: животные, персонажи произведений Н. В. Гоголя, жанровые сюжеты из жизни немецких бюргеров и т.д. Соединение в одном музейном зале национального и тематического принципов экспонирования создает необычный эффект диалогического присутствия в музейном пространстве.

Музей самоваров или музей русского чаепития (второе название) имеет в экспозиции стол со всеми необходимыми элементами: бутафорские фрукты, баранки, чайный сервиз. Этому разделу экспозиции отводится отдельный зал, благодаря интерьеру создающий эффект присутствия в гостиной на чаепитии у хозяина дома, а сам музей воспринимается как камерный, «домашний», уютный. Самовары, привезенные из разных городов России или созданные представителями самых известных династий, специализировавшихся на производстве самоваров (Баташовыми, Шемариными, Воронцовыми, Сомовыми), располагаются хаотично и на достаточно близком расстоянии друг от друга, не образуя четких тематических объединений, а создавая, таким образом, эффект нагромождения, что не позволяет рассмотреть экспонаты более подробно, детально.

В другом зале музея расположена выставка «Кастлинское литье из чугуна XIX–XX веков». Здесь можно увидеть работы таких мастеров, как Н. Либерих, Е. Лансере, М. Тепляков, П. Забелло, Р. Бах и др. Еще один зал музея содержит собрание медной пластики: складни, кресты, иконы XIX века. Особый интерес представляет коллекция золотофонных икон, по словам создателя музея Д. Г. Мостославского, единственная в России. Представленные в экспозиции иконы были заказаны богатыми купцами для собственных домов, иногда они имели портретное сходство с заказчиком. Парадокс экспозиции состоит в том, что тематически иконы не связаны с концептуальной установкой Музея самоваров, однако располагаются именно в этом музейном отделении.

В том же зале располагается производящий впечатление на посетителя небольшой оригинально оформленный комнатный светильник: Дева Мария располагается в центре беседки, с крыши которой по тонким нитям стекает масло и затем по колоннам беседки поднимается обратно. Определенный диссонанс возникает при объединении православных икон и скульптурного изображения Девы Марии: католичество и православие, объект культа и элемент культуры повседневности.

Соединение в одной экспозиции помимо непосредственной атрибутики чаепития и кастлинского литья, и церковных артефактов ставит под сомнение принцип объединения экспонатов под тематическим названием музея самоваров, хотя мы четко прослеживаем зонирование самоваров, литья и церковной утвари.

Музей «Музыка и время», давший название всему музейному комплексу, обладает тематической четкостью. Состоящий из нескольких залов, расположенных на разных этажах, музей в первом зале сконцентрировал музыкальные инструменты: шарманки, музыкальные шкатулки, граммофоны, патефоны, фисгармонии. Среди музыкальных артефактов есть необычные экспонаты, принадлежащие разным национальным культурам (роялино из Франции, клавикорды из Англии, механическое пианино из Германии), граммофонные и патефонные записи знаменитых исполнителей прошлого – Ф. Шаляпина, Л. Собинова, Э. Карузо, А. Пертиле – всего около пятнадцати тысяч пластинок, которые здесь же и проигрываются. В этом же зале целая стена посвящена разного рода часам, которые (чтобы посетители не потеряли слух) никогда не бьют одновременно. Коллекция часов XIX – XX вв. состоит из настенных, напольных, настольных, каминных, каретных и карманных часов, авторами которых являются, в том числе, знаменитые часовых дел мастера: Г. Беккер, П. Буре, Мозер. Удивительно то, что все эти экспонаты находятся в рабочем, состоянии: ходят, тикают, бьют, звонят и даже поют. Таким образом и происходит соединение музыкальной и временной составляющих музея в пространстве одного зала.

В следующем зале сосредоточены колокола и колокольчики: поддужные, ботала, рынды, бубенцы, церковные колокола завода Оловянишниковых, – все в рабочем состоянии, что особенно активно подчеркивается экскурсоводами музея, разрешающими «сыграть» на них при наличии определенных музыкальных навыков.

Последний зал музея, располагающийся на цокольном этаже, посвящен утюгам, которые также можно потрогать и на основании этого тактильного контакта попробовать догадаться о механизмах и принципах их работы.

Подводя итог обзору и анализу экспозиции, мы подчеркиваем, что заявленная как создателем, так и исследователями разнородность музейной коллекции частного музея «Музыка и время» прослеживается в экспозиции в полной мере. Более того, коллекция музея «Музыка и время» входит, по словам его создателя [Коллекционер-иллюзионист…, 2011], в Государственные фонды Министерства культуры РФ, сам же музей, в свою очередь, включен в каталог (2019) музейного фонда РФ «Частные музеи России. Самородки России», что подчеркивает значимость музея, его историческую ценность и общественное признание. Мы же определяем выявленный принцип как еще одну особенность презентации музея.

Помимо проанализированных выше особенностей презентации музейного комплекса внимания также заслуживает билет, приобретаемый посетителями при входе. Экскурсионное обслуживание по нему предоставляется каждому посетителю, даже если он пришел один. Это подтверждается надписью на билете, гласящей «билет экскурсионный». На лицевой стороне обозначено название музейного комплекса и располагается его эмблема – изображение каминных часов, которые в ходе экскурсии мы можем увидеть в экспозиции музея. Экскурсовод акцентирует внимание посетителей на данном музейном артефакте. Изображение каминных часов на логотипе совмещено с профильным изображением ангела, который держит в руках колокольчик. Мы можем предположить, что подобная эмблема выбрана в качестве символа музейного комплекса, потому что происходит визуальное соединение музыки (колокольчик) и времени (часы).

Несмотря на весьма гармоничное, подчеркнутое композицией билета соединение музыки и времени, название музея, на наш взгляд, несколько противоречиво в том смысле, что концепция музыки как таковой реализуется в музее не через непосредственное воспроизведение музыкальных композиций, а через материальные артефакты, которые могут

составить представление о разных эпохах и разных способах звукоизвлечения, к которым мы относим и многочисленные колокольчики, музыкальные инструменты и механизмы. Следовательно, концепция музыки в музее реализуется через материальные артефакты: граммофоны, патефоны, фисгармонии, музыкальные шкатулки, шарманки, колокола. О времени же мы можем говорить как о понятии глубоко философском и абстрактном и с этой точки зрения оправданным и лишенным противоречий, возможно, выглядело бы название «Музыка во времени» или «Мелодия и время».

Весьма распространенным во многих государственных как столичных (Эрмитаж, Русский музей), так и провинциальных музеях (Ярославский художественный музей) [Добрецова, 2015, с.102] является наличие музейного киоска, функционирование которого также можно считать особенностью презентации музея в городском пространстве. В таких киосках продаются и пользуются достаточной популярностью разного рода артефакты (брелоки, ручки, блокноты, брошки, галстуки, очечники, открытки, элементы декора), воспроизводящие в миниатюре те или иные экспонаты, а также репродукции из коллекции музея. Все эти предметы призваны закрепить «культурную память», связанную с посещением музея. В музее «Музыка и время» нам тоже удалось обнаружить такой же маркетинговый ход – материальные свидетельства посещения музея, которые гость может приобрести – это брелоки в форме уменьшенных копий самоваров, граммофонов, разного рода колокольчиков, элементов изразцов из экспозиции музея. Данный факт свидетельствует не только об особенностях презентации музея, но и о желании привлечь посетителей, которые могут приобрести копию наиболее понравившегося артефакта.

Особенностью презентации музея, выгодно отличающей его от государственного, является более неформальное отношение работников музея к посетителям. Так, Д. Г. Мостославский подчеркивал важное, на его взгляд, отличие государственного музея от частного: «Бюджет с одной стороны – хорошо, но он балует. Бабушка какая-нибудь сидит в зале, в сторонке, к вам даже не подойдет. Трогать ничего нельзя, фотографировать тоже. А в частном музее надо зарабатывать буквально на всем...» [Коллекционер-иллюзионист…, 2011]. Эта особенность придает музею специфическую атмосферу домашнего музея, претендующего на камерность и уютность.

Интерактивность, то есть возможность «прикоснуться» и «взаимодействовать» с экспонатами также воспринимается как отсутствие границы между музейными артефактами и предметами быта, окружающими человека, демонстрирует особое «доверительное» отношение персонала к посетителям как к гостям, которым дозволено несколько больше, чем просто посетителям-визитерам. Мы оказываемся погруженными в повседневную культуру, реализуя тем самым игровую концепцию культуры (игра на музыкальном инструменте и игра «в гости»). Не единожды побывав в музее «Музыка и время», действительно отмечаем, что внимательное и неравнодушное отношение персонала к посетителям привлекает их и является безусловным достоинством работы частного музея.

Конечно, подобное отношение связано и с необходимостью музея содержать коллекцию, зафиксированной в высказывании Д. Г. Мостославского о заработке частного музея «на всем», что определяется и разрешением на фотосъемку, и неравнодушием тех, кто занят организацией выставочного пространства, и экскурсией, проводимой для единственного посетителя, и отсутствием границы между посетителем и музейным артефактом.

Помимо особенности презентации, мы определяем данную тенденцию как маркетинговый ход, схожий с проявлением вежливости, например, в Британском музее, где персонал благодарит посетителей за визит. Мы можем также предположить, что частный музей, финансовое благополучие которого зависит от количества посетителей, может позволить себе разрабатывать и продвигать разного рода маркетинговые стратегии, привлекающие посетителя к социокультурному институту музея.

Рассмотрение музейного пространства невозможно без обращения к контексту города, обладающего высокой культурной и исторической значимостью. Мы отмечаем, что выгодное расположение музея является частью его презентации в городском пространстве. На сайте музея в разделе контактов создатели акцентируют внимание посетителей на его местоположении: «г. Ярославль, ул. Волжская Набережная, д. 33б (исторический центр города Ярославля, на набережной реки Волга)». И здесь возникает своего рода парадокс: мы можем привести ряд

примеров, характерных для современной социокультурной ситуации, когда музейное пространство возникает в казалось бы не самом благоприятном, удобном и перспективном для создании музейной среды пространстве, например, в селе, на музейной карте региона не обозначенном, которое превращается в музейное пространство, как это произошло с Вятским, где был создан историко-культурный комплекс с разного рода музеями, рестораном, купелью, парком [Добрецова, 2018, с. 352]. Особенность комплекса заключается в том, что село Вятское, в отличие от Карабихи, не обладает музейным потенциалом, не связано с историческими событиями, фактами, и поэтому создатели музея поддерживают искусственную музеефикацию, что порождает возможность подобной «музеефикации» и в отношении других населенных пунктов.

Сельская среда специально интерпретируется как старинная: историзируется, например, отходный промысел вятских жителей в XVIII – начале XIX вв., по преимуществу занятых на кирпичных мануфактурах, привел к созданию арт-объекта из кирпичей, выстроенных в стену; и мифологизируется – особого рода огуречный посол, вятский мужичок, ангелы и т.д. Ситуация с музеем «Музыка и время» иная: прекрасное презентационное, чрезвычайно востребованное месторасположение в историческом центре города на фоне живописных пейзажей [Вайль, 2011].

Особенностью презентации музейного комплекса также являются сами здания музея, представляющие собой отреставрированные исторические здания: жилой дом Кирпичевых-Соболевых конца XVII – конца XIX вв. (корпус музея, где располагается музей самоваров с экспозицией кастлинского литья и золотофонных икон), флигель дома Кирпичевых-Соболевых конца XVIII – начала XIX вв. (экспозиция музея фарфора и отель-бутик). Еще один корпус, в котором располагается музей «Музыка и время», был выстроен Д. Г. Мостославским в 1990-е и исторической ценности не представляет. Это «…небольшой домик, появившийся здесь недавно и довольно неудачно имитирующий постройки XVII века» [Жельвис, 1998, с. 14], что неслучайно, поскольку это век расцвета ярославской архитектуры. Облик здания имеет в некоторой степени игрушечный или миниатюрный характер, создается образ сказочного пряничного домика за счет его размеров и богатого декора, что встраивается в игровую концепцию музея, о которой было сказано выше.

Жилой дом с флигелем, принадлежащий Кирпичевым-Соболевым, на плане города XVIII века обозначен как казенное учреждение, примерно с 1837 г. здание принадлежало купцу М. И. Вахрамееву, не позднее 1871 г. перешло во владение Соболевых. В советский период в здании размещались коммунальные квартиры. В 1994 г. оно частично было уничтожено пожаром, а с 1999 г. арендуется музеем «Музыка и время». Эта историчность для музейного комплекса очень важна: здания музея входят в архитектурный ансамбль Волжской набережной, располагаясь чуть в глубине, что создает особую камерность. К тому моменту, когда там стал располагаться музейный комплекс, здание требовало ремонта, и поэтому Д. Г. Мостославский подчеркивал собственную важную роль в сохранении культурного наследия города: «Я очень много работал и вкладывал все деньги в коллекции. И дом на набережной строил по кирпичику. Ведь 10 лет назад это была разрушенная усадьба. Могу показать фотографии – вы воскликнете: “Невозможно это восстановить!” А я восстановил...» [Коллекционер-иллюзионист…, 2011]. И в этом смысле частный музейный комплекс приобрел дополнительную функцию, потому что само здание, которое относится к исторической части Ярославля, сохранено за счет вложений создателя музея.

Значимость расположения музейного комплекса в исторической части города, на Волжской набережной, безусловна. Эта часть городского пространства Ярославля обращала на себя внимание не только авторитетных (В. Ф. Маров [Маров, 2016], В. И. Жельвис [Жельвис, 1998], Н. В. Дутов [Дутов, 2015]), но и молодых (Т. А. Сиротина [Сиротина, 2011]) исследователей архитектурного облика города. О красоте и величии набережной говорил и посетивший ее в 1849 г. драматург А. Н. Островский: «Набережная на Волге уж куда как хороша» [Дутов, 2015, с. 5].

Сложившаяся экскурсионная традиция предлагает определенный туристический маршрут – вдоль Которосльной набережной, через Стрелку и далее вдоль Волжской набережной, и в обратном направлении. Расположение музейного здания на набережной обязывает музей к использованию особых формы презентации, поскольку музеи на набережной наиболее популярны и востребованы в среде туристов и

жителей города. И от того, как будет представлена коллекция, зависит, какое представление сложится у них о городе и городском пространстве. Да и само восприятие коллекции дополняется смысловыми коннотациями, поскольку окна музея выходят на набережную, и связано с «созерцанием видов, открывающихся за окнами залов» [Сиротина, 2011, с. 261]. Иными словами, происходит своего рода процесс экстраполирования, или переноса, отражения, внешней среды во внутреннюю.

Подводя итоги, мы отмечаем, что презентация музейного комплекса «Музыка и время» имеет ряд неоспоримых достоинств, формируясь, с одной стороны, по типологическим принципам: частный статус музея, подчеркиваемый и создателями, и сотрудниками, формирующий особый тип медиации между музейными артефактами начала XX века и советского времени, с одной стороны, и посетителями, более свободную и неформальной. Частный статус также презентует музей как камерный, уютный, домашний, приглашающий не посетить, а побывать в гостях, взаимодействуя напрямую с экспонатами. Наименование «музейный комплекс» также презентует комплексный характер услуг: объединение в туристически выгодном местоположении нескольких социокультурных объектов (музей, музейный киоск, ресторан, концертный зал, бутик-отель). Особенностью презентации музея также является субъективный принцип формирования коллекции – объединение разного рода музейных артефактов от самоваров до граммофонов и утюгов. Музейный киоск и экскурсионный билет также отражают особенности презентации, позволяя сохранить память о визите в музей. С другой стороны, специфической особенностью презентации музейного комплекса является его выгодное местоположение в историческом центре города и включенность в «культурологический» маршрут туристов и жителей города.

Таким образом, музейный комплекс «Музыка и время», созданный в постсоветское время, был той сферой, которая на уровне обыденного сознания позволяла осуществлять «связь времен», давать ощущение обретенного прошлого, которое в советское время разрушалось, но в котором люди нуждались, даже не всегда сознавая это. На основании этого, мы также подчеркиваем, что «Музыка и время» может претендовать на свое место в городском пространстве, внося вклад в брэндирование Ярославля как города музеев.

Библиографический список

1. Александрова М. В. Очевидцы столетий: судьбы и события в зеркале ярославской застройки : монография. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. 135 с.

2. Вайль П. Л. Гений места. Москва : Астрель, 2011. 443 с.

3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова; отв. ред. и авт. послесл. А. В. Гулыга. Москва : Наука, 1977. 703 с.

4. Добрецова С. А. Вятское как феномен массовой культуры в провинции // Ярославский педагогический вестник, 2018. № 3. С. 351–358.

5. Добрецова С. А. Уникальная творческая личность и артефакт «массового поражения» // Вопросы культурологии, 2015. № 4. С. 101–106.

6. Дутов Н. В. Ярославль: история и топонимика улиц и площадей города : краеведческие хроники. – 2-е издание, исправленное и дополненное / под ред. д-ра ист.н., проф. М. В. Новикова. Ярославль : Изд-во «Российские справочники», 2015. 216 с.

7. Ермолин Е. А. Культура Ярославля // Инициатива. Творчество. Поиск, 1998. № 25. 55 с.

8. Ерохина Т. И. Текст – код массовой культуры // Ярославский педагогический вестник, 2015. Том I. № 2. С. 37–45.

9. Жельвис В. И. Десять путешествий по Ярославлю без экскурсовода : методическое пособие. / под ред. к.пед.н. В. И. Рыбаковой. Ярославль, 1998. 96 с.

10. Исторический город русской провинции как культурный универсум : учебное пособие / науч. ред.:Т. С. Злотникова, М. В. Новиков, Н. А. Дидковская, Т. И. Ерохина. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. 536 с.

11. Каталог музейного фонда. Частные музеи. Самородки России / А. Ю. Шабуров, 2019. 977с.

12. Коды массовой культуры: российский дискурс : монография / науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 240 с.

13. Коллекционер-иллюзионист или как сделать из коллекции бизнес в России. URL: http://www.tourblogger.ru/blog/kollektsioner-illyuzionist-ili-kak-sdelat-iz-kollektsii-biznes-v-rossii.html (дата обращения 21.12.2019).

14. Маров В. Ф. Ярославль: Архитектура и градостроительство. Ярославль : Верхняя Волга, 2000. 216 с.

15. Ремнёва М. Л. Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия» / М. Л. Ремнёва, Л. В. Чернец, Л. А. Маркина и др. URL: http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/ (дата обращения 21.12.2019).

16. Рисенберг О. Ф. Частные музеи в России и Европе XX–XXI веков: особенности развития // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (2). С. 178–181.

17. Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ : учебное пособие по курсу «Эстетика и теория искусства» / под

научн. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 227 с.

18. Сиротина Т. А. Эстетика музейной среды исторического города // Ярославский педагогический вестник, 2011. № 3. Том I (Гуманитарные науки). С. 260–262.

19. Штраус О. Реестр не поможет? Частные музеи могут уйти в тень // Российская газета. Экономика Северо-Запада. 21.03.2017. № 58(7224).

20. Яковлева Е. Музей автоматов. Газированных. Михаил Пиотровский: Частные музеи меняют культурный ландшафт России // Российская газета. Федеральный выпуск. 01.10.2017. № 221(7387).

Reference List

1. Aleksandrova M. V. Ochevidcy stoletij: sud'by i sobytija v zerkale jaroslavskoj zastrojki : monografija = Witnesses of centuries : fates and events in the mirror of Yaroslavl building : monograph. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. 135 s.

2. Vajl' P. L. Genij mesta = The genius of the place. Moskva : Astrel', 2011. 443 s.

3. Gerder I. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva = The ideas about humanity history philosophy / per. i primech. A. V. Mihajlova; otv. red. i avt. poslesl. A. V. Gulyga. Moskva : Nauka, 1977. 703 s.

4. Dobrecova S. A. Vjatskoe kak fenomen massovoj kul'tury v provincii = Vjatskoe as a mass culture phenomenon in the province // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2018. № 3. S. 351–358.

5. Dobrecova S. A. Unikal'naja tvorcheskaja lichnost' i artefakt «massovogo porazhenija» = A unique creative personality and artifact of «mass defeat» // Voprosy kul'turologii, 2015. № 4. S. 101–106.

6. Dutov N. V. Jaroslavl': istorija i toponimika ulic i ploshhadej goroda : kraevedcheskie hroniki. – 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe = Yaroslavl: history and toponymy of streets and squares of the city : local history chronicles / pod red. d-ra ist.n., prof. M. V. Novikova. Jaroslavl' : Izd-vo «Rossijskie spravochniki», 2015. 216 s.

7. Ermolin E. A. Kul'tura Jaroslavlja = The culture of Yaroslavl // Iniciativa. Tvorchestvo. Poisk, 1998. № 25. 55 s.

8. Erohina T. I. Tekst – kod massovoj kul'tury = Text – mass culture code // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2015. Tom I. № 2. S. 37–45.

9. Zhel'vis V. I. Desjat' puteshestvij po Jaroslavlju bez jekskursovoda = Methodological guide. Ten travellings around Yaroslavl without a guide / pod red. k.ped.n. V.I. Rybakovoj. Jaroslavl', 1998. 96 s.

10. Istoricheskij gorod russkoj provincii kak kul'turnyj universum = A historical town of a Russian province as a cultural universum: manual / nauch. red. T. S. Zlotnikova, M. V. Novikov, N. A. Didkovskaja, T. I. Erohina. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. 536 s.

11. Katalog muzejnogo fonda. Chastnye muzei. Samorodki Rossii = Museum fund catalog. Private museums. Russian naturals / A. Ju. Shaburov, 2019. 977s.

12. Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs : monografija = Mass culture codes: Russian discourse : monograph / nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. 240 s.

13. Kollekcioner-illjuzionist ili kak sdelat' iz kollekcii biznes v Rossii = Collector-illusionist or how to make business in Russia from a collection. URL: http://www.tourblogger.ru/blog/kollektsioner-illyuzionist-ili-kak-sdelat-iz-kollektsii-biznes-v-rossii.html (data obrashhenija 21.12.2019).

14. Marov V. F. Jaroslavl': Arhitektura i gradostroitel'stvo = Yaroslavl: Architecture and urban planning. Jaroslavl' : Verhnjaja Volga, 2000. 216 s.

15. Remnjova M. L. Lingvokul'turologicheskij tezaurus «Gumanitarnaja Rossija» = Lingvoculturological thesaurus «Humanitarian Russia» / M. L. Remnjova, L. V. Chernec, L.A. Markina i dr. URL: http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/ (data obrashhenija 21.12.2019).

16. Risenberg O. F. Chastnye muzei v Rossii i Evrope XX–XXI vekov: osobennosti razvitija = Private museums of Russia and Europe in XX–XXI centuries : the peculiarities of development // Molodezhnyj vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2013. № 1 (2). S. 178–181.

17. Rossijskij diskurs massovoj kul'tury: jesteticheskie praktiki i hudozhestvennyj obraz : uchebnoe posobie po kursu «Jestetika i teorija iskusstva» = Russian mass culture discourse : aesthetic practices and artistic image: a textbook on the course «Aesthetics and the history of art» / pod nauchn. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. 227 s.

18. Sirotina T. A. Jestetika muzejnoj sredy istoricheskogo goroda = The aesthetics of museum environment of a historical town // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2011. № 3. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 260–262.

19. Shtraus O. Reestr ne pomozhet? Chastnye muzei mogut ujti v ten' = Registry won't help? Private museums may go dark // Rossijskaja gazeta. Jekonomika Severo-Zapada. 21.03.2017. № 58(7224).

20. Jakovleva E. Muzej avtomatov. Gazirovannyh. Mihail Piotrovskij: Chastnye muzei menjajut kul'turnyj landshaft Rossii = The museum of machines. Soda/ Michail Piotrovky: private museums change the cultural landscape of Russia // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk. 01.10.2017. № 221(7387).

УДК 93

М. В. Новиков **https://orcid.org/0000–0002–2013–1919**

А. С. Морозов **https://orcid.org/0000–0001–8005–7119**

Культурная дипломатия СССР в странах Запада в годы холодной войны

Для цитирования: Новиков М. В., Морозов А. С. Культурная дипломатия СССР в странах Запада в годы холодной войны // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 264-270.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-264-270

В статье рассматривается эволюция подхода советской дипломатии к использованию достижений культуры в качестве способа создания положительного образа Советского Союза в глазах общественности западных стран в условиях глобальной конфронтации. Несмотря на широкую номенклатуру различных способов (совместное производство фильмов, гастроли балетных трупп, выставки, международные фестивали, стажировки), культурное сотрудничество с иностранными государствами находилось в высокой зависимости от генеральной внешнеполитической линии. Тяжелыми ударами для культурной дипломатии были ввод советских войск в Венгрию в 1956 г., в Чехословакию в 1968 г. и в Афганистан в 1979 г., когда культурные связи почти обрывались. Однако если в первые годы после окончания Второй мировой войны публика на Западе относилась к советской культурной дипломатии с недоверием, то в 80-е гг. даже в условиях ухудшения международного климата культурные связи уже существовали в значительной степени в отдельности от политики. Выступления советских артистов стали неотъемлемой частью культурной программы западного человека и больше не воспринимались как откровенная пропаганда противника. На смену краткосрочным соглашениям о сотрудничестве пришли длительные программы, и иногда связи устанавливались и успешно развивались и вовсе без участия высокопоставленного руководства. Нельзя не отметить и фактор личности – проводником духа народа мог стать даже руководитель страны, как это было в случае с М.Горбачёвым. Тем не менее, культурная дипломатия для Советского Союза была лишь способом смягчить реакцию на различные внешнеполитические акции, которые проводились без оглядки на культуру и искусство.

Ключевые слова: Советский Союз, культурная дипломатия, холодная война, мягкая сила, культурное сотрудничество, отношения между СССР и Западом, внешняя политика.

M. B. Novikov, A. S. Morozov

Soviet cultural diplomacy in the Western countries during the Cold War

The article deals with the evolution of approaches of Soviet cultural diplomacy to the use of culture as a means to create a positive image of the USSR in the eyes of Western public amid a global confrontation. Despite a large variety of such means (film co-production, ballet companies' tours, exhibitions, international festivals, internship programs) cultural cooperation was highly dependent on foreign policy at large. The Soviet invasion of Hungary in 1958, of Czechoslovakia in 1968 and of Afghanistan in 1979 were severe blows to the cultural diplomacy of the Soviet Union which resulted in almost complete cut of all ties. Nevertheless, if right after the end of the Second World War the Western public mistrusted Soviet cultural diplomacy, then in the 1980s even amid worsening relations cultural links functioned regardless of politics. The tours of Soviet actors became an integral part of cultural agenda of a Western citizen who did not perceive those tours as enemy's undisguised propaganda. Short-term cooperation agreements were replaced by long-terms programs. Sometimes cultural links could be established and successfully promoted without any participation of high-profile officials. The personal factor is also worth mentioning – even a country's leader could become a conductor for the nation's spirit as Mikhail Gorbachev has been. However, for the Soviet Union cultural diplomacy was just a way of making softer the reaction to its foreign policy actions which were taken regardless of culture and art.

Key words: the Soviet Union, cultural diplomacy, the Cold War, soft power, cultural cooperation, Soviet-West relations, foreign policy.

В Статье 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года записано, что одна из функций дипломатического представительства заключается «в поощрении

© Новиков М. В., Морозов А. С., 2020

дружественных отношений между аккредитующим государством и государством пребывания и в развитии их взаимоотношений в области экономики, культуры и науки» [Венская конвенция…]. Таким образом, культура, наравне с традиционным инструментом внешнеполитической деятельности – экономическим взаимодействием и воздействием, и сравнительно новым, вошедшим в международную практику только в конце XIX века методом научной кооперации, уже в 1960-ые годы была признана важной составляющей межгосударственных связей.

С развитием средств коммуникации, ростом влияния средств массовой информации и увеличением трансграничных как деловых, так и туристических поездок, одной из задач внешней политики государств в XX веке стало формирование позитивного образа. Теоретическое обоснование этого тренда было всеобъемлюще дано только в 1980-ые годы американским политологом Джозефом Найем. В своей книге «Мягкая сила» он описал принципиально новую концепцию внешнеполитической деятельности государства, которая заключалась не в открытом силовом воздействии на субъекты международных отношений, а в убеждении их в правильности и справедливости ценностей и идеалов, «привлечении» на свою сторону на основе привлекательности экономического, социального и культурного климата в обществе [Nye, 2004]. О важности этого направления внешнеполитической деятельности для, например, России свидетельствует закрепление положений о культурной дипломатии в таких документах как Концепция внешней политики и Стратегия национальной безопасности, утверждаемые указами президента РФ.

Однако если в XXI веке культурная дипломатия является инструментом внешней политики, то в условиях холодной войны – острой конфронтации между капиталистическим и социалистическим лагерями – культура стала способом идеологической «разъяснительной работы», хотя и имела своей целью формирование позитивного образа. В противостоянии двух политических, социальных и экономических систем культура была способом донести до общественности миролюбивость и духовное богатство советского народа, его высокий уровень развития, который стал возможен благодаря «достижениям социализма». В отличие от вещания, например, Московского радио, культурные мероприятия, такие как выступления творческих коллективов, выставки живописи и литература не воспринимались на Западе как откровенная пропаганда. В этой связи руководство СССР активно использовало культуру как инструмент формирования привлекательного образа советского общества не только в странах Западной Европы и Северной Америки, но и во всем остальном мире [Нагорная, 2017].

Еще в 1925 году в СССР было учреждено Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), которое занималось организацией поездок советских делегаций на различные фестивали и конкурсы в странах Запада и визитов иностранных делегаций с аналогичными целями в СССР, а также осуществляло взаимодействие обществ дружбы, число которых к 1957 году достигло 47. Одним из самых примечательных достижений ВОКС является организация встречи в Москве в 1935 году лауреата Нобелевской премии по литературе французского писателя Ромена Роллана с советскими литераторами [Roland, 1992]. В 1945–1957 годах ВОКС находилось в компетенции Министерства иностранных дел СССР, представители ВОКС в различных странах были штатными сотрудниками дипломатических представительств Советского Союза, а потому деятельность Общества была поставлена в высокую зависимость от состояния двусторонних отношений и носила политический оттенок.

После начала в 1946 году холодной войны эффективность деятельности ВОКС стала снижаться с усилением влияния Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Палаты представителей США. В 1950-ом году в США началась «охота за коммунистами», названная по фамилии сенатора Джозефа Маккарти «маккартизмом» – четырехлетний период, характеризующийся подавлением инакомыслия во всех сферах жизни американского общества и отчуждением симпатизирующих социализму и СССР деятелей культуры, науки и политиков. К середине 1950-ых годов благодаря нарастанию числа политических противоречий между США и СССР, а также активной работе по «солидаризации» общественного мнения на Западе ВОКС стал восприниматься в качестве рупора пропаганды.

В 1956 году СССР понес тяжелейшие репутационные потери в связи с силовым подавлением восстания в Венгрии, являвшейся

частью восточного блока – в результате проведения советскими войсками операции «Вихрь» погибло около 3000 человек. В этой связи 1956 год стал годом разочарования мировой общественности в миролюбивости и антивоенной природе социализма: из Коммунистической партии Великобритании вышло 7000 членов; СССР был раскритикован в печати французскими писателями и философами Альбером Камю и Жан-Поль Сартром; Итальянская коммунистическая партия раскололась на сторонников и противников советских действий в Венгрии; Испания, Нидерланды и Швейцария отказались участвовать в Олимпийских играх 1957 года, объявив бойкот приезду советской делегации. В контексте культурной дипломатии это означало конец позитивного образа Советского Союза как сторонника мира и необходимость формирования кардинального нового подхода к выстраиванию культурных связей с заграницей.

4 марта 1957 года создается Комитет по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР (ГККС), который управлялся решениями Центрального комитета КПСС [Трегубов, 2016]. В целях смены имиджа ВОКС в 1958 году был переименован в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД), который был переподчинен через ГККС высшему руководству страны. Институциональная реорганизация совпала с процессом десталинизации советского общества, начатым Н. С. Хрущевым на XX Съезде КПСС в 1956 году, периодом «хрущевской оттепели» и внешнеполитическим курсом на мирное сосуществование социалистической и капиталистической систем, закрепленным в Третьей Программе КПСС в 1961 году.

Первой значительной вехой в «новой» культурной дипломатии СССР стало проведение VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 28 июля – 11 августа 1957 года, в котором приняли участие 34 тысячи человек из 131 страны мира. После окончания Фестиваля гости вернулись к себе домой с приятными воспоминаниями о красивой Москве и гостеприимных жителях СССР, что никак не совпадало с бытующим на Западе представлением о суровой и опасной стране. Интересным примером культурной дипломатии в этом случае стала песня «Подмосковные вечера», исполненная на открытии Фестиваля Владимиром Трошиным, которая в последствии была переведена на множество языков, включая иврит, вьетнамский и китайский. В 1962 года кавер на эту песню в исполнении группы «Джазмен» на месяц стал номером два в списке популярных композиций в Великобритании в топе 100 самых популярных песен, в США кавер на «Подмосковные вечера» также занял второе место [Попов, 2017].

27 января 1958 года было подписано советско-американское межправительственное Соглашение об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях более известное по имени подписантов – посла СССР Г. Н. Зарубина и помощника государственного секретаря США У. Лэйси – как «соглашение Лэйси-Зарубина». Документ заложил правовую основу для осуществления культурного обмена и последовательно продлевался каждые два года. В марте 1959 года по итогам визита премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана в СССР было подписано аналогичное соглашение о культурном сотрудничестве.

С 1959 года в СССР создается новый формат – Московский международный кинофестиваль, который в 2019 году отметил свое 60-летие. В программе Первого кинофестиваля, прошедшего 3–17 августа 1959 года, были представлены работы из 25 стран, включая картины из США, ФРГ, Франции, Индии, Пакистана, Японии, Нидерландов и др.

В апреле 1961 года СССР получил в свое распоряжение мощнейший «культурный магнит» – достижения советской космонавтики. Юрий Гагарин стал первым человеком, побывавшим в космосе. Мир, с энтузиазмом стремившийся покорить вселенную, с восторгом и надеждой смотрел на отважного покорителя холодных глубин неба. После своего легендарного полета Юрий Гагарин посетил порядка 30 стран, где его встречали как героя. Например, в Великобритании советский космонавт был удостоен встречи с королевой Елизаветой II [Retiring cosmonaut…, 1961]. По всему миру молодежь стала активно вступать в общества дружбы с СССР, так, только 12 апреля 1961 года, в Комитет советско-чехословацкой дружбы вступило 5000 новых членов.

В 1960–1970-е годы культурная дипломатия СССР охватила самый широкий спектр самых разных мероприятий и инициатив. Было создано Управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР, которое руководило деятельностью знаменитого Общества «Интурист» и способствовало значительному

увеличению туристического потока в Советский Союз, который к 1980 году суммарно составил почти 50 миллионов человек. Организовывались различные фестивали, направленные на повышение осведомленности иностранных туристов с советской культурой – «Русская зима» в Москве, «Белые ночи» в Ленинграде, «Днепровские зори» в Киеве и др. В апреле 1968 года фильм советского режиссера С. Бондарчука «Война и мир» получает премию «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке. После успешного проката фильма в США и Великобритании продолжение – масштабная историческая драма «Ватерлоо» 1970 года – было снято С. Бондарчуком совместно с американскими и британскими киностудиями, где роль Наполеона сыграл оскароносный актер Род Стайгер, а герцога Веллингтона – Кристофер Пламмер. В 1958 году Государственный ансамбль народного танца СССР под руководством И. А. Моисеева посетил с гастролями США, а в 1963 году провел тур по странам Южной Америки. О Государственном хореографическом ансамбле «Березка», под руководством Н. Надеждиной, в западной прессе писали, что его искусство, человечное и одухотворенное, «пробуждает добрые чувства и веру в братство между людьми». С гастролями по миру путешествовали труппы Большого театра, МХАТа, Ленинградского театра оперы и балета, Ансамбль песни и пляски Советской армии им. А. В. Александрова, известный скрипач Д. Ойстрах, пианист Э. Гилельс и многие другие. Выступления советской балерины Е. Максимовой вызывали бурные аплодисменты на лучших сценах мира – Ла-Скала, Метрополитен-опера, Ковент Гарден, Гранд Опера и др. [Советская культурная…, 2018].

Тяжелым испытанием для советской культурной дипломатии мог бы стать ввод войск Организации варшавского договора в Чехословакию в конце августа 1968 года в связи с началом либеральных реформ правительством А. Дубчека. Однако, в отличие от событий 1956 года, в этот раз советская культура не понесла больших репутационных потерь. Можно сделать вывод, что руководству СССР удалось успешно отмежевать политику от культуры, которая теперь не воспринимались как проводник революционных идей.

В 1970-ых годах на фоне разрядки международной напряженности культурное сотрудничество с Западными странами развивалось очень успешно. Так, в 1973 году было подписано Общее соглашение о контактах, обменах и сотрудничестве до 31 декабря 1979 года с США. Документ предусматривал детальные трехгодичные планы сотрудничества и свидетельствовал о намерениях сторон придать культурному и научному трекам сотрудничества постоянную основу. Еще одно новшество нового договора заключалось в расширении практики культурных обменов: если по соглашению 1958 года США и СССР направляли на гастроли творческие коллективы, то теперь речь шла о стажировках для музыкантов и артистов театра, совместном производстве кинокартин. Трудами советских театральных режиссеров на сценах театров США и Великобритании в 1970-ые годы были поставлены пьеса М. Рощина «Валентин и Валентина», спектакль по М. Рощина «Эшелон», пьеса А. Чехова «Дядя Ваня», а также пьесы Д. Фонвизина, Э. Володарского, М. Горького. В 1976 году еще один советский фильм – «Дерсу Узала» А. Куросавы – получает главный приз Американской киноакадемии как лучший фильм на иностранном языке.

На фоне улучшения отношений с ФРГ и подписанием в 1970 году Московского договора, положившего конец спорам по вопросу послевоенных границ Германии, в 1973 году во время визита Л. Брежнева в Бонн было подписано межправительственное Соглашение о культурном сотрудничестве. Важно отметить, что статистика культурных обменов в 1960–1970-е годы показывает дисбаланс между количеством мероприятий, проводимых СССР в какой-либо стране, и количеством мероприятий этой страны в СССР. Во-первых, это было связано с острой необходимостью исправления и улучшения имиджа Советского Союза в сознании западного обывателя. Во-вторых, не всегда культурные связи регулировались специальными соглашениями, в таких случаях обмены велись на коммерческой основе и Министерство культуры СССР, согласно позиции ЦК КПСС, руководствовалось целью достижения положительного баланса на счетах страны за оплату культурных мероприятий. Также интересно отметить, что советским артистам было намного проще выступить в западных странах, чем наоборот. Причина заключается в том, что местные власти в, например, Франции и Великобритании, не говоря уже о таких федеративных государствах как США и ФРГ, были значительно более независимы в организации культурных мероприятий [Советская культурная…, 2018].

В октябре 1974 года на 75-ой сессии Международного олимпийского комитета было принято решение выбрать Москву столицей летних Олимпийских игр 1980 года. Руководство СССР рассматривало Олимпиаду как редкую возможность показать десяткам тысяч гостей, что Советский Союз – это точно такое же государство, как и США, и Великобритания, и любая другая страна, где люди работают и отдыхают, а не проводят целые дни за совершенствованием военной машины [1]. На подготовку соревнований было выделено около 2-х миллиардов советских рублей, что в пересчете на современные деньги составляет порядка 240 миллиардов рублей. Однако эта возможность была упущена из-за куда более локального географически, но намного более глобального политически события – ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 года. Уже 1 января 1980 года на встрече Совета НАТО представителями Великобритании, США и Канады была высказана идея о бойкоте Олимпиады, а 20 февраля Белый дом официально объявил, что сборная США не поедет в Москву. Всего в бойкоте в той или иной степени приняли участие 64 государства. Интересно отметить, что команда Великобритании все-таки приняла участие в соревнованиях, однако выступала под олимпийским флагом [Tulli, 2017].

Пришедшийся на первую половину 1980-ых годов пик холодной войны сыграл для советской культурной дипломатии роль тормоза. XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который прошел в Москве летом 1985 года, не оставил в массовом сознании значительного отпечатка, пройдя скромно и практически незаметно для мировой общественности. В случае с Олимпийскими играми в Лос-Анджелесе в 1984 году СССР, по политическим соображениям «антисоветской истерии», отказался участвовать в соревнованиях, упустив возможность продемонстрировать Западу открытость советского общества [Burns, 1984]. Независимость культурных организаций в западных странах проявилась в присуждении в 1981 году премии «Оскар» фильму В. Меньшова «Москва слезам не верит» на фоне шквала антисоветской риторики в СМИ и высших эшелонах власти, где СССР именовали «Империей зла».

Самым примечательным событием в этот сложный период стала поездка в СССР американской школьницы Саманты Смит в июле 1983 года. Еще в 1982 году она написал письмо лично Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. Андропову, у которого была очень плохая репутация: посол СССР во время восстания в Венгрии в 1956 году, затем на протяжении 15 лет руководил КГБ. Встав во главе государства, он спровоцировал «кризис евроракет», развернув ракетные комплексы РСД-10 в европейской части СССР. В ответном письме Ю. Андропов пригласил девочку посетить Советский Союз и лагерь «Артек». Для руководства страны это была прекрасная возможность показать мировым СМИ миролюбивый и открытый народ, который даже на пике Холодной войны рад принимать гостей и делиться с ними своими радостями. После возвращения в США, Саманта с помощью родителей написала книгу «Путешествие в Советский Союз», много выступала по телевидению, рассказывая об СССР и советских людях [25 лет спустя…]. В 1986 году с аналогичным визитом поездку по США совершила Катя Лычёва.

После избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачева и смены внешнеполитического курса СССР в 1985 году количество культурных обменов значительно возросло. Ослаб государственный контроль и установленные ранее связи и налаженные механизмы заработали с новой силой. В 1988 году СССР даже провел в США конкурс «Почему я хочу поехать в Артек?», по итогам которого около ста детей смогли принять участие в международной смене в этом лагере.

Парадоксально, но широкие возможности для советской культурной дипломатии, открывшиеся во второй половине 1980-ых годов, оказались не нужны – потепление в отношениях между ОВД и НАТО и начавшиеся зарождаться центробежные тенденции внутри СССР, приведшие в итоге к распаду государства, изменили международный облик СССР. Культурная дипломатия для Советского Союза была не только средством прямого воздействия на иностранных граждан с целью формирования позитивного образа, но и средством контрпропаганды, которая была жизненно необходима для нивелирования работы СМИ, консервативных аналитических центров и правящей элиты западных стран. С приходом в высокие кабинеты советского правительства нового политического мышления и последовавшего за ним смягчения позиции СССР практически по всем острым международным вопросам, вплоть до вывода войск из Афганистана и объединения Германии, Советский Союз стал позиционироваться как партнер и друг.

М. Горбачев завел дружеские и теплые отношения и с президентом США Р. Рейганом, и с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер, и с канцлером ФРГ Г. Колем – фактически, советский руководитель сам стал лучшей культурной дипломатией с его очарованием, яркими инициативами и человеческой теплотой в общении. Когда он впервые приехал на Запад, а именно в Лондон, в декабре 1984 года, будучи еще только одним из членов Политбюро ЦК КПСС, весь мир приятно удивила его супруга – Раиса Максимовна, которая вместо традиционной для жен советских лидеров роли тихой спутницы, вдруг без мужа спонтанно заехала в ювелирный магазин и купила себе серьги. Сам Михаил Сергеевич завоевал сердце «железной леди», которая позднее написала: «Мне нравится Горбачев. С ним можно иметь дело» [TV Interview…]. Именно этого советская культурная дипломатия добивалась на протяжении более полувека – Советский Союз и советские люди должны были понравиться миру.

Подводя итоги, важно отметить, что культурная дипломатия, несмотря на тонкое воздействие на сердца и души людей, всегда была и остается всего лишь дополнительным способом реализации генеральной внешнеполитической линии. Учитывая тяжелое состояние отношений между СССР и странами Запада в годы холодной войны, которые наиболее точно можно было бы охарактеризовать как «американские горки», советские дипломаты и деятели культуры сделали практически невозможное – они последовательно в условиях одновременного противодействия и своего, и «вражеского» руководства организовывали концерты, выставки, гастроли, стажировки, семинары, форумы, спортивные состязания и дружеские визиты. Высокая зависимость внешней культурной активности СССР от международной конъюнктуры, несомненно, была значительным препятствием для развития культурных связей страны с заграницей, однако, однажды установленные, они оказались очень прочными, и популярность выступлений советских музыкантов, артистов театра и балета лучшее тому доказательство. Однако если в 1950-ые советским артистам приходилось тяжело за границей, то к 1980-ым отношение публики на Западе изменилось. По достоинству оценив художественную ценность музыки, театра, кино и талант советских артистов, общественное сознание прониклось уважением и искренним восхищением к культуре считавшегося вражеским государства. Многие из этих культурных практик стали своеобразной традицией уже российской культурной дипломатии, например, на показы «Лебединого озера» в исполнении артистов Большого театра в январе-феврале 2014 в Нью-Йорке все билеты были раскуплены уже за 4 месяца до приезда труппы в США [Гастроли Большого…]. В данном случае было бы некорректно говорить только о силе дипломатической школы, которая в СССР и России, несомненно, очень высокого уровня. Успех культурной дипломатии – это успех яркой, чарующей, самобытной и уникальной российской культуры, которая привлекала, заинтересовывала и влюбляла в себя иностранного зрителя даже в самые трагические моменты Холодной войны.

Библиографический список

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях / Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml. (дата обращения: 27.02.2019)

2. Гастроли Большого театра в США разрушили новый железный занавес / РБК: сайт. 2014. 22 сент. URL: https://style.rbc.ru/impressions/571639c89a79472acdb35644. (дата обращения: 01.03.2019)

3. 25 лет спустя: история Саманты Смит глазами очевидцев / BBC News: русская служба: сайт. 2010. 25 авг. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2010/08/100824_samantha_smith. (дата обращения: 01.03.2019)

4. Милованова Р. В. Мегасобытие «Олимпиада-80»: информационно-пропагандистский инструментарий советской ивент-дипломатии // Управление в современных системах. 2016. № 3(10). С. 49–57

5. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989 : коллективная монография / О. С. Нагорная, О. Ю. Никонова, А. Д. Попов, Т. В. Раева, Н. А. Трегубова. Москва : Политическая энциклопедия, 2018. 446 с.

6. Нагорная О. С. Зазеркалье советской модерности: внешнеполитические презентации СССР в эпоху «великого перелома» // Российская история. 2017. № 3. С. 164–167.

7. Попов А. Д. Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 года и формирование «культурной матрицы» советского мегасобытия // Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: материалы IX междунар. научной конференции, 24–26 октября 2016. Москва, 2017. С. 726–736.

8. Трегубов Н. А. Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами как орган советской культурной дипломатии (1957–1967 гг.) // Управление в современных системах. 2016. № 4(11). С. 61–67.

9. Burns, John F. Moscow will keep its team from Los Angeles Olympics // The New York Times, 1984.

10. Nye, J. S. Soft power: the means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004. 193 p.

11. Roland, R. Voyage à Moscou (juin-juillet 1935); suivi de notes complémentaires (octobre-décembre 1938). Paris: A. Michel, 1992. 355 p.

12. Tulli U. Bringing human rights in: the campaign against the 1980 Moscow Olympic Games and the origins of the nexus between human rights and the Olympic Games // The international journal of the history of sport. 2017. Vol.33 (16). P. 1–20.

13. Retiring cosmonaut Yuri Gagarin visits London – archive, 1961 / The Guardian: web-site. 2017. July 14. URL: https://www.theguardian.com/science/2017/jul/14/yuri-gagarin-retires-cosmonaut-london-1961. (дата обращения: 28.02.2019)

14. TV Interview for BBC ("I like Mr Gorbachev. We can do business together") / The Margaret Thatcher Foundation: official web-site. URL: https://www.margaretthatcher.org/document/105592. (дата обращения: 29.02.2019)

Reference List

1. Venskaja konvencija o diplomaticheskih snoshenijah = Vienna convection about diplomatic relations / Organizacija Ob#edinennyh Nacij: oficial'nyj sajt. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml. (data obrashhenija: 27.02.2019)

2. Gastroli Bol'shogo teatra v SShA razrushili novyj zheleznyj zanavec = Bolshoi Theater's tours to the USA broke a new iron curtain / RBK: sajt. 2014. 22 sent. URL: https://style.rbc.ru/impressions/571639c89a79472acdb35644. (data obrashhenija: 01.03.2019)

3. 25 let spustja: istorija Samanty Smit glazami ochevidcev = 25 years later: Samanta Smith's history through witnesses eyes / BBC News: russkaja sluzhba: sajt. 2010. 25 avg. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2010/08/100824_samantha_smith. (data obrashhenija: 01.03.2019)

4. Milovanova R. V. Megasobytie «Olimpiada-80»: informacionno-propagandistskij instrumentarij sovetskoj ivent-diplomatii = «Olympiad – 80» : information and propaganda tools of Soviet event-diplomacy // Upravlenie v sovremennyh sistemah. 2016. № 3(10). S. 49–57

5. Sovetskaja kul'turnaja diplomatija v uslovijah Holodnoj vojny. 1945–1989 : kollektivnaja monografija = Soviet cultural diplomacy in the conditions of cold war. 1945–1989 : collective monograph / O. S. Nagornaja, O. Ju. Nikonova, A. D. Popov, T. V. Raeva, N. A. Tregubova. Moskva : Politicheskaja jenciklopedija, 2018. 446 s.

6. Nagornaja O. S. Zazerkal'e sovetskoj modernosti: vneshnepoliticheskie prezentacii SSSR v jepohu «velikogo pereloma» = Soviet modernity looking glass world:foreign policy presentations of the USSR in the epoch of «great fracture» // Rossijskaja istorija. 2017. № 3. S. 164–167.

7. Popov A. D. Vsemirnyj festival' molodezhi i studentov 1957 goda i formirovanie «kul'turnoj matricy» sovetskogo megasobytija = World festival of youth and students in 1957 and the formation of «cultural matrix» of Soviet mega-event // Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920–1950-e gody: materialy IX mezhdunar. nauchnoj konferencii, 24–26 oktjabrja 2016. Moskva, 2017. C. 726–736.

8. Tregubov N. A. Gosudarstvennyj komitet po kul'turnym svjazjam s zarubezhnymi stranami kak organ sovetskoj kul'turnoj diplomatii (1957–1967 gg.) = State cultural relations committee with foreign countries as an organ of Soviet cultural diplomacy (1957–1967) // Upravlenie v sovremennyh sistemah. 2016. № 4(11). S. 61–67.

9. Burns, John F. Moscow will keep its team from Los Angeles Olympics // The New York Times, 1984.

10. Nye, J. S. Soft power: the means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004. 193 p.

11. Roland, R. Voyage à Moscou (juin-juillet 1935); suivi de notes complémentaires (octobre-décembre 1938). Paris: A. Michel, 1992. 355 p.

12. Tulli U. Bringing human rights in: the campaign against the 1980 Moscow Olympic Games and the origins of the nexus between human rights and the Olympic Games // The international journal of the history of sport. 2017. Vol.33 (16). P. 1–20.

13. Retiring cosmonaut Yuri Gagarin visits London – archive, 1961 / The Guardian: web-site. 2017. July 14. URL: https://www.theguardian.com/science/2017/jul/14/yuri-gagarin-retires-cosmonaut-london-1961. (data obrashhenija: 28.02.2019)

14. TV Interview for BBC («I like Mr Gorbachev. We can do business together») / The Margaret Thatcher Foundation: official web-site. URL: https://www.margaretthatcher.org/document/105592. (data obrashhenija: 29.02.2019)

УДК 008

Н. Т. Тарумова **https://orcid.org/0000–0002–3988–0362**

Актуализация историко-культурного мира поэтов Московского университета в коммуникационном пространстве Internet

Для цитирования: Тарумова Н. Т. Актуализация историко-культурного мира поэтов Московского университета в коммуникационном пространстве Internet // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 271-278. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-271-278

Актуализация отечественного культурно-исторического наследия в коммуникационном пространстве Internet – последовательный творческий многоаспектный процесс, который начинается с эмпирических и исследовательских работ и заканчивается презентацией объекта исследования в виде Internet-ресурса.

Цель данной статьи – рассмотрение контента, структуры и анализа отдельных концептов, представляющих поэзию, науку и образование в рамках культурологического персонифицированного сетевого ресурса «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до…».

В истории русской культуры, как и других культур, сложились определенные сообщества, в том числе неформальные, которые составляют особую ценность. Одной из таких групп являются студенты и преподаватели Московского университета, интегрировавшие в своем личном и коллективном творчестве многие основные тенденции в развитии отечественной культуры.

Представленные в этой статье хранящиеся в архивах материалы о поэтах Московского университета позволили вернуть в культурный оборот многие давно забытые имена и события.

Значительная часть работы была связана с архивными исследованиями документов, что, в конечном счете, позволило собрать на одном Internet-ресурсе исторически последовательную совокупность поэтических текстов и фактов, сопровождающих биографии их авторов. Данный проект воссоздает своеобразное литературное и историческое пространство от эпохи Ломоносова до нашего времени, где представлены вместе талантливые личности и поэты – большие и малые, имеющие разные политические взгляды и философские позиции. Все они были тесным образом связаны с жизнью Московского университета.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, поэзия, аутентичная публикация, Московский университет, информационные технологии.

N. T. Tarumova

The actualization of historical and cultural heritage of Moscow University poets in the Internet communication space

The actualization of the national cultural and historical heritage in the Internet communication space is a consistent creative multi-faceted process that begins with empirical and research works and finalizes with the presentation of the research object in the form of the Internet resource.

The purpose of this article is to review the content, structure and analysis of individual concepts representing poetry, science and education in the framework of the cultural study personalized site «Poetry of Moscow University from Lomonosov to...».

In the history of Russian culture, as well as other cultures, certain communities have developed, including informal ones, which are of particular value. One of these groups is students and teachers of Moscow University who have integrated many of the main trends in the development of national culture in their personal and collective creative work.

Archived materials on the poets of the University of Moscow,presented in this article, allowed us to return into the cultural turnover of a long-forgotten names and events.

A significant part of the work was related to archival research of documents, which made possible to collect on one Internet resource a historically consistent set of poetic texts and facts from the biographies of their authors. This project recreates a unique literary and historical space from the era of Lomonosov to our time, where talented individuals and poets are represented together – famous and not famous, with different political views and philosophical positions. All of them were closely connected with the life of the Moscow University.

© Тарумова Н. Т., 2020

Keywords: cultural and historical heritage, poetry, authentic publication, Moscow university, information technologies.

На Internet-ресурсе «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до…» представлен материал о поэтах Московского университета, который сориентирован на сферу гуманитарной науки и образования. Его цель – сохранение поэтического наследия в форме электронного ресурса, консолидация и представление уникальных данных о жизни и творчестве выпускников Московского университета, организация доступа к материалам.

Основная задача проекта заключалась в том, чтобы создать литературную платформу, которая могла бы отразить разные историко-культурные пласты поэтического творчества выпускников и сотрудников Московского университета.

Ценность и значение разработанного материала была связана с известной и важнейшей чертой отечественной культуры – ее литературоцентричностью, которая выявлена и проанализирована ведущими отечественными культурологами недавнего прошлого и современными исследователями (И. А. Едошина, Т. С. Злотникова, Н. Н. Лётина, Д. С. Лихачев, И. В. Кондаков, Г. Ю. Стернин, Н. А. Хренов). Подобная установка, имплицитно присутствовавшая в концепции ресурса, дала возможность рассматривать поэтическую личность как культурный рубеж, т.е. «исследовательский ракурс, позволяющий соотнести российский культурный опыт XVIII–XX вв. со специфической культурной парадигмой». [Лётина, 2012а, с 233]. При этом, рассматривая рубеж как «время, место и состояние встречи различных интенций, явлений, процессов в культуре, а значит, и в человеке, результатом которой является опыт обновления, развития или гибели». [Лётина, 2012б, с. 238]. Культурологический подход к творчеству поэтов, связанных с Московским университетом с XVIII века и по настоящее время означает, что поэтическое творчество разных авторов можно и нужно было рассматривать и как единый текст [Кондаков, 2000, с. 3–44], описывающий эволюцию Московского университета в ее культурно-историческом контексте.

Комплексное рассмотрение научных представлений в поэтическом дискурсе целого ряда поэтов, изучение творчества отдельных авторов, и анализ отдельных концептов и представлений, связанных с наукой и образованием, позволяет отразить культурный поэтический опыт Московского университета и страны в целом. Начиная с 2000 года, с момента начала работы над проектом «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до…» накоплен обширный материал: биографические данные, стихи, мемуарная и эпистолярная проза около 800 поэтов, связанных с Московским университетом. Уникальность материала состоит как в привлечении большого числа малоизвестных и забытых авторов XVIII–XX веков, так и в принципе их отбора. Объем материала позволяет исследовать не только отдельных создателей поэтических текстов и литературные группировки поэтов, но и рассмотреть поэзию Московского университета как единое целое.

Отличительная особенность материала – это наличие среди авторов не просто большого числа образованных людей, но и большого количества преподавателей и ученых, что дает возможность рассмотреть влияние научного статуса персоналий на поэтический дискурс и проанализировать, насколько широко распространено это явление. В творчестве отдельных поэтов такое влияние несомненно, например, научные знания/занятия М. В. Ломоносова находят отражение в его поэзии как прямо (через упоминание научных теорий и явлений природы), так и косвенно, как результат его занятий теорией стихосложения. Такое же влияние можно найти в стихотворных произведениях математика и богослова П. А. Флоренского, биолога И. И. Пузанов, лингвиста Р. О. Якобсона.

Материал представленный на Internet-ресурсе «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до…» позволяет взглянуть на развитие российской поэзии в целом, на взаимное влияние различных дискурсов поэтического, научного, эпистолярного и др.

В работе с начала создания ресурса участвовало четыре человека: Г. А. Воропаева (1947–2008), инициатор идеи, создатель концепции и руководитель проекта; Н. Т. Тарумова, автор статьи, занимающаяся архивными исследованиями, поиском поэтов, оцифровкой и переводом в электронный вид поэтических произведений, представленных на

ресурсе; два программиста, В. Г. Голубчикова и Д. В. Дубнов – постоянно, – эпизодически к работе привлекались другие сотрудники, по мере возникновения конкретных проблем. [Поэзия…кн.1, 2005, с. 13]. После смерти Г. А. Воропаевой в 2008 году состав рабочей группы был расширен. Кроме того, разнообразную помощь нам бескорыстно оказывали многие люди – сами поэты, опубликованные на ресурсе, правонаследники уже ушедших от нас авторов и просто читатели. Особо надо отметить помощь Евгения Витковского (1950–2020) – одного из наиболее авторитетных специалистов в России в области глобальных поэтических проектов. С ним Г. А. Воропаева познакомилась как с одним из авторов Internet-ресурса в 2001 году. Он щедро делился с нами информацией: находил ещё «неучтённых» поэтов, помогал налаживать контакты с некоторыми из них, а также с их родственниками. Мы пользовались книгами из его личной библиотеки. Неоценимой была помощь Владимира Кричевского – специалиста в области типографики. Каждый раз, когда возникали трудности с дизайном, особенно текстовым, мы разрешали их в обсуждениях с ним. Его двухтомник «Типографика в терминах и образах», первый труд по типографике в России, был признан книгой года на книжной ярмарке на ВВЦ в 2000 году. Разумеется, нам оказывали помощь сотрудники Научной библиотеки МГУ, к которой мы прибегли, исчерпав запасы своих книг, книг своих друзей и добровольных помощников. И там мы сразу же встретили доброжелательное, заинтересованное отношение, подкрепленное высоким профессионализмом, благодаря которому все возникающие у нас проблемы так или иначе решались. В частности этой помощи мы обязаны тем, что на ресурсе появились разделы авторов XVIII–XIX веков, не переиздававшихся в более позднее время, и потому не только не представленных в Internet, но и малодоступных в книжном виде. Значительный объем относящихся к периоду XVIII–XX веков поэтических текстов, авторы которых были связаны с Московским университетом, к моменту начала работы над проектом в сети представлены не были. Кроме того часть стихотворений существовала только в рукописных вариантах, то есть презентация их в сети носила пионерский характер.

При моделировании созданного ресурса «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...» общий смысл формирования структуры и оформления состоял в том, чтобы сделать его целостным, и внешне и внутренне отвечающему своему функционально-целевому назначению, а также определенному типу пользовательского/читательского восприятия, характеру информации и условиям использования.

Для каждого поэта был создан его раздел, в который можно попасть из любого из трех списков (хронологического, алфавитного, профессионально-статусного), и который содержит, как минимум, биографическую справку, портрет и стихи. Разработана форма для комментариев к текстам, органичная для Internet: примечания даются в открывающихся окнах и не загромождают текст. Если в сети имеются другие материалы, относящиеся к поэту, то даются активные ссылки на наиболее ценные из них.

При подготовке поэтических текстов и биографических справок приоритетными были прижизненные издания. Использовались разные источники: архивные документы, словари, справочники, энциклопедии, вступительные статьи к книгам, по которым приводятся тексты; эти источники не указываются по каждой биографии, чтобы не загромождать текст. По поэтам XIX века особенно полезен был биографический словарь «Русские писатели 1800–1917». По авторам XX века мы иногда целиком, иногда с дополнениями и исправлениями найденных неточностей, заимствовали лаконичные биографические справки из антологии «Русская поэзия. XX век» (Москва, 2000) – с разрешения издательства ОЛМА-ПРЕСС. Наряду с опубликованными материалами использовались и архивные источники (*ОПИ ГИМ, ОР ГЛМ, ОРКиР НБ МГУ и РГАЛИ*) при этом выяснилось, что данные, приводимые даже в авторитетных печатных изданиях, порой не точны. Подобные разночтения встретились в биографии Е. Архиппова (в разных источниках указаны разные даты рождения); то же самое можно сказать и о годах обучения в университете А. Диесперова [Богомолов, 1999] и Н. Руссова [Русские писатели…, 1992, Т. 2]. Бывает информация другого плана, когда автор указывает биографическую информацию не соответствующую архивным документам. Б. А. Лавренев в своей автобиографии от 11 сентября 1932 года указывает, что родился в Херсоне 4/17 июля 1892 года, а не в 1891 как

указано в документе Херсонской духовной консистории. [РГАЛИ, Ф. 2102].

На ресурсе удалось представить ранее никогда не публиковавшиеся произведения. Стихотворные произведения Е. Архиппова, который, как показало научное исследование, своих стихов никогда не издавал, представлены впервые по рукописям. На странице Аркадия Родзянко опубликована целиком (по-видимому, впервые) сатира «Споры» (1822) из рукописного сборника стихотворений, хранящегося в отделе рукописей РГБ. Некоторые авторы, братья Борис и Генрих Койранские, и филолог-классик и переводчик Владимир Нилендер, напечатали лишь несколько своих стихотворений, в этом случае приведены все произведения, которые были найдены: в Альманахе книгоиздательства «Гриф» за 1904–1905 года; в Харьковском альманахе «Кристалл» за 1908 год, в Журнале свободной мысли «Перевал» за 1907 год, номера 3 и 7; в журнале «Кривое зеркало» 1910 года, номер 17; в художественно-литературном сборнике «Хризопрас» издательства «Самоцвет» за 1906–1907 года. Если же наследие поэта достаточно представлено, обращалось особое внимание на его раннее творчество, прежде всего, на произведения, написанные в студенческие годы. В конце подраздела стихов иногда помещались некоторые дополнения; так, в разделы Б. Койранского, М. Осоргина и Н. Руссова включены небольшие прозаические фрагменты, в разделе Т. Чурилина – сведения о том, где хранятся произведения поэта и материалы о нем. [Поэзия…кн. 5, 2010, с. 6].

Краткие биографические справки, которыми сопровождаются публикации авторов, могут служить своеобразным путеводителем по 265-летней истории Московского Университета, и, неразрывно связанной с ней, истории России. Хронологический список открывается страницей, посвященной императрице Елизавете, утвердившей своим указом создание Императорского Московского университета в 1755 году. Вторым в списке размещены материалы о Михаиле Васильевиче Ломоносове, предложившего план, который лег в основу структуры и по праву считающегося одним из основателей университета. Далее, в хронологическом порядке, следуют такие известные авторы, как М. М. Херасков (1733–1807), светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический (1739–1797), Г. Р. Державин (1743–1816) и другие. В целом на сетевом ресурсе собраны поэты, так или иначе имевшие отношение к Московскому университету: как правило, либо учившиеся в нем (причем не обязательно его закончившие), либо работавшие, либо учившиеся в пансионе или в одной из двух университетских гимназий.

Список университетских поэтов имеет самостоятельную ценность, так как, насколько известно, создается впервые; своей обширностью он удивляет практически всех, кто с ним знакомится: каждый находит в нем неожиданные для себя фамилии. В XVIII веке в Московском университете в той или иной роли побывали (учились или преподавали) Михаил Херасков, Павел Фонвизин, Денис Фонвизин, Ипполит Богданович, Михаил Чулков, Ермил Костров, Михаил Муравьев, Иван Долгоруков, Александр Воейков, Николай Карамзин, Павел Голенищев-Кутузов, – вплоть до Жуковского и Гнедича. Например, М. Херасков в 1755 году был зачислен в штат Московского университета, заведовал университетской типографией, в 1763–1770 был директором университета, – третьим по счету от основания, после А. В. Аргамакова (1776–1833) и И. И. Мелиссино (1771–1795). Поэт П. Фонвизин, брат автора «Недоросля», был директором университета с 1784 по 1796 гг. Но вот после М. Хераскова и П. Фонвизина на должности главы университета известных поэтическим творчеством авторов не назначали.

Многие поэты были связаны с преподавательской деятельностью в самых разных учебных заведениях – от школьного учителя до профессора университета. Некоторые из них были домашними учителями весьма известных учеников: Семён Раич учил Фёдора Тютчева; Михаил Муравьёв – великих князей Александра и Константина Павловича; Жуковский – будущего императора Александра II; Антоний Погорельский – А. К. Толстого. Трое из авторов, представленных на ресурсе, были попечителями Московского университета. Список авторов включает в себя как известных поэтов – Лермонтова, Тютчева, Фета, Грибоедова, Жуковского, Карамзина, Вячеслава Иванова, Бальмонта, Брюсова, Волошина, Андрея Белого, Ходасевича, Пастернака, Антокольского, Михаила Светлова – так и людей, получивших признание в другом качестве – вниманию читателя предлагаются стихи философов А. Хомякова, В. Соловьева, П. Флоренского, биофизика А. Чижевского, писателей Д. Фонвизина, И. Тургенева и других.

В ходе разработки концепции ресурса и подбора контента было решено представить дополнительные сведения, дающие живые штрихи к личности поэта. В силу того, что объем имеющихся в нашем распоряжении разнообразных интересных материалов очень большой, а размеры публикации об одном авторе должны быть компактными, мы ограничились тремя направлениями. Это, во-первых, тексты, связанные с университетом (самого поэта или о нем), во-вторых, тексты поэта о поэзии (эссе, статьи или отдельные высказывания) и, наконец, курьезные, забавные истории из жизни поэта. В этих разделах собраны забавные факты, истории, ситуации, реально имевшие место и связанные с тем или иным поэтом. Так например: публикация фрагментов ранее неизвестных воспоминаний Владимира Фёдоровича Саводника (1874–1940), литературоведа и историка литературы, однокурсника и приятеля выдающегося поэта В. Я. Брюсова (1873–1924), одного из основоположников русского символизма, позволяет оценить исторический фон, на котором развивались научная и культурная жизнь в Московском университете, деятельность студенческих философских кружков и семинаров, их руководителей и участников. Опубликовано письмо Ломоносова Шувалову о создании университета, воспоминания об университете 1760-х (Д. Фонвизина), об университете накануне и вскоре после войны 1812 года (М. Дмитриева), конца 1820-х (связанные с попечителем А. А. Писаревым), начала 1830-х (связанные с Лермонтовым), 1830–1850-х (связанные с С. П. Шевырёвым), рубежа 1830-х и 1840-х (Я. Полонского, А. Фета), 1832–1835 (К. Аксакова), рубежа XIX–XX веков (А. Белого), времён 1-й мировой войны (А. Уйттенховена), 1916–1919 (Б. Горнунга), 1921–1922 (А. Чичерина). Отсюда видно, что, несмотря на разрозненность, случайность и фрагментарность, материалы рубрик постепенно складывались всё более в полную и, главное, живую историю Московского Университета.

В организации Internet-ресурса необходимо было предусмотреть возможность консолидации однотипных материалов – такой инструмент был реализован в структуре ресурса: например, раздел «Поэты и университет» содержит документальную информацию, объединяющую авторов с университетом. Что касается объёма, в котором представлен тот или иной поэт, было решено исходить из имеющихся как книжных, так и архивных материалов. При этом, возможно, больше внимания уделяется поэтам, тексты которых менее доступны. Это стихи малоизвестных и практически забытых поэтов, таких как: А. Воейков (1779–1839), Ф. Мерзляков (1778–1830), Н. Сатин (1814–1873), Ф. Туманский (1799–1853), П. Голенищев-Кутузов (1767–1829), В. Соколовский (1808–1839), Ф. Волховский (1848–1914) и др. Приведены также тексты популярных песен, авторство которых часто забывается: «Среди долины ровныя…» Ф. Мерзлякова, «Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных…» А. Грибоедова (1795–1829), «Гондольер» Ф. Кони (1809–1879), «Ах, моя ли жизнь печальная…» П. Капниста (1830–1898), «Только вечер затеплится синий…» А. Будищева (1864–1916), «Мой костёр в тумане светит» Я. Полонского (1819–1898), «Дубинушка» В. Богданова (1838–1886), «Смело, товарищи в ногу!» Л. Радина (1860–1900) и другие.

Разработка концепции отдельных страниц носила специфически направленный характер, процесс был детерминирован особыми обстоятельствами, которые необходимо прокомментировать специально. Трудно бывает установить, имел отношение тот или иной поэт к университету, но труднее бывает, когда точно знаешь, что были такие поэты, печатались, только где, под каким псевдонимом их искать?.. Например, было известно, что в 1914 году в Москве был выпущен сборник «Стихотворения» анонимного поэта. Предполагалось, что автором сборника был С. С. Заяцкий (1893–1930), окончивший философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, и работавший некоторое время научным сотрудником в Государственной академии художественных наук (ГАХН). После безуспешных поисков этой книги в нескольких библиотеках, мы обратились к Льву Михайловичу Турчинскому (литературовед, библиограф, библиофил), сотруднику Литературного музея. [Русские поэты…, 2007]. Он посоветовал поискать в библиотеке Литературного музея. Такая книжка, и именно 1914 года, была найдена. Л. М. Турчинский, который держал книжку в руках, подтвердил авторство Заяцкого. На обложке сборника в качестве адреса склада, где хранился тираж, был указан домашний адрес Заяцкого. С помощью справочника «Вся Москва» за соответствующий год, было определено, что по этому адресу в 1914

году действительно проживал поэт Сергей Заяцкий. Почему автор издал её анонимно, он сам объяснил во вступлении: «Когда эти стихи писались, призрак войны был еще далёк. Теперь не время писать и читать такие стихи, но теперь время каждому принести на алтарь отечества всё, что он имеет. Поэтому я издаю эти стихи с тем, чтобы отдать сбор с книги в пользу тех, кто защищает нас и нашу родину, а так как я считаю постыдным делать теперь малейший шаг для удовлетворения личного самолюбия, я не поставлю на книге своего имени. Если моя идея покажется многим смешной и странной, то я всё-таки рад, что сделал эту смешную странность».

Обнаружив в автобиографии пушкиниста Д. Благого (1893–1984) упоминание о том, что он с юности писал стихи, была предпринята попытки к их розыску. Внучка ученого, А. Благая сообщила, что все поэтическое наследие пропало после его смерти. Впоследствии в Рукописном отделе государственного литературного музея (РО ГЛМ) был обнаружен альбом Н. Минаева, в котором находился автограф стихотворения (1926) Д. Д. Благого. Стихи Дмитрия Благого ценила Анастасия Цветаева. Она писала ему 21 декабря 1971 года: «И по моему, Ваш долг, Дима, был – прислать мне В[аши] стихи напечатанными – а Вы и в ус не подули. Не прислали!..». [АРАН, Ф. 1828]. Сборник так и не вышел. Д. Благой действительно его готовил, в архиве РАН хранится три варианта сборника, но издавать все-таки он не стал. В 2013 году на основе документов из архива Академии Наук и материалов из семейного архива раздел, посвященный пушкинисту Д. Д. Благому, стал расширяться.

Кроме естественного поиска по опубликованным изданиям (включая редкие малотиражные сборники, антологии, старые газеты и журналы), мы стремились разыскать неопубликованные произведения. В РГАЛИ в фонде Б. А. Лавренева в переписке с Эстер Григорьевной Вевьюрко, вдовой драматурга Вевьюрко А. Б. (1887–1935), автором статьи были обнаружены два стихотворения писателя, посвященные Э. Г. Вевьюрко [РГАЛИ, Ф. 2120]. А в фонде А. Альвинга (настоящее имя Арсений Алексеевич Смирнов, 1885–1942), находится тетрадь с семнадцатью ранее не известных исследователям стихотворений Лавренева [РГАЛИ, Ф. 21]. Стихи В. С. Смышляева, ранее не публиковавшиеся, хранятся в фонде А. Никитина [РГАЛИ. Ф. 3127].

Исторический контекст, неявно присутствующий в биографиях авторов и тесным образом связанный с текстами поэтических произведений, охватывает и трагические события в жизни российского общества. Многие университетские поэты, были связаны с военной службой, много тех, кто погиб на полях сражений разных войн: Фёдор Козловский погиб в Чесменском бою (1770), Андрей Кайсаров – в партизанском отряде во время войны с Наполеоном (1813), Иван Петин – в «Битве народов» под Лейпцигом (1813) и другие. Еще больше потерь было в Великой Отечественной войне (1941–1945): Николай Майоров, Джек Алтаузен, Муса Джалиль, Константин Маригодов и многие другие погибли или пропали без вести. [Тарумова, 2011, с. 7; ОПИ ГИМ. Ф. 56].

Заключение

Культурологический Internet-ресурс «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до…» (*URL: http://poesis.ru*) посвящен такому объекту культурного наследия, как поэтическое творчество преподавателей и студентов Московского университета. Персоналии авторов, помимо поэтических текстов, включают в себя совокупность разноформатных данных: биографии, визуальный и аудио ряды, результаты архивных изысканий. Несмотря на персонифицированный характер отдельных элементов коллекции, в целом она представляет поэзию, как коллективный творческий феномен культуры в процессе его развития от эпохи Ломоносова до нашего времени.

Контент ресурса по своей проблематике носит монографический характер и посвящен исключительно поэтическому творчеству преподавателей и студентов университета. Но если рассматривать его в культурологическом ракурсе, как коллективный творческий феномен, необходимо отметить его очевидную многоаспектность.

Направлением контента Internet-ресурса является актуализация и презентация творчества и бытования отдельных персон или сообществ, действующих в определенных территориальных и исторических областях и представляющих интерес с точки зрения развития отечественной культуры. Одной из таких областей является сообщество студентов, выпускников и преподавателей Московского университета, в деятельности и творчестве которых отразились

все основные тенденции развития русской культуры.

Данный проект воссоздает своеобразное литературное и историческое пространство от эпохи Ломоносова до нашего времени, где представлены вместе талантливые личности и поэты. Основным критерием отбора материала являлось не принадлежность авторов к тому или иному литературному направлению или эпохе, а наличие формальной связи с Московским университетом, что, в частности, приводит к тому, что среди авторов широко представлены ученые гуманитарного и естественнонаучного направлений, для которых занятия литературой не являлось основной сферой деятельности. Архивные, музейные, библиотечные материалы, собранные и представленные на ресурсе, демонстрируют возможность не только актуализировать исторические и научные реалии, но и реконструировать на их основе картину культурной жизни в Московском университете в период с середины XVIII века и до наших дней.

Библиографический список

1. Архив Российской академии наук, М. (АРАН). Ф. 1828. Оп.1, № 664. Л. 7.

2. Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск : Водолей, 1999. 640 с.

3. Кондаков И. В. Где ангелы реют (Русская литература как единый текст) // Вопросы литературы. Москва : 2000. № 5. С. 3–44. URL: https://voplit.ru/article/gde-angely-reyut-russkaya-literatura-xx-veka-kak-edinyj-tekst/ (дата обращения 08.05.2020).

4. Лётина Н. Н. Теоретико-методологические основания изучения проблемы «рубежности» как культурфилософского концепта // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1, вып. 3. С. 233, 238.

5. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. М. (ОПИ ГИМ). Ф. 56. Д. 664. Лл. 40–41.

6. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М. (ОРКиР НБ МГУ).

7. Отдел рукописей Государственного музея истории литературы им. В. И. Даля, М. (ОР ГЛМ).

8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, СПб.). Ф. 60. Ед.хр.112. Карт. № 21–24.

9. Поэзия Московского университета от Ломоносова и до… Книга 1: от Михаила Ломоносова (род. 1711) до Николая Цертелева (род. 1790) / сост. Г. А. Воропаева. Москва : НИВЦ МГУ – Бослен, 2005. 430 с.

10. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до…: кн. 5: от А. Белого до П. Флоренского / М. И. Воронцова, А. М. Мирзаев, Н. Н. Перцова и др. Москва : НИВЦ МГУ – Бослен, 2010. 397 с.

11. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ, М.). Ф. 21. Оп. 1. Ед.хр. 47; Ф. 2102. Оп. 1. Ед.хр. 1. Лл. 1–4; Ф. 3127. Ед.хр. 12.

12. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Г–К / ред. П. А. Николаев. Москва : Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. 624 с.

13. Русские поэты XX века. Материалы для библиографии / сост. Л. М. Турчинский. Москва : Знак, 2007. 425 с.

14. Тарумова Н. Т. К 300-летию М. В. Ломоносова. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... / Н. Н. Леонтьева, Н. Т. Тарумова. Москва : НИВЦ МГУ – Московский университет, 2011. 520 с.

Reference List

1. Arhiv Rossijskoj akademii nauk = Russian science academy archive. M. (ARAN). F.1828. Op.1, № 664. L. 7.

2. Bogomolov N. A. Russkaja literatura pervoj treti XX veka. Portrety. Problemy. Razyskanija = Russian literature of the first third of the XX century. Portraits. Problems. Foreclosure. Tomsk : Vodolej, 1999. 640 s.

3. Kondakov I. V. Gde angely rejut (Russkaja literatura kak edinyj tekst) = Where angels toss(Russian literature as a single text) // Voprosy literatury. Moskva : 2000. № 5. S. 3–44. URL: https://voplit.ru/article/gde-angely-reyut-russkaya-literatura-xx-veka-kak-edinyj-tekst/ (data obrashhenija 08.05.2020).

4. Ljotina N. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovanija izuchenija problemy «rubezhnosti» kak kul'turfilosofskogo koncepta = Theoretical and methodological base of studying the problem of «turning point» as a cultural and philosophical concept // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. T. 1, vyp. 3. S. 233, 238.

5. Otdel pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja = The department of written sources of the State history museum M. (OPI GIM). F. 56. D. 664. Ll. 40–41.

6. Otdel redkih knig i rukopisej Nauchnoj biblioteki MGU = The department of rare books and manuscripts of the Scientific library of MSU .M. (ORKiR NB MGU).

7. Otdel rukopisej Gosudarstvennogo muzeja istorii literatury im. V. I. Dalja =The department of manuscripts of the State history of literature museum named after V. I. Dal. M. (OR GLM).

8. Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki (OR RNB, SPb.) = The department of manuscripts of Russian national library (OR RNB, SPb). F. 60. Ed.hr.112. Kart. № 21–24.

9. Pojezija Moskovskogo universiteta ot Lomonosova i do… Kniga 1: ot Mihaila Lomonosova (rod. 1711) do Nikolaja Certeleva (rod. 1790) = Moscow University poetry from Lomonosov and to... Book 1: from Michail Lomonosov (b.1711) to Nikolay Tsertelev (b.1790) / sost. G. A. Voropaeva. Moskva : NIVC MGU – Boslen, 2005. 430 s.

10. Pojezija Moskovskogo universiteta: ot Lomonosova i do…: kn. 5: ot A. Belogo do P. Florenskogo = Moscow University poetry from Lomonosov and to...:b.5: from A. Bely to P. Florensky M. I. Voroncova, A. M. Mirzaev, N. N. Percova i dr. Moskva : NIVC MGU – Boslen, 2010. 397 s.

11. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI, M.) = Russian state literature and art archive (RGALI, M). F.21. Op. 1. Ed.hr. 47; F.2102. Op. 1. Ed.hr. 1. Ll. 1–4; F.3127. Ed.hr. 12.

12. Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'. G–K Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary. G-K / red. P. A. Nikolaev. Moskva : Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 1992. T. 2. 624 s.

13. Russkie pojety XX veka. Materialy dlja bibliografii = Russian poets of the XX century. Materials for a bibliography / sost. L. M. Turchinskij. Moskva : Znak, 2007. 425 s.

14. Tarumova N. T. K 300-letiju M.V. Lomonosova. Pojezija Moskovskogo universiteta: ot Lomonosova i do... = To the 300-th anniversary of M.V. Lomonosov . Moscow university poetry : from Lomonosov and to... / N. N. Leont'eva, N. T. Tarumova. Moskva : NIVC MGU – Moskovskij universitet, 2011. 520 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахапкина Дарья Николаевна – студентка филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. E-mail: a.darja2010@yandex.ru

Баринова Ольга Михайловна – аспирант кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций ГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет». 127051, г. Москва, ул. Стеренка, д. 29. E-mail: barinova.olga.m@gmail.com

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД Российской Федерации». 603081, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3. E-mail: beglovaelena@yandex.ru

Беляева Наталья Васильевна – доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории общего филологического образования ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО». 101000, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16. E-mail: n-belyaeva@yandex.ru

Беренкова Виолетта Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина». 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13. E-mail: berenkovs@mail.ru

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2. E-mail: e71mih@mail.ru

Бутько Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: mishka2205@yandex.ru

Воронцова Инна Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: arinna1@yandex.ru

Голубева Софья Александровна – доцент кафедры грамматики английского языка ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1. E-mail: sofyagolubeva@yandex.ru

Громыко Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». 160000, г. вологда, ул. Ленина, д. 15. E-mail: ling2007@yandex.ru

Добрецова Светлана Александровна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: svetik-dobrecova@rambler.ru

Ермолаева Нина Леонидовна – доктор филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39. E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru

Жуков Андрей Павлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. E-mail: andreszh@yandex.ru

Заседателев Юрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». 150023, г. Ярославль, Московский проспект, д. 88. E-mail: zasedatelevya@ystu.ru

Зимина Лариса Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: larissazimina@mail.ru

Иванов Николай Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Ильинская Татьяна Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных и русского языков Военного института (инженернотехнического) Военной академии материальнотехнического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева. 191123, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, д. 22. E-mail: tb-il3@yndex.ru

Калинина Татьяна Жяудятовна – магистр образования по направлению «Гуманитарные знания», преподаватель русского языка в Шидзяджуанском железнодорожном профессионально-техническом институте. 050000, КНР, уезд Чжендин, г. Шидзяджуан, провинция Хэбэй. E-mail: tatjana-kalinina5@rambler.ru

Ковалев Борис Вадимович – студент филологического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. E-mail: bvkovalev@yandex.ru

Колышкина Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: ktb-10@mail.ru

Коптелова Наталия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Косогорова Христина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: christina_kos@mail.ru

Кузьмин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления». 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40-в. E-mail: a-kuzmin@mail.ru

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: tgkuchina@mail.ru

Лапковская Наталия Сергеевна – соискатель кафедры германской и романской филологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет». 400062, г. Волгоград, Университетский просп., д. 100. E-mail: jacks87@mail.ru

Личак Наталия Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». 150023, г. Ярославль, Московский проспект, д. 88. E-mail: lichakna@ystu.ru

Лукин Олег Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Макарова Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, редактор Издательства ООО «ЛЕКСРУС». 119021, г. Москва, Гоголевский бульвар, д. 8, стр. 3. E-mail: svetlanamakarova658@gmail.com

Мельник Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологий». 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1. E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Морозов Александр Сергеевич – студент 4 курса факультета международных отношений ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений МИД РФ». 119454, г. Москва, просп. Вернандского, д. 76. E-mail: kseniazokirova@mail.ru

Наместникова Анастасия Вячеславовна – преподаватель французского и английского языков ЧУ ДО Школа Дмитрия Никитина. 150000, г. Ярославль, площадь Челюскинцев, д. 16. E-mail: namestnikova91@inbox.ru

Новиков Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Новичихина Марина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». 394036, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1. E-mail: novichihiname@mail.ru

Овчинникова Ася Сергеевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и гуманитарных дисциплин АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА». 300026, г. Тула, ул. Рязанская, д. 1. E-mail: asyaovchinnikova @gmail.com

Овчинникова Галина Витальевна – заведующая кафедрой лингвистики и гуманитарных дисциплин АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА». 300026, г. Тула, ул. Рязанская, д. 1. E-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

Пермиловская Анна Борисовна – заведующая научным центром традиционной культуры и музейных практик ФГБУН «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова РАН». 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23. E-mail: annaperm@fciarctic.ru

Плоцкая Юлия Валериевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет». 644099, г. Омск, ул. Ленина, д. 12. E-mail: inconnue1@mail.ru

Самойленко Никита Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». 394000, г. Воронеж, Московский просп., д. 14. E-mail: samoilenkons@gmail.com

Северская Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН». 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2. E-mail: oseverskaya@mail.ru.

Сергеева Юлия Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики английского языка ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1. E-mail: zork_lipa@mail.ru

Скуратов Игорь Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, г. Москва, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Солнцева Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, г. Москва, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: av.solntseva@mgou.ru

Тарумова Наталья Тимофеевна – кандидат культурологии, ведущий специалист научно-исследовательского вычислительного центра ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова». 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 4. E-mail: n-tarumova@yandex.ru

Тюкина Людмила Александровна – старший преподаватель, заведующая кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». 150023, г. Ярославль, Московский проспект, д. 88. E-mail: ltyukina@yandex.ru

Хамарханова Екатерина Владимировна – старший преподаватель кафедры медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления». 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40 в. E-mail: hamar68@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Шустина Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: shustina-irina@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ahapkina Darja Nickolaevna – student of philology department of Moscow state university named after M.V. Lomonosov. 119991, c. Moscow GSP-1, Lenin hills, h.1, str.51. E-mail: a.darja2010@yandex.ru

Barinova Olga Michailovna – post-graduate student of lingvo-didactics and intercultural communications department of Moscow state psychologopedagogical university. 127051. c. Moscow, st. Sterenka, h. 29. E-mail: barinova.olga.m@gmail.com

Beglova Elena Ivanovna – doctor of philological sciences, associate professor, professor of foreign language and culture of speech, Nizhny Novgorod academy of Ministry of internal affairs of Russia. 603081, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye road, 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Belyaeva Natalja Vasiljevna – candidate of pedagogical sciences, head scientific member of general philological education laboratory of Institute of education development strategy of RAO. 101000, c. Moscow, st. Makarenko, h. 5/16. E-mail: n-belyaeva@yandex.ru

Berenkova Violetta Michailovna – candidate of philological sciences, associate professor of foreign languages department of Kubansky state agricultural university named after I. T. Trubilin. 350044, c. Krasnodar, st. Kalinina, h. 13. E-mail: berenkovs@mail.ru

Boldireva Elena Michailovna – doctor of philological sciences, associate professor, professor of Fjreign languages Institute of South-West university. KNR, 400715, c. Chuntsin, Baybay district, st. Tanshen, h.2. E-mail: e71mih@mail.ru

Butko Julia Valerjevna – candidate of philological sciences, associate professor of romance languages of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, c. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: mishka2205@yandex.ru

Vorontsova Inna Alekseevna – candidate of philological sciences, associate professor of theory and practice translation department of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, c. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: arinna1@yandex.ru

Golubeva Sofia Alexandrovna – associate professor of English language grammar department of Moscow pedagogical state university. 119435, c. Moscow, st. Malaya Pirogovskaya, h. 1/1. E-mail: sofyagolubeva@yandex.ru

Gromiko Sergey Alexandrovich – candidate of philological sciences, associate professor of Russian language, journalism and theory of communicaton department of Vologda state university. 160000, c. Vologda, st. Lenina, h. 15. E-mail: ling2007@yandex.ru

Dobretsova Svetlana Alexandrovna – candidate of Culturology, senior lecturer of culturology department of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, c. Yaroslavl, h. 108/1. E-mail: svetik-dobrecova@rambler.ru

Yermolaeva Nina Leonodovna – doctor of philological sciences, associate professor of Ivanono state university . 153025, c. Ivanovo, st. Yermaka, h. 39. E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru

Zhukov Andrey Pavlovich – candidate of philological sciences, associate professor of foreign literatures history of St.-Peresburg state university. 199034, c, S-Petersburg, Universitetskaya nab., h. 7/9. E-mail: andreszh@yandex.ru

Zasedatelev Yury Alexandrovich – candidate of historical sciences, associate professor, head of the humanities department of Yaroslavl state technical university. 15023, Moskovsky av., h. 88. E-mail: zasedatelevya@ystu.ru

Zimina Larisa Ivanovna – candidate of philological sciences, associate professor of foreign languages department of Yaroslavl state pedagogical university names after K.D. Ushinsky. 150000, c. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h, 108/1. E-mail: larissazimina@mail.ru

Ivanov Nikolay Nikolajevich – doctor of philological sciences, professor of theory and methodology of philological disciplines teaching department of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, c. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h, 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Iljinskaya Tatjana Borisovna – doctor of philological sciences, professor of foreign and russian languages of Military institute of (engineer-technical) of Military academy of materialno-technichesky providing named after the general of the army A.V. Hrulev. 191123, c, St.-Petersburg, st. Zaharjevskaya, h. 22. E-mail: tb-il3@yndex.ru

Kalinina Tanjana Zhaudjatovna – MA of education the lecturer in Shidzjadzhuansky rail-way professionally-technical institute. 050000, KNR, d. Chzhendin, c. Shidzjadzhuan, province Hebey. E-mail: tatjana-kalinina5@rambler.ru

Kovalev Boris Vadimovich – student of philological department of St.-Petersburg state university. 199034. c. St.-Petersburg, Universitetskaya nab., h. 7/9. E-mail: bvkovalev@yandex.ru

Kolishkina Tatjana Borisovna – candidate of philological sciences, associate professor of theory of communication and advertisement department of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, c. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: ktb-10@mail.ru

Koptelova Natalia Gennadjevna – doctor of philological sciences, professor of russian philology department of Kostroma state university. 156005, c. Kostroma, st. Dzerzhinsky, h. 17. E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Kosogorova Hristina Gennadjevna – candidate of philological sciences, associate professor, the head of the romance languages department of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D.Ushinsky. 150000, c, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, 108/1. E-mail: christina_kos@mail.ru

Kuzmin Andrey Vladimirovich – candidate of philosophical sciences, associate professor, the head of mediacommunications department of East Siberian state university of technologies and management. 670013. c. Ulan-Ude, st. Kljuchevskaya, h. 40-v. E-mail: a-kuzmin@mail.ru

Kuchina Tatjana Gennadjevna – doctor of philological sciences, professor of russian literature department of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, 150000, c. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, 108/1. E-mail: tgkuchina@mail.ru

Lapkovskaya Natalia Sergeevna – applicant of german and romance philology department of Volgograd state university.400062, c. Volgograd, Universitetsky av., h. 100. E-mail: jacks87@mail.ru

Lichak Natalia Sergeevna – doctor of cultural sciences, professor of humanitarians department of Yaroslavl state technical university, 150023, c. Yaroslavl, Moskovsky av., h. 88. E-mail: lichak-na@ystu.ru

Lukin Oleg Vladimirovich – doctor of philological sciences, professor, the head of theory of the language and german language department of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, c. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Makarova Svetlana Anatoljevna – doctor of philological sciences, publishing house OOO «Lexrus» editor.119021. c. Moscow, Gogolevsky boulevard, h. 8, str. 3. E-mail: svetlanamakarova658@gmail.com

Melnik Vladimir Ivanovich – doctor of philological sciences, professor of linguistics and literary studies department of Moscow state design and technologies university. 117997, c. Moscow, st. Sadovnicheskaya, h. 33, str. 1. E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Morosov Alexandr Sergeevich – 4-year-student of foreign relations faculty of Moscow state institute of international relations of MID RF. 119454, c. Moscow, av. Vernadskogo,h. 76. E-mail: kseniazokirova@mail.ru

Namestnikova Anastasiya Vjacheslavovna – french and english teacher of Dmitry Nikitin's school. 150000, c. Yaroslavl, sq. Cheluskintsev, h. 16. E-mail: namestnikova91@inbox.ru

Novikov Michail Vasiljevich – doctor of historical sciences, professor, Honoured worker of science of RF, head of the theory and methodology of professional education department of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, c. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Novichihina Marina Evgenjevna – doctor of philological sciences, professor of PR, advertisement and design department of Voronezh state university. 394036, c. Voronezh, Universitetskaya sq., h.1. E-mail: novichihiname@mail.ru

Ovchinnikova Asya Sergeevna – senior lecturer of linguistics and humanitarians department of International police academy of VPA. 300026, c. Tula, st. Rjasanskaya, h. 1. E-mail: asyaovchinnikova@gmail.com

Ovchinnikova Galina Vitaljevna – head of the linguistics and humanitarians department of International police academy of VPA. 300026, c. Tula, st. Rjasanskaya, h. 1. E-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

Permilovskaya Anna Borisovna – the head of the scientific center of traditional culture and museum practices of Federal research center of complex studying of Arctics named after academician N.P. Laverov of RAN. 163000, c. Archangelsk, emb. South Dvina, h. 23. E-mail: annaperm@fciarctic.ru

Plotskaya Yulia Valerievna – senior lecturer of foreign languages department of Omsk state medical university. 644099, c.Omsk, st. Lenin, h. 12. E-mail: inconnue1@mail.ru

Samoilenko Nikita Sergeevich – candidate of philological sciences, senior lecturer of russian language and intercultural communication department of Voronezh state technical university. 394000, c. Voronezh, Moskovsky av., h. 14. E-mail: samoilenkons@gmail.com

Severskaya Olga Igorevna – candidate of philological sciences, associate professor, leading scientific worker of Russian language institute named after V.V. Vinogradov of RAN. 119019, c. Moscow. st. Volhonka, h. 18/2. E-mail: oseverskaya@mail.ru

Sergeeva Yulia Michailovna – doctor of philological sciences, associate professor, professor of english language grammar department of Moscow pedagogical state university. 119435, c. Moscow, st. Malaya Pirogovskaya, h. 1/1. E-mail: zork_lipa@mail.ru

Skuratov Igor Vladimirovich – doctor of philological sciences, associate professor, professor of romance philology department of institute of linguistics and intercultural communication of Moscow state regional university. 141014, c. Moscow, st. Veri Voloshinoj. h. 24. E-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Solntseva Anna Vladimirovna – candidate of philological sciences, associate professor of romance philology department of Moscow state regional university.141014, c. Moscow, st. Veri Voloshinoj. h. 24. E-mail: av.solntseva@mgou.ru

Tarumova Natalja Nimofeevna – candidate of cultural sciences, leading specialist of science-reseach computational center of Moscow state university named after M.V. Lomonosov. 119234, c. Moscow, Lenin hills, h. 1, str. 4. E-mail: n-tarumova@yandex.ru

Tukina Ludmila Alexandrovna – senior lecturer, the head of foreign languages department of Yaroslavl state technical university. 150023, c. Yaroslavl, Moskovsky av., h. 88. E-mail: ltyukina@yandex.ru

Hamarhanova Ekaterina Vladimirovna – senior lecturer of mediacommunications department of East-Syberian state university of technologies and management. 670013, c. Ulan-Ude, st. Kluchevskaya, h. 40-v. E-mail: hamar68@mail.ru

Hrenov Nikolay Andreevich – doctor of philosophical sciences, professor, senior scientific worker of media and mass arts department of spectacular and entertaining culture sector of State institute of art history. 125009, c, Moscow, Kositsky per., h. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Shustina Irina Viktorovna – candidate of philological sciences, associate professor, the head of theory of communicaton and advertisement department of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, c. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, 108/1. E-mail: shustina-irina@rambler.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – С. Л. Круглова

Объем 35,75 п. л., 30,8 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 67. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.06.2020
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32-98-69